Феликс В. Крес
Громбелардская легенда

Книга Всего –

- Alex1979. OCR - Nog. ReadCheck - Nog, Alex1979 http://oldmaglib.com
«Феликс В. Крес "Громбелардская легенда"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб.; 2010
ISBN 978-5-699-42170-1

Аннотация

Громбелард — край вечных дождей и неприступных гор. Эти земли навеки прокляты и отравлены могущественными силами — Шернью и Алсром, — не совместимыми, как свет и тьма, лед и пламя, и ведущими между собой бесконечную войну. Лишь королева гор, прозванная Охотницей, чувствует себя здесь хозяйкой. Она охотится на стервятников, которым подвластно небо, ее равно уважают разбойники и подданные империи, и сам князь — представитель императора — склоняет перед ней голову. Причина в том, что эта полудикая женщина таит в себе величайшую из загадок — тайну сил, которые держат мир в равновесии, сил, способных или этот мир уничтожить, или избавить его от гибели.

Феликс В. Крес
«Громбелардская легенда»

Ее высокоблагородию Н. Р. М. Верене, первой наместнице верховного судьи Имперского трибунала в Тромбе

Ваше высокоблагородие!

Прежде всего прошу простить меня за то, что не предстал перед вашим благородием лично. Я незамедлительно сделаю это, как только будет возможно, сейчас же, однако, в силу недомоганий, свойственных пожилому возрасту, никоим образом не в состоянии прибыть к вашему высокоблагородию, ибо обрек бы ваши глаза на воистину жалкое зрелище. Я отнюдь не жалуюсь, напротив, лишь оправдываюсь. Я знаю, сколь важно для вашего высокоблагородия время, и потому спешу передать плоды порученной мне работы, полагая, что особа скромного ремесленника здесь не самая важная.

Ваше высокоблагородие, в соответствии с полученным распоряжением я не щадил труда и усилий, чтобы собрать как можно больше сведений, касающихся жизни известной особы. Да позволено мне будет нескромно заметить, что в течение всего лишь двух лет — ибо лишь столько ваше высокоблагородие

выделили мне времени — никто не сумел бы узнать больше, а ведь в мои обязанности входило еще тщательно записать все собранные истории. Подавляющее большинство этого времени было потрачено на многочисленные путешествия, в особенности в Дартан, хотя я и не скрываю, что эта часть задания была для меня самой приятной. Тяжелые горы — ваше высокоблагородие должны с этим согласиться — не то место, что могло бы хоть каким-то образом сравниться с дартанской Золотой Роллайной. Однако я не могу чувствовать себя в чем-то обиженным и не посмел бы жаловаться, ибо для скромного летописца поручение дочери императора само по себе уже достаточная награда, а ведь невозможно забыть также и о вашей великой щедрости. Теперь мне остается лишь просить прощения, что осмеливаюсь приложить к своему труду столь короткое и немногословное письмо. Я не отважился растягивать его на много страниц, зная, сколь ценно время первой наместницы судьи трибунала. Сотни исписанных листов, которые положит перед вашим высокоблагородием мой посланник, пусть выступят в мою защиту.

В самом конце позволю себе приложить тщательный и добросовестный подсчет всех расходов, которые не покрыл выплаченный мне казначеем вашего высокоблагородия аванс.

С надеждой, что ваше высокоблагородие не забудет о честном и прилежном ремесленнике, если еще когда-нибудь решит поручить кому-либо подобного рода работу, подписываюсь с величайшим уважением и благодарностью за оказанную мне честь

Ц. Зеризес, летописец

КНИГА ПЕРВАЯ
Сердце гор

Закон стервятников
(поступок воина)

1

Помещения офицеров гарнизона располагались на втором этаже; к ним вела крутая, вечно погруженная во мрак лестница. Поднявшись по ней, надсотник прошел по недлинному коридору. Внутри здание сильно напоминало армектанский постоялый двор с комнатами для гостей. С некоторого времени сотники и подсотники Громбелардского легиона в Бадоре жили достаточно комфортно; у каждого была собственная комната — большая редкость в других гарнизонах. Найдя нужную дверь, комендант открыл ее без стука. Его ослепил все еще яркий, несмотря на вечер, солнечный свет, падавший через широко распахнутое окно. Полуобнаженная девушка, опиравшаяся руками о подоконник, оглянулась через плечо; с языка ее, похоже, готово было сорваться острое словцо. Однако, увидев вошедшего, она повернулась и вытянулась в струнку. В струнку — почти голая…

Он долго смотрел на нее, не говоря ни слова. Он не знал, как себя вести с… такими. Зря он поднимался, нужно было послать дежурного легионера. Хотя… собственно, он ведь сам хотел к ней зайти. Он намеревался распорядиться свободным временем своей подчиненной и хотел показать, что подобные посещения не являются обычаем. Но в войске не было места подобным любезностям. Впрочем, даже если…

Он понимал, что ситуация является неловкой лишь для него самого, и это его раздражало. Армектанская лучница попросту ожидала распоряжений. Похоже, она даже не осознавала — и наверняка не помнила, — что раздета.

— Явишься ко мне. Немедленно. Одетая, — подчеркнул он, разозленный не на шутку, поскольку виноват был исключительно сам: после службы, в собственной комнате, она имела право ходить в такой одежде, в какой считала нужным. — Хватит с меня этих ваших

голых сисек. Здесь войско, городской гарнизон в Бадоре, в Громбеларде. В Громбеларде! Дошло это хоть до тебя, армектанка?

Он повернулся и вышел, громыхая сапогами по лестнице. Она не успела даже подтвердить, что поняла приказ. Скорчив злобную гримасу, девушка топнула ногой и показала пустым дверям язык.

Она была в не меньшей ярости, чем комендант Арген.

Да, увы, это правда: она оказалась в Громбеларде. Армектанская простота нравов была неуместна в этом отвратительном, угрюмом и дождливом краю; впрочем, она была бы неуместна в любой из провинций империи. Иногда попытки делались в Дартане, но прихоти дартанских магнатов были неприемлемы в громбелардских горах. Дикость! Самая настоящая дикость! В Армекте офицер после службы охотно пил пиво или вино в обществе простых солдат и при этом каким-то образом сохранял свой авторитет. Здесь подобное просто невозможно было вообразить. Ей приходится постоянно расхаживать в мундире, спать в страшной ночной рубашке (а как же, выдали!), а может быть, даже притворяться, что никогда не ходит по нужде, поскольку подобное наверняка недостойно офицера!

Она не думала, что будет так тяжело.

Ее прислали сюда во главе десятки лучниц, чтобы те обучали громбелардцев стрельбе; здесь это оружие использовалось редко и не было популярным. Неизвестно, кто придумал послать сюда одних девушек, — достаточно того, что идея эта могла родиться лишь в больном воображении. Кто-то наверняка решил, что искусство женщин — которых почти не было в Громбелардском легионе — пристыдит местных вояк и склонит их приложить все усилия, чтобы перенять опыт. И действительно, у двух уже начал увеличиваться живот (комендант об этом еще не знал). Почетная миссия армектанских лучниц неминуемо должна была закончиться полным позором. Надсотник Арген с самого начала не скрывал своих опасений. «Вас прислали сюда мне в помощь, но чувствую я, что будут одни хлопоты, — сказал он при встрече. И добавил: — Заботься о себе, подсотница, и следи за своими подчиненными. Я знаю Армект, это совсем иной край, нежели Громбелард». И оказался прав. Однако она не думала, что будет настолько тяжко.

Сидя на койке, она нервно грызла ногти, но внезапно вспомнила приказ коменданта и вскочила. «Явишься немедленно», — сказал он. У Аргена «немедленно» означало: немедленно.

Форменная юбка, к счастью, была на ней, рубашка лежала на койке, но поддоспешник куда-то делся; она нашла только кольчугу и натянула ее прямо на рубашку. Офицерский мундир висел на колышке, вбитом в стену, и поспешный неосторожный рывок привел к тому, что в ткани появилась солидных размеров дыра. Сапоги были на месте. Пояс с мечом она застегивала уже на лестнице, пряжка не поддавалась, но в конце концов с ней удалось справиться. Солдаты во дворе, похоже, не замечали отвратительного моросящего дождя, зато с немалым любопытством поглядывали на бегущую подсотницу (которая наверняка должна была вышагивать гордо и с достоинством). Ворвавшись в здание комендатуры, она направила палец на часового:

— Доложи обо мне коменданту, сейчас же!

Она остановилась в зале для докладов. Солдат исчез за соседней дверью и тотчас же вернулся. Мгновение спустя она оказалась в комнате Аргена. Он стоял у окна, заложив руки за спину. Похоже, он видел, как она неслась через двор.

— Можешь не докладывать, — сказал он, поворачиваясь к ней. Он испытующе посмотрел на нее, и она поняла, что, как всегда, ни одна мелочь не ускользнет от его взгляда. Она ожидала сурового выговора, однако надсотник лишь вздохнул и сказал неожиданно тихо, заботливо, почти по-домашнему:

— Ради всех сил на свете, дочка…

Потом добавил все с той же грустью:

— Без подстежки, в мундире дыра… Юбка мятая и грязная, а сапоги, могу побиться об заклад, месяц не чищены. Ты посмешище и дурной пример для солдат. Я сделаю все, чтобы

прервать твою военную карьеру, ибо твой вид — оскорбление для меня и других офицеров. Я пошлю рапорт твоему коменданту в Рине.

Видно, некие темные силы решили сделать все, чтобы окончательно ее уничтожить, ибо как раз в этот момент плохо застегнутая пряжка разошлась и меч чуть не упал на пол — она едва успела его подхватить. Арген даже бровью не повел, словно подобное было для его офицеров чем-то совершено нормальным. Он лишь смотрел на нее, будто ожидая, что сейчас у нее отвалится рука или нога.

— Конец обучению, — сказал он. — Больше стрельбы из лука не будет, я вас отсылаю. У меня для тебя последний… — Он не сказал «приказ». — У меня еще одна просьба. Предстоят кое-какие хлопоты, и я хотел бы, чтобы ты мне помогла.

— Так точно, — тихо отозвалась она, не скрывая отчаяния.

— Ну, садись.

На столе лежали какие-то бумаги и большой гарнизонный журнал. Он отодвинул все вбок, и они сели по обе стороны стола.

— Ты скверный офицер, Каренира, но вполне приличная и неглупая девушка, — начал он, и лучница поняла, что разговор будет носить совершенно неофициальный характер. — Я хочу сказать, что чувствую себя виноватым, поскольку мог сделать из тебя солдата, но не слишком пытался. С самого начала я считал, что твоя миссия здесь закончится… ничем. Ну ладно. У меня есть для тебя задание, слишком, пожалуй, трудное для некоторых моих офицеров. По крайней мере для тех, которые у меня под рукой. Поэтому я подумал о тебе.

Она вытаращила глаза.

— Я получил письмо от мудреца Шерни, — продолжал он, делая вид, что не замечает выражения ее лица. — От Дорлана-посланника.

Это имя было известно во всем Шерере, и от удивления она просто остолбенела. Комендант Арген получал письма от величайшего мудреца мира! От самого могущественного из всех, когда-либо принятых Шернью!

— По каким-то причинам Дорлан-посланник не может появиться в Бадоре. Не знаю почему, это его дело, оно не должно волновать ни тебя, ни меня. Он оказывает мне великую услугу, объясняя причины, по которым стервятники в последнее время облюбовали эту часть гор. — Он чуть поморщился, упоминая о крылатых разумных. — В течение нескольких ближайших дней он будет в окрестностях Кривых скал, это в двух днях пути отсюда, впрочем, ты получишь проводника. Там ничего нет, не знаю, зачем мудрецу Шерни… но это нас тоже не волнует. У меня немало сомнений и вопросов к Дорлану. Ты доставишь ему письмо от меня. — Он взял со стола запечатанное письмо. — Ты из хорошей семьи, знаешь историю Шерера, насколько мне известно, немного говоришь по-дартански, — перечислял он.

— Я год служила в дартанском гарнизоне… собственно, в пограничье.

— Я помню, мне известен твой послужной список. Именно поэтому я предпочитаю послать к Дорлану тебя, а не медведя, который знает одни уставы и умеет размахивать мечом. А самое главное — то, что ты мало знаешь о Тяжелых горах и стервятниках. Сомневаюсь, чтобы у Дорлана-посланника было время и желание заниматься писаниной. Ответы на мои вопросы он передаст наверняка устно, а ты их запомнишь и повторишь мне слово в слово. У моих офицеров давно уже сложилось мнение обо всех этих делах, так что если я пошлю одного из них, то он запомнит лишь то, что сам сочтет важным, ибо так действует человеческий разум. Я рассчитываю, что ты запомнишь все без исключения и повторишь мне в точности, а я сам отделю зерна от плевел. Возьмешь пятерых легионеров в качестве сопровождения. В горах спокойно, но я хочу, чтобы тебе ничто не угрожало. Эта миссия, хотя и не носит военного характера, крайне для меня важна. Кроме того, как проводник и помощник, с тобой пойдет десятник Барг, из арбалетчиков. Мне кажется, несмотря ни на что, вы довольно неплохо сотрудничали.

— Да, я очень… — Она запнулась. — Очень его люблю, — тихо закончила она, ибо это не имело никакого значения.

— Так я и думал. Это все. Вот письмо, отправляешься завтра, еще до рассвета.

Она вскочила.

— Так точно. Я… спасибо.

Когда она была уже у двери, он сказал ей вслед:

— Надеюсь, ты справишься.

Ей стало ясно, что ей дали шанс. Что надсотник не хочет, по каким-то причинам, писать рапорт в Рину. Очень осторожно она закрыла за собой дверь.

2

Л. С. И. Рбит, огромный бурый кот из породы гадбов, имя которого знаменито было во всем Громбеларде, друг и заместитель Басергора-Крагдоба, короля гор и горных разбойников, ленивой трусцой преодолевал милю за милей. Миссия его была крайне важна — настолько важна, что он не мог поручить ее никому из своих подчиненных. Он должен был отыскать укрытия трех больших местных отрядов, оценить их силу и методы командования ими. Завершившаяся какое-то время назад военная облава значительным образом изменила соотношение сил в окрестностях Бадора. Рбит хотел знать, кто здесь сейчас правит; с недавнего времени до него доходили всевозможные слухи и сплетни…

Вопреки распространенному мнению, дикие горные банды, бродившие по громбелардским ухабам, отличались незаурядной дисциплиной. С незапамятной поры всегда существовал вождь разбойников, который был сильнее других и которого — по крайней мере номинально — все считали своим предводителем. Однако руководство это осуществлялось по-разному. Из уст в уста передавались имена нескольких разбойничьих вожаков, правивших в Тяжелых горах железной рукой, — но сотня других навсегда исчезла в мраке забвения. Однако уже несколько лет Тяжелыми горами владел человек по прозвищу Крагдоб — что означало «хозяин» или «король». Почти каждый предводитель разбойников брал себе это имя, но почти никто не в силах был заставить подчиненных к нему по этому имени обращаться… Однако на этот раз его носил человек, который стал легендой уже при жизни. Никто никогда не правил горами столь решительно; никто прежде не пользовался столь всеобщим признанием и уважением.

Рбит появился под Бадором, чтобы проверить, не дала ли какой-либо трещины власть его друга. Порой случалось, что некая группа чересчур набиралась сил; бывало, что предводитель такой группы начинал строить далеко идущие планы…

Маленькое пятнышко, висящее под низкими тучами, наверняка не привлекло бы ничьего внимания ни в какой другой части света. Но здесь, в сердце Тяжелых гор, птицы были редкостью. В особенности большие птицы… Рбит припал к земле и застыл неподвижно; бурый мех был почти незаметен на фоне окрестных скал, а довольно широкий и длинный, не слишком набитый мешок, прикрепленный к спине, сливался с ними еще больше… Рбит увидел стервятника.

Разумный крылатый хищник не представлял для него серьезной угрозы; стервятники почти никогда не нападали на путников, как на четвероногих, так и двуногих. Однако для последних они представляли смертельную опасность — ибо умели защищаться. По странной прихоти Шерни, ни один человек не в состоянии был сопротивляться силе взгляда и голоса стервятника. С котами дело обстояло иначе. Кошачий разум, являвшийся, судя по всему, неудачным творением Полос, не понимал сущности сил, правивших миром. Не чувствуя Шерни, коты прямо-таки демонстративно выказывали свою к ней неприязнь. Ни один кот никогда бы не стал посланником Полос — подобное было невозможно. Но странный недостаток — невозможность абстрактно мыслить, давал четвероногим разумным своеобразную независимость и неуязвимость. На армектанской Северной границе, где Шернь граничила с другой висевшей над миром силой, Алером, люди, оказывавшиеся под чужим небом, теряли самообладание. Ощущение того, что ты вдруг оказался не на своем месте, было столь пронизывающим, что самые отважные воины падали духом. Коты ничего

подобного не ощущали. Здесь же, в дождливой провинции, именовавшейся Облачным краем, сила взгляда стервятников на них не действовала и угрозы не представляла. В схватке с котом крылатый хищник мог рассчитывать лишь на остроту когтей и клюва. Но против громадного громбелардского гадба подобного оружия недостаточно…

Рбит не был уверен, успел ли стервятник его заметить. Он спрятался не из-за боязни этой встречи, напротив — он надеялся, что птица опустится на землю, может быть, где-то невдалеке… Распушив хвост и взъерошив шерсть на загривке, прижав уши, он готов был отложить на потом все свои дела; он мог весь день, а может быть, дня два или три кружить по окрестностям и караулить, лишь бы вонзить когти в пернатую тварь. Он ненавидел стервятников изо всех сил — как и любой кот.

Без каких-либо на то причин.

Птица, несмотря на необычайно зоркие глаза, похоже, не заметила распластавшегося на земле врага, поскольку спокойно продолжала описывать большие круги, явно в поисках поживы. В Тяжелых горах дичи было очень мало, так что мало было и падали. Рбит никогда не задумывался о том, как живут немногочисленные племена стервятников, обходящиеся без всего, что было необходимо человеку и даже коту. Крылатые разумные жили так же, как и их предки, нуждаясь лишь в пище. Однако им не хватало даже ее.

Невдалеке виднелась рощица карликовой горной сосны. Растительность в Тяжелых горах была столь же редка, как и дичь, а сами травы, мхи, кусты и деревья мало напоминали те, что можно было встретить в других частях Шерера. Все это научилось питаться одной лишь водой, ибо она в Тяжелых горах имелась в избытке: кривые сосенки оплетали корнями скалы в таких местах, где трудно было заметить даже следы почвы…

Рбит, в соответствии со своей кошачьей натурой, нисколько не удивлялся подобным чудесам. С полнейшим безразличием он воспринимал мир таким, каким его застал, и ему даже в голову не приходили вопросы «что» и «почему». Он наблюдал за рощицей, поскольку стервятник, описывая круги, иногда исчезал за кронами деревьев… Когда это произошло в очередной раз, кот, словно пружина, выскочил из своего укрытия среди скал и помчался вперед, будто его преследовали все имперские легионы, вместе взятые. Достигнув рощи, он скрылся в гуще каких-то рахитичных зарослей. Здесь стервятник не мог его увидеть.

Когда кошачий разум появился в Шерере, мир давно уже был устроен по человеческим меркам. Новый разумный вид без особого труда нашел себе место в этом мире — беря то, что ему нравилось, и без сожаления отвергая все прочее. Теперь же четвероногий мохнатый разумный с трудом, слегка неловко и неуклюже, с помощью когтей и зубов, отстегивал ремни, удерживавшие на спине плоский мешок из льняного полотна. Предмет, старательно изготовленный человеком — для кота. И проданный за придуманные человеком деньги.

В мешке находилась кольчуга, о которой можно было сказать то же самое: ее изготовил оружейник специально для кота-воина.

Методично, не спеша, с кошачьей тщательностью Рбит забирался в свои доспехи. Он просунул голову через отверстие сзади и нашел короткие рукава для передних лап. Хорошо подогнанная кольчуга прилегала к спине и бокам, лишь незначительно отвисая под брюхом, и покрывала почти все тело кота — от шеи до самого основания хвоста.

Бросив уже ненужный мешок, Рбит выглянул из кустов и стал искать птицу, вглядываясь в пространство между кронами карликовых сосен. Когда он большими прыжками помчался к краю рощи, доспехи раз-другой звякнули о камни — громко для кота, тихо для человека и почти неслышно для стервятника.

3

До перевала Хогрог, через который вел путь к Кривым скалам, они добрались поздним вечером. Лагерь разбили на краю небольшого леса; в окрестностях росло много таких чахлых рощиц. Солдаты ловко соорудили из палок и военных плащей три маленькие палатки; в каждой с некоторым трудом могли разместиться два человека. Армектанская

лучница тоже сумела бы поставить такую палатку… но у нее был только один плащ. Каренира с сожалением подумала о том, что в этих краях ничто и никогда ей не удается. Теперь ей придется спрашивать отданных ей в подчинение на краткое время легионеров, из какой палатки уйдет на пост первый солдат, чтобы она могла занять его место…

— Ваше благородие, — произнес старый десятник, подходя к ней.

Житейские мелочи порой пробуждают сильные чувства; сглотнув слюну, она почти растроганно взяла из его рук военную накидку. Этот старый солдат носил в своем мешке запасной плащ для нее; с самого Бадора он тащил с собой совершенно ненужную ему вещь, ибо знал, что она забудет. И ей придется спать — женщине и офицеру — с мужчинами-легионерами, что в Громбеларде не считалось чем-то обычным.

— Спасибо, Барг, — сказала она.

Солдаты со слабо скрываемым любопытством смотрели, как их командир ставит свою палатку. Они сделали бы это за нее, будь отдан такой приказ. Но она была армектанской лучницей среди громбелардских арбалетчиков… В гарнизоне уже убедились, что и она, и остальные девушки превосходно стреляют из луков. Однако сейчас они были в горах, и пришла пора для работы по лагерю.

Она подготовила себе ночлег столь же умело, как и они. И снискала этим определенное уважение.

Барг назначил часовых. Потом разожгли небольшой костер из влажного хвороста; эти люди даже воду бы подожгли, если бы ничего другого не оказалось… Однако она слышала о горах столько дурного, что ее удивила подобная беспечность. Огонь в тщательно выбранном месте мог быть незаметен, но запах дыма наверняка распространялся на милю или дальше. Ее не оставляли мысли об этом, когда она присоединилась к кругу ужинавших у костра подчиненных.

Барг, казалось, умел читать мысли.

— Еще недавно о том, чтобы разжигать на привале костер, и помыслить было невозможно. Но с тех пор как мы устроили облаву, разбойники сидят тихо. Еще месяц, а может быть, и два здесь будет спокойно.

— И все-таки осторожность, наверное, не помешает?

— Сейчас же прикажу погасить, только скажи, госпожа.

— Нет. Ты человек достаточно опытный, так что наверняка все именно так, как ты говоришь. Нужно прислушиваться к советам старых солдат.

Она польстила ему, возвысив его опыт в присутствии остальных легионеров. Он отстегнул меч и, положив его у ноги, улыбнулся девушке.

— Как там, в Армекте, ваше благородие? С кем вы сражаетесь? Солдаты разговаривали с твоими легионерками, и я тоже. Но легионерки многое придумывают, ну, известное дело, как и всякие женщины… Как там у вас на самом деле?

Собравшиеся у костра легионеры прислушались.

— Служба легкая, — ответила она. — У вас… не знаю, поскольку меня первый раз послали в горы, но, похоже, тяжелее, судя по тому, что я видела и слышала. У нас нет разбойников.

— Что-то такое говорят о всадниках равнин…

— Всадники — словно ветер. — Она взмахнула рукой и рассмеялась. — Сегодня здесь, завтра там… Они просто ездят туда-сюда, на равнинах они были всегда, и никто не хочет, чтобы их не было, потому что… — Она не знала, как объяснить. — Ну, они просто были всегда, как и Армект. Но они редко причиняют кому-нибудь вред, скажем, дом сожгут или убьют кого-нибудь… Они охотятся в лесах, хоть им и нельзя, ради мяса и шкур. Крестьяне дают им еду, отчасти добровольно, отчасти по принуждению, но всадники часто помогают: дров нарубят, сарай поставят… поскольку не хотят иметь повсюду врагов. Такие вот разбойники. Иногда даже легионерам помогают.

— Как это?

— Ну, они лучше всех знают равнины. Все ручьи и реки, все переправы и броды. Как-

то раз, когда из-под виселицы в Сар Соа сбежали настоящие бандиты, всадники показали нам их убежище. Они просто не хотели, чтобы злодейства тех людей приписали им.

Барг недоверчиво покачал головой, но тут же нахмурился.

— У нас тоже такое бывало, — сказал он. — Я слышал, будто в Громбе в гарнизон кто-то однажды привез одного выродка, что всю семью свою перерезал, всех детишек… Никто его не мог поймать, пока его не доставил кто-то от Крагдоба, так говорили…

— От этого… короля гор? Вот видишь…

Поставленный на огонь маленький котелок начал издавать булькающие звуки. Еще раньше в воду всыпали немного мясного порошка, и теперь каждый из солдат мог зачерпнуть пару ложек горячего бульона. Попробовала варева и подсотница.

— Зачем это? — слегка развеселившись, спросила она. — Пахнет приятно и на вкус неплохо, но зачем?

Барг сперва не понял.

— А… что так мало? — догадался он. — Сегодня, госпожа, дождя нет, но он еще может пойти. Здесь все всегда мокрое, каждый спит в мокром. Такой глоток — вроде бы немного, однако согревает словно водка, только в голову не ударяет. Если только есть возможность, каждому хочется выпить бульона. Хотя бы пару глотков.

Она кивнула.

— Так что вы делаете там, у себя в Армекте? — спросил он, отставляя опорожненный котелок в сторону.

— То же, что и вы, когда не патрулируете горы. Следим за порядком в городах и на трактах.

— Мы тоже охраняем тракт, — вмешался один из солдат.

— Да, но в Армекте у нас много дорог, очень хороших, — объяснила девушка. — Таких, по которым можно ездить даже под самым сильным дождем, твердых.

— Много дорог? Твердых? — Солдат не поверил, поскольку за всю свою жизнь видел только одну приличную горную тропу, связывавшую города Громбеларда и громко именовавшуюся трактом.

Она рассмеялась и пожала плечами, поскольку мало что знала о строительстве дорог. Они были всегда. И почти везде, поскольку вели во все большие города Армекта.

— Ну и еще у нас идет война, настоящая война, — добавила она. — На Северной границе, там, где Шерер соприкасается с Алером. Там у нас застава. Знаете, что такое Алер?

Легионеры переглянулись. Кое-что они об этом слышали.

— Край за Армектом, — ответил один, видимо самый смышленый и бывалый. — Но я слышал, будто так же называется что-то вроде нашей Шерни, только враждебное нам. Была когда-то большая война Шерни и Алера.

— Очень хорошо, — похвалила девушка. — На Северной границе Шерер соприкасается с Алером, а Полосы Шерни с Лентами Алера. Армектанский легион на севере сражается со всем, что приходит из-за границы. Это не люди и не коты, а такие твари… Я никогда их не видела, не была там, — призналась она.

— Наш комендант был, — сказал Барг.

— Да, поскольку каждый офицер легиона, неважно из какой провинции, чтобы дальше продвигаться по службе от сотника и выше, должен отслужить на Северной границе.

— Наш комендант там был? И видел этих… тварей? — допытывался один из солдат.

— А ты что, дурак, не знал? — возмутился другой.

— Ну, не знал. Откуда?..

— Да ведь каждый знает.

— А у вас? — спросила Каренира. — Я здесь уже довольно долго, но носа не высовывала из гарнизона. Только стрельба и стрельба, надсотник все время подгоняет…

Все улыбнулись, ибо знали, что это правда. Комендант Арген никому не позволял бить баклуши, не давал поблажек, был требователен к своим офицерам; те же, волей-неволей, — к своим солдатам.

— Я все время слышу о какой-то облаве, — добавила подсотница. — Что была облава…

Ей не слишком хотелось в этом признаваться, но она стыдилась расспрашивать об этом других подсотников, которые смотрели на нее как на незваного гостя — армектанку, задирающую нос, обучающую их солдат искусству, которому они сами научиться были не в состоянии.

— Была облава, — подтвердил Барг. — Предыдущий комендант Громбелардского легиона, всего легиона, тот, из Громба, что был здесь очень недолго, хотел себя показать… Так говорят. Пришел и устроил облаву. Все были против, все коменданты гарнизонов, наш тоже. Ну если на тракте и в городах спокойно, или почти спокойно, чего искать в горах? Разбойники дерутся между собой, ну и хорошо. Но были такие доводы — мол, спокойно лишь оттого, что разбойники спускаются в низины, а в горах все платят Крагдобу. Купцы, что возят товар, а в городах лавочники, даже какой-нибудь портной или сапожник… Может, это и правда. Что было, то было, но устроили в горах облаву. Мы тоже ходили. — Он кивнул своим солдатам, и трое ответили ему тем же. — Столько солдат было в горах, госпожа, аж не передать. Но с самого начала дело не заладилось, — признался он. — Вроде бы и в тайне держали ту облаву, но все в гарнизоне знали. А Крагдоб, наверное, знал даже раньше, чем мы все… Там, где мы шли, либо никого не было, либо нас ждал столь хорошо подготовленный отпор, что сломя голову бежать приходилось, такая вот правда… А больше всего не хватало лучников, — сказал он, и видно было, что говорил он это вовсе не для того, чтобы доставить ей удовольствие. — Я, госпожа, не умею стрелять из лука, но знаю, что это за оружие, знал даже еще до того, как ты появилась в Бадоре. Арбалет. О! — Он похлопал по массивному самострелу, лежавшему на расстоянии вытянутой руки. — Эта машина, госпожа, бьет без промаха и так далеко, что никакому луку с ней не сравниться. Обычно в горах легче заметить кого-нибудь, чем его поймать, поскольку если он идет по узкой тропе, да еще по крутому склону, сколько времени пришлось бы потратить, чтобы до него добраться? Но арбалет, госпожа, тяжелый арбалет — если хорошо прицелишься, с шестисот шагов попадешь этой вонючке прямо в крестец, и никакая кольчуга не поможет! Но тогда все было не так — битвы, засады… приходилось и отступать, и преследовать… Мы как-то раз окружили одно ущелье недалеко от Эгдорба. — Он показал куда-то на восток. — Они вышли прямо нам под нос, как на ладони, госпожа, а мы все дело испортили… То ли камень у кого-то из-под ноги сорвался, то ли кто-то не выдержал и слишком рано выстрелил… Никто уже не знает, но разбойники развернулись и пустились наутек. Мы послали им вслед все, что у нас было, госпожа, но потом… Если бы они спустились глубже в ущелье, было бы больше времени. Мощный арбалет не натянешь так, как лук, нужна лебедка или рукоятка, даже те легкие, ничего не стоящие, со стременем… нужно время! Твои лучницы, госпожа, всех бы их перебили, до последнего! А мы только тетивы наших арбалетов накручивали.

Барг тряхнул головой.

— И выяснилось во время всей этой облавы, что арбалет в горах, конечно, хорош, — закончил он, — но немного лучников тоже бы пригодилось. Чтобы они прикрывали арбалетчиков, пока те взводят тетивы и накладывают болты, или приканчивали разбойников, которые уже бегут.

— Немногому я вас научила, — сказала Каренира.

— Те, новенькие, из того клина, что составили из нового набора, уже вполне неплохо стреляют, — возразил десятник. — А я, госпожа, уж как-нибудь сумею командовать десяткой, где одна тройка будет состоять из лучников. Я знаю, что им нужно и как их поставить. Пригодится.

— Возможно. — Ей не хотелось говорить, что в Армекте клин лучников, стреляющих «как те новенькие из нового набора», одели бы в кирасы и перевели в топорники. — Лучше так, чем ничего.

— Они научатся. Им уже хватает умения, чтобы тренироваться дальше. Даже без тебя, госпожа.

Это как раз соответствовало действительности. Упорные тренировки в самом деле могли превратить этих желторотиков во вполне неплохих стрелков. Однако она сомневалась, чтобы кто-то в Бадоре всерьез думал о дальнейшем обучении.

Костер погас. Разговор продолжался в темноте — правда, не столь глубокой, как обычно в Громбеларде, поскольку день был очень погожим.

— Почему… лучницы? — спросил Барг. — Не принимай этого на свой счет, госпожа. Я знаю, что в Армекте девушки идут в легион. У нас порой тоже… но редко, и чаще всего на городскую службу, только иногда попадется какая-нибудь… Но у вас лучниц полно. И самых лучших. Говорят, будто лучницы лучше лучников?

Легионеры вопросительно смотрели на нее.

— Их не так много, как вы думаете. Но они есть, поскольку в Армекте мы принимаем во внимание лишь то, годится ли человек в солдаты, — объяснила девушка. — У нас в каждой деревне детишки учатся держать лук, так было всегда. Каждый может записаться, когда легион объявляет набор. Но что может показать девушка? Силу? Она будет сильнее парней, будет махать топором? Будет более выносливой? Никто, попав в щит, не сбросит ее копьем с коня, если она пойдет в конницу? Таких крайне мало. И в войско принимают только таких, кто, хоть и слабее, в солдаты все-таки годится.

— То есть стреляют из лука как никто другой? И тогда они могут быть даже слабыми, но за такую стрельбу их примут?

— То есть стреляют из лука как никто другой, — повторила она, словно эхо. — Могут быть даже слабыми, но все равно их примут.

— И тебя, госпожа, так приняли?

Она рассмеялась.

— Я умею ездить верхом. Мой отец любил лошадей. Я ездила верхом, как никто другой, сразу стала курьером командира гарнизона. К лучницам я перешла позже, когда уже получила повышение. Но я никогда не была лучшей.

— Но… ведь ты очень хорошо стреляешь из лука, госпожа?

— Что, показать? — спросила она.

Протянув руку к луку, она вложила стрелу и, не вставая, выпустила ее во тьму. Стукнул наконечник…

— Второе деревце, то, со сломанной веткой, — сказала она. — Совсем близко.

Солдаты переглянулись; деревца совершенно не было видно. Один поспешно встал — и тут же вернулся ошеломленный, со стрелой в руке.

— Да, госпожа, — подтвердил он. — Под самой веткой… Мне пришлось на ощупь искать!

— Я вовсе не так хорошо стреляю — некоторые из моих девушек стреляют лучше, а то дерево стоит близко. — Каренира улыбнулась. — Но свои глаза я бы ни на чьи не променяла. Я вижу ночью как кот, я… ночная лучница. — Она снова рассмеялась.

— Когда станет светло, — проговорил разохотившийся десятник, — я тоже покажу, на что способен, ваше благородие! У меня старые глаза, и в темноте я мало что вижу… Но днем мы выберем самое далекое дерево, самое далекое, какое только будет видно. И посмотрим, попаду ли я!

4

Она проснулась сразу же, едва рука часового прикоснулась к ее плечу.

— Сейчас встаю, — спросонья прохрипела она и откашлялась. — Буди десятника.

— Он уже не спит.

Она выбралась из своей палатки. Ночью прошел не слишком обильный, хотя и надоедливый дождь, земля была влажной, и она снова подумала о военном плаще Барга, благодаря которому соорудила себе крышу над головой.

Солдаты сворачивали лагерь; работы у них было немного. Отложив уборку своей

палатки на потом, она двинулась в сторону близлежащих кустов.

— Подсотница!

Она остановилась.

— Сейчас вернусь. — Она улыбнулась Баргу. Тот догнал ее на краю рощицы.

— Я пойду вперед, ваше благородие.

— Нет, я только… Сейчас вернусь.

— Ваше благородие, ты офицер и командуешь. Ты не можешь оставить своих людей и уйти, не говоря ни слова. Когда за деревья идет обычный солдат, ему в худшем случае яйца отрежут. Но когда идет командир, кто-то должен сперва тщательно проверить это место.

— Десятник, — сказала она, — со вчерашнего дня ты рассказываешь мне, что в горах царит мир и покой. Я разрешаю развести костер. Теперь я слышу, что среди деревьев кто-то может отрезать мне яйца. Возвращайся к солдатам.

— Я только проверю…

— Возвращайся к солдатам, — приказала она.

Он понял, что девушка решила показать ему, кто тут командует.

Спор решил некто совершенно посторонний.

События последовали друг за другом слишком быстро, и она поняла, что происходит, только уже лежа на земле. Барг выхватил меч и бросился к чему-то быстрому и подвижному, словно пламя. Если только могло существовать бурое пламя, покрытое серыми стальными доспехами… Отскочив в сторону, огромный кот молниеносно вскарабкался на дерево, с которого до этого прыгнул, фыркнул и проговорил низким, мурлыкающим голосом, однако с явственным оттенком уважения:

— Убери меч, легионер! Откуда в столь крупном теле такая скорость? Воистину, удивляюсь человеческой склонности к шуткам — ибо за свою собственную шутку я мог бы сегодня поплатиться жизнью. Я хотел лишь преподать урок женщине; мы не враги.

Со стороны лагеря подбежали остальные солдаты. Барг жестом остановил их. Стоя с мечом наготове, он знал лучше, чем кто-либо другой, что кот его основательно перехваливал. Быстрый или медленный — десятник не в состоянии был равняться с противником в скорости. Возможно, он мог бы его догнать, но уж никак не достать мечом.

— Убери меч, легионер, — повторил гадб. — Это наверняка единственный день в твоей жизни, когда Басергор-Кобаль пришел к тебе не затем, чтобы убить. Я хочу поговорить, и даже более того: я хочу оказать вам услугу.

Армектанка, перепуганная и ошеломленная, кое-как поднялась с земли. Она с недоверием разглядывала громадного зверя, под которым скрипел сук. Ей уже приходилось видеть котов-гадбов… Но этот вполне мог весить больше, чем она сама.

— Басергор-Кобаль, — пробормотал легионер. — Если бы какой-нибудь незнакомый мне человек воспользовался столь славным именем…

— Человека бы ты просто высмеял, — сказал Рбит, лежа на своем суку. — Но кота ведь ты не обвинишь во лжи. Я тот, за кого себя выдаю, и не проси меня повторять еще раз.

Барг убрал меч.

— Не знаю, господин, о чем ты хочешь поговорить, — сказал он коту. — Но мы тебя, конечно, выслушаем. Обращайся к моему командиру.

Кошачьи жесты далеко не столь выразительны, как человеческие, — но все, от подсотницы до последнего солдата, без труда поняли, что означают прижатые уши и нетерпеливое движение хвостом.

— Я должен разговаривать с тобой, армектанка? Но дело крайне серьезное.

Девушка покраснела. Сперва ей пришлось неуклюже подниматься с земли, после того как огромный кот прыгнул ей на спину. Потом ее десятник в ее же присутствии именовал незнакомого кота «господином» и даже чуть ли не «благородием»… Теперь, на глазах у солдат, кот демонстративно выказывал свое к ней презрение. Если вообще не жалость.

— Мне все равно, что говорит мой десятник, — с усилием проговорила она. — Ты будешь разговаривать со мной, кот, или ни с кем.

— Каждому свое место, а место армектанской лучницы — не в Тяжелых горах. Ты здесь гость, подсотница. И я должен разговаривать об извечных законах, правящих этим краем, с кем-то, кто вчера пришел, а завтра уйдет?

Кем бы ни был этот гадб, речь его свидетельствовала о том, что на суку перед ней, сколь бы странным это ни выглядело, сидел не какой-нибудь кот-бандит или гонец, зарабатывающий небольшие деньги на службе у людей. Она вспомнила странное имя и нахмурилась: вроде бы где-то она его уже слышала… Почти никогда не бывало, чтобы, говоря о Крагдобе, короле гор, кто-то не упомянул имени: Кобаль, Басергор-Кобаль.

Она даже не знала, что это означает.

— Ты не можешь знать, кот, действительно ли я здесь со вчерашнего дня и действительно ли я уйду завтра.

— Могу и знаю, подсотница, поскольку, если бы тебя перевели на постоянную службу в Громбелардский легион, на тебе был бы зеленый мундир, как на этих солдатах. Но на тебе голубой. Принимая во внимание, что в Бадоре усиленно взялись обучать лучников, я легко могу догадаться, с кем говорю. Командир отряда армектанских лучниц. Десять женщин, насколько я помню.

Она с усилием сглотнула. Этот гадб прекрасно знает, что происходит в бадорском гарнизоне. Громбелардский легион собирается сражаться с разбойниками, предводители которых знают воистину все обо всем.

— Впрочем, все это несущественно и скучно, — сказал кот. — Не знаю, чего вы ищете в горах, но вы идете по тропе, которая закрыта. Всего в полутора милях отсюда сидит целая стая крылатых. Они вас не видели, поскольку вы пришли вечером. Я хотел заполучить одного в лапы, но обнаружил целую дюжину и отказался от охоты.

Она не знала, что ответить. Ее выручил Барг.

— Позволь мне, госпожа.

— Говори, — велела она с тщательно скрываемым облегчением, сама же повернулась к солдатам: — Заканчиваем сворачивать лагерь!

Чуть поколебавшись, они исполнили приказ. Зря она его отдала… но уже отдала и доказала в итоге нечто противоположное тому, что хотела доказать: то, сколь неохотно они ее слушают. Легионеры, едва живые от волнения, ловили каждое слово разговора. Они собственными глазами видели живую легенду, самого знаменитого кота Громбеларда. Однако им приказали сворачивать уже свернутый лагерь… и, к сожалению, пришлось подчиниться.

Рбит лежал на суку, глядя вниз. Недавно точно так же смотрел на нее ее командир… Надсотник Арген. С заботой и сомнением. Ей хотелось закричать.

— Мы знаем, что стервятники обитают в тех краях, но не знали, что на самой тропе. В самом деле на самой тропе? — спрашивал Барг.

— Да, на самой тропе. Я не скажу тебе, легионер, почему они выбрали именно это место, поскольку никто не знает, чем руководствуются крылатые. Впрочем, это меня совершенно не интересует, — ответил кот, и это было правдой.

— Почему ты предупреждаешь нас, господин?

— Потому что это крылатые. Я не испытываю никаких особых чувств, когда вижу людей. Но когда я вижу крылатого, я всегда кое-что чувствую и мне всегда хочется кое-что сделать. Незачем говорить, что именно. Ни один трупоед не сможет поживиться чем-либо или кем-либо, если я могу этому помешать. Конец вопросам «почему», — заявил он, потягиваясь так, что звякнули доспехи. — Веди дальше этих солдат, армектанка. Назад, прямо в Бадор.

Он спрыгнул с сука и, не сказав больше ни слова, лениво побрел в глубь зарослей.

— Спасибо, господин, что предупредил нас! — крикнул Барг.

Они услышали нечто вроде фырканья, а потом отдаленное:

— Пустяки…

— Что ты сказал? — недоверчиво переспросила она.

— Я сказал, что другой дороги нет, госпожа. Нам пришлось бы обойти пол-Громбеларда.

Привыкшая к широким равнинам, где всегда существовали сотни каких-нибудь дорог — неважно, мощеных трактов или труднопроходимых троп, — она с трудом понимала, что и в самом деле обходного пути могло не быть. Что дорогу преграждают не высокие травы, замедлявшие движение лошадей, или густой лес, но горы: каменные стены, недоступные ни для кого во веки веков; расщелины, дна которых не достигает взгляд; склоны столь крутые, что их невозможно преодолеть.

— Но нам нужно идти.

— В лучшем случае по воздуху, госпожа, — слегка раздраженно ответил Барг. — Да и там нас может кое-что подстерегать… так что, может быть, лучше под землей…

— Я получила приказ коменданта, — упрямо настаивала девушка. — Я должна его выполнить. Это очень важное задание.

— Если даже от него зависят судьбы всего Громбеларда, он невыполним, госпожа.

— Но почему? Стервятники?

— Стервятники, госпожа. Целая стая.

— Может, это неправда?

Барг вздохнул.

— Нам рассказал об этом кот.

Она плохо знала котов. Но ей было известно то же, что и всем: они не лгут никогда, ибо попросту не в состоянии. Даже строгие имперские суды безоговорочно верили свидетельству кота. Когда свидетельствовал человек, он мог исказить истину. Когда в суд являлся кот, он приносил с собой неопровержимое доказательство — собственные слова. Таковым оно и считалось.

— Что нам могут сделать стервятники?

— Они нас не пропустят.

— Каким образом?

Он терпеливо рассказал ей о воздействии взгляда стервятника на волю любого человека.

— Неужели ты в это веришь? — с неподдельным изумлением спросила она.

— Во что я не должен верить, госпожа?

— В то, что мне рассказал! Ведь это сказки, ничего больше!

Он понизил голос, чтобы не услышали солдаты:

— Послушай, госпожа: я тебе подчиняюсь и выполню любой твой приказ. Но кот был прав: ты здесь гость, госпожа. Ты армектанка. Ты ничего не знаешь о Тяжелых горах, так что послушай, что говорит старый солдат. Ты сказала вчера, что нужно таких слушать. Мы возвращаемся.

— Ты выполнишь любой приказ, — повторила она.

— Но не такой.

— Я не поверну назад. Скорее уж пойду дальше одна.

— Ты шутишь, госпожа?

— Не шучу. Надсотник… комендант доверил мне важное задание.

— Комендант, будь он здесь, немедленно приказал бы тебе возвращаться, ваше благородие.

— Я пойду дальше, — упрямо заявила девушка, — будете вы меня сопровождать или нет. Неужели любой громбелардский зверь может заставить тебя нарушить приказ?

— Этот громбелардский зверь, госпожа, — сказал Барг, явно разозлившись, — самый известный кот Шерера, у которого перед именем три инициала его предков, получивших титулы от самого императора. Говорят, его род выиграл войну со всей Вечной империей, командуя знаменитым Кошачьим восстанием. А здесь этого зверя, как ты говоришь, называют князем Тяжелых гор, и это извечное имя второго лица после Крагдоба. Он вернулся, увидев стаю стервятников, хотя ему нечего бояться их взгляда, ибо коты не

чувствуют того, что чувствуют люди. Но ты, госпожа, пойдешь дальше? Сделаешь то, перед чем отступил сам Басергор-Кобаль?

— Я пойду дальше, — твердила она, не слушая никаких объяснений.

— Я не позволю тебе, ваше благородие.

— Каким образом?

— Не знаю.

— Тогда останови меня, — заявила она, поднимая с земли свой мешок с провизией и разными мелочами.

— Я свяжу тебя, госпожа, и заберу в Бадор. Комендант сперва накажет меня за неповиновение, а потом наградит за сообразительность.

Она вынула лук и наложила стрелу на тетиву.

— Попробуй, десятник. Нет, что я говорю, даже не пытайся! — предупредила она столь грозно, что он не отважился возразить. — Можешь думать, что хочешь, герой… Если попытаешься дотронуться до меня хотя бы пальцем, я застрелю тебя, как бешеного шакала.

С натянутым луком она отступила на несколько шагов.

— Эй! — крикнула она. — Кто идет со мной?

Легионеры, давно уже готовые к возвращению, с любопытством наблюдали за разговором командиров, пытаясь отгадать причину задержки. Теперь же лица солдат выражали изумление.

— Кто со мной?! — повторила она.

— Никто не идет! — крикнул Барг, сдерживая солдат жестом. — Давай, госпожа, стреляй в меня… Если даже подсотница меня застрелит, — снова крикнул он легионерам, — пусть никто и не думает с ней идти!

— Хорошо, я иду одна… — тихо сказала она, не опуская, однако, лука. — Возвращайтесь в Бадор. Веди их, десятник.

Она отступила еще на несколько шагов, все еще с наложенной на тетиву стрелой, а потом повернулась и побежала вперед.

5

Рбит доверял собственным ощущениям, ибо с кошачьим слухом, зрением и осязанием почти ничто не могло сравниться. Однако он был именно котом, неудачным творением Шерни — и, обретя разум, не утратил того, чем обладали его предки, — инстинкта. То, что подсказывал ему инстинкт, было не менее важно, чем то, что он видел и слышал.

Он остановился, поскольку за ним кто-то наблюдал. И притом не сверху — за ним следили не глаза стервятника.

Отскочив в щель между камнями, он внимательно прислушивался. Он узнал человека, поскольку звук человеческих шагов звучал иначе, нежели что-либо иное. Совершенно не скрываясь, человек направлялся к нему; он шел по склону — вниз по склону, о чем свидетельствовали как осыпающиеся мелкие камни, так и длина шагов. Услышав дыхание, Рбит понял, что это немолодой мужчина.

Еще он услышал, как идущий похлопал себя руками по голове… Шлепки ладоней о покрытый волосами череп. Кто бы ни шел к нему, он знал, каким образом коты мыслят и познают мир. Слова могли быть ложью; звуки же были доказательством. Идущий не держал в руках, или даже под мышкой, арбалета или какого-либо другого оружия. Разве что если у него имелось четыре руки.

Рбит вышел из своего укрытия, выжидающе глядя на приближающегося человека. Старый, но крепкий, тот направлялся прямо к нему, ничего не говоря, лишь изобразил рукой, будто хватает что-то перед собой. Кошачий жест, ночное приветствие. Рбит оторвал лапу от земли, выпустил изогнутые когти, а потом убрал снова.

— Немало котов бегает по этим горам, — сказал незнакомец, присаживаясь на большой камень, — но лишь один из тех, о ком я слышал, столь велик, притом бурый и носит столь

хорошие доспехи. Позволь мне отдохнуть, господин, — продолжал он, приложив руку к груди, словно желая успокоить дыхание, а может быть, сильное сердцебиение. — Я уже чувствую свои годы. Мне не хотелось тебя громко звать — лишний шум ни к чему…

Трудный громбелардский язык, изобиловавший многочисленными акцентами и придыханиями, позволял выразить любую мысль множеством способов. Громбелардский горец-разбойник знал лишь простейшие из них. Однако этот человек не был разбойником или бродягой — и дело было не только в том, как он пользовался языком.

— Я уже знаю, ты понимаешь кота, ваше благородие, — проговорил Рбит, — так что ты не удивишься, если я скажу: ненавижу загадки.

— Я Дорлан-посланник, — сказал незнакомец.

— Первый раз встречаю посланника. О Дорлане я слышал, как и каждый. Что ты делаешь в Тяжелых горах, мудрец Шерни? Я думал, вы сидите в Дурном краю, занимаясь тем, что там висит или лежит.

Посланник чуть улыбнулся, слыша, с каким пренебрежением кот говорил о простирающейся над миром силе. Однако он знал, что лично к нему это никак не относится.

— Многие всю жизнь не покидают границ Ромого-Коор, — согласился он. — Но если ты и в самом деле слышал о Дорлане, то знаешь, что меня называют «лах'агар» — путешественник. Я бывал в Армекте и Дартане, по Тяжелым же горам прогуливаюсь вообще часто. Достаточно часто, с твоего разрешения, князь.

Кошачий смех звучит достаточно неприятно для человеческого уха, но посланник, видимо, к этому уже привык.

— Я пытался догнать тебя, кот-воин, чтобы предупредить. Я занимаюсь здесь делами, которые ты наверняка сочтешь недостойными внимания, так что ограничимся лишь тем, что может тебя интересовать. Неподалеку находится территория, занятая стаей стервятников. Возможно, ты об этом уже знаешь? Правда, ты идешь совсем не в ту сторону…

— Я оттуда пришел. Я знаю о стервятниках, но я тебе благодарен.

— Значит, зря я бежал, — без сожаления произнес посланник, вставая со своего камня. — Польза хотя бы в том, что я познакомился с тобой. Я убежден, что у тебя здесь какие-то свои собственные важные дела, ваше благородие, — обратился он к коту, — так что я не прошу тратить на меня свое время. История Шерера крайне меня занимает, твой же род, насколько мне известно, творил эту историю. Однако, насколько я понимаю, кота подобные вопросы не волнуют. Очень жаль.

— Я действительно считаю, что копаться в событиях давно минувших — только лишняя трата времени, хоть мне и кажется, что порой и от этого есть какая-то польза, — вежливо ответил гадб. — Но возможно, мудрец, столь хорошо зная котов, ты все же недооцениваешь кошачье любопытство. Ничто не является для меня сейчас настолько важным, чтобы ради этого я отказался от разговора с Дорланом. Ты где-то здесь живешь, у тебя лагерь?

Посланник не скрывал своей радости.

— Тогда оставим стервятников в покое, — сказал он. — Приглашаю тебя к себе, ваше благородие. Действительно, возле Кривых скал я нашел удобную пещеру, мне такого убежища хватает, так что наверняка хватит и тебе… Но, но… — Он поднял брови. — Ты не идешь прямо в Хогрог, но говоришь, что знаешь о стервятниках и даже пришел оттуда. Значит, здесь есть тропа, о которой я не знаю. Это тайна?

— Есть тропа, но не для людей. Если подумаешь, господин, то легко поймешь, что в горах кошачьи и человеческие тропы — далеко не всегда одно и то же.

— Никогда не думал об этом с такой точки зрения. Но — да, это правда. Должен признаться, котов я знаю в основном с равнин Армекта.

Посланник показал направление, и они двинулись в путь. Однако через несколько шагов лах'агар неожиданно остановился, прикрыв глаза и дотрагиваясь рукой до лба.

— Странно, — проговорил он, — но у меня такое чувство, будто я не нашел того, кого должен был предостеречь… Не спрашивай меня, ваше благородие, откуда я знаю о таких

вещах. Дело в том, что стервятники — как бы часть Шерни… как и я сам…

— Не спрашиваю, поскольку такие знания мне ни к чему, — прервал его кот со свойственной этому разумному виду откровенностью, которая не каждому человеку была приятна. — Здесь есть кто-то еще. Это солдаты. Но их я уже предупредил.

— Предупредил?

Кот не ответил. Он свое сказал, и этого было достаточно.

— Однако стервятники как раз готовятся к сражению, они кого-то высмотрели, — добавил посланник, все еще не отнимая руки от лба. — Я не оспариваю твоих слов, кот. Однако твоего предупреждения не послушались, или есть кто-то еще, другой… Ты сказал — солдаты? Я послал письмо коменданту Бадора, с человеком, заслуживающим доверия. Я как раз предупреждал их о том, чтобы они не посылали патруль… Правда, я писал не об этом месте, на этой тропе тогда не было стервятников. Неужели он послал кого-то ко мне, с благодарностью за мое письмо?

— Не знаю, мудрец, — нетерпеливо фыркнул кот. — Этими солдатами командовала армектанка, ничего не знающая о горах. Может быть, это она угодила в ловушку, но, честно говоря, меня это совершенно не волнует.

— Эти люди… — начал посланник.

— Меня не волнует, что это за люди, — прервал его кот. — Но если можно им помочь — помогу. Я не хочу, чтобы трупоеды водились в моих горах. Чем меньше крылатых, тем лучше.

— Не знаю, можно ли им помочь.

— Я тоже не знаю. Поспевай за мной, господин, если сумеешь. Или лучше подожди здесь, пока я не вернусь.

6

— Я ее не брошу, — сказал Барг. — Не могу. Не брошу.

Солдаты молча смотрели на него.

— Так что нам делать, десятник?

Старый легионер переводил взгляд то на них, то на перевал, с которого они уже спускались.

— Возвращайтесь в Бадор, — ответил он. — Или подождите меня здесь. Я вернусь один или с ней. А если не вернусь… тогда возвращайтесь в Бадор.

Тройник, самый старший по званию, повернулся к четверым оставшимся.

— Десятник идет, тогда и мы тоже, — неуверенно произнес один.

— С подсотницей никто не пошел! — рассердился Барг.

— Потому что ты запретил! Ведь и ты не пошел, потому что только дурак бы пошел. К стервятникам, ха!

— Так почему вы теперь хотите идти?

— Ну, потому что с тобой. Она… то есть подсотница… армектанка! Что она знает о горах? Но раз ты говоришь, что идешь…

— Значит, надо идти, — закончил тройник.

Барг, как и почти каждый мужчина в расцвете лет, склонный к внезапным проявлениям чувств, посмотрел на солдат с почти отцовской нежностью.

— Дураки вы, — чуть хрипло проговорил он.

Солдаты обступили его полукругом.

— Не будем терять времени. Идем? Мы ее догоним!

— Баба молодая, здоровая, а ноги как у кобылы… И разозленная… Она может быть уже далеко.

— Ну так за ней!

Десятник обвел взглядом их лица. Однажды приняв решение, легионеры больше не колебались. Никто никогда не выступал против стервятников. Хорошо. Но они пойдут.

Только они, так уж повелось исстари, — они, и никто другой.

Потому что — надо.

— Проверить арбалеты и стрелы, — велел Барг.

Они исполнили приказ.

— Марш.

Маленький отряд двинулся с места быстро, так быстро, как умеют ходить по горам солдаты Громбелардского легиона. Вскоре они достигли вершины перевала и миновали место своего недавнего ночлега.

То и дело все бросали взгляды на небо.

Посланник не поспевал за котом.

Рбит знал, на что способен. Он не был создан, как волк или пес, для долгого нескончаемого бега. Он не помчался вперед, лишь двинулся с места той мелкой кошачьей трусцой, из-за которой спина и все тело кажутся совершенно неподвижными, а под животом почти не видно, как перебирают мягкие лапы. Однако эта размеренная трусца была достаточно быстрой, чтобы запыхавшемуся немолодому человеку пришлось вскоре остановиться, с трудом переводя дыхание и прижав руку к груди. Рбит не остановился и даже не оглянулся; он бежал под гору, не сбавляя темпа, с поднятым хвостом, под тихий шорох своей кольчуги.

Так он преодолел милю.

Потом он увидел вдалеке разбросанные каменные обломки и кое-где цеплявшиеся за них рахитичные кусты. Это было то самое место, куда он пробрался ночью и пересчитал спящих бок о бок стервятников.

Ему показалось, будто он услышал крик, а на его фоне — клекот стервятника. Было уже недалеко…

Размеренная трусца сменилась быстрым кошачьим бегом.

Он хорошо рассчитал силы. Когда между чахлыми кустами мелькнули черно-белые перья трупоеда, он уже устал, но далек был от полного истощения сил. Он услышал возгласы людей, в воздухе свистнул арбалетный болт — этот звук был прекрасно известен коту — предводителю разбойников. Голоса стервятников слились в монотонный зловещий клекот.

Бег кота сменился длинными прыжками. Закованный в железо огромный бурый зверь вылетел из-за камней, словно снаряд из дула корабельной бомбарды. Клекот превратился в странный скрипучий звук, обрывавшийся на очень высокой ноте и повторившийся еще несколько раз: кот и большая птица, сцепившиеся среди камней, несколько мгновений казались непонятной кучей меха, железа, перьев и окровавленного пуха. Из клубка вырвался зверь, одетый в стальную кольчугу, оттолкнулся могучими лапами от земли — и когтями ухватил в воздухе второго стервятника, который только что взлетел. Прижатый к земле весом кота-воина, стервятник ударил было когтями, пытаясь отразить нападение. Первая уродливая птица, брошенная среди скал, все еще издавала квакающие звуки, беспомощно корчась с переломанными крыльями посреди вырванных перьев и брызг крови. Разодранная, почти оторванная голая шея не могла удержать веса головы, падавшей назад… Стервятник издох, откинув голову на спину, с растопыренными когтями, опираясь на остатки сломанных крыльев, словно сидя на земле.

Четыре большие птицы, хлопая крыльями, тяжело поднимались к низким тучам. Клекот смолк, слышалось лишь булькающее, неразборчивое сипение стервятника, которого громадный кот держал зубами за горло, вцепившись в птицу передними лапами. Неожиданно Рбит убрал когти передних лап и отпустил шею стервятника, а затем последним могучим ударом задних лап с выпущенными когтями отшвырнул пожирателя падали. Одним движением кот перевернулся — и снова стоял на всех четырех лапах. В двух шагах от него валялся труп стервятника с разодранным брюхом, из которого вываливались внутренности. Сломанные о доспехи когти еще судорожно сжимались и разжимались.

Из-за близлежащих скал появился какой-то человек в зеленом мундире легионера.

Держась за голову, он сделал несколько шагов и опустился на колени, а потом упал лицом вниз. Тут же подбежал второй — тот был почти невредим, хотя и основательно потрясен. Однако не выпускал из рук арбалета и теперь неловко пытался наложить новый болт. Один раз он, а может, кто-то из его товарищей уже воспользовался своим оружием — ибо невдалеке валялась большая черно-белая птица, пробитая короткой толстой стрелой насквозь.

Чуть дальше лежал на боку свернувшийся клубком легионер, стиснув руками меч, который, похоже, сам себе вонзил в живот…

Еще двое солдат вышли из-за скал, пошатываясь и ошеломленно глядя по сторонам. Тот, который сумел снова зарядить арбалет, что-то им сказал и подбежал к краю широкой расщелины. Двинувшись следом за ним, Рбит услышал тяжелый вздох легионера…

На дне глубокой каменной впадины сидел, втиснувшись между двумя камнями, еще один неподвижный стервятник, а перед ним лежали два тела в мундирах. Один из мундиров был голубым, со знаками различия подсотника легиона.

— Он выстрелил и попал… но попытался быстро спуститься к ней… — хрипло проговорил солдат. — И упал.

За их спинами послышалось тяжелое дыхание. Вспотевший и с раскрасневшимся лицом, едва живой Дорлан подошел к краю расщелины.

— Спустимся туда, — предложил он.

— Ты можешь прикасаться к сильным Геркото, мудрец?

Посланник молча посмотрел на кота.

— Я этого не одобряю, — ответил он. — Брошенный Предмет — не игрушка.

— Он и не будет игрушкой. Помоги мне достать его из-под доспехов, только и всего.

Посланник потянул за висевший на кошачьей шее ремешок и вытряхнул из небольшого плоского мешочка символ одной из Темных Полос — Серебряное Перо. Вопреки своему названию, металлически поблескивавший предмет в форме большого листа был почти белым. Нахмурившись, посланник смотрел на кота, который, взяв в зубы могущественный Геркото, спрыгнул вниз — и неестественно медленно, словно весил не больше пушинки, сбежал по крутой каменной стене на дно впадины. «Кошачьи тропы» в горах наверняка существовали — но существовали также Предметы, вынесенные из Безымянного края, которые продавались и использовались, нравилось это мудрецам Шерни или нет.

Приземлившись, кот подбежал к неподвижным телам, все еще держа в зубах свое Перо.

— У нас таких штук нет, так что мы спустимся иначе, как и все нормальные люди, — сказал Дорлан. — Легионер, у тебя или у кого-нибудь из твоих товарищей наверняка найдется какая-нибудь веревка. У войска всегда есть все, что нужно.

Подошедший к ним солдат с искаженным гримасой боли лицом уже, похоже, вполне пришел в себя и услышал слова посланника, так как сразу же полез в мешок.

— У меня, у меня есть веревка, — пробормотал он.

— Я солдат Громбелардского легиона, — представился легионер, стоявший рядом с Дорланом. — А ты кто, господин?

Посланник оценил старания простого солдата, который — будучи в мундире — представился лишь затем, чтобы после спросить о личности незнакомца, который, похоже, был важной особой.

— Я посланник, вы зовете нас мудрецами Шерни, — коротко ответил он.

В глазах легионера мелькнуло удивление, но тут ему подали веревку, и его мысли обратились к десятнику и лежавшей рядом подсотнице.

— Посланник… Значит, ты разбираешься в ранах, господин? — спросил он. В глазах простых людей посланники были магами, знавшими все на свете. — Раз ты не хочешь воспользоваться своей силой, то спускайся первым, я спущу тебя на веревке.

Дорлан тотчас же опоясался веревкой. Он не был чересчур тяжел; легионеры без труда отпускали веревку, локоть за локтем.

— Они живы! — рыкнул снизу кот. — У женщины нет глаз!

Дорлан повис неподвижно. Потрясенные солдаты на краю расщелины забыли о том, что нужно спускать веревку. Он крикнул им и вскоре оказался на дне впадины. Быстро отвязавшись, он подошел к лежавшим на земле телам. Кот сидел между ними.

— Воины, — прорычал он, и даже в неразборчивой кошачьей речи явственно слышалась искренняя ненависть. — Воины против трупоедов. Вот он, мир под небом твоей Шерни.

— Просто Шерни, — сухо ответил посланник. — Не моей и не нашей.

Он склонился над девушкой и затем почти сразу же — над солдатом. Легионер уже пришел в себя.

— Не чувствую тела, — медленно проговорил он очень спокойно и отчетливо. — Ничего не болит… но не чувствую.

Дорлан прикусил губу.

— Что с девушкой? — спросил Барг.

Дорлан снова посмотрел на лежащую. Под поднятыми веками зияли две багровые пустые глазницы, из которых сочились тонкие струйки крови. Он прислушался к дыханию и коснулся пульсирующей жилки на шее. Потом осмотрел рассеченную кожу на голове.

— Ее ослепили, — сообщил он. — Она без сознания. Ушиблась пару раз, но ничего серьезного.

— Глаза, — пробормотал легионер, и слышно было, как дрогнул его голос. — Один… и второй?

— Да.

Один из солдат спустился на веревке и подбежал к небольшой группе на дне каменной впадины.

— Десятник… — окликнул он. Барг не слушал.

— Кто ты, господин? — спросил он.

Дорлан представился, в третий раз за этот день.

— Ее глаза, — повторил легионер. — Она бы их ни на какие другие не поменяла… Она — ночная лучница, чародей. Спаси ее глаза.

— Я не чародей, — сказал Дорлан.

— На скольких я в жизни насмотрелся, что себе шею на скалах свернули… — Солдат все еще говорил медленно и спокойно. — А на себя даже посмотреть не могу… И на что мне глаза? Я бы их ей отдал… Не такие хорошие, как те, что стервятник у нее забрал… но лучше хоть такие, чем ничего. Мне они уже не понадобятся…

Дорлан с трудом сдерживал волнение. Сидевший рядом с десятником солдат судорожно сглотнул слюну.

— Дашь ей мои глаза, мудрец Шерни? — спрашивал Барг. — Говорят, будто вы все можете… Но это наверняка только сказки?

— Да, друг мой… Это сказки. Никто не сможет сделать того, о чем ты просишь.

— Но она ночная лучница, господин. Эта девочка… показывала нашим, как стреляют из лука…

— Говорю тебе, солдат, — глухо отозвался посланник, — что сегодня я готов нарушить все законы мироздания ради… кого-то такого, как я. Но я не в силах сделать то, чего ты желаешь.

— Если хочешь сделать это — сделай, — произнес, почти промурлыкал кот настолько неразборчиво, что его почти не поняли.

Посланник и сидевший рядом с Баргом легионер обернулись к нему. Кот весь дрожал, потрясенный переполнявшими его чувствами.

— Воины убивают воинов, хорошо, — еще более низким голосом сказал он. — Но трупоеды… Трупоеды и воины… Это не законы войны, здесь одни лишь законы стервятников. Отдай ей глаза этого легионера!

— Сделай это, господин, — попросил Барг.

— Если бы я мог… — обессиленно прошептал посланник, вставая.

Вжавшийся в узкую щель между камнями, пробитый стрелой стервятник неожиданно ожил и издал слабый клекот. Полный ненависти кот зашипел и подпрыгнул, словно от удара в живот, но, прежде чем он упал на напружинившиеся лапы, из которых уже выдвинулись копи, лежавший на земле Брошенный Предмет внезапно засветился. Сидевший рядом с Баргом солдат вскрикнул и вскочил, когда на дне впадины зашумел бирюзовый вихрь; с сухим треском из этого вихря вырвались две или три зеленые молнии, ударив в издыхающую птицу. Среди камней взлетели в воздух обгоревшие перья, клуб дыма принес запах обуглившегося мяса. Одновременно лежавшая на земле девушка, подброшенная некоей силой, внезапно дернулась, изогнулась дугой и с криком села, прижав ладони к лицу.

Бирюзовый вихрь втянулся в Серебряное Перо.

Потрясенные люди смотрели друг на друга. Кот тяжело дышал, широко растопырив лапы, все еще готовый броситься на стервятника. Видно было, что он ошеломлен в не меньшей степени.

Армектанка отняла руки от лица, и все увидели полный ужаса взгляд серых глаз. Все еще крича, она бросилась к посланнику, первому человеку, которого увидела, и с плачем припала к нему.

— Стервятник! — потрясенно повторяла она. — Стервятник… стервятник…

Посланник обнял ее, но не в силах был вымолвить ни слова.

— Спасибо, господин, — сказал десятник. — Значит, иногда… вы все-таки можете совершить невозможное… Теперь я уже могу умереть. Я знаю, что сюда стоило прийти.

Девушка еще раз пронзительно вскрикнула, поверх плеча Дорлана увидев бледное лицо десятника и стекающие из пустых глазниц две тонкие струйки крови.

— Барг! — с плачем проговорила она. — Барг… о нет!..

— Поможешь мне, старый друг? — спросил несчастный солдат, явно обращаясь к своему товарищу. — Мне теперь даже этого самому не сделать…

Тройник все понял, но не в состоянии был произнести ни слова; он лишь покачал головой.

— Поможешь?

— Я, — произнес Рбит. — Отойдите все.

— Басергор-Кобаль… — проговорил мужественный десятник. — Это большая честь…

— Для меня, — закончил кот. — Не для тебя, воин, но для меня. Идите отсюда, — велел кот посланнику и плачущей девушке, а потом обратился к стоявшему как статуя, судорожно ломавшему пальцы солдату: — Позволь мне, легионер. Или сделай это сам.

Тот не знал, что сказать. Однако в конце концов старое, закаленное в боях сердце забилось сильнее, и тройник заплакал, как плачут только солдаты: уронив лишь пару скупых, но воистину непритворных слез.

— Прости меня, десятник, — пробормотал он. — Разрешаю тебе, кот… Так надо.

Потом повернулся и, подойдя к каменной стене, с которой свисала веревка, помог посланнику обвязать вокруг пояса все еще плачущую подсотницу.

Он поднялся последним.

По низкому небу края дождей ползли клубящиеся тучи. Глянув наверх, кот сказал о них легионеру.

— Они всегда были и будут, — проговорил Барг. — Попрощаемся, господин. Пора.

— Сейчас?

— Сейчас, кот… Давай…

Из разорванной когтями шейной артерии ударила алая струя.

— Я буду помнить о тебе, воин.

Рбит оставался возле солдата — до самого конца.

Перевал Туманов

Его благородию Р. В. Амбегену, надтысячнику — коменданту Громбелардского легиона, почетному сотнику Громбелардской гвардии в Тромбе

Мой неизменный товарищ и друг!

Помня о давнишней совместной службе во славу и защиту империи, обращаюсь к вашему благородию с просьбой о помощи в деле необычайно важном. А именно, двадцать верных и испытанных воинов из моей личной свиты отправляются в путешествие, опасности и тяготы которого ты лучше всего сможешь оценить сам, будучи громбелардцем и опытным солдатом. Речь идет о том, чтобы достичь границ Безымянных земель, обычно называемых у вас Дурным краем. Весьма был бы рад любым советам, которые ваше благородие мог бы дать командиру отряда; особо рекомендую его вашему благородию как моего сына, друга и наследника. Со всеми вопросами и сомнениями, ваше благородие, обращайся к нему, и получишь ответы столь же откровенные и исчерпывающие, как если бы их дал тебе я сам…

Пролог

— Должен признаться, господин, — произнес Р. В. Амбеген, военный комендант Громба, — что я все еще не могу до конца прийти в себя. Если не от самого вашего предприятия, то по крайней мере от его размаха.

Оветен, сын Б. Е. Р. Линеза, коменданта Армектанского легиона в Рапе, был высоким, хорошо сложенным тридцатилетним молодым человеком, с отважным и открытым лицом солдата. В соответствии с армектанской модой он не носил бороды, только густые темные усы, чуть приподнимавшиеся с левой стороны к небольшому шраму на щеке. Одет он был скромно (слишком явная демонстрация богатства в Армекте не приветствовалась — мужчина-щеголь легко мог стать объектом насмешек); на нем была добротная кольчуга, а сверху — коричневая кожаная куртка, подпоясанная ремнем, на котором висел обычный гвардейский меч, короткий и довольно широкий, с наклоненной вниз рукояткой. Из-под кольчуги виднелись суконные штаны, заправленные в голенища высоких сапог. Амбеген с удовольствием отметил, что молодому человеку присущи черты прирожденного воина, что делает его похожим на отца не только внешне.

Они сидели за большим столом в помещении, наводившем на мысль о тюремной камере; однако именно так выглядели обычные «апартаменты» имперских командиров в громбелардских гарнизонах.

— Мне легко понять, — снова заговорил старый комендант, — когда какой-нибудь авантюрист отправляется в Дурной край за сокровищами, не полагаясь ни на кого и ни на что. Но ведь у его благородия Линеза, — Амбеген постучал пальцами по лежащему на столе письму, — есть и возможности, и средства… Почему не морем? Да, прибрежные воды находятся уже в пределах Дурного края, но все же легче проделать путь в несколько миль по воде, чем преодолевать Тяжелые горы!

Оветен кивнул.

— Морские экспедиции уже были, — коротко ответил он. — Две. Ни одна не вернулась.

Старый комендант помрачнел.

— И тем не менее ты, господин, готов отправиться в третью?

Оветен снова кивнул.

Амбеген, нахмурившись, взял со стола письмо и еще раз пробежал взглядом текст, в особенности те фразы, где его благородие Линез, ссылаясь на старую дружбу (они вместе сражались у Северной границы), просил оказать его людям всяческую помощь.

Комендант задумался.

Линез был армектанцем из знаменитого рода, человеком богатым, могущественным и влиятельным. И вот из-за какого-то каприза (не из-за золота же!) он посылал третью экспедицию в Ромого-Коор — Безымянные земли, не без причин звавшиеся Дурным краем… Из этих весьма странных мест, якобы обители спящего в течение многих веков Великого и Величайшего, мало кто из смельчаков сумел вернуться живым. Время там шло иначе, нежели в иных частях Шерера, главное же — там бушевали непонятные, могучие и враждебные силы. Однако Брошенные Предметы, за которые давали невероятные суммы, продолжали вводить в искушение. Амбеген понимал, что, будучи серьезно больным, может быть, и стоит рисковать жизнью ради того, чтобы добыть Листок Счастья, надежно оберегающий от любых болезней. Он даже понимал, что можно стремиться добыть Предметы ради денег. Однако человек столь богатый, как Линез, мог спокойно купить любой Предмет, какой ему требовался; увеличивать же собственное богатство столь рискованным путем было просто нелепо… Два корабля уже пропали; теперь то же самое могло произойти и с этим отрядом воинов. Что же ему все-таки было нужно? По словам Оветена, отцу требовались не один или два Предмета, но немалое их количество. Какова же была цель столь масштабного предприятия?

— В моем возрасте необузданное любопытство — явление редкое, — сказал наконец комендант, — однако, думаю, ты легко меня поймешь. Итак?..

Оветен кивнул в третий раз.

— На самом деле, ваше благородие, здесь нет никакой тайны, как могло бы показаться. Впрочем, даже если бы и была… Отец велел мне сказать тебе правду. Может быть, тебе это покажется странным или даже забавным, но речь идет о… проигранном пари.

Старый комендант изумленно уставился на него.

— Проигранном… пари?

— Именно так.

Амбеген подумал (уже не первый раз), что Громбелард и Армект разделяет бездонная пропасть. Перед ним сидел сын человека, которому приспичило проиграть какое-то пари. Тонули корабли и гибли люди, которых, правда, наверняка никто не заставлял отправляться в путешествие, аза риск платили по-королевски… Сидевший перед ним парень как раз прощался с жизнью (Амбеген в глубине души был в этом почти уверен), но напрасно было искать в нем хотя бы тени сомнений по поводу соображений, которыми руководствовался его отец. Мало того, Амбеген знал кое-что еще, поскольку провел в Армекте немало лет. А именно — что выигравший то самое пари вряд ли обрадовался победе, ибо не ему досталось участвовать в столь прекрасном безумии! Таков был Армект. И армектанцы.

— Ну что ж, господин, — после некоторого раздумья произнес он, стараясь ничем не выдать своих мыслей, — возможно, ты назвал единственную причину, которую я в состоянии понять… Несмотря на то, что я громбелардец… — В конце концов он все же коротко рассмеялся и тут же жестом извинился. — Порой мне неизмеримо жаль, что моя молодость прошла, — добавил он, и в его словах прозвучал намек на то, что прежде и ему случалось совершать смелые поступки; впрочем, сомневаться в его заслугах не приходилось, как-никак, а это был человек, который полтора десятка лет назад вместе с несколькими сотнями солдат противостоял тысячам захватчиков.

Оветен его понял.

— Отец всегда говорил, господин, что у тебя армектанская душа… Широкая, как наши равнины.

То была высшая похвала, которую можно было услышать от сына народа, правящего Шерером.

— Надеюсь, ты понимаешь, — говорил Амбеген, еще раз взяв со стола письмо старого товарища, — что, несмотря на дружеские чувства, которые я питаю к твоему отцу, не может быть и речи о том, чтобы я поддержал его затею силами имперских солдат? Ибо причины, по которым ты туда отправляешься, пусть лучше останутся между нами… Здесь Громбелард, а не Армект.

Оветен развел руками.

— Ради Шерни, господин, — искренне ответил он, — мне такая мысль даже в голову не приходила! Имперские легионы не решают вопросы проигранных пари.

— Чем же я могу помочь? У меня нет в гарнизоне никого, кто знал бы о крае больше, чем знает в Громбеларде каждый. Экспедиция в край — дело рискованное. Никакое знание не спасет тебя, господин, от того, что подстерегает там. Однако должен сказать, что сам край, пожалуй, менее опасен, чем путь туда… и обратно.

Оветен кивнул.

— Дело в том, ваше благородие, что путешествие — не единственная моя проблема. Отец велел мне ничего от тебя не скрывать. Впрочем… не хочу, чтобы ты подумал, господин, будто я пытаюсь тебе льстить, но отец всегда отзывался о тебе в таких словах, что я привык считать тебя недостижимым образцом для подражания… Не зная тебя лично, я научился уважать тебя и полностью тебе доверять.

Комендант приложил все старания, чтобы скрыть удовольствие, которое доставили ему слова гостя.

— К чему ты клонишь, господин? — спросил он.

— К сути всей тайны. Я говорил о двух морских экспедициях. Вторая… частично удалась. Из края было вынесено большое количество Брошенных Предметов. Потеряв корабль, семь человек отправились в обратный путь по суше, через горы. Однако, хотя они и выбрались за пределы Дурного края, унести добычу им не удалось — почти все они погибли от таинственной болезни. Сокровище успели спрятать. В Армект вернулся только их командир, вместе с одним из своих товарищей, оба крайне ослабевшие. Выжили они лишь потому, что у них были Предметы, называемые Листьями Счастья, и не думай, ваше благородие, что они не пытались спасти с их помощью других… Однако требуется довольно много времени, чтобы эти Предметы начали служить тем, кто постоянно носит их при себе. Так что, увы, в живых остались лишь их владельцы, поскольку Листья защищали их лучше всего. Эти люди принесли известие о спрятанных Предметах. Моя миссия состоит в том, чтобы найти их и доставить в Армект. Вот и все.

Амбеген молчал, ошеломленный только что услышанным.

— Ради Шерни, господин, — наконец сказал он, — кто-нибудь еще знает об этом, кроме тебя? Твои люди?

— Нет, никто.

— А те, которые вернулись с известием?

Оветен потянул за висящий на шее ремешок, показав плоский зеленый камешек, формой напоминавший лист.

— Это я и один из моих солдат. Но он остался в Армекте, он человек уже не молодой, и экспедиция лишила его сил.

Старый солдат чуть не схватился за голову. Он встал и начал ходить по комнатке.

— Слушай меня внимательно, — после долгого молчания заговорил он. — Мы в Громбеларде. Не хочу говорить плохо о собственной стране… но тем не менее это родина разбойников. Если какой-нибудь смельчак отправляется в Дурной край, обычно никто об этом не знает, а если даже и знает, то не обращает внимания на подобную экспедицию, состоящую из одного человека, который наверняка не вернется. Порой, однако, предпринимается экспедиция неплохо оснащенная и подготовленная, скажем, вроде твоей. У хорошо организованной группы отважных и решительных людей есть определенные шансы на успех. Весть о них разносится быстро, а потом к границам Дурного края стягиваются банды негодяев, грабителей, авантюристов. Экспедицию рьяно выслеживают, а когда она возвращается (если возвращается), бандиты ее перехватывают, пытаясь завладеть добычей.

Комендант остановился перед Оветеном, сурово глядя на него.

— Теперь же я узнаю, что сокровище (даже слышать не хочу, сколько там этих Предметов) лежит себе в горах, в каком-то месте, куда может добраться любой пастух и взять себе столько, сколько сможет унести. Если известие об этом достигнет чужих ушей,

твоя жизнь, господин, не будет стоить и кварты пива. Понимаешь? В пяти милях за стенами Бадора тебя и твоих людей будут поджидать волчьи стаи, которые схватят вас всех и шкуру живьем сдерут, только бы узнать правду о местонахождении сокровища. Мало того: даже если тайное не станет явным, вас так или иначе будут выслеживать. Каким образом ты намереваешься забрать эти Предметы? Как ты собираешься перенести их через горы?

— Ваше благородие, я уверен, что мои люди…

Комендант неожиданно взорвался:

— Твои люди? Ты бредишь, парень! Это не люди, а трупы, еще живые, но уже почти что холодные!

Оветен смущенно замолк. Амбеген, однако, успокоился столь же внезапно, как и разозлился.

— Прости старика, сынок. Но ты не знаешь Тяжелых гор. Да, я понимаю, ты преодолел их в обществе лишь одного своего товарища. Понимаю и восхищаюсь, это уже немало. Однако едва ли возможно подобное повторить. Неужели за время того путешествия ты ничему не научился? Здесь не Армект! Я ведь твою родину знаю не хуже тебя. Всадники равнин, которых вы называете разбойниками, — просто веселые компании расшалившихся сорванцов, которые ни в какое сравнение не идут с убийцами Мавалы, мясниками Хагена или отборной, организованной по-военному гвардией Басергора-Крагдоба. Да одного последнего хватит, а на самом деле — наиболее опасного… Ты знаешь, господин, сколько народу ему служит? Трибунал, — он постучал пальцами по столу, — оценивает их численность почти в две тысячи! Две тысячи, господин, две тысячи шпионов, разбойников, грабителей, бродяг, да и просто бандитов с арбалетами! Во всем Громбелардском легионе едва наберется вдвое больше, без морской стражи и гвардии! Теперь понимаешь, о чем я? Если хочешь сравнения, то скажу, что до твоих Предметов столь же легко добраться, как если бы они лежали в глубине территории Алера. Теперь-то уж ты должен понять, ведь твой отец прослужил на границе почти всю жизнь, да и до сих пор, как мне кажется, там у вас немалые владения.

Оветен молчал, нахмурив брови.

— Л. С. И. Рбит, — добавил Амбеген. — Князь гор, правая рука Крагдоба. Это кот. У него десятки доносчиков и шпионов. Говорят, даже в легионах… даже среди членов трибунала… при самом дворе князя-представителя. Шепни кому-нибудь на улице: «Экспедиция» — и завтра он уже будет об этом знать.

— И что же ты мне посоветуешь, господин? — спросил Оветен. — В моем распоряжении двадцать отличных лучников, надежные люди, моя собственная отвага и… много золота. Это все. Посоветуй мне, что делать, и я с удовольствием тебя выслушаю.

— Не откажешься?

— Не могу и не хочу.

Комендант огорченно сел, подперев лоб рукой.

— Прежде всего потребуется проводник. И не какой попало. Нужен кто-то, кто знает Тяжелые горы вдоль и поперек, кто поведет вас по любой тропе… и сумеет оторваться от идущей по следу банды.

— Знаешь кого-нибудь такого, ваше благородие?

— Хм… может быть, и знаю.

— Где искать этого человека?

Амбеген на мгновение задумался, затем неожиданно усмехнулся.

— Однако судьба к тебе благосклонна, юный друг… Где искать? Ну что ж, еще вчера я сказал бы, что не знаю, но сегодня говорю: прямо здесь, в Громбе.

1

Л. С. И. Рбит никогда не давал волю чувствам — хладнокровный и циничный, как и почти любой кот, он прекрасно умел владеть собой. Однако прижатые к голове уши были

для тех, кто его знал, признаком холодной, угрюмой ярости.

— Это не армектанцы. Это Хаген, — сказал он, глядя на бесформенную груду сложенных на туловище рук и ног, увенчанную расколотой головой; подобное трудно было даже назвать трупом. — Вернее, не он сам, а его люди. Ему дали знать, что Крагдоб берет экспедицию на себя?

— Да, — послышался короткий ответ.

— Но, — сказала Кага, маленькая зеленоглазая стройная брюнетка, — весть могла до него не добраться. Не могу поверить, чтобы Хаген объявил нам войну.

— Однако же объявил. — Рбит отвернулся от изрубленного разведчика. — В этих краях только его отряды. Они ведь должны были знать, кого приканчивают. Первое, что они от него услышали, — мое имя.

Девушка покачала головой.

— Хаген часто прибегает к услугам случайных наемников… Те, кто это сделал, наверняка толком даже не знали, кому служат. А уж о том, что Хаген признал верховенство Крагдоба, они вообще понятия не имеют. Впрочем, каждый, кого тут поймают, сразу начинает кричать, что он ваш солдат, ибо это может спасти ему шкуру. Мне самой попадались такие, что беспрерывно клялись, будто служат в моем собственном отряде и под моим командованием, поскольку тут Крагдоб значит столько же, сколько Делен или я.

Всеобщий ропот подтвердил ее слова.

Рбит на мгновение задумался. В отсутствие Делена (он был в Рахгаре, вместе с Басергором-Крагдобом) отрядом командовала Кага. Она хорошо знала окрестности Бадора и ходившие там слухи. Так что она вполне могла быть права. И наверняка была права.

— Похороните его, — коротко велел Рбит. — Кага, как найти Хагена?

Девушка развела руками.

— В Бадоре или в Громбе. Но скорее всего, в Бадоре. Там сидит его человек. Если нужно о чем-то известить Хагена, то через него. Здесь, в горах, можно искать его сто лет.

Рбит снова прижал уши.

— Значит, выбери нескольких хороших разведчиков. Пусть догонят тот отряд. Это наша вина, Кага, мы были чересчур уверены в себе. И как за столько дней мы не смогли понять, что перед нами отнюдь не армектанцы? Я хочу, чтобы меня постоянно информировали. Мне неважно, люди это Хагена или нет. Если они мне не подчиняются — значит, мы уничтожим их всех, Кага. Подчистую.

Девушка удовлетворенно кивнула. Она не любила Хагена — его люди слишком часто ставили ей палки в колеса.

Кот застыл неподвижно, наблюдая за отрядом. Кага хорошо знала Рбита — он мог стоять так очень долго, глядя куда-то вдаль немигающими желтыми глазами и ловя ушами всевозможные звуки, о которых чаще всего она могла лишь догадываться. Она любила котов, может быть, даже больше, чем людей. Кага выросла на улице в Бадоре и знала котов с рождения; собственно, именно разбойничья кошачья стая стала ей семьей…

По-громбелардски «кага» означало «кошка».

— Все-таки нравится мне ваш отряд, — неожиданно сказал Рбит. — Делен сделал из этих людей воинов, а ты навела порядок… Почему люди тебя боятся, Кага?

Она пожала плечами, слишком удивленная похвалой, чтобы что-нибудь ответить. Кот очень редко высказывался о ком-либо с уважением.

— Сегодня мы уже не пойдем дальше, не имеет смысла. Скажи об этом людям и организуй все, что нужно.

Она незамедлительно исполнила приказ. Известие было воспринято с радостью. Форсированные марши через горы были делом обычным, но сейчас они шли почти без отдыха уже несколько дней. Кто бы ни возглавлял отряд, вслед за которым они спешили, он знал горные тропы наверняка лучше, чем имена собственных родителей, и безошибочно выбирал кратчайший путь, не смущаясь, если путь этот пролегал как раз посреди ледяного потока. Именно так, по воде, им пришлось идти несколько миль, все время под гору, вдоль

страшно узкого, хотя и довольно мелкого ручья, то и дело останавливаясь, чтобы растереть почти отмороженные ноги, твердые словно деревяшки.

Быстро развернули лагерь, расставили часовых. Почти никто ничего не говорил, только иногда с сожалением вспоминали об убитом разведчике и с презрением — о людях Вер-Хагена, которые хотели их напугать, оставив труп прямо посреди тропы.

Кага вернулась к Рбиту, лежавшему на боку под каменным уступом.

— Разведчиков я все-таки послала, — сообщила она, садясь. — Чем быстрее мы найдем тех людей Хагена, тем лучше.

— Вэрк.

Это было кошачье слово, означавшее утвердительный ответ и вместе с тем одобрение и в разговорах с людьми использовавшееся крайне редко.

Наступила тишина. Кага встала и принесла бурдюк с вином и копченое мясо. Они поели. Девушка напилась из бурдюка, затем без лишних церемоний вылила немного вина на ладонь и дала коту.

— А ты изменилась, — проворчал кот, недовольно фыркнув; вино оказалось довольно-таки никудышное.

— Недобродившее, — поморщившись, согласилась Кага. — Изменилась? А, да… — Она кивнула, снова поморщившись. — У меня будет ребенок. Уже заметно?

— Мне — заметно, скоро заметят и другие… От кого?

— Откуда я знаю? — удивленно посмотрела на него Кага. — Скорее всего, от Делена.

Кот повернул голову, и в вечерних сумерках она увидела его круглые зрачки.

— Я уже слишком старая, — усмехнулась она, с легкостью отгадав его мысли. — Мне пятнадцать лет, Рбит, а половину из них забрали горы.

— Не хочешь пожить немного в Громбе?

— Зачем? Не в первый раз уже такое…

— Не в первый, потому что во второй, — прервал он ее. — За полтора года, и даже меньше.

— Ты знал? Ну да. Попрыгаю по горам, и наверняка будет выкидыш, как и в прошлый раз. — Она махнула рукой в сторону вершин. — А если нет — то подумаем позже.

Неожиданно она нахмурилась.

— Да и зачем мне бросать горы? — с нескрываемым раздражением спросила она. — Просто так, без причины? Ведь ноги меня держат по-прежнему!

Рбита развеселила ее злость. Однако он прекрасно понимал, что без гор она просто не выдержит, после того как они уже отняли у нее половину жизни.

— Я всегда хотела быть мужчиной, — угрюмо сказала Кага. — Жаль, что я женщина. А больше всего я хотела бы быть котом-гадбом. — Она с серьезным видом посмотрела на него. — Я хотела бы быть такой, как ты, знаешь?

— Ты такая и есть, сестра, — столь же серьезно ответил Рбит. — Только ты этого еще не замечаешь. Оно где-то внутри тебя, и увидеть его нелегко.

Она протянула руку и почесала упругий бархатный загривок.

— Надо бы поспать.

— Надо. Завтра снова предстоит тяжелый путь. И кто знает — если найдем этих, Хагена, может быть, придется драться.

— Вэрк.

2

Оветен посмотрел на отряд, двигавшийся впереди него по крутой горной тропе, и едва не рухнул в пропасть, вместе с покатившейся из-под ног лавиной камней. С трудом ему удалось удержать равновесие.

На него начали оглядываться. Он поднял руку, давая знак, что все в порядке, после чего двинулся дальше, внимательно глядя под ноги. Вот он, край, в котором каждый шаг может

оказаться последним! Убийственный марш погубил уже двоих его людей… а он сам позавчера подвернул ногу. И ему еще повезло, очень повезло, поскольку все могло закончиться куда хуже.

Холодный ветер усилился. Оветен посмотрел на небо. На лицо ему упали первые крупные капли; дело шло к вечернему ливню.

Со стороны головы отряда послышался хрипловатый женский голос:

— Идем дальше! Здесь недалеко есть расселина, которая защитит нас от ветра! Еще четверть мили!

Солдаты зашагали проворнее. Девушка пропустила их, ожидая Оветена.

— Как нога? — спросила она.

— Болит, — честно признался Оветен. — Но я поспеваю.

— Едва-едва.

Он кивнул, бросив взгляд на ее стройную фигуру. Похоже, она просто не знала, что такое холод, — кроме тяжелых сапог, на ней была лишь расстегнутая на шее кожаная куртка (настолько покрывшаяся грязью и жиром, что не пропускала дождевую воду) и короткая юбка с разрезом сбоку до самого бедра, чтобы не стеснять движений. Скрещенные на груди ремни поддерживали висевшие за спиной большой мешок и колчан с луком и стрелами.

— Ну так оставь меня в покое, госпожа.

Она рассмеялась, показав зубы.

Ее называли Охотницей. Оветена несколько удивляло подобное прозвище, однако старый комендант еще в Бадоре объяснил ему, что женщина, которая выслеживает и убивает стервятников, вполне его заслуживает.

В окрестностях Бадора и Громба ее прекрасно знали. С гор давно уже доходили слухи о необычной истребительнице крылатых разумных. Несколько раз она показала дорогу заблудившимся путникам, появлялась у вечерних костров военных патрулей… Вместе с купеческими караванами она порой спускалась с гор до самого Рикса. Нередко бывала она и в городах; посты у ворот постоянно обращали на нее внимание, поскольку одинокая вооруженная женщина в самом сердце Громбеларда отнюдь не была чем-то обычным. Офицеры легиона быстро научились ценить известия, которые она время от времени приносила.

Судьбе было угодно, чтобы утром того же дня, когда Оветен прибыл в Громб, Амбегену доложили о появлении лучницы в городе. Ее узнали солдаты, стоявшие на посту у ворот. Оветен подумал, что тогда еще не понимал, сколь, в сущности, благосклонна оказалась к нему фортуна.

— Не смотри на меня, господин, как на грозовую тучу, — сказала она, показывая жестом, что нужно догонять отряд. — Идем.

Они двинулись вслед за солдатами, но не прошли и десятка шагов, как с неба на горы обрушился ливень. Под потоками дождя солдаты пробирались по узкой тропинке, по которой, скорее всего, никто не ходил, разве что горные козы. Оветен не мог понять, откуда берутся подобные тропинки в местах, где, возможно, никогда не ступала нога человека. Среди горных вершин не было никаких селений, поскольку не было мест, где можно было бы пасти овец. Козы… Но даже им нужно было что-то есть. Не питались же они этими скалами, на которых даже мох толком не рос? Лишь в некоторых местах виднелись островки скудной растительности.

— Когда-то здесь жило большое, многочисленное племя, — сказала девушка, словно читая его мысли. — Очень могущественное. После него остались руины удивительных зданий, прямо среди гор. Похоже, некоторые из этих тропинок — следы древних дорог шергардов.

Он удивленно посмотрел на нее. Уже не первый раз она демонстрировала знания, источник которых он напрасно пытался выяснить.

— Откуда ты об этом знаешь, госпожа? — прямо спросил он. — И об этом, и о многом другом?

Она пожала плечами.

— Мой опекун… собственно, почти приемный отец — человек, который видел рождение разума стервятников.

Оветен изумленно уставился на нее.

— Когда-то он был мудрецом-посланником, — пояснила девушка. — Теперь он живет здесь, в Тяжелых горах, и занимается исключительно историей Шерера. Его называют Стариком.

— Мудрец-посланник, — повторил Оветен.

Девушка снова пожала плечами и добавила:

— В Армекте о них знают лишь то, что они существуют. — Сегодня она была удивительно разговорчива, что случалось редко. — Лах'агар, посланник Шерни. Человек, который понимает сущность Пятен и Полос Шерни. Он никакой не чародей и не маг — такой же, как все, из плоти и крови. Общение с Шернью продлевает срок жизни, и только. Кроме того, посланник большую часть жизни проводит в пределах края, где время течет иначе — в девять раз медленнее. Это значит, что, когда в Шерере пройдет девяносто лет, посланник в Дурном краю проживет лишь десять. Больше я тебе ничего не скажу, господин, поскольку ничего больше не знаю. А если даже и знаю, то не понимаю, — откровенно призналась она.

Оветен покачал головой и поднял брови.

— Армектанка в Тяжелых горах… Как такое могло случиться? — спросил он, чувствуя, что у девушки хорошее настроение, и пытаясь ее разговорить.

Она уклонилась от ответа.

— Это очень долгая история.

Дальше они шли молча. Расстояние, отделявшее их от остальных, перестало увеличиваться, однако вывихнутая нога Оветена не позволяла надеяться и на то, что оно уменьшится.

— Далеко еще? — спросил он.

Девушка пристально взглянула на него. У нее были необычные глаза — они совершенно не подходили к ее лицу и казались в некотором смысле… старыми.

— До границы края недалеко. Но может быть, пора бы уже рассказать мне побольше?

— Разве золото, которое ты получаешь, госпожа, не притупляет твоего любопытства?

Он платил ей по-царски. Ибо царской была цена, которую она назначила — и не позволила торговаться.

«Это честная сделка, — заявила она еще в Бадоре. — Я не вожу экспедиций по горам. А если уж мне приходится этим заниматься, то меня следует убедить, что дело того стоит».

Так и решили.

— Золото, которое я получаю… Хорошо, господин. Но ты не подумал, что, может быть, я хочу его заработать… честно?

Он испытующе посмотрел на нее.

— Почему ты хочешь добраться до границы края именно в этом, а не в другом месте? Какое это имеет значение? — спрашивала девушка. — Я ведь не только должна довести вас до цели. Нам еще нужно вернуться. Не лучше ли было бы, если бы я знала все?

Оветен покачал головой.

— Нет так нет, — сухо сказала она. — Со вчерашнего дня нас преследуют.

Известие оказалось столь неожиданным, что он сперва не поверил.

— Здесь горы, — напомнила она. — Иногда, господин, можно видеть человека как на ладони, но на самом деле вас разделяет полдня пути… Повторяю: за нами движется какой-то отряд. И скорее всего, оторваться от него нам не удастся.

— Почему? — коротко спросил он.

Она махнула рукой.

— Дорога через перевал Туманов только одна. По крайней мере, другой я не знаю. Потом Морское Дно — и уже Дурной край. Если мы пойдем так, как ты того желаешь, они

будут двигаться за нами как привязанные. До того самого места, где ты хочешь войти в край. Ведь ты хочешь, чтобы мы шли через Морское Дно?

Он прикусил губу.

— И что ты советуешь?

Она показала рукой вперед.

— Там — перевал Туманов… На перевале легко спрятаться — и пропустить их. А потом вернуться. Проделать лишний путь, но войти в край дальше к югу от Морского Дна.

— Мы должны идти через Морское Дно. Впрочем, ты уверена, что твой план удастся?

— Я уверена, — раздраженно ответила она, — только в одном: ты слишком мало мне платишь, ваше благородие. Мое любопытство все еще живо — золото его вовсе не задушило.

Полулежа под скалой, опершись на локоть, девушка наблюдала за возней солдат. Уже смеркалось, но все еще отчетливо были видны их суконные сине-желтые мундиры, скроенные по образцу формы легионеров. Однако на них были не кольчуги, как у армектанской легкой пехоты, а чешуйчатые доспехи; ножны же мечей были окованы бронзой, а не железом. Бронзовыми были и пряжки ремней.

Прекрасный отряд. И состоящий из хороших людей. Уже в Громбе она оценила их. Это были далеко не мальчишки. Кроме того, она наверняка не приняла бы предложения, если бы они не оказались армектанцами.

Армектанцами… Как же приятно было с ними разговаривать! Она села, подтянув ноги и обхватив их руками и опустив подбородок на колени.

Все еще шел дождь, но ветер действительно не достигал расселины. Солдаты ужинали перед сном. Оветен назначил часовых и поковылял к лучнице. Он молча сел рядом, о чем-то напряженно размышляя, тупо уставившись на видневшееся в полумраке крепкое, широкое бедро девушки.

— Гм? — спросила она после долгого молчания, подбирая юбку; он увидел округлые очертания бедра и смущенно отодвинулся. Она прыснула.

— Ради Шерни, господин, если уж тебе обязательно надо на что-нибудь столь тупо пялиться, то лучше на какую-нибудь скалу, их вокруг полно, — язвительно заметила она. — Что так беспокоит командира экспедиции?

— Ее цель, — коротко ответил он. — Как ты думаешь, кто нас преследует?

Она пожала плечами.

— Понятия не имею. Собственно, я даже не знаю, как давно они за нами идут. Я заметила их вчера. Ничего не говорила, потому что не была до конца уверена.

— Они могут знать о цели нашего путешествия?

— Не знаю. Может быть.

— Их там много?

— Не знаю.

— Ради Шерни, ты что-нибудь вообще знаешь, госпожа?

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Конечно. Я знаю, как довести твой отряд, господин, до Дурного края. Ты мне за это платишь. И, надо полагать, только за это?

Он отвернулся, закусив губу.

— Чего они могут от нас хотеть?

Она снова пожала плечами — ее любимый жест.

— Если они знают или догадываются о цели нашего путешествия…

Затем она в общих чертах повторила все то, что говорил Оветену старый комендант.

— Перехватить возвращающуюся экспедицию вовсе не так сложно, — закончила она. — Брошенные Предметы следует искать на Черном побережье. Лишь безумец стал бы возвращаться из глубины края иным путем, нежели тот, который он уже проделал, обрекая себя на сотни новых неожиданностей и ловушек. Следовательно, экспедиция покидает край вблизи того же места, где вошла. Достаточно устроить засаду — и ждать. Правда, довольно долго, иногда несколько недель. Но, видимо, оно того стоит.

— Мы не идем в Дурной край, — неожиданно заявил Оветен, даже не раздумывая; если бы он вновь начал размышлять, говорить ей об этом или нет, наверняка бы опять не решился.

Она покачала головой.

— Прекрасно. А куда?

— К самой Водяной стене.

И он все ей рассказал.

3

Перевал Туманов был местом необычным. О нем ходили самые невероятные слухи, и не всегда удавалось понять, сколько в них лжи, а сколько истины. Бело-желтые туманы, окутывавшие перевал с начала времен и уплывавшие дальше, до самого Морского Дна, на самом деле были вовсе не туманами и не паром, вырывавшимся из горячих источников или гейзеров. Больше всего они, пожалуй, напоминали дым, поскольку в воздухе постоянно ощущался явный запах гари, но если они и были дымом, то весьма своеобразным, ибо он не раздражал ни глаза, ни горло.

Из всех историй, которые рассказывали о перевале Туманов, чаще всего повторялись две: о крылатых змееконях, много веков назад проклятых Шернью, и о сине-черных призраках.

Однако отряд, пробиравшийся среди таинственных испарений и громбелардской мороси, состоял не из призраков, а из людей из плоти и крови. Это была группа Рбита и Каги — двадцать с небольшим мужчин и две женщины, не считая командиров. С некоторого расстояния отряд легко можно было принять за военный патруль — столь бросались в глаза дисциплина и порядок в строю. Никто не разговаривал и ни о чем не спрашивал, никто не останавливался. Иллюзию дополняло и то, что все казались одинаково одетыми и вооруженными; форменных мундиров, естественно, не было, но на каждом имелась прочная кольчуга, на спине — арбалет в кожаном чехле и сумка со стрелами на бедре. У всех, кроме кота, наличествовали также мечи, а на плече или на груди висели большие мешки из козьих шкур.

Рбит, довольно редко пользовавшийся доспехами (они стесняли движения, чего он терпеть не мог), тоже шел в кольчуге, подобной тем, что носили члены кошачьего отряда гвардии в Рахгаре. Он вел группу уверенно и быстро, что было вовсе не простым делом. Человеческие тропы в горах редко подходят коту — и наоборот. Стена высотой в двадцать локтей, со множеством выступов, за которые могла ухватиться человеческая рука, порой бывала для кота непреодолимым препятствием; однако скальный уступ шириной в два пальца казался ему удобной дорогой… Огромную груду больших камней, на которую людям приходилось с трудом карабкаться, Рбит легко преодолевал могучими прыжками, каждый из которых занимал не больше времени, чем хлопок в ладоши.

К счастью, местность на перевале Туманов была не слишком тяжелой для передвижения, а спуск по его восточной стороне — и вовсе легким, хотя казался почти бесконечным, пока наконец не завершился в долине, которую называли Морским Дном.

Морское Дно когда-то действительно было таковым. Много веков назад, когда в небе Громбеларда Шернь сражалась с подобной ей, но враждебной силой — Алером, одно из Светлых Пятен упало на землю, превратив в нар целый залив. Морская вода уже никогда не посмела вернуться в места, которых коснулась сама Шернь. Так утверждает одна из древнейших легенд Громбеларда.

А что не легенда? Наверняка не легенда — Водяная стена высотой в четверть мили, неподвижно стоящая на границе Дурного края, словно отгораживая его от долины невероятно прочной, прозрачной преградой. Стену окутывают, так же как и всю сухопутную границу края, клубы желто-белого тумана, такого же, как и на перевале, однако стелющегося намного гуще.

Рбит прекрасно знал Морское Дно и перевал Туманов, видел он и Водяную стену.

Однако тайны этих мест волновали его не больше, чем прошлогодний снег, к тому же снег армектанский или дартанский (поскольку Громбелард никогда не видел снега, постоянно поливаемый дождем, которым Шернь пыталась отмыть осквернённую Алером землю). Загадка Водяной стены имела бы для кота какое-либо значение лишь в том случае, если бы стена эта вознамерилась обрушиться ему на голову. Однако с чего ей было обрушиваться? С тем же успехом могло бы обрушиться небо, точно так же в течение тысячелетий висящее над Шерером…

Рбит, хотя и являлся существом во всех отношениях отнюдь не рядовым, был котом до кончиков когтей; его волновало лишь то, что напрямую было связано с его жизнью, загадки же и тайны природы он считал чем-то безнадежно скучным, так же как и размышления о них — никому не нужными. Пробираясь сквозь дымящуюся мглу на перевале, он, естественно, тоже не посвятил им ни малейшего обрывка мыслей. Ома просто существовала. У него хватало проблем и помимо каких-то вонючих испарений.

Отряда Вер-Хагена найти не удалось. А ведь они должны были где-то быть. Разведчики, посланные Кагой, опытные знатоки гор, доложили лишь, что люди, движущиеся впереди них, вне всякого сомнения — армектанцы, как и считалось с самого начала. Где же прячется компания мясников Хагена? В каком направлении она пробиралась через горы? А может быть, ее вообще не было? Неужели изрубленный труп бросили армектанцы? Невероятно… Армектанец не мог надругаться над убитым в бою врагом, законы войны были для него священны. На куски рубили лишь алерцев на севере — намеренно подчеркивая таким образом, что «бешеных алерских псов» правила честного поединка не касаются, что речь идет не о вражеском войске, но о стаях подлых, диких и паршивых зверей. Рбит хорошо знал силу армектанских обычаев и традиций. Они не нарушались практически никогда. Кто же убил разведчика?

Кот — предводитель разбойников прекрасно знал, что подчиненные Каги сделали все, что было в человеческих силах, чтобы отыскать таинственный отряд.

Вот именно: все, что в *человеческих* силах…

Он решил, что отправится на разведку сам.

Тем временем, однако, приближались сумерки. Отряд уже почти добрался до вершины перевала, и Рбит объявил привал. Люди уселись на землю, потянулись к запасам еды.

Кага напилась воды и коротко поговорила со своими подчиненными, чтобы оценить их настроение — хотя и без того знала, что настроение у них хорошее. Эти люди любили золото, войну, вино и развлечения, но больше всего они любили Тяжелые горы. Чем-то они напоминали армектанских всадников равнин, не мысливших жизни без конского галопа и бескрайних, изрезанных реками просторов. Пока они могли заниматься любимым делом в горах или на равнинах, у тех и других все было в полном порядке.

Кага испытывала в точности те же самые чувства.

— Ну как? — спросила она, подойдя к Рбиту.

Девушка протянула руку, пошевелив в воздухе пальцами, — то было кошачье ночное приветствие, жест, который был также и пожеланием счастья или просто знаком того, что все хорошо. Для нее это было столь же естественно, как кивок головой; будь у нее когти, она выпустила бы их по-кошачьи.

Кот молчал.

— Есть у меня неясное предчувствие, Кага, — наконец сказал он, — что дело кончится трагедией. И предчувствие это исходит из двух источников.

Она пристально посмотрела на него.

— Перо, — коротко пояснил кот.

Кага нахмурилась. Она знала, что Рбит обладает самым могущественным из Геркото — Дурных Брошенных Предметов, добытых в свое время в краю. Носить его было небезопасно, но оно давало и множество преимуществ. Рбит прятал Перо в маленьком мешочке на животе, сейчас скрытом под доспехами.

— Второй источник — я сам, — добавил он.

Говорить об этом было не обязательно, впрочем, она сразу не догадалась бы.

— О чем ты? — спросила она.

— Не знаю, Кага. Я бы сказал, что дело касается того отряда Хагена, но Геркото не занимается подобными мелочами. Здесь что-то куда более серьезное.

Ей стало не по себе. Она не любила Шернь и ее силы.

— Послушай, — задумчиво произнес кот, — пошли людей на разведку. Снова. Везде. Особенно в тыл. Я пойду на вершину перевала и, если потребуется — еще дальше, туда, где старая крепость. Не знаешь? Может, и хорошо, это дурное место… Мы не двинемся отсюда до тех пор, пока не станет ясно, в чем дело. Ручей не ищи, он довольно далеко отсюда. Набери дождевой воды. Может быть, придется остаться здесь дольше, чем мы предполагали.

Она посмотрела на клубящиеся вокруг испарения.

— Они ведь не ядовиты, — сказал кот, отгадав ее мысли. — Место ничем не хуже других… может быть, даже лучше, потому что на расстоянии даже средь бела дня никто нас не увидит. Выстави часовых и организуй все как обычно.

— Пойдешь один? — спросила она безразличным тоном, но слегка прикусив губу.

— Да, Кага. Кто-то должен здесь командовать.

Это не была настоящая причина, вернее — не единственная… Будь она кошкой — они пошли бы вдвоем.

Кага лишь кивнула, с тщательно скрываемой горечью.

Среди каменных завалов, окутанные клубами таинственного тумана, лежали руины древней крепости. В этих краях никто не бродил ради собственного удовольствия. Здесь проходили, направляясь к Морскому Дну или обратно — так же, как и через перевал. С тропы никто не сворачивал — зачем?

Рбит, однако, знал о руинах. Теперь его путь лежал именно к ним — вовсе не потому, что он рассчитывал найти там что-то особенное. Причина была проста: среди скалистой пустыни, каковой являлась эта часть Тяжелых гор, старая цитадель шергардов была единственным конкретным местом, куда он мог бы направиться, если не хотел просто бродить вокруг без определенной цели.

Вековые развалины среди стелющегося тумана казались вышедшими из некой сказки, но сказки весьма мрачной. Очертания стен и остатки разваливающихся башен не походили ни на какие другие строения на континенте Шерера, скорее их можно было отнести к древнейшим гарийским сооружениям, точно так же лишенным каких-либо углов. Там преобладали арки, башни строились в форме круга или полукруга. Именно так выглядела старая крепость. В выщербленных стенах зияли черные контуры полукруглых ворот, дверей и окон, сквозь которые сочились воняющие гарью испарения.

Впрочем, Рбит не поддался настрою этих мест. Он осторожно пробирался среди мертвых стен, с каждым мгновением все более убеждаясь, что попал куда нужно.

Перо почти обжигало его мысли.

Цитадель казалась полностью забытой и заброшенной, небольшой внутренний двор, заваленный старыми каменными обломками, был пустынен и тих. Рбит, однако, вместо того чтобы пересечь его, предпочел обойти вокруг, прячась в тени выщербленной стены. Он добрался до полуразрушенных жилых строений и скрылся во мраке древних комнат.

Они зияли пустотой.

Остатки дневного света лишь кое-где проникали в глубь строения, сквозь проломы и щели в стенах. Коту темнота не мешала, его сверкающие глаза легко различали очертания предметов. Несмотря на доспехи, он двигался бесшумно, хотя и довольно медленно; ни одно живое существо не могло даже подозревать о его присутствии.

И все же он чувствовал, что за ним следят…

Столь же терпеливо, медленно и осторожно он обследовал закоулки коридоров и комнат. Найдя тесный, наполовину засыпанный вход в подвал, он без колебаний устремился туда. Крутая полуразрушенная лестница уводила все ниже и ниже — казалось, ей не будет

конца. В абсолютной темноте даже кошачье зрение не помогало, и Рбит положился исключительно на слух и осязание. Время от времени он касался доспехами стены, после чего ловил отдававшееся эхо, каждый раз одно и то же. Препятствия на пути — мелкие и более крупные груды камней, дыры в ступенях — он определял на ощупь, выставив вперед чувствительные усы и брови. Он двигался невероятно медленно, но верно.

Лестница закончилась. Кот сделал два осторожных шага вперед и остановился. Не доверяя первому ощущению, он наклонил голову, почти касаясь носом того, что преграждало ему путь. Затем он присел и с некоторым трудом достал из-под доспехов висящий на ремне мешочек. Прижав его лапой, он вытащил зубами свое Перо. Он носил его при себе столь давно, что, несмотря на известную кошачью невосприимчивость к ауре Пятен, уже научился чувствовать, когда начинают волноваться переполняющие Предмет силы. Так было и на этот раз.

Он произнес короткую формулу, одну из самых простых. Перо тотчас же связало ее звучание с соответствующими Полосами Шерни. На одно мгновение зелено-желтая вспышка осветила бездну подземелья, и Рбит увидел то, что ожидал увидеть.

Внезапно вернулось ощущение присутствия кого-то постороннего. Кот проворно обернулся, во второй раз произнеся формулу света. Яркая молния послушно разорвала тьму, осветив нечто, ползущее вниз по крутым ступеням, черное как тень… нечто, наводившее на мысль о потоке густой грязи.

Схватив в зубы Перо, Рбит невероятным прыжком вскочил высоко на стену и, оттолкнувшись от нее всеми четырьмя лапами, словно пружина метнулся к лестнице, пытаясь добраться до самых верхних ее ступеней.

4

Среди многочисленных разведчиков, посланных Кагой, двоим не суждено было вернуться в лагерь. Это были те, кого послали в тыл, в сторону Бадора. Опытные знатоки гор, они на этот раз наткнулись на равных себе, а то и превосходящих… Они попали в руки высматривавшей их передовой стражи отряда Громбелардской гвардии.

Кажущееся на первый взгляд странным присутствие солдат в этой части гор объяснялось очень простой причиной: солдаты эти выслеживали именно группу Рбита и Каги, уже давно — собственно, с самого начала — зная о ее существовании.

Отряд в глубочайшей тайне покинул гарнизон по приказу его благородия Р. В. Амбегена. Старый комендант, действительно не имея возможности усилить армектанскую экспедицию силами имперского войска, хотел одним выстрелом убить двух зайцев, а заодно и помочь (хотя бы косвенно) сыну старого друга. Амбеген был уверен, что одна или несколько разбойничьих банд пустятся следом за отрядом Оветена, и считал, что подвернулся великолепный случай ликвидировать эти банды, естественно, соблюдая максимум осторожности. Главная трудность заключалась в том, что его солдатам приходилось действовать на территории другого гарнизона. До места, которое показал Оветен, можно было добраться лишь из Бадора. Надтысячник не стал говорить о своих замыслах армектанцу, поскольку сперва ему нужно было переговорить с бадорским командиром. Будучи комендантом столичного гарнизона и одновременно главнокомандующим всем Громбелардским легионом, Амбеген, однако, не мог (а прежде всего не хотел) вмешиваться в дела своего подчиненного, особенно если учесть, что тысячник Арген был человеком, заслуживавшим всяческого уважения. Так что Амбеген обсудил с ним принципы совместных действий, но к тому времени сын Линеза был уже в горах, и попытки установить контакт могли разоблачить всю операцию.

У надтысячника в гарнизоне были люди, которым он мог поручить любое задание. Закаленные громбелардские солдаты, привыкшие сражаться со всяким опасным сбродом, знали горы как свои пять пальцев. Он выбрал самых лучших. В отряде из тридцати человек оказались два десятка солдат из элитарного корпуса Громбелардской гвардии, остальную

часть составляли наиболее опытные легионеры, каких только он имел под рукой. Всем отрядом командовал Сехегель — старый сотник, за плечами у которого была уже не одна подобная миссия.

Амбеген, предложив молодому армектанцу услуги проводницы, получил возможность кое-что у нее разузнать — якобы между делом. В частности, он спросил о маршруте, которым она намерена вести отряд. Таким образом ему стали известны подробности, которые мало что говорили Оветену, зато очень многое — Сехегелю. Благодаря этому солдаты на безопасном отдалении двигались следом за группой Оветена, а затем также и за отрядом кота и Каги. Лишь вблизи от перевала Туманов они сократили дистанцию, планируя стычку с разбойниками в благоприятных условиях — среди легендарных испарений. Более того — на относительно небольшом расстоянии от перевала, в долине Морское Дно, находился форпост легиона, куда можно было бы затащить более или менее важного пленника, если удастся такого захватить.

(О существовании этого форпоста, на попечении которого находились несколько расположенных в долине селений, Оветен узнал лишь от Амбегена; возвращаясь из неудачной морской экспедиции, он понятия не имел, что невдалеке от места, где он спрятал свое сокровище, находится воинская часть, комендант которой, по крайней мере, показал бы ему самый удобный путь до Дартана или Бадора, а может быть, и нашел бы какого-нибудь проводника.)

Так или иначе, ускорив темп марша и тем самым приближаясь к двигавшимся впереди отрядам, солдаты готовы были к возможности встречи с разведчиками разбойников. В такой ситуации захват людей Каги вовсе не стал каким-либо чудом, даже особым везением.

— Говорят что-нибудь, Маведер?

Допрашивавший пленников десятник поднял смуглое, с горбатым громбелардским носом лицо.

— Нет, — флегматично ответил он. — Уже нет.

Сехегель наклонился, глядя в неподвижные глаза лежащего.

— Другой тоже?

— Тоже, господин.

Маведер встал, и могло показаться, будто он ждет выговора. Однако Сехегелю хорошо было знакомо странное чувство юмора, свойственное десятнику. И он знал, что Маведер никогда не убивал пленников, которые могли еще на что-то сгодиться.

— Двадцать пять человек, сотник, — доложил он, видя, что шутка не удалась. — Их лагерь недалеко, я смогу найти это место. Но во главе их стоит не кто-нибудь…

Сотник жестом поторопил гвардейца.

— Басергор-Кобаль, господин.

Сехегель причмокнул.

— Ну-ну… — пробормотал он.

Десятник пристально смотрел на него, но ничто не говорило о том, что командир сколько-нибудь удручен этим известием.

— Они еще сказали, — добавил Маведер, — что кота нет в лагере. Ушел на разведку. К счастью, не к нам, а в другую сторону.

— Вернется.

— Да. Если позволишь, господин…

Сехегель кивнул.

— Я посоветовал бы спешить. Когда Кобаль вернется, нам не удастся захватить лагерь врасплох. Поймать или убить этого кота было бы геройским поступком… но это невозможно. Не в таких условиях, сотник.

Сехегель снова кивнул. Он сам хорошо знал котов, а Маведер был лучшим бадорским разведчиком, более того, прослужил несколько лет в рахгарском гарнизоне, в компании с котами-гвардейцами, из породы гадба. Потом он год служил под командованием Сехегеля в

Громбе, и тот знал, что угрюмый десятник не бросает слов на ветер. Его всегда стоило выслушать.

— Собери совет, — приказал он. — Уничтожение отряда под руководством Кобаля будет великим событием, даже если сам вожак от нас улизнет.

Маведер с радостью отметил, что его командир способен разумно мыслить. Несколько минут спустя состоялось импровизированное совещание Сехегеля, его заместителя и троих десятников. Вскоре отряд снова двинулся в путь. Впереди шла охрана под командованием Маведера.

Когда они достигли цели, была уже ночь. Отряд Маведера должен был снять часовых, расставленных вокруг разбойничьего лагеря. Солдаты Громбелардской гвардии справились с задачей, как могли, хотя и не лучшим образом. На этот раз не хватило везения, столь необходимого на войне. Полностью застать лагерь врасплох не удалось. Короткая, отчаянная борьба бдительного часового привела к тому, что люди Каги, проснувшись, схватились за оружие. Мгновение спустя на их лагерь обрушились тридцать солдат.

Ночное сражение под пасмурным громбелардским небом, к тому же за перевалом Туманов, не имело никакого отношения к военному искусству. Среди криков и воплей спотыкающиеся о камни солдаты хватали неясные, быстрые, расплывчатые тени, сталкивались, падали, били друг друга кулаками и рукоятками мечей, кусались, кололи ножами… Никто не стрелял, поскольку никто не видел цели; друг друга хватали за плечи, лишь на ощупь определяя, свой это или враг. Солдаты были в шлемах и мундирах — разбойники их не носили. Среди неописуемой суматохи то и дело сталкивались группы из нескольких человек, лишь для того, чтобы понять, что свои нападают на своих; иногда же двое смертельных врагов, плечом к плечу отражая чьи-то удары, вдруг замечали собственную ошибку и хватали друг друга за горло. Среди тех, кто выжил в этой схватке, никто не мог бы поклясться, что время от времени не атаковал своего.

Все это продолжалось недолго. Проклятия и боевые кличи постепенно утихали, все чаще раздавались стоны и вопли раненых. Наконец битва закончилась.

Развести костры было не из чего (обычное дело в Тяжелых горах), так что связывать пленников и перевязывать раны, собственные и товарищей, приходилось в темноте. Впрочем, даже если бы возможно было развести огонь, победители не посмели бы этого сделать… ибо никто не мог знать, не прячутся ли во тьме остатки вражеского отряда, с арбалетами в руках, ожидая блеска пламени. Солдаты расставили посты и стали ждать рассвета.

5

Когда ходившая на разведку Охотница вернулась, Оветен сразу же показал ей только что обнаруженный труп часового.

— Не понимаю, — сказал он.

Она отвела взгляд от изрубленного тела, над которым клубился бело-желтый туман.

— Чего? Того, что Вер-Хаген убивает наших дозорных?

Он нахмурился.

— Именно. Я мало что знаю о Тяжелых горах и разбойничьих обычаях… Но, судя по тому, что я слышал, рискует подвергнуться нападению лишь экспедиция, возвращающаяся из края. Кому может быть нужно ослаблять нас именно сейчас? Чем более слабыми мы войдем в край, тем больше риск, что мы оттуда не вернемся. А ведь им нужно, чтобы мы вернулись, и притом с добычей.

Девушка задумчиво кивнула, затем посмотрела на солдат вокруг.

— Нужно его похоронить, — пробормотала она. — Пойдем прогуляемся, ваше благородие. Слишком много тут чужих ушей.

Они повернулись и не торопясь пошли прочь.

— Все, что ты говорил, справедливо. Но при условии, что Хаген-Мясник знает о твоем

намерении добраться до края. Он может этого и не знать. Или наоборот, может знать чересчур много… — Она не договорила.

Оветен испытующе посмотрел на нее.

— Именно, — кивнула она. — Кто еще может знать, что мы вовсе не идем в край?

Он долго молчал.

— Со вчерашнего дня знаешь ты.

Она остановилась как вкопанная.

— Ты хочешь сказать…

— Ничего я не хочу! — сердито перебил он. — Кроме меня знают еще четыре человека: старый солдат, с которым я здесь был и с которым много раз стоял плечом к плечу, мой отец, комендант Амбеген и ты. Если бы меня спросили, кому из этих четверых я меньше всего доверяю, я ответил бы: проводнице! Разве не понятно? Что мне, в конце концов, известно о тебе, кроме того, что ты знаешь горы?

— Ведь ты понимал, что рано или поздно я узнаю правду.

— Но это вовсе не означает, что у меня сразу же появились основания доверять тебе больше, чем собственному отцу или верному солдату, которого я знаю с детства.

— А коменданту?

Оветен пожал плечами.

— Ему? Одному из самых знаменитых воинов во всем Шерере? Занимающему пост, который он сам для себя выбрал, ибо никто не смел ему отказать? Этот старик когда-то выиграл настоящую войну. Полагаешь, сейчас ему могло бы прийти в голову обокрасть сына своего давнего товарища по оружию?

Девушка пожала плечами вместо ответа. Она тоже была армектанкой и не хуже Оветена знала, что надтысячник, бывший громбелардцем самое большее наполовину, никогда не нарушил бы священного Перемирия Арилоры, заключенного на поле битвы. Впрочем, он был человеком отнюдь не бедным и его амбиции давно уже были удовлетворены. К чему ему было ввязываться в позорную авантюру?

— Мы почти преодолели горы, — добавил Оветен. — Если бы его благородию Амбегену нужны были Брошенные Предметы, уже наверняка бы погибла половина моих людей. Но нет. Погиб один — тех двоих, свалившихся в пропасть, я не считаю. Погиб один, но сразу же после того, как ты узнала тайну.

— И в связи с этим я изрубила беднягу на части, притворяясь Хагеном-Мясником, — сказала девушка. — Хватит. Проводницы у тебя больше нет.

— Женщина, — промолвил он, тоже останавливаясь, — что мне с тобой сделать, чтобы ты начала думать? Схватить тебя за твои грязные волосы и встряхнуть хорошенько?

Он протянул руку.

Девушка инстинктивно отшатнулась.

— Ты спрашивала, не знает ли кто о цели нашего путешествия. Я назвал четверых. Из этих четверых меньше всего я доверяю тебе. Но если бы я и в самом деле решил, что ты нас предала, я убил бы тебя на месте, не занимаясь поиском подходящих причин… Я знаю, что это не ты. С того момента, когда я доверил тебе свою тайну, с тебя не спускали глаз ни на одно мгновение.

— Я заметила… И догадалась, зачем мне общество твоих людей в разведке.

Она прикусила губу и неожиданно усмехнулась.

— В этом нет ничего забавного, — заявила она, несмотря на улыбку.

— В том, что за тобой наблюдают? Такова цена удовлетворения любопытства, — констатировал он.

— Ну хорошо, спрошу еще раз, но иначе: кроме этих четверых еще кто-нибудь мог узнать тайну?

— Сомневаюсь. Но ее, естественно, мог узнать любой, кому пришло бы в голову приложить ухо к нужной двери… в нужный момент. Если тайна хотя бы один раз выплывает наружу, уже нельзя быть уверенным, что она сохранится.

Девушка кивнула.

— Кстати… Твоя разведка что-нибудь дала?

Она снова кивнула.

— Хм… я уж думала, ты не спросишь. Я знаю, где они.

— Разбойники?

— Кто же еще? Очень близко — у самой вершины перевала, с другой стороны. Полдня пути. Их там человек двадцать.

Оветен присвистнул.

— Двадцать, говоришь… И очень близко…

— Может быть, мили две. А местность почти ровная.

Он долго стоял, погруженный в размышления.

— Что посоветуешь?

— А что я могу посоветовать? Я твоя проводница, и не более того. Я принесла тебе известие, и делай с ним, что хочешь, ваше благородие.

— А если бы на них напасть?

Она развела руками.

— Нападай. Меня это не касается. Мне нет никакого дела до разбойников. И им до меня нет никакого дела… как правило.

Он пристально взглянул на нее.

— И как ты себе все это представляешь?

— Ну… никак. Я же тебе говорю: хочешь — нападай на них, ваше благородие. Я покажу тебе, где они, впрочем, твои люди были со мной и тоже знают. А я сяду где-нибудь и подожду. Победишь — пришлешь кого-нибудь за мной. Проиграешь — моя миссия закончится. Пойду искать стервятников.

— Или мои Предметы.

Девушка пожала плечами.

— Ты что, и после смерти собираешься их стеречь? — язвительно спросила она.

Оветен задумался.

— И все-таки, госпожа, — серьезно сказал он, — мне кажется, ты слишком узко понимаешь свои обязанности. Я заплатил тебе и в самом деле немало и думаю, что имею право требовать, по крайней мере, твоего мнения по любому вопросу, связанному с нашей экспедицией, горами и всем тем, что в них происходит или может происходить.

Она прикусила губу.

— Значит, так, ваше благородие: думаю, стоит попытать счастья. После того, что случилось с твоим дозорным, я сомневаюсь, что они оставят нас в покое. Неважно, чем они руководствуются. Если бы я командовала твоей экспедицией, то старалась бы нанести упреждающий удар. Еще что-нибудь?

— Да. Как ты оцениваешь наши шансы?

Девушка задумчиво наклонила голову набок.

— Пожалуй, неплохо… Они будут захвачены врасплох. Твои люди, может быть, и не знают гор, но война есть война, а к ней они, скажем так, подготовлены довольно неплохо. Если бы тебе пришлось, во главе своего отряда, играть с горцами в прятки — это другое дело. Но открытая схватка, лицом к лицу… Думаю, это может удаться. Хотя потери наверняка будут, поскольку выступаешь ты отнюдь не против мальчишек с веточками вербы в руках.

Он пробормотал что-то себе под нос.

— Значит, умеешь давать советы, если захочешь… Скажи-ка мне, госпожа, почему ты все время пытаешься… сохранить дистанцию?

— Честно? — спросила она.

— Конечно.

— Причин несколько. Первую я уже называла: меня не касаются твои дела, господин. Иногда мне нужно золото, потому я и решила немного подзаработать. Но, честно говоря,

если не считать легкой симпатии, которую я питаю к своим соотечественникам и их благородному командиру, мне почти все равно, чем закончится твое предприятие — поражением или удачей. Мне больше хотелось бы последнего — но просто из принципа.

Оветен принял ее слова к сведению.

— А второе, и самое главное, — продолжала она, — я не привыкла водить желторотых птенцов по горам. Вы же беспомощны, словно дети. Меня это злит, смешит, а прежде всего — создает между нами непреодолимую пропасть. Ибо глупых авантюр я не одобряю. Хочешь еще что-нибудь услышать, ваше благородие? Если нет, то отпусти меня. Я хочу чего-нибудь поесть.

Она вовсе не шутила, говоря, что в сражение ввязываться не станет. Оветен пытался ее убедить, даже слегка угрожал, но в конце концов сдался, когда она заявила, что вернет ему деньги и уйдет. Он оставил ее примерно в четверти мили от лагеря разбойников, в обществе двоих солдат, сам же с остальными пошел дальше.

Она долго ждала каких-либо звуков, которые могли бы свидетельствовать о том, что подкрадывавшихся армектанцев обнаружили, однако ничего не услышала. Но ей было прекрасно известно, что успех или неуспех ночного нападения на вражеский лагерь всегда решает случай — какие кости выпадут. Опытного часового, неподвижно стоявшего под какой-нибудь скалой, невероятно трудно обнаружить. Однако на вражеские лагеря нападали все-таки не толпы непослушных мальчишек, но люди, которым самим не раз и не два приходилось стоять на посту в таких же условиях и которые прекрасно знали, что может услышать или увидеть часовой, а что нет…

Отряд Оветена и в самом деле состоял из отлично вооруженных лучников. Насколько она могла понять, почти все в сине-желтой дружине служили прежде в имперском войске, и притом не где попало — на Северной границе. Перейдя наличное жалованье, существенно более высокое, они отбывали службу не на парадах — скорее наоборот. Еще в Громбе, когда она спрашивала о людях, которых ей предстояло вести, Оветен объяснил, что его отец, военный комендант Рапы, нуждался в отборном войске, которое могло бы, по его мнению, быть использовано в любом месте и в любое время. Имения Б. Е. Р. Линеза были разбросаны по всему округу. Однако всадники равнин любили порой подпалить пару дворов… Прекрасно зная положение дел в Армекте, она с полуслова поняла, что комендант имперских легионов находился в особом положении: с одной стороны, легионы должны были преследовать всадников, но с другой — его сразу же обвинили бы в превышении власти, ибо он посылал бы имперские войска для защиты собственного имущества. Гордый магнат наверняка даже думать не хотел о том, чтобы выслушивать подобные упреки…

Когда в предрассветных сумерках уже можно было различить контуры крупных скал, издали донесся вопль, потом еще один… Ей послышалось нечто похожее на боевой клич… а может быть, это были крики ярости, отчаяния, боли…

Вскоре крики смолкли.

Значит, скорее всего, Оветен все-таки не решился пробиваться ночью через вражеские посты. Дождался рассвета и — как она предполагала — отдал приказ перестрелять противников из лука, как только удалось различить их силуэты. Недооцененный в Громбеларде лук, надежный и скорострельный, был в таких условиях оружием намного лучшим, нежели арбалет. Последний же был незаменим при стрельбе на более значительное расстояние, в сражении, разыгрывавшемся средь бела дня.

Сопровождавшие ее солдаты, обеспокоенные исходом дела, нервно топтались на месте, поглядывая на свою «подопечную» с нарастающей злостью. Однако полученный ими приказ был однозначен: «Не спускать с нее глаз, не отходить ни на шаг».

Было уже совсем светло, когда девушка неожиданно поднялась с земли — однако вовсе не затем, чтобы идти на поле битвы…

— Стервятник, — почти шепотом сказала она.

Солдаты обменялись взглядами, а потом уставились в небо, туда, куда указывала ее

вытянутая рука, — однако напрасно. Если среди полос тумана и был просвет, то он быстро затянулся; где-то за тучами с трудом удавалось различить клочок пасмурного неба, где уж там высматривать стервятника.

Девушка высыпала стрелы себе под ноги. Прошло немалое время, прежде чем солдаты поняли, что означают ее приготовления.

— Ради Шерни, — удивленно произнес один из них, — ты же не хочешь сказать, госпожа, что собираешься искать ту птицу? Да ты ее вообще видела?

— Видела, — упрямо ответила она.

Солдаты снова переглянулись.

— Послушай, госпожа… У нас приказ все время тебя сопровождать.

— Ну и что?

— Тебе нельзя уходить!

— Ну так возьми лук и застрели меня, придурок.

У ее ног уже лежало все, что она сочла излишним; при себе она оставила только лук и несколько стрел.

— Тебе нельзя уходить, госпожа! — тупо повторил солдат.

Она молча повернулась и пошла прочь.

— Иди с ней, — нервно бросил старший солдат, — Ну, иди же! Мы должны не спускать с нее глаз, и все… Я здесь подожду наших.

— Глупая девка… — буркнул второй сквозь зубы, вставая.

Девушку он догнал довольно быстро. Она увидела его, но не сказала ни слова. Вскоре она свернула с тропы, не снижая темпа. Местность стала неровной, склон круче… Она прыгала по камням, словно коза, лучник не мог за ней угнаться. Он крикнул раз, другой, но, лишь когда девушка скрылась в тумане, он понял, что его обвели вокруг пальца.

6

Весть об исчезновении лучницы вызвала у Оветена приступ неописуемой ярости. У него и без того проблем хватало… История о стервятнике, якобы замеченном где-то в тумане, выглядела столь неправдоподобно, что даже излагавшие ее солдаты это, похоже, понимали. Достаточно было взглянуть на стелющиеся всюду испарения, чтобы понять, сколь ничтожен был шанс заметить сквозь них что-либо, да еще где — на громбелардском небе!

— Дураки! — прорычал Оветен, швырнув на землю имущество лучницы, которое солдаты принесли с собой. — Дураки, и еще раз дураки! Прочь отсюда, и чтобы я вас больше не видел! Пять нарядов вне очереди, идиоты! И две недели без жалованья!

Ясно было, что его попросту провели. Сразу стало ясно, почему лучница не желала принимать участия в сражении, и Оветен мог лишь удивляться тому, как его угораздило поверить столь невнятным объяснениям.

Во имя Шерни! Этой женщине только что стало известно о спрятанных в долине богатствах. Правда, он не сообщил никаких деталей… но если кто и мог отважиться на поиски вслепую, то именно она.

И что теперь делать? Его одурачили, и ничего изменить было уже нельзя. Преследовать ее? Слишком поздно. Впрочем, вряд ли в его отряде нашелся бы хоть один человек, способный догнать девушку здесь, в этих проклятых горах.

Он мог сделать только одно: идти дальше, и как можно быстрее. Дорога от перевала Туманов была довольно легкой, долину же Морское Дно он знал по предыдущей экспедиции — хотя тогда он возвращался через горы другой дорогой, вдоль побережья, в сторону Дартана. Значит — в путь… И немедленно.

Однако — что делать с ранеными? Их было немало; напав на рассвете, он понес существенные потери, будучи видимым для противника…

А что с пленными? И это была самая большая его проблема! Похоже, он ввязался в историю, из которой нелегко будет выпутаться…

И все же он приказал готовиться к выходу.

До места, над которым кружил стервятник, было не слишком далеко. Избавившись от солдата, девушка быстро вернулась на тропу и пошла — вернее, побежала — дальше, к вершине перевала.

Она мчалась вперед с выносливостью волчицы, время от времени останавливаясь и вглядываясь в небо, в просветы среди полос тумана. Птицы, однако, не было видно. Воистину, лишь благодаря чудесной случайности она обратила тогда свой взор в нужную сторону.

Однако она была абсолютно уверена, что видела стервятника. Стервятника.

Шло время, и дыхание девушки становилось все тяжелее, от усталости и бессильной злости. Она уже понимала, что, скорее всего, проиграла. Возможно ли, чтобы ненавистная птица столь долго парила над одним и тем же окутанным туманом местом? Может быть, стервятник ждал ее?

Однако была и другая возможность. Он мог опуститься на землю, обнаружив добычу. Стервятники жили по обычаям своих предков. Она знала, что их нелегко отогнать от падали, которую они высмотрели с высоты. Тем более что они умели ее защищать…

Насколько она была в силах оценить, птица кружила прямо над тропой, ведшей через перевал. Это могло говорить о том, что стервятник не ждал смерти какого-нибудь животного… Горные звери, редкие в этих краях, не пользовались тропами. Тем более — зверь больной, умирающий, искал бы, скорее всего, самые дикие и наименее доступные места, чтобы найти последнее пристанище.

Значит — человек. Раненый? Может быть, мертвый?

Внезапно ей пришла в голову мысль, что она сама нарывается на серьезные неприятности. Однако она продолжала бежать.

Неожиданно неподалеку разыгралась необычная сцена. Среди клубящихся испарений послышался хорошо ей знакомый клекот стервятника, затем — пронзительный свист, завершившийся громким треском, словно кто-то сломал одну за другой несколько стрел. В то же мгновение над ее головой пронесся бирюзово-зеленый сноп света, другой ударил вверх, потом третий — в сторону, за ним четвертый, пятый… Девушка инстинктивно бросилась на землю, зная, что вспышки несут смерть — скала, в которую они попали, дымилась, раскрошившись в мелкий щебень.

Потом все успокоилось.

Она лежала неподвижно, с луком в руках, и ждала.

Где-то в глубинах памяти ожили неясные воспоминания. Клекот стервятника… такой же странный свист… такой же треск…

Внезапно она все поняла, и от страха у нее перехватило дыхание. Однако она продолжала лежать, ожидая порыва ветра, который разогнал бы туман.

И наконец дождалась.

Стервятник превратился в кровавую кашу из мяса, костей, крови и черно-белых перьев. Она встала и медленно, потом все быстрее двинулась туда, где у подножия каменной пирамиды лежало неподвижное тело. Девушка присела, отложив в сторону лук. Громадный кот пытался подняться, но она успокоила его решительным жестом и провела рукой по разорванной во многих местах кольчуге, под которой виднелись кровавые раны.

— Л. С. И. Рбит, — хрипло проговорила девушка.

К ее удивлению и почти ужасу, кот засмеялся неприятным для человеческого уха звериным смехом, немного напоминавшим хриплый кашель.

— Маленькая армектанка… которая не знает Громбеларда… — промурлыкал он. — Не могу поверить! Так это о тебе говорят горы, Охотница?

Он снова издал короткий хриплый смешок.

— У меня ничего нет… — беспомощно сказала девушка, думая о бинтах и о воде, чтобы промыть раны. — Это… тот стервятник?

Она знала, что это не так. Стервятники способны были на многое… но никакие клюв или когти не могли разодрать железо кольчуги.

Кот не ответил. Он отодвинул лапу, и она увидела слегка мерцающий продолговатый предмет, который вопреки своему названию напоминал скорее плоское долото из бело-золотистого металла, чем серебряное перо. Кот проследил за ее взглядом и снова подтянул лапу.

— Даже не смотри на него, — предостерег он. — Я сам не знаю, на что способна эта штука… и что освобождает некоторые из заключенных в ней сил. Она убила стервятника… уже дважды. Тогда ее привела в действие ненависть… теперь же — не знаю…

Он покачал головой.

— Не надо много разговаривать. Что, если я тебя понесу…

Кот презрительно фыркнул.

— Охотница, ты что, думаешь, я сейчас сдохну? Не бойся… Дай мне еще немного полежать, и все… Потом… здесь недалеко мой лагерь…

Ее поразила внезапная мысль.

— К западу отсюда, — сказала она. — Недалеко, мили две.

— Знаешь?

Она прикусила губу.

— Я была уверена, что это люди Хагена… Только они оставляют свои жертвы… в таком состоянии.

— Значит, ты знаешь и о Хагене… Ради Шерни, Охотница, если бы я знал, что ты ведешь ту экспедицию…

Кот оборвал фразу на полуслове.

— Где твои люди? — вдруг спросил он.

— Не мои… я их только веду. В том-то и дело, кот. На рассвете они напали на твой лагерь.

— И… что?

— Не знаю. Я ждала неподалеку, чем закончится вся эта авантюра… а потом заметила стервятника и…

Рбит прижал уши. Похоже было, что он набирается новых сил.

— Возьми его, — сказал он, убирая лапу с Пера. — Но только не голой рукой.

Она оторвала край юбки и взяла Предмет. Он был теплым.

— Положи в этот мешочек… а теперь под мою кольчугу… Хорошо.

Они помолчали.

— Отнеси меня в мой лагерь, Охотница.

Она кивнула.

— Но если… Если вы проиграли, ты станешь пленником, Рбит.

— Отнеси меня туда. Все равно.

Она с трудом подняла кота с земли и взвалила себе на шею. Гадбы были самыми крупными котами Шерера, а этот даже среди собратьев выделялся своими размерами. Подняв с земли лук, она взяла тетиву в зубы, придерживая на груди лапы Рбита, и встала.

Сделав полтора десятка шагов, она почувствовала, как вдоль шеи стекает тонкая теплая струйка.

— Если я пойду дальше, ты истечешь кровью, — пробормотала девушка, не выпуская из зубов тетивы. — Если побегу… могут открыться и другие раны.

— Если можешь бежать — беги… — тихо сказал кот, и она поняла, что дело плохо.

Она побежала.

Оветен еще пытался медлить и тянуть время, полагая, вопреки здравому смыслу, что девушка все же может вернуться… что история со стервятником — не пустой вымысел.

В конце концов, впрочем, он сдался.

Он поднялся, чтобы отдать приказ, и в то же мгновение в тумане, со стороны перевала,

раздался крик.

Он не верил собственным ушам. Но крик повторился — это была она!

Девушка вынырнула из клубов тумана, и первым порывом Оветена было броситься ей навстречу. Однако, сделав несколько шагов, он застыл на месте, остолбенев от изумления. Ошеломленно замерли и его люди.

Девушка не могла больше бежать. Она осела на землю, тяжело дыша, выпустив лук, который до этого держала в зубах. Из уголков рта, пораненных тетивой, текла кровь. Юбки на ней не было… то, что от нее осталось, пошло на бинты, которыми были перевязаны раны громадного кота, неподвижно лежавшего на земле. Девушка лишь показала жестом, что им нужно заняться, и тяжело упала навзничь, закрыв глаза. Из ее рта вырывалось хриплое дыхание.

— Дайте ей воды! — приказал Оветен, приходя в себя. — Займитесь котом!

Один из солдат, наиболее искусный в перевязывании ран, тут же склонился над бурым гигантом в кольчуге. Кто-то принес бинты, кто-то — воды и водки. С кота начали осторожно снимать разодранные доспехи.

Оветен присел рядом с девушкой. Она жадно пила из меха, который держала обеими руками. Ее руки и ноги все еще дрожали от перенапряжения.

— Что случилось? — спросил он, поддерживая мех. Однако тут же дал знак, что подождет, пока она не сможет говорить.

— Это над ним… тот стервятник… — отрывочно пояснила девушка. — Он потерял много крови… Это… его отряд нас преследовал…

Оветен нахмурился.

Девушка постепенно приходила в себя.

— Это не отряд Вер-Хагена, — объяснила она уже спокойнее и более связно. — Это его отряд ты перебил, ваше благородие… Это Л. С. И. Рбит… самый знаменитый кот в Шерере, хотя тебе, может быть, это ничего не говорит…

Ну конечно, Оветен слышал это имя. Из уст Амбегена… да и раньше. Однако в Армекте невероятная история о роде Л. С. И. считалась почти легендой, в лучшем случае полуправдой.

Так или иначе, имя кота сейчас имело для Оветена мало значения.

— Говоришь, я перебил его отряд, — мрачно сказал он. — Хотел бы я, чтобы это оказалось правдой. Знаешь, госпожа, кого я перебил? Громбелардских гвардейцев.

Девушка не поняла.

— Кого? — удивленно переспросила она, думая, что ослышалась. — Гвардейцев?

Оветен, вздохнув, кивнул.

— Мы не могли найти часовых, — с трудом начал он. — Мы ждали смены караула… но либо ее не было, либо мы прозевали. Темная ночь, этот проклятый туман — все возможно. Я дал сигнал на рассвете.

Он помрачнел.

— Даже среди бела дня я мог бы ошибиться, — продолжил он. — Военные плащи, или похожие на них, здесь носят все, а шлема из-под капюшона не видно. Но это солдаты, каких мало… — Он восхищенно покачал головой. — Я сразу же понял, что ошибся, но было уже поздно. Едва в них полетело несколько стрел, все тут же вскочили, и — поверь мне, госпожа! — моим людям наверняка казалось, что их просто не видно — они лишь чуть-чуть высовывались из-за скал. Они послали в нас с десяток стрел, — он показал на груду брошенных один на другой арбалетов, — и убили троих моих людей, а четверых ранили. Потом они схватились за мечи, и тут уж нам ничего не оставалось, кроме как перестрелять всех до одного. Я захватил восьмерых, все раненые. У нас раненых столько же… ну и трое убитых.

Наступила тишина.

— Я уверена, — начала она, — что, когда я ходила в разведку…

Он махнул рукой.

— Знаю, знаю… До полуночи здесь действительно были разбойники. Они и сейчас здесь, — он снова махнул рукой, — убитые или связанные по рукам и ногам. Гвардия поступила с ними точно так же, как потом я — с гвардией…

Девушка что-то пробормотала себе под нос, потом начала тихо смеяться.

— Что тебя так развеселило, госпожа? — спросил он, даже не пытаясь скрыть дурное настроение.

— Вляпался ты в дерьмо по уши, ваше благородие, — заявила девушка. — Вот ты и сам стал разбойником. А это — виселица, в лучшем случае — каторга. И что ты теперь собираешься делать?

Она еще раз подняла мех, прополоскала рот и выплюнула воду на землю.

— А что с пленными?

— Вот именно — что? — буркнул Оветен.

Они снова замолчали.

Солдат, перевязывавший неподалеку четвероногого разбойника, поднял голову.

— Будет жить, — уверенно сказал он. — Ран много, и не из приятных, но все поверхностные, только странные — будто кто-то его покусал, острыми, но короткими зубами, вот такими… — Солдат показал на пальцах. — Он потерял много крови, только и всего, ваше благородие. Отдохнет немного и скоро опять будет бегать. Я котов знаю, ваше благородие.

Солдат вернулся к своему занятию, но перед этим еще показал кольчугу.

— Это ей он обязан жизнью, ваше благородие. Умереть мне на месте, если я когда-либо видел лучший доспех. Он стоил всех наших, вместе взятых, ваше благородие.

Оветен взял кольчугу, оценивая ее взглядом знатока. Потом поднял с земли продолговатый кожаный мешочек.

— Это Геркото, — предупредила лучница. — Лучше оставить его в покое. Это Перо много лет принадлежит ему… Если оно сочтет, что мы хотим причинить вред тому, кому оно служит, невозможно предугадать, что может случиться.

К ней уже вернулась прежняя уверенность в себе.

— Я видела, как этот Предмет превратил стервятника в кровавую кашу и раскрошил скалу, — добавила она.

— Ты знаешь этого кота, госпожа, — скорее утвердительно, нежели вопросительно, задумчиво произнес Оветен.

— Да, — коротко ответила девушка, вставая. — Дай мне какую-нибудь одежду, господин. Холодно.

Он кивнул, глядя на ее крепкие бедра и то место, где они сходились, а потом на мускулистые ягодицы, когда она повернулась, окидывая взглядом лагерь. Ему пришло в голову, что здесь, в этих проклятых людьми и Шернью горах, даже нагота — не более чем нагота… Если вы видите человека без одежды, это значит только то, что он мерзнет; человек может намеренно раздеться, если думает заняться любовью, но никогда отсутствие одежды здесь не будет знаком открытости и доброй воли, как в Армекте…

Он вспомнил свою прекрасную страну, и ему вдруг стало очень тоскливо.

— Спроси у солдат, госпожа. Юбки тебе наверняка никто не даст, но, может, у кого-нибудь найдутся запасные штаны, если их еще не порвали в этих проклятых горах.

Девушка поморщилась, уставившись в землю.

— Я хочу юбку. Пойду взгляну на твоих пленников, у войска хорошее сукно.

— Не смей ничего отбирать у пленных! — гневно возразил он и сразу же еще больше помрачнел. — Пленные…

Она снова села, обхватив колени руками и опершись на них подбородком, и немного покачалась на пятках.

— Вот именно. Что с ними делать?

Оветен пожал плечами.

— Не знаю, — беспомощно сказал он. — Отпустить… тогда трибунал до меня точно

доберется. Не повесят, конечно, но скандал будет наверняка! Отцу придется тут же уйти в отставку, ведь он не сможет отрицать, что знал об этой экспедиции… Ты была права. Я вляпался в дерьмо.

Он покачал головой.

— Но какой другой выход? Ведь не убивать же их! Да и то еще вопрос, не всплывет ли вся эта история… Слишком многие знают — мои солдаты, ты…

— Насчет солдат можешь не беспокоиться, — заметила девушка. — Они будут молчать, это в их же интересах. Что же касается меня… честно говоря, не знаю, смогла бы я промолчать. Убийство пленных? И к тому же солдат? Да как ты вообще можешь о подобном рассуждать?

— Да я не рассуждаю, что ты… так только… — искренне, хотя и неловко, ответил он.

Девушка его даже не слушала. Она снова встала.

— Я сама служила в легионе! — с внезапной злостью сказала она. — Впрочем, кто *этим* займется? Ты что, взял с собой палача?

Она повернулась и ушла — поискать среди имущества разбойников что-нибудь, из чего можно сделать новую юбку.

7

После гибели Сехегеля и двоих подсотников командование отрядом перешло к Маведеру, как к старшему из десятников. Командовать, правда, было особенно некем. Из тридцати трех человек, вышедших из Бадора, осталась едва четвертая часть — в том числе несколько тяжело или даже смертельно раненных. Не всех даже связали.

Отнюдь не будучи склонным к философским раздумьям, Маведер, которого — надо же так случиться — уложили как раз рядом с предводительницей разбойников, размышлял над горькими превратностями судьбы — ибо что еще ему оставалось делать? Он ощущал, как нарастает его ярость, отчасти из-за боли в раненом боку, главным же образом — из-за поведения командира армектанского отряда. Уже зная о роковой ошибке, жертвой которой стали он и его товарищи, Маведер хорошо понимал то положение, в котором оказался командир лучников; вместе с тем он никак не мог понять, чего тот еще ждет. Вопреки общему мнению, подобные недоразумения в Тяжелых горах не были чем-то из ряда вон выходящим… хотя, честно говоря, Маведер не слышал, чтобы какое-либо из них завершилось столь кровавым образом. Однако то, что солдат упорно продолжали держать в качестве пленников, никоим образом не могло улучшить положение армектанцев.

Всех пленных (кроме наиболее тяжело раненных), как разбойников, так и солдат, держали примерно в сорока шагах от лагеря. Их стерегли двое, все время молчавшие и явно недовольные своими обязанностями. Маведер, будучи десятником, в свое время выучил кинен — упрощенный армектанский, и теперь пытался уговорить их привести своего командира, однако ничего из этого не вышло. Стражники вели себя так, как должны были вести себя исполняющие свой долг солдаты, — что десятник был вынужден признать и сам. Один из них сказал ему:

— Мы не можем уйти, господин. Раз уж командир назначил нас двоих на этот пост, значит, мы нужны здесь постоянно. Командир знает, что ты здесь лежишь, господин. Если он сочтет нужным прийти — придет.

Маведер вслух выругался — но мысленно похвалил солдата.

К своему удивлению, он услышал, как лежавшая рядом разбойница, сильно коверкая кинен, говорит то, о чем он только что подумал сам:

— Хороший солдат.

Затем она обратилась непосредственно к Маведеру, уже по-громбелардски:

— Скажи, гвардеец, почему столь хорошие воины убивают друг друга, вместо того чтобы всем вместе избавить Шерер от всяческих трупоедов и трусов?

Маведер не ответил, но, почти сам того не сознавая, кивнул.

Он уже не раз и сам задавал себе этот вопрос.

Боль в ране усилилась, и десятник стиснул зубы. В голову пришла мысль о водке, которая была у него в бурдюке, — и вместе с ней вернулась ярость. Он отдал бы двухнедельное жалованье за пару хороших глотков…

Внезапное оживление в лагере не ускользнуло от внимания пленников; однако вряд ли они могли догадаться, что причиной его стало появление Охотницы с раненым котом на спине.

Потом все снова успокоилось.

Маведер искоса взглянул на девушку. Она была молода и красива, что он заметил еще раньше. Она склонила набок разбитую голову, чтобы легкий дождик, постепенно усиливавшийся, охлаждал рану. Он уже знал — поскольку это выяснилось сразу же после схватки с разбойниками, — что именно она возглавляла отряд в отсутствие Кобаля. Каким образом эта девочка сумела занять столь высокое положение в отряде?

Маведеру платили за преследование разбойников. Однако он, как и любой громбелардский солдат, не ко всем из них относился одинаково. Офицер Басергора-Крагдоба, с точки зрения бадорского легионера, был не просто первым попавшимся бандитом.

Десятнику стало несколько не по себе, когда он вдруг понял, что после освобождения от пут он будет допрашивать лежащую сейчас связанной, как и он сам, разбойницу, сдирая с нее живьем кожу.

Мысли девушки, похоже, шли по тому же пути. С закрытыми глазами, поскольку дождь уже перешел в ливень и крупные капли стекали по ее лицу, она сказала:

— Я слышала, еще ночью, что вы знаете, кто наш предводитель. Он еще вернется, гвардеец. Он способен на все. Завтра я буду свободна и, может быть, вытащу и покажу тебе твои собственные потроха. За моих разведчиков.

На этот раз он ответил:

— Я уже видел свои потроха. Под Рахгаром, три года назад.

Они снова замолчали.

Кот оказался невероятно живучим зверем: вскоре он уже очнулся и стал расспрашивать о своих разбойниках. Он внимательно выслушал рассказ об утреннем сражении, потом выпил воды и поел копченого мяса. Едва закончив, кот потребовал разговора с командиром. Оветена приводили в изумление манеры этого главаря разбойников, прекрасно себя чувствовавшего среди людей, которых преследовал во главе разбойничьей банды — и которые об этом знали. За свою жизнь он явно нисколько не опасался.

Однако родовые инициалы перед именем этого гадба производили немалое впечатление. Оветену приходилось слышать лишь несколько, может быть, десятка полтора столь же значительных родовых имен — ибо имя это по сути своей было чем-то большим, чем просто имя. Предки Л. С. И. Рбита когда-то возглавляли знаменитое Кошачье восстание — и получили свой титул из рук самого императора как подтверждение завоеванных прав. У Оветена с трудом умещалось в голове, что, возможно, последний и наверняка единственный известный потомок этого рыцарского рода выступает в роли вождя громбелардских бандитов.

И тем не менее — в Армекте, а в особенности в Рине и Рапе, котов хорошо знали. Было полностью исключено, чтобы этот кот пользовался чужим именем. Коты никогда не лгали, по той простой причине, что самая простейшая ложь превосходила возможности здорового кошачьего разума. Но Рбит не был сумасшедшим котом; если бы он хотел скрыть свою личность, он пользовался бы в лучшем случае одним своим именем, впрочем, довольно популярным в Армекте. Раз он сообщал свои родовые инициалы, значит, имел на них право.

По этой причине солдаты сине-желтого отряда относились к раненому коту с немалым уважением, хотя и не унижаясь перед ним; командир же их готов был разговаривать с ним на равных. Вскоре, однако, оказалось, что это почти невозможно…

— Послушай меня, ваше благородие, — произнес кот, прерывая армектанца на полуслове, — давай оставим мою фамилию в покое. Здесь Тяжелые горы, а в горах с фамилиями, о которых ты думаешь, не особо считаются. У меня есть некое прозвище, и правда обо мне заключена именно в нем, а не в родовых инициалах. Так что можешь считать меня скорее властителем половины Громбеларда, а себя — предводителем двадцати идущих за добычей авантюристов, которым я благодарен за еду и бинты.

Оветен покраснел.

— С этой точки зрения, — добавил Рбит, — Охотница для меня — самая важная в этом лагере личность. Я хочу, чтобы она присутствовала при нашем разговоре. Я вовсе не намерен тебя обидеть, армектанский солдат. Просто — таково истинное положение дел. Так что смирись с ним.

— Так я разговаривать не буду, — заявил Оветен.

— Для тебя неприятны факты? Чего же ты в таком случае ищешь в этих горах? Может, стоило оставаться там, где твое положение не вызывало никаких сомнений?

Оветен молча смотрел на него.

Разговор, однако, несколько утомил кота. Он прикрыл глаза, устраиваясь поудобнее на подстеленном плаще.

— Выслушаешь мое предложение? — спросил он, не открывая глаз. — Ты освобождаешь моих подчиненных, я же не только оставлю тебя в покое, но и помогу найти то, ради чего ты хотел идти аж в сам край. Потом поделимся, и, если ты не слишком жаден, надеюсь, что до драки при дележе добычи не дойдет.

Армектанский командир изумленно посмотрел на кота.

— Во имя Шерни… Что должно означать подобное «предложение»?

— Я просил, чтобы здесь присутствовала Охотница, — устало сказал кот. — Боюсь, что при этом разговоре она необходима. Скажи, армектанец, — желтые глаза снова блеснули, — почему ты постоянно хочешь мне доказать, что твоя гордость превышает твой разум?

Оветен еще некоторое время сидел, затем поднялся и отошел. Вскоре он вернулся в обществе проводницы.

— Недалеко отсюда, — без лишних слов заговорил Рбит, поднимая при виде девушки лапу в ночном приветствии, — есть крепость шергардов, где я нашел немало Предметов. Догадываешься, Охотница, о чем я?

Она нахмурилась и коротко кивнула.

— Я не догадываюсь, — сухо заметил Оветен.

Рбит медленно перевел взгляд на него.

— Ведь она твоя проводница? Она отведет тебя туда, ваше благородие, — да или нет?

Армектанец прикусил губу.

— Там нужно будет сражаться, — продолжил кот. — И притом не с людьми… вернее — не только с людьми. Объединив наши силы, мы наверняка победим. Может быть, оно стоит того… Тем более, что через перевал и Морское Дно до Дурного края вы не дойдете.

— А это еще почему?

— Морское Дно теперь — и в самом деле морское дно… Водяная стена обрушилась. Два дня назад.

Они не поняли и не поверили.

— Что еще за чушь? — наконец сказала девушка.

— Следи за своим языком, Охотница, — мягко напомнил ей кот.

На этот раз Оветен проявил большее хладнокровие. Известие было невероятным, но армектанец еще ни разу в жизни не видел кота, который бросал бы слова на ветер.

— Может, ты ошибаешься? — спросил он. — Я верю, кот, в твою искренность… но ты проверил — действительно дела обстоят так, как ты говоришь? Может быть… кто-нибудь тебя обманул?

Разбойник оценил старания Оветена, который осторожно подбирал слова, чтобы не обвинить кота во лжи.

— Нет, господин. Если ты хочешь спросить — видел ли я море в долине, то нет, не видел. Однако у меня нет никаких сомнений, что это действительно так. Не могу этого объяснить. Я ношу с собой Брошенный Предмет, у которого бывают свои прихоти… иногда. По всем вопросам, касающимся Шерни и ее дел, к вам обращается мое Серебряное Перо, я лишь издаю звуки, которых сам не понимаю, — горько усмехнулся кот. — Через год или два здесь, на перевале Туманов, будет граница края, я знаю это наверняка. Испарения становятся все гуще, и уже сейчас здесь сидят гех-еги. Стражи края, я сражался с одним из них, — пояснил он, видя вопросительный взгляд армектанца.

— Гех-еги не слишком опасны, но живучи, — сказала Охотница, давая знак Рбиту, что объяснит сама. — Это нечто, не имеющее ни тела, ни крови, ни мозга и похожее на движущийся поток черного песка, нафаршированного острыми, как зубы, камнями. Его можно убить или, скорее… рассыпать, разбросать этот песок во все стороны, обратно он уже не соберется. Вот только прежде чем это удастся… — Она многозначительным жестом показала на разодранную кольчугу Рбита. — А живучими я называю их потому, что гех-еги — единственные стражи, которые могут покидать край и от этого не умирают.

Оветен хотел сказать, что ничего подобного в краю не встречал, но прикусил язык. Никому не следовало знать, что он когда-то там уже был.

— Там люди Хагена, но они лишены воли, — добавил Рбит, обращаясь к Охотнице. — Похоже, их связывает формула послушания, так это называется?

Она пожала плечами.

— Об этих чудесах я знаю не больше тебя, а может быть, даже и меньше, поскольку не ношу Пера и никто мне ничего не сообщает, — заявила она. — Гех-егов я когда-то видела и расспрашивала о них Дорлана, отсюда и все мои знания и мудрость. О формулах я знать ничего не хочу.

Оветен задумался. Несмотря на то что разговор становился все более непонятным, уже не оставалось сомнений, что Рбит говорил правду о морской воде в долине. Это означало, что все его планы рассыпались в пыль. Можно возвращаться.

— Объясни мне, Рбит, — неожиданно потребовала проводница, вспомнив о том же, что и Оветен. — Море? Каким чудом это могло произойти? Водяная стена существовала с тех пор, как существует Шерер. Что там говорит твое Перо?

— Охотница, ты восприняла мои слова буквально?

— Ну… нет. Но объясни.

Кот снова прикрыл глаза.

— Вот они, люди, — язвительно заметил он. — Случилось непоправимое. Вместо того чтобы примириться с этим и подумать, как поступать в новых условиях, они начинают задавать самый умный вопрос из всех: «Почему?»

Армектанка рассердилась.

— Вот он, кот, — произнесла она тем же тоном, что и он. — Вместо того чтобы коротко отвечать на каждый вопрос, он начинает сетовать, что люди не такие, как он сам!

Ее слова неожиданно развеселили Рбита.

— Ладно, Охотница, — сказал он. — Признаюсь, я никогда не забивал себе голову пустыми домыслами. Хорошо, попробую сегодня думать по-человечески. Будем размышлять на тему, почему вода, которая до сих пор стояла, теперь лежит, как и любая другая. Давай размышлять.

Он даже не пытался скрыть сарказм.

— Я бы сказал, — помолчав, продолжил он, — что в долине появилось нечто, разрушившее силу, которая удерживала стену… Но не спрашивайте меня, откуда взялись Геркото в старой крепости или как сумели добраться до нее стражи. Не знаю и не догадываюсь.

— Эти Брошенные Предметы, о которых ты говоришь, кот, — вдруг спросил Оветен, — какие они?

Рбит испытующе посмотрел на него.

— Вопрос вовсе не по делу… Да, весьма необычные. Одни лишь Геркото. Почти одни Перья. Я не могу оценить, какую они представляют ценность. Огромную.

Лицо командира экспедиции помрачнело еще больше.

— А не могло быть так, — продолжал он расспрашивать дальше, — что эти Предметы лежали когда-то в долине, недалеко от Водяной стены?..

Армектанка начала понимать, о чем думает Оветен.

— Я не посланник, армектанец, — сказал кот, и в самом деле уже уставший от настойчивых расспросов. — Я знаю, что в краю Предметы самим своим присутствием привлекают стражей. Может быть… они могли привлечь их, лежа неподалеку от его границ. Их много, так что и зов их могуч… Это были твои Предметы?

Наступила долгая тишина.

— Да, — наконец последовал ответ. — Я спрятал их в долине. Не знаю, как они оказались в том месте, о котором ты говоришь, но раз они призвали к себе стражей… это многое объясняет.

— Да, — подтвердил Рбит с нескрываемым облегчением; ему было все равно, какие выводы сделает армектанец, лишь бы это наконец произошло. — Мы все уже выяснили? Тогда подумай, ваше благородие, над моим предложением. А мне позволь немного отдохнуть.

Оветен пытался собраться с мыслями. Неожиданно ему пришла на помощь проводница.

— Дело в том, — сказала она, будто бы вне всякой связи с предыдущим, — что с запада на восток через горы ведет очень немного путей. Большинство из них труднопреодолимы. Один человек, прекрасно знакомый с секретами скалолазания, навьюченный веревкой в несколько сот локтей, конечно, пройдет везде… или почти везде. Но отряд? Твои люди, господин, — сильные, выносливые мужчины; сомневаюсь, однако, что больше половины из них пережили бы подобное сражение с горами. А тут еще и раненые… Тут уж по скалам не полазаешь. Если бы ты захотел теперь, — подчеркнула она, — пройти кратчайшим путем, ведущим в край, то взялся бы за невыполнимую задачу. Два дня назад, когда я советовала тебе поступить именно так, — да, это было возможно. Но теперь, когда погибли уже шестеро твоих людей, а восемь ранены, я не вижу возможности пробиваться дальше. Остается, ваше благородие, только вернуться в Бадор, а оттуда в Громб или лучше прямо в Армект.

Оветен раздраженно стиснул зубы.

— Изложи подробнее свое предложение, господин, — обратился он к коту, стараясь овладеть собой. — Или скорее способ выкупить себя из неволи, поскольку раз уж ты так любишь факты, то будем их придерживаться.

Уставший кот говорил коротко и сжато. Охотница подробнее объясняла детали, особо интересовавшие Оветена. Впрочем, армектанец задавал не слишком много вопросов, внимательно слушая.

Стражей сокровища, по словам Рбита, было немного; сам он видел лишь двоих, хотя нельзя было исключать, что в крепости сидело и больше. Однако подобное казалось не слишком вероятным, если учесть, что стражи привлекли на помощь людей Вер-Хагена. Именно они, по мнению Рбита, представляли главную опасность. Кот утверждал, что сейчас, вполне вероятно, выпала единственная возможность одолеть стражей; Оветен, который в конце концов сознался, что бывал в Дурном краю и знаком с ним, молча признал его правоту. Было очевидно, что через год, а может быть, всего лишь через месяц-другой Брошенные Предметы с перевала либо вернутся на Черное побережье, либо же, когда окрепнет новая граница края и время замедлит свой бег, их будут охранять столь могущественные силы, одолеть которые будет нечего и пытаться.

Рбит ждал ответа Оветена, но тот молчал, погруженный в мрачные мысли. Наконец он посмотрел на проводницу. Они оба думали об одном и том же и почти одновременно произнесли:

— Гвардейцы.

Рбит ждал, наблюдая за парой армектанцев. Когда молчание чересчур затянулось, кот сказал:

— Да, в самом деле неразрешимая проблема.

В его словах явно слышалась насмешка. Овен уже готов был бросить в ответ пару ядовитых фраз, когда кот — уже без тени издевки, даже слегка благоговейно — произнес:

— А ведь в Армекте есть одна очень древняя традиция, которая могла бы помочь.

Его собеседники удивленно переглянулись.

— Я говорю о суде Непостижимой, — терпеливо, но со всей серьезностью объяснил кот.

Проводница слегка приоткрыла рот.

Оветен сидел, не в силах вымолвить ни слова.

В этот невероятный день, когда уже случилось столько всего, казавшегося прежде невозможным, когда было произнесено столько слов, звучавших почти как в сказке, громбелардский кот-разбойник напомнил армектанке и армектанцу о традициях их народа…

Для дочери и сына Великих равнин не существовало ничего более удивительного — и вместе с тем вызывавшего не сравнимое ни с чем чувство стыда.

Непостижимая Арилора: госпожа войны и госпожа смерти в одном лице. В весьма богатом армектанском языке имелась сотня слов как для одной, так и для другой. Однако именем Арилоры мог назвать свою покровительницу лишь умирающий или солдат, человек, идущий на битву или распростертый на смертном ложе — и всегда с неподдельным уважением.

Этот удивительный кот — рыцарь и разбойник — не только знал и понимал армектанский обычай, но и сумел сказать о нем так, что весьма строгие во всем касающемся их собственных традиций и принципов армектанцы не обнаружили каких-либо проявлений неуважительного к ним отношения.

— Ты удивил меня и заставил испытать стыд, ваше благородие, — серьезно сказал Оветен.

Охотница лишь кивнула в знак того, что чувствует то же самое.

Рбит долго молчал, затем промолвил:

— Командир гвардейцев может сразиться с моей заместительницей. По вполне понятным причинам сам я участвовать в поединке не могу. Однако я полностью подчинюсь его исходу. Если победит солдат — ты освободишь его, господин, вместе с его людьми, а весь мой отряд со мной вместе станет его пленниками. Если выиграет моя заместительница — значит, будет наоборот. Однако поединок может состояться лишь в том случае, если оба выразят на это согласие. Так требует традиция, а лишь выполнение всех ее требований позволит нам с честью выйти из той ситуации, в которой мы оказались.

Оба кивнули.

— Идем к ним, — сказал Оветен.

Он позвал двоих солдат, которые подняли плащ, на котором лежал Рбит, и понесли кота следом за Оветеном и Охотницей.

При виде Рбита Кага дернулась, отчаянно пытаясь подняться с земли. На лице девушки читались разнообразные чувства: отчаяние, ужас, недоверие и ярость по очереди брали верх.

— Рбит, — чуть не плача, прошептала она. — Как…

— Все хорошо, сестра, — ответил кот столь спокойно, что девушка замерла неподвижно, судорожно хватая ртом воздух. В глазах у нее читались сотни вопросов, однако она молчала.

Командир гвардейцев смотрел на кота с каменным лицом.

— Есть старый армектанский обычай… — с ходу начал Оветен, после чего коротко и без лишних слов объяснил, о чем речь.

На лице разбойницы отразилось недоверие — а затем огромное облегчение. Лицо солдата продолжало оставаться непроницаемым.

— Я знала! — воскликнула девушка, снова со слезами на глазах. — Я знала, Рбит, что с

тобой нам ничего не грозит!

— Подтверди, господин, условия этого поединка, — неожиданно потребовал Маведер, обращаясь к Рбиту. — Если я выиграю, ты станешь моим пленником?

— Да, солдат.

— Слово кота, — скрепил договор Маведер. — Больше мне ничего не требуется. Согласен.

На мгновение утратив контроль над собой, он слегка улыбнулся, глядя на маленькую разбойницу. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза…

Оба — с облегчением.

8

День близился к концу, когда солдат и разбойница завершили свои приготовления. Их раны тщательно перевязали; разбитая голова девушки не представляла никаких проблем, хуже было с боком Маведера — рана, хотя и не опасная для жизни, была крайне болезненной и начинала кровоточить при каждом резком движении. Но гвардейца это вовсе не беспокоило.

Правила поединка были установлены еще раньше. Они были очень просты. Противники вооружились — каждый по своему желанию. Не сговариваясь, они выбрали одно и то же — арбалеты, мечи и ножи. Солдат не стал надевать шлем, сочтя его излишним.

Всех пленников известили о готовящемся поединке и его цели, после чего спросили, согласны ли они, чтобы командиры сражались за их жизнь. Это была чистая формальность, но так требовала армектанская традиция. Затем Маведер и Кага предстали перед Оветеном.

— Прежде чем вы начнете, я хочу кое-что сказать, — промолвил армектанец. — Особенно тебе, солдат. Судьбе было угодно, чтобы наши пути пересеклись именно так, а не иначе. Я предпочел бы сражаться вместе с тобой, а не против тебя. Но на то воля Шерни… Ничего уже не изменить.

Гвардеец медленно кивнул.

— Я не умею красиво говорить, господин, — сказал он, возможно, более неприветливо, чем сам того хотел. — Скажу только, что обиды своей не скрываю. Справедливость требовала, чтобы ты вернул мне и моим людям свободу без каких-либо условий. Ты поступил иначе, и это несправедливо. Однако именно благодаря этому у меня появился шанс захватить в плен величайшего разбойника гор, что иначе было бы невозможно. Мне этого достаточно.

Он нахмурился.

— У каждого в жизни бывает великий момент. Мой наступил именно сейчас. Благодаря тебе, господин. Но я благодарен тебе лишь от своего собственного имени. Ибо, господин, если я погибну — мои люди пойдут под нож. Им ты не дал шанса побороться за собственную жизнь, а я могу и проиграть. Мирись с ними, не со мной.

— Сделай, как он говорит, — тихо произнесла разбойница на своем ломаном кинене, — потому что потом будет уже поздно.

Оветен посмотрел ей в глаза.

— Я желаю тебе смерти, — сказал он, — хоть это и не в моих интересах. Ты не стоишь того, чтобы сражаться с имперским солдатом за что бы то ни было.

Он показал лежащую на его ладони серебряную монету, затем положил ее на плоский камень, вытащил меч и разрубил одним ударом. Половинки монеты разлетелись в стороны.

— Найдите их, — сказал Оветен, убирая меч. — Самое позднее завтра утром один из вас принесет мне обе половинки этой монеты. А теперь идите.

Противники еще раз смерили друг друга взглядом; девушка показала арбалет, сделав пальцами другой руки движение, словно освобождая спусковой механизм оружия. Затем она повернулась и скрылась во мраке. Гвардеец постоял немного и двинулся в противоположном направлении.

Охотница и Рбит молча сидели рядом. Бадорский гвардеец по сравнению с разбойницей казался настоящим гигантом, однако армектанка лучше кого-либо знала, что в подобном поединке рост и сила не имеют большого значения. Против стрелы — в особенности выпущенной из столь мощного оружия, как арбалет, — были бессильны любые мышцы. Другое дело, если бы дошло до схватки врукопашную. Однако это было маловероятно.

Кот лежал на боку, с видимым безразличием ожидая исхода поединка. Однако девушка считала, что его безразличие лишь кажущееся. Как бы он ни доверял своей подчиненной, так или иначе, речь шла о его жизни. Даже у кота-гадба она была лишь одна.

К ним подошел Оветен.

— Уже полночь, — сказал он, присаживаясь рядом с молчащей парой.

— Почти.

В лагере никто до сих пор не спал. Люди Оветена, хотя и не их судьба сейчас решалась, были слишком возбуждены, чтобы отдыхать. Они сидели группами, негромко беседуя. Солдаты оценивали шансы соперников, и большинство ставили на десятника, хотя к маленькой разбойнице относились вполне серьезно. Армектанские лучники многое повидали за свою жизнь, так что дураками они не были. Ясное дело, что такая красотка стала предводительницей большого отряда не за свои зеленые глаза. Несмотря на юный возраст, она наверняка обладала некими качествами, вызывавшими уважение у суровых воинов гор.

Время шло, но ничего не происходило. Постепенно то один, то другой солдат начал отходить в сторону в поисках укрытия от пронизывающего ветра, после чего, завернувшись в плащ, засыпал. Голоса тех, кто еще бодрствовал, понемногу стихали.

Все, что можно было сказать, было уже сказано.

Оветен тоже задремал. Несколько раз он открывал глаза и поднимал голову, наконец окончательно проснулся. Он вглядывался в небо, но вокруг был Громбелард, а не Армект… Ничто не подсказывало ему, который сейчас час.

— Скоро рассвет, — лениво произнес Рбит, видя, что армектанец не в силах определить этого сам.

Оветен потер лицо ладонями. Несколько мгновений он думал о необычайном коте-воине, который, будучи тяжело раненным, до сих пор ни единым словом не пожаловался, хотя наверняка испытывал непрестанную боль; мало того, у него нашлись силы, чтобы бодрствовать всю ночь. Оглядевшись, Оветен отыскал во мраке очертания фигуры спящей проводницы и негромко спросил:

— Почему так долго? Мне начинает казаться, господин, что твоя юная подружка… сбежала.

Глаза кота сверкнули в темноте.

— О таких вещах говори тише, ваше благородие. Кто знает, не стоит ли она прямо здесь, за той скалой. Нет, не стоит — если бы стояла, ты бы сейчас смотрел на торчащий из груди болт… Можешь обвинить ее в чем угодно, только не во лжи и трусости. За такие слова даже люди порой готовы убить, не говоря уже о громбелардской кошке…

— Что ты имеешь в виду, господин?

— То, что сказал. Порой рождаются мужчины, наделенные душой женщины, и наоборот — разве не так, господин? Но рождаются иногда и люди, обладающие душой кота. Эта девушка — кошка, армектанец.

Оветен молчал.

— Если хочешь, — говорил Рбит, — я расскажу тебе, как проходит этот поединок в темноте. Кага поступает именно так, как поступил бы я, будь я на ее месте. Прежде всего — она крайне терпелива…

Оветен внимательно слушал.

— Где-то во мраке, — продолжил кот, — кружит солдат с арбалетом в руке, считающий себя опытным разведчиком. Ты бы наверняка сам оценил его точно так же. Он уже дважды тайком пробирался через лагерь. Никто, кроме меня, его не видел и не слышал,

поскольку ни видеть, ни слышать не мог. Да, было именно так, — добавил он, чувствуя удивление армектанца. — Он осторожен, внимателен и бдителен, но чересчур волнуется и очень устал. Ему сильно досаждает рана.

Оветен сглотнул слюну.

— Кага все еще идет за ним следом, кружит вокруг и не дает ни минуты отдыха, поскольку, стоит солдату на мгновение присесть, рядом тут же падает брошенный камень, иногда лязгает железо, и гвардеец движется дальше, вынужденный пребывать в постоянном напряжении. Так продолжается уже почти всю ночь… Кага не хочет рисковать; она давно могла бы уже выстрелить, но темнота не позволяет точно оценить обстановку. Поэтому она будет ждать почти до самого рассвета, когда солдат начнет падать с ног от усталости. Тогда она появится перед ним, а он, от радости, что наконец ее видит, сразу же выстрелит, не желая терять, может быть, единственного шанса. Возбужденный и разгоряченный, он наверняка промахнется. Арбалет перезаряжается долго… Так что Кага подойдет близко, а если он попытается убежать, спрятаться и выиграть время, она его догонит, поскольку она моложе и ловчее. Она выстрелит с такого расстояния, которое сочтет надежным. Шагов пять, может быть, шесть…

Оветен все еще молчал.

— Если бы на ее месте был я, — добавил кот, — я бы точно так же сначала измотал противника. Потом выдрал бы ему глаза. А потом, в подходящий момент, прыгнул бы на него сзади и сломал ему шею. Или, может быть, перегрыз горло. Но Кага не умеет передвигаться достаточно тихо и хуже меня видит ночью. Поэтому она закончит поединок иначе.

— Ты рассказываешь мне о казни, не о поединке.

— У гвардейца практически нет никаких шансов. Здесь не было никакого обмана — оба согласились с условиями поединка, и каждый рассчитывал на собственные силы. Вот только моя заместительница — на самом деле кошка. С самого детства, вместе со своими товарищами-котами, она нападала на людей из засады. Исключительно ночью… И хотя она не слышит так, как кот, она полагается на слух куда в большей степени, чем люди. Вопреки тому, что говорят и думают, коты лучше слышат, чем видят, ваше благородие. Слух говорит мне больше, чем глаза. Может, когда-нибудь знание об этом позволит тебе сохранить жизнь, господин, так что запомни то, что я сказал, поскольку сегодня я тебе не враг.

Моросивший с ночи дождь перешел в обычный утренний ливень. Крепко спавшая армектанка проснулась и встала. Она посмотрела на восток, где небо медленно приобретало серый цвет.

— Рассвет… — пробормотала она.

Почти в то же самое мгновение с той стороны, где держали пленников, донесся пронзительный крик. Все в лагере вскочили на ноги.

— Иди туда, — прорычал Рбит, внезапно утратив прежнее напускное спокойствие. — Ну, иди! Похоже, твои часовые заснули…

Оветен помчался туда что было сил, спотыкаясь в редеющих сумерках. Тут же за ним бросилась Охотница.

Солдат-пленных прирезали. Всех без исключения.

— Ваше… благородие!.. — всхлипывал в ужасе один из часовых, чуть не плача. — Ради Шерни! Ваше благородие!.. Мы заснули… ненадолго, может быть, на минуту!

Оветен не в силах был сдержать ярость; он выхватил меч, и на мгновение показалось, что он убьет провинившихся часовых, но, заскрежетав зубами, он замахнулся, намереваясь бить плашмя. Проводница, потрясенная, как и все, но лучше владевшая собой, схватила его за руку и с неожиданной силой оттащила в сторону.

— Прекрати! Слышишь?

Оветен тяжело дышал. За его спиной солдаты молча смотрели друг на друга, на свои серые в бледных предрассветных сумерках лица.

Оветен внезапно повернулся, протолкался сквозь них и направился туда, где лежал

Рбит.

— Это ты! — задыхаясь, начал он уже издалека. — Это ты мне подсказал… эту идею! Во имя Шерни! И я хотел… обычай моей страны… для кого? Для разбойников! Для убийц из-за угла! Будь ты проклят, кот!

Внезапно он остановился как вкопанный. Возле лежащего кота стояла, выпрямившись, маленькая фигурка.

— Половинки твоей монеты, лучник. Обе, — враждебно произнесла девушка.

Под ноги Оветену упали два мелких предмета.

— Проверь, подходят ли друг к другу, — презрительно бросила она. — Пленники были мои, так что я поступила с ними как сочла нужным… А чего ты ожидал? Что я их перевяжу и накормлю?

Он шагнул к ней. Девушка подняла арбалет.

— Убью! — предупредила она. — Чего ты от меня хочешь? Это не я придумала этот поединок.

— И не я… — хрипло сказал Оветен.

— Это ты мне его предложил. Ты и никто другой. А теперь освободи моих людей. Солдат лежит там. — Она показала рукой. — Может быть, он еще жив. Спроси его, честно ли я победила!

Оветен позвал своих людей. Вскоре они нашли Маведера. Он умирал.

Все окружили его. Живот был пронзен мечом; гвардеец сжимал его руками, раня их о клинок. Под ключицей торчал арбалетный болт. Он прошел сквозь лопатку, навылет… Это означало, что разбойница выстрелила десятнику в спину. Однако Оветену на этот раз хватило ума ее в этом не упрекать.

Лежащий увидел и узнал Кагу, когда она присела над ним. Солдат пошевелил головой и медленно выплюнул кровь.

— Зачем… таким хорошим воинам… — хрипло прошептал он, — друг друга…

Он слегка передвинул руку. Она положила на нее свою и кивнула.

9

Шел дождь.

Был полдень, когда на вершине горного хребта появился отряд, состоявший из полутора десятков человек. Кроме оружия и обычного снаряжения у всех были большие и явно довольно тяжелые мешки, которые несли с особой осторожностью.

Вскоре к отряду присоединился еще один — могучий кот-гадба, двигавшийся с трудом и сильно припадавший на заднюю лапу.

— Ну вот и все, — сказала проводница, садясь на землю и кладя лук поперек колен.

Оветен задумчиво посмотрел вниз, на размытые дождем контуры окруженного мощной стеной города.

— Ты честно заработала свое золото, — сказал он. Потом добавил:

— Вопрос в том, насколько честно я добыл свои трофеи…

Он достал приличных размеров мешочек и протянул его девушке.

— Вторая часть твоей платы. Можешь не идти со мной до самого Бадора и потом до Громба. Это смешная сумма, — помолчав, заметил он, — в сравнении с твоей частью добычи.

Вместо ответа она протянула ему туго набитый мешок.

— Возьми. Мне не нужны Предметы.

Он поднял брови.

— Ведь ты можешь их…

— Нет, — отрезала она. — Охотница не станет торговать ничем и нигде. Не стану я и носить с собой какие-то там… Впрочем, Дорлан оторвал бы мне за это голову. У посланников есть свое мнение насчет выноса Предметов за пределы края. Возьми, говорю, и

отдай Амбегену, чтобы продал. Семьям солдат, которых он послал в горы, требуется поддержка. Впрочем — сама ему отдам. Я тоже иду в Бадор. Свой отдых я честно заслужила.

Молчавший до сих пор Рбит сказал:

— Пора расходиться. Мы и так уже слишком далеко зашли вместе. Любой патруль легиона — и у тебя, ваше благородие, будут новые проблемы.

Он повернулся к Каге, но та уже отдавала распоряжения. Разбойники отделились от сине-желтого отряда и двинулись на север, вдоль хребта.

— Мои подчиненные, — добавил кот, — с завтрашнего дня будут трубить всем и всюду, что перебили целый легион гвардии на перевале Туманов. Можете и вы об этом объявить. Только нас с Кагой сюда не впутывайте. Нас там не было. Мы не хотим, чтобы славное деяние отряда Басергора-Крагдоба приписывали Каге или Кобалю. И не хотим, чтобы нас об этом спрашивали…

Оветен кивнул.

Рбит подошел к Охотнице.

— Горы большие, — сказал он. — Но и мы, Охотница, не такие уж маленькие. Когда-нибудь еще встретимся.

— Наверняка.

— Помнишь, что я говорил о человеке в Громбе?

— Помню.

Кот поднял лапу в ночном приветствии. Они смотрели ему вслед, пока он догонял свою группу. На мгновение он остановился.

— Армектанка! — прорычал он. — Как твое имя? Я хочу его знать!

Девушка рассмеялась.

— А. И. Каренира. Чистой крови!

Над головой Рбита пролетел по высокой дуге тяжелый мешочек и упал у ног Оветена.

— Тот десятник служил в Бадоре, так что отдай это в бадорском гарнизоне! — донесся до него девичий голос. — Скажи, что встретил разбойницу, которая ради этого мусора убила прекрасного солдата!

Закон гор

Раны сочти, но обид не считай:
Забудь — но останется в сердце твоем Боль.
Но время придет — ты обиды сочтешь
И вспомнишь, что месть — это главный закон Гор.
Песня громбелардских разбойников

1

День был холодный. Солдаты, стоявшие на страже у ворот Бадора, топтались на месте, пытаясь согреться. Оба были светловолосые, крепко сложенные, с характерными для громбелардцев грубо вытесанными лицами. Притопывая и растирая руки, они лишь изредка обменивались несколькими словами. Занятые больше борьбой с холодом, сонливостью и скукой, нежели несением службы, они заметили направлявшегося к воротам человека, лишь когда их разделяло десятка полтора шагов.

— Весь увешан оружием, — пробормотал один из солдат, заметив меч на боку незнакомца и выступающий из-за плеча лук. — Лучник?

Здесь редко приходилось видеть подобное оружие, служившие в городе не пользовались даже арбалетами. В качестве метательного оружия использовалось короткое массивное копье, древком которого можно было при случае действовать как дубинкой.

Незнакомец подошел ближе и остановился. Толстый военный плащ с капюшоном защищал его от холода. Застегнутый пояс с мечом был отделан железными чешуйками. И

пояс, и меч ничем не отличались от тех, что были у стражников. Военное снаряжение не продавалось — его можно было только украсть или же… добыть.

Пришелец откинул капюшон, открыв длинные, черные как смоль волосы, и женским, слегка хриплым голосом произнес:

— Мне нужно видеть коменданта.

Солдаты переглянулись.

— Кто ты? — сурово спросил тот, что повыше, слегка коверкая кинен, общий для всей империи язык, на котором заговорила женщина.

Она ответила неприязненным взглядом серых глаз, странным образом не подходивших к ее лицу.

— Что, недавно в Громбелардском легионе? — спросила она. — Похоже, двое таких на посту — какой-то новый обычай. По крайней мере один должен быть опытнее и старше.

Солдаты снова переглянулись.

— Мне нужно видеть коменданта, — повторила женщина. — Доложите кому положено.

Тот, что повыше, пожал плечами, но направился к небольшой двери в крыле ворот.

— Следи за ней, — добавил он по-громбелардски, обращаясь к своему товарищу. Военное, а потому наверняка добытое незаконно снаряжение незнакомки не внушало доверия.

Прошло несколько минут. Стражник медленно прохаживался вдоль ворот, время от времени испытующе поглядывая на пришедшую. Женщина была молодая, с правильными чертами лица; она считалась бы красивой, если бы не странное выражение ее свинцово-серых глаз.

— Может быть, придется подождать, — предупредил солдат. — Сначала нужно…

— Я знаю, — прервала его женщина. — Сначала — к дежурному офицеру.

Он приподнял брови, затем пожал плечами и снова начал ходить перед воротами.

— Откуда ты? — спросил он и сразу же, словно предвидя, что она не ответит, добавил: — Ты не говоришь по-громбелардски… а здесь мало кто знает кинен. Тебе непросто будет найти ночлег…

— Ты заканчиваешь службу, сегодня ты свободен и охотно бы развлекся, — договорила она на его языке, презрительно надув губы. — С каких это пор в Бадоре мало кто знает кинен?

Солдат замолчал, слегка покраснев.

Прошло еще немало времени, прежде чем первый стражник вернулся вместе с подсотником.

— К коменданту? — коротко спросил офицер. — Кто и по какому вопросу?

— И где вас только таких набрали? — не на шутку удивилась женщина; она уже успела отвыкнуть от солдат (а тем более офицеров!), которые не в состоянии были ее узнать. Этот наверняка не был воспитанником бадорского гарнизона. — Откуда тебя перевели? Из Лонда? Да, к коменданту, — вздохнула она.

— По какому вопросу?

Женщина огляделась по сторонам, словно пытаясь найти свидетелей тупости военных.

— Сейчас я вам тут наделаю хлопот, — предупредила она. — Честное слово, я что, прошу аудиенции у императора? Я армектанка чистой крови. Мне нужно поговорить с тысячником Аргеном. Все. Шагай, подсотник, к своему командиру.

— Твоя чистая кровь, «ваше благородие», — с неприкрытой издевкой обратился он к ней, — не вызывает доверия. Ты разбойница?

В удивительных глазах девушки вспыхнула долго сдерживаемая ярость.

— Ну и дурак… — процедила она сквозь зубы.

Сделав шаг вперед, она ударила невысокого часового коленом между ног, после чего тут же отступила назад и плавным мягким движением подняла ногу на высоту подбородка второго. Не прикладывая особых усилий, она развернулась всем телом, и солдат глухо

взревел, схватившись за выбитую челюсть. Подсотник хотел было вытащить меч, но она вцепилась скрещенными в запястьях руками в его мундир у шеи и потянула к себе. Офицер захрипел, его глаза вылезли из орбит. Он пытался оторвать ее руки, но они, казалось, были отлиты из железа. Отпустив полузадушенного, она сильно толкнула его и снова развернулась вокруг собственной оси, свалив его ударом в голову, которого хватило бы даже медведю. Часовой с вывихнутой челюстью поддерживал ее руками, издавая стоны и роняя слезы, второй пытался выпрямиться, так что она со всей силы ударила его пяткой в ступню. Тот застонал и сел. Оставив побежденных противников перед воротами, она открыла дверцу и вошла на территорию гарнизона.

Внутренний двор был полон солдат, но никто ее не останавливал, полагая, что пришедшую пропустила стража у ворот. Впрочем, девушка проскользнула стороной; она хорошо знала, куда ей идти. Вскоре она уже поднималась по ступеням, ведущим в не слишком большое здание в углу казарм. В передней сидел на скамье у стены часовой.

— Тысячник у себя? — спросила девушка. — Меня прислал дежурный офицер, доложи коменданту, быстро!

Часовой машинально кивнул и подчинился. Однако стоило ему перешагнуть порог, как она вошла следом за ним.

На широком столе лежали какие-то документы. Сидевший за столом пятидесятилетний мужчина, с пером в одной руке и с бараньей лопаткой в другой, удивленно поднял голову. Мгновение он смотрел ей в глаза, слушая бессвязные объяснения часового, после чего кивком отправил его прочь, бросил лопатку в стоявшую рядом миску и потянулся к бокалу с вином.

— Что там за вопли за окном? — спросил он.

— Меня не хотели впускать, — ответила девушка. — На страже стояли мальчишки, а офицер — кто-то из новых.

Комендант бросил на нее суровый взгляд, отставил бокал и встал.

— Жди здесь, — бросил он, выходя.

Она огляделась по сторонам. Все было точно так же, как и несколько лет назад, когда ее прислали сюда из Армекта, чтобы она обучала громбелардских солдат владеть луком. Теперь она уже знала, сколь плохим она была тогда солдатом и сколь неудачливым офицером.

Крики за окном стихли. Послышался спокойный, суровый голос Аргена. Девушка улыбнулась, расстегнула пояс с мечом и стянула плащ. В камине горел огонь, в комнате было почти жарко.

Хлопнула дверь.

— Хотел бы я знать, — с обычным для него спокойствием произнес комендант, — что все это значит?

Она повернулась к нему, вытянувшись по стойке «смирно».

— Так точно, господин!

Впервые в жизни она увидела на лице бывшего командира некое подобие улыбки.

Она задумчиво потягивала неплохое вино. В горах она уже успела отвыкнуть от подобного. На постоялых дворах она пила пиво, в бурдюке у нее была налита водка… Теперь же вкус благородного напитка напоминал о многом, очень многом из того, что казалось утраченным навсегда. Он вызывал воспоминания о мягком прикосновении платья, которое она когда-то носила после службы; в нем ощущалась заколдованная музыка, блеск горящих в изящных подсвечниках свечей, тихий звон серебряных ожерелий и браслетов, шум отрывочных разговоров…

— Странно, — повторил Арген.

— Ну хорошо, странно, — устало сказала вырванная из мира приятных воспоминаний девушка, — я-то что могу поделать? Стервятники много раз нападали на людей… — Она замолчала, прикусив губу.

— Нападали? Редко. Я об этом не слышал. Впрочем, меня удивляет даже не то, что они напали, а то, что захватили в плен. Ты же знаешь, что они никогда так не поступают. Обычно им достаточно… — Он поколебался, заметив морщинку у нее на лбу.

— …ослепить побежденного, — угрюмо закончила она. — Но сейчас все иначе.

Арген медленно расхаживал по кабинету.

— Почему я должен тебе верить?

Она еще больше нахмурилась.

— А зачем мне лгать?

Молчание затягивалось.

— Стервятники лишили меня зрения, — пристально глядя на коменданта, сказала девушка. — Ведь ты знаешь эту историю? Солдат из твоего гарнизона отдал мне свои глаза, а величайший среди посланников утратил свою силу, передавая мне его дар… Я кое-что должна стервятникам. И уже несколько лет исправно плачу долг.

Она снова взглянула ему в глаза.

— Это был твой солдат, господин. И — насколько я знаю — хороший солдат. Так, может быть, мне только кажется, что и ты в каком-то долгу перед стервятниками?

Арген выдержал ее взгляд.

— Я здесь не для того, чтобы мстить, — спокойно ответил он. — Подсотница легиона, оставившая службу без права на сохранение звания, может себе такое позволить, хотя я считаю, что и она этого делать не должна. Ты можешь бродить по горам, истребляя все, что летает, хоть я этого и не одобряю… Ведь это тебя называют Басе-Крегири? — спросил он с необычным для него сарказмом. — Каким чудом некто бегающий по горам вдруг удостоился королевского титула?

Королева гор… И в самом деле, кое-где ее так называли.

— Не я выдумала это прозвище, — со злостью сказала девушка. — Наверняка еще чаще тебе приходилось слышать об Охотнице… Впрочем, хватит о прозвищах, комендант. Хватит о мести. Я пришла, думая о том, что тебя волнует судьба шести человек в зеленых мундирах Громбелардского легиона. Что ж, я ошиблась. Жаль.

Она встала.

— Один добрый совет, — добавила она, не скрывая раздражения. — К желторотикам следует приставлять опытных солдат. Если весь тот патруль состоял из таких мальчишек, как те, что на посту у ворот, — вот тебе и ответ, комендант, почему они угодили в переплет.

— Не учи меня. Сядь.

Комендант подошел к окну и открыл его. В комнату ворвался холодный воздух.

— Сядь, говорю. Еще раз, все по порядку.

Она набрала в грудь воздуха.

— Есть место недалеко отсюда, в нескольких милях к востоку от Ладоры, которое называют Черным лесом. Карликовый лес из окаменевших деревьев… есть множество легенд о том, как он возник. Деревья и скалы там действительно черные — легко понять, откуда взялось название…

— Дальше.

— Недавно там обосновалась большая стая стервятников. Я знаю, что именно там держат твоих людей.

— Связанных, взаперти?

Она тяжелым взглядом посмотрела на коменданта.

— Человека, оказавшегося во власти стервятников, незачем связывать… Он просто послушен их воле. Я знаю в Бадоре нескольких человек, которым стервятники выклевали глаза. Прикажи найти кого-нибудь из них и спроси, если мне не веришь.

Арген задумчиво потер лоб рукой.

— Я знаю, где это. Почти три дня пути отсюда, ближе к Громбу, чем к Бадору. Мало того, что это спорная территория между округами, к тому же там еще ничего нет. Никаких селений, даже, насколько мне известно, никаких разбойничьих лагерей, хотя бы временных.

Объясни мне, что мог мой патруль делать в тех краях?

— Ты меня спрашиваешь, господин?

Он испытующе посмотрел на нее, и она снова увидела недоверие в его взгляде.

— Может, они кого-то преследовали? — спросила она. — Это был обычный патруль?

Он не ответил.

— Ну хорошо… — помолчав, пробормотал он. — Как я понимаю, у тебя есть какой-то план?

Она поднесла бокал к губам.

— Через три дня полнолуние. В день перед полнолунием стервятники не летают. Думаю, это какая-то их традиция или некий обычай. Хотя Дорлан говорит, что обычаи стервятников касаются Полос Шерни и служат постижению ее природы. Но он не знает, каким именно образом, а это означает — никто того не знает во всем Шерере.

— Дорлан? Мудрец Шерни? Что тебя с ним сейчас связывает?

— Это мое дело. Он уже не мудрец Шерни. Мне рассказывать о Дорлане?

— Никогда не слышал о таком обычае, что перед полнолунием стервятники не летают.

— Сколько раз ты видел стервятника, господин?

Комендант наморщил лоб.

— Только однажды… — неохотно признался он.

— И был он наверняка очень высоко, — презрительно сказала девушка. — Можешь насмехаться, господин, над королевой гор… но я бегаю по ним уже не один год и о горах, стервятниках, разбойниках, дождях и обо всей вашей паршивой стране знаю больше, чем ты можешь себе представить.

— Дальше.

— Это все. Мне нужны десять лучников.

— У меня только двое. И не лучших. Когда-то сюда прислали отряд лучниц, чтобы те научили солдат стрелять, но научили они их лишь тому, как делать детей.

Она уже была сыта по горло его сарказмом и сделала вид, будто не слышит.

— Значит, кроме этих двоих лучников мне нужны еще десять арбалетчиков.

Он кивнул.

— В день перед полнолунием стервятники не летают, — повторила девушка. — Таким образом, нам удастся незамеченными проникнуть в окрестности Черного леса. Ночью проберемся среди деревьев и окружим их логово. На рассвете… останется лишь быстро и метко стрелять. Половину этой работы я сделаю сама.

У Аргена с языка уже готова была сорваться очередная колкость, но он лишь кивнул. Когда-то она была не самым лучшим офицером, но стрелять умела великолепно. Он сам это видел.

— План простой… но выглядит логично, — пробормотал он. — Сколько их?

— Пять или шесть… может быть, семь.

— Черный лес не такой уж маленький. Как ты собираешься найти там их логово? Тем более ночью?

— Незачем искать… Я хорошо знаю, где оно.

Видя вопросительный взгляд коменданта, она добавила:

— Я там была.

Она внезапно встала, подобрав куртку, и повернулась, показав спину. На ней виднелись еще свежие, глубокие и кровоточащие, следы когтей.

— Но сама я не смогла с ними справиться. Лишь сократила численность стаи.

Глядя на раны, комендант спросил:

— Ты была там из-за моих солдат?

Девушка опустила куртку.

— И из-за них тоже. Но в большей степени из-за моего долга, — откровенно сказала она. — Хотя я всегда помогу человеку, которому угрожает стервятник. А если помогать будет уже поздно — отомщу за него. Постараюсь.

— Они не уйдут отсюда, зная, что их обнаружили?

— Может, и уйдут. Кто знает, на что способен стервятник?

— Даже ты? Зная о стервятниках, дождях и всем этом крае больше, чем я могу себе представить?

— Особенно я. Охота на стервятников научила меня одному: скромности. Да, я знаю кое-что, чего не знаешь ты, господин. Я знаю лучше всего на свете, как мало мы знаем о стервятниках. На самом деле все, что у нас есть, — лишь наши собственные о них представления.

Он еще раз подошел к окну.

— Здесь тебе ночевать нельзя. Приходи завтра на рассвете. Людей я подберу еще сегодня.

2

Было раннее утро, пасмурное и холодное, как обычно в Тяжелых горах. Слышался резкий стук подков по булыжникам главной улицы. Из ноздрей мулов валил пар. Отряд в полтора десятка человек молча двигался к северным городским воротам. От ворот тянулась дорога, ведущая до самого Громба, Рахгара и Ленда. Единственная дорога через горы с юга на север.

Возглавлял отряд Арген, за ним следовала лучница. Она сидела в седле по-мужски, по армектанскому обычаю: из-за укороченных стремян колени ее высоко поднимались на боках лошади. Солдаты посмеивались над такой довольно неустойчивой позой, но вскоре оказалось, что девушка правит конем столь же искусно, как и они своими мулами, и шутки сами собой иссякли. Кроме того, она ехала на великолепном горном коне, и оказалось, что второй такой у нее есть в Громбе, а третий в Рахгаре… Эта женщина чистой крови была отнюдь не бедной, и солдатам пришлось по душе, что в Тяжелых горах она чувствует себя как дома. Даже Арген слегка удивился, увидев утром лучницу в седле, поскольку уже приказал подобрать ей армейского мула. «Не нужно, — как ни в чем не бывало ответила она. — В каждом городе я плачу за содержание коня — иногда я спускаюсь с гор и хочу быстро преодолеть путь».

Вечером, когда Арген назначал тех, кому предстояло принять участие в вылазке, оказалось, что добровольцев намного больше, чем ему требовалось. Среди солдат уже распространились слухи о необычной драке у ворот, к тому же прозвище Охотница было всем прекрасно известно. Несчастные молодые вояки, которых она поколотила, не могли избавиться от безжалостных насмешек. Кроме того, монотонность уличного патрулирования и возня с мелкими воришками и прочими отбросами общества успели солдатам порядочно надоесть. Почти каждый предпочитал патрулировать горы, нежели городские улицы. Правда, это путешествие мало чем напоминало обычное патрулирование. Скорее его можно было назвать карательной экспедицией, одной из тех, которые временами предпринимались против разбойничьих банд. Благодаря же тому факту, что противником на этот раз выступали стервятники, все особенно рвались в бой. Разбойники были людьми. Стервятники же — стервятниками… И коменданту Аргену пришлось взять лишь половину тех, кто желал отправиться на «охоту».

Трудно понять причины столь нескрываемой ненависти к стервятникам, третьему разумному виду, самому немногочисленному, не связанному с человеком никаким соперничеством, за исключением борьбы за власть над некоторыми, самыми дикими, районами Тяжелых гор. Возможно, именно эта «чужеродность» и была причиной ненависти; достаточно сказать, что эти два вида сражались между собой не на жизнь, а на смерть, причем представители каждого из них считали своих врагов низшими существами. Следует признать, что человек в этой войне являлся стороной более агрессивной; однако причиной тому служило отнюдь не миролюбие стервятников, но попросту их слабость. Стервятников в горах всегда насчитывалось немного, даже тогда, когда они были лишь птицами… Однако с

тех пор, как Шернь наделила их разумом, их вид начал вымирать, и вовсе не из-за враждебных действий человека. Странные обычаи, верования, обряды и законы стервятников, которые знали немногие, а понять не мог вообще никто, вели к медленному сокращению численности вида. Десятки и сотни законов регулировали подбор семейных пар, строительство гнезд… Даже долголетие ничем не могло помочь.

Отряд выехал за ворота и почти сразу же свернул на восток. Узкая тропинка, громко именуемая трактом, вела к вершине вздымавшегося над городом массивного хребта. Они ехали друг за другом.

До хребта отряд добрался около полудня. Тропинка, ведущая на него, стала шире и удобнее, продолжая бежать дальше, на север. Им предстояло идти по ней до вечера, и это была самая легкая часть пути.

Ели прямо в седле. В лицо дул не слишком сильный, ровный ветер — дыхание гор, как его здесь называли.

Армектанка все время пути была погружена в собственные мысли, лишь время от времени бросая взгляд на ехавшего во главе отряда Аргена. Ее беспокоил один вопрос: по какой такой причине их небольшим отрядом командует лично комендант гарнизона?.. Почему он решил, что без его участия не обойтись? В городах провинции военные коменданты считались весьма высокопоставленными особами, но делили власть с имперскими чиновниками и разными городскими советами. Однако в Бадоре, который, подобно другим громбелардским городам, имел статус столицы военного, а не городского округа, Арген не подчинялся никому, считаться же был обязан разве что с чиновниками Имперского трибунала, а дальше — с главнокомандующим Громбелардским легионом и самим князем — представителем императора в Громбе. Но именно комендант вел теперь полтора десятка солдат в дикие горы. Увидев его утром, в наброшенном на кольчугу простом военном плаще, с арбалетом за спиной и коротким гвардейским мечом на боку, без белого мундира тысячника легиона, в котором он обычно ходил, она не поверила своим глазам. Этот седеющий господин, много лет не вылезавший из рапортов и уставов, отправлялся в горы… Она никогда не видела его с оружием. Ни разу также, даже тогда, когда она сама служила в Громбелардском легионе, не было такого случая, чтобы он возглавил патруль или экспедицию. Именно поэтому она никак не могла поверить, что в случае необходимости он сумеет воспользоваться оружием, которое нес. Почему он решил принять участие во всей этой авантюре со стервятниками?

Очень просто: он ей не доверял.

Она слегка улыбнулась, чуть сердито, но вместе с тем и с невольным уважением.

Было еще светло, когда они остановились на ночлег. Они встали неподалеку от тракта, на обочине — так, чтобы часовые могли заметить любого бродягу, привлеченного дымом от костра; так диктовала осторожность или, скорее, рутина, поскольку здесь, возле тракта между Бадором и Тромбом, относительно сильному отряду солдат наверняка ничто не угрожало. Связывая порвавшийся ремень колчана, Охотница смотрела, как солдаты ловко управляются с лошадьми, пока другие разжигают огонь (дрова пришлось везти из самого Бадора). Десятник и один из легионеров распаковывали вьюки. Лицо десятника пересекала черная повязка. Вероятно, он потерял нос в бою, наверняка от меча разбойника.

Десятник бросал на девушку частые взгляды, потом оставил вьюки и подошел к камню, на котором она сидела.

— Не узнаешь меня, госпожа?

Она нахмурилась.

— Наверняка из-за этого… — Он коснулся повязки на лице. — Впрочем, никто не помнит простых солдат, а прошло уже немало времени… Я был когда-то в твоем отряде, госпожа. Вместе с Баргом.

Перед ее глазами пронеслись невероятно отчетливые воспоминания: лежащий на земле солдат с пустыми окровавленными глазницами, склонившийся над ним легионер в зеленом мундире… В глазах легионера застыли ужас, жалость и немой упрек. Теперь поверх

чудовищной повязки на нее смотрели те самые глаза.

— Тогда мы сами навлекли на себя несчастье, — сказал он.

Это было неправдой. Несчастье навлекла на них она, их командир.

— А теперь, когда я услышал, — продолжал солдат, — что мы идем спасать наших, я сразу же вызвался. Это хорошо… это правильно, госпожа. Я хочу сказать, госпожа, что никто никогда не обвинял тебя в том, что тогда произошло, но теперь — все-таки хорошо, подсотница, что ты ведешь нас против стервятников, а нашим на помощь.

Она едва сдержала горькую усмешку. Никто ее не обвинял… но все-таки хорошо, что она собиралась расплатиться с долгом.

— Я больше не подсотница. И не та девчонка, что повела вас тогда в горы, не имея о них никакого представления.

— Я знаю, госпожа. Слава о тебе идет повсюду…

— Эта слава берется в основном из баек и домыслов, — прервала она его, возможно, чересчур резко. — Меня называют Охотницей. И вся правда кроется именно в этом прозвище, легионер. Не верь, когда услышишь обо мне что-то, не имеющее отношения к этому слову. Охотница! Я истребительница стервятников, и никто больше. Понимаешь?

— Да, госпожа.

Нет, он не понял. Впрочем… Что он должен был понять? Что, собственно, она хотела ему сказать? Она кивнула.

Солдат отошел.

Небольшой костер погасили, как только был готов ужин. Лагерь потонул в темноте, но маленький красный огонек манил взгляд. Солдаты не торопясь пили горячий бульон из деревянных кружек. Кто-то пошел с котелком к часовым. Ночи в горах были очень холодными, к тому же собирался дождь. Именно потому столь большое внимание уделялось горячей пище.

Один из легионеров начал тихо напевать старую солдатскую песню. Ее подхватили другие голоса. Эти люди редко могли себе позволить немногочисленные радости военного бивака. Дальше в горах ни о кострах, ни о пении не будет и речи — это может привлечь врага. Однако на тракте, между двумя самыми сильными гарнизонами Громбеларда, вряд ли повстречается большая банда разбойников.

Когда пение смолкло, во мраке, где-то за спинами сидящих, послышалась новая мелодия. Солдатам, которые только что пели о трудностях жизни в гарнизоне, вдруг вспомнилось нечто другое… Где-то в темноте сидевшая у скалы женщина пела низким, чуть хриплым голосом, и слова ее песни прекрасно к этому голосу подходили — слова об обиде, мести и смерти. Грустная песня горных разбойников, старая, как сам Громбеларда, напоминала о суровых законах гор, ради которых вооруженные люди, в мундирах и без мундиров, преодолевали бездорожье, нередко жертвуя жизнью. Кто-то несмело начал подпевать девушке, но тут же замолчал, бросив взгляд на командира: солдатам не следовало петь подобного. Однако другой легионер, более смелый или попросту обладавший меньшим чутьем, запел громче, и вскоре тысячник Арген слышал несколько десятков мужских голосов, подпевавших женскому. Все знали эту песню, все ее понимали и считали, что каждое слово в ней — правда. Возможно, единственная общая правда, которую могли принять все существа, бродившие по дорогам Тяжелых гор.

На третий день они спустились в широкую долину. Путь пролегал между двух больших озер. С тех пор как они покинули тракт, верховые животные стали в равной мере как помощью, так и помехой. Иногда их приходилось вести под уздцы, однако попадались и участки, где можно было ехать. В долине, после того как они спустились на ее дно, мулы пригодились еще раз, но не надолго, поскольку, обогнув меньшее из озер, они наткнулись на крайне сложную местность, усеянную каменными обломками. Они разбили лагерь и после короткого перерыва на еду разделили часть вещей, которые до этого везли во вьюках. Двое остались в долине, с животными. Остальные двинулись дальше пешком, во главе с

тысячником.

Охотница продолжала внимательно, хотя и незаметно наблюдать за Аргеном, постепенно меняя о нем мнение. Прошедший день уже не был приятной поездкой по дороге, однако комендант вел отряд спокойно и уверенно. Ее удивило, что ему неплохо знакомы горные тропы — лучшее доказательство того, что он отнюдь не всю жизнь провел над докладами с пером в руке. Перед ней был ветеран — старый солдат, который когда-то лично водил патрули по бездорожью. Собственно, в том не было ничего странного. Армектанские военные, а за ними и все остальные в провинциях очень серьезно относились к службе; ведь и она сама прекрасно знала, что офицером никто не рождается. К наивысшим почестям и чинам в имперских легионах вел лишь один путь — от простого солдата, стоящего на посту с мечом в руке. Конечно, принадлежность к знатному роду делала этот путь более коротким и намного более простым, но пройти его должен был каждый. И теперь, наблюдая за тысячником Аргеном, она все больше укреплялась в убеждении, что этот человек заработал свой белый мундир тяжким и честным трудом. Тяготы двухдневного марша оставили на нем не больший след, чем на ком-либо из солдат. Они уже некоторое время поднимались на негостеприимный крутой склон, и лишь это обнаружило некоторый недостаток гибкости у все-таки уже немолодого коменданта. Однако и с ним он вполне справлялся, ибо выдержки и силы ему было не занимать.

Неожиданно, с легким удивлением и замешательством, она обнаружила, что начинает видеть в нем мужчину… Симпатичного, вне всякого сомнения. Большого и сильного. Не какого-то мальчишку, стоявшего на посту перед воротами гарнизона.

— И почему он никогда мне не скажет, что я плохо знаю громбелардский? — пробормотала она себе под нос. — Мог бы и преподать пару уроков.

Пытаясь избежать неуместных мыслей, она вышла вперед отряда.

— Разреши мне, комендант, — сказала она. — Ты очень хорошо ведешь, но я здесь живу и знаю каждый камень.

Это была не совсем правда — в окрестностях Ладоры и Черного леса она бывала редко. Но все же чаще, чем Арген.

Он показал ей, чтобы она шла впереди. Сам же подождал, пока его минуют солдаты, чтобы теперь замыкать шествие. Он заметил, что солдаты восхищаются ее выносливостью и пренебрежительным отношением к трудностям. В ней было что-то от горной козы, и все убеждались, что полулегендарные рассказы об Охотнице — чистая правда. Несколько раз она намеренно отставала, внимательно осматриваясь по сторонам, после чего без труда и без видимых признаков усталости догоняла отряд, выдвигаясь снова вперед.

Они были уже почти у самой вершины, когда девушка снова отстала. Вскоре послышался ее тихий зов. Она мерила взглядом расстояние до скалистого утеса, к которому они стремились.

— Здесь остановимся, — сказала она, подходя к тысячнику. — В этом месте они не смогут нас заметить. Придется подождать до вечера.

Арген испытующе посмотрел на нее.

— Ведь перед полнолунием, насколько я знаю, стервятники не летают, — заметил он.

— Это вовсе не значит, что они слепнут, — сердито возразила девушка. — Сразу же за этим хребтом, на противоположном склоне, начинается Черный лес. Стервятники постоянно его стерегут. Конечно, сегодня они не летают, иначе они давно бы уже о нас знали… Однако дальше нам сейчас не пройти. На этом утесе мы будем видны как на ладони.

Стоявший рядом солдат удивленно смотрел на дорогу, которую им еще предстояло преодолеть, чтобы достичь утеса.

— Впереди самая тяжелая часть пути, — сказал он, показывая рукой. — Хочешь сказать, госпожа, что нам придется идти в темноте?

Она насмешливо кивнула.

— Мы могли бы остановиться сразу же под утесом…

— Где?

Солдат посмотрел на склон.

— Ты видишь там подходящее место, где без труда поместится полтора десятка человек? — продолжала спрашивать она. — Хочешь ждать до вечера, судорожно прижавшись к стене?

— Хватит, — отрезал Арген. — Остановимся здесь.

Солдаты положили свою ношу на землю. Армектанка повязала лоб широкой полосой кожи, убрав под нее волосы. Отложив в сторону лук и стрелы, она отцепила от пояса ножны с мечом и кивнула.

— Пойду пройдусь, — коротко сообщила она.

Арген бросил несколько слов солдатам. Безносый десятник сразу же поднялся с земли.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — пояснил комендант, видя ее вопросительный взгляд. — Никто из нас понятия не имеет, где держат пленников.

— Ерунда… Я не нуждаюсь ни в чьем обществе, — неохотно ответила девушка.

— Но ты его получишь.

— Ваше благородие, ты мне не доверяешь?

— Постольку-поскольку, — честно ответил он. — Но сейчас я прежде всего думаю о твоей безопасности. По горам не ходят в одиночку.

— Я всегда хожу в одиночку.

— Но сегодня тебе это ни к чему.

Лицо армектанки внезапно покраснело.

— Я не хочу ничьей опеки и в ней не нуждаюсь! — прошипела она. — Я не твоя подчиненная, ваше благородие!

Арген слегка поднял брови, и она поняла, что комендант своего мнения не изменит — хотя бы в силу присутствия солдат, свидетелей разгоравшейся ссоры. Стиснув зубы, она смерила безносого взглядом и с бессильной злостью прошипела:

— Ну ладно, пошли.

На расстоянии в неполные четверть мили возвышалась крутая, почти вертикальная стена, достигавшая самого утеса. Оба направлялись прямо к ней. Легионеры переглянулись, понимая, что станут сейчас свидетелями удивительного поединка, который вскоре разыграется между армектанкой и их лучшим разведчиком…

Арген тоже это понял.

— Задержать их! — приказал он. — Вы, двое, только без воплей!

Солдаты тут же двинулись следом за ними. Однако сразу стало ясно, что никаких шансов у них нет. Лучница явно знала здесь каждую пядь земли или же попросту лучше умела выбирать дорогу; там, где она шла вперед довольно легко, солдаты отчаянно цеплялись за скалы, пытаясь сохранить равновесие на крутом склоне.

Арген беспомощно смотрел, как армектанка и его десятник начинают карабкаться наверх.

Солдаты напряженно привстали с мест. Как зачарованные, они смотрели на невероятные, почти акробатические трюки девушки.

Армектанка преодолевала стену в почти невероятном темпе. Безносый десятник упорно и отчаянно карабкался вверх, пытаясь угнаться за ней, но казался ребенком, соревнующимся со взрослым мужчиной.

Зрители затаили дыхание, глядя, как девушка ловко преодолевает гребень стены. Несколько мгновений она раскачивалась, повиснув над пропастью, потом подтянулась с легкостью, выдававшей немалую силу ее рук. Задрав ногу так высоко, что это казалось попросту невозможным, она зацепилась ступней за какой-то мелкий выступ и одним движением тела переместилась выше. Какое-то время она ничком лежала на скале, ожидая идущего за ней солдата, а может быть, просто отдыхая. Потом двинулась дальше.

Никто не заметил того момента, когда десятник сорвался со стены. Все увидели летящего вниз человека, но никто не услышал крика. Глухой удар тела о камни смешался с воплем легионеров. Все бросились к подножию стены. Арген бежал вместе с остальными, не

пытаясь остановить подчиненных. Когда они добрались до места, двое солдат, посланных следом за первой парой, уже склонились над неподвижным десятником.

— Он еще жив… — сказал один из них. — Мы кричали, чтобы он возвращался, но он не слышал… или не хотел.

Арген присел возле десятника. Изо рта и из-под черной повязки текла кровь.

— У него сломаны ребра, — сказал второй солдат, — и ноги… Может, и внутри что-то…

Тысячник медленно выпрямился.

Армектанка, только что спустившаяся со стены, стояла неподвижно, глядя прямо перед собой.

— Я не хотела… — глухо сказала она. — Клянусь… Я думала, он вернется. Ведь… я не знаю никого, кто смог бы подняться на эту стену вместе со мной…

Арген заскрежетал зубами. Солдаты со страхом смотрели, как кровь приливает к лицу их всегда спокойного командира. Он подошел к лучнице и толкнул ее так, что она отлетела к каменной стене.

— Послушай, сука, — прорычал он. — Ты, словно зараза, убиваешь людей одним лишь своим дыханием. Снова из-за твоей дурости я теряю хорошего солдата. Тогда я потерял двоих, из которых один точно так же переломал себе кости… Берегись, чтобы я не потерял еще кого-нибудь… Ибо тогда, королева гор… терпению моему придет конец.

Он еще раз сделал движение, будто собирался ее толкнуть, но лишь угрожающе поднял палец, отвернулся и снова присел возле умирающего.

3

Кто-то должен был остаться возле раненого, и потому после захода солнца в дальнейший путь отправились лишь десять человек.

Впереди шла лучница. Солдаты, помогая друг другу, двигались следом. Перед тем как идти, все связались веревкой, что было весьма предусмотрительно. Узкая скалистая расселина, глубоко врезавшаяся в склон, полна была щебня и мелких камней, ускользающих из-под ног. Путь был крайне тяжел, к тому же требовалось соблюдать тишину, поэтому отряд двигался крайне медленно.

В конце концов они добрались до хребта, тихо и без происшествий, но теперь нужно было сразу же двигаться дальше, чтобы нагнать потерянное время. Отдыха, пусть даже короткого, позволить себе они не могли.

Следом за молчащей проводницей они зигзагами спускались с гребня. Перед ними, на склоне, лежал — более темный, чем скалы и ночь — Черный лес…

Вскоре они миновали первые деревья. Днем это место казалось опасным и грозным, но сейчас, в темноте — просто чудовищным. Медленно и осторожно они двигались среди окаменевших стволов, неуверенно оглядываясь по сторонам. Карликовые дубы протягивали низко над землей бесформенные, лишенные сучьев ветви; кое-где приходилось перемещаться почти ползком. Обвешанные оружием солдаты с трудом находили проход в этом кошмарном лабиринте.

Пелена облаков, обычно покрывавшая громбелардское небо сплошным саваном, внезапно разошлась, и землю осветил блеск луны. Однако свет, вместо того чтобы оказать столь необходимую помощь, заполнил лес сотнями странных, таинственных теней, окончательно сбивая с толку.

— Проклятье! — прошептал один из солдат.

— Дальше! — поторопила лучница.

Они погружались в лес все глубже. Поросший мертвыми стволами склон, к счастью не слишком крутой, казалось, тянулся без конца.

Девушка остановилась.

— Уже недалеко, — тихо сказала она, подходя к Аргену. — Большая поляна,

заваленная обломками скал…

Она сжала плечо коменданта.

— Я должна пойти посмотреть. Но лучше будет, если на этот раз я пойду одна, господин…

Несколько мгновений он молчал.

— Иди, — разрешил он.

Она повернулась и скрылась в переплетении ветвей и теней.

Солдаты уселись на землю, держа наготове арбалеты и луки. Затаив дыхание, они пытались разглядеть среди стволов признаки опасности.

Тишина была просто ошеломляющей.

В настоящем лесу никогда не бывает абсолютно тихо. Где-то в его глубине всегда трещат ветви, шелестят листья, ветер шумит в кронах деревьев… иногда доносится крик какой-нибудь ночной птицы. Все эти звуки, хотя и производят пугающее впечатление, говорят, однако, о том, что в лесу есть жизнь.

Этот лес был мертв, окончательно и бесповоротно, погруженный в безмолвие смерти уже несколько сотен лет.

Луна скрылась за тучами, но лишь на мгновение. Вскоре она выглянула снова, и тут ее заслонила огромная тень. Захлопали крылья. Окаменев, солдаты смотрели на гигантскую птицу, описывающую круги над их головами.

Свистнула тетива, стервятник взмыл и почти сразу же рухнул вниз. Они увидели армектанку с луком в руках, продиравшуюся к ним сквозь паутину теней. Где-то недалеко подстреленный стервятник бил крыльями о каменные стволы в предсмертных судорогах.

— Они нас обнаружили! — сказала девушка. — Поляна пуста.

Она посмотрела на мертвенно-бледные в лунном свете, испуганные лица и внезапно дико расхохоталась. Могло показаться, что она сошла с ума.

— Что ж это вы, вояки? Как потребовалось драться — так страшно стало?

Солдаты опомнились.

— Веди, — приказал Арген. — Сможешь их найти?

— Они сами нас найдут! — ответила она, снова хохоча; коменданту все больше казалось, что у девушки непорядок с головой. — На поляну, быстро! Там они нас врасплох не застанут.

Почти бегом они бросились через лес. Вскоре перед ним открылось свободное пространство. Тяжело дыша, они встали вокруг груды каменных обломков в его центре, оглядываясь по сторонам.

Где-то на краю поляны раздался крик солдата, который чуть отстал, не в силах поспеть за остальными. Следом послышался глухой лающий голос, монотонно произносивший непонятные, повторяющиеся слова. Двое солдат хотели было бежать туда, но Арген встал у них на пути.

— Где мои люди? — спросил он, ища взглядом лучницу.

Откуда-то из темноты донесся ее голос:

— Пленники? Не знаю, комендант, здесь их уже нет…

— И никогда не было! — с неподдельной яростью проговорил он.

— Да нет, были, — сказала она, однако он был почти уверен, что она лжет; впрочем, все это было ложью… он уже почти не сомневался. — Были, но теперь их уже нет, есть только стервятники… Только стервятники и вы.

У солдат зашевелились волосы на головах.

— Сука… проклятая сука! — в отчаянии проговорил кто-то из солдат.

— Это самая крупная стая из всех, что мне приходилось видеть, — снова послышался ее голос, еще более отдалившийся, — и я должна ее уничтожить, я и в самом деле верила, что нам удастся застать их врасплох… но теперь лучше оставайтесь там, где стоите. Они придут!

Где-то в лесу во второй раз послышался крик несчастного солдата и монотонный

клекот стервятника. Мгновение спустя крики стали отчетливее — легионер продирался к поляне, пока не выскочил из зарослей и, воя как зверь, с обнаженным мечом двинулся к своим товарищам. Арген видел, что человек этот безумен; впрочем, не ему одному были знакомы рассказы о силе взгляда стервятников…

— Не стрелять! — крикнул он, но было уже слишком поздно; кто-то без приказа спустил тетиву, тяжелая стрела ударила легионера в грудь и повалила на землю. — Я сказал — не стрелять!

Ему хотелось подозвать стрелявшего и поступить с ним так, как того заслуживал легионер, поднявший оружие на товарища. Но он сдержался.

— Не стрелять, иначе мы все друг друга перебьем! — твердо и решительно сказал он. — Подождем здесь до утра, а потом выйдем из леса и вернемся в Громб. Понятно?

Спокойный голос тысячника подействовал; солдаты справились со своим страхом. Место оказалось жутким, а враг не таким, как всегда, но их все же здесь восемь человек, у них есть оружие и командир… Арген показал на места среди скальных обломков, приказав каждому из солдат наблюдать за своим участком местности. Он отдавал последние распоряжения, когда над поляной мелькнула большая зловещая тень, за ней вторая и третья… Лающие шепелявые голоса раздавались повсюду.

— Люди, люди, — доносился монотонный голос откуда-то спереди, — вы погибли, люди, это наша территория, территория, люди, территория стервятников, бросьте оружие, бросьте быстро, быстро…

— …Здесь наши законы, вы погибнете, погибнете, люди… — вторил ему другой, сзади.

— …Этой земли коснулась алерская Лента, люди, вы здесь чужие, бросьте ваше оружие, покоритесь, люди… — доносилось сбоку.

Двое солдат вслепую послали стрелы среди деревьев.

— Не стрелять! — крикнул Арген. — Только по приказу!

Клекочущие голоса не смолкали, и комендант вспомнил, что рассказы о глазах стервятников — лишь часть правды… Слова проклятых птиц также обладали мрачной силой, лишающей воли. Один из легионеров бездумно отложил арбалет, второй тотчас же последовал его примеру. Тысячник почувствовал, что ему самому все больше хочется послушаться раздававшихся во мраке приказов, бросить оружие, сесть и ждать…

— Встать! — крикнул он. — Марш вверх по склону! Взять оружие!

Солдаты пришли в себя. Во главе с комендантом они углубились в чудовищный лес. Сперва они шли плотной группой, окруженные монотонными голосами. Однако тут же оказалось, что держать строй невозможно — солдаты останавливались, расходились… Арген пытался как-то собрать отряд, но вскоре понял, что и сам делает вовсе не то, что хотел бы.

— Идите к нам, люди, идите, оставьте ваше оружие, люди…

Где-то неподалеку один из клекочущих голосов внезапно сменился пронзительным воплем и затих. Стервятники замолчали. Арген попытался собраться с мыслями и подозвал к себе солдат.

— Это она, — со смехом сказал кто-то. — Она их всех поубивает…

— Ху! Ха!

Тысячник понял, что командует отрядом безумцев.

С дикими воплями один из арбалетчиков бросился вперед, но тут же налетел в темноте головой на ствол каменного дуба и со стоном упал. Однако двое других подхватили его под руки и потащили, а третий, с взведенным арбалетом в руках, оглядывался вокруг в поисках цели. Арген начал понимать, что не на всех в равной степени действуют голоса стервятников.

— Вверх по склону! — громко приказал он. — Не останавливаться!

Снова раздались неразборчивые голоса птиц. Солдат, который только что искал цель, куда-то пропал. Тысячник оглядывался по сторонам, ища его в пятнах лунного света — рассчитывая, что сохранивший самообладание легионер поможет ему командовать. Они

прошли несколько десятков шагов, когда во второй раз раздался хриплый вопль — и опять наступила тишина. В этой тишине где-то далеко послышался еще один предсмертный крик стервятника… Невозможно было поверить, чтобы один человек убил двух птиц сразу!

— Не останавливаться! — сказал Арген. — В гору, все время в гору, марш!

Остановившись, он долго смотрел назад. Вскоре в темноте замаячил силуэт догонявшего отряд арбалетчика. Солдат почти налетел на неподвижного Аргена и перепугался.

— Ваше… Комендант! — сдавленно проговорил он. — Иди, господин, со всеми, я подожду! Их видно, когда они лежат среди деревьев или если взлетят и усядутся на ветке, тогда можно подкрасться… — лихорадочно объяснял он. — Иди, господин, а я их тут…

Арген хлопнул арбалетчика по плечу, давая понять, что принимает его план. Оставив солдата в арьергарде, он двинулся следом за прочими.

Стервятники молчали недолго. Окруженный враждебными голосами тысячник начал сомневаться в том, что сумеет нагнать отряд. Отбросив прочь все мысли, он старался помнить только о том, что догоняет своих подчиненных, под прикрытием мужественного одинокого легионера. Он прислушивался, ожидая крика агонизирующего стервятника, но вместо этого ему показалось, будто он слышит крик человека. Потом он вдруг понял, что никуда уже не идет, что сидит у подножия каменного дерева, без арбалета… Поднявшись, он достал меч и оперся о дерево. В темноте маячили какие-то тени.

— Сядьте, люди, отдохните, оставьте ваше оружие, оставьте, оставьте на алерской земле, которой касалась Лента…

— Оставьте оружие, люди, сядьте…

Арген ждал. Ему показалось, что откуда-то издалека донесся новый предсмертный крик стервятника, а на его фоне — пронзительный, торжествующий женский смех.

Черные мечи

1

Подавив зевок, ее благородие А. Б. Д. Лейна потянулась в огромном кресле и словно нехотя, почти полусонно, швырнула в служанку огрызком сочного яблока. Девушка не посмела уклониться, лишь инстинктивно зажмурилась, когда мокрый кусок яблока ударил ее прямо в щеку. Магнатка откинула голову назад, тряхнув волосами.

— Ну? — поторопила она, еще больше откидываясь назад. Она запрокинула голову; вверх ногами комната выглядела намного забавнее. Она решила, что стоит делать так почаще.

— Хм? — переспросила Лейна; занятая разглядыванием комнаты, она забыла о том, что слушает служанку. — Еще раз.

Девушка послушно повторила сказанное.

— Ты шутишь? — изумилась Лейна. Она села нормально, чувствуя легкое головокружение; подобная поза не слишком способствовала нормальному кровообращению. — Сейчас? С каких это пор я принимаю гостей в такое время? Никто не принимает гостей в такое время. Да есть ли кто-нибудь во всей Роллайне, кто принимает гостей в такое время? А собственно, сколько сейчас времени?

— Сейчас вечер, госпожа.

— Пусть приходит раньше. Или позже, в… Скажи ему. Нет, подожди. Как его зовут?

— Л. Ф. Гольд, ваше благородие. Из Громбеларда.

— Из Громбеларда, Громбеларда, Гром-бе-ларда… — повторила Лейна, бездумно забавляясь словом. Ей было скучно. — Гром-бе-лар… Пусть войдет.

— Да, госпожа.

Служанка вышла. Лейна лениво поднялась с кресла и остановилась перед огромным,

занимавшим полстены зеркалом. Несколькими легкими движениями она привела в порядок пышные огненно-рыжие волосы, разгладила платье. В сотый, а может быть, в тысячный раз наслаждаясь собственной красотой, жмурясь от удовольствия, она разглядывала отражение полных губ, изящных очертаний носа и изогнутых бровей. Не обращая внимания на стоящего в дверях посетителя, она повернулась, искоса рассматривая собственный профиль, затем поправила волосы на висках, слегка приподняв голову.

— Знаю, госпожа, что это может показаться невежливым… однако если я, будучи гостем, вынужден заговорить первым, то вовсе не затем, чтобы обидеть хозяйку дома, но лишь потому, что у нас обоих мало времени…

Когда посетитель подал голос, она посмотрела на него с удивлением. Голос у него был низкий и спокойный, странным образом подходивший к его широкому лицу и глубоко посаженным, проницательным глазам. Заметный горловой акцент выдавал в нем громбелардца.

Они стояли молча. Глядя со все возрастающим удивлением на его запыленную походную одежду, короткий военный меч и высокие сапоги для верховой езды, Лейна спросила:

— Ну нет, это уже и в самом деле чересчур… Что ты себе позволяешь, господин хороший?

Он пристально смотрел ей в глаза. Однако в то самое мгновение, когда она поняла, что взгляд ее зеленых глаз проигрывает, он задумчиво наклонил голову.

— Прости, госпожа, — почти покорно произнес он, хотя видно было, что слова эти даются ему нелегко. — Я не хотел тебя обидеть.

Лейна медленно перевела взгляд снова на зеркало, затем подняла руку и коснулась мизинцем густых, изящно загнутых ресниц.

— А теперь уходи, — утомленно сказала она. — Оставь свои простонародные манеры за дверью и приходи снова. Я же пока подумаю, в самом ли деле мне хочется с тобой разговаривать.

Не оглядываясь, она видела, как дрогнули его скулы. Он молча повернулся и вышел.

Лейна пренебрежительно надула губы, потом прикрыла глаза и соблазнительно улыбнулась. Она гневно сдвинула брови, затем в ее широко открытых глазах блеснуло нескрываемое восхищение. Изящные ноздри расширились, вместе с приподнятыми уголками рта создавая на лице презрительно-ироническое выражение, затем оно сменилось недоверием, наивным девичьим любопытством, обожанием, отвращением, испугом, задумчивостью, насмешкой…

Она беззаботно потянулась и нахмурила брови.

— Ты что, заснул там за дверью, господин? А может быть, ждешь, чтобы я сама к тебе вышла?

Дверь снова открылась. Он стоял на пороге, так же как и прежде, и, наклонив голову, ждал.

— Приветствую тебя, господин, в моем доме, — после долгого молчания произнесла Лейна. — Входи.

Он сделал два неуверенных шага.

— Приветствую тебя, ваше благородие! — ответил он слегка приглушенным голосом. — Я Л. Ф. Гольд, из Громбеларда.

Она кивнула.

— Из Громбеларда. Оно заметно.

Он поднял голову, думая, что она имеет в виду его поведение несколько минут назад. Но это было не так. Она неодобрительно смотрела на его потрескавшиеся, запыленные сапоги и висящий на поясе меч.

— Я прямо с дороги, госпожа, — пояснил он. — Прости, что я оскорбляю твой взгляд подобным видом…

— Ну ладно… И чем я обязана визиту вашего благородия?

Она почти легла в кресле, с трудом сдерживая желание снова запрокинуть голову; ей не хотелось, чтобы кровь прилила к лицу. Подперев щеку рукой, она подавила зевок.

— Я, кажется, спросила. Жду.

Он достал из-под куртки небольшой свиток пергамента, сильно помятый, затем подошел к ней и протянул руку.

— Вот письмо, которое объясняет цель моего визита, госпожа.

Поколебавшись, Лейна развернула свиток и пробежала взглядом ровные аккуратные строчки. Внезапно она выпрямилась, побледнев.

— Это какая-то шутка, глупая шутка, — сказала она. — Байлей уехал в Армект, у него там… у него там свои дела.

— Я знаю эти дела, ваше благородие.

— Ты знаешь о… жене моего брата?

— Ее благородие Илара не продлила брачный контракт. Байлей поехал за ней в Армект, рассчитывая…

— Хватит, — отрезала она. — Ты знаешь содержание этого письма?

— Да, госпожа.

Она сосредоточенно прочитала письмо второй и третий раз. Бледность на ее лице сменилась румянцем.

— Не верю. Не верю ни этому письму, ни тебе, господин. Что мой брат может делать на этом… Черном побережье?

— Он поехал искать свою жену, госпожа.

Испытующе глядя на него, она подняла руку с письмом, словно именно из него следовало то, что он только что сказал.

— Поехал искать жену? На Черное побережье?

— Ее похитили и увезли.

— На Черное побережье? А кто?

— Похоже, что посланник.

Она все еще внимательно смотрела на него, но это был взгляд, которым оценивают безумца.

— Да ты с ума сошел, господин, — наконец спокойно заявила она.

— Нет, ваше благородие. Это письмо…

С полнейшим спокойствием она разорвала письмо надвое и бросила на пол.

— Прощай, господин. Не знаю, что это за письмо, кто его писал и с какой целью. И никогда больше не приходи в мой дом.

Она не видела, как он положил руку на рукоять меча. Однако тон его голоса не предвещал ничего хорошего.

— Нет, госпожа. Байлей — мой друг. Я сделаю все, чтобы его желание было исполнено. Ты поедешь со мной, добровольно или по принуждению. Выбирай.

Она повернулась и взглянула в его серые глаза.

— Что я слышу? — медленно произнесла она со зловещей гримасой. — Ты угрожаешь мне… *похищением* ?

Загорелое лицо громбелардца оставалось невозмутимым.

— Именно так.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Лейна поняла, что перед ней действительно сумасшедший. Она в бешенстве стиснула зубы.

— Слуги!

В дверях комнаты почти мгновенно появился слуга.

— Пусть он уйдет, госпожа, — мягко сказал Гольд.

Лейна не обратила внимания на его предупреждение.

— Прощай, ваше благородие, — сказала она, давая знак слуге.

Слуга встал за спиной Гольда; когда стало ясно, что гость добровольно не уйдет, он крепко взял его под руку. В следующее мгновение могучая рука обхватила слугу за спину,

другая придавила горло. Гольд подсек слуге ноги… тело того перекувырнулось в воздухе, словно весило не больше, чем набитый перьями мешок, и рухнуло на пол. Громбелардец схватил лежащего и снова поставил на ноги. Побежденный с трудом ловил ртом воздух, удар о пол основательно его ошеломил. Словно этого было мало, Гольд со всей силы толкнул его, так что тот ударился головой о стену. Затем он поднял взгляд на девушку.

Лейна стояла, открыв рот, касаясь языком верхних зубов. Она никогда прежде не видела ничего подобного… Она не понимала… не представляла, что кто-то может… Другое дело турнир, борьба…

Со лба лежащего без сознания слуги стекала струйка крови. Лейна невольно шагнула к нему. Смущенный громбелардец заметил в глазах магнатки кроме страха некое… сладострастное восхищение.

— Переоденешься, госпожа? — с деланым спокойствием спросил он, видя ее растущую неуверенность. — Или пойдем прямо так?

Она что-то неразборчиво пробормотала и отступила на шаг назад — но он готов был поклясться, что шаг этот был сделан скорее с целью его спровоцировать, нежели бежать. Он перестал понимать, что происходит… Когда дартанка сделала еще один шаг назад, он быстро подошел к ней и схватил за рукав платья. Она рванулась, ткань с сухим треском лопнула, девушка пошатнулась и упала на пол. Он снова схватил ее, она попыталась вырваться… и он понял, что она вовсе не желает убежать, а хочет только испытать его силу, и он предоставил ей такую возможность. Он ударил ее — не слишком сильно, но все же всерьез. Растрепанные волосы упали на глаза. Лейна медленно поднесла руку к щеке, недоверчиво посмотрев на Гольда. Впервые в жизни ее *ударили* ! Он поступил с ней точно так же, как со слугой… с рабом…

Она перестала сопротивляться. Он держал ее за плечо, когда они сбегали по широкой, покрытой узорным ковром лестнице. Она хрипло застонала, пытаясь освободиться. Он держал ее так крепко, что она ощущала тупую боль в плече.

— Пусти… — сказала она. — Ну пусти же, больно!

На улице перед домом стояли два рослых оседланных коня. Лейна не разбиралась в лошадях, иначе она сразу бы поняла, что перед ней крепкие и выносливые горные верховые кони, столь высоко ценившиеся во всех провинциях империи. Он посадил ее на одного из них, сам сел на другого и, не говоря ни слова, схватил ее коня под уздцы.

На лестнице перед домом появились слуги. Готовый на все громбелардец положил руку на рукоять меча… и нахмурился, увидев едва заметный жест своей пленницы. Слуги отступили; он мог бы поклясться, что она приказала им уйти! Вскоре, никем не остановленные, они уже легкой рысью ехали по улицам города.

— Ты с ума сошел, — сказала Лейна. — Здесь все меня знают, посмотри.

И в самом деле — последние вечерние прохожие останавливались, изумленно глядя на них. Наверняка она преувеличивала; он сомневался, чтобы каждый первый встречный знал, как выглядит ее благородие А. Б. Д. Лейна, одна из первых дам столицы. Тем не менее вряд ли им часто приходилось видеть знатную даму, едущую верхом в мужском седле, и к тому же в дорогом, хотя и порванном платье…

— Нас остановит первый встречный патруль, — уверенно сказала она, однако в голосе ее больше было злости, нежели презрения. — Впрочем, из города нам не выбраться. Ворота в это время уже закрыты.

Гольд обернулся через плечо.

— Не пугай меня, госпожа, — спокойно ответил он. — Ворота для того и существуют, чтобы их открывать, а что касается солдат… Я не первый раз в Дартане и прекрасно знаю, чего они стоят. Хорошо, если каждый десятый понимает, что мечом надо рубить, а не швыряться…

Он быстро отвернулся, увидев в ответ непристойный жест, который до сих пор встречал только у шлюх в корчмах. Он понятия не имел, откуда она вообще знала, что это означает.

Они ехали молча. Гольд оглядывался по сторонам. Дорогу он знал. Однако его беспокоило загадочное, удивительное безразличие пленницы. Это похищение было попросту безумием; если бы хитрость с письмом не удалась, ничего бы не вышло. Попытался он лишь затем, чтобы на собственном опыте убедиться в невыполнимости задачи; может быть, он хотел лишь ради успокоения совести сделать все возможное. И вот — он стал похитителем. Вместе с ним ехала женщина, за которую заплатил бы выкуп сам князь — представитель императора. Если бы, конечно, ее похитили ради выкупа…

Он не понимал, как вообще до этого дошло. Он сам не знал, зачем избил слугу… и зачем ударил ее.

Гольд инстинктивно искал путь к бегству. Самый красивый и богатый город Шерера не изобиловал темными переулками, где можно было бы укрыться.

Роллайна возникла не так, как другие города, которые менялись и росли в течение веков, взрослели, старели… Если верить легенде, ее возвели сразу, в течение двух неполных лет. Она была городом, который помогала строить сама Шернь и который должен был стать памятником Роллайне — прекрасной дочери Светлых Полос, самой старшей и самой могущественной из Трех сестер, которых много веков назад Шернь послала на борьбу со злом.

И Роллайна-столица была именно такой — самой прекрасной и самой могущественной из всех городов Вечной империи. Ее окружали стены, возведенные не для защиты, поскольку империя простерлась по всему Шереру и не имела никаких врагов, разве что полузверей из Алера. Могучие белые стены образовывали два кольца — одно в другом. Вдоль внешних стен шла широкая, мощенная булыжником (как и все прочие) улица, перегороженная мостами, — Королевская Окружная дорога. И в самом деле, по ней много раз проезжал королевский кортеж по случаю многочисленных торжеств, еще тогда, когда у дартанцев была своя страна и свой король… Теперь окруженный внутренней стеной район назывался Княжеским вместо Королевского, а в самых прекрасных дворцах мира жил армектанец, князь — представитель императора, со своими придворными.

Прекрасный город. Как же он был не похож на угрюмые каменные города Громбеларда! Здесь строили из кирпича, стены штукатурили и белили, их украшали замысловатые барельефы, карнизы и фрески, повсюду радовали глаза изящные колонны, широкие балконы, террасы, элегантные ограды многочисленных парков и садов. Гольд знал, что тому размаху, с которым дартанцы возводили свои города, пытались подражать — как правило, довольно неудачно — почти во всех странах Шерера, с тех пор как возникла империя. Даже в самом Армекте… Армектанцы завоевали Дартан мечом, дартанцы же в ответ навязали всем и всюду свою архитектуру, искусство… Если Армект все еще не был вторым Дартаном, то лишь потому, что его хранили освященные веками традиции, заложенные в сами основы армектанского языка.

Они добрались до Окружной дороги. Всюду им встречались многочисленные прохожие. В глаза бросались богатство и красота даже обычных одежд горожан: женщины шелестели платьями, мужчины позвякивали посеребренными пряжками туфель. Гольду, впрочем, эти люди казались почти нагими. Ни у кого не было оружия. Даже легкого, парадного меча, даже стилета. Легионеры (безоружные! полностью безоружные!) расхаживали с резными, покрытыми красным или черным лаком жезлами; таким оружием, пожалуй, и собаку не отгонишь!

Гольд нахмурил брови, думая о том, что с легкостью захватил бы этот город, если бы под его командованием был усиленный патруль Громбелардского легиона…

Они оказались возле ворот Делары, названных так в честь младшей сестры Роллайны (были еще ворота Сейлы и третьи — Королевские). Четверо солдат, в блестящих от украшений нагрудниках, крутили рукоять подъемника. Окованные латунью ворота медленно опускались.

Из стоявшей неподалеку будки вышел высокий худой десятник и быстро направился к всадникам. Гольд остановил коней, соскочил с седла и пошел ему навстречу. Он что-то

сказал вполголоса и достал из-за пазухи какую-то бумагу. Десятник внимательно прочитал ее, затем посмотрел на Лейну… узнав ее с первого же взгляда — офицер Громбелардской гвардии не мог не знать женщину, постоянно бывавшую в Княжеском районе. Он поклонился; она ответила ему легкой улыбкой. Гольд тоже взглянул на девушку, грозно хмуря брови. Она пожала плечами и отвернулась.

Лейна услышала, что громбелардец что-то подчеркнуто резко говорит. Ему ответил неуверенный голос десятника. Послышалось еще несколько слов, после чего дартанский гвардеец подошел к коню, на котором сидела женщина.

— Ваше благородие, прошу прощения…

Она выжидающе посмотрела на него, заметив краем глаза недвусмысленный жест Гольда, стоявшего за спиной десятника, — тот готов был убить гвардейца на месте. Она подумала о том, не стоит ли взглянуть на подобное сражение. Но солдат было целых пятеро, борьба длилась бы не слишком долго и к тому же была бы не слишком интересной.

— Я готов открыть ворота, но хочу удостовериться, действительно ли ваше благородие хочет выехать из города?

— Нет, не хочу, — раздраженно ответила она. — Меня похитили, схватили, притащили сюда силой, и я понятия не имею, что тут делаю. Что ты еще хочешь знать, гвардеец? С какой целью я еду за город? И что со мной сделает мой спутник?

Смущенный солдат поклонился и отступил назад. Он что-то крикнул своим подчиненным, и уже почти опустившиеся ворота медленно поползли вверх. Гольд вскочил в седло, отдал легионеру честь и двинулся к воротам. Вскоре они были уже за стеной, в Восточном предместье.

Лейна молчала. Гольд свернул в первый попавшийся переулок и остановил коня.

— Может, объяснишь мне, ваше благородие… — начал он и не договорил. — Почему ты не пыталась бежать, госпожа? Почему не звала на помощь? Такого случая уже, возможно, больше не будет! А раньше? Почему? Ты солгала тому солдату, хотя…

— Солгала? — перебила она его. — Я сказала этому дураку, что меня похитили! И как только вернусь, прослежу, чтобы его вышвырнули из войска!

— Ты сказала это так, что он не поверил!

— Неправда… Я сказала это так, чтобы он подумал, будто я этой ночью буду развлекаться в предместье. Он к такому привык. Это город шлюх, мы все тут так развлекаемся, каждая рано или поздно отправляется за город, чтобы заодно и решить кое-какие дела, для себя или своего мужа. Хотя на самом деле редко кто выбирается туда верхом и после закрытия ворот, ибо это чересчур привлекает внимание. Рассказать тебе больше, ваше благородие?

Гольд замолчал, лишившись дара речи.

— Нет… — наконец ответил он. — Ничего не хочу знать, этого достаточно.

Было уже почти совсем темно, но она видела его лицо достаточно отчетливо, чтобы понять — этот человек готов вернуться.

— Чего ты не понимаешь, ваше благородие? — спросила она. — Мне скучно! Может, я хочу, чтобы меня похитили? Такого, как сегодня, не случалось в моей жизни последние два года… А ты наверняка не из тех, кто сделает мне что-нибудь плохое. Можешь требовать выкупа, тогда я тебе его заплачу, очень хорошо. За эти деньги я получу прекрасную легенду, которой все станут завидовать.

Она двинулась вперед, а он без особой радости последовал за ней.

— Есть еще и другая возможность, а именно — что ты влюбленный безумец, мечтающий лишь о том, чтобы удовлетворить свое желание. Это еще лучше, чем похищение ради выкупа. Что за документ ты показал тому гвардейцу у ворот? — спросила она, сменив тему столь внезапно, что он не сразу понял, о чем речь.

В ее голосе не было ни превосходства, ни презрения, ни гнева — лишь обычное любопытство. Точно так же она могла спрашивать торговца о происхождении дорогой ткани. Гольд только что узнал эту женщину, но уже видел, что ему ее не понять — и наверняка не

удастся понять никогда.

— Удостоверение, — помолчав, ответил он. — Я не какой-то разбойник, ваше благородие… Я сотник Громбелардской гвардии.

Она не смогла удержаться от изумленного возгласа. Как и каждая высокородная женщина, она прекрасно разбиралась во всевозможных должностях и постах. Сотник гвардии? Не легиона, но гвардии! Ей незнакомы были нравы, царившие в диком Громбеларде, но она готова была побиться об заклад, что во всем том краю имелось самое большее пятнадцать военных, которым ее похититель должен был отдавать честь.

— Не могу поверить, — радостно проговорила она. — Офицер гвардии, как необычно! Ты же жертвуешь собственной карьерой.

— Ну, значит, пожертвую, ваше благородие, — покорно ответил он. — Я устал… и сам не знаю, что делаю.

2

Байлей подбросил хвороста в огонь. В небо выстрелили искры.

— Ты разбойница?

Выражение ее лица не изменилось.

— Нет.

— Нет?

Тишина.

— Тогда кто?

— Тот, кто скажет тебе: не разжигай так огонь, иначе умрешь.

— Разбойники? — спросил он, пожав плечами. — В этих краях все спокойно, недавно была военная облава. Я хочу насладиться огнем, еще день-два, и я уже не стану его жечь. Тем более, что погода наверняка испортится.

Она внимательно посмотрела на него, потом отвела взгляд.

— Я бы рассказала тебе про облавы… Но не скажу.

Ни о чем больше не спрашивая, он застывшим взглядом всматривался в пламя. Странная ночная встреча. Странная женщина. Явилась из темноты, долго к нему приглядывалась… Села у костра, съела кусочек сушеного мяса. Отвечала односложно, воспринимая его почти как пустое место.

У нее был низкий, слегка хрипловатый голос. Эта легкая хрипота странным образом его беспокоила; Байлею хотелось откашляться после каждой ее фразы.

Он искоса посмотрел на нее. Решительный, четкий профиль, небольшой красивый рот и длинные ресницы… Однако она о себе не заботилась; видимо, бродила в горах уже давно. Ногти на руках были обломаны и неухожены, густые черные волосы — грязные и спутанные. Одежда ее выглядела кучей лохмотьев, юбка и рубаха едва прикрывали стройное, сильное тело, на земле лежали продырявленные куртка и плащ. Только сапоги у нее оказались новые и крепкие.

— Что ты делаешь в горах?

Он не сразу нашелся что ответить.

— Путешествую, — наконец сказал он. — Просто путешествую.

— В Бадор?

— Нет, не в Бадор. Я иду в Дурной край.

Первый раз на ее лице появилось какое-то выражение. Она быстро посмотрела ему в глаза. Красавицей она не была, даже симпатичной ее не назовешь…

— Зачем?

Он тянул с ответом.

— Это долгая история.

Она продолжала смотреть ему прямо в лицо. У нее был странный, даже жутковатый взгляд. Байлей не мог его выдержать. Он отвернулся.

— Что ты так на меня смотришь?

Она не ответила, лишь пробормотала, словно про себя:

— В Дурной край… Просто так. За славой? Богатством? А может быть, за смертью? Я знала одного такого, который пошел туда из-за того, что его отец проиграл некое пари…

— Я не проигрывал никакого пари. Я иду за женой, — со злостью ответил он. — Ты уже все знаешь, незнакомка?

Тишина. Потом — ее голос, прозвучавший неожиданно дружелюбно и тепло:

— За женой?.. Больше ничего не скажешь?

Он уставился на пляшущие по веткам языки огня.

— Зачем? Тебе-то какое дело?

Голос ее снова стал безразличным.

— По сути — никакого. Я только хотела тебе помочь.

— Мне не нужна помощь. По крайней мере, от тебя.

Он чувствовал нараставший в нем гнев, в то же время понимая, что неправ. Зачем строить из себя героя, когда ты вовсе не герой? Его отчаянное путешествие только началось, а он уже сбился с пути и чувствует себя потерянным и беспомощным. Что же будет, когда он пересечет границу Дурного края? Вопрос еще в том, доберется ли он до нее вообще…

Женщина встала, наклонилась, подняла куртку, плащ и прислоненный к камню лук и колчан со стрелами. Он понял, что она обиделась.

— Утром иди на восток, — сказала она. — Выйдешь к ущелью и ведущей вдоль него тропе. Оттуда иди на север. Тропа приведет тебя к небольшой хижине. Там найдешь человека, который тебе поможет.

— Мне не нужна помощь.

— Нужна. Ты понятия не имеешь, где находишься. Где восток? Ну, где восток, путешественник, направляющийся в Дурной край?

Он машинально посмотрел на небо и, естественно, не увидел ни единой звезды. Дождь, правда, не шел, погода была просто прекрасной, но только по здешним меркам… Над их головами клубились сплошные тучи.

— Утром, когда взойдет солнце, узнаешь, в какой стороне неба светлее.

— Не всегда можно узнать, — мрачно ответил он.

— Завтра узнаешь. Попроси хозяина хижины о ночлеге и помощи. Скажи, что тебя прислала Охотница.

Она повернулась и скрылась в темноте. Байлей долго сидел, не в силах двинуться с места. Потом вскочил и хотел позвать… но не стал. Он обидел ее. Именно ее. Дурак.

Охотница. Королева гор.

Он медленно сел и снова уставился на пламя. Машинально взяв ветку, он пошевелил угли в костре. Фонтаном взлетели искры. Он прикусил губу.

Он обидел собственной грубостью именно ту, кого искал. Ту, кого Гольд рекомендовал ему как первоклассную проводницу. «Она капризна, и, говорят, несколько строптива, — вспоминал он предупреждения и советы друга. — Некоторые офицеры знакомы с ней лично, я — нет, слышал только то же, что и каждый громбелардский солдат. Дорога, которую я тебе описал, ведет к человеку, имеющему очень большое влияние на эту женщину. Он даст тебе совет, где ее искать. А потом… либо ты получишь проводницу, которая, как я слышал, уже водила людей в край, либо, по крайней мере, может быть, услышишь какой-нибудь совет. Я дал бы тебе проводника из легиона, но не могу. А любой другой проводник наверняка прирежет тебя во время первого же ночлега в горах. Так что найди эту женщину или иди сам… а лучше всего, откажись от этого предприятия…» — и дальше следовало то же, что и обычно. Что это безумие… что Тяжелые горы… что подожди… что возвращайся в Дартан.

Охотница…

Каким чудом он не узнал ее сразу? О чем он думал? Где были его глаза и разум? Правда, выглядело все это слишком уж фантастично: в самом начале пути ему довелось встретить именно ту, в ком он больше всего нуждался… Женщину, которую можно было

искать в горах всю свою жизнь и не найти. Никто в здравом уме не поверил бы в подобную счастливую случайность. Он столько наслушался о том, как нелегко будет ее отыскать, о том, что следует вооружиться терпением, не сдаваться… А он встретил ее в самом начале, через три дня после того, как вышел из Громба. И не узнал.

Правда, он вовсе не такой ее себе представлял. Прежде всего, он думал, что это громбелардка — светловолосая, массивная и коренастая, с грубыми чертами… К тому же ему казалось, что эта знаменитая громбелардская баба будет старше — какая-нибудь ведьма с громадным топором… С чего бы? Гольд ничего не говорил о том, как выглядит Охотница. А оказалась она вполне симпатичной. Неухоженная, грязная… но молодая и изящная. Отнюдь не уродина.

И что теперь? Похоже, она показала ему дорогу к человеку, о котором говорил Гольд. Дорогу, которую он потерял. Но тот человек нужен был лишь затем, чтобы найти именно ее, Охотницу. А теперь… какой в этом вообще смысл?

Он бросил ветку в огонь, завернулся в плащ и лег на землю.

Уже светало, когда после почти бессонной ночи Байлей двинулся дальше. Он шел размеренным, не слишком быстрым шагом, придерживая на бедре переброшенный через плечо мешок с провизией, запасными сапогами и кое-какими мелочами. Меч он, по громбелардскому обычаю, нес за спиной — Гольд объяснил, что для короткого военного меча это не имеет особого значения, но более длинный меч, обычно висевший на поясе, может стать настоящей помехой во время путешествия по горным бездорожьям.

Он внимательно оглядывался по сторонам. Горы еще спали.

Он уже привык к ним — к горам. Они вовсе не выглядели столь грозными, как о них рассказывали. Да, сперва они могли таковыми казаться. В лучах солнца они были даже красивы, но под тяжелыми густыми тучами казались угрюмыми.

Больше всего докучал ему бесконечный громбелардский дождь. Вечная влага, падающая сверху, шум ударяющихся о землю капель. Была осень, и дождь шел без перерыва. Весь день моросило, вечером же начинался ливень. Потом снова моросило всю ночь, утром обычно опускался туман — и все начиналось сначала. Однако уже за два дня с неба не упало ни капли. Его это радовало, хотя и удивляло, поскольку он уже привык к непрерывному дождю.

Задумавшись, он перестал обращать внимание на то, что его окружало. Экономя силы, медленно и осторожно, так, как учил его Гольд, он спускался под гору. Вот и пропасть, о которой говорила женщина. Борясь с головокружением, он посмотрел вниз, а потом по сторонам. Крутая, почти вертикальная стена тянулась, насколько хватало взгляда, — словно огромный топор в руке великана перерубил горный массив пополам.

Байлей понял, что перед ним знаменитая Пасть, о которой так много рассказывал ему Гольд. Эти края пользовались дурной славой — сюда наведывались стервятники, здесь полно было разбойничьих банд… Пожалуй, только в Дурном краю легче было найти свою смерть.

После недолгих поисков он обнаружил нечто похожее на тропинку и, поправив меч за спиной, двинулся на север.

3

Гольд спрыгнул с коня и протянул руки. Лейна оперлась на них и с облегчением сошла на твердую землю. Она не привыкла к столь долгой езде верхом, к тому же в мужском седле. У нее горели бедра и ягодицы и при каждом движении покалывала боль в спине.

Она с надеждой посмотрела на светлые, широко открытые окна постоялого двора, откуда доносился шум разговоров и запах еды. В любой другой ситуации предложение провести ночь в подобном доме было бы для нее оскорбительным, сейчас же она ждала его с нетерпением. Наконец она спросила сама:

— Мы заночуем здесь?

Он насмешливо взглянул на нее.

— О нет, госпожа. Утром твои слуги поднимут тревогу… наверняка уже подняли. Мы не можем позволить себе отдых всего лишь в пяти милях от столицы. Нам нужно бежать как можно дальше, еще немного по дороге, а потом лесом.

Ей нравился его голос, хотя ни за какие сокровища мира она в этом бы не призналась, даже самой себе.

Из постоялого двора выбежал слуга. Гольд бросил ему серебряную монету и вельможным жестом отослал прочь. Лейна с удивлением вынуждена была признать, что жест этот очень Гольду подходит.

Что ж, в конце концов, он был человеком чистой крови. И офицером гвардии.

— Подожди меня здесь, госпожа. Я приведу вьючных лошадей.

Внезапно до нее дошло, что это означает. Разозленная и испуганная перспективой провести ночь в седле, она ничего не ответила. Когда он ушел, она подошла к своему коню и слегка погладила его по шее. Сама не зная почему, она полюбила это животное.

Наконец у нее появилось немного времени, чтобы собраться с мыслями. Впечатлений было много, чересчур много! И к тому же…

Она задумалась. Ее удивлял этот человек. Удивлял его образ жизни, слова, быстрота, с которой он принимал решения… Итак, он похищает самую красивую женщину Дартана из ее собственного, полного слуг дома, причем делает это с достойным похвалы хладнокровием и уверенностью в себе, если не сказать — со знанием дела. От стоящих на часах у ворот гвардейцев он отделывается с помощью нескольких слов. Да что там — они еще и отдают ему честь, вместо того чтобы поднять тревогу, схватить его и бросить в темницу!

Она слегка тряхнула головой, словно не доверяя собственной памяти. Неужели подобное могло случиться? Она, прекрасная Лейна, — похищена, увезена… Да что там увезена — захвачена! Захвачена в собственном доме, помимо ее воли, несмотря на… О Шернь, сколь же далека была теперь та спокойная (скучная!), гладко текущая жизнь, которую она вела до этого! Она куда-то исчезла, уплыла — может быть, навсегда. Лейна с ужасом представила, что это может оказаться правдой, и впервые подумала о том, насколько далеко еще до конца этого приключения.

Она слегка прикусила губу, чувствуя, как ее охватывает неудержимая дрожь.

Лейна снова вернулась в своих воспоминаниях к тому моменту, когда она позвала слугу. А он тогда…

Она провела языком по губам, всматриваясь в темноту.

Похищение, во имя Шерни. Настоящее похищение.

Лейна уселась на большой, торчащий из земли камень, просунула руки под платье и, пользуясь темнотой и одиночеством, начала массировать горящие живым огнем бедра. Она снова с внезапным гневом подумала об ожидающем ее мучительном путешествии. Он похитил ее, ну ладно… Но ведь мог бы и позаботиться о какой-нибудь упряжке, если уж он не может позволить себе носилки. К тому же она была еще и голодна.

Она по-своему восхищалась им. Громбелардец. Солдат. Сотник гвардии. Она осознала это в одно мгновение, с ужасающей ясностью. Он был мужчиной… мужчиной, который…

До сих пор она не знала подобных мужчин. Мужчин, которые вызывающе смотрели ей в глаза, сдерживали гнев, выполняя ее требования… Те, которых она знала, все были одинаковые. Совершенно одинаковые… Она принимала от них почести, в конце концов, кто-то должен был их оказывать… Но с ними было скучно…

Она снова почувствовала, как по спине побежали мурашки. Щеки покраснели.

Мужчину с мечом на боку, который бил ее по лицу, словно первую попавшуюся служанку, она в своем доме видела впервые. Это было… О, она его попросту боялась! Боялась впервые в жизни… но как страх, так и боль, были слишком необычными, слишком возбуждающими, чтобы бежать от них — раз и навсегда.

Из темноты вынырнул Гольд, ведя двух тяжело навьюченных лошадей. Лейна быстро одернула платье и встала. Он подал ей какой-то сверток.

— Это дорожный костюм, — пояснил он. — Переоденься, ваше благородие, за углом дома.

Поколебавшись, она взяла сверток.

— Дорожный костюм… — неуверенно сказала она.

— Что в этом плохого? Уверяю, тебе он будет впору, а в платье неудобно сидеть на лошади. Кроме того, путешествующая женщина слишком привлекает внимание. Правда, нет такой одежды, которая в достаточной степени скрывала бы твой пол, ваше благородие, — добавил он, и она не вполне поняла, что он имеет в виду. Может, это был некий… громбелардский комплимент?

Он слегка подтолкнул ее к углу постоялого двора. Только теперь до нее дошел смысл сказанного.

— Мой господин, ты, похоже, пьян… — ледяным тоном произнесла она. — Ты постоянно забываешь, с кем разговариваешь. Я должна раздеваться под стеной какого-то подозрительного притона? Словно первая попавшаяся уличная девка?

— Как я понял, ты иногда и сама развлекаешься по предместьям, ваше благородие?

Черный туман застлал ей глаза, и Лейна ощутила нарастающую в ней дикую ярость. Он воображал… позволял себе… Она со всей силы ударила его по лицу и уже замахнулась для нового удара, но он придержал ее руку, спокойно глядя на нее с едва заметной иронической улыбкой.

— Не бей меня, госпожа.

Застонав, она попыталась вырвать руку.

— Это дартанский постоялый двор, и здесь все устроено по дартанским обычаям, — сказал он.

— Да? Ну и что? — гневно спросила она, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

— Нигде во всем Шерере нет столь убогих постоялых дворов, как у вас, — объяснил он. — Здесь только одна общая комната, где путники спят на сене. Армектанская мода воцарилась во всем Шерере, но что касается Дартана — только в некоторых городах… Громбелард же обеспечивает путешественникам все удобства. Можешь мне поверить, ваше благородие, я немало путешествовал.

Он отпустил ее руку.

Ее разгневало, что дикий край разбойников и пастухов смеет хоть в чем-то превосходить Дартан.

— Значит, я не смогу переодеться?

— Внутри? Вряд ли, разве что в большой общей комнате, о которой я говорил. Впрочем, если хочешь путешествовать в этом прекрасном зеленом платье — пожалуйста.

Мгновение Лейна стояла неподвижно, потом повернулась и пошла в сторону здания. Зайдя за угол, она быстро огляделась по сторонам и начала расстегивать платье, чего делать не умела, поскольку всегда пользовалась помощью прислуги. В конце концов, разозлившись, она скорее содрала с себя платье, чем сняла, и на ощупь достала из свертка обтягивающие чулки. Ветер, обдувавший ее обнаженное тело, тоже был чем-то новым, необычным; впервые в жизни ей приходилось раздеваться под открытым небом… Прикусив губу, она быстро натянула короткую юбку, справилась с чулками, сунула изящные ноги в кожаные сапоги. Потом надела тонкую шелковую рубашку, на нее — толстую, жесткую, надевавшуюся через голову меховую куртку. Завязав волосы в толстый узел бархатной лентой и чувствуя себя словно в чужой шкуре, она с отвращением взяла в руку холодный пояс из металлических колец с подвешенным к нему небольшим легким мечом.

— О нет, — пробормотала она себе под нос. — Ну уж нет.

Наклонившись, она оторвала от платья большой кусок материи, тщательно свернула его и после короткого раздумья заткнула за ремень, под курткой. Когда она вернулась, Гольд окинул ее внимательным взглядом.

— Ну что ж, выглядишь ты, госпожа, не слишком привлекательно, — подытожил он с откровенностью, от которой у нее вспыхнули щеки. — Но так тебе наверняка будет удобнее.

И теплее.

Она вытянула перед собой руку с мечом.

— Забери это! — с яростью проговорила она. — Я не собираюсь спотыкаться о всяческие железки!

Он забрал оружие и прикрепил его к вьюкам.

— Пора в путь, госпожа.

— Я хочу есть.

— Потом.

— Я хочу есть!

— Пора в путь.

Обиженная, она отказалась от предложенной им помощи и сама неуклюже вскарабкалась на лошадь, притворяясь, что не замечает усмешки сотника.

— Ты ведешь себя как ребенок, госпожа, — прямо сказал он. Похоже, он всегда говорил прямо. — Я уже объяснил, почему мы не можем задерживаться.

— Но я похищена и не обязана тебе помогать.

— Да, не обязана, госпожа, но мне не хочется затыкать тебе рот и связывать.

— Ты бы посмел?

Гольд не ответил и одним прыжком вскочил в седло.

Они выехали на дорогу. Застучали копыта по перекладинам узкого моста, переброшенного над ленивой речушкой. Лейна снова почувствовала боль в спине. Монотонная поступь коня утомляла ее, но боль не позволяла заснуть. Именно сейчас она ощутила, насколько ей хочется спать. Она громко, почти демонстративно зевнула.

Гольд улыбался в усы. Похоже, ему была знакома лишь одна разновидность улыбки — слегка ироническая. Лейна ее, правда, не видела, поскольку уже совсем стемнело, однако услышала в его голосе.

— Мне кажется, госпожа, — сказал он, — что ты относишься к нашему путешествию как к какому-то новому развлечению, которое послала тебе Шернь в качестве лекарства от скуки. Ты ошибаешься. Это не развлечение и не забава… скорее игра. Но игра эта не понарошку. Уже сейчас ставка в ней — жизнь Байлея… а кто знает, может быть, и твоя собственная. И пойми наконец, что не я — твой противник в этой игре.

— Как это — «жизнь Байлея»? Что ему угрожает?

— Его собственная глупость, — мрачно ответил он.

— Думай, что говоришь, гвардеец, это мой брат, — холодно напомнила она. — И положение у него несколько выше, чем у тебя.

— Я этого как-то не почувствовал. Наоборот, он постоянно подчеркивал, что я для него — образец для подражания. Зато много раз упоминал о твоем дурном характере.

Она не знала, что ответить.

— Куда ты меня, собственно, везешь? — спросила она, делая вид, что ей это совершенно безразлично.

— До границы края, госпожа. До того места, где будет ждать твой брат. Ты ведь прочитала об этом в письме.

Она покачала головой.

— Не понимаю, почему ты все время лжешь? Ведь я в твоей власти, отдана на твой гнев и милость… — Внезапно она замолчала, заметив, что он почти любуется звучанием этих слов. Разозленная, она заговорила более громко и сердито: — Скажи прямо, что похитил меня ради собственных целей, не рассказывай мне больше про Байлея. Ведь рано или поздно правда все равно всплывет!

Огни постоялого двора остались далеко позади. Было совсем темно, но она могла бы поклясться, что Гольд долго смотрел на нее, прежде чем сказал негромко, словно про себя:

— Неужели у тебя в голове и на самом деле пусто, госпожа? Ты не в состоянии поверить ни единому объяснению, кроме как тому, что тебя похитили из-за твоей красоты?

— Нет, но пусть это будет нормальное объяснение, а не какая-то чушь.

— Значит… значит, долг перед другом, по твоему мнению, недостаточный повод?

Она коротко рассмеялась.

— Мой господин! Кто же сегодня поверит в подобные бредни? Ладно, пусть Байлей написал это письмо, пусть ты и в самом деле знаешь Байлея. Как я понимаю, он оплатил твое путешествие в Роллайну… Впрочем, ваше благородие, все это настолько глупо, что мне и в самом деле жаль слов. К чему Байлею устраивать похищение собственной сестры?

Похоже было, что громбелардец вообще не знает, что ответить.

— Ну ладно… Где и когда ты познакомился с моим братом? — вздохнув, спросила она. — Письмо, которое ты мне показал…

— Письмо и в самом деле поддельное, — тяжело ответил он.

— Ну вот, пожалуйста, — сказала она. — Письмо от…

Он не дал ей договорить.

— Не будем больше на эту тему. Я расскажу тебе, госпожа, как все было, но только один раз. Потом можешь верить во что угодно или не верить ни во что. Хватит с меня разговоров о том, кто и за сколько поручил мне тебя похитить.

Он на мгновение замолчал. Она хотела что-то сказать, но он снова опередил ее:

— Первый раз мы встретились в Громбе, в гарнизоне. Тогда я служил там, и его привели ко мне, поскольку он требовал встречи с комендантом. Я пригласил его к себе, объяснив, что вполне достаточно и заместителя. Он даже не присел и сразу же начал спрашивать, как добраться до Дурного края. Я окинул его взглядом с ног до головы… Что ж, госпожа, ты и сама прекрасно знаешь, что вид у него не слишком воинственный. Я ему так и сказал и что-то еще вроде того: «Я тебе хочу объяснить три вещи, ваше благородие. Во-первых, в край не едут в бархатных панталонах, но в доспехах и с топором у седла. Во-вторых, даже если у тебя и есть топор, то нужно еще уметь им махать. А в-третьих, в край не едут просто так, но по какой-то причине. Если хочешь, чтобы я помог тебе погибнуть, хотя бы скажи, ради чего».

Гольд замолчал, задумавшись. Лейна ехала с легкой, недоверчивой улыбкой на губах. Тихо стучали лошадиные копыта.

— Первый раз в жизни я увидел перед собой плачущего мужчину, — продолжил он. — Это было зрелище, которого я никогда не забуду. Я видел слезы на глазах отца, когда умирала моя мать, — но то не был плач, ибо слезы не унижают мужчину, это знак горя, но не слабости… Первым по-настоящему рыдающим мужчиной, которого я увидел, был твой брат. Я не верил собственным глазам и в конце концов сказал ему, что меня не интересуют его фамилия и происхождение и что он должен немедленно убраться с территории гарнизона, прежде чем я позову солдат, чтобы те его вышвырнули. И он ушел. Я думал, что на этом все и закончится. Но он пришел ко мне на следующий день. Нет, не пришел — приехал. Он был в новых доспехах, а у седла покачивался неплохой, хотя и легкий топор. Сначала я удивился, потом разозлился и, наконец, рассмеялся. Но в конце концов я его выслушал. История похищения ее благородия Илары звучит как сказка… но подобные вещи в Громбеларде порой случаются, как, впрочем, и намного более странные.

— Не понимаю, — насмешливо начала Лейна, — почему Илара…

— Дай мне закончить, ваше благородие! — резко прервал ее Гольд. — Я уже сказал, что не хочу разговаривать на эту тему! Меня не волнуют твои расспросы, сколько и за что заплатил мне Байлей. Я лишь излагаю причины, по которым ты здесь, со мной, поскольку ты имеешь право и должна их знать. Вот и все.

Наступило недолгое молчание.

— Твой брат, госпожа, — снова начал он, тщательно взвешивая слова, — обладает огромным даром завоевывать симпатию людей… Не в моих обычаях предлагать свою дружбу первому встречному. И тем не менее этот человек стал моим другом. В Громбеларде, когда говорят «дартанец», подразумевают «смешной трус»… Но он…

Гольд замолчал. Он не умел излагать свои чувства и отдавал себе в этом отчет.

— Ты знаешь, госпожа, что он поехал в Армект. Он нашел там жену, но вскоре она

уехала с каким-то человеком… вероятно, добровольно. Байлей же считал, что ее похитили. Я не могу объяснить, что мудрец Шерни делал в армектанской Рине, но похоже на то, что твой брат тщательно проверил информацию. Бруль-посланник… Это имя хорошо известно в Громбеларде. Идя по его следам, Байлей добрался до самого Громба. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы отговорить его от путешествия в край, но безуспешно. Так что я помог ему, чем мог.

Гольд снова замолчал. Год назад умерла его жена… Он не хотел говорить дартанке, сколь серьезно повлияли воспоминания о ней на все решения, которые он принял, чтобы поддержать своего нового друга.

— Не в силах заставить его остаться в Громбе, я разработал план… Может быть, не совсем удачный… Да, госпожа, я подделал письмо — это правда. Байлей никогда его не писал. Но он рассказывал мне о тебе, и я подумал… В тот же самый день, когда он отправился в путь, я попросил давно причитавшийся мне отпуск и поехал в Дартан… Я указал твоему брату место, где он должен ждать лучшую проводницу из всех, каких только знают Тяжелые горы. Может быть, он встретится с ней, может быть, и нет, но наверняка это займет какое-то время. Так или иначе, кратчайший на данный момент путь в Дурной край начинается в Бадоре, а заканчивается в том месте, где недавно был устроен небольшой форпост Громбелардского легиона. Мы должны успеть туда до Байлея. На тот случай, если он окажется там раньше, я послал письмо коменданту части. Он задержит твоего брата, хотя бы даже и силой. До самого нашего прибытия. Я хочу, чтобы ты встретилась с Байлеем и отговорила его от этой затеи. Единственное, что он может найти в Дурном краю, это смерть.

Тишина. Размеренно стучали копыта.

— Если и тебе не удастся его убедить, мы пойдем в край вместе с ним. Мой отпуск скоро кончается, но я организовал все так, что на Черное побережье вместе с Байлеем отправится военный отряд. И ты, госпожа. Это самое важное.

— Я? — с нескрываемым раздражением переспросила Лейна.

Он прикусил губу; она ему не верила.

— Я? — гневно и вызывающе повторила она. — А мне-то что делать на каком-то Черном побережье, если я даже не знаю… Я женщина! Мне что, мечом размахивать? Как раз это Байлей умел делать лучше всех, хотя, может быть, ты об этом не знаешь, мой господин? — презрительно закончила она, нервно рассмеявшись.

— Знаю.

Он нахмурился.

— Зато вы, дартанцы, вообще ничего не знаете, тем более о Шерни.

— Ну ладно, но при чем здесь это?

— В Дурном краю Шернь касается земли… Дотянуться до Полос может лишь посланник или же человек, обладающий Брошенным Предметом. Однако Брошенные Предметы в Дурном краю мало помогают, даже, напротив, привлекают стражей. Посланником же никто из нас не является. Есть, однако, третья сила, позволяющая призвать на помощь могущество Шерни. Никто не знает почему, но Полосы Шерни охотно помогают сестрам и братьям, находящимся в опасности. Ведь ты, госпожа, — дочь любимой страны Шерни… ты живешь в городе, носящем имя самой могущественной из ее посланниц… Неужели ты никогда не слышала о миссии Трех сестер? Как ты думаешь, почему Шернь велела им быть именно сестрами?

Он пытался разглядеть в темноте ее лицо.

— Скажи, госпожа, ты хочешь спасти своего брата? Ты хочешь ему помочь?

— Послушай меня, громбелардец, — после долгого молчания серьезно сказала Лейна. — Я тебе попросту не верю. Не верю. Никогда в жизни я не слышала столь неправдоподобной истории. Говоришь, ты похитил меня, чтобы я поговорила с Байлеем? Но, дорогой мой солдатик (если ты и в самом деле солдат, в чем я начинаю сомневаться), Байлей, будь он жив, отдал бы тебя в руки трибунала при первом же упоминании о том, что ты поднял на меня руку! Я должна поверить, что ты обрек себя на темницу, лишь бы только

заставить меня поговорить с собственным братом?!

— Когда дело дойдет до этого разговора, я буду ждать скорее твоей благодарности, госпожа, нежели обвинений.

— Когда дойдет! Если дойдет! Если! — крикнула она. — Но дойдет ли? Разговор, что ж, прекрасно!

Гольд молчал. Он сам не понимал, как все произошло. Она была права. Он представлял себе все совершенно иначе, вернее, вообще не представлял… В Дартан он поехал, собственно, лишь затем, чтобы окончательно убедиться в собственном поражении. Он подделал письмо, сделал необходимые приготовления для похищения девушки — лишь затем, чтобы совесть его была чиста. Он хотел сказать себе: я сделал все, что мог. В глубине души он был убежден, что дартанка вызовет нескольких слуг, которые основательно его поколотят, а затем отдадут в руки солдат. Как-нибудь он откупился бы и вернулся в Громбелард… Но все пошло иначе — все получилось само собой. Уже тогда, в ее доме в Роллайне. Ее благородие А. Б. Д. Лейна дала себя похитить столь охотно, словно только этого и ждала.

— Рано или поздно, — сказала она, — тебя осудят, ваше благородие. Но у тебя еще есть шанс избежать наказания. Мне незачем тебя в чем-то обвинять, о многом я могу забыть… Не знаю, какие у тебя планы насчет меня, но я — единственная твоя надежда. Сделай так, чтобы я была довольна, и… увидим. Ну? Скажешь мне наконец правду? Кто ты и с какой целью придумал всю эту историю с моим братом? Вижу, ты и в самом деле его знал, при каких обстоятельствах вы встретились? Слушаю тебя и не собираюсь скрывать, что мне это очень интересно!

Внезапно он начал размышлять над тем, не придумать ли и в самом деле какую-нибудь историю, которая ей понравится… и отказаться от своих намерений. Сдаться.

Да, сдаться.

Когда Гольд спрыгнул с лошади, Лейна почти упала в его протянутые руки. Она нечеловечески, просто ужасно устала. У нее болело все: ноги, спина, шея. Веки были тяжелыми, словно из камня. Она почти не помнила, как он отвел ее в небольшую, бедно обставленную, но довольно чистую комнату, помог стащить сапоги, уложил на кровать и вышел, закрыв за собой дверь. Она что-то неразборчиво пробормотала, повернулась на бок и тут же заснула.

Гольд несколько минут наблюдал за ней сквозь щель в неплотно прикрытой двери, потом вышел на улицу и поговорил с дровосеком — хозяином дома. Никто из них обоих не был человеком состоятельным, хотя, конечно, заработки дровосека никак не могли сравниться с жалованьем офицера имперских войск… Они довольно долго торговались, и в конце концов хозяин ушел, унося с собой два слитка серебра — не слишком много, учитывая, что ему приходилось поделиться с работавшим в лесу товарищем. Гольд занялся чисткой лошадей. Он не мог позволить себе спать, но сон ему особо и не требовался. Сутки, проведенные в седле, мало что для него значили, ему приходилось выдерживать и не такие переходы. Конечно, он устал, но с ног не валился.

Приближался полдень. Гольд распаковал вьюки и приготовил себе сытный обед. Потом принес бурдюк с вином и присел на грубо отесанную деревянную лавку, стоявшую у стены дома. Он ел, пил и размышлял, окидывая взглядом вершины окрестных деревьев. Он уже решил, что сдаваться не станет и от своих намерений не откажется. Но… Эта дартанка… Раз уж он принял решение — следовало быть с ней не столь уступчивым и не потакать без нужды ее капризам.

Наедине с самим собой Гольд мог быть полностью откровенным. Непокорность этой властной особы ему чем-то нравилась, хотя вместе с тем он презирал ее великосветские привычки. Он не знал подобных женщин. В ее поведении было нечто почти… сладострастное. Красивая женщина, которая знала, что она красива, и ждала лишь того, чтобы ее красоту признавали и ею восхищались, требовала поклонения, так же как

императорский сборщик налогов — податей. Его злили ее капризы, но, опять-таки, — сколь возбуждающей была женщина, которая так капризничала! Однако — это ее отвратительное отношение к дружбе, которая для него была чувством почти священным; в дружбе он был бескорыстен! Он прекрасно понимал, почему для дартанки это выглядит иначе. Она просто не могла понять, как кто-то из рода А. Б. Д., такой как ее брат, мог подружиться с человеком, стоящим ниже его, пусть даже человеком чистой крови, пусть даже офицером гвардии. Нигде во всей империи происхождению не придавалось такого большого значения, как в Дартане, а уж в Роллайне… Армект, вместе с архитектурой и искусством, перенял также дартанский уклад общества, создал магнатские дворы в своих городах. Однако профессия солдата, освященная армектанскими традициями, повышала общественный статус человека. Звание сотника гвардии ставило Гольда почти на самую вершину общественной лестницы; князья провинций, даже сам император, без какого-либо унижения для себя могли пригласить такого человека к своему столу. И приглашали! Гольда удивляло, что Лейна этого не помнит. Может быть, она просто не хотела помнить, желая сохранить дистанцию? Смотреть на него свысока?

У нее было прекрасное тело и испорченная душа. Он хотел бы верить, что это не так, или, по крайней мере, что так будет не всегда.

Она была сестрой Байлея. Он похитил ее… но не смог бы взглянуть Байлею в глаза, если бы у его сестры хоть волос упал с головы.

Он чувствовал себя ответственным за нее, но не любил ее, временами почти ненавидел и… отчего-то не хотел, чтобы она осталась такой, какой была. Он прекрасно понимал, что он чужой в жизни этой женщины, что не имеет права требовать от нее чего бы то ни было.

И тем не менее — ему хотелось потребовать. Поев, он вытер руки о край куртки и устроился поудобнее на лавке, прислонившись спиной к стене. Прикрыв глаза, он немного вздремнул, потом очнулся, сменил позу и снова заснул.

Был поздний вечер, когда он вошел в комнату, держа в руках зажженную свечу, еду и бурдюк с вином. Злясь на самого себя за то, что поддался слабости и прибежал к ней с ужином, словно слуга, он положил хлеб и копченое мясо на стол. Подняв свечу, он некоторое время смотрел на лицо девушки. Она спала как ребенок, прижавшись щекой к жесткой, набитой сеном подушке и легко посапывая во сне. Она выглядела столь невинной и чистой, что внезапно ему показалось, будто он видит ее впервые в жизни.

Однако помятая и задравшаяся юбка открывала длинные, изящные ноги; тугие чулки обтягивали точеные бедра… Это не были ноги ребенка! Он понял, сколь опасна подобная красота. Ее благородие А. Б. Д. Лейна вполне открыто считала себя самой красивой женщиной Роллайны — и, к сожалению, похоже, была права. Он никогда до сих пор не видел женщин с такой фигурой, такими волосами, такими чертами лица… Гольд почти обрадовался, обнаружив недостаток: у нее был слишком высокий, неприятный и резкий голос. Хоть это никак и не отражалось на ее красоте, но все же…

Он дал ей слишком мало времени на отдых, и оттого у него возникло неясное ощущение вины. Подойдя к кровати, он слегка коснулся плеча спящей, потом встряхнул. Она что-то пробормотала, не открывая глаз, и перевернулась на спину. Огненная волна густых волос обожгла ему ладонь.

— Пора… пора в путь, госпожа, — сказал он, тихо и столь трогательно, что даже прикусил губу, пораженный звучанием собственного голоса.

Он сильно, может быть, даже слишком, тряхнул ее за плечо. Она открыла глаза и резко села.

— Как ты смеешь дотрагиваться до меня без разрешения?!! — спросила она. — Если хочешь меня разбудить, то позови, но руки держи подальше!

Какие-то теплые, приятные слова, которые уже вертелись у него на языке, провалились в желудок вместе со слюной. Он стиснул зубы.

— Пора в путь, — жестко сказал он. — Через несколько минут ты должна быть готова… госпожа. На столе хлеб, мясо и вино; когда будешь уходить, забери бурдюк. Я жду

возле лошадей.

Внезапно он издевательски усмехнулся, видя ее красные и опухшие глаза, которые хотели быть властными, грозными и неприступными. Разбуженная, она, как и любая другая женщина, выглядела не лучшим образом. Он обнаружил, что его радует даже самая маленькая царапина, замеченная на этом драгоценном камне.

Увидев его улыбку, она пришла в ярость.

— Убирайся, — сказала она. — При тебе я есть не стану.

— А это еще почему? — издевательски спросил он.

— Потому что это невозможно. В твоем присутствии я могла бы разве что…

Она спокойно и подробно описала, насколько она ценит его общество и чем она могла бы при нем заниматься. Он не верил собственным ушам, не понимая, как подобные слова соотносятся с Золотой Роллайной, старыми дартанскими родами, платьями, приемами и всеми теми сказочными историями… Она вполне могла дать сто очков вперед солдатам из патруля.

— Я буду ждать возле лошадей, — сказал он, прежде чем она успела закончить.

И вышел.

Лошади стояли оседланные и готовые в дорогу. Посмотрев на звездное небо, Гольд отошел чуть подальше от дома и крикнул. Он был уверен, что дровосеки давно уже вернулись из леса и теперь ждут где-то неподалеку. Он не ошибся. Из ночного мрака появились два черных силуэта.

— Можете возвращаться в дом, — сказал он. — Не прямо сейчас, только когда мы уедем.

Он махнул рукой, прерывая поток благодарностей. Ему были неприятны эти люди. Честно говоря, он предпочел бы диких громбелардских крестьян; они не были глупее этих двоих, ибо подобное было просто невозможно, но, по крайней мере, могли стать опасны. В Дартане же он встречал лишь глупых вонючих свиней.

Гольд вернулся к лошадям, думая о том, сколь немногое значит происхождение. Служа в Армекте, на северной границе, он познакомился с крестьянами-армектанцами. Они отнюдь не напоминали животных! Он уважал этих людей так же, как и своих солдат, — ибо в его глазах они были скорее неким нерегулярным войском, нежели деревенщиной. У них было чувство собственного достоинства, они слушались старосту деревни, к чужим относились спокойно, но вежливое к себе отношение с их стороны еще нужно было заслужить… А ведь происхождение у всех было одно и то же — крестьяне-дартанцы, крестьяне-громбелардцы и крестьяне-армектанцы. От чего зависит уважение, с которым относишься к другим людям?

Он пожал плечами. В последнее время он слишком часто размышлял о том, что не имело никакого значения.

Опасаясь погони, они покинули главную дорогу и ехали через лес, иногда перемежающийся широко раскинувшимися полями. Самые прекрасные леса Шерера. С густой листвой, но сухие, просторные, светлые, прореженные полянами, изобилующие дичью; гибкие серны не раз бросались бежать, проносясь прямо перед конскими мордами. Лейну красота этих лесов приводила в восхищение; традиция больших охот давно уже ушла в прошлое, и дартанка знатного рода не была знакома с пейзажами родной страны. Путешествия всегда считались здесь неприятной необходимостью, дартанский рыцарь, а тем более дартанская женщина чистой крови путешествовали лишь тогда, когда в том возникала нужда — а она не возникала почти никогда. Ее благородие А. Б. Д. Лейна не являлась исключением. Ей знаком был лишь Дартан Золотой Роллайны и расположенных вокруг столицы имений: Дартан прекрасных домов, великих фамилий, шумных балов и богатых пиров, в крайнем случае — Дартан борцовских схваток, скачек, турниров и кровавых арен, где обученные рабы сражались с дикими зверями или такими же, как они, обреченными. Дартан бескрайних лесов, широко раскинувшихся полей и ленивых рек был ей совершенно чужд. Леса? Поля? Да, поля приносили урожай, а значит, золото, но об этом беспокоился управляющий или, в лучшем случае, муж (еще до того, как она счастливо овдовела и

вернулась — став намного богаче! — в свой дом рода А. Б. Д.). Сама она за двадцать два года жизни никогда не бывала в своих имениях — да и зачем? Смотреть на своих крестьян? Или наблюдать, как растет пшеница?

Гольд спокойно и уверенно ехал по бездорожью; Лейна давно уже потеряла представление о том, где они находятся и куда едут; с тем же успехом они могли бы кружить на одном месте.

Они часто проезжали мимо деревень — обычно довольно больших, но бедных. Крестьяне поспешно отгоняли с дороги стайки грязных ребятишек, боясь, что вопли и беготня могут досадить путешественникам. Гольд с неприязнью смотрел на этих угрюмых рабов — ибо они были и в самом деле рабами, притом самого худшего сорта. Их удавалось продать в лучшем случае вместе с деревней и землей, без земли никто бы их не купил… Лейне даже смотреть на них было противно. Летний дом дровосеков, в котором они отдыхали, был не вполне обычным; двоим одиноким мужчинам, свободным от общества женщин, а прежде всего от оравы вонючих детишек, удавалось поддерживать в нем относительный порядок — впрочем, Лейна настолько тогда устала, что даже ни на что не взглянула. Но теперь ее пугала мысль о том, что в следующий раз придется заночевать в какой-нибудь деревне.

— Под открытым небом, — коротко ответил Гольд, когда она его об этом спросила. — Будем ночевать под открытым небом, ваше благородие.

— А если пойдет дождь? — спросила она, настолько испугавшись, что даже забыла обидеться.

— Я построю шалаш, — ответил он.

Внезапно она поняла, что он над ней издевается, — и разозлилась. Он спокойно переждал вспышку ее гнева.

— Это я виноват, — наконец сказал он. — Я приучил тебя к слову «госпожа», именовал тебя «благородием», а этого делать не следовало. Мы едем в Громбелард, а ты до сих пор ведешь себя словно на приеме, устроенном каким-нибудь из великих Домов Роллайны.

Она смотрела на него, приоткрыв в бескрайнем изумлении рот.

— Смотри. — Он показал перед собой. — Видишь дорогу? Не видишь, потому что ее нет… Но вскоре мы вернемся на тракт, и тогда ты заметишь, насколько он разбит и неровен. А от громбелардской границы это будет единственный путь, соединяющий весь Шерер с Бадором, Тромбом и Рахгаром. Да, это тракт, но после перевала Стервятников от него останется лишь название. Это такая дорога, на которой лошади ломают ноги, а у повозок трескаются колеса. Впрочем, повозки могут добраться недалеко — только до Бадора. Потом уже не будет никакой дороги, только тропа… И повсюду горы, горы и горы.

— Ты… и в самом деле хочешь меня отвезти в этот Громбелард?

Он иронически улыбнулся и уже собирался ответить, но посмотрел ей в лицо… и понял, что она готова ему наконец поверить и броситься бежать. Готова кричать, драться и плакать, кусаться и пинаться, когда он ее схватит. До него дошло, что они путешествуют столь спокойно исключительно потому, что дартанская красотка до сих пор считает, будто ее похитили из-за ее красоты. Она искренне верила в существование некоего прекрасного дома, где она окажется уже завтра, самое позднее послезавтра вечером, и будет там пребывать в роскошном плену, словно принцесса из дартанской легенды. Окруженная слугами, обожаемая, желанная… Жестокий похититель-разбойник превратится в элегантно одетого мужчину, который будет настоящим зверем в спальне… Гольд едва не разразился хохотом; он даже представить себе не мог, что на свете существуют столь глупые и праздные женщины! Ведь история Байлея, в которую она не захотела поверить, была простой сермяжной правдой, в отличие от того, что вообразила себе ее благородие А. Б. Д. Лейна!

Наконец он осознал, что оказался на распутье: либо он в очередной раз подтвердит, что они едут на помощь Байлею, и тогда ему придется везти ее связанной и с кляпом во рту, либо же начнет в конце концов врать.

— Прости меня, ваше благородие, — сказал он, отводя взгляд. — Я боялся сказать тебе

правду, ибо нас ждет еще довольно долгий путь… Ты обещаешь мне, что, если я скажу, куда мы едем, ты не попытаешься сбежать?

Он не был готов к столь живой реакции. Щеки девушки порозовели, и ему показалось, что он почти слышит, как сильнее забилось ее сердце.

— Я подумаю, — сдавленно ответила она. — Это будет зависеть от того, что ты скажешь…

Он на мгновение закрыл глаза, а потом начал нести неслыханную чушь, которую его пленница хотела услышать во что бы то ни стало.

4

Байлей перепрыгнул через узкий, уходящий в пропасть ручей и остановился перед тем, что Охотница назвала «хижиной». Он видел деревянную стену с дверью и кривым окном, закрывавшую, как ему казалось, выход из пещеры или просторного углубления в сплошной скале.

Окружающий пейзаж был столь же угрюмым, как и любой другой. Как и всюду в Тяжелых горах — скалы, скалы, одни только скалы. Однако эта стена из почерневших от влаги досок, построенная неизвестно когда и неизвестно кем, показалась Байлею жуткой и недружелюбной.

Байлей сделал два шага в сторону двери. Он хотел было крикнуть, но подобное сразу же показалось ему неуместным.

Старые доски смотрели на него кривыми глазницами сучьев.

— Эй? Есть там кто? — скорее спросил, чем позвал он.

Тишина. И неожиданно — резкий скрип двери…

На пороге хижины стоял совершенно седой старик. Длинная коричневая накидка тихонько шелестела на легком ветру. Поблекшие, но необычно мудрые глаза внимательно разглядывали путника. Под взглядом этих глаз все страхи внезапно улетучились без остатка. Этот взгляд обладал удивительной силой, способной уничтожить любой черный страх. Вместо страха появилось нечто иное… Неуверенность? Почтение? Смирение?

— Приветствую тебя, сын мой, кем бы ты ни был. — Голос старика был тихим и чуть хриплым, но слова звучали дружелюбно. — Входи. Мой дом открыт для всех.

Байлей старался ничем не показывать своего замешательства. Он не пытался гадать, кто этот хозяин дома-пещеры, но сразу же понял, что это отнюдь не рядовая личность. Слова были произнесены на языке кинен, или упрощенном армектанском, но этот человек, несомненно, знал также и высокие языки Армекта. Ибо язык завоевателей Шерера, очень красивый и трудный, имел многочисленные разновидности. Армектанский, которым пользовались в повседневной жизни, сильно отличался от того, который служил для возвышенных описаний; последний, высокий армектанский, содержал сотни и тысячи слов, употреблявшихся лишь по особому случаю. Говорили, будто никто на свете не знает всех эпитетов, имевшихся в этом языке… Но старику из горной хижины-пещеры наверняка была знакома высокая речь. Пользуясь киненом, он вставил слово, отсутствовавшее в простом армектанском.

— Приветствую тебя, господин, — сказал Байлей на том же языке, что и хозяин, но в полном его звучании. — Как мне кажется, неудобный кинен мы можем оставить громбелардским горцам… Или я ошибаюсь?

Старик поднял брови и искренне рассмеялся.

— Ни один настоящий громбелардский горец не умеет прилично изъясняться даже на своем собственном языке, — ответил он. — Входи, входи, путник, добро пожаловать! У меня в гостях еще никогда не было дартанца!

Байлей воспользовался его приглашением.

— Что, акцент меня выдал? — спросил он, переступая порог.

— Почти незаметный, — подтвердил старик. — Точнее, я лишь догадался, что ты не

армектанец, господин… А поскольку ты — не сын этого милого края, то кем еще ты можешь быть?.. Я правильно рассуждаю?

Байлей, улыбнувшись, кивнул.

— В этой части гор меня называют просто Старик, — сказал хозяин, закрывая дверь. — Осторожно, юноша… Здесь легко споткнуться и упасть.

Вняв его предупреждению, Байлей подождал у двери, пока глаза привыкнут к царившему в пещере полумраку. Ибо это действительно оказалась пещера, и даже довольно просторная, хотя оборудована для жилья была лишь ее часть. Квадратное окно пропускало достаточно света, и вскоре Байлей смог разглядеть обстановку этого необычного жилья. У самого окна стоял большой тяжелый стол, устланный густо исписанными страницами. Рядом с ними лежали четыре толстые книги; еще четыре покоились на массивном табурете, стоявшем рядом со столом. Байлей, не скрывая удивления, оглядывался вокруг. Книги были повсюду! Они выглядывали из открытого ящика, стоявшего у стены; в стопках по три или четыре они лежали на широкой лавке, на полках же видневшегося в глубине большого шкафа громоздились многочисленные свитки… Байлей едва заметил широкую и, похоже, довольно удобную кровать, очаг под каменной трубой, еще несколько лавок и закрытых ящиков. Все его внимание привлекали свитки и книги, представлявшие немалое богатство. Кем был одинокий старик с гор, не опасавшийся за свое здоровье и жизнь в диком краю, где за слиток серебра люди готовы были убить друг друга?

— Как ты сумел собрать столько книг, господин? — вырвалось у Байлея. — Не боишься за свою жизнь? Это же целое состояние!

Старик понимающе улыбнулся, опускаясь на лавку.

— На свете есть и куда более обширные книжные собрания, — сказал он, пропустив мимо ушей второй вопрос. — Ныне в Армекте свитки достаточно распространены, да и книги не имеют такой ценности, как когда-то. Но — сядь, юноша. Ты голоден или, может быть, хочешь пить? К сожалению, вино кончилось несколько дней назад, есть только вода.

Байлей присел на табурет, поблагодарил за угощение и, оглядевшись по сторонам, осторожно положил на крышку ящика мешок и меч.

— Целых два человека направили меня к тебе, господин, — сказал он, — и тем не менее я не знаю, правильно ли я сделал, что пришел сюда.

Старик оживился.

— Значит, ты не забрел сюда случайно, а шел ко мне?

— Да, господин. Дорогу к тебе указал мне мой друг, но я… заблудился. Однако вчера вечером я встретил одну женщину, которая… Она сказала, чтобы я на нее сослался… — Байлей не знал, как объяснить, что Гольд направил его сюда, чтобы он спросил о проводнице, которую сам же смертельно обидел вчера у костра.

При упоминании о незнакомке старик посмотрел на него внимательнее.

— Ах, вот как… — сказал он, словно с некоторым удивлением. — Ну, честно говоря, — пробормотал он словно себе под нос, — самое время ей дать знать, что она жива… Кто же ты такой, ваше благородие, — спросил он громче, с едва заметной иронией, — если сама королева гор оказывает тебе внимание? Ведь это она, Охотница?

— Да, господин.

Старик покачал головой.

— Первый раз принимаю у себя ее протеже, — шутливо проворчал он. — Но я слушаю тебя, господин, слушаю.

— К сожалению, это все. Мне очень нужен проводник или проводница. Я шел к тебе, господин, чтобы просить помочь мне найти Охотницу.

— Но, кажется, ты ее уже нашел? Ведь ты сказал…

— Я не сразу узнал ее, господин, — поспешно объяснил Байлей. — Только когда она ушла.

— Ты куда-то направляешься?

— В Дурной край, господин.

Старик поморщился.

— Странно, — сказал он. — Не похож ты на тех, кто отправляется в Ромого-Коор… в Дурной край за сокровищами или приключениями.

— Я и в самом деле иду туда не просто так. Ибо сокровища или приключения ничего для меня не значат. Я, ваше благородие, человек состоятельный и даже богатый, приключений же попросту не люблю. Считаю, что и без того пережил их уже достаточно.

Они немного помолчали.

— Ваше благородие, я человек и в самом деле крайне любопытный, — наконец без обиняков сказал Старик. — Но если я спрашиваю о цели твоего пути, то прежде всего потому, что, возможно, мог бы тебе помочь. Так уж получилось, что я очень многое знаю о Ромого-Коор (прости, господин, но сами слова «Дурной край» мне всегда были неприятны).

Байлей наклонил голову. Сам не зная почему, он был уверен, что этому человеку стоит все рассказать. Он прикусил губу, а потом заговорил, коротко, по-мужски, как сказал бы Гольд:

— Как ты уже знаешь, ваше благородие, я родом из Дартана. У меня была… есть жена, которую у меня похитили. Она бросила меня год назад. Она армектанка и не сумела привыкнуть к дартанскому образу жизни…

Старик мягко прервал его:

— Спокойно, сын мой… К жизни не могла привыкнуть? Или к тебе?

Байлей неожиданно почувствовал себя маленьким, беззащитным и беспомощным. Кровь ударила ему в голову.

— Ко мне… Ты прав, господин… Она меня презирала…

Он замолчал. Старик не торопил его.

— Она хотела… чтобы я был таким же, как армектанцы. Но я… не понимаю их обычаев и обрядов, мне не нравится культ меча и лука, оружия… Она постоянно ставила мне это в вину, издевалась, что… во мне нет ничего мужского. Но неужели для того, чтобы быть мужчиной, нужно обязательно носить меч?

Он смотрел Старику прямо в лицо, ища подтверждения своим словам. Однако тот покачал головой.

— Носить не нужно. Но в случае необходимости нужно уметь им владеть, сын мой.

Дартанец потупил взор.

— Я научился владеть мечом, господин, — с неожиданным спокойствием и достоинством ответил он. — Я умею им владеть, но каждый день носить не буду. Я женился на армектанке и прекрасно осознаю различия между нашими краями. Но не может быть так, ваше благородие, чтобы и в Армекте, и в Дартане для меня существовал только Армект. Я сделал все, что она от меня требовала, прося взамен лишь об одном — чтобы она не выставила меня на посмешище.

— И она тебя выставила, ваше благородие, я угадал?

— И она меня выставила. Наш брак распался после испытательного срока, так она мне сказала… Что она больше не моя жена и возвращается в Армект. А я… я остался в Дартане. Женатый мужчина без какой-либо власти над женой…

Старик кивнул, прекрасно поняв всю обиду дартанца. Подобные истории случались нечасто, но были достаточно банальными. Армект навязал свои законы всем покоренным краям; большинство этих законов соблюдалось: в конце концов, они были не так уж и плохи. Хуже всего дело обстояло с тем, что касалось обычаев. Дартанцы никогда не признавали разводов, а армектанский брак с испытательным сроком в Первой провинции существовал лишь формально. В Армекте молодые люди заключали брак сперва на год, никто не мог жениться сразу на всю жизнь. Через год действие брачного договора прекращалось и его требовалось продлить (на этот раз уже бессрочно), но и отказ от продления считался делом вполне обычным. Зато довольно косо поглядывали на пару, которая во время испытательного срока решалась завести потомство; для армектанца подобное воспринималось как беспечность, безответственность или попросту глупость. Однако в

провинциях на все это смотрели иначе. Гарийцы традиционно отрицали все присущее континенту, а в особенности навязанное Армектом, и поговаривали, будто если бы существовало доказательство, что ходить ногами придумали армектанцы, то островитяне ходили бы на руках. В старом же Дартане армектанские брачные обычаи считались чудачеством, а способы избавляться от плода — отвратительными и противными природе; уже хотя бы поэтому пробный брачный союз вообще не имел смысла, поскольку за это время уже появлялись на свет дети и супругов связывали родительские обязанности. Пожизненный союз мужчины и женщины скрепляла в Дартане клятва, в которой говорилось о чести и памяти предков; ни о каких испытательных сроках, а позднее — разводах не было даже и речи. Однако армектанский закон хотя и применялся редко, но существовал и был един для всей Вечной империи; из-за этого порой доходило до скандалов, особенно в смешанных парах — чаще всего тогда, когда родом из Армекта оказывалась женщина. Старик понимал ситуацию молодого дартанца, который в глазах своих земляков выглядел обычным рогоносцем: он был никем для своей женщины! Законная жена, ссылаясь на какие-то странные и почти не применяющиеся положения права, бросила его и делала что хотела… и с кем хотела. Совершенно бесстыдно и открыто. Так это воспринималось.

— Я поехал в Армект, чтобы ее вернуть. И вернул, ваше благородие. Может, это судьба, но несколько раз случилось так, что она могла опереться только на меня. Она очень молода, красива и легкомысленна. — Байлей отчаянно пытался оправдать поступки жены, которые в глазах Старика в оправдании вовсе не нуждались. — Я помог ей избавиться… от многих хлопот. Но не уберег от настоящей опасности. Ее похитили.

— И ты считаешь, что ее увезли сюда? Именно в Громбелард?

— Да, считаю, хотя и не уверен.

— Но откуда-то же взялись твои подозрения?

— Я знаю, кто похитил Илару.

— И кто же этот человек?

— Громбелардский маг, господин. Мудрец-посланник.

Хозяин пещеры откинулся назад и посмотрел на него так, будто услышал странную шутку.

— Ты уверен?

— К сожалению, да. Я даже знаю его имя.

— И это…

— Бруль.

Старик молча смотрел на дартанца.

— Допустим, — после долгой паузы сказал он, — что ты не ошибаешься, сын мой. Ибо есть кое-что, заставляющее меня поверить твоим словам. Так что допустим, что ты не ошибаешься. Но что дальше? Я правильно понял, что ты направляешься в Ромого-Коор, чтобы сперва найти, а потом победить посланника, который похитил твою жену? Ты в своем уме, юноша? Не обижайся за подобный вопрос.

— Меня направили к тебе, господин, — с усилием проговорил Байлей, — чтобы ты дал мне проводницу… Похоже, однако…

— …что вчера я отнесся к ней, скажем так, не лучшим образом, — послышался спокойный голос у них за спиной.

Они повернулись к двери — Байлей резко, Старик не торопясь. Девушка положила свое оружие на стол и подошла к ним.

— Бруль-посланник, я не ослышалась? — проговорила она. — Скажи сам, отец, думал ли ты, что услышишь из уст этого мальчишки подтверждение некоторым своим догадкам? Да Бруль и вправду сошел с ума!

— Что случилось? — спросил Старик, пропустив ее слова мимо ушей. — Подойди.

Он осмотрел ее голову. Только теперь Байлей заметил, что волосы на затылке девушки слиплись от засохшей крови.

— Споткнулась, — с неопределенной гримасой объяснила она. — О камень.

— Не болтай глупостей! — побранил ее по-громбелардски Старик. — Ты могла бы появляться здесь и почаще… — напомнил он. — Кто разбил тебе голову? Ведь не он же?

— Он совсем молокосос, отец, — ответила она на том же языке, поглядев на Байлея. — Он развел такой большой костер, что я сама пошла к нему, чтобы собственными глазами увидеть величайшего глупца в горах. Кто-то наговорил ему, будто в этих местах безопасно. И хорошо, что я поддалась любопытству… наверняка его уже не было бы в живых.

— Разбойники?

— Ну да. Большая редкость на полпути от Пасти, — язвительно буркнула девушка. — Я подралась с их предводителем, потом он увидел мой лук… Ну а когда он узнал меня… они ушли.

Она снова глянула на молодого человека. Тот смотрел по сторонам, не показывая виду, что разговор, ведущийся на чужом языке, ему сколько-нибудь неприятен.

— Я подслушивала под дверью, — без стеснения призналась она. — Вот так история!.. Если бы это говорил кто-то другой, я бы решила, что он либо выдумывает, либо сошел с ума. Но такой вот… дартанец? — Она рассмеялась своим чуть хрипловатым смехом. — История прямо из армектанской песни. Невероятно. И все-таки, может быть, я и поведу его в край.

Старик вопросительно посмотрел на нее.

— Первый раз встречаю человека, — пояснила девушка, — который идет в край действительно по серьезной причине. На самом деле даже неважно, действительно ли там его жена. Важно, что он ищет жену. Туда порой ходят за сокровищами, за славой, за смертью или просто по глупости… Но за женой? — Она покачала головой. — Мне уже приходилось играть роль проводницы, ты ведь знаешь. Сейчас мне опять не помешало бы немного золота. Да и цель благородная… — насмешливо, но скорее из принципа, заметила она.

— Цель благородная, да и парень вполне себе, — подытожил Старик. — Такие в горах не попадаются. Немного серебра тебе точно бы не помешало, да и мужчина тоже.

Она слегка покраснела, но не обиделась.

— Ну да, верно, — бесстыдно призналась она.

— Иди в Громб, армектанка, или в Бадор.

— Ну да… — пробормотала она. — Иди расслабься, Кара, а то в башке у тебя одни армектанские глупости… Но Кара не может пойти в город, поскольку у нее нет серебра, отец. Даже для того, чтобы просто напиться, а тем более — расслабиться.

— У меня тоже нет серебра, а то я бы тебе дал.

— Ну вот видишь, мне придется заработать. И столько, чтобы хватило для нас двоих, а то когда завтра у нас закончатся припасы, тебе придется есть свои книги, отец.

— Этот парень идет за смертью, — заметил Старик.

— Может быть, это неправда, что Бруль похитил его жену?

— Видишь ли, я знаю, что Бруль и в самом деле не так давно был в Армекте… Правда, сама идея, что он отправился туда за женщиной, полностью лишена смысла, — признал он. — Однако этот повод ничем не хуже других. Ничем не хуже других, дочка. Знаешь, когда Бруль до этого в последний раз был в Армекте? — спросил он, не ожидая ответа. — Тогда же, когда и я.

Она даже не пыталась спрашивать, сколько лет назад это могло быть. Наверняка еще до того, как она появилась на свет… Она нахмурилась, о чем-то сосредоточенно размышляя.

Старик ходил по пещере.

— Уже много лет, — сказал он, — меня мучит подозрение, что он сошел с ума… Сошел с ума! Шерер видел почти все возможное, но еще не видел безумия человека, принятого Полосами.

— А Мольдорн? — спросила она.

Старик усмехнулся.

— Это все сказка, выдумки… Старичок просто втюрился, и все.

— В посланницу.

Он раздраженно махнул рукой:

— Перестань, дочка. Слава-посланница действительно жила на свете, но никогда не имела такого значения, какое ей приписывают… Оставь эти сказки и дай мне подумать о Бруле.

Девушка вытащила из колчана стрелу и начала бездумно вертеть ее в руке. Когда молчание затянулось, она сказала:

— Ты говорил, отец, что должен еще раз идти в Дикий край. Ты хотел поговорить с Брулем.

— Мне кажется, ты к чему-то клонишь?

— Ты посланник, отец, — сказала она, продолжая играть стрелой. — Если бы ты…

— Я был посланником, дочка. Был, но теперь уже нет.

— Но ты говорил, что должен идти в край еще раз… Может быть, сейчас?

Старик неожиданно улыбнулся.

— Может быть, и сейчас, — насмешливо ответил он, но сразу же посерьезнел. — Но может быть, и когда-нибудь потом. Как ты себе это представляешь? Пойдем втроем, да? Ты поведешь через горы, а я через край? А потом скажем: вот здесь, парень, тебе предстоит погибнуть, вот здесь сидит Бруль. Так что быстро решай свои дела, ибо Дорлану и Брулю надо кое-что обсудить.

— Я не говорила, что мы войдем в край вместе с ним, — в замешательстве сказала девушка.

— Ты считаешь, что мы должны расстаться с этим парнем на границе края?

— Нет… не знаю… Я думала, что, может быть, ты мог бы поговорить с Брулем о той девушке… ну, об этой его жене.

Старик вздохнул.

— Похоже, Бруль и впрямь сошел с ума. О чем мне разговаривать с этим безумцем? Представь себе только — величайший из ныне живущих мудрецов Шерни едет в Армект, чтобы похитить какую-то девушку!

— Величайший — ты, отец, — быстро сказала она.

— Был! — ответил он, на этот раз рассерженно. — Был! Мне пришлось отступиться от Шерни, и ты прекрасно знаешь почему!

Она прикусила губу и быстро отвернулась.

— Да, знаю.

— Прости меня, дочка, — сказал Старик значительно мягче, касаясь ее щеки. — Мне не следовало так говорить… Но вот очередное доказательство того, что я не тот, кем был когда-то.

Наступила тишина. Охотница забавлялась стрелой, Старик наблюдал за молчавшим дартанцем. Словно почувствовав это, Байлей на мгновение поднял взгляд. Старый мудрец увидел серьезные, сосредоточенные глаза молодого человека, который знал, что говорят о нем, хотя и не понимал слов. Однако в этих глазах было что-то еще: давно принятое, непоколебимое решение. Этот человек искал проводницу и нуждался в помощи — но было очевидно, что, не найдя ни того ни другого, он все равно пойдет своей дорогой, чтобы совершить то, на что решился. Ему было безразлично, сколь странно и невероятно выглядят причины, по которым он отправился в свое путешествие.

— Странная судьба прислала сюда этого парня, — все так же по-громбелардски сказал Старик. — Я не верю в предназначение, но верю в счастливые случайности… Конечно же, ты права, Кара: если я собираюсь идти в Ромого-Коор — то теперь или никогда. Если можно решить два дела вместо одного, то так и следует поступить. Ты и в самом деле хочешь вести его через горы? Этого мальчика? Я для этого уже слишком стар и скажу прямо, что сам нуждаюсь в проводнице или, скорее, опекунше. Ибо мне даже не столько нужен тот, кто покажет дорогу, сколько дружеская рука помощи, готовая тащить по бездорожьям мои старые кости. Ты отведешь меня в край, дочка? Я уже давно хотел об этом попросить, но ты всегда была настолько занята…

— Ты ведь шутишь надо мной, отец? — спросила она.

— Вовсе нет.

— Но ведь… никакой ты тогда не мудрец, только… — со злостью сказала девушка. — Почему ты не говорил мне? Чем таким я была занята?

— Жизнью, дочка, самой жизнью. В моем возрасте дела молодых видятся совсем иначе. Твои бесцельные прогулки по горам, возможно, во сто крат важнее всех путешествий старых дедов…

— Нет, я не стану этого слушать, — отрезала она. — Скажи этому дартанцу, что он нашел проводницу и получил союзника, стоящего столько же, сколько все имперские легионы, вместе взятые.

Он усмехнулся себе под нос и, посмотрев на Байлея, неожиданно обратился к нему по-дартански:

— Мы пойдем с тобой, сын мой.

Молодой человек вздрогнул — и поднял неожиданно прояснившееся лицо, не пытаясь скрыть радости, которую доставило ему звучание родного языка. Однако до него тут же дошел смысл сказанного — и он явно смутился, поскольку подумал, что хозяин, вероятно, плохо знает дартанский и просто оговорился.

Старик улыбнулся, видя его растерянность, и продолжил:

— Завтра нас ждет тяжелая работа. Нужно будет спрятать мои книги и записи. Все то имущество, которое так тебя удивило. Здесь есть надежное место.

Сомнения рассеялись — и теперь Байлей, не зная, о чем до того говорили те двое, с изумлением смотрел на людей, которые внезапно приняли решение бросить все свои дела и занятия, чтобы отправиться в опасное путешествие с человеком, которого совершенно не знают.

— Не… не понимаю, — сказал он. Он хотел заговорить с проводницей об оплате, но инстинктивно почувствовал, что сейчас не время. — Значит, вы хотите, вот так просто, бросить все и идти со мной? Вам-то это зачем? Ради Шерни! Зачем вы это делаете?

Девушка пожала плечами, видимо, полагая, что столь пустячные вопросы не заслуживают ответа. Старик же неожиданно улыбнулся и сказал:

— Бросить все, говоришь? Что бросить, мой юный друг? Эти книги? Подождут! Моя свобода состоит в том, что в любой момент я могу идти хоть в Кирлан, чтобы купить себе гусиное перо. Кроме этой свободы, у меня, собственно, ничего больше нет. Я возьму ее с собой, сын мой. Возьму с собой.

Лучница жестом дала понять, что сама сказала бы в точности то же самое.

— Кроме того, и даже прежде всего, я знаю человека, о котором ты говорил. Брульпосланник, гм… — добавил, уже не столь беспечно, Старик. — Возможно, у меня есть что ему сказать…

5

Гольд узнавал новую правду о людях. Прежде всего ему стало ясно, насколько легко обмануть того, кто хочет быть обманут. Ее благородие А. Б. Д. Лейна, женщина ветреная и праздная, но все же вполне здравая рассудком, принимала на веру очевидный бред. Он рассказывал ей столь надуманные и глупые истории, что не смог бы их даже запомнить, и потому каждый день спотыкался на какой-нибудь мелкой лжи — которой тем не менее легко находилось объяснение, поскольку его подсказывала сама Лейна. Он вез с собой женщину, которая переносила многочисленные тяготы, протестуя и жалуясь лишь в той степени, какой этого требовала отыгрываемая роль. Гольд начал всерьез задумываться, смогут ли громбелардские горы отрезвить дартанку и помочь ей сойти с небес на землю.

Сразу же по пересечении границы Второй провинции они встретились с ожидавшим их отрядом легионеров — и сотник постепенно перестал притворяться влюбленным похитителем. Притворство это настолько его утомило, что еще немного, и он напился бы от радости: в окружении тридцати подчиненных ему уже незачем было врать, и он мог тащить

Лейну дальше хотя бы и силой. Его не волновало, что подумает дартанка, он надеялся, что после встречи с братом она переменит свои взгляды на это несчастное похищение и саму личность похитителя. Он вовсе не хотел обращаться с ней дурно, даже наоборот… Однако он вынужден был расстаться со сладостной историей о похищении прекрасной девицы из-за ее красоты — расстаться или сойти с ума.

И он с ней расстался.

Старый как мир постоялый двор на перевале Стервятников не отличался особыми удобствами. Комнат для ночлега было две — одна маленькая, для очень важных (и очень состоятельных) гостей, вторая большая, для обычных путников, которым в качестве постели приходилось довольствоваться большой охапкой соломы. Гольд снял для Лейны маленькую комнату и заплатил вперед. Сумма была впечатляющей; гвардеец, проводив девушку, с нескрываемым любопытством разглядывал обстановку комнаты. Он уже не в первый раз гостил в старом «Покорителе» (ибо так по каким-то причинам назывался постоялый двор на перевале), но ни разу до сих пор там не ночевал, обычно только ел, а иногда лишь пил пиво.

— Я человек небогатый, — сказал он, окидывая взглядом скромную (хотя, следует признать, довольно чистую и опрятную) обстановку комнаты. — Может, тебя это и не слишком развеселит, но я рад, что это последние мои расходы. Возможно, мысль о переходе через Тяжелые горы повергнет тебя в ужас, но я испытываю лишь облегчение. Настоящие разбойники сидят вовсе не в горах. Они сидят на собственных постоялых дворах и безнаказанно грабят путников.

Шутки не слишком ему удавались.

Девушка без тени улыбки подошла к кровати, села и прикусила губу, пристально вглядываясь в лицо офицера. Гольд только теперь заметил, что похищенная уже довольно давно выглядит исключительно спокойной, подавленной и молчаливой.

— Я хочу вернуться в Дартан, — вздохнув, проговорила она.

К столь явно выраженному требованию он оказался не готов.

— Не знаю, ваше благородие, — продолжала она, — доставит ли тебе удовольствие, если я признаюсь, что ты излечил меня от иллюзий. Нет, не от иллюзий. Ты излечил меня, ваше благородие, от глупости. Наверное, мне следовало бы тебя за это возненавидеть, но… похоже, я предпочла бы тебя поблагодарить.

Так она с ним еще ни разу не говорила.

— Не знаю, к чему мне следует взывать, — продолжала она. — К солдатской чести? К мужской гордости? Или, может быть, к благосклонности, ибо мне кажется, господин, что ты ко мне благосклонен, хотя и стараешься этого не показывать… Я хочу вернуться в Дартан. Я не в обиде на тебя ни за то, что ты меня похитил, ни за то, что ты меня обманул. Я очень многому научилась… но теперь я просто хочу вернуться домой.

— Я привез тебя сюда не затем, чтобы… — хрипло начал он и откашлялся. — Я привез тебя не затем, чтобы теперь отвезти обратно. Начнем сначала? Ну тогда повторю то, что уже столько раз говорил: возле границы Дурного края есть небольшой форпост Громбелардского легиона, где нас будет ждать твой брат…

— Ладно, — прервала она его. — Я верю, что все так, как ты говоришь, ваше благородие. Но я хочу вернуться домой.

Он беспомощно развел руками.

— Что мне сделать, чтобы ты наконец мне поверила? Байлей…

— Я верю! — снова перебила она его, на этот раз более резко. — Байлей нисколько меня не волнует, вернее, волнует постольку-поскольку. Это мой брат. Взрослый брат, глупый брат, нелояльный брат. С этим человеком трудно выдержать даже час, он не дартанец и не армектанец… неизвестно кто и неизвестно что. Он всегда таким был, а Илара окончательно его изменила. Я говорила, что так будет! Я предупреждала его, чтобы он не связывался с этой армектанской… Он никогда меня не слушал, может, он меня и любил, но всегда считал праздной и глупой. Теперь он получил то, чего заслуживал. Хочешь меня к

нему отвезти? Прекрасно! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы укрепить его в убеждении, что он поступает правильно, что он должен ехать в этот Дурной край. Я дам ему такой совет хотя бы только для того, чтобы отомстить тебе. Он все равно поступит по-своему, ибо никогда еще никого не послушался и уж наверняка не станет слушать меня. А теперь, ваше благородие, позволь мне вернуться в Дартан.

— Твой брат и в самом деле…

Она перебила его в третий раз:

— Да, мой брат и в самом деле меня нисколько не волнует. Меня волнуешь ты, сотник Громбелардской гвардии. Берегись, чтобы у меня не нашлось повода тебе отомстить! Отправь меня домой, и я забуду обо всем, что случилось. Или тащи меня дальше, но не поворачивайся спиной и не спи, ибо я тебя убью при первой же возможности. И за это у меня даже волос с головы не упадет, поскольку для каждого суда, да и вообще для каждого жителя империи, ты всего лишь грязный похититель!

Гольд почувствовал, как его охватывает ярость. Однако тут же он отчетливо осознал, что она приперла его к стене. Собственно… что он мог ей ответить?

Он прошелся по комнате взад и вперед. Один короткий разговор — и стала ясна истинная сущность его предприятия. Это было безумие, глупость. Под его началом было тридцать человек, с которыми он мог отправиться на помощь Байлею. Лейна же была лишь бесполезным грузом.

— Ты никуда не поедешь, — сказал он.

— Почему? — сухо спросила она.

Он посмотрел на нее и неожиданно отвернулся к двери, чувствуя, что еще немного, и он расскажет ей обо всем… О странной прихоти судьбы, повелевшей ему ехать в Роллайну, хотя он был убежден, что он едет напрасно, лишь затем, чтобы сказать себе, что он сделал все, что мог. О прихоти судьбы, благодаря которой он встретил там женщину, совершенно непохожую на его умершую жену, с совершенно другими жестами, другими глазами, другим лицом и другой улыбкой… О нет, та, измученная лихорадкой и исхудавшая, уже вообще не улыбалась, а на жесты у нее не оставалось сил… Но все дело было именно в том, что эта полная жизни, молодая пышноволосая дартанская красавица вопреки всему напоминала ему девушку, с которой он познакомился двадцать лет назад. Он уже думал, что молодых, полных жизни женщин просто не существует.

— Ты никуда не поедешь, — не оборачиваясь, повторил Гольд. Он уже хотел выйти, но задержался в дверях, собираясь что-то добавить…

Она не шутила. Та же самая судьба, по прихоти которой он до сих пор делал одни лишь глупости, теперь подарила ему жизнь или, по крайней мере, уберегла от серьезной раны. Повернувшись, он увидел дартанку в то мгновение, когда она намеревалась нанести ему удар в спину. Он инстинктивно схватил ее за руку, державшую нож; некоторое время они боролись, пока он не вырвал у нее оружие и не оттолкнул девушку так, что она с криком отлетела к стене. Ошеломленный, он замахнулся на нее, и тогда, в отчаянии и ярости, она плюнула ему в лицо.

Он опустил руку и медленно вытер слюну.

— Ты перестаралась, — пробормотал он. — Надо бы прислать сюда кого-нибудь, чтобы поучил тебя уму-разуму…

— Защити меня, господин, — со слезами на глазах проговорила она. — Защити, прошу…

Сотник обернулся к двери. Там стоял один из его десятников.

— Иди отсюда, сынок.

— Я принес вьюки, сотник, — сказал солдат. — И случайно увидел, как мой командир угрожает ножом женщине. Ходят слухи, ваше благородие, что тебя похитили? — спросил он через плечо офицера.

— Ты лезешь не в свое дело, Рбаль, — сказал Гольд, усилием воли сохраняя спокойствие.

— Не в первый раз. И не в последний.

Лейна, не скрывая текущих по лицу слез, лихорадочно размышляла, что означает этот странный разговор. Она не слишком разбиралась в армейских порядках, однако понимала, что обмен фразами, свидетелем которому она стала, имеет мало общего с военным уставом. Рбаль — она слышала это имя от солдат Гольда. Десятника же она с легкостью узнала — несомненно, самый младший член отряда, мальчишка, почти ребенок… Почему он позволял себе столь многое по отношению к строгому, не знающему шуток командиру? Это обязательно следовало выяснить.

— Возвращайся на службу, Рбаль, — приказал сотник.

— Я и так на службе, — язвительно ответил солдат. — Ты только что приказал мне, господин, принести сюда вьюки и оказать всяческую помощь ее благородию. Тебе требуется какая-нибудь помощь, госпожа?

— Да, да! — поспешно ответила Лейна, вытирая ладонью слезы. — Да, останься, господин, мне очень нужна помощь… — лихорадочно заговорила она.

— Никакая помощь не потребуется, — решительно заявил Гольд.

— Я буду кричать, — угрожающе, но снова со слезами, предупредила она. — Я буду орать так, что меня услышат даже в Дартане. Ну, гвардеец? Ударь меня, свяжи и заткни кляпом рот!

Гольд направил на нее палец, собирался было что-то сказать, но неожиданно лишь пожал плечами и шагнул к двери. Протянув руку, он отдал нож десятнику.

— Не знаю, у кого она его украла, но не поворачивайся к ней спиной. А если станет орать — начинай орать вместе с ней.

С этими словами он вышел.

Она убила бы Гольда не колеблясь, если бы только могла. Однако сама она сделать это была не в состоянии, и потому ей нужен был Рбаль. Нет, она вовсе не собиралась склонять его к убийству из-за угла — подобное было просто невозможно, или, может быть, возможно, но не в таких условиях. Будь у нее достаточно времени — кто знает?.. Но времени у нее не было, и потому она хотела бежать, воспользовавшись помощью молодого десятника.

Сперва она с ним просто забавлялась, не имея иных развлечений. С громбелардскими легионерами невозможно было разговаривать — в ее глазах они были лишь бандой разбойников в мундирах. Заместитель Гольда, подсотник К. П. Даганадан, походил на медведя, с такими же манерами и столь же неразговорчивый — об остальном и говорить не стоило. Вот только Рбаль… Десятник был родом из семьи с солдатскими традициями и, по общему мнению, считался хорошим легионером; похоже, он уже успел совершить не один достойный похвалы поступок. Но ему было всего восемнадцать, и под ее взглядом он краснел, словно девица. Что ж, может, он и впрямь был отменным рубакой и прекрасным командиром, но во всем остальном выглядел воплощением полнейшей наивности. Она не знала, что об этом думать… Похоже, он влюбился в нее без ума!

Лейна, рожденная, воспитанная и живущая в лишенной каких-либо моральных устоев Роллайне, с трудом могла поверить, что такие вообще существуют. Пламенные порывы юношеской любви она считала поэтическим мифом; армектанские и дартанские песни полны были подобных рыцарских, патетических и возвышенных повествований о любви с первого взгляда. Но неужели такое могло случиться на самом деле?

Постепенно она убеждалась — да, могло. Этот парень никогда прежде не видел такой женщины… И никогда прежде такая женщина не проявляла к нему интереса.

Она размышляла обо всем этом, путешествуя верхом через громбелардские горы. Монотонная поступь коня утомляла ее; когда непрестанный дождь усилился, она поправила на плечах промокшую накидку. Не в силах привыкнуть к местной погоде, она постоянно мерзла. Не помогали плащи, капюшоны — дождь проникал повсюду. Оглядываясь вокруг, она видела, что солдаты вообще не обращают на дождь никакого внимания — как будто он для них вообще не существовал; они не видели его и не ощущали. Не видели они и ее

тяжелых от влаги волос, постоянной дрожи и стучащих зубов.

Они ехали через все более дикие края. Дорога была не более чем узкой полоской густой грязи, в которую лошади проваливались по колено. Из услышанных разговоров она поняла, что скоро они съедут с тракта, а еще чуть погодя оставят коней и пойдут пешком. Это пугало ее больше всего. Пешком… А вокруг горы. Горы. Горы, горы…

Если бежать — то сейчас же.

Ее начала бить дрожь — было очень холодно. В то же мгновение кто-то подал ей плащ. Сухой…

— Возьми, госпожа… — несмело проговорил молодой десятник.

Она поблагодарила грустной улыбкой, сбросила накидку и закуталась в подаренный плащ.

— Далеко еще? — спросила она.

— До чего, госпожа?

— Ну… до того места, куда мы едем.

Парень смутился, словно это он был во всем виноват — в том, что ее увезли из дома, и в том, что идет дождь. Она вдруг поняла, что десятник ее боится; это уже не был тот юный смельчак, который дерзко возражал командиру! Как может такое быть, чтобы в одном теле обитали два столь разных существа?

— Вскоре мы свернем с тракта, а потом через горы, — почти извиняющимся тоном сказал он.

Она поняла, что он не хочет говорить прямо, сколь долгий путь им еще предстоит, и застонала.

— Я этого не выдержу, — тихо, упавшим голосом сказала она. — Как тут можно жить? Здесь есть какие-нибудь людские поселения?

— Здесь? Нет… В лучшем случае какие-нибудь логова разбойников.

— Их уже здесь можно встретить? — Она перепугалась не на шутку.

Рбаль понял, что сморозил глупость.

— Нечасто, — сказал он, но врать ему все же не хотелось. — Это Узкие горы, сюда иногда забредают небольшие банды. Собственно, с Узких гор начинается настоящий Громбелард. Но мы не поедем по хорошо известному тракту в Рикс, Бадор и Громб, но спустимся до самого подножия Тяжелых гор и пойдем вдоль их южных склонов, а потом, когда они преградят нам путь, — через них, до самого Дурного края. Там уже редко можно встретить разбойников.

— Я думала, что больше всего разбойников именно в Тяжелых горах, — вымученно сказала Лейна.

— Это правда. Но только в окрестностях Бадора, Громба и Рахгара.

— Ведь Громб — это ваша столица.

Сперва Рбаль не понял — возможно, потому, что кинен был лишь скелетом армектанского языка, он облегчал общение на самые простые темы, но для более сложных разговоров не слишком годился.

— Да, столица Громбеларда, — кивнул он.

— Но ты говоришь, господин, что там разбойники?

— В окрестностях Громба, на территории округа, но в самом Громбе — нет… Хотя говорят разное. — Он неожиданно нахмурился.

Она снова подумала о том, что оказалась в диком краю, у стен столицы которого орудовали банды грабителей и убийц, а обеспечивавший порядок солдат признавался, что и на улицах порой бывает опасно.

— Где я? — прошептала она.

— Ты что-то спросила, госпожа?

— Я боюсь, — сказала она громче.

— Чего, госпожа? Разбойников? Зря я об этом говорил… — Он смутился. — Ты среди солдат, ваше благородие, тебе ничто не угрожает.

— Знаю. Но все равно боюсь. Ты меня наверняка за это презираешь, но я не такая отважная, как ваши девушки…

Он онемел от изумления.

— Я тебя презираю, госпожа? Я?

— Даже если не ты, господин, то другие…

— Кто, скажи, ваше благородие? Кто из них?

— Лейна, — застенчиво поправила она. — Так меня зовут… Я не хочу, чтобы ты называл меня «ваше благородие».

Она протянула руку и, наклонившись в седле, коснулась его колена.

— Лейна, Рбаль. Хорошо? Пожалуйста.

— Я не могу, госпожа…

— Пожалуйста… У меня здесь больше никого нет, кроме тебя, Рбаль…

Парень замер, чувствуя мягкое прикосновение изящных пальцев. Он сглотнул слюну. Их глаза на мгновение встретились. Ее ладонь все еще гладила жесткую и мокрую от дождя ткань, обтягивавшую его бедро.

Он посмотрел на нее и увидел, что глаза девушки снова увлажнились. Он сделал движение, словно хотел схватить ее за руку и поцеловать, но в последний момент сдержался и лишь кивнул, покраснев.

Лейна за свою жизнь повидала немало мужчин, но столь далеко зашедшая, почти девичья стыдливость была ей незнакома. Честно говоря, ей приходилось прилагать немалые усилия, чтобы играть свою роль. Она бы предпочла, если бы на месте Рбаля был какой-нибудь покоритель женских сердец из Роллайны; за свою жизнь ей приходилось водить за нос десятки таких. Но никуда не денешься, ей придется использовать в своих целях мальчишку, который без раздумий и колебаний считал каждую слезинку в ее глазах знаком отчаяния, каждую гримасу на лице — проявлением страха, а нахмуренные брови — боли. По мере того как ее лицо приобретало все более плаксивое выражение, она каждый раз вздрагивала при мысли о том, что может перегнуть палку или же легионер неожиданно выпрямится, улыбнется и скажет: «Слово даю, малышка, что я развлекся на славу».

Ничего такого, однако, не случилось. И дартанка постепенно начала верить, что ей и вправду попал в руки алмаз, из которого она сумеет сделать орудие, способное рассечь даже столь закаленное железо, из которого был выкован Гольд.

Местность стала более пересеченной, темп марша замедлился. Рядом ехать уже не получалось, коням приходилось идти один за другим. Солдаты спереди и сзади затянули какую-то грустную песню. Лейна, которой ничего больше не оставалось, слушала непонятные громбелардские слова. Она вынуждена была признать, что горловой язык этого края звучал намного красивее, когда слова сопровождались мелодией.

6

Байлей протер заспанные глаза и сел на постели, устроенной прямо на полу. Он посмотрел в окно. Был уже день.

Какое-то время он пытался привести мысли в порядок; когда он проснулся, ему показалось, будто все его воспоминания — это лишь сон…

Но нет.

Он с удивлением заметил, что в пещере пусто. Хозяин и Охотница наверняка уже встали. Почему они его не разбудили?

Он еще немного полежал, потом встал, подтянул пояс и надел рубашку. Сунув ноги в сапоги, протянул руку к мечу. Похоже, он все-таки полюбил это оружие.

Гольд не верил, что дартанец может иметь хоть какое-то представление о мече. «А, турниры!» — сочувственно говорил он. Байлей уверял его, что брал уроки у человека, который считался мастером своего дела (он деликатно не упоминал при бедном сотнике о том, что вполне мог позволить себе привезти этого мастера из Армекта и что мог бы купить

себе тысячу таких учителей). Когда дело дошло до проверки в деле, Гольд был искренне изумлен и обрадован. «Во имя всех Полос Шерни, ты и вправду не можешь ничему от меня научиться! — откровенно сказал он. — У меня во всем гарнизоне лишь два человека владеют мечом лучше меня, но я сомневаюсь, что они могли бы дать тебе какие-нибудь ценные советы… Однако не потеряй своих способностей. Каждое утро посвящай немного времени упражнениям с оружием, пусть даже твоим противником будет лишь воздух. И не будь чересчур уверен в собственных силах. Одно дело — размахивать мечом, а совсем другое — рубить им человека». Эти слова запали глубоко в душу дартанца. Он не был уверен в собственных силах и упражнялся ежедневно. Особенно если учесть, что год назад то же самое советовал ему армектанский учитель.

Тряхнув головой, Байлей вытащил клинок из ножен. Лезвие ярко блестело. Он положил ножны на стол, возле снятых вчера доспехов, и вышел на двор. Зажмурившись от яркого дневного света, мгновение спустя он заметил девушку и хотел отступить назад, но было уже поздно.

Она как раз выходила из ручья. Приветственно махнув рукой, она направилась в его сторону. По мере того как она приближалась, он все отчетливее видел густые, стянутые широкой полосой кожи волосы, мокрые от холодной воды плечи, маленькие, смешно торчащие в стороны груди, сильные бедра и неправильной формы черное пятно внизу живота. Пружинистые мышцы играли под загорелой кожей; при их виде он даже вздрогнул. Пожалуй, немногие мужчины могли похвастаться подобной мускулатурой.

Она остановилась, выжимая волосы и насмешливо глядя на него. Он отвернулся и пробормотал какие-то извинения, чувствуя себя неловко и глупо.

— Что за мужчина, который боится вида голой женщины? — усмехнулась девушка. — Уже столько лет бегаю по этому краю и все время забываю, что тут следует купаться в куртке и юбке. Я тебе нравлюсь, дартанский рыцарь?

Она приподнялась на цыпочки, подняла руки и повернулась кругом, демонстрируя себя со всех сторон. Он невольно бросил взгляд на ее округлый, тугой, как у лошади, зад.

— Ты нанял проводницу, так что тебе стоит внимательно рассмотреть то, что ты нанял. Нравится тебе проводница? А по горам водить я тоже умею.

— Каренира!

Она быстро обернулась. Подошедший Старик укоризненно покачал головой.

— Не думал, что ты настолько глупа, — сердито сказал он. — Глупа. И пустоголова.

Кровь ударила ей в лицо.

— Чего ты от меня хочешь?..

Он не моргая смотрел на нее. Внезапно она потупила взор.

— Прости, отец. И ты тоже, дартанец.

Она быстро прошла мимо Байлея и скрылась в дверях.

— Не сердись на нее, — негромко сказал Старик. — Она вовсе не глупа. Но действительно, в голове у нее пусто.

— Ничего ведь не случилось… — пробормотал Байлей. — Она… довольно красива.

— Ты ведь уже сыт по горло всяческими армектанскими чудачествами.

— Она армектанка?

Старик сделал едва заметный жест, который, видимо, должен был означать «А ты как думаешь?». Ибо армектанское происхождение невысокой, черноволосой и смуглой Охотницы было и в самом деле прямо-таки на ней написано.

— Но не будем об этом, — сказал Старик. — Это ее дело, если захочет — сама расскажет о себе больше.

Он сменил тему.

— Меч?

Байлей удивленно посмотрел на оружие, которое держал в руке, потом слегка улыбнулся.

— Да, господин, я знаю, о чем ты думаешь… Похоже, я полюбил его. Но несмотря на

это, я не собираюсь ходить с оружием в своем собственном городе, в собственном доме. Сейчас — другое дело. Мой друг наказал мне, чтобы в горах оружие всегда было у меня под рукой.

— Он дал тебе очень хороший совет. Кто этот твой друг, кто-то из местных?

— Офицер Громбелардской гвардии. — Байлей оперся о стену. — Прости, ваше благородие, но я хочу удостовериться, не слишком ли я вчера устал… Мы отправляемся вместе? Все трое?

Старик рассмеялся.

— Именно потому вы проиграли войну, — слегка язвительно сказал он. — Вовсе не из-за того, что вам не хватило отваги.

— Войну?

— Войну с Армектом. Вы проиграли ее, поскольку ни один дартанец чистой крови не в состоянии был встать и просто выйти из дома. У вас всегда находятся какие-то дела, которые нужно сделать, прежде чем можно будет наконец отправиться в путь. Дартанские рыцари целыми месяцами собирались на войну с Армектом, хотя король призывал их немедленно встать в строй. Король, впрочем, тоже никуда не отправился.

— Король был стар, очень стар, — возразил Байлей. — Он был мудр и отважен, но, к сожалению, немощен. Рыцари отправились на битву под предводительством его сына — который не был даже тенью своего отца.

Старик не скрывал своего удивления.

— Кто ты, ваше благородие? Откуда столь обширные знания? В то время, когда никто не помнит самых важных исторических событий! Самых важных! Дартанец, знающий историю, — непостижимо!

— Это легко объяснить, — ответил Байлей. — Мои предки много веков назад сыграли весьма значительную роль в войне, о которой мы говорим. Я не знаю истории, знаю лишь деяния своего Дома.

— И родом ты, ваше благородие, из Дома…

Молодой человек вдруг понял, что хозяин горной пещеры до сих пор даже не знает его имени, не говоря уже о родовых инициалах.

— Прости меня, ваше благородие, — серьезно сказал он. — Меня зовут А. Б. Д. Байлей.

— Девин! — воскликнул Старик. — Мальчик мой! До сих пор я не верил в случайности и стечение обстоятельств, в прихоть судьбы! И вот — посреди Тяжелых гор ко мне является потомок А. Б. Девина! Ведь я не ошибся?

— Действительно, именно инициал его имени был добавлен к двум другим.

— Но, ваше высочество, ты же родом из одного из самых старых и знаменитых дартанских Домов?

— Не называй меня «высочеством», господин. Никто в Дартане уже не пользуется княжескими титулами — кроме хозяина Буковой Пустоши, чудака и оригинала. Впрочем, титулы эти дешево стоят, если учесть, что каждый второй рыцарь сразу же становился князем.

— Каждый второй рыцарь, но это не относится к твоим предкам, господин, ибо речь сейчас идет об истинных заслугах. Поговорим? — с необычным оживлением предложил Старик, беря молодого человека под локоть. — Знаешь, чем я здесь занимаюсь? Я историк, твоя же личность…

— Его личность, — перебила Охотница, стоя в открытых дверях, — сейчас принадлежит мне. Не позволяй, господин, превратить себя в подобие одной из книг нашего хозяина, — сказала она, обращаясь к Байлею. — Оставь его, отец, прошу тебя.

Она уже не была голой — одетая в чистую и аккуратную одежду, вероятно извлеченную из одного из бездонных ящиков в доме Старика. Она подняла короткий военный меч.

— Твой гость намеревался размять кости, я же воспользуюсь случаем и проверю, умею

ли до сих пор махать этой штукой. Скрестишь со мной клинки, путник?

Байлей обрадовался.

— Это намного лучше, чем сражаться с воздухом.

— Ну тогда пойдем поищем какое-нибудь ровное место.

Байлей повернулся к хозяину, но тот лишь махнул рукой.

— Идите, идите! Все равно ты от меня не сбежишь, господин, успеем еще побеседовать.

Они пошли в сторону ручья. Девушка показала острием меча место на другом его берегу.

— Может, здесь?

Гвардейский меч, которым она пользовалась, был очень хорошим и надежным оружием — но создавалось оно, однако, в расчете на обычных солдат. Оружие Байлея, на добрых две ладони длиннее, относилось к тем временам, когда схватка на мечах не была одной лишь силовой рубкой. Однако Охотница знала, что делает, выбирая оружие гвардейцев. Байлей оказался не готов к столь сильному удару; еще немного, и меч выпал бы из его онемевшей руки. Отступив назад, он с немалым трудом парировал две последующих атаки. Здесь пригодился бы крепкий щит! Он принял на клинок еще два удара, мрачно думая о том, что лезвие его меча, каким бы прочным оно ни было, в итоге превратится в подобие зазубренной пилы, а у Старика вряд ли найдется точило…

Однако, по мере того как он защищался, к нему постепенно возвращалась уверенность в себе. Охотница нападала активно, но без особых хитростей. Все искусство заключалось в том, чтобы удержать клинок в руке. Эта женщина могла прикончить любого; Байлей нисколько не сомневался, что после десяти или двенадцати таких ударов любой ее противник остался бы безоружным. Следующий удар он пропустил, вместо того чтобы парировать, — и нападавшая едва не потеряла равновесие. Он многозначительно стукнул ее плашмя по плечу. Бросив на него уважительный взгляд, она атаковала еще раз… и приземлилась на четвереньки, когда он, быстро шагнув вперед, схватил ее левой рукой за запястье и потянул, используя инерцию от удара. Байлей сильно шлепнул ее плашмя по ягодицам.

— Ай! Как это у тебя получилось? — удивленно спросила она. Подняв меч, она встала, массируя зад и глядя на противника слегка исподлобья, но с уважением.

— Ты, госпожа, сильна как… кузнец, — сказал он. — Тебе не нужно наваливаться на меч всем телом, одной силы твоих рук хватит, чтобы разрубить противника пополам. Используй лишь ее, и тогда, даже если не попадешь, по крайней мере не потеряешь равновесия.

Он показал ей как. Она повторила.

— Очень хорошо, — оценил он.

Она взяла меч под мышку, а другую руку положила на бедро.

— Меня зовут Каренира, не называй меня «госпожа». Я в тебе не сразу разобралась, ваше благородие.

— Байлей, — поправил он. — Здесь Тяжелые горы, титулам же место в Роллайне.

Она рассмеялась.

— Хорошо, что я согласилась на роль проводницы. Путешествие может быть удачным.

Она снова взяла меч за рукоятку.

— Как это делается… Так?

— Именно так.

— Этому в легионе не учили.

— Ты была, госпо… была в легионе?

— Была. Давно.

Дождь шел не переставая. День за днем с неба сочилась отвратительная морось, к вечеру переходившая в дождь или ливень. Лейна не понимала, как такая масса воды не приводит к наводнениям, особенно если учесть, что скалистый грунт не впитывал влагу.

— Если бы такой дождь обрушился на равнины Армекта или Дартан, — объяснял ехавший рядом Рбаль, — было бы наводнение. Но здесь горы. Возникает просто множество ручейков, речек, озерков… Ручьи впадают в реки, реки — в Срединные Воды, или в Просторы, или в горные котловины, где образуются озера. В Тяжелых горах очень много озер. Я никогда не был в Дартане или Армекте, но те, кто был, говорят, что громбелардские горы выглядят совершенно иначе, чем другие горы Шерера.

— Не понимаю, как можно жить под таким дождем.

— Можно, госпожа. — Он по-прежнему обращался к ней так; ему до сих пор не хватало смелости, чтобы называть ее Лейной. — Можно его даже полюбить. Впрочем, дождь идет не все время. Летом только вечером, зимой — вечером и ночью. Но сейчас осень. А осенью и весной — сама видишь.

Словно в подтверждение его слов, дождь усилился. Лейна поправила капюшон.

— Думаю, около полудня мы сделаем большой привал, — сказал Рбаль. — Здесь недалеко есть пещеры, в которых я пару раз останавливался, чтобы разжечь огонь и высушить одежду. Сотник… он тоже их знает. Это очень интересное место. Неписаный закон запрещает там применять оружие. Бывает, что там сидят у одного костра солдат и разбойник, разбойник и купец, купец и пастух… Обычно в этих пещерах есть достаточный запас дров. Смотри, госпожа. — Он показал притороченную к седлу вязанку хвороста. — Каждый, кто туда едет, собирает по дороге топливо. Правда, дерево слишком влажное, чтобы разжечь из него костер, но когда оно высохнет, то пригодится другим… Благодаря этой традиции в пещерах всегда можно обогреться.

— И все соблюдают этот договор?

— Может, и нет. Наверное, не все. Но Громбелард — суровый край, госпожа. Люди здесь часто убивают друг друга, но, когда они этого не делают, самый большой их враг — горы и дождь. Без таких мест, как те пещеры, и без таких традиций жить здесь было бы попросту невозможно. Я сам видел в тех пещерах группу людей, которые почти наверняка были разбойниками. У них не было никакого желания возить с собой дрова, чтобы оставить их для других. Но их предводитель держал их на коротком поводке. Он был человеком разумным и дело свое знал.

— Солдаты и разбойники вместе, у одного костра? — не могла поверить она.

— Здесь Громбелард, госпожа.

— Десятники, ко мне! — прогремел впереди голос подсотника.

Рбаль обернулся.

— Бельгон! — крикнул он.

Молодой, худой солдат повернул коня и поравнялся с ними. Лейна окинула его внимательным взглядом. Лицо его не было незнакомым, она много раз видела этого человека в обществе Рбаля.

— Бельгон — мой лучший друг, — представил его Рбаль. — Он составит тебе, госпожа, компанию. Можешь положиться на него во всем так же, как на меня.

Он сжал круп лошади коленями и поспешил к голове отряда. Бельгон улыбнулся — неуверенно, но словно со скрытой иронией.

— Наверняка ты не захочешь со мной разговаривать, ваше благородие, — сказал он выразительным, приятным голосом. — В моих жилах нет чистой крови, как у Рбаля, так что к твоему миру я не принадлежу.

Она с трудом пересилила себя.

— Ты ошибаешься, солдат, — вежливо ответила она. — Разговор с легионером империи никого не может унизить. Кроме того, ты друг господина Рбаля, а это немало для меня значит.

— Догадываюсь, госпожа. Рбаль мне обо всем рассказал.

Она посмотрела на него из-под капюшона, не в силах скрыть удивления и беспокойства.

— Обо всем? Что это значит?

Он снова улыбнулся с едва скрываемой иронией.

— Видишь ли, ваше благородие, — сказал он, не ответив на вопрос, — десятник Рбаль, мой друг, это как бы… два человека в одном теле. Рбаль — прекрасный, не ведающий страха солдат и очень хороший командир, отважный смельчак, перед которым любому мужчине следует быть начеку. Но есть еще Рбаль-мальчишка, смертельно боящийся женщин, пугливый, влюбленный в тебя, ваше благородие… и не представляющий для тебя никакой ценности как любовник.

Она лишилась дара речи.

— Как ты смеешь… говорить такое… — наконец выдавила она;

— Смею, ваше благородие, — сказал он, уже не скрывая иронии, — ибо не боюсь женщин и даже твоих родовых инициалов. Смею, поскольку хочу услышать от тебя — зачем ты морочишь Рбалю голову?

Она молчала, с обидой и гневом на лице и страхом в душе. Бельгон был человеком наблюдательным и неглупым, а потому опасным.

— Ваше благородие, — сказал он, оглядываясь по сторонам, — я ведь не говорил, что собираюсь помешать твоим намерениям. Но я слишком мало знаю для того, чтобы встать на твою сторону.

— Намерениям? Встать на мою сторону? — презрительно спросила она. — Значит, хочешь встать рядом со мной? Госпожа А. Б. Д. Лейна и легионер… как там? Бельгон?

Солдат немного помолчал.

— Я не люблю сотника, — наконец сказал он. — Никто его не любит. Рбаль сказал мне, что тебя похитили, ваше благородие, из твоего собственного дома. Ты хочешь бежать? Мы можем тебе помочь.

Она не ответила.

— Это очень странная экспедиция, — продолжал он. — Никто не знает, куда ведет нас командир. Говорят, будто в Дурной край. Никто не хочет туда ехать. Оттуда не возвращаются. И потому я помогу тебе бежать, поскольку таким образом, возможно, удастся помешать планам сотника.

— Тебя интересует только это?

— Меня интересует моя жизнь. Разве этого мало? Я не хочу ехать в Дурной край.

Она задумалась, хмуря брови. Вскоре вернулся Рбаль.

— С этого момента маршируем военным строем, — неохотно сказал он. — Твоя тройка, Бельгон, сегодня идет в арьергарде, остальные две тройки из нашей десятки идут в передовое охранение. Под моим началом.

Он умоляюще посмотрел на Лейну.

— Ты ведь простишь меня, правда, госпожа?

Слишком возбужденная разговором с Бельгоном, она сумела лишь кивнуть.

— Езжай, — добавила она. — И возвращайся скорее.

Бельгон криво усмехнулся.

— Ну что, как ты думаешь? — спросил Гольд, оглядываясь через плечо на едущий отряд.

Медлительный и флегматичный Даганадан долго качал головой.

— Не знаю, — наконец проворчал он. — Все равно. Ты сам хотел командовать такой экспедицией. Твоя идея. Твое дело.

Гольд кивнул. Это было правдой. Путешествие к границам Дурного края действительно было его идеей. Надтысячник Р. В. Амбеген, старый комендант Громбелардского легиона в Громбе, отнюдь не скрывал, что в его глазах подобное предприятие обладает всеми признаками неумной авантюры. «Зачем? — спрашивал он. — Зачем тебе привлекать

столичные силы, чтобы решить некие проблемы в округах Рикса и Бадора?» Гольд объяснял, что знает о разбойничьих убежищах у границы края, и представил поддельные доказательства И поддельных свидетелей… «Ладно, — сказал в конце концов Амбеген. — Ты опытный и ответственный офицер, придется отнестись к твоим доводам серьезно. Я согласен на эту экспедицию, вот распоряжения для комендантов Рикса и Бадора. Однако я не хочу, Гольд, чтобы ты считал меня глупцом, и потому скажу тебе с глазу на глаз: я полагаю, что у тебя там какие-то собственные делишки. И предупреждаю, что если люди погибнут зря, то я проведу детальное расследование. Это не твои солдаты, а императорские, и их задача — защищать интересы империи».

На том и порешили. Теперь Гольд напомнил о том уговоре своему заместителю.

— Однако… если мы отправимся с Байлеем в край… — настаивал он, желая услышать хоть что-нибудь в свою поддержку.

Подсотник пожал плечами.

— Это твой друг, — сказал он. — Пока он жив — помогай ему. Погибнет — похорони.

Гольд вздохнул.

— Так я и хочу поступить. Но это Дурной край, Даг.

— А это — меч, Гольд. Только зачем нам та девушка? Его сестра? Ну и что? Надо было сразу. Самому. Жаль на нее времени. И денег. Может быть, она его и остановит. Но скорее всего, ничего не добьется.

В устах Даганадана пять слов подряд были целой речью. Гольд прикусил губу. Его друг и заместитель затронул больное место.

— Что случилось, то случилось, — сказал он. — Но теперь…

— Что теперь?

Гольд не знал.

— Ну а что мне делать? — взорвался он.

Нервно обернувшись в сторону солдат, он тут же понизил голос:

— Зря я ее сюда притащил. Но что мне теперь делать? Отправить ее обратно? Я должен свести ее с братом! Иначе она отдаст меня в руки чиновников Имперского трибунала, и знаешь, что со мной будет?

— И все-таки надо ее отправить. Только теперь это не так просто.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

Гольд рассердился.

— Говори прямо, что хотел! Если еще и мы начнем что-то утаивать друг от друга…

— Вот именно. Рбаль и его десятка. Оглянись.

Гольд обернулся, не торопясь, как бы от нечего делать. Среди свободно ехавших солдат он заметил группу из трех человек, ехавших рядом.

— И что с того?

— С чего? — спросил Даганадан. — Сколько времени прошло с тех пор, как ты приказал выдвинуть авангард и обеспечить тыл?

Рбаль был дисциплинированным. Да, горячая голова, авантюрист. Но хороший солдат. А теперь? Она обвела его вокруг пальца. За несколько дней.

Гольд задумался. Подсотник мог быть прав. Ему тоже не слишком нравилось, что дартанка строит глазки одному из солдат. Но как ему следовало на это реагировать?

— И что мне делать? Прогнать соперника? — с сарказмом спросил он.

Даганадан не понял иронии. Он всегда был непримиримым врагом женщин, как в рядах имперского легиона, так и вообще. Он ничего о них не знал и знать не хотел.

— Она была одна, — сказал он. — Потом стало двое. Теперь их трое, Гольд. Когда солдат перестает слушать командира — это плохо. Когда он вместо командира начинает слушать постороннего — это очень плохо, Гольд.

— Ты серьезно? Чего ты боишься?

— Назначь одну или две тройки, но не из десятки Рбаля. Пусть сопровождают ее до

Дартана.

— Через пол-Громбеларда? Кроме того… нет, Даг. Она должна встретиться с Байлеем.

— Гольд. Она никуда не поедет. Рбаль не допустит. Или сбежит с ней. Посмотрим, что они замышляют.

Даганадан не умел шутить. Но сотник не мог поверить, что его заместитель и в самом деле чует некий заговор.

— Ты это серьезно?

— Что? Я не прав? Увидишь.

— А если она все-таки… поедет в Дартан?

— Значит, поедет. Будет ненавидеть тебя издалека. Пока не привезешь ее брата. Тогда она почувствует, что виновата. Если уж хочешь кого-то похитить, то лучше Байлея.

— Я потеряю друга.

— Но получишь женщину.

— Ты думаешь, что я… хочу ее получить?

Даганадан нахмурился и сказал нечто, потрясшее Гольда до глубины души. Может, его друг и не разбирался в женщинах, но в состоянии был заметить кое-что другое.

— Я знаю, Гольд, как тебе не хватает Эльвы. Нет ничего плохого в том, что через год после ее смерти… Ты одинок, я понимаю. И ты влюбился. Но сейчас — думай трезво. Ты не можешь лишить женщину свободы ради того, чтобы вернуться к жизни. Ты не можешь быть с ней. Здесь. Но можешь получить ее в Дартане.

Такого ливня они не видели уже давно. В десяти шагах трудно было разглядеть человека.

— Стой! Кто идет?

Из-за стены дождя вынырнул часовой, с плаща которого стекали струи воды. Рбаль дал знак своим людям спешиться и сам соскочил с коня.

— Из разведки! — крикнул он, превозмогая шум ливня. Часовой отдал честь и показал дорогу. Вскоре они уже были в сухой, теплой пещере. Горели два костра, возле них сидели полуголые солдаты, просушивая одежду. Рбаль огляделся в поисках командира; вместо него из темного закоулка пещеры появился подсотник.

— Патруль вернулся, — доложил десятник. — Ничего…

— Хорошо, — прервал его офицер. — Совещание, там. — Он показал пальцем. — Переодевайся в сухое, и явишься.

— Так точно, господин.

Даганадан ушел. Рбаль немного постоял, потом посмотрел по сторонам и, увидев Лейну неподалеку от сложенных на земле вещей, поспешно подошел к ней.

— Хорошо, что ты пришел, — сказала она, и он с удивлением увидел, что девушка плачет. — Никогда не уходи так надолго…

— Что случилось? — пробормотал он.

— Твой командир! — в отчаянии сказала она, не скрывая страха. — Похоже, он хочет куда-то меня отправить. Говорит, будто в Дартан, но я уверена, что нет.

— Он тебя отправляет?

— Так он сказал.

Она выглядела столь несчастной и беспомощной, что ему захотелось ее обнять, прижать к себе, целовать ее волосы и глаза… Он сглотнул слюну.

— Я узнаю, в чем дело, — пообещал он.

— Не оставляй меня одну.

— Я должен идти на совещание, госпожа. Прости меня.

Он повернулся и пошел в угол пещеры, на который показал ему Даганадан.

— А вот и десятник Рбаль, — сказал Гольд, увидев своего подчиненного. — Значит, все в сборе. Начнем.

Вечно чем-то недовольного сотника подчиненные не слишком любили — однако

саркастичные замечания и язвительный тон в его голосе были для Рбаля чем-то совершенно новым. На мгновение взгляды его и командира пересеклись, и он впервые подумал о том, какие, собственно, проблемы у этого человека. Во что он ввязался? Какова истинная цель этого странного путешествия в Дурной край?

— Слушайте распоряжения командира отряда, — сказал Даганадан. — Во-первых — дисциплина. С сегодняшнего дня езда толпой заканчивается. Я хочу видеть нормальный походный строй, с десятниками во главе, в соответствии с уставом.

Приказ был принят к сведению.

— Второе: ее благородие А. Б. Д. Лейна незамедлительно должна вернуться в Дартан. В качестве сопровождения пойдет тройка из десятки Эгдеха, под командованием своего десятника. Выход на рассвете.

Рбаль вздрогнул.

— Вопросы есть?

— Разрешите обратиться, сотник? — спросил Рбаль.

Командир утвердительно кивнул.

— Прошу поручить это задание тройке из моей десятки и под моим командованием.

— Это невозможно. Твои арбалетчики нужны мне больше, чем топорники Эгдеха.

— Тогда прошу поручить мне командовать солдатами Эгдеха.

Гольд поднял брови.

— Не возражаю, если только Эгдех согласится. Однако мне кажется, что даже в этом случае тебе придется просить его солдат, чтобы они согласились пойти под твоим началом.

Рбаль сглотнул, уже зная, что проиграл. Он не был почетным гвардейцем, а Эгдех командовал гвардейской десяткой; его солдаты могли, но не обязаны были подчиняться десятнику обычных подразделений легиона. Чаще всего в таких случаях гвардейцы склонны были прислушаться к просьбе своего командира, но Гольд только что дал понять, что просить их об этом не станет.

— Эгдех, твои солдаты согласятся пойти под моим началом? — спросил Рбаль.

Лысый как колено десятник поморщился, даже не скрывая злорадной усмешки.

— Не знаю. Тебе придется их об этом спросить.

Рбаль уже не сомневался, что все было решено заранее. Эгдех и трое его солдат должны были куда-то отвезти Лейну. Неизвестно куда.

Отдав честь, он вышел из пещеры прямо под дождь, закрыл глаза и подставил лицо потокам воды. Он был спокоен — как всегда, когда ему бросали вызов.

Он уже знал, что будет делать, хотя и не знал как. Лейна ему доверяла. Он не собирался отдавать ее Эгдеху. Он вынужден был поставить на кон… собственно говоря, все. Свою военную карьеру. Может быть, даже жизнь…

Вернувшись в пещеру, он пошел прямо туда, где сидела дартанка.

— Что решили? — лихорадочно спросила она, вставая. — Ты весь промок… где ты был?

— Нигде. Утром тебя должны отвезти в Дартан, госпожа, — сказал он. — Командования сопровождением мне не доверили, хотя я об этом и просил.

Она тяжело оперлась о неровную стену за спиной. В мигающих отблесках горящего неподалеку костра он видел подавленность, грусть и страх на ее лице.

— Значит, так все и закончится, — прошептала она.

— Выход на рассвете. Ты можешь не спать этой ночью, ваше благородие?

— Зачем?

— Я приду к тебе и заберу тебя отсюда. Будь готова бежать в любой момент. Я отказываюсь выполнять приказы командира и дезертирую… — с кривой усмешкой сказал он. — А это может означать виселицу.

В его голосе не чувствовалось волнения, даже напротив. Он был в точности таким же, как тогда, когда вошел в комнату на постоялом дворе и потребовал объяснений от командира, угрожавшего ножом женщине.

— Твой командир — похититель! — страстно заговорила она. — Ни один суд не обвинит тебя за то, что ты помог бежать женщине, которую силой увезли из ее собственного дома. В Роллайне я… все там со мной считаются! Есть свидетели, что меня похитили. Мои слуги. Солдаты, охраняющие городские ворота. Одного из них я наверняка узнаю, я просила его о помощи, но он, видимо, решил, будто я шучу.

— Неважно, мы все равно убежим так или иначе, — все еще с легкой улыбкой сказал Рбаль. — Я отвезу тебя домой, госпожа. Бельгон нам поможет.

Неожиданно она быстро поцеловала его в губы, от чего он остолбенел и почти перепугался.

— Спасибо, — прошептала она и расплакалась.

8

Бруль-посланник был величайшим среди мудрецов Шерни.

Огромные, прикованные цепями к скале псы начали радостно лаять и заискивающе скулить при виде Илары. Она их очень любила, часто садилась на землю, окруженная подставленными для ласки головами и разинутыми пастями, чтобы рассказать обо всем, о чем ей хотелось. Когда они лизали ее руки и лицо, она со смехом изо всех сил защищалась от них, а они даже не чувствовали ударов маленьких кулачков. Псы были большие и могучие, ростом с теленка. Называли их, впрочем, басогами — медведями.

Однако порой, в порыве внезапной нежности, она прижимала свой курносый, чуть веснушчатый носик к огромному влажному носу одного из них, сжимала в ладонях большие стоячие уши и выворачивала их наизнанку, а псы уже привыкли к тому, что ей это нравится, и не дергали сердито головами. Даже Бруля удивляла любовь и привязанность, которую проявляли к ней эти кровожадные звери, не боявшиеся даже чудовищных стражей края. Наконец он решил, что подобная дружба с псами нежелательна. Она просила и умоляла, но он был непреклонен.

Она подошла еще ближе. Псы гремели тяжелыми цепями и чуть ли не выли от радости. Огромные лохматые хвосты ходили из стороны в сторону. Аркс, вожак своры, припадал к земле и скулил, словно маленький щенок. Она размахнулась Бичом и хлестнула по косматым бокам. Потом, не в силах вынести разумного, удивительно человеческого взгляда Аркса, с отчаянным криком ударила его прямо по носу. Потом била уже вслепую, зная, что ей ничто не угрожает — подаренный ей Брулем пугающий Брошенный Предмет не подпустил бы к ней никого и ничто.

Псы не бросились на нее, лишь скулили, пытаясь найти укрытие среди скал. Внезапно она заплакала, видя судороги, сотрясающие могучее тело Аркса. Пес лежал на боку и смотрел на нее угасающим взглядом. Его большая морда была рассечена бичом, от мокрого черного носа остались лишь кровавые ошметки. Она повернулась и, спотыкаясь, убежала, придерживая рукой явно видимый под одеждой округлившийся живот.

«Так надо, — плача, убеждала она себя. — Так надо».

Она была уверена, что поступила как надлежало, но осознание этого не помогало. Добежав до простиравшихся неподалеку руин замка, она оперлась спиной на остатки каменной стены, где дала волю слезам.

Потом она вошла в лабиринт больших, наполовину разрушенных коридоров и комнат. Простые деревянные башмаки глухо постукивали в такт маленьким, не слишком уверенным шагам.

В руинах безраздельно властвовали пыль и грязь. Огромные, испытывавшие уважение перед Бичом крысы поспешно прятались по углам.

Почувствовав головокружение, она оперлась о стену, прижав ладони к животу. Она прислонилась лбом к холодной стене, а потом подняла лицо к небу, видневшемуся сквозь дыру в провалившейся крыше. Образ избитых псов полностью улетучился из памяти, она думала о том, и только о том, что уже скоро…

О ребенке.

Слегка улыбнувшись, она присела, чтобы поднять выпавший из руки Бич. Потом встала и пошла дальше. Мрачный Предмет-Геркото тащился за ней по каменному полу, словно длинный черный хвост. Возможно, это был единственный Брошенный Предмет, одним своим видом говоривший, для чего он лучше всего годится. Страшное оружие, но в Шерере рассказы о Биче считались легендой или, в лучшем случае, полуправдой. Возможно, во всем Ромого-Коор существовал лишь один такой Предмет…

Вскоре Илара оказалась в более обустроенной части старой крепости, где не было ни руин, ни грязи, и остановилась перед нужной дверью. Радостно блестевшие глаза чуть угасли, в них появилась напряженность. Она постучала.

— Входи!

Она вошла и закрыла за собой дверь. Взгляд ее долго блуждал среди груд книг, камней, звериных и человеческих костей, открытых и закрытых ящиков и тысяч разных бумаг, прежде чем наконец наткнулся на широкоплечую, прямую, несмотря на возраст, фигуру.

— Это ты, — сказал он своим сильным, слегка глуховатым голосом. — Ты сделала, как я велел?

Он всегда спрашивал, выполнила ли она его поручение, хотя прекрасно знал, что не выполнить его она не могла.

— Да, господин, — тихо ответила она. — Кажется… я убила Аркса.

— Плохо, очень жаль. Но ничего не поделаешь. Подойди.

Она чувствовала себя рядом с ним маленькой и беспомощной.

Он возвышался над ней, словно большая тяжелая скала над маленьким камешком. Она всегда приближалась к нему со страхом, хотя он никогда не делал ей ничего плохого. Напротив, он дал ей то, чего никто до сих пор дать не мог, — ребенка.

Она остановилась рядом с креслом, на котором он сидел. Он взял ее руку в свои большие ладони.

— Сядь мне на колени, — велел он.

Послушно и торопливо она исполнила его желание.

Он коснулся ее живота и мгновение как будто прислушивался. Потом сказал:

— Через десять или двенадцать дней ты родишь сына.

Она обняла его за шею.

Засмеявшись, он ласково почесал ей затылок.

— Ну хорошо, — сказал он, — я тоже рад, кто знает, может быть, даже больше, чем ты.

— Нет, — уверенно ответила она. — Не больше.

Он снова рассмеялся.

— Я немного побуду с тобой? — спросила она.

— Ведь тебе скучно смотреть, как я работаю?

— Будешь работать?

— Да.

— Тогда я лучше пойду, — слегка обиженно сказала она. Она встала и побежала к двери.

— Медленнее! — крикнул он, провожая взглядом ее невысокую, стройную, несмотря на беременность, фигурку. Он улыбнулся, но, когда она ушла, погрузился в задумчивость.

Оставалось меньше двух недель…

Каким будет этот ребенок? Его ребенок… Сквозь натянутую кожу ее живота он отчетливо ощутил ауру Шерни. Демон. Возможно, Илара носила под сердцем демона.

Она была беременна всего четыре месяца. Беременности предстояло длиться вдвое меньше обычного. И это не предвещало ничего хорошего.

Демон. Чудовище…

К сожалению, так бывало часто. Слишком часто. Дети посланников очень редко оказывались похожими на других детей, а на этот раз на свет должно было появиться дитя Шерни и Алера. Он не знал, чего ожидать, однако рассчитывал, что знакомство с этим

необычным существом поможет ему понять, что связывает, а что разделяет две висящие над миром силы. В преддверии надвигающейся второй войны между Шерни и Алером ответ на этот вопрос был важен как никогда.

Бруль боялся лишь одного — что он не успеет. О, он был еще здоров и силен! Он все еще мог бегать, взбираться на скалы, разрубить дубовый стол одним ударом топора. Еще…

Человек, ставший посланником Шерни, стареет быстро, но дряхлеет поздно, очень поздно. Зато совершенно неожиданно. Буквально не по дням, а по часам.

Стоя у окна, он видел маленькую, стройную Илару, с лицом избалованной девочки. Волоча за собой Бич, она шла в сторону моря. На фоне мрачной монотонно-серой равнины ярко выделялась ее белоснежная рубашка. Прикрыв глаза, он что-то прошептал и с удовольствием увидел, как, не ускоряя и не замедляя шага, она начинает ходить по кругу. Да, он все еще был силен. Формула послушания действовала.

Внезапно он подумал о том, сможет ли он ее отменить. Чтобы применить формулу, нужно огромное знание. Чтобы отменить — знание еще большее. Здесь, в Безымянном краю, тень Полос до сих пор лежала на земле, и все, что под ней скрывалось, было насыщено сутью Шерни. Формулы, составляющие часть этой сути, действовали легко и быстро. Но чтобы их отменить, следовало рассеять тень. Для этого требовалась сила, содержащаяся в Полосах, — а ее он ни разу не осмелился коснуться. Нельзя переносить силы Шерни на свет.

Он махнул рукой, и Илара все тем же спокойным шагом пошла дальше в сторону моря. Он редко подчинял ее своей воле. Обычно лишь убеждал, оставляя молодую женщину в уверенности, что она поступает в соответствии с собственными желаниями.

Он не хотел причинять ей вреда. Сознание, которое слишком часто насилуют, пытается защищаться, создавая собственный мир, полный особых законов…

Безумие.

Он покачал головой, все еще глядя в окно, и позволил себе гордо, чуть надменно улыбнуться. Там, где любому другому пришлось бы отчаянно бороться за жизнь, Илара шла совершенно спокойно. В этой части края все знали, что маленькое создание — собственность могущественного Бруля. Разве что Галла угрожал как ей, так и ему самому, но тот редко бывал на Черном побережье. А когда он, живший дальше в глубине материка, появлялся на границе побережья, Мольдорн давал о том знать.

Мольдорна он не любил, но они не были врагами. Они просто жили по-соседски и иногда даже помогали друг другу. Мольдорн был математиком, и философ-историк Бруль хоть и неохотно, но признал, что чувствует себя полностью беспомощным без математических моделей структур Шерни. Однако Мольдорна как человека он презирал — тот был слабовольным и попросту ленивым. А ведь среди математиков наверняка именно Мольдорн считался самым выдающимся — как и Бруль среди историков-философов.

Бруль снова посмотрел в окно, но Илара уже скрылась за полосой песчаных дюн. Теперь он уже ничего не мог ей приказать. Их связывала лишь железная формула послушания.

Бруль, величайший среди мудрецов Шерни, был человеком одержимым. Можно сказать — безумцем.

9

— Ваше благородие…

Гольд мгновенно проснулся и сел. В полной темноте Бельгон различал лишь слабые очертания его силуэта. Проснулся и подсотник.

— Это Бельгон, тройник Ф. Рбаля…

— Имена своих солдат я знаю. В чем дело?

Во мраке они не видели лиц друг друга. Бельгон долго молчал.

— Хочу кое-что сообщить, сотник.

Снова наступила тишина. Гольд понимающе, но не слишком дружелюбно улыбнулся.

Темнота скрыла его улыбку, но тройник мог догадаться о ней по голосу.

— Понимаю. Важное сообщение, но не даром. И что же это за сообщение? Ты знаешь, что я не богач, Бельгон. Чего ты хочешь?

— Если вдруг освободится место десятника легиона…

— В мирное время повышение так просто не получишь.

— Именно поэтому я и не могу его получить уже столько лет. Я уверен, командир, что рано или поздно добьюсь офицерского звания, но я не могу сдавать экзамен, не имея достаточного стажа в должности младшего командира.

Гольду стало не по себе при одной только мысли о том, что ночной доносчик, пытающийся продать командиру доверенную лишь ему информацию, когда-нибудь станет его коллегой-офицером. Никогда не бросавший слов на ветер Гольд молчал, обдумывая решение.

— Могу тебе обещать, что, как только освободится должность, ты будешь первым кандидатом на это место. Но это может случиться не скоро.

— Не страшно.

— Так с чем ты пришел?

— Рано утром Рбаль и ее благородие А. Б. Д. Лейна намерены сбежать.

Гольд ожидал чего-то подобного, и все же сердце его болезненно сжалось. Женщина, благосклонности которой он добивался… Солдаты, которым он доверял… Все готовы были его предать.

— Он сам тебе об этом сказал?

— Да. Я обещал ему помощь.

— И нарушил свое обещание, помешав, вместо того чтобы помочь.

— Это мой долг, сотник.

Гольд снова поморщился. Считая, что исполняет свой долг, тройник Бельгон выторговал для себя должность десятника, которую в скором времени освободит именно Ф. Рбаль. Ибо было очевидно, что Рбаль перестанет быть десятником, как только станут известны его планы.

— Убирайся, Бельгон. Ты станешь десятником, я помню о своем обещании. Хотя я еще подумаю, не будет ли моим долгом его нарушить, так же как ты нарушил свое, данное другу. Сомневаюсь, что ты заслуживаешь того, чтобы стать десятником, а потом офицером.

Тройник хотел что-то сказать, но еще не успел произнести хоть слово, как почувствовал на плече тяжелую руку подсотника.

— Ты слышал, — сказал Даганадан. — Убирайся. Иначе я тебя ударю. А мне этого очень хочется, вплоть до того, чтобы башку тебе снести.

Бельгон вскочил и скрылся в темноте.

— Идем, Даг, — сказал сотник.

На ощупь, стараясь вести себя как можно тише, они направились к выходу из пещеры и вскоре оказались снаружи. Дождя не было, видимо, небо во время вечернего ливня исчерпало весь свой запас воды. Часовой дремал, опершись о мокрую скалу. Услышав шаги, он вздрогнул, потом резко выпрямился при виде начальства.

— Стой, кто идет?!

— Сотник и подсотник, — ответил Гольд, называя пароль. — Не докладывай.

— Так точно, господин.

Они пошли дальше.

— Что скажешь? — наконец спросил Гольд.

— Ничего.

— Вообще ничего?

— Ничего, — повторил подсотник. — Все как я и предполагал.

— Что будем делать?

— Схватим их.

— А потом? — Гольд даже не заметил, что перенял немногословный стиль друга.

— Остальное в Громбе. Сейчас — сменить десятника. Все.

— До сих пор этот парень служил безупречно. И даже образцово.

Даганадан ничего не ответил, но в его молчании слышалось: «Ну и что с того?»

Гольд сел на неровную скалу, оперся локтями о колени и потер ладонями лицо.

— Это безумие, — наконец негромко сказал он. — Я привожу сюда женщину, которую затем хочу отправить в сопровождении солдат в Дартан. Кто-то, кто невзлюбил меня за похищение этой женщины, теперь сам пытается совершить нечто подобное. Я отправлю девушку в Дартан, а взамен мне придется тащить с собой солдата, который мне не доверяет, ненавидит меня… Неужели с таким отрядом стоит выступать против кого бы то ни было?

— Нет, — ответил Даганадан.

— Тогда зачем мы туда едем?

— Чтобы встретиться с Байлеем. С твоим другом, — напомнил подсотник. — Ты свяжешь его и заберешь в Дартан силой, если потребуется.

Гольд покачал головой.

— Похоже, Даг, что мы придумали полнейшую глупость. Я потеряю все — друга, женщину и уважение подчиненных.

— Но кто заварил всю эту кашу?

— Я сам, — ответил Гольд, вставая. — Я сам ее заварил и теперь должен расхлебывать. Идем, скоро рассвет.

10

Проводница на мгновение остановилась и обернулась, глядя на него через плечо. Байлей уже знал, что в этом внешне привлекательном лице не так. Под длинными, изогнутыми ресницами сидели, словно вставленные, совершенно чужие глаза. Серые, проницательные и странным образом — мужские.

Заметив его испытующий взгляд, она сделала неопределенный жест и двинулась дальше.

— Я знаю, — сказала она, глядя перед собой. — Когда-то я тоже… их боялась…

Он не стал ни о чем спрашивать.

— Может, когда-нибудь, кто знает… я расскажу тебе, как это случилось. Но не сейчас, не сегодня. Хорошо?

Он кивнул, хотя она не могла этого видеть.

Начался моросящий дождь. Громбелардское небо постепенно просыпалось ото сна, длившегося несколько дней. Каренира подняла голову.

— Вечером будет ливень, — сказала она. — Ливень, какого горы еще не видели.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Запыхавшийся Байлей с удивлением отметил, что они идут очень быстро. Возглавлявший маленькую группу Старик был для своего возраста весьма энергичен и крепок. Сейчас он вел их под гору широкими зигзагами, огибая наиболее непроходимые места.

— Мы идем в сторону Пасти, — внезапно сообразил дартанец. — Неужели в этих краях есть дорога, которая ведет на другую сторону?

Она коротко рассмеялась.

— Конечно есть. Нужно только знать, где и как ее искать.

— Похоже, я никогда не узнаю и не пойму гор, — пробормотал он.

— Думаешь? Пару лет назад я считала точно так же.

Он внезапно споткнулся и налетел на девушку. Та поддержала его.

— Смотри под ноги, — посоветовала она с легкой иронией. — Иди впереди меня, я кое-что расскажу тебе про горы. Мне удобнее будет обращаться к твоей спине, чем постоянно оглядываться.

Он обогнал ее, и они пошли дальше.

— Тяжелые горы — наверное, единственное место на свете, где никогда не бывает снега. Никогда и нигде, даже самые высокие вершины голые и черные. Дорлан говорит, что здесь очень тепло и лишь из-за влажности все постоянно мерзнут. Мы идем через скалистую пустыню, повсюду ты увидишь лишь серые, черные и коричневые скалы. Кое-где только изредка растут деревца и кусты. Зато повсюду облака — над тобой, иногда под тобой, иногда вокруг тебя. Если не облака, то туман. Или стены дождя. Сейчас уже много дней стоит очень хорошая погода, но пусть это тебя не обманывает. Как правило, здесь ничего не видно на расстоянии дальше выстрела из лука.

— Знаю, — сказал он. — По бездорожьям я хожу недавно, но в Громбеларде я уже много недель. А в горах я был, в Армекте, на Княжеских Вершинах. Нигде нет такого прозрачного воздуха, как там. Но самое странное здесь — ветер.

— Дыхание гор, — ответила она, и он понял по голосу, что она улыбается. — Так его тут называют. Громбелардцы верят, что Тяжелые горы живые. Говорят, есть такие места, где отчетливо можно услышать удары сердца, если приложить ухо к земле.

— Ты, наверное, в это не веришь? — полюбопытствовал Байлей. — Ты бывала в таких местах, слушала?

— Слушала, — все так же улыбаясь, ответила она.

— И что? — спросил он, оглядываясь через плечо.

— Слышно биение сердца.

К этому разговору они вернулись во время вечернего привала. Маленький костерок едва высвечивал в темноте лица путников. Каренира рассказала о Сердце гор.

— Громбелардцы верят, что Тяжелые горы действительно живут, дышат и чувствуют, — объяснил Старик. — Этот край населяют очень странные народы. Внизу — пастухи, сражающиеся за свои стада и едва владеющие человеческой речью. А здесь — только жители высокогорных селений. Для меня до сих пор тайна, каким образом возникают и живут громбелардские легенды, такие как эта, о Сердце гор. Трудно поверить, что ее придумывает или повторяет получеловек, пасущий овец, впрочем, может быть, это овцы и бараны их пасут… А знаешь ли ты легенду о том, как возникла Пасть? — спросил он, обращаясь к девушке.

— Нет, я не слышала.

— Это очень молодая легенда.

Старик сел поудобнее и погрузился в задумчивость.

— Две армии, — начал он, — одна из Армекта, а другая из ранее завоеванного Дартана, напали на дикий Громбелард. Громбелард никогда не был государством, даже горсткой княжеств, как много веков назад Армект. Не было и речи о какой-то нормальной войне, поскольку кто бы ее вел? Разбойники-рыцари, сидящие в своих замках? Правда, они объединили свои силы, договорившись в первый и последний раз в истории, и была кровавая битва у стен Рикса, который тогда назывался Бролем. Рикс — это армектанское название, и на высоком языке оно означает кровавую, достойную и нелегкую победу.

— Не знал, — сказал Байлей.

— Не знала, — одновременно с ним сказала Каренира.

Они переглянулись и слегка улыбнулись друг другу.

— По моим оценкам, — продолжал Старик, — в той битве полегло полторы тысячи дартанцев и армектанцев. А может быть, больше или меньше, сейчас уже трудно сказать. В армектанских хрониках всегда говорится о «ста сотнях убитых в великой битве», неважно, была ли это война Сар Соа с королевством Трех портов или приграничная армектанско-дартанская стычка… Но оставим цифры, ибо сейчас они не имеют значения, достаточно того, что битва под Бролем была первой и последней великой битвой той войны. Войны, продолжавшейся еще тридцать с лишним лет, хотя и это вовсе не обязательно правда, поскольку некоторые полагают, что громбелардско-армектанская война никогда не

кончалась и продолжается и поныне. Армект ввязался в длительную, жестокую и бескомпромиссную партизанскую войну, где все бьются со всеми. Армектанцам везет именно на такие войны, которые они больше всего ненавидят, — тяжелые, не приносящие крупных побед, малые войны на уничтожение. Именно так терзают их алерские орды на Северной границе. Именно так выглядит морская война с пиратами на Просторах. Точно так же и здесь, в Громбеларде, где все воюют против всех, а войско вынуждено постоянно участвовать в стычках с вооруженными бандами в горах и на тракте, в которых принимает участие до нескольких сотен солдат. Коты могли выиграть свое восстание, — неожиданно сказал он, ссылаясь на совсем другие события, — ибо армектанцы с большим уважением относились к подобной войне. Правда, кошачьи армии также использовали партизанскую стратегию и тактику, но при всем при этом они были войсками. Были вожди, были победы, был враг, цель войны, а вдобавок ко всему — была военная слава, геройские подвиги, легенды. Армектанцы проиграли прекрасную войну за честь, ибо ни о чем другом речь не шла. Они проиграли войну за честь, сохранив честь, прекрасно ее проиграли, а кто этого не понимает, пусть вспомнит рыцарские турниры в Дартане. Армектанцы никогда не участвовали в турнирах, но им было знакомо понятие честной войны и честного поражения. Нечто подобное необходимо Армекту как воздух, ибо народ этот ведет свое происхождение прямо от своей Непостижимой госпожи…

Он замолчал, видя, что дартанец ничего не понимает, армектанка же скорее ощущает традиции своего края, впитанные с молоком матери, чем желает о них говорить.

— Громбелардская война продолжается до сих пор, так говорят некоторые. Я полагаю, что она длилась тридцать четыре года. Прекрасно знавшие горы вооруженные остатки громбелардской армии, наемники перебитых разбойников-рыцарей, по разным мотивам — ради добычи, ради войны как таковой или же чисто из ненависти к чужакам — сражались с армектанскими солдатами столь яростно, что пришельцев удалось полностью изгнать из Тяжелых гор и почти полностью — из гор Узких. Целые гарнизоны легионеров погибли в десятках и сотнях столкновений. Была изменена вся военная доктрина, поскольку легкие конные лучники, составлявшие ядро войск Армекта, полезны были лишь в регулярных сражениях, таких как битва под Бролем, но совершенно не годились для погонь по горным ущельям. Громбелардским арбалетчикам противостояла тяжелая пехота, ибо кираса, хотя и довольно неудобная в горах, неплохо защищала от дальнобойных стрел. Десятки небольших отрядов, опираясь на укрепленные лагеря, обосновавшиеся в горах, заполонили Громбелард. Они сражались по-разбойничьи скрытно, столь же часто прибегая к силе, как и к хитрости и предательству. Но Армект выиграл войну лишь тогда, когда имперские войска раз и навсегда покинули Тяжелые горы, — и по моему мнению, именно в этот момент закончилось завоевание этого края… Не понимаете? Громбелардом правит тот, в чьих руках города и связывающий их тракт, все остальное не имеет значения. Гоняться за разными бандитами по бездорожью — не дело для регулярной армии, впрочем, никого не волнует, есть эти бандиты там или нет. Сегодня Громбелардский легион сидит в городах, солдаты патрулируют торговый тракт… а кроме этого, есть лишь несколько форпостов, тут и там… Таких, как тот, к которому мы направляемся, у границы края; от них больше хлопот, чем пользы, но войско не пожелало полностью уйти из гор. Порой еще устраивают шумные облавы, которые неизвестно кому и для чего нужны. Впрочем, неважно. Достаточно того, что в Дартане невозможно установить иной порядок, чем есть сейчас. Для этого пришлось бы сжечь все деревни, все до единой, особенно деревни пастухов из долин, ибо именно они являются опорой для банд и именно в них появляются на свет новые разбойники. Но кто тогда приносил бы шерсть на продажу? С чего жил бы Громбелард?

Каренира и Байлей кивнули.

— Я спрашивал, знаете ли вы легенду о Пасти. Так вот, когда в Громбеларде вовсю шла партизанская война, случилось так, что довольно многочисленная, насчитывавшая несколько десятков человек группа громбелардцев ушла на восток от Бадора, спасаясь от преследовавшего их отряда Армектанского легиона. Положение беглецов было очень

тяжелым, почти безнадежным из-за большого количества раненых, состояние которых становилось все хуже. По принятому в горах обычаю, было решено бросить тех, кто не мог идти самостоятельно. С ними осталось несколько здоровых — те, кто не хотел оставлять умирающего брата или друга. Ожидая появления армектанцев, тяжелораненые люди готовились к схватке — с трудом взводили арбалеты, собирали последние стрелы. Это не было пустым геройством. Армектанские легионеры относились к пойманным разбойникам не как к солдатам вражеской армии, но как к обычным преступникам (иногда, впрочем, вполне справедливо), так что почти каждый предпочитал найти быструю смерть в сражении, чем гнить в каземате или болтаться в петле. Отчаянные защитники отогнали передовое охранение армектанского отряда, но, когда подошли основные силы, казалось, что дело идет к кровавой резне. Кто-то в громбелардском отряде начал горько жаловаться на военную судьбу, которая всегда благоприятствует армектанцам, у которых есть своя госпожа судьбы и войны. Однако другой стал доказывать, что в Тяжелых горах госпожа войны не имеет никакой власти, а они проигрывают и всегда проигрывали, поскольку никогда не просили свои горы о поддержке. Кто-то знал старую песню о тех, кто, бродя по горам, стал их кровью, — песню о сердце и дыхании Тяжелых гор. Когда он запел, к нему присоединились другие, а когда легионеры наконец пошли в атаку, горы защитили тех, кто им доверился. Они пожрали нападавших, раненые же все остались живы. И с тех пор они всегда верили своим горам, ибо те оказались сильнее армектанской госпожи военной судьбы, Арилоры. Старик замолчал.

— Но… как такое могло случиться? — удивился Байлей. — Неужели во всем этом есть хоть крупица правды?

— Пропасть, на дне которой легионеры нашли свою могилу, по сей день называют Пастью. Да, это именно, здесь. Раньше, до описанных мной событий, это название нигде не упоминается, хотя мне знакомо множество текстов с довоенных времен. Пишут в лучшем случае о «большой пропасти», иногда употребляется также название Разрез… Ты спрашиваешь, мой юный друг, сколько правды в легенде? Я не смогу тебе ответить. Возможно, вся эта история — вымысел, а может, и в самом деле какой-то отряд войска нашел смерть в Пасти. Могло быть и так, что ревевшие свою песню громбелардцы вызвали сход каменной лавины, которая сбросила атакующих на дно пропасти. В этих местах подобное вполне могло случиться. Может быть, погибли все нападавшие, а может быть, лишь некоторые. Может, никто вообще не погиб, и даже лавины не было… Это только легенда; вы спрашивали меня о сердце гор, а я обещал, что расскажу более молодую легенду. Так что вот вам она.

Они долго сидели молча, размышляя над удивительным рассказом Старика. Каренира посмотрела вверх, словно ища что-то среди туч, закрывавших ночное небо, и спросила с загадочной улыбкой:

— Это правда, отец, что в осаде Громба принимали участие три полусотни лучниц?

Старик удивленно поднял брови.

— А ты откуда знаешь? Хотя в Армекте полно историй о Великой горной войне…

Она покачала головой.

— Каждый ребенок знает, что была такая война, однако о лучницах у стен Громба я ничего раньше не знала. Но иногда, когда жила у тебя по неделе и больше, я просматривала твои записи, отец… Которые по-армектански и по-громбелардски, потому что старогромбелардские тексты… да, я могу узнать этот язык, но совершенно ничего не понимаю. Ты ведь не сердишься? За то, что я читаю твои записи?

Старик почти растроганно улыбнулся.

— Я не знал, что тебя интересует история Шерера, — сказал он. — Почему ты никогда мне об этом не говорила? Я мог бы рассказать тебе о многих очень интересных событиях! О многих интересных событиях, дочка.

— Почему в Армекте женщин берут в легион? — спросил Байлей; видно было, что этот вопрос интересует его уже давно.

— Наверняка хочешь спросить, почему армектанки завоевали твой край?

Это было неправдой, поскольку молодой человек скорее хотел услышать, откуда взялись все различия в понимании роли женщины… Почему брак дартанца и армектанки обязательно должен быть неудачным. Однако, услышав слова старика, он почти остолбенел.

— Ты шутишь, ваше благородие? Армектанки завоевали мой край?

Старик улыбнулся.

— Немного шучу, — признался он. — Насчет того, что завоевали, — это, естественно, слишком сильно сказано. Слишком сильно, — по своему обычаю повторил он. — Но они принимали в том немалое участие, и, должен сказать, большее, чем обычно принято теперь считать. Хочешь об этом услышать?

Байлей кивнул.

— Именно армектанки стали причиной этого завоевания и приняли в нем участие сами. Когда-то кочевые армектанские племена берегли своих женщин, чтобы те беспрепятственно могли производить на свет потомство, то есть новых воинов. Но вместе с тем в партизанской войне между племенами была на учете каждая пара рук, способная отразить вражеское нападение на лагерь, который был и домом, и крепостью одновременно. Армектанки, вынужденные защищать свои дома и детей, всегда сражались бок о бок с мужчинами, так что следует сказать, что вооруженная женщина — в Армекте далеко не новость.

— Но ты сказал, господин, что племена берегли матерей своих детей?

— Да, но Великая эпидемия в Армекте, в отличие от сказки о Пасти, — не легенда, — сказал Старик. — Я, правда, сомневаюсь, что и в самом деле сразу же стало рождаться меньше мальчиков; полагаю, что скорее возросла смертность среди новорожденных этого пола, и это продолжалось достаточно долго, проблемой же стало лишь тогда, когда дети выросли. Ибо дети — это всего лишь дети, но они становятся мужчинами и женщинами… Дартан завоевали для того, чтобы добыть здоровых мужчин, поскольку в Армекте их стало не хватать и с каждым годом не хватало все больше. Странные то были времена. Жизнь женщины, еще недавно оберегаемая, внезапно потеряла ценность, мальчиков же, напротив, всячески опекали и баловали. А поскольку это уже были времена сильных армектанских княжеств, имевших постоянные армии, которые состояли из солдат, относившихся к войне как к ремеслу, кто-то должен был пополнять их ряды — и в легион начали попадать женщины. Но несмотря ни на что, армектанцы не понесли урона от катастрофы; в силу традиций и вековых обычаев мужчины остались мужчинами, хотя женщины переняли многие, очень многие чуждые их натуре занятия и профессии.

— Но ты говоришь, отец, о временах княжеств. Ведь Армект был уже единым, когда он двинулся на Дартан!

— Ибо эпидемия вновь вернулась, после объединения Армекта. Эпидемий было две, дочка. Первая проложила женщинам дорогу к традиционно мужским занятиям. Вторая привела к тому, что был нанесен удар по Дартану. Как я уже говорил — чтобы добыть мужчин.

Байлей не мог скрыть изумления. Но и Каренира, похоже, удивилась не на шутку.

— Почему об этом ничего не известно? — спросила она.

— Известно, дочка, — вздохнул Дорлан. — Но вслух о том не говорят, поскольку армектанской традиции подобный повод для начала войны совершенно чужд. Непонятно, что делать с войной, которая началась из-за того, что женщины послали своих мужчин, чтобы те добыли для них других мужчин… История армектанских войн и завоеваний молчит о подобных причинах. Светлый Армект, где каждого ребенка учат читать, не настолько уж светлый, чтобы каждого посвящать в правду обо всех зигзагах истории; впрочем, еще вопрос, в самом ли деле нужно, чтобы каждый армектанец был просвещенным историком. Кто хочет им стать — тот станет.

11

Когда утром Охотница разбудила Байлея, он сразу заметил, что девушка чем-то раздражена. Возможно, все армектанки хмурились подобным образом, когда были не в духе… На всякий случай Байлей протер глаза и сразу же кивнул в знак согласия.

— Поешь чего-нибудь быстро и идем, — сказала она. — Уже поздно.

Байлей ничего не ответил, хотя она явно ждала от него каких-то слов. Он начал надевать доспехи.

— Не снимай их больше. Здесь горы, а не гостиница в Роллайне.

Она снова подождала, но Байлей, вооруженный опытом женатого человека, знал — что бы он ни сказал сейчас, все будет плохо.

Он успел еще подумать, что если ничего не скажет, то и это ни к чему хорошему не приведет…

— Обиделся, — сказала она. — Ничего не скажет, даже единого слова. Проснулся и с утра обижен. Начинаю жалеть, что согласилась такого сопровождать.

Когда он и на этот раз никак не прореагировал, она набрала в грудь воздуха, и он весь сжался, ожидая крика… но, к счастью, из-за близлежащей скалы появился Старик. Увидев его, Охотница заскрежетала зубами, отвернулась и начала копаться в дорожном мешке.

Подойдя к дартанцу, Дорлан помог ему застегнуть ремни.

— Она проспала, — буркнул он, — и потому злится. Королева гор проспала, сам понимаешь… Но что касается этого, — он постучал по доспехам, — то она права. Не снимай их больше.

— Раз проводница и ты, господин, обходитесь без доспехов…

— Она, — прервал его Старик, — знает, что делает. А я, мой мальчик, хоть и таскаю на спине что-то наподобие мешка, но под ним у меня по-настоящему прочная кольчуга. Потрогай. Ну, смелее.

Байлей удивленно посмотрел на него. Старик улыбнулся.

— Здесь горы, — сказал он, неуклюже подражая голосу проводницы.

Байлей едва сдержал усмешку.

Вскоре они снова двинулись в путь. Впереди опять шел Старик, не любивший много говорить во время ходьбы. Байлей шагал за ним; Охотница держалась позади.

Для проводницы подобное место в строю выглядело несколько странным. Оглянувшись, дартанец встретился с ней взглядом. Она все еще пребывала в дурном настроении.

Он вдруг понял, насколько его интригует эта девушка. Кем она была на самом деле? Армектанка в Тяжелых горах… Гольд, рассказывая ему об Охотнице, говорил еще что-то про каких-то стервятников, которые что-то когда-то с ней сделали, но, честно говоря, Байлей мало что помнил. Легенда… Все его знания об этом крае складывались из легенд. Что связывало эту девушку со Стариком? Он чувствовал, что их соединяет некая прочная нить, некое общее, вероятно, очень болезненное и мрачное воспоминание.

Они пересекали дно огромной каменной котловины. Дартанец напрасно искал взглядом дорогу, которая позволила бы выбраться из этой гигантской дыры.

— Отсюда вообще есть какой-нибудь выход? Кроме той дороги, по которой мы пришли? — спросил он, в очередной раз оглядываясь по сторонам.

Она уже не выглядела столь ощетинившейся, как утром.

— Глупый вопрос. Есть выход, конечно, — буркнула она. — Но нелегкий. Если пойдет дождь и скалы вымокнут, нам придется быть осторожными. И основательно намучиться.

Он взглядом показал ей на Старика.

Сначала она не поняла, потом покачала головой.

— Лучше о себе побеспокойся, — коротко сказала она и хотела добавить что-то еще, но оборвала фразу на полуслове и неожиданно бросилась на землю.

— Ложись!

— Что такое? — изумился Байлей.

Но старик, услышавший возглас девушки, крикнул:

— Ложись, парень!

Байлей увидел, что только он один из всех троих торчит на месте, удивленно озираясь. Он быстро лег, глядя то на Старика, то на проводницу — поскольку не заметил вокруг ничего достойного внимания.

— Какие-то люди, — нормальным голосом сказала проводница — видимо, опасность была не слишком близко. — Надеюсь, они нас не видели, но когда я говорю «ложись» — слушайся сразу.

Он кивнул.

— Пойду на разведку, — сказала она.

— Мне тебя сопровождать?

Она посмотрела на него с таким изумлением, что он в замешательстве отвел взгляд. Тем более, что она уже забыла о своем утреннем дурном настроении и изумление ее было совершенно искренним.

— Сопровождать? Охотницу? Сопровождать Охотницу на разведке? Лежи тихо и смотри, чтобы задница между камней не торчала, — бросила она.

Она сняла со спины колчан и положила его на землю, затем отстегнула от пояса меч и внимательно осмотрела клинок острого, хотя и короткого ножа.

— Возьми мой, — сказал Старик, доставая оружие из-под накидки.

Байлей не верил своим глазам. Здесь, в Громбеларде, оружие это называли полумечом — рукоять у него была такая же, как у оружия имперских легионеров, а клинок коротким и очень широким внизу; зазубренный с тупой стороны, он позволял зацепить оружие противника и — при некоторой сноровке — выбить или сломать его. Однако Байлей знал, что этим оружием традиционно пользовались прибрежные пираты из окрестностей Лонда. Тот факт, что Старик обладал полумечом, свидетельствовал об умении этого человека доказывать свою правоту не только словами.

Каренира слегка улыбнулась.

— Нет, отец, — тихо сказала она. — Ты же знаешь, что даже я не умею им пользоваться. Зазубренной стороной вверх? Или вниз?

Байлею пришло в голову, что Старик показал свое оружие по той же причине, по которой раньше говорил ему о своей кольчуге. Здесь были горы, Тяжелые горы. И относиться к ним следовало серьезно.

— Ждите здесь, — сказала лучница.

Они следили, как она ловко пробирается среди скал, но внезапно она исчезла, и Байлей даже не заметил, где и как это произошло.

Старик поудобнее улегся на камнях.

— Эта девушка, — сказал он, — уже много лет одна путешествует по горам и десятки раз ходила на разведку. Я знаю, что тебе очень хочется ей помочь, но… — Слегка искривив губы в улыбке, он чуть шевельнул рукой, и Байлей понял, что выглядит смешно, предлагая опытной покорительнице гор свою помощь; именно это предусмотрительно давал ему понять Старик.

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, господин.

— Тем лучше.

Они продолжали молча лежать, все больше замерзая. Морось превратилась в мелкий, раздражающий дождь. Байлей чувствовал, как его плащ становится все более мокрым и тяжелым. Для сна он всегда выбирал какое-нибудь более-менее сносное место, теперь же он бросился на землю прямо там, где стоял. На острых и неровных камнях лежать было крайне неудобно, но он предпочитал не ворочаться — ему было стыдно перед старым человеком, который спокойно растянулся на камнях и, похоже, дремал…

Шло время, и Байлей наконец почувствовал, что ему просто необходимо поискать другое место. Он уже собирался подняться, когда увидел возвращающуюся лучницу. Она шла свободно, не таясь, а значит, осторожность уже не требовалась, и дартанец со старательно скрываемым облегчением толкнул локтем в бок своего спутника. Старик открыл

глаза, посмотрел в указанном направлении и начал подниматься с земли. Байлей присел на небольшой валун, борясь с желанием растереть затекшие мышцы и разглядывая Охотницу. Когда одежда скрывала ее непомерно развитые мускулы, она выглядела весьма привлекательно — женственно и аппетитно. У нее была прекрасная фигура; широкий кожаный пояс на талии подчеркивал округлость бедер, к которым прилипла мокрая темно-зеленая юбка. Тяжелые от воды, две толстые косы падали на плечи и грудь.

— Они ушли, — сказала она, поднимая свой колчан.

— Кто это был? — спросил Байлей.

— Мне-то какое дело, раз они ушли, — повторила она.

Она была точно такой же, как в ту ночь, когда он впервые ее встретил, — неразговорчивая и суровая. Его снова начала раздражать легкая хрипотца в ее голосе.

— Я думал, что в горах лучше знать все до конца, — язвительно заметил он.

— В горах не следует быть чересчур любопытным, — отрезала она. — И чересчур умным. Ну, пошли. Здесь мы ночевать не будем.

Стиснув зубы, Байлей подтянулся на руках и оперся правой ногой о скалу. Посыпались мелкие камешки.

Узкое каменистое ущелье не выглядело снизу чересчур опасным — довольно крутая, врезавшаяся в скальную стену тропинка… Лишь на полпути выяснилось, что впечатление это было обманчивым. Следовало довериться не глазам, а опыту — но он ему не доверился. Хотя проводница предупреждала — пусть и мимоходом, — что их ждет немалый труд.

Шедшая впереди Охотница остановилась, так что остановился и Байлей. Опершись на скалу, он полулежа смотрел на взбиравшегося следом Старика. Тот вполне справлялся, но, похоже, ценой неимоверных усилий. Несмотря на холод и пронизывающий дождь, лицо его покраснело от напряжения, он тяжело дышал. Перед началом восхождения Каренира забрала у него мешок. Старик не возразил даже словом — и Байлей вынужден был в очередной раз признать, что наивысшую ценность в Тяжелых горах представляет здравомыслие. Здесь не было места для геройства и размашистых жестов; каждый должен был знать, на что он в точности способен. Старик знал, что он давно уже не мальчишка, и, когда требовалось, готов был принять предложенную помощь.

Круглый камешек размером с ноготь ударился о доспехи Байлея. Дартанец посмотрел вверх. Каренира, так же как и он сам, полулежала на скале, с помощью зубов и одной руки завязывая волосы, с которых соскользнул ремешок. Мокрые волосы ей мешали, то и дело падая на лицо. Затянув узел, она посмотрела вниз, на мужчин и отрицательно покачала головой.

Не было заметно, чтобы она слишком устала.

Она сказала что-то, чего он не расслышал, и снова начала карабкаться наверх. Какое-то время он бездумно созерцал то, что находилось у нее под юбкой, потом двинулся следом. Мешок на плечах, а в особенности торчавший из него меч настолько ему мешали, что он охотно от них бы избавился. Доспехи, хотя и гибкие, стесняли движения; он представил себя на этой скале в кирасе, которую любили носить дартанские легионеры, и чуть не расхохотался.

Армектанка больше не позволяла останавливаться. День не мог длиться до бесконечности; им грозила опасность завершить восхождение в темноте, то есть, вероятнее всего, там же, где они его и начали, у подножия скальной стены, на дне проклятой котловины. Приходилось спешить. Добравшись до верха, Байлей лег на спину, едва живой, ловя ртом воздух. Вскоре к нему присоединился Старик.

— Неплохо. Совсем неплохо, дартанец, — весело сказала она.

Байлей удивился и разозлился, что она хвалит его, а не Старика, который старше его на полвека. Она просто обожала унижать других. Он был сыт этим по горло.

— У тебя тоже неплохо получилось, — выдохнул он, не сумев придумать ничего, что по-настоящему могло бы ее уколоть.

— Пустяки. — Она все еще улыбалась. — Когда-нибудь, когда у Охотницы будет хорошее настроение, она расскажет тебе, какие фокусы выделывала на одной каменной стене, когда соревновалась с десятником легионеров… — Неожиданно она замолчала и нахмурилась, словно ей в голову пришла какая-то неприятная мысль. — Или нет, не расскажет. А то, что здесь, — пара пустяков.

— Пустяки… Для Охотницы все пара пустяков. Горы — пустяк, разведка — пустяк, разбойники — пустяк. Дурной край наверняка тоже окажется пустяком. Ты уже решила, идешь ли туда со мной или останешься на границе?

Она поднялась с камня и угрожающе встала над Байлеем.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила она.

К его радости, ее хорошее настроение улетучилось без следа.

— Только одного — чтобы ты вернулась к своему камню и снова на него села, — заявил он, глядя снизу на ее мускулистые лодыжки и бедра. — Я уже досыта насмотрелся на твои толстые ляжки. С меня хватило, — продолжал он, все больше желая довести дело до драки.

Старик, все еще тяжело дышавший, молча, но с нарастающим раздражением наблюдал за происходящим. Каренира посмотрела на него и прикусила губу.

— Недавно ты сказал мне, отец, что я глупая. Ты прав. Сама не знаю, с чего я решила помогать этому человеку.

Байлей встал.

— Я плачу тебе за эту помощь. И притом значительно больше, чем ты стоишь. А мог бы купить десяток таких проводниц, чтобы сопровождали меня по всему Шереру!

— О, неужели? Мне кажется, одна армектанка уже показала тебе, что ты можешь сделать со своим богатством и должностью… Хочешь, чтобы и вторая показала тебе то же самое?

— Прекрати, — гневно произнес Старик, но было уже поздно; со свойственным женщинам отсутствием чутья она затронула ту самую тему, которую затрагивать не следовало.

— Вот твое золото, — с трудом проговорил дартанец, открывая спой мешок, — забирай его и убирайся с глаз моих, иначе…

Он бросил ей под ноги полную горсть монет, и она зашипела от злости. Подскочив к нему, она врезала ему в челюсть так, что он даже присел, а потом с невероятной быстротой развернулась кругом, присев на корточки. Какая-то сила подсекла ему ноги, одновременно подбросив их вверх; он грохнулся спиной и головой о землю так, что даже скалы вокруг содрогнулись. В следующее мгновение она уже сидела на нем, занеся для удара кулак.

— Так, выбей ему зубы, разбей голову, Охотница! — крикнул Старик. — Отличная идея! Ах, почему я не молод, сейчас охотно включился бы в драку!

Она тяжело дышала сквозь стиснутые от ярости зубы. Наконец она треснула лежащего открытой ладонью по голове, вскочила, повернулась и ушла. Байлей схватил свой мешок и достал меч.

— Стукни себя по голове этой железякой, — сердито сказал Старик. — Если удар о землю тебе не помог, может, еще один хоть как-то поможет!

Охотница на мгновение остановилась, обернулась и яростно завопила:

— Осел!

А потом пошла дальше.

У Старика опустились руки.

— Догони ее и заруби, — бессильно проговорил он. — Что за кочаны капусты… Догони и заруби.

12

Лейна проснулась от страшных криков и суматохи. Она быстро села, не понимая, что

происходит. Было уже утро, пещеру заполнял неясный, еще тусклый свет начинающегося дня. Она отчетливо видела силуэты яростно дерущихся солдат; вопли людей и лязг оружия заглушили ее собственный стон. Вскочив, она отбежала в сторону и застыла неподвижно, прижав кулаки к щекам и не в силах пошевелиться. Первый раз в жизни она видела вблизи, как люди убивают друг друга, пронзают мечами, режут, бьют… Это не был турнир! Когда к ее ногам опустился молодой легионер с разрубленным плечом, она взвыла от страха и отвращения. Дрожа и плача, она отшатнулась, зацепилась ногой о брошенное на землю седло и закрыла лицо руками.

А между тем это вовсе не было какое-то большое сражение, лишь обычная стычка, одна из тех, что Тяжелые горы видят ежедневно. Усталая дартанка заснула, ожидая прихода Рбаля, и не видела, как его задержали гвардейцы под командованием Даганадана. Ее разбудил лишь шум борьбы — ибо вопреки всем расчетам и желаниям дело дошло до драки. Возможно, молодой и вспыльчивый Рбаль и не хотел братоубийственной резни, но, когда его намерениям внезапно попытались помешать, он потерял самообладание, схватился за меч и позвал своих солдат. Десять вырванных из сна легионеров бросились на помощь своему десятнику, причем никто не знал, что происходит, солдаты видели лишь недолюбливаемых ими гвардейцев, выступить против которых призывал их командир. Ссоры между солдатами разных подразделений не были чем-то необычным, в гарнизонах порой доходило до драк… Но на этот раз в ход пошли мечи, и лишь мощный голос Гольда, приказывающий прекратить драку, остудил разгоряченные головы.

Но Рбаль не сложил оружия. Зажатый в углу пещеры, он уже понимал, в сколь безнадежную историю ввязался, но не собирался уступать. Меча он не бросил бы даже по приказу командира — что уж говорить о том, когда этого потребовал Эгдех…

Эгдех никогда его не любил, ибо Эгдех не любил никого. Злобный, глупый и жестокий, он любил только драться и убивать. Рбаль надеялся, что даже если ему не удастся положить противника, то он хотя бы унизит его и превратит в посмешище. Но лысый десятник не дал ему ни единого шанса. Прекрасно зная, что Рбаль орудует мечом лучше, чем кто-либо другой в гарнизоне, и не давая тому ни минуты передышки, он позвал на помощь своих солдат. Окруженный с трех сторон, молодой десятник сражался отчаянно и умело. Гольд пытался предотвратить кровопролитие, но дерущиеся солдаты не могли его послушаться — стоило им опустить мечи и отступить, разгоряченный и уже израненный Рбаль яростно набросился на них. Один из гвардейцев вскрикнул, раненный острием меча, и сотник не сумел помешать неизбежному. Парень, на которого накинулись со всех сторон, в одно мгновение получил несколько ударов, которые уже не могла остановить кольчуга. Солдаты, услышав очередной приказ сотника, снова отступили, и Гольд увидел своего десятника, которому Шернь подарила несколько мгновений жизни после смерти… Молодой легионер стоял у стены пещеры, словно не чувствуя боли. Опустив меч, он с кривой улыбкой на залитом кровью лице смотрел на своего командира.

Меч выскользнул из руки и со звоном упал на камни. Рбаль вытер мокрую от крови ладонь о край одежды, пошатнулся и, прислонившись к стене пещеры, медленно скрестил руки на груди… Его затуманенный взор блуждал по лицам солдат, но среди них явно не было того, кого он искал.

Один лишь Гольд понял, кого хочет увидеть умирающий десятник. Но Лейна, спрятавшаяся где-то в темном углу, не пришла, чтобы оплакать единственного своего союзника, опекуна и защитника. Гольд с нескрываемой горечью и грустью покачал головой — и, возможно, десятник успел еще понять, что его бесцеремонно использовали, а потом бросили, когда стало ясно, что пользы от него не будет.

Стоявшие ближе солдаты подскочили, чтобы поддержать падающего. Но Шернь уже забрала свой дар…

Сотник лежал на широком плоском камне перед пещерой, закрыв глаза рукой и не обращая внимания на дождь. Услышав шаги, он не пошевелился.

— Четверо покалеченных и двое раненых, один довольно тяжело, — сказал Даганадан, присаживаясь рядом. — Один раненый — солдат Рбаля, второй наш. Остальные все его.

Гольд тяжело сел.

— Второй наш? — угрюмо спросил он. — Все наши, Даг. Это все наши солдаты: один убитый, двое раненых, четверо побитых и покалеченных… Четвертая часть отряда. Те легионеры из десятки Рбаля даже не знали, за что сражаются. Они прибежали на зов десятника. Они обожали этого мальчишку. А теперь они смотрят на меня, поскольку это я прервал схватку. Они смотрят на меня и хотят сказать: ты не позволил нам, гвардеец, защитить нашего десятника. И его зарезали у стены, не дав ни единого шанса.

Даганадан молчал.

— Ты был прав, — добавил Гольд. — Это она… она во всем виновата. Вместо того чтобы убивать отличного солдата, следовало повесить эту… ведьму.

Подсотник молчал, поскольку сказать мог лишь одно: это ты привез ее сюда, и никто иной.

— Это была твоя идея, — неожиданно сказал Гольд. — Это ты придумал, как спровоцировать Рбаля.

— Я хотел ее отсюда отправить. Я говорил только, что Рбаль этого не позволит. Что он захочет…

— Нет, нет, — сказал сотник. — Не рассказывай мне про то, что ты хотел. Дошло до вооруженной драки, солдаты под нашим командованием порубили друг друга мечами. Это ты отвечаешь за порядок и дисциплину.

Неразговорчивый подсотник — возможно, куда в большей степени потрясенный братоубийственной резней, чем это было по нему видно, — возмущенно встал.

— За порядок! Отвечаю, да! Но в клине пехоты, а не в борделе! Где одна шлюха! И несколько желающих!

— Это ты отвечаешь за порядок!

— Это ты устроил бордель! Из воинского отряда!

— Это ты придумал, как спровоцировать мальчишку! Убирайся с глаз моих!

Даганадан набрал в грудь воздуха, повернулся и размеренным шагом, словно на параде, ушел прочь.

Гольд снова лег и закрыл глаза. Однако мгновение спустя он вскочил, выхватил из ножен меч и изо всех сил ударил им о скалу. Раздался лязг железа о камень. Гольд бил мечом до тех пор, пока клинок не сломался пополам. Отшвырнув рукоятку с остатком лезвия, он, наклонив голову, быстро скрылся среди скал. Ему нужно было побыть одному, совсем одному, подальше от своего отряда, от обиженного друга, от похищенной девушки, от убитого солдата…

Даганадан же, напротив, искал общества или, может быть, скорее близости других людей, поскольку разговаривать у него не было никакого желания. Когда к нему подошел Эгдех, он одним лишь взглядом спросил его, в чем дело.

— Распоряжения отменяются?

— Какие распоряжения?

— Мы должны отвезти ее благородие в Дартан. Все еще в силе? А другие? Лордос спрашивает, дать ли приказ выходить.

Десятник прекрасно должен был знать, что все это попросту невыполнимо, а даже если и так, то не имеет никакого смысла. Поэтому Даганадан лишь тяжело посмотрел на него и проговорил:

— Не знаю. Обо всем спрашивай командира.

Эгдех ушел.

Дагандан достал из вьюка немного копченого мяса и начал есть. Еда подействовала на него успокаивающе, и вскоре он уже снова мог рассуждать трезво и ясно.

Он понимал Гольда. Кажется, понимал… Год с лишним тот думал только о своей умершей жене. Теперь он ожил, отдохнул — и влюбился. В молодую и красивую женщину,

которую встретил так вовремя. Или, может быть, не вовремя… Даганадан искренне ему соболезновал; Гольд не заслужил ни безвременной смерти подруги жизни (к которой и он, Даганадан, питал искреннюю привязанность), ни тем более того, чтобы оказаться столь жестоко вырванным из отшельнической кельи, которую он себе построил, пережив трагедию. Но в чем заключалась вина его лучшего друга?

Он стиснул зубы. Вот ведь ирония судьбы! За четыре года он прошел вместе с Гольдом огонь и воду, плечом к плечу, они во всем полагались друг на друга, понимали друг друга, уважали. До подобного не доходило никогда. В чем причина? Женщина.

Даганадан боялся женщин. В его жизни их было только две — мать, а потом Эльва, подруга, почти сестра, жена друга-гвардейца… С другими он не умел разговаривать, знал, как себя с ними вести. Он не понимал их, они его не привлекали — никоим образом. Куда больше ему подходили мужчины, хотя, честно говоря, когда речь шла о телесной близости, Даганадан считал, что вполне спокойно можно всю жизнь обходиться и без этого… без этих дел. И обходился, многие годы. Но женщины приводили его в замешательство не только этим, вся их природа противоречила здравому смыслу. Войско! Громбелардский военный гарнизон — вот то место, где присутствие женщин являлось чем-то совершенно исключительным. Война, войско — вот что всегда влекло Даганадана. Не потому, что он любил опасность, сражения и убийства, как Эгдех. В этом было нечто большее. Армия, имперские легионы — там была дисциплина, был порядок, были ясные, четкие ситуации. Если где-то возникал беспорядок — его следовало устранить. Педантично, спокойно и тщательно. Порядок, да. Порядок Даганадан любил больше всего.

И потому он терпеть не мог женщин.

Женщина. Проклятая женщина! Какой ветер ее принес, с каким дождем она на них свалилась… Зря он отправил Эгдеха ни с чем, следовало подтвердить все распоряжения. Гвардейцы должны отвезти девушку в Дартан — чем быстрее, тем лучше. Но для этого требовалось подтверждение Гольда. Сам он решать не мог.

Гнев на друга прошел — Даганадан собрался с мыслями, все обдумал и принял решение. Он покончил с едой (сам того не замечая, он съел четыре больших куска мяса и выпил полбурдюка воды) и вышел из пещеры, решив, что на этот раз вытерпит все, сохранит самообладание и выслушает столько горьких слов, сколько потребуется… А потом изложит свои доводы.

Но Гольда там, где он его оставил, не оказалось. Он расспросил часового и, не услышав ясного ответа, начал искать, все больше волнуясь и даже пытаясь звать. Через некоторое время, уже основательно обеспокоенный, он вернулся в пещеру. Солдаты, увидев его, прекратили разговоры.

— Лордос, Эгдех, — спокойно сказал он и отошел в сторону. Те пошли за ним.

— Где командир? — спросил он так, чтобы не слышали солдаты.

Десятники вопросительно переглянулись. Даганадан стиснул зубы.

— Лордос, твои тройки. Нужно найти сотника.

— Так точно, господин.

О чем-то вспомнив, Даганадан внимательно окинул взглядом лица сидевших неподалеку солдат. Того, кого он искал, не оказалось.

Не было Бельгона. Доносчика. Подсотник подумал о том, видел ли его с тех пор, как был убит Рбаль. Кажется, нет. Тогда Бельгон, не принимавший участия в драке, сидел в стороне, смертельно бледный. Подсотнику бросилась в глаза его бледность, потому он ее и запомнил. А потом забыл.

— Где Бельгон? Кто теперь командует десяткой Рбаля?

Десятники снова переглянулись. Командира никто не назначал. Бельгон же…

Даганадан быстро изменил свои распоряжения. Все, кроме раненых и покалеченных, должны были отправиться на поиски. Недалеко от входа в пещеру очень быстро нашли меч Гольда. Беспокойство Даганадана возросло. Он перекинулся несколькими словами с Эгдехом, рассказав ему о своих подозрениях, и послал десятника искать пропавшего

сотника. Потом поговорил с Лордосом, наконец, взял под свое начало троих солдат, оставшихся из десятки Рбаля, и отправился с ними на восток.

Они шли под гору, петляя среди скал. Это еще были не настоящие горы, скорее неровности и возвышенности; местность не выглядела особо пересеченной. Однако для поисков она была худшей из возможных: повсюду возвышались разной высоты пирамиды из каменных обломков, осыпи… Солдаты внимательно смотрели по сторонам, понимая, что лишь случайно могут заметить спрятавшегося среди скал человека.

Короткий свист, а затем приглушенный удар — эти звуки были легионерам прекрасно известны. Шедший в середине отряда рослый подсотник, возвышавшийся над своими солдатами, неожиданно согнулся, а потом очень медленно выпрямился, сжимая рукой торчащий из-под ключицы арбалетный болт. Он открыл рот и что-то сказал — возможно, хотел отдать какой-то приказ.

13

После всего, что случилось в конце дня, Байлей и Каренира не могли заснуть. Сперва девушки довольно долго не было, и дартанец в конце концов пошел ее искать, не спросив у Старика совета и не поинтересовавшись его мнением по этому поводу. Некоторое время он кружил в темноте, пока наконец из какой-то дыры не послышался ее голос:

— Да хватит тебе. Я тут.

Внезапно он понял, что причиной того глупого приступа злобы и гнева было нечто странное и весьма опасное. Подойдя к почти невидимой в темноте армектанке, он сел рядом, а какое-то время спустя почувствовал, как ее рука легла в его ладонь. Они немного посидели молча, наконец вернулись к месту привала. Старик уже спал или притворялся, что спит. Легли и они — рядом друг с другом. Они лежали на мокрых от дождя камнях и тихо разговаривали.

— Несколько лет назад, — говорила она негромко и задумчиво, — я была маленькой глупой лучницей Армектанского легиона. Здесь, в Громбеларде, я оказалась совершенно случайно. Тогда громбелардцы как раз завершили большую облаву на горных разбойников, это была настоящая война, почти такая, как та, о которой рассказывал нам Дорлан. Ибо та недавняя облава, одними лишь силами бадорского гарнизона, — всего лишь небольшая заварушка. А тогда в горах действительно шла война. Когда она закончилась, командование Громбелардского легиона решило, что кампания не оправдала ожиданий… Не хватало хороших лучников. И по просьбе коменданта легиона в Громбе мой командир выделил отряд лучниц, которые должны были обучить некоторое количество местных солдат пользоваться этим оружием. Я командовала тем отрядом. Именно тогда я познакомилась с ним, с Дорланом. Мой комендант дал мне задание… Его уже нет в живых. Тысячник П. А. Арген, очень хороший командир. Тогда он был еще надсотником. И задание это…

Она замолчала и сглотнула слюну. Прошло несколько минут, прежде чем она с сожалением сказала:

— Нет, не могу. Правда, не могу… не умею об этом рассказывать. Это как дурной сон, я… собственно, даже не помню, что тогда случилось. Мне об этом рассказали, больше всего Дорлан, но он так странно говорит… Впрочем, случилось нечто страшное, для отца… то есть для Дорлана, не для меня. Хотя для меня тоже, потому что…

Она снова замолчала.

— Я и в самом деле не умею про это рассказывать, — наконец с грустью повторила она.

Как бы прося прощения, она на ощупь нашла его руку и снова взяла ее, как и до этого, во мраке у скалы. Она слегка погладила шершавую кисть, которая еще недавно не знала ни усталости, ни боли, и внезапно, неожиданно даже для самой себя, поднесла ее к губам, а потом быстро повернулась к нему спиной. Вскоре она услышала, как он перевернулся на бок, и ощутила на затылке его теплое дыхание. Когда он обнял ее, она грустно улыбнулась.

Время шло.

Она задумчиво смотрела в глубокую черноту ночи, ощущая горячее, обжигающее шею дыхание Байлея. Ей было хорошо, по-настоящему хорошо, несмотря на дождь, несмотря на холод и усталость. Та ссора, которая произошла между ними вечером, была нужна, очень нужна. Они выплеснули в лицо друг другу весь гнев, причиной которого, вероятно, главным образом было взаимное чувство вины. А потом, когда гнев прошел, наконец ясно и отчетливо проявилось все то, что их связывало. Больше всего ей хотелось, чтобы этот странный дартанец на нее не злился, чтобы он доверял ей, видел в ней кого-то близкого.

Пересилив себя, она сказала:

— Мне хорошо с тобой, знаешь? Я… послушай, я знаю, что не имею права… Ведь у тебя жена, Илара. Но… только сейчас, хорошо? Только чуть-чуть! Я не хочу ничему мешать… У меня никого нет, совсем никого. Дорлан… он для меня не кто-то, он… часть моей жизни, но у меня нет никого для себя, понимаешь? И никогда не было. Матери я даже не помню, а отец… тот, настоящий… любил только своего коня. Старый вояка, с пенсией из имперской казны… Когда он умирал, то спрашивал про своего коня, не про меня…

Она внезапно почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

— Я знаю, я не должна этого говорить… Не должна мучить тебя своей… неудавшейся жизнью. Прости меня… если можешь. Но у меня еще никогда, никогда в жизни никого не было. Даже брата или сестры. Я пошла в легион, потом умер отец, оставил мне коня и полуразвалившийся дом, который забрали за долги… Потом я попала сюда, и никогда… никогда никого не было. А теперь я уже не смогу сама вырваться из этих гор. Вытащи меня, хорошо? Забери меня отсюда, в Дартан, в Армект — куда хочешь. Почему, — тихо всхлипывая, спросила она, — мужчина, который ради своей женщины идет в Дурной край… и намерен сразиться за нее с самим Брулем-посланником… не может быть моим мужчиной?..

Внезапно она расплакалась. Плечи ее дрожали, рука Байлея выскользнула из ее ладони и безвольно упала…

Измученный восхождением и убаюканный тихим женским голосом, Байлей спал.

Рассвет был тяжелым и мокрым — как обычно в Тяжелых горах. Она осторожно выбралась из-под руки спящего мужчины, села, протерла красные от недосыпания глаза и встала.

Оба спали. Старик негромко храпел, Байлей что-то неразборчиво пробормотал сквозь сон, перевернулся на другой бок и свернулся клубком. Она некоторое время смотрела то на одного, то на другого, потом отошла в сторонку. Вскоре вернувшись, она порылась в мешке Байлея, достала оттуда три куска соленого мяса. Съев один, она задумчиво посмотрела на маленький котелок Старика, который поставила вечером на камень. Теперь он был полон дождевой воды. Сделав пару глотков, она поставила котелок на место.

Вздохнув, она по старому армектанскому обычаю прошептала свое имя, обращаясь к небу. В Армекте каждое утро небу говорили, что оно прекрасно… Здесь она не могла на такое решиться. Здесь вообще не было неба, было лишь нечто похожее на потолок мрачной пещеры.

Она потянулась и громко зевнула, потом присела, уперлась ладонями в землю и медленно встала на руки, устремив к тучам выпрямленные ноги. Все так же медленно, не теряя равновесия, она согнула и распрямила руки, а потом повторила то же самое еще несколько раз. Лицо ее покраснело, дыхание становилось все чаще. Наконец она вернулась в нормальное положение и широко расставила ноги, словно акробат на ярмарке в Армекте или Дартане. Снова выпрямившись, она оттолкнулась от земли и, совершив полный оборот в воздухе, приземлилась на прямые ноги. Еще несколько раз повторив это упражнение, вперед и назад, она довольно вздохнула, потянулась и негромко позвала:

— Подъем! Подъем, подъем!

Старик открыл глаза и почти сразу же сел. Байлея пришлось будить, тряся его за плечо. Промокший и замерзший, он походил на человека, которого ничто не заставит двинуться в

дальнейший путь. Не веря своим глазам, он смотрел на старика, который начал проделывать разные трюки, так же как до этого Охотница, пусть даже и не столь головоломные, но, учитывая возраст, стоившие ему не меньших усилий. Вот в чем заключалась тайна крепкой жилистой фигуры этого далеко уже не молодого человека… Байлею пришло в голову, что и ему стоило бы помахать мечом.

С этой мыслью он распрощался быстрее, чем она у него появилась.

Каренира сунула ему в руку кусок мяса и велела есть.

— Поторопись.

Он с трудом жевал жесткое мясо.

Когда он закончил, она уже ждала, готовая в путь. Наконец, видя, что ждут только его, он поспешно закончил сборы и доедал уже на ходу.

Они пошли дальше. Старик, как обычно, впереди, Охотница замыкающей. Все трое молчали, каждый был занят собственными мыслями. До полудня они не обменялись даже словом. Байлей еще год назад не поверил бы, если бы ему сказали, что можно шагать по горам, как по улице в Роллайне. И тем не менее, хотя дорога была несравненно тяжелее, он придавал ей не больше значения, чем прогулке по городу. Похоже, и в самом деле привыкнуть можно ко всему.

Дождь шел с перерывами. Он то переставал, то снова начинался. Они его не замечали. Байлей тащился за Стариком, уставившись ему в спину. Он настолько задумался, что, когда Старик обернулся и остановился, с размаху налетел на него, едва не сбив с ног.

— Так и убиться можно, мой мальчик… Что там делает наша проводница?

Байлей оглянулся — и не нашел девушки. Заметил он ее не сразу, в нескольких десятках шагов позади. Она сидела на корточках, лихорадочно копаясь в своих мешках, а может быть, в колчане со стрелами.

— Идем, — поторопил Старик.

Они повернули назад.

Армектанка забросила колчан на плечо, вскочила и выбежала им навстречу, держа в руке лук и несколько стрел. Однако вскоре стало ясно, что она направляется вовсе не к ним. Взгляд ее был устремлен в небо. Старик преградил ей дорогу.

— Стервятник! — крикнула она странным свистящим голосом. — Стервятник, отец! Стервятник!

Она обогнула Старика и побежала дальше.

Удивленный поведением девушки, Байлей проследил за ее взглядом. Где-то в вышине, посреди туч, виднелось маленькое черное пятнышко. Старик тоже смотрел в небо, но птицы, похоже, не видел. Он посмотрел на удаляющуюся Карениру, казалось, хотел ее позвать — но лишь стиснул зубы и сел на землю. Лицо его теперь действительно выглядело старым. Очень старым.

Девушка исчезла где-то среди скал. Байлей посмотрел на Старика, но тот лишь беспомощно покачал головой.

— Охотница, — глухо проговорил он. — Отсюда и ее прозвище…

— Да, я слышал, — неуверенно ответил Байлей. — Но… не понимаю.

— Когда-то с ней случилось страшное несчастье: стервятники ослепили ее, по своему обычаю. А в горы она пошла из-за меня, собираясь со мной встретиться, поскольку именно я пытался предостеречь солдат… Вот так порой добрые намерения ведут к беде. Если бы я никого не предупреждал, то мне не слали бы благодарственных писем и, возможно, ни с кем бы ничего не случилось… — Старик махнул рукой, словно полагая, что говорит не то, что следовало. — Я так хотел помочь этой девочке… и не знал как. Человек, принятый Шернью, вопреки тому, что повсюду болтают, не обладает никакой силой, у него есть лишь его знания. А когда знаний недостает…

Байлей понимал все меньше. Он видел перед собой растерянного старого человека, который пытался что-то сказать, но не мог подобрать подходящих слов.

— Но быть посланником Полос означает быть их частью. Познавший Шернь становится таким же, как она сама. Тогда… там был солдат, готовый отдать той девочке свои глаза. Там был старик, который очень хотел передать ей этот дар, хотя считал, что это невозможно. Там был кот, ненависть которого к тварям, искалечившим ее, была велика, как сами Тяжелые горы. И был Брошенный Предмет Геркото, один из самых могущественных. Только тогда и, возможно, только таким образом… невозможное стало возможным. Девушка получила глаза солдата. Солдат умер, кот ушел, а старик перестал быть частью Шерни. С тех пор я о ней забочусь, а она называет меня отцом. Она бродит по горам и ищет мести… Не хочу больше об этом говорить.

Байлей не понял из всего сказанного ни слова. Прежде всего потому, что Старик делился с ним какими-то обрывками своих воспоминаний, не складывавшимися в единую картину. Но еще и потому, а может быть, главным образом потому, что тот был слишком обеспокоен исчезновением девушки.

— И что мы теперь будем делать? — помолчав, спросил Байлей.

— Ждать. А что еще можно сделать, сын мой? Мы не в силах ей помочь. Мы можем, самое большее, надеяться, что она вернется. Наверняка она ничего не добьется. В горах довольно часто можно увидеть стервятника. Но добраться до него — совсем другое дело. Эта тварь может опуститься на землю в нескольких днях пути отсюда. Здесь горы.

— Ей грозит опасность?

— Опасность? Когда человек в одиночку сражается со стервятником — он либо глупец, либо самоубийца. Лишь у нее одной во всем Шерере есть шансы пережить подобную встречу. Смерть ей, скорее всего, не грозит, но она может во второй раз лишиться глаз. До сих пор ей везло. Она не любит об этом говорить, но я знаю, что она убила уже немало стервятников. За всю историю Шерера не было для этих крылатых тварей большей угрозы, чем ее присутствие в горах. Она — проклятие всего их рода. Всего рода… — тихо повторил он. — Может быть, самого важного рода на свете.

Байлей достал из мешка свой меч, вытащил его из ножен, посмотрел на острие и, не говоря ни слова, двинулся следом за девушкой.

— Куда ты, сын мой?

Он не ответил, быстро преодолевая крутые скалистые склоны. Подняв глаза к небу, он высматривал маленькое пятнышко. Похоже, оно было ближе, чем тогда, когда на него показывала Охотница.

Он удвоил усилия, иногда помогая себе руками. Видя, что дорога впереди достаточно надежная, он поднимал голову и искал взглядом стервятника, потом снова смотрел под ноги.

Наконец, взглянув на небо, он не обнаружил птицы на прежнем месте. Она была ниже, значительно ниже, зловеще кружа над группой больших скал, до которых было около четверти мили.

Байлей побежал, поняв, что странная птица наверняка заметила его из своего поднебесного царства.

Слева открылась широкая расщелина. Он двинулся вдоль нее. В какое-то мгновение он заметил среди камней колчан и рассыпанные стрелы, потом увидел девушку. Охотница! Она бежала под гору так быстро, что он даже остановился от удивления. Она неслась длинными, легкими прыжками, казалось, прямо по воздуху, над неровными скалами. Словно дикая коза, перепрыгивая с камня на камень, она начала взбираться на груду каменных обломков, над которой кружил стервятник.

Птица описала еще один большой круг — и устремилась к земле. Байлей бежал, борясь с раздирающей легкие болью. Внезапно, ощутив какой-то странный, необычный ужас, он начал громко кричать:

— Каренира! Вернись! Каренира!

Девушка исчезла среди скальных обломков, и сразу же следом пропал и стервятник. Дартанец ощутил небывалое облегчение, словно зловещий вид этого необычного существа вызывал у него необъяснимый страх, но образ птицы с широко распростертыми черными

крыльями еще долго оставался перед глазами. Он немного отдохнул, чувствуя, как кровь стучит в висках, потом двинулся дальше, карабкаясь на острые скалы — те самые, по которым с такой легкостью прыгала девушка. Наконец он оказался на вершине — и тут же в страхе бросился на землю, когда огромная птица, трепеща крыльями, пронеслась, самое большее, в полутора десятках шагов от него, быстро набирая высоту.

— Верни-и-ись!

Стоявшая у подножия скалы женщина швырнула на землю лук, взвыв от гнева и разочарования. Байлей осторожно набрал в грудь воздуха, так как вид дикой фурии пугал его больше, чем стервятники. Он спустился с груды камней и остановился — вместо проводницы и подруги перед ним был разъяренный горный зверь, готовый переломать ему кости, если он посмеет неосторожно приблизиться.

— Улетел! — внезапно сказала она, громко и отчетлива. — Опять!

Она дрожала всем телом. Байлей когда-то слышал, что самую дикую ненависть к стервятникам испытывают коты. Но эта женщина была полностью не в себе. Допустим, она искала мести… но то, что происходило с ней сейчас, напоминало внезапный приступ лихорадки.

— Я его не убила! — с трудом проговорила она, готовая разрыдаться. — Я его видела… уже могла выстрелить!

Она смотрела прямо на Байлея, и у него вдруг промелькнула мысль, что если ей придет в голову, будто это он своим появлением спугнул стервятника… За это она готова была пустить в него стрелу.

К счастью, подобная мысль ей в голову не пришла.

— Всегда так… — с горечью сказала она, уже спокойнее, и села на землю. — Всегда… часто… — говорила она, беря в руку обломок камня и ударяя им о другой. — Они меняют свои логова, сегодня тут, завтра там… Они редко остаются где-нибудь дольше месяца или двух. Когда я слышу известие о том, что кто-то где-то наткнулся на землю стервятников, я бегу туда. И, как правило, оказывается уже слишком поздно…

Он присел перед ней.

— А в открытую схватку они вступать не хотят, — продолжала она. — Они никогда ни на кого не нападают. Только как сегодня — снижаются, посмотрят и улетают… Это падальщики. Вонючие, трусливые падальщики.

Она вздохнула.

— Не каждый способен вынести их голоса. Ты слышал, как они говорят?

Он отрицательно покачал головой.

— Клекот. Клекот их клювов, — задумчиво пояснила она. — И это не речь… Сперва кажется, будто это речь, будто ты различаешь каждое слово… Но в конце концов ты понимаешь, что тут происходит. — Она постучала пальцем по лбу. — Ты слышишь… нет, даже не слышишь, скорее воспринимаешь их мысли. Коты говорят нормально, наверняка ты слышал речь кота. Не слишком разборчиво, но нормально. Стервятники не разговаривают. Это лишь клекот. Об этом знаю только я… и никто другой.

Он не пытался ее прервать.

— Никто, кроме меня, — продолжала она, пересыпая между пальцами мелкие камешки, — не слышал их больше чем однажды. Те, кто не погиб, теперь слепы и больше не ходят по горам… Все, все в Шерере думают, будто стервятники умеют разговаривать, так же как люди или коты. Но это неправда. Они лишь клекочут своими клювами.

Она снова вздохнула.

— И смотрят. Те их слова, которые появляются в голове, некоторые слышат хорошо, а некоторые слабо, нечетко. Тогда они могут им сопротивляться. Но их взгляду противиться не смог никто. Никто во всем Шерере, только я. Может быть, потому что я ненавижу стервятников так же, как все коты мира, вместе взятые. А может, потому что я смотрю на них чужими глазами? Ни у кого другого на свете нет чужих глаз, только у меня. Это глаза десятника Барга, потому что мои собственные… — Она сглотнула слюну. — Мои

собственные глаза выклевали стервятники. Десятник Барг, солдат Громбелардского легиона из военного округа Бадора, — медленно и отчетливо сказала она. — Я всегда буду о нем помнить. Когда-то я решила, что, когда буду умирать, произнесу его имя. Если успею… ведь я не знаю, как я буду умирать…

Она поднялась с земли.

— Пойдем. Нужно еще найти мой колчан, я где-то его оставила и не помню где.

— Я знаю.

Она кивнула. Очень медленно она окинула его взглядом с ног до головы, задержав взгляд на обнаженном мече.

— А ты что тут делаешь? — спросила она. — Ты прибежал… опасаясь за меня?

Он молча кивнул в ответ.

— И ты прибежал… потому что хотел меня спасти?

Он снова кивнул.

Очень медленно она подошла к нему, глядя на него с немым вопросом, а потом, мягко и несмело, словно боясь, что он ее прогонит, поцеловала его в губы.

На ночь они остановились в небольшой нише, которую выдолбила вода в скалистой стене. Дождя не было, время от времени ветер даже разгонял тучи, и тогда они видели чистое небо, и Байлея это несколько удивило. Однако проводница, отличавшаяся железной выдержкой, на этот раз не скрывала, что нуждается в отдыхе. Дартанец, хотя и не знал, что минувшая ночь была для нее бессонной, слегка смутился, подумав о том, что девушка после случая со стервятником вполне может быть разбитой и уставшей.

До этого они вообще не разговаривали, и у Байлея было достаточно времени, чтобы подумать о том, куда он, собственно, направляется, с кем, зачем и ради кого… С пугающей ясностью он начал осознавать, что возвращение похищенной Илары для него — лишь обязанность. Он должен был ее спасти, но делал это ради себя, не ради нее.

Что произошло?

Он не был ребенком. Он понимал, что, отправившись спасать одну женщину, встретил другую. Возможно, куда более важную для него. Несколько дней, проведенных в горах вместе, не более того… Но в эти дни нашлось место для гнева, чувства вины, жалости, болезненного сердцебиения и, наконец, желания, которому он не мог противостоять. Не мог и не хотел. Пребывая в полной растерянности, он готов был бежать от ненужных мыслей, ему хотелось лишь плыть по течению. В глубине души его мучил вопрос — почему? Почему ему всегда приходилось делать не то, что хочется, а лишь то, что нужно? Неужели в этом и состоит жизнь?

При всем при этом… он не в силах был противостоять ощущению некоей нереальности происходящего. Все это было попросту невозможно и не должно было случиться. Он, потомок древнего рода дартанских рыцарей, — в громбелардских горах, с мечом…

И рядом с ним таинственная и странная, самая таинственная и странная женщина Шерера. И старик, величие которого невозможно было не признать.

Невозможно. Все это было просто невозможно. И Байлей решил идти дальше, поскольку не знал, каким образом мог бы проснуться от этого странного сна.

Но потом он вдруг решил попытаться восстановить изначальное положение дел. Он шел за Иларой, своей женой, его же сопровождала девушка, нанятая в качестве проводницы. Он искал возможность дать ей это понять, но на ходу подходящего случая не подворачивалось. Однако он обменялся с девушкой несколькими взглядами и понял, что ее беспокоят те же самые мысли. Она сожалела о том поцелуе у подножия скалы и с радостью дала бы ему понять, что произошла какая-то ошибка.

Они шли под гору, медленно и с трудом. Байлей все более убеждался, что гор попросту не любит. Он не находил в них ничего достойного внимания.

Перед сном, как обычно, они немного поговорили. Дартанец начал расспрашивать Старика о границе Дурного края. Однако ему ответила Охотница, поскольку Дорлан,

угрюмый и мрачный, не особо был склонен к разговорам.

— Граница края? Это туманы, — сказала она. — Густые, сплошные бело-желтые туманы. Непрозрачные, как молоко. Их и при свете дня нелегко преодолеть, а ночью вообще ничего не видно… А туманы эти постоянно перемещаются. Иногда достаточно пройти милю, чтобы оставить их позади, иногда можно брести целый день. Очень легко заблудиться, ходят рассказы о путниках, которые навсегда остались в этом тумане, блуждая по кругу. Не знаю, правда ли это. Но ты, отец, сможешь нас быстро провести?

Старик молча кивнул.

— Ты там уже была когда-нибудь? — спросил Байлей. — В краю?

— Нет. Меня туда совершенно не тянуло. — Она на мгновение задумалась. — Но так получилось, что один раз я уже водила группу людей к границе края. Они тоже шли в Бадор. Только тогда была другая дорога, через перевал Туманов и долину, которой теперь уже нет. Может, когда-нибудь я тебе об этом расскажу…

— Ты все время говоришь — когда-нибудь. И никогда не спрашиваешь, хочу ли я вообще… — начал он, пытаясь в конце концов избавиться от вкуса того неожиданного (в самом ли деле?) поцелуя.

— Тихо! — шепнула она.

Понемногу смеркалось. Она вглядывалась в серый свет угасающего дня, прислушиваясь и даже, казалось, принюхиваясь… Старик и Байлей переглянулись и тоже напрягли зрение и слух.

14

Далекий крик привлек внимание Эгдеха. Он несколько мгновений прислушивался, потом сказал:

— Возвращаемся.

— Это оттуда, — сказал один из солдат, показывая пальцем. — Туда пошел подсотник и…

— Заткнись, — оборвал его десятник. — Возвращаемся в пещеру.

Солдаты переглянулись, но подчинились. Они бежали, огибая скалы и булыжники, пока не оказались перед входом в пещеру. Вскоре появился и Лордос со своими.

— В горах кто-то кричал. Слышал?

— Слышал, — ответил Эгдех.

Он отвел Лордоса в сторону.

— Бельгона нет, — сказал он. — Подсотник говорил мне, что это он мог командира… ну, ты понял. Он говорил, что Бельгон, похоже, свихнулся.

— Это ты свихнулся, — ответил Лордос. — Бельгон? С чего бы ему убивать сотника?

— Подсотник тебе ничего не говорил?

— Что-то говорил, но…

— Где Бельгон? А? Отлить пошел или как? Это ведь он, похоже, выдал Рбаля. Об этом тебе подсотник тоже говорил?

Лордос присвистнул.

— Что будем делать?

— Сиди тут, — ответил десятник топорников. — И следи за этой рыжей шлюхой. А я пойду посмотрю, что с подсотником и с нашими.

— Один?

— Один. Там в горах сидит сумасшедший с арбалетом, и я не собираюсь приводить ему легкую дичь. Одного он может и не заметить, но нескольких увидит наверняка.

Лордос кивнул.

Вернувшись в пещеру, Эгдех взял у одного из солдат Лордоса арбалет и мешок с болтами, после чего зарядил оружие и скрылся среди скал. Лордос выставил надежную охрану, остальным же велел возвращаться в пещеру. Сам он тоже вошел внутрь.

Оглядевшись, он перекинулся несколькими словами с ранеными, а затем пошел посмотреть, что с дартанкой.

И не нашел ее.

Он начал лихорадочно бегать по пещере, обыскивая все закоулки, наконец вернулся к раненым легионерам.

— Девушка, — сказал он. — Где она?

Ему показали в угол, где она до этого сидела.

— Там ее нет. Сбежала?

Солдаты в замешательстве переглянулись. Лордос задрожал от ярости.

— Сотник… как только вернется… — прорычал он, скрежеща зубами. — Не хотел бы я оказаться в вашей шкуре!

Приложив руку ко лбу, он начал судорожно размышлять, что делать. Вести людей в горы на поиски? Сколько народу может бегать среди скал, играя в прятки? Им приходилось искать девушку, сотника, Бельгона… И среди них — одинокий Эгдех, понятия не имеющий, кто еще кроме него и обезумевшего Бельгона может кружить по горам. Готовый стрелять в каждого, кто подвернется ему под арбалет.

Лордос решил подождать — возвращения сотника, подсотника, Эгдеха… Кого-нибудь. Подобное ожидание его отнюдь не радовало, но ничего лучшего в голову не приходило.

Тем временем Эгдех осторожно пробирался среди скал. Не пользовавшийся особой любовью со стороны солдат и любивший войну за одну лишь ее жестокость, он тем не менее был преданным воином и ему даже в голову не пришло оставить подсотника и троих товарищей-легионеров на произвол судьбы. Вместе с тем он знал, что повести за собой весь отряд было бы ошибкой. Все говорило о том, что Бельгон действительно сошел с ума и начал стрелять по своим. В одиночку у Эгдеха оставались шансы проскочить незамеченным; группа же сразу бросится в глаза. Лысый десятник хорошо знал, как стреляют гвардейские арбалетчики. У него не было желания пасть замертво во главе своей выведенной из пещер армии.

Прячась и внимательно осматривая местность, он внезапно заметил лежащие неподалеку два тела. Со всей осторожностью, на какую только был способен, он подобрался к ним.

Однако осторожность уже не требовалась.

Подсотник лежал на земле мертвый. Лежавший рядом с ним легионер при виде десятника гвардейцев приподнялся на локте и сел. Из его правого бедра торчала тяжелая стрела. Бросив на нее взгляд, Эгдех понял, что у солдата наверняка раздроблена бедренная кость.

— Докладывай, — приказал он.

— Он стрелял оттуда, — с трудом проговорил легионер, показывая на скопление скал. — Он убил подсотника, но мы не знали, где он… Потом он попал и в меня.

— Где остальные?

— Побежали туда, как только увидели, откуда он стрелял… Их больше нет! — истерически крикнул солдат. — Он наверняка все еще сидит там… Он убил их! Я слышал, как они сражались!

— Вы нашли сотника?

— Убит! Все убиты!

— Ты видел труп?

— Да!

— Труп сотника видел? Где он?

Солдат судорожно сглотнул.

— Сотника? Нет… не видел. Но он наверняка убит!

Эгдех заскрежетал зубами.

— Лежи здесь. Пока я не вернусь.

— Я тебя убью!

— Лежи здесь! — рявкнул Эгдех. — Арбалет у тебя есть? Возьми его и лежи! Жди, пока не вернусь, и не стреляй в меня, когда увидишь! Откуда эта сволочь стреляла? Оттуда?

Легионер тяжело вздохнул и кивнул.

Прячась среди скал, Эгдех по большой дуге начал подбираться к тому месту, на которое показал солдат. Времени на это потребовалось немало — десятнику пришлось призвать на помощь весь свой опыт и терпение. Наконец он нашел позицию, откуда можно было увидеть предполагаемое убежище Бельгона. На земле виднелись два неподвижных тела. Похоже, раненый легионер был прав — бегавший по горам безумец медленно, но верно сокращал численность его отряда.

Бдительно оглядываясь по сторонам, готовый к любым неожиданностям, Эгдех обследовал место схватки. У одного солдата была разбита голова, а в груди торчал меч; десятник решил, что легионеры застали Бельгона врасплох, когда он перезаряжал свой арбалет, и безумец сперва воспользовался им в качестве дубины, оглушенного же солдата добил лишь после того, как расправился с его товарищем, — все следы указывали именно на такой ход событий. Но двое убитых отнюдь не были малыми детьми — десятник обнаружил многочисленные следы крови, даже не капли, но пятна… В нескольких шагах лежал порванный на куски мундир. Бельгон, видимо, был серьезно ранен, может быть, даже смертельно. Скорее всего, ему удалось победить, воспользовавшись коротким мгновением, пока его соратники (может быть, даже подчиненные из его собственной тройки!) с недоверием смотрели на убийцу, на товарища по оружию, легионера, который в них стрелял… Лишь потому тройнику удалось справиться с двумя противниками. Но и он не вышел из схватки невредимым.

Держа наготове арбалет, Эгдех двинулся по кровавому следу. Проклятая местность, изобилующая множеством укрытий, была самым большим его врагом. Десятник понял, что, ползая от скалы к скале, он никогда не доведет дело до конца. Все говорило о том, что вполне можно было рискнуть и пойти открыто, быстрее. Тяжелораненый арбалетчик, даже если бы заметил его первым и выстрелил, наверняка бы промахнулся. Эгдех не был трусом — опасность манила его, без нее жизнь утратила бы для него всякий смысл. Хотя, естественно, опасность должна была находиться в пределах разумного… Эгдех вовсе не искал глупой и внезапной смерти.

Из-за скал неожиданно появилась скорчившаяся человеческая фигура. Гвардеец молниеносно присел, в мгновение ока сообразив, что мундира на этом человеке нет, значит, это не пропавший сотник и не товарищ из отряда… Он выстрелил и услышал крик, подтверждавший, что выстрел попал в цель. Эгдех метнулся вперед, вытащив меч.

Девушка, которой стрела попала в живот, лежала среди острых каменных обломков, плача и извиваясь от боли. У Эгдеха потемнело в глазах — все враждебные силы этого мира как будто договорились его уничтожить! Подбежав к лежащей, он склонился над ней.

— Я уже… не убегу… — всхлипывая, проговорила она. — Не трогай меня… А-а… как больно…

Десятник выпрямился, беспомощно озираясь. Увидев свернувшееся в клубок тело у подножия скалы неподалеку, он на мгновение замер, а потом бросился туда.

— Не бросай меня… а-а-а! — крикнула девушка.

Он не обращал на нее внимания.

Бельгон лежал на боку, обхватив руками прижатые к груди колени. В широко раскрытых глазах застыла боль — и ничего больше. Эгдех немного постоял, потом несколько раз пнул труп, наконец сплюнул и ушел.

Несколько мгновений. Всего несколько мгновений, и он увидел бы мертвого Бельгона — и не выстрелил бы в эту проклятую дартанку.

Откуда он мог знать, что девка сбежала? Надо было поговорить с Лордосом…

Лысый десятник имел как глаза, так и разум. Он видел, что эта женщина небезразлична командиру. Ругаясь себе под нос, он пытался представить, что будет, если рыжеволосая красотка умрет. Умереть же она могла очень легко; могла и даже должна была… Десятник

хорошо разбирался в ранах. Гладкие разрезы от меча, даже длинные и неприятные на вид, заживали довольно легко. Совершенно иначе обстояло дело с глубокими ранами, от острия или, как в этом случае, арбалетной стрелы. Небольшая дырочка в теле мало что говорила о повреждениях, учиненных стрелой внутри.

Торчащая в животе стрела из тяжелого военного самострела — дело почти безнадежное. Девушке предстояло умереть в муках. Небывалых муках.

Эгдех представил себе сотника, который на это смотрит…

Он наклонился над девушкой. Та открыла заплаканные глаза и попыталась протянуть руку. Именно тогда Эгдех вдруг обнаружил, что с удовольствием стоял бы так и смотрел на нее — до самой смерти. Ее смерти.

— Ваше благородие, — сказал он, — прекрасно знает, что сотник ее любит. Но похоже, сотника уже нет в живых. А представь, что будет, если он все-таки жив? Никто пока не нашел трупа. Может, сотник жив — и что тогда?

— Не бросай меня… А! Как больно…

— Не брошу, — ответил он, присев рядом.

Внезапно он зажал ей рот рукой, схватился за древко стрелы и дернул со всей силы. Девушка глухо взвыла, вытаращив глаза, потом вся напряглась и застыла неподвижно, неестественно выгнувшись и продолжая протяжно стонать; тяжелая мужская рука заглушала крик. Эгдех тщательно спрятал стрелу, ибо нарисованные на ней две черные полоски явно говорили о том, что она выпущена из гвардейского арбалета. Легионеры пользовались стрелами, обозначенными зеленым цветом, а Бельгон был легионером… Не убирая руки с лица пытавшейся безнадежно и слабо сопротивляться женщины, Эгдех сел ей на грудь, достал меч и, орудуя клинком — ему было довольно неудобно, — пронзил острием нижнюю челюсть, между подбородком и шеей. Она пыталась вырваться, и он всем своим весом оперся на руку, которой закрывал ей рот, чтобы прижать голову к земле и таким образом обездвижить. Он медленно проталкивал острие все дальше, протыкая язык, пока не наткнулся на сопротивление нёба. Девушка хрипела и стонала, придушенная тяжестью мужской руки, глаза почти вылезли из орбит. Десятник чувствовал, как упирающаяся в лицо дартанки рука начинает расплющивать губы, вдавливая зубы в рот. Он сильнее толкнул второй рукой, и меч неожиданно преодолел преграду; девушка под ним дернулась, ударила руками о землю и застыла неподвижно.

Эгдех убрал руку с ее лица и встал.

Рыжеволосая красавица из Роллайны после смерти выглядела отталкивающе. В полуоткрытом рту поблескивало озерцо крови, из которого вскоре потек тонкий ручеек; вытаращенные глаза тоже налились кровью. Лицо не сохранило даже следов красоты, и Эгдех подумал, что все это тщета, ничего больше. Перед лицом войны и смерти ничто не имело значения — армектанцы знали, что делали, вознося хвалу своей Арилоре… Гвардеец внимательно огляделся по сторонам и, не увидев ничего подозрительного, извлек из раны свой меч, вытер его и убрал в ножны. Потом быстро подбежал к трупу Бельгона, забрал меч безумца и одну, помеченную зеленым, стрелу.

Возвращаясь в пещеру, он едва не споткнулся о труп командира. Сотник лежал спокойно и безмятежно, словно спал, без боли на лице, без какой-либо ненависти, гнева или страха в широко раскрытых серых глазах. Судя по всему, он сидел на большом камне, возможно, о чем-то размышляя, когда стрела попала ему в спину. Эгдех немного постоял, думая, сколь странно порой складывается судьба, — а потом пошел дальше. Нужно было послать людей за раненным в бедро солдатом… и за всеми убитыми. А потом устроить похороны.

— И зачем ты, глупая, сбежала из пещеры? Сейчас я отвез бы тебя в Рикс, и ты могла бы дальше ехать куда хочешь!

Он словно просил прощения у дартанки…

Каренира поднялась с земли, напряженно вглядываясь в даль… В то же мгновение из-за скал выскочили несколько человек и бегом бросились к ней. Девушка нагнулась за луком, но было уже поздно; она оставила оружие и так, как была, с голыми руками, выбежала навстречу нападавшим. Байлей никогда еще не видел таких прыжков, а если бы ему кто-нибудь рассказал — не поверил бы. Быстро разогнавшись, она взмыла в воздух, словно степная пантера. Получив удар ногами, мужчина рухнул на землю, не издав ни звука. Она повернулась ко второму. Тот набросился на нее, подняв меч; она повернулась, присев, перехватила опускающуюся руку и подбросила ноги вверх. Нападавший по инерции перелетел через ее спину, перекувырнулся и грохнулся на скалы, словно мешок с песком. Все произошло так быстро, что Байлей застыл, остолбенев. Стряхнув оцепенение, он прыгнул с мечом вперед, плечом к плечу со Стариком. Противники набросились на них. Дартанец видел краем глаза, как его седобородый спутник отражает своим полумечом вражеский клинок, основанием раскрытой ладони останавливает снова бросившегося в атаку противника. Эффект был таким, словно тот на бегу зацепился головой за натянутую между деревьями цепь…

Впрочем, у Байлея тоже не возникло особых хлопот — его противник очень плохо владел мечом и, почти сразу же лишившись оружия, позорно сбежал. Байлей посмотрел на Охотницу, которая, молниеносно повернувшись вокруг собственной оси, со всей силы ударила ногами в лицо рослого детину. Тот рухнул. Удивительный способ борьбы, который Байлей видел впервые, ошеломил дартанца. Однако он тут же опомнился, поскольку перед ним вырос очередной противник.

Лязгнули скрещенные клинки, оружие в руке молодого человека дрогнуло. На этот раз он имел дело не с каким-то увальнем! Дартанец парировал второй, очень быстрый удар, с силой оттолкнул меч противника и попытался перейти в контратаку, но безуспешно. Отчаянно защищаясь, он внезапно услышал приглушенный, полный боли крик Карениры. Он отвлекся лишь на мгновение, но оно дорого ему обошлось: вражеский клинок сместился вдоль острия до самой рукояти его меча, почти мягко отодвинув его в сторону, после чего холодный металл коснулся его шеи.

— Неплохо, братец, — с уважением сказал тот, намереваясь проткнуть ему горло. — Даже жаль!

В то же мгновение послышался странно низкий, полный ужаса и изумления голос:

— Стоять! Хватит! Стоять, говорю!

Противник Байлея отступил и опустил оружие, продолжая бдительно наблюдать за его лицом. Байлей хотел прыгнуть вперед, но кто-то схватил его за плечо. Это был Старик.

— Нет, мой мальчик.

Байлей быстро огляделся по сторонам и почти сразу же увидел Карениру. Она неподвижно лежала на земле, с залитым кровью лицом. Рядом с ней, издавая протяжные стоны, сидел мужчина в потрепанной кожаной куртке, прижав руки к животу и тяжело дыша. Еще один безуспешно пытался подняться.

Среди вооруженных людей стоял человек, возвышавшийся над всеми больше чем на голову, плечи и руки которого потрясали одним своим видом. У его ног пошевелилось нечто, что дартанец в сгущающихся сумерках принял сперва за большой камень. Это был кот. И если этот человек был гигантом среди людей, то его спутник, должно быть, был гигантом среди котов.

— Убрать оружие! — яростно прорычал кот, прижав уши. Голос его звучал ясно и отчетливо, хотя и походил на звериный рык.

Кот посмотрел на Байлея и Старика, сверкнув желтыми глазами.

— Дорлан-посланник, — сказал он, преодолевая разделявшее их расстояние одним большим прыжком. — Мы были неосторожны.

Старик кивнул.

— Она жива? — нетерпеливо спросил он.

Кот, не говоря ни слова, побежал к девушке. Они поспешили за ним. Старик наклонился и приложил ладонь ко рту армектанки, потом осторожно стер кровь с бледного лица.

— Ее только оглушило, — сказал он, осматривая глубокую, идущую вдоль брови рану. — Вряд ли ее порадует такой шрам… Может быть, кровь его прикроет.

Байлей облегченно вздохнул. Те же чувства, похоже, испытывал и кот, поскольку его прижатые к голове уши дрогнули и поднялись.

Великан тоже присел рядом с лежащей. Удивительно осторожно он ощупал своими могучими пальцами края раны и спросил через плечо:

— Кто ее ударил?

— Я, — признался один из разбойников, показывая окованную железом дубину.

Великан покачал головой, словно чему-то удивляясь.

— Воды, водки и бинты! — приказал он.

Его люди бросились исполнять приказ. Он внимательно посмотрел на Старика, потом на Байлея.

— Дорлан-посланник. Великий Дорлан, — негромко сказал он.

— Дорлан умер, — возразил Старик. — Жив только Старик.

— Я слышал об этом. Что ж… хорошо, Старик. Прости за это недоразумение…

— Не будем больше на эту тему. Насколько я понимаю, передо мной — сам Басергор-Крагдоб?

— Ради Шерни, ваше благородие, — поспешно сказал великан, — позволь мне сообщить тебе мое настоящее имя! Я И. И. Глорм. Мое военное прозвище звучит просто смешно в твоем присутствии!

Сидевший на корточках возле Охотницы Байлей изумленно поднял голову.

— Басергор-Крагдоб, — повторил он.

Король гор пристально посмотрел на него.

— Ты что, знаешь меня, господин? Ты не похож на знатока гор, а судя по акценту и внешности, ты явно не громбелардец… Дартанец?

— Ты весьма наблюдателен, господин. Действительно, я лишь гость в этих краях. Но твое имя, господин, я слышал много раз.

Разбойник кивнул и вернулся к тому, что, похоже, беспокоило его больше всего.

— Рбита не было со мной, — объяснял он Старику. — Наши отряды назначили встречу именно здесь. Моя группа наткнулась на вас позавчера, похоже, мы шли одним и тем же путем. Гм… я думал, что лишь я о нем знаю… но ваша проводница… Это все объясняет.

Он обернулся к своим, побитым Охотницей подчиненным, словно только теперь вспомнив об их существовании. Те уже пришли в себя, но физиономии их все еще выглядели неважно.

— Эта женщина — сущий демон, — с уважением сказал он. — Тяжело покалечила двоих моих людей, а еще нескольким здорово наподдала. Говоришь, Ранер, что только этой дубиной ты…

Мужчина, могучее телосложение которого могло не броситься в глаза лишь на фоне его командира, кивнул.

— Если бы Рбит не оставил своих и не выбежал нам навстречу… — продолжал Крагдоб. — Могло случиться несчастье.

— Хватит об этом, — снова сказал Старик, перевязывавший голову девушки. — Здесь горы. А ошибки случаются повсюду. Несчастье могло случиться, но не случилось. Не случилось. Порадуемся этому, господин.

Охотница застонала и открыла глаза, потом пошевелилась и села, не без помощи Байлея. Великан-разбойник тотчас же снова присел и протянул ей обе руки.

— Ради Шерни, — попросил он, — подай мне руку, Охотница. Я не знал, кто ты, не узнал тебя! Проси чего хочешь, только прости меня за это недоразумение, ибо товарищи твои уже все мне простили!

— Но с кем… я говорю? — спросила она еще неуверенным голосом, приложив руку к голове.

— Я И. И. Глорм, а здесь, в Тяжелых горах — Басергор-Крагдоб. Мы сидим на одном троне, госпожа, — неожиданно добавил он несколько шутливым тоном.

— О… — пробормотала девушка, постепенно приходя в себя. — Басергор-Крагдоб… Раз уж на одном троне… то не садись, король, мне на колени.

Он прикусил губу, пытаясь подавить усмешку. Рядом с ним девушка выглядела словно белка рядом с медведем. Внезапно она заметила кота.

— Рбит, — сказала она, с недоверием и радостью. — Л. С. И. Рбит!

Кот поднял лапу в ночном приветствии.

— Горы большие, Охотница… — дружелюбно сказал он.

— …но и мы не маленькие, — закончила она, протягивая руку и касаясь кончиками пальцев бурого меха. — Я помню! Ты был прав, когда говорил, что мы еще встретимся!

Байлей подумал, что эти двое явно знакомы уже давно. Девушка снова посмотрела на короля гор.

— А мы… — сказала она. — Сидим на двух тронах, и оба стоят в разных концах Громбеларда. Много же понадобилось лет, чтобы мы наконец встретились. Мне было любопытно! — добавила она столь откровенно, что слова ее прозвучали почти игриво.

Великан снова улыбнулся.

— Мне тоже. И я не ошибся!

Он посмотрел на нее столь многозначительно, что у нее порозовели щеки.

Байлей не мог заснуть, не в силах освободиться от мучивших его впечатлений минувшего дня.

Сначала он видел могучую фигуру короля гор. Не зная почему, он возненавидел этого человека с первого же мгновения. После более близкого знакомства Крагдоб оказался натурой прямой и искренней, но первоначальная неприязнь осталась. Потом она снова усилилась…

Басергор-Крагдоб был человеком незаурядным — в этом у дартанца не было никаких сомнений. Однако в чем заключалась эта незаурядность, он не знал. В поведении? Во внешности? В манере говорить, в сообразительности? А может, во всем сразу? Этот мужчина тридцати с небольшим лет не вписывался в образ предводителя разбойников, сколь бы славен и знаменит он ни был. Байлей без труда мог представить его себе где угодно. В качестве гостя любого из Домов Роллайны. Во главе имперских войск. Или занимающим высокий пост. Но меньше всего — в горах, в окружении вооруженных бандитов…

Хотя, возможно… ему подошло бы и это. Когда он говорил, казалось, что с губ его льется вода. Медленно текли спокойные, тщательно подобранные слова, грудь ритмично набирала воздуха, сосредоточенно смотрели глаза… Он спрашивал и отвечал коротко, во всяком случае — не пространно. Его интересовало, что они делают в этой части гор, хотя он сразу же предупредил, что если это тайна, то он забирает свой вопрос обратно. К Старику он относился с огромным, неподдельным уважением; к Охотнице — с искренним дружелюбием и признательностью, которые казались Байлею неуместными — ведь эти двое почти не были знакомы. Потом он, однако, понял, что хотя Крагдоб и Охотница действительно до этого не встречались, но многое друг о друге слышали. Теперь он уже по-другому смотрел на девушку; конечно, он уже раньше понял, что она известная в Громбеларде личность, однако не предполагал, что личность эта чуть ли не легендарная. Люди из отряда Крагдоба относились к ней с величайшим уважением, до такой степени, что те, которых она победила, пришли к ней с вопросом, можно ли им теперь говорить, что они сражались с самой королевой гор. Дартанец, знавший Громбелард и Тяжелые горы весьма поверхностно, не мог надивиться подобным церемониям.

Когда Крагдоб узнал, что трое путников направляются в Дикий край, он уже больше ни о чем не спрашивал. Он задал один лишь вопрос — не за Брошенными ли Предметами?

Когда Старик ответил отрицательно (с кислой усмешкой, о причинах которой Байлей мог лишь догадываться), разбойник кивнул.

— Рбит был в краю, — коротко сказал он. — Если бы вы шли за Предметами, — он обратился прямо к Охотнице, — то, возможно, я мог бы продать или подарить вам те, которые вы ищете.

Он нахмурился, о чем-то вспомнив.

— Хотя, — добавил он, — я совсем забыл… Вы ведь хотели сперва идти на форпост? Не ходите, не имеет смысла. Рбит был в плохом настроении и его сжег.

Потом они уже больше не говорили о Дурном крае. Разожгли костер; отряды Рбита и короля гор насчитывали вместе несколько десятков, что позволяло чувствовать себя в безопасности и пренебречь мелкими мерами предосторожности. Впрочем, как уверял кот, основываясь на донесениях разведчиков, в окрестностях все было совершенно спокойно.

Басергор-Крагдоб неожиданно продемонстрировал свой талант рассказчика. Сидя у костра, он развлекал своих новых друзей одной красочной историей за другой. Байлея удивила необычная скромность (а может быть, скрытность?) великана: он ни разу не упоминал о собственных подвигах, рассказывая лишь о свершениях других. Вокруг костра создалась безмятежная, дружественная атмосфера. К огню присели несколько человек Крагдоба, которые приняли участие в беседе, добавляя подробности и время от времени весело смеясь. Они не походили на бандитов, скорее на отлично обученных, живущих на дружеской ноге с командиром солдат. Байлей все меньше понимал, каким образом такие люди пополнили ряды горных разбойников. И тем не менее это были разбойники… Он не мог забыть холодного безразличия, с которым Крагдоб рассказывал о судьбе маленького военного подразделения: «Рбит был в плохом настроении и его сжег…» Байлей вез для коменданта форпоста письмо, написанное Гольдом. Гольд знал этого подсотника и его легионеров. Но — «Рбит был в плохом настроении…» Только такая причина, и никаких других.

Байлей довольно быстро сориентировался, кому из людей короля гор есть в банде что сказать. После командира самым главным был кот Рбит. Байлей пару раз видел в Громбе котов-воинов, двое даже служили в легионе, но этот был просто исключительным. Он держался пренебрежительно и свободно, как подобает лишь высокорожденным, говорил мало, но всегда по делу. Дартанец заметил, что Рбит и Каренира хорошо знакомы и, судя по всему, довольно давно. Но в их отношениях были какие-то тени, некие далекие, неприятные воспоминания, связывавшие их двоих печальной тайной.

В отряде Рбита его заместителем был Делоне («Делен, ваше благородие, громбелардский вариант моего имени сейчас никто уже не употребляет, это не модно, не по-армектански…») — щуплый молодой человек, с необычно красивым и дерзким лицом забияки и искателя приключений. Именно ему Байлей проиграл поединок на мечах… При первой же возможности молодой разбойник подошел к дартанцу, выражая ему свое уважение и признательность. Он дал ему прямо понять, что считает его настоящим мастером и что за время короткой схватки успел оценить талант своего противника. Они договорились о бескровном поединке, утром.

В разбойничьем отряде были и две женщины. Одна — симпатичная смешливая глупышка — была готова услужить каждому, для чего, впрочем, изначально предназначалась… При первой же возможности она начала клеиться к Байлею («Тебе не будет холодно ночью, рыцарь?..»), но он лишь сухо ее поблагодарил. Вторая, полная противоположность первой, явно была лишь гостем в горах, хотя все считали ее своей. По обрывкам разговоров Байлей догадался, что девушка действительно крайне редко бегает по горам со своими товарищами и, как правило, живет в одном из громбелардских городов, в качестве… может быть, разведчицы? Она не была красавицей, ее трудно было назвать даже симпатичной — настоящая громбелардка, не слишком высокая, широкобедрая, коренастая. Однако у нее были самые прекрасные волосы из всех, какие только доводилось видеть Байлею, — солнечно-желтые, закрученные в сотни колечек, густые и пышные. Она пару раз

улыбнулась Байлею; наконец, заинтригованный, он наклонился к сидевшему рядом разбойнику (тому самому, который свалил Карениру своей дубиной) и спросил, как ее зовут. Разбойник смерил его серьезным взглядом, но, видимо, не нашел в вопросе ничего предосудительного, поскольку лишь слегка улыбнулся и сказал:

— Это Арма… моя старшая сестра. Но она, дартанец, видит только одного, зато очень крупного, мужчину…

Он подмигнул и посмотрел на своего командира. Байлей, только теперь заметивший сходство брата и сестры, что-то пробормотал и покраснел, как мальчишка.

Дартанец перевел взгляд на Карениру, потом — на короля гор. Тут же что-то укололо его в сердце. Девушка, с которой удивительным образом слетела накопившаяся за день усталость, слушала очередной рассказ великого разбойника, тот же явно рассказывал только для нее.

Пытаясь отвлечься от пары знаменитостей, он заговорил было со Стариком, но его спутник — странно задумчивый, отсутствующий и далекий, отделался несколькими ничего не значащими словами. И Байлей, среди такого количества людей, вдруг почувствовал, что он… совершенно один.

Теперь же он лежал и не мог заснуть, вспоминая минувший день, мгновение за мгновением… событие за событием… слово за словом.

В конце концов он решил пойти прогуляться. Байлей отбросил плащ, которым укрывался, и встал. Выбравшись из небольшой ямки, в которой он устроил себе лежбище, он начал не торопясь прохаживаться туда-сюда. Какой-то бдительный солдат Басергора-Крагдоба поднял голову, когда его миновала в темноте молчаливая фигура, но тут же снова погрузился в сон.

Байлей дошел до самой линии постов и хотел было пойти назад, но, неожиданно передумав, назвал пароль, который перед отбоем сообщили всем, и пошел дальше, предупредив часовых, что скоро вернется.

Он побродил еще немного… а потом увидел их.

Погода была исключительно хорошей; уже день и вечер не могли сравниться с предшествующими, ночь же — по громбелардским меркам — была просто прекрасной. Дождя не было, и впервые с тех пор, как Байлей оказался во Второй провинции, из-за туч время от времени выглядывала луна.

Занятые собой, они его не видели. Байлей поспешно спрятался в тени среди больших камней, сам не зная, зачем это делает. Обратного пути уже не было — они находились слишком близко и, если бы он начал выбираться назад, на этот раз наверняка бы его заметили.

Байлей видел их совершенно отчетливо. Каренира сидела на большом камне, разбойник стоял, наклонившись, прямо перед ней…

Они целовались.

Луна, до этого с трудом пробивавшаяся сквозь тучи, неожиданно вышла на клочок чистого неба, и Байлей увидел руки великана, шарившие под курткой девушки. Он почувствовал, как у него сжалось сердце, — как и тогда, у костра.

Каренира глубоко вздохнула и довольно отчетливо прошептала:

— Король гор…

Басергор-Крагдоб издал короткий смешок.

— Да уж, королевская из нас пара, — сказал он вполголоса, но с явно различимой иронией. — Ведь я на самом деле тебя попросту не выношу. Заносчивая, злопамятная армектанка с луком.

Каренира тихонько засмеялась, но это был смех довольной женщины. Она крепче прижала его руки к своей груди.

— Король гор не выносит королевы гор, — делано серьезным тоном произнесла она, подражая низкому голосу великана. — Громбелардец с большим мечом… не выносит армектанки с маленьким луком. А знает ли король гор, кому принадлежат те игрушки, что

так ему нравятся?

— Король гор может таких игрушек иметь сколько захочет…

Она презрительно фыркнула, пытаясь выдернуть его руки из-под куртки.

— Раз так, то пусть он оставит эти две в покое!

Его руки даже не дрогнули. Он наклонил голову, и до ушей сжавшегося в комок Байлея донесся звук поцелуя. Он стиснул зубы. Несмотря на ночной холод, он весь вспотел.

Басергор-Крагдоб опустил руки ниже, плотнее прижимаясь к девушке. Она вздрогнула, и послышался ее странно сдавленный шепот:

— Новая… игрушка?

Разбойник не ответил. Еще мгновение, и Байлей услышал ее тихий, полный наслаждения стон. Не выдержав, он начал медленно подниматься. Негромкие, но отчетливые слова остановили его на полпути. Он узнал низкий голос кота.

— Глорм, Охотница! Прекратите.

Застигнутый врасплох, великан оторвался от девушки. Та вздрогнула и быстро сдвинула бедра.

— Прекратите, — повторил Рбит.

Во мраке блеснули его большие желтые глаза.

— Прекратить? — удивленно переспросил разбойник. — А мы как раз… Ты нам помешал, Рбит. В чем дело?

В его голосе не было гнева, лишь недовольство.

— Потом, Глорм… хорошо? — извиняющимся тоном ответил кот. — Я тебе все объясню.

— А я? — спросила в полный голос Каренира, рассерженная не на шутку. — Мне ты ничего не собираешься объяснять?

— Тебе объяснит кое-кто другой. Ты должна понять…

— Нет, ничего я не должна! Убирайся отсюда, кот! Мне жаль, что наша дружба заканчивается именно так!

— Дружба кота не кончается никогда. Она редко начинается, но никогда не заканчивается, запомни это.

Кот обратился к разбойнику:

— Глорм, поверь хотя бы ты мне. Иди в лагерь. И ты тоже, обиженная женщина.

Наступило тяжелое молчание. Наконец Глорм протянул ей руки. Каренира что-то яростно прошипела, оттолкнула его и сама спрыгнула с камня. Не оглядываясь, она быстро пошла в сторону лагеря. Слышно было, как она прокричала часовым пароль; ее наверняка услышали все горы.

— Ну так что? — спросил король гор.

— Иди в лагерь. Все завтра, — ответил кот.

Грозный Басергор-Крагдоб коротко рассмеялся, наклонился и на мгновение положил тяжелую ладонь на кошачий загривок, после чего ушел. Байлей понял, что дружба, связывающая этих двоих, выдержит любое испытание.

Байлей задержал дыхание, когда разбойник прошел мимо его укрытия. Потом осторожно выглянул и несколько долгих мгновений сидел неподвижно, вглядываясь во мрак и напрягая слух. Неожиданно у его уха послышалось тихое рычание.

— Хочешь спрятаться от кошачьего взгляда, приятель? Честное слово, превосходная идея.

Кот сидел рядом, глядя на него сверкающими глазами. Байлей судорожно сглотнул.

— Идем отсюда, — снова заговорил кот. — Зачем кому-то видеть нас вместе? Глорм вряд ли вернется, но Охотница готова это сделать, чтобы найти меня, и будет шуметь всю ночь. Идем отсюда, нам есть о чем потолковать.

Они отошли на приличное расстояние от лагеря. Рбит улегся на землю, аккуратно и не спеша, как и подобало коту. Он терпеть не мог лежать как попало. Дартанец сел рядом.

— Странный народ — люди, — задумчиво промурлыкал кот. — Смотрят, но не видят,

слушают, но не слышат, чувствуют, но не понимают…

После столь необычного вступления он посмотрел Байлею в глаза.

— От необдуманных действий вреда часто куда больше, чем от преднамеренных. А сколько вреда лишь оттого, что вы смотрите — но не видите…

Для предводителя разбойничьей банды слова эти прозвучали довольно странно. Байлей хотел что-то сказать, но кот его опередил.

— Я знаю Карениру уже несколько лет, — сказал он, — но за все это время мы встречались лишь дважды. Первый раз — когда стервятники лишили ее глаз…

Байлей почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

— …а во второй раз, совсем недалеко отсюда, возможно, она спасла мне жизнь…

Кот помолчал.

— Я не хочу тебя утомлять, дартанский рыцарь. Скажу коротко лишь то, что вижу: она любит тебя, ты же — ее, но по каким-то причинам пытаешься отринуть от себя это чувство, убеждая себя в том, что это лишь дружба, — но ничего не выходит. На это способен кот, но не человек. Теперь насчет Глорма, или короля гор, если так тебе больше нравится: я люблю его и уважаю, он верный друг… но у него есть свои недостатки. И немалые. Охотница его раздражает, поскольку чересчур самоуверенна и, что еще хуже, имеет на то основания… Он охотно увел бы ее у тебя — хотя бы затем, чтобы потом немного унизить, — такой уж он есть. В любом другом случае я закрыл бы на это глаза, поскольку… легкая пощечина, возможно, ей порой бы не повредила, а я имею право так говорить, поскольку я ей как брат, самый близкий друг. И тому, кто действительно захочет причинить ей вред, придется иметь дело со мной — можешь мне поверить, дартанец, делать этого не стоит, ибо я могу созвать десятки ради прихоти, а сотни ради защиты или отмщения той, что мне как сестра. Но раз ты ее любишь — то не Глорму с ней забавляться, и пусть держится от нее подальше. Согласен со мной? Вижу, что да, поскольку ты уже собирался покинуть свое убежище. Так что не злись на меня за то, что я встал между тобой и моим лучшим другом. Сегодня ночью никто не должен умереть; ошибок уже и так было достаточно. И я хотел предотвратить еще одну.

Тишина.

— Хочу еще сказать слово в защиту этой девушки. Она глупее, чем ты думаешь, и не столь взрослая, как кажется. Она нуждается в твоей опеке. Ты должен взять ее за руку и вести, как ребенка, показывать ей жизнь, ибо она ее не знает. Ну и что — горы? Там она научилась валить с ног мужчин — и все. Во всем остальном она столь же беспомощна, как та армектанская легионерка, на которую я когда-то прыгнул из засады, защитив от когтей трупоеда… Она зрелая женщина и должна время от времени с кем-то спать, но нужно уметь и владеть собой, а вот этого она, похоже, еще не умеет.

— Армектанская шлюха.

— Ты сам знаешь, что это не так. Во-первых, в Армекте в этом нет ничего дурного. Во-вторых, так поступают все женщины, и дартанки тоже. Если бы ты вмешался, она бы с радостью воткнула Глорму нож в спину, стоило лишь ему попытаться напасть на тебя.

Тишина.

— Может быть, ты думаешь, что кот ничего не смыслит в человеческих делах, но это неправда. Я живу среди людей, мой юный друг. Может быть, я и держусь несколько в стороне, но у меня есть глаза, которые видят, и уши, которые слышат, а к тому же еще и разум. И это все, что я хотел тебе сказать. А теперь — рассчитаемся, ваше благородие.

— Рассчитаемся? В каком смысле?

— Хоть и с добрыми намерениями, но я все же влез в чужие дела. Глорм меня еще поблагодарит, поскольку умеет признавать свои ошибки… Охотница поймет, а скорее всего, забудет… Но тебе я кое-что должен. Скажи что, дартанец. Я понесу любое наказание, какое только мне назначишь.

Байлей молчал, глядя во тьму.

— Ты ничего мне не должен, ваше благородие, хотя еще никогда и ни от кого мне не приходилось слышать таких слов, — наконец сказал он коту. — Но я никогда в жизни и не

встречал таких, как ты. Но теперь — иди, я хочу этой ночью… хотя бы немного побыть один.

16

Делен молча смотрел на него.

— Ты и в самом деле дартанец, господин? — наконец спросил он. — Почему же тогда все над вами смеются?

Байлей кивнул и медленно отвел острие клинка противника от своей груди.

— Невероятно. — Разбойник все еще не в силах был скрыть удивление. — Кроме Глорма, который разрубил бы меня вместе с моим мечом пополам, я не знаю никого, на кого я потратил бы столько времени!

Байлей не знал — может быть, это лишь насмешка? Они скрестили оружие раз двадцать, не больше…

Делен убрал меч и дружелюбно обнял дартанца. Доверительный жест, который в Золотой Роллайне разгневал бы гордого магната, здесь лишь придал ему уверенности, хотя и ненадолго. Тяжелые горы… Они были в Тяжелых горах. Громбелардский мастер меча дружески обнял достойного противника, который не был его врагом. Только и всего.

— Идем, господин, нам нужно поговорить. Дашь мне подержать свой меч? Он просто великолепен, стоит любых денег! И я их выложу, если позволишь мне узнать имя мастера, который кует такое оружие.

Они прошли через круг зрителей и присели в сторонке. Мгновение спустя они уже жестикулировали, убивая десятки невидимых противников.

Рбит, наблюдавший за поединком с видом знатока, повернулся к Каренире, Глорму и Старику:

— У него невероятный талант… Уверенная, быстрая рука и реакция, какой я не видел ни у кого, кроме Делена. Но ему еще не хватает ловкости, достаточного количества настоящих схваток, где приходилось бы защищать свою жизнь.

— Искусство меча, — заметил Старик, — уже почти умерло. То, чем обычно занимаются, — обычная резня, ничего больше. Эти двое, попади они в руки старых мастеров-шергардов, засверкали бы как бриллианты. — Он слегка нахмурился. — Но ведь, — обратился он к Басергору-Крагдобу, — ты, господин, как я слышал, сражаешься двумя мечами?

Великан, не притрагиваясь к висевшему за спиной оружию — обычному гвардейскому мечу, без единого слова достал из ножен невероятно длинный узкий клинок и подал его Старику.

— Откуда у тебя это оружие, господин?

— Есть один человек, который любит железо, так же как и железо любит его. Он живет в Громбе. Но сражаться этим оружием научил меня однорукий старик, почти моего роста. Он никогда не говорил мне, кто он, а я в конце концов перестал его спрашивать. То было самое удивительное время в моей жизни, — признался разбойник. — Человек этот также рассказал мне, как соединить выпады этим мечом с ударами другого, короткого. Он только рассказывал — поскольку показать не мог… Но рассказал, похоже, неплохо; я все еще жив, хотя не раз и не два мне приходилось браться за оба моих меча. Похвастаюсь, ибо хотел бы воздать честь своему учителю, — я убил бы мастера, равного Делену, не потому, что я сильнее…

— Однорукий… и твоего роста? — Дорлан задумался.

— Может быть, ты его знаешь, господин? — оживился Крагдоб. — Порой мне казалось, что он может быть мудрецом-посланником!

Однако он тут же поднес руку ко лбу.

— Нет… — поспешно сказал он. — Нет, если даже… Нет, господин. Если даже знаешь, не говори мне, кто он. Я уважаю его тайну, поскольку он не захотел сам мне ее открыть. Он

никогда не брал денег за свои уроки, а научил меня многому, очень многому, не только умению владеть мечами. Раз я ничего ему не дал — то тем более не стану отбирать. Этот секрет — его собственность.

Старик кивнул.

— У тебя большое сердце, король гор, — задумчиво сказал он. — Большое, честное сердце… Разве для такого, как ты, это не недостаток?

Разбойник удивился.

— Если действительно так, как ты говоришь, то я горжусь твоей похвалой… Однако я правлю Тяжелыми горами, и недостатки у меня есть куда серьезнее, чем мое, как ты утверждаешь, честное сердце.

Он посмотрел на Охотницу и кивнул ей, словно на что-то намекая. Девушка надула губы и отвернулась.

— Нам пора, — громко сказал Старик, меняя тему. — Мы должны…

— Конечно, — подтвердила Охотница. — Я с самого рассвета жду каких-то состязаний… Раз они закончились, то пошли. Общество разбойников мне уже наскучило.

— Так же как и некоторым разбойникам, — неожиданно сказала появившаяся из-за спины Басергора-Крагдоба Арма, — наскучило общество ее благородия Охотницы.

Наступило недолгое молчание.

— Арма, — мягко, хотя и укоризненно сказал Рбит.

— Это что, сцена ревности? Или просто глупость? — агрессивно спросила армектанка.

— Каренира, — усовестил ее Старик.

Она яростно повернулась к нему.

— Во имя Шерни, неужели и ты, отец, будешь меня теперь упрекать или поучать? Со вчерашнего дня все почему-то думают и решают за меня!

Подошел Байлей, только что разговаривавший с Деленом. Она заметила его и показала на восток.

— Ну что, идем, или ты передумал? Тогда бери свой мешок!

Люди Крагдоба переглядывались, не вполне понимая, кто, с кем и из-за чего спорит. Дартанец кивнул.

— Идем, — сухо сказал он.

Прощание было холодным. Только Старик и Басергор-Крагдоб пожали друг другу руки без какой-либо враждебности или неприязни, зато с явным взаимным уважением.

17

Они преодолевали милю за милей, и не происходило ровным счетом ничего. Не хлынул прославленный ядовитый дождь; они не провалились в живой песок; на них не напали чудовищные обитатели края… Как Байлей, так и Каренира ожидали совсем иного. Ведь они находились в Дурном краю.

Но кругом царило полное спокойствие.

Голая, выжженная солнцем равнина тянулась, насколько хватало взгляда. Безымянный край…

Приграничные туманы, о которых говорила Каренира, давно остались позади. Они провели две ночи под открытым небом, на котором не было ни облачка, а утром шли дальше. Впереди шагал Старик. Вел он их столь уверенно, что Байлей даже не спрашивал, знает ли он, где искать Бруля-посланника.

Переход от громбелардского дождя к жаре и зною был столь внезапным, что Байлей не скоро сумел к этой перемене привыкнуть. Он все еще машинально тянулся рукой к плечу, чтобы поправить плащ, которого не было; то и дело поглядывал на небо в поисках туч — и каждый раз удивленно тряс головой. Подобным образом вела себя и Каренира. Он видел, что и она боится края и не доверяет его спокойствию. Один Старик шел вперед так, словно ничто его не волновало. Говорил он столь же мало, как и в Тяжелых горах; они давно уже

привыкли к его молчанию, но здесь, в краю, воспринимали его как нечто новое. В Тяжелых горах молчал старый человек. Здесь — мудрец Шерни. Посланник.

Великий Дорлан, Дорлан-посланник. Так назвал Старика король гор, а до этого — Охотница. Когда-то Байлей слышал очень похожее имя. Может быть, то же самое? Но мудрецы Шерни казались ему едва ли не сказочными персонажами. Они понимали законы, правившие висевшей над миром могущественной силой, понимали настолько, что становились как бы ее частью. Она принимала их, делая своими посланниками в мире…

Но посланником был и Бруль…

Байлей попытался собрать вместе все то, что узнал от Старика, когда Охотница побежала сражаться со стервятником; ему хотелось добавить сюда и то, что он узнал от нее самой… Но ничего не получалось. Он совершенно иначе представлял себе мудреца Шерни. Уж в любом случае не как вечно молчащего и задумчивого старичка в простой мантии, под которой звенела стальная кольчуга и скалило зубы острие полумеча… Он слышал, будто эти люди умеют черпать силы прямо из Полос, используя ее по своему желанию. Старик же, несмотря на то что был мудр и для своих лет весьма силен и подвижен, наверняка никакой исключительной силой не обладал. Он не собирался помогать Каренире, которую называл дочерью, когда она побежала драться не на жизнь, а на смерть с крылатым чудовищем. Потом их едва не прикончили разбойники — а ведь они могли убить всех. Если даже какие-то правила запрещали мудрецам Шерни использовать свое могущество по малозначительным поводам, то смертельная угроза таковым отнюдь не являлась. Человек же, которого называли Великим Дорланом, размахивал пиратским полумечом, защищая свою жизнь. И каждое утро совершал смешные подскоки и приседания, вероятно, на случай, если ему придется с кем-то бороться.

Байлей вспомнил слова Старика, обращенные к королю гор: «Посланник давно умер…» Конечно, он не был дураком и отдавал себе отчет в том, что их не следует воспринимать буквально. Но что на самом деле скрывалось в этой фразе? Что Старик на самом деле был когда-то посланником, но потом перестал? Он сам рассказывал о том, как дал Каренире глаза другого человека, а она подтвердила его слова. Подобное было не под силу обычному смертному. Но что случилось потом?

И откуда он, Байлей, мог знать это имя — Великий Дорлан? От Гольда? А может, слышал еще раньше, в Дартане или Армекте? Точно он не мог вспомнить.

Он оглянулся на Карениру, но не стал ни о чем спрашивать. Их взгляды встретились — угрюмые и даже слегка враждебные. С той памятной ночи, когда большой кот указал троим людям на их место, армектанка все время молчала, то ли от обиды, то ли от безнадежности. Порой он испытывал непреодолимое желание обнять девушку, прижать к себе, целовать заживающую рану над широкой густой бровью, касаться пальцами и губами ее маленького рта и подбородка, ласкать… Он не мог, не имел права — хотя Рбит был прав. Он любил ее.

Но у него была жена. Илара.

Он ощущал к ней неприязнь, она уже почти не была для него человеком, скорее горьким воспоминанием и вместе с тем, увы, обязанностью, которую он должен был исполнить. Он не мог себе представить, какой окажется их встреча. Байлей ощущал странную уверенность, что своего добьется и ее найдет. Неизвестно от чего зловещий Бруль-посланник казался ему нив чем не виноватым; Илару же нужно было просто откуда-то забрать. Возможность неудачи он не принимал во внимание, он вообще не мог представить, что нечто может встать у него на пути. Это было бы глупо, слишком глупо. Глупо, как… смерть какого-нибудь знаменитого рубаки, которому выстрелили из лука в спину.

Но он тут же понял, что не менее глупым и даже попросту бесчестным было пользоваться помощью женщины, которую он любил и которую потом должен был оставить ради другой, как только осуществятся все его планы.

Погруженный в мрачные размышления, он шагал вперед, не нарушая всеобщего молчания. Внезапно ему показалось, будто он слышит отдаленное пение… Возможно, он слышал его уже давно — сперва очень тихое, потом все громче. Остановившись, он быстро

огляделся вокруг. Пение звучало как хор сильных мужских голосов… но, возможно, это было вовсе не пение, а лишь очень далекий шум океана… Наклонив голову, Байлей пытался понять, что же он слышит на самом деле.

Каренира тоже остановилась. Байлей услышал приглушенный, словно доносившийся с большого расстояния, обеспокоенный голос Старика:

— Что слышите? Быстро!

— Грозу… — ответила Каренира. — Гроза над Великими равнинами…

— А ты, мой мальчик? Что слышишь?

Байлей хотел ответить — и не смог. Каренира тряхнула его за плечо. Он хотел успокоить ее жестом, но оказалось, что он не в состоянии даже пошевелиться. Старик поспешно подошел и заглянул ему в глаза.

— Ударь его! — приказал он. — Слышишь? Ударь его, немедленно!

Она с испугом посмотрела на него, не понимая, чего он хочет. Старик не стал ждать, сам отвесил остолбеневшему Байлею могучую пощечину, потом другую. Голова дартанца бессильно дернулась; в широко раскрытых глазах застыло бессмысленное выражение. Каренира тоже шлепнула его по щеке. Старик взорвался.

— А это еще что? Ударь его как следует! — крикнул он, хватая дартанца за руку и силой таща за собой. — Ты уже три дня мечтаешь, как бы ему врезать, а когда подворачивается случай… Ему должно быть больно!

Идя рядом, она размахнулась и хлестнула так, что Байлей застонал и неловким движением приложил руку к щеке.

— Очень хорошо, прекрасно! Ты слышишь меня, мой мальчик?

Он попытался было ответить, но лишь кивнул.

— Пение? Это пение?

Снова получив подтверждение, Старик стиснул зубы.

— Плохо… — бросил он. — Идем, идем скорее.

Поддерживая дартанца с обеих сторон, они потащили его за собой. Он с трудом передвигал ноги, наконец колени его подогнулись.

— Поставь его! — приказал Старик.

Схватив Байлея под мышки, она поставила его на ноги. Однако было ясно, что стоит перестать его поддерживать, и он тут же упадет.

— Ну? — закричала она, скорее в страхе, чем в гневе. — Долго я еще буду с тобой нянчиться?

— Ударь его! — крикнул старик, копаясь в своем мешке. — Это не шутки, ему должно быть больно! Боль иногда помогает!

Достав какой-то флакон, он открыл его и сунул Байлею под нос. Безрезультатно.

Девушка, все еще державшая дартанца под мышки, откинула назад голову и со всей силы стукнула его лбом в лицо. Он что-то хрипло пробормотал, из носа потекла кровь… но армектанка почувствовала, что ноги его уже держат.

Она ударила его лбом еще раз.

Байлей застонал, вырвался и пошатнулся.

— Хорошо, хватай его! — сказал Старик. — Хватай и веди. Недалеко отсюда Мертвое Пятно, нужно успеть… — добавил он.

Однако Байлей, когда Каренира подхватила его за руку, снова обмяк и осел на землю. Девушка в ярости пнула его под ребра. Он глухо застонал, но на этот раз в себя не пришел. Она пнула его еще раз и, видя, что это ничего не дает, неожиданно наклонилась, рывком подняла бесчувственное тело и, застонав от усилия, взвалила его себе на плечо.

— Куда?! — с трудом проговорила она.

Старик показал направление. Она двинулась вперед тяжелой трусцой, потом почти бегом. Болтающиеся руки Байлея били ее по бедрам и ногам. Старик бежал за ней следом. Время от времени голова Байлея ударялась о ее спину. Она была сильна как волчица, но чувствовала, что силы постепенно иссякают. Безжизненное тело казалось невероятно

тяжелым и сползало с плеча, она тратила много сил на то, чтобы его удержать. У нее потемнело в глазах, она несколько раз споткнулась, а потом упала. Хрипло дыша, она схватила голову дартанца и изо всех сил прижала ее к груди.

— Спаси… слышишь, спаси его… Ты по… сланник… Слышишь? Спаси… слышишь, спаси его…

Она схватила Байлея за холодеющие руки.

— Он умирает… Ради Шерни, отец… отец! Слышишь меня? Спаси его… умоляю…

Она внезапно разрыдалась, но тут же яростно закричала сквозь слезы:

— Ты — посланник, проклятый старик! Да или нет? Что застряло в твоем больном мозгу, что ты не хочешь использовать свою силу?! Ну что?! Я убью… убью тебя, если он умрет… слышишь?! Слышишь?! Убью, убью…

Она снова разразилась рыданиями.

— Отец… Ведь ты Дорлан-посланник, Великий Дорлан… Ты можешь все, когда-то ты вернул мне глаза… А теперь?

Старик молчал. Она повторила, с отчаянием и болью:

— А… теперь?..

Кивнув, он отодвинул ее в сторону.

— Хорошо, давай его сюда, — тихо сказал он.

Наклонившись, он легко поднял бесчувственного Байлея, что-то негромко сказал и, словно выпущенное из пушки большое каменное ядро, взмыл в воздух.

Байлей закашлялся и открыл глаза. В них тут же ударил блеск огромного, медленно поднимающегося из-за невысоких холмов солнца. Он быстро зажмурился, но успел еще увидеть лицо склонившейся над ним девушки. Почувствовав на губах вкус воды, он начал пить из подставленного бурдюка.

— Как ты себя чувствуешь?

Отодвинув бурдюк, он кивнул и снова открыл глаза.

— Что это было? — спросил он довольно уверенным, почти нормальным голосом.

— Это? — пошутила она, поднимая мешок с водой, который как раз завязывала ремнем. — Когда пью — сама не понимаю… Мешок с водой. Но от нее воняет козлом или вообще не знаю чем.

— Ты же знаешь… ведь ты же знаешь, о чем я спрашиваю.

Пошарив рукой, он нащупал под затылком свою сумку с вещами и остатками провизии и повернул голову, глядя на колени сидевшей скрестив ноги девушки.

— А ты красивая, Охотница… — сказал он.

— Тебе чаще следует слышать пение, — покраснев, ответила она.

Внезапно он все вспомнил и на мгновение замер.

— Не знаю, что со мной творилось…

— Зов стражей, — слегка неуверенно сказала она. — На море так поют сирены… немного похоже. Но они — не женщины, это сказка. Просто большие рыбы, как говорит Дорлан.

— Дорлан?

Она кивнула.

Посланник стоял неподалеку, выпрямившись… и словно помолодев. Улыбнувшись, он кивнул дартанцу, словно говоря: «Ну вот, все уже хорошо». Байлей испытующе вглядывался в знакомое лицо Старика, не в силах понять, какая с ним произошла перемена.

— Ты посланник, господин, — сказал он, садясь.

Он приложил руку ко лбу, ощутив внезапную головную боль.

— Не знаю, мой мальчик. Может быть.

Каренира тряхнула головой, многозначительно улыбнувшись. Она-то знала. Но Дорлан, неожиданно нахмурившись, подошел к ним и сел рядом.

— Не улыбайся, дочка, ибо ты не умнее меня. Разные штучки можно увидеть даже на

ярмарках, а по всему Шереру бегают сотни дураков с Брошенными Предметами за пазухой. Достаточно знать формулу, чтобы с помощью этих Предметов творить разные глупости. Твоему приятелю-коту помогает ползать по скалам, как муха, сила Геркото, называемого Серебряным Пером. Темная Полоса, отражением которой является этот Предмет, была самой важной среди всех, вызвавших из небытия первый шерерский разум — человеческий… Силами этой Полосы пользуются, чтобы ходить по самой большой груде камней в мире — и лишь бы только для этого! А уж здесь, в Ромого-Коор, каждый, кто хоть что-то знает о Шерни, может вовсю использовать ее силы без Брошенных Предметов. По-твоему, они все — посланники? Все — посланники? Те, кто вынес отсюда Предметы, чтобы лазать по горам, или те, кому хочется издавать на ярмарках на потеху толпы всяческие невероятные и забавные звуки? Словно одних фокусов им мало!

Каренира посмотрела на Байлея и слегка прикусила губу. Дорлан разгневался не на шутку.

— Во второй раз в жизни я делаю то, чего делать не следовало. В первый раз… я не справился с собственными желаниями. Не каждый день увидишь юную девушку, которая никогда уже не прозреет… Или услышишь искренние, идущие от самого сердца слова солдата, который прибежал к ней на помощь и не успел. Жалость! Человеческая слабость… Я не имел права, не мог… но в самой глубине души, вопреки всему, мне захотелось помочь. Но сегодня еще хуже: я сознательно пошел на поводу у своих желаний. А тем временем твои глаза, дочка, и даже твоя жизнь, мой мальчик, вовсе не важнее, чем Шернь и ее мир. Люди теряют зрение и умирают, ибо так устроен этот мир, созданный Полосами Шерни. Шерер означает «мир Шерни», и следует об этом помнить. Не говори мне, дочка, что я — посланник, ибо «посланник» вовсе не означает «тот, кого послали» куда-то или зачем-то. Не от меня зависит, сочтут ли Полосы меня своей частью. И при всем при этом я делаю все, чтобы этого не случилось. Не случилось.

Он встал.

— А теперь пойду поговорю с Брулем.

Каренира открыла было рот, готовая предложить свою помощь, но ничего не сказала. Да и чем она могла помочь при разговоре двоих… таких людей?

В наступившей тишине они смотрели, как он уходит, направляясь в сторону ряда невысоких холмов. Держась за руки, они долго молчали, до тех самых пор, пока силуэт идущего не скрылся за хребтом возвышенности.

Каренира вздохнула.

— Где мы, собственно? — спросил Байлей, с некоторым удивлением окидывая взглядом довольно большое круглое пространство, кое-где поросшее травой и даже кустарником. В других местах края растительности не было вообще.

— Посланники говорят о месте под названием Мертвое Пятно. Я о чем-то таком слышала. Об этих местах должен знать каждый, кто идет в край… Ты не слышал?

— Это то же самое, что и Добрый Круг?

— Да! Именно так.

— Мне об этом рассказывал Гольд. Здесь не действуют силы Дурного края? Никакие силы?

— То же самое говорил и Дорлан.

Взгляды обоих вернулись к тому месту, где исчез их спутник.

— Дорлан-посланник, — ошеломленно проговорил Байлей.

— Да, Дорлан-посланник, — эхом отозвалась она. — Пусть он на меня и злится, но я-то знаю… Посланник, самый могущественный и великий из всех когда-либо живших посланников. Его боится весь край, о нем ходят легенды. Я их столько слышала в Армекте! Его видели в моем краю еще во времена Кошачьего восстания. А ты ничего о нем не слышал?

— Только имя. Не помню, когда и от кого.

— Дартан — странный край.

— Это прекраснейший край на свете, — серьезно сказал он. — Я видел Армект и знаю небо над равнинами, Каренира. Но нет ничего прекраснее городов и лесов Дартана.

— Ведь вы не умеете любить свой край. Вы его отдали. Для вас существует лишь ваше благородное происхождение, важно лишь благо вашего Дома… — с сомнением проговорила она, поджав губы. — Арены… Ваше рыцарство…

— Это примерно как если сказать про Армект, что все там ходят голые.

— Не ходят… Каждый знает, как выглядит голый человек, так что нет необходимости постоянно это скрывать, даже во время купания, ибо это глупо… Но голыми мы не ходим.

— Но ведь ходите, — возразил он. — Например, солдаты.

— Солдаты, прежде чем отправиться в бой, доверяют друг другу самое сокровенное, прощают все обиды. И тогда нагота имеет значение… — Она не договорила, увидев его улыбку.

Ведь он прекрасно знал, как это бывает.

— Понимаю, — сказала она. — Ты хочешь мне показать, что кто-то видит Армект так же, как некоторые — Дартан? Повторяя лишь то, что где-то слышал? Но у вас ведь есть эти ваши арены, для вас очень многое значит происхождение… церемонии…

— Так было. Да, и сейчас так же, и так и должно быть. Но армектанцы, навязавшие нам свои законы… порой весьма глупые законы, продемонстрировали кое-что, о чем в Дартане когда-то никто не имел понятия. Что можно по-настоящему гордиться тем, что ты армектанец или дарт.

— Дарт?

— Дартанец — это каждый, кто родился и живет в Дартане. Но я и то и другое, Каренира. В первую очередь я дарт, то есть тот, чьи предки всегда жили в этом краю. Они ниоткуда не прибыли. Когда Шернь давала людям разум, первая сознательная мысль моих праотцев зародилась где-то в Золотых Холмах, которые тогда еще никак не назывались.

— Про дартов я ничего не знала.

— У нас же о них не помнили — значение имели лишь Дома и родословные. Какой-нибудь свинопас тоже имел предков на дартанской земле, и потому именовать себя дартом означало в каком-то смысле сравняться с ним. В армектанских племенах все были воинами и все были друг другу равны, так что могли все вместе называть себя армектанцами. У нас всегда было иначе.

— Откуда ты все это знаешь? Ты очень много знаешь, — удивилась Каренира. — Как будто я слушаю Дорлана… И ты уже не боишься сравнивать себя с вашим свинопасом?

— А разве ты себя с кем-либо сравниваешь? Я не свинопас. Мой род принадлежит к числу самых знаменитых, мои предки заслужили почет и уважение, оставаясь на королевской службе. Я не боюсь никаких сравнений, с кем бы то ни было. Но именно потому я могу тебе сказать: да, я дарт, так же как и жители моих деревень. Разница заключается в том, что я — кто-то, они же — ничто. Их кровь ничего не стоит, это лишь вонючая жидкость. Ни у кого в этих деревнях не было великого предка, который сумел бы стать важной и значительной персоной.

— Ты это так понимаешь… — прошептала она.

— Супружество с армектанкой, — неприязненно бросил он, — многому учит. А больше всего — ненависти к презрению, с которым вы относитесь ко всему остальному миру. Но и помогает гордиться тем, кто ты есть. Когда-нибудь вы заплатите за нашу пробудившуюся гордость.

Байлей замолчал.

— Илара… — внезапно сказал он. — Ведь он пошел встретиться с Брулем. Он ее освободит!

Он вскочил.

— Освободит ее, слышишь?!

— Слышу. Сядь.

— Я пришел сюда за своей женой! Твой Дорлан…

— Он пошел куда-то — неизвестно куда. Поговорить о чем-то — неизвестно о чем… Известно лишь, с кем. С другим посланником. Побежишь туда со своим мечом и начнешь рубить этого посланника? — холодно спросила она. — Ты пришел сюда не затем, чтобы освободить жену, ибо это невозможно. Ты пришел, чтобы погибнуть. Но ты не погибнешь, так как встретил Дорлана и меня.

Он набрал в грудь воздуха.

— Спокойно, — предупредила она. — И не говори больше при мне «моя жена». Если хочешь, можешь говорить «Илара». Но не «моя жена» — потому что мне больно оттого, что на самом деле ею должна быть я.

18

Бруль-посланник стоял на галерее, окружавшей большой пустой зал, и смотрел на маленькую фигурку, шедшую по выщербленным плитам забавными мелкими шажками, чуть покачиваясь, внимательно глядя под ноги. Бич волочился за ней по земле.

— Я здесь, — негромко позвал он, чтобы ее не испугать. Она посмотрела вверх и просияла от радости.

— Господин?

Лицо его озарилось улыбкой, он махнул рукой и спустился вниз по широким каменным ступеням. Его до сих пор удивлял небывалый размах, с которым строители шергардов возводили свои здания. Причины, по которым этот могущественный народ исчез, растворившись среди других народов Шерера, считались, возможно, самой большой загадкой мироздания.

Он подошел к Иларе, слегка обнял ее и поцеловал в лоб. Она прижалась к нему всем телом. Пальцами приподняв маленький подбородок, он заглянул в огромные голубые глаза. Она смешно наморщила нос и, совсем как капризный ребенок, сказала:

— Мне скучно, поиграй со мной.

С трудом сдержав смех, он провел пальцем по розовой щеке. Осмелев, она схватила его за палец зубами и укусила. Она не отпускала его, смеясь и жмурясь. Он шутливо упрашивал ее, страшно грозился, топал, вертел пальцем, но она была непреклонна.

— Ну и что мне с тобой делать? — наконец спросил он.

Она покачала головой.

— Ничего? Совсем ничего? Так и будешь меня держать целую вечность?

Внезапно она посерьезнела и, глядя ему в глаза, медленно кивнула. Это его растрогало. Повинуясь какому-то странному порыву души, он сказал:

— Вижу, дочка, что сегодня твой день. Проси что хочешь. Я все сделаю.

Она отпустила палец и посмотрела на него со столь серьезным видом, какого он прежде у нее не встречал.

— Правда?..

— Правда.

Она наклонила голову и тихо, очень тихо сказала:

— Чтобы… не бить псов.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Как это тебе пришло в голову? А? Дитя мое!

Подбородок ее дрогнул.

— Я знаю… что нужно их бить… Ты мне объяснил, господин. Но… но объясни теперь, что больше не надо! Пожалуйста…

Он внезапно нахмурился. Происходило нечто странное. Неужели формула послушания ослабла? Нет, этого не может быть. Но как тогда… Каким образом она понимает, что именно от него зависит, что необходимо, а что нет? Что только по его воле необходимо бить псов… или не бить.

Он посмотрел на ее склоненную голову. Неужели она плачет? Почувствовав, как

болезненно сжалось сердце, он осознал очевидную истину, от которой до сих пор пытался бежать: он испытывал к этому созданию отцовские чувства, или, может быть, лишь подобные им — ведь он не знал, что такое отцовское чувство… Но она явно была ему небезразлична. Она уже давно перестала быть лишь орудием, необходимым для выполнения определенной работы. В ушах у него со всей силой зазвучал вопрос, который он постоянно откладывал на потом: что он станет делать с этой беззащитной малышкой, когда она уже больше не будет ему нужна? Станет ли он всю оставшуюся жизнь заботиться о полубезумной рабыне, ненужной, обременительной, более не вызывающей никаких чувств, кроме угрызений совести? Или освободит ее и отправит куда-нибудь, сперва лишив памяти? Есть ли у него на это время?

Естественно, нет. Времени ему не хватало больше всего.

— Да, дитя мое. Я ошибся. Псов больше не надо бить.

Ошеломленная неожиданным согласием, она долго смотрела ему в лицо.

— Пра… правда?

— Да, дитя мое. Правда.

Внезапно она прижалась к нему столь крепко, что у него перехватило дыхание. Он снова рассмеялся, но смех его уже не был полностью искренним. Вернулись сомнения. Каким образом лишенная воли девушка могла просить отказаться от того, что в ее понимании было столь же неизбежно, как дыхание или еда?

— Ну хорошо, — сказал он. — Можешь меня не благодарить.

Он погладил ее прекрасные черные волосы, тронутые узенькой полоской седины — особый знак, символ другой, чуждой силы, висящей над рубежами мира. Басе-крегири, властительница мира, армектанка. Знак этот был у нее всегда — ее благословение или, может быть, в большей степени его благословение, поскольку для нее он был скорее проклятием.

Он мягко отодвинул ее от себя и еще раз поцеловал в лоб.

— Ну, иди, — сказал он. — Я хочу побыть один.

Она хотела нагнуться за лежащим на полу Бичом, но он ей не позволил. Он сам поднял его и вложил в ее маленькую ладонь.

— Иди, иди…

Он остался один. Постояв в задумчивости, он начал ходить вдоль стен.

Происходило что-то странное. Внезапно он осознал, что с какого-то момента вокруг ощущается странная, чужая аура. Что же это? Наверняка ничего хорошего, нужно быть бдительным. Остерегаться.

Но чего?

Он поднял голову, потом снова опустил ее и снова стал ходить. Формула послушания не ослабла, поскольку это было невозможно. Она была попросту разрушена. Скоро Илара освободится полностью.

— Дорлан-посланник, — тихо сказал Бруль. — Отвергнутый Мудрец вернулся к Шерни. Мне следовало догадаться. Приветствую тебя, Дорлан, в моем доме.

Дорлан медленно спустился с галереи, по тем же ступеням, которые до этого напомнили Брулю о шергардах.

— Приветствую тебя, Бруль, — ответил он. — Я не вернулся к Шерни. Я не знаю, приняла ли она меня обратно.

— Это невозможно, мастер. Ты сам должен знать.

— И я так считал. Однако — не знаю. Мне кажется, что Шернь приняла меня… условно. Что-то должно случиться. Или, может быть, чего-то я должен избежать.

— Приняла условно? О чем ты говоришь, мастер? Разве можно быть живым условно? Или мертвым условно. Посланник условно? Ты либо таковым являешься, либо нет.

— Мне кажется, мой мальчик, ты понимаешь, на каких основаниях Шернь признает нас своей живой частью?

Смысл слов почти ускользнул от внимания Бруля, поскольку Дорлан не заметил, что

назвал его мальчиком… Старый учитель на мгновение забыл, что в Шерере, кроме Ромого-Коор, прошли века с тех пор, как он демонстрировал своему ученику первые законы, зафиксированные в Книге всего…

— Я старик, мастер, — мягко сказал он. — Можешь и дальше называть меня «мой мальчик», ибо это пробуждает самые лучшие воспоминания из всех, какие у меня есть. Но помни, что это лишь слова, поскольку сегодня я старик, как и ты. А теперь отвечу: да, мне кажется, мастер, что я понимаю, на основании чего Шернь признает нас символом своей сущности. Знание о том, кто мы, зиждется на предположении, что мы такие же, как и она сама. Иначе вообще было бы неизвестно, чем или кем мы являемся. Или ты сейчас скажешь, что, в сущности, никому не известно, являются ли люди людьми, поскольку, возможно, их вообще нет, а есть лишь разумные порождения лишенных разума Полос?

Дорлан присел на одну из каменных ступеней шергардов.

— Я пришел поговорить с тобой, но не об этом, — устало проговорил он. — Но уже с самого начала разговора стало ясно, что я отправился не к тому, к кому следовало… В самом деле, Бруль, ты старик, как и я.

Последовала короткая пауза.

— И чему это мешает?

— Я пришел, чтобы передать тебе итоги своих трудов. Мой вклад в Книгу всего давно завершен, и ты знаешь об этом лучше, чем кто бы то ни было. Но в последние годы я занимался историей Шерера, точнее, той ее частью, которая оторвана от Шерни. Я пришел, чтобы рассказать своему бывшему ученику, где найти все мои записи. Я хотел сесть вместе с тобой и поведать о нескольких открытиях, которые я совершил. Но запомнил я именно ученика, а нашел такого же, как я, старика, который может умереть даже раньше меня. Каким образом ты мог бы стать исполнителем моего завещания? Неужели каждый учитель, — с горькой усмешкой спросил он, — до конца своих дней помнит ученика сорванцом, к которому он привык обращаться «мой мальчик»?

— Возможно, так оно и есть… Я никогда никому не передавал знания о Шерни, Дорлан, поскольку ты сам велел мне этого не делать.

— Может быть, я ошибался, и было время, когда я не скрывал от тебя своих сомнений. Но я всегда считал, что учитель должен передавать ученикам одни факты, предоставив им возможность самим делать выводы. Ты же, мой мальчик… — Дорлан улыбнулся, заметив, что вновь поддался старой привычке, — ты же, мой самый способный ученик, всегда чересчур смело строил гипотезы, слишком много истин отрицал, и хотя столь беспокойный разум весьма ценен на пути познания, но не у учителя. Не у учителя. И потому я предостерегал тебя перед выбором пути, на который, как я считал, тебе вступать не следовало.

— Многое изменилось, Дорлан. Сегодня именно ты приходишь ко мне и подвергаешь сомнению фундаментальные истины.

Старый мастер покачал головой.

— Именно так. Но поговорим все же о тебе. Когда-то ты прислал мне записки, которые… скажу прямо… показались мне записками безумца.

— И что же в них было безумного?

— В них одно противоречило другому. Ты писал как о необходимости воспитать преемника, который будет посланником еще в утробе матери, так и о сверхсуществе, воплощающем в себе две соперничающие силы, Шернь и Алер. Первое само по себе звучит достаточно безумно, второе — тем более. Тот, кто подобен самой Шерни, не может предполагать, что призовет на свет существо, которое станет лишь его преемником. Очень редко оказывается, что это вообще человек… Ты об этом знаешь не хуже меня.

— Знаю! — резко бросил Бруль. — Я знаю, что будет так, как я сказал! Не спрашивай, откуда я это знаю, ибо тебе этого не понять, мастер!

Дорлан немного помолчал.

— Позволь, Бруль, тебе не поверить. Твои слова ничего не значат. А если даже

действительно все так, как ты говоришь, то намерение воспитать преемника-посланника, то есть живую часть и символ Шерни, полностью противоречит намерению призвать существо, соединяющее в себе обе враждующие силы. Значит, ты полагаешь, что твоя цель — примирить воду с огнем, Бруль? Ты, именно ты, сделаешь так, что две противостоящие друг другу силы примут одно и то же существо и признают его своим, символизирующим сущность каждой из них? Это безумие. Это безумие, не побоюсь сказать.

— Повторяю — тебе не понять, мастер, того, что знаю я! — В голосе Бруля чувствовался нарастающий гнев. — Знаю! Точно так же, как я знаю, что живу и дышу, мыслю, осознаю существование Шерни — то есть существую и чувствую! Но я понимаю, зачем ты пришел на самом деле, и ты меня не обманешь. Ты хочешь ее у меня отобрать!

— Что или кого я хочу у тебя отобрать?

— Басе-крегири. Армектанку, зачатую под небом Алера.

— Значит — так тому и быть! — сказал Дорлан, вставая с каменной ступени. — Я уже все понял. Да, несчастный безумец, я отберу ее у тебя, если сумею. Но не затем, чтобы помешать твоим планам, которые и так закончатся ничем. Ко мне пришел муж этой женщины. Человек, который ради ее спасения переступил через самого себя.

— Скажи, мастер, — негромко спросил Бруль, — почему тебя волнуют подобные мелочи? Я должен поверить, будто ты явился ко мне из глубины Шерера, чтобы вернуть кому-то его жену? Ты называешь меня безумцем, но безумие — скорее то, что ты говоришь! Нет, мастер, я знаю, зачем ты пришел! Да, ты хочешь забрать ее у меня, но для того, чтобы мое дело никогда не было доведено до конца.

— Ты обвиняешь меня во лжи, Бруль, а это — уже чистое безумие. Зачем мне лгать? От страха?

— Хочешь со мной сразиться, мастер?

— Нет. Но если потребуется — буду сражаться. Я не нашел здесь наследника моих исторических знаний, ибо утратил чувство времени и найти его не мог. Безумия твоего я тоже не излечу. Так что, может быть, я хотя бы освобожу эту несчастную армектанку и верну ее мужу, который ради нее победил противника куда более могущественного, чем сами Тяжелые горы — собственную слабость.

— Еще никогда в истории двое посланников не выступали друг против друга с подобных позиций, — неожиданно спокойно сказал Бруль. — Пусть даже я безумец. Но в своем безумии я пытаюсь проникнуть в тайну висящих над миром сил, в чем и состоит мое предназначение как лах'агара. С другой стороны — ты, Дорлан, готов использовать мощь Полос не для открытий и познания, но вопреки правящим миром законам. Ты хочешь использовать Шернь для борьбы с созданным ею равновесием? Ты отрицаешь законы всего?

— Не знаю, посланник ли я, — в очередной раз за день отметил Дорлан. — Чтобы в этом удостовериться, я должен что-то совершить или, может быть, чего-то не совершать… Возможно, речь идет именно о том, о чем я тебе только что сказал.

— Сделай выбор — откажись от своих намерений!

— Предпочитаю действовать.

— Прошу тебя, мастер, не вынуждай меня к схватке, которой я не хочу!

— И я не хочу. Отдай мне девушку.

— Нет, Дорлан.

— Тогда сразись со мной.

— Я не хочу за это сражаться, мастер. Твои доводы не стоят даже многих посланников, даже многих! Ты думаешь о схватке? То, зачем ты пришел, — не дело посланника, это дела обычных людей, и они должны их решать. Пусть муж этой женщины явится за ней — это его право, и в чем-то оно справедливо!

— И тогда ты ее ему отдашь?

— Нет, она нужна мне самому! Но его доводы я признаю, в то время как твоих признать не могу!

Дорлан протянул руку.

— Вот мой довод, — сказал он. — Пусть Полосы Шерни решат, является ли мой путь путем посланника.

В его руке блеснул длинный белый клинок — оружие, как две капли воды похожее на меч короля гор.

— Тарсан, древнее оружие шергардов, — сказал Бруль, отступая на шаг. — Что ж, хорошо, будем сражаться оружием шергардов в возведенном ими здании.

Он вытянул руку, и в ней тотчас же появился узкий черный клинок.

— Вот мой довод, Дорлан. Ты готов проиграть? Пусть же Полосы признают правоту того, кто этого заслуживает.

Даже не притворяясь, будто наносит настоящий удар, он выставил оружие перед собой и позволил мечу противника его коснуться. Белый клинок мгновенно почернел. Бруль вытянул левую руку; меч Дорлана вырвался из его руки, взмыл в воздух и лег прямо в левую ладонь хозяина старой крепости.

— Если бы ты вел со мной спор с позиции посланника, — без какого-либо торжества, но с неподдельной грустью сказал Бруль, — исход схватки мог бы быть другим. Но ты поставил себя в позицию обычного человека, и Полосы снова тебя отвергают. Ты не стал снова посланником, Дорлан. Уходи, прошу тебя.

Он уронил черные мечи на пол, и они громко зазвенели. Неожиданно Бруль присел и встал, в последний раз отдавая честь своему учителю.

— Может, я и безумец, но не в большей степени, чем мудрец Шерни. Уходи, мастер. Твой труд велик, но он завершился раз и навсегда. Теперь ты уже не знаешь, что такое Полосы, и не можешь быть живым символом их неодушевленной сущности.

Дорлан молча поклонился — и ушел.

Она ласкала их, задыхаясь от рыданий, обнимала за лохматые шеи, дрожащими пальцами, сдавленно всхлипывая, гладила огромные уши… Псы стояли неподвижно, не пытаясь убежать, но и не отвечая на ее ласки. Давясь слезами, она поняла, что уже никогда больше не сможет поиграть с псами — ибо она предала их, и теперь они ждали от нее незаслуженного наказания. В любой момент она могла снова причинить им боль, без какой-либо причины — ведь они не понимали, что тогда причина была, и весьма важная. Они стояли как камни, холодные и неподвижные. Не в силах этого вынести, все еще плача, она вскочила и тяжело побежала, размазывая слезы на щеках кулаком, в котором судорожно сжимала Бич.

Ее охватила чудовищная, страшная жалость, которая, казалось, схватила ее за горло и держала, держала… держала. Жизнь снова оказалась неприязненной и враждебной, так же как тогда… В памяти начали всплывать обрывки воспоминаний, которых еще мгновение назад не было: Дартан и Армект… какой-то мужчина, близкий и далекий… Она пыталась удержать воспоминания, но они тут же исчезли, словно испугавшись.

Наконец она остановилась, не в состоянии бежать дальше. Она села на землю и, шмыгая носом, уставилась в одну точку.

Внезапно она поняла, где находится, — и перепугалась. Бруль показывал ей это место, странный, сложенный из достигавших до пояса камней лабиринт, приказав, чтобы она никогда по нему не ходила. Она хотела встать и уйти, но внезапно ей пришло в голову, что, в конце концов, не каждое слово Бруля должно быть для нее священным. Впрочем, она ведь не заходила за камни. Она просто была рядом, только и всего.

Она посмотрела на небо, ясное, как всегда в краю. Вытирая с лица остатки слез, она ощутила усиливающийся ветер, горячий и душный, что бывало нечасто.

Наконец она встала, намереваясь вернуться в руины, которые Бруль называл домом.

Но был ли это дом?

Она успела сделать лишь несколько шагов…

Все произошло столь неожиданно, что она пришла в себя лишь тогда, когда окровавленный Бич ласково обвился вокруг ее ноги, словно заверяя о своей могущественной

опеке и прося награды. То, что он убил на границе между тенью Полос и светом, уничтожало своей смертью песок, поднимало клубы горячего воздуха, превращая их в шары ледяного огня. Она отшатнулась, объятая страхом, какого никогда еще не испытывала, нечеловеческим, несусветным, который передавался ей прямо от издыхающего стража края. Она не понимала, что она чувствует и видит… и чувствует и видит ли ЭТО вообще. Сердце отчаянно колотилось, ей было душно… душно, душно! Тело внезапно свело болезненной судорогой.

Она сделала шаг и медленно опустилась на колени, прижав руки к вздувшемуся животу. В глазах потемнело. Чудовищная боль нарастала. Она вскрикнула, потом еще раз и, скорчившись, упала на бок.

— Бруль! Бруль! А-а-а!..

Ребенок был мертв.

Байлей и Каренира видели на востоке белые молнии и клубы пурпурного дыма, но не признали в них страшного гнева, горя и отчаяния Бруля. Ребенок был человеком, без каких-либо уродств, обычным, человеческим новорожденным, возможно, носившим в себе могущество двух сил, висящих над миром. Но он был мертв.

Черное побережье узнало гнев мудреца Шерни, который — вопреки всему, что недавно говорил своему бывшему учителю, — использовал силу Полос для мелких человеческих дел, давая выход ненависти, отчаянию и ярости. С гулом и грохотом взлетали в воздух целые холмы, фиолетовое пламя металось по широким пляжам, выжигая отмели и испаряя соленую морскую воду. Чудовищные обитатели Ромого-Коор гибли десятками — раздавленные, сожженные, разорванные между судорожно отступающей тенью Полос и сиянием света. Более слабые Брошенные Предметы трескались, плавились от жара, горели, превращались в прах…

Где-то в глубине материка над равнинами края прокатился глухой, жуткий крик, поднимая песок и пыль.

Затронутая катаклизмом старая крепость шергардов, столетия стоявшая там, где ее возвели, начала рушиться. Остатки старых башен и стен с грохотом исчезали в клубах пыли; трескались полы в темных залах. На подпиравших потолки колоннах появлялась черная сетка трещин…

Потом наступила тишина. Пыль медленно оседала, но посреди ее клубов отчетливо вырисовывалась фигура идущего со склоненной головой старика.

— Бруль! Бруль, останься, умоляю! Не бросай меня! Бруль! Бруль!

Он не оборачивался. Новые клубы пыли полностью скрыли его из виду.

— Бруль!!!

У нее не оставалось сил даже для того, чтобы ползти за ним следом. Слезы прочертили на сером от пыли лице кривые дорожки. Она еще раз приподнялась на руках, но тут же упала на холодные плиты пола, лишившись чувств.

Пыль оседала, оседала, оседала…

Тишина. Абсолютная тишина, казалось, оседала вместе с пылью, покрывая землю толстым слоем. Молчали обвалившиеся стены, молчали разрушенные башни, потрескавшиеся плиты… Вместе со старой крепостью шергардов молчало все Черное побережье. Ромого-Коор, месту, в котором Шернь находилась ближе всего к земле, предстояло долго залечивать раны, нанесенные тем, кто символизировал сущность Полос…

Илара лежала неподвижно, лицом вниз. Ее черные волосы покрывала серо-белая пыль, сделав неразличимой седую прядь. Она лежала долго. Лишь вечером, когда туманная пыль сменилась влажными сумерками, плечи девушки дрогнули.

— Бруль…

Она медленно, тяжело села. В воздухе заклубилась стряхнутая с волос, спины и плеч пыль. Обхватив голову руками, она снова прошептала:

— Бруль…

Никто не ответил. Она снова заплакала. Веснушки на маленьком, покрытом пылью лице побледнели, нос покраснел. Она беспомощно утерла его рукавом и, продолжая плакать, встала. Она шла медленно, неровно, пошатываясь и прикусив губу, держась за стены.

Она выбралась из руин и остановилась.

Ей некуда было больше идти.

И у нее никого не было. Ни ребенка, ни Бруля… Никого. Она осталась одна на свете.

Ребенка не было.

Отчаяние душило ее. Из-под опухших красных век скатились последние слезы. Она опустилась на землю, еще раз судорожно всхлипнула — и снова застыла неподвижно, борясь с болью во всем теле и пытаясь найти причину, по которой ей стоило бы жить.

Но не нашла. Ребенка у нее не было.

У нее не было никого. И ничего.

19

Старик умер вечером.

В эту ночь они впервые любили друг друга. Он любил ее, словно безумный, — и при этом почти ненавидел. За то, что ее любит, что должен ее любить, за то, что она отобрала у него Илару, за то, что растоптала священную цель его путешествия. Он ненавидел ее за то, что она разрушила иллюзии, которые он носил в себе столько лет, за новую, настоящую любовь, которая заняла место той, ненастоящей. Он желал ее тела, желал ее всю — ее сердце, душу, разум. Это было подло и низко, так низко по отношению к той, чистой теперь, как сама идея любви. Илара была для него долгом и потому чем-то возвышенным. Он пренебрег своим долгом, чтобы угодить телу и сердцу.

Они похоронили Старика, и никто из них даже не заплакал, хотя он был их другом и она называла его «отец». Когда он вернулся, он казался маленьким, беспомощным и никому не нужным… Они не восприняли как должное его смерть, ибо тот Старик, который утром ушел в сторону солнца, — Великий Дорлан-посланник, не имел ничего общего с тем, которого они похоронили. Он должен был где-то жить, он не мог просто так вернуться — слабый, дрожащий, согбенный. Дряхлый старик, лежащий теперь в могиле, был ничем. Никем и ничем, словно бездомный бродяга.

Они дали волю своей дикой страсти — почти на самой могиле, с еще грязными от земли руками. Ошеломленные, почти в ужасе, они спешили так, словно это был последний раз. Она кусала его за губы, язык, за все лицо, он же тянул ее за волосы, словно хотел вырвать их все с корнем. Она кричала от боли сквозь его собственные крики, поскольку то, чем они занимались, скорее напоминало пытки, чем что-либо иное. Жесткий песок сдирал кожу с ягодиц и спины то ей, то ему; она вцепилась в его бедра руками и лодыжками, не позволяя оторваться от нее, словно он мог уйти навсегда. Он приподнял ее раз, другой, сплетясь с ней в тесных объятиях, чтобы потом снова бросить на землю, прижать грудью и душить всем своим весом. Они уже не кричали, лишь стонали — глухо, протяжно, болезненно…

До самого конца.

Потом — тяжело дыша от боли и чувствуя онемение во всем теле — они ждали, когда придет сон. Наверняка последний… вместе.

Заснул только Байлей. Она — не могла.

Она лежала с открытыми глазами, полуобнаженная, в разорванной юбке, и смотрела в небо, такое же, как над ее Армектом. Она узнавала яркие звезды, знакомые с детства. Им было все равно, над какой страной и для кого светить…

Она искала в памяти названия созвездий, ведущих конных лучников через равнины. Топор — концом рукоятки указывающий на север… Конь… Лук и Стрела… Волк…

Она встала и тихо оделась.

Быстрым, стремительным шагом она преодолевала пространство. Для мускулистой горной козы, бегом пересекавшей склоны и прыгавшей по острым скалам, ровное открытое поле было словно воздух после глубокой воды. Оно не оказывало никакого сопротивления, сдаваясь почти без борьбы. Колчан ритмично ударял по бедру, лук покачивался за спиной. В темноте слышалось ее ровное, глубокое дыхание.

Она освободит дли него Илару. Отдаст ему. И уйдет…

Вскоре она добралась до полосы пологих, невысоких холмов, за которыми прошлым утром скрылся Дорлан. Поднявшись на вершину, она остановилась, чтобы передохнуть.

По другую сторону, залитая светом звезд и луны, простиралась очередная равнина. Каренира не сумела разглядеть на ней ничего, что могло бы быть обителью Бруля. Однако Дорлан пошел именно в ту сторону. Может быть, то черное пятно, вдали… Действительно ли там что-то было? Вспомнив молодую глупую девчонку, которая видела в темноте как никто другой, Охотница грустно покачала головой и горько улыбнулась… Впрочем, она тут же вспомнила старого легионера, который отдал все, что имел. Благодаря которому она увидела сегодня Топор… Коня и Волка… и даже едва различимые Лук и Стрелу.

Она посмотрела на небо и выбрала себе путеводную звезду.

Ноги понесли ее вниз — ровно, легко и быстро.

Она бежала, пока не наткнулась на приземистую, совершенно черную груду развалин, которая когда-то была крепостью шергардов, а потом домом посланника. Руины возвышались перед ней, все более массивные, по мере того как она к ним приближалась. Она миновала жалкие остатки каких-то строений, которые много веков назад могли быть расположившимся возле крепости городом; сложенные из серого шергардского кирпича дома не смогли устоять против времени, в отличие от возведенной из камня крепости. Однако выложенная большими плитами дорога все еще была видна. Заброшенный тракт вел прямо к воротам цитадели.

Было тихо, совсем тихо. Однако в этой тишине поверженные башни и смертельно раненные стены, казалось, беззвучно стонали. Побежденные, разрушенные, они казались еще более грозными оттого, что были мертвыми. Разлагающийся труп огромного сооружения внушал отвращение, но больше всего — страх. Каренира не знала, какие разрушения вызвал гнев Бруля, но тем не менее ей казалось, что тишина в разрушенной крепости — не совсем тишина… Она чувствовала, что не только минувшие века оставили свой след на каменных стенах.

Откуда-то посыпались остатки раскрошившейся штукатурки, а за ними — каменные обломки. Крепость все еще умирала. Перепуганная девушка замерла, а потом быстро достала лук и вложила стрелу. Прислушавшись, она медленно двинулась к большому пролому в стене, мимо ворот. Вот он, внутренний двор…

Сердце ее забилось сильнее.

Тишина.

Стены отбрасывали тень; в густом мраке она почти ничего не видела. Ей помогало чутье, выработавшееся за много лет. Она обошла двор вдоль стен, потом углубилась в самое сердце руин, выбрав, как и до этого, большую дыру в стене. Темнота еще больше сгустилась; девушка спрятала лук и достала меч, поскольку с этим оружием можно было выбирать дорогу вслепую. Несколько раз она споткнулась, обходя большие груды обломков. Потом стало чуть светлее — обвалившийся потолок пропускал свет луны и звезд. Она начала подниматься по какой-то лестнице, но, увидев, что та наполовину обрушена, вернулась.

То блуждая в кромешной тьме, то вновь пересекая островки лунного света, она проходила зал за залом, коридор за коридором. Наконец ей начало казаться, что невозможно себе представить, чтобы мудрец Шерни обитал в столь разрушенном строении. Ей не попалось ни одного хоть сколько-нибудь обустроенного места. Человек не мог жить посреди груды развалин. Она поняла, что, скорее всего, пришла слишком поздно, но вместе с тем ощутила и облегчение, в котором ей стыдно было признаться перед собой.

— Бруль! — воинственно крикнула она.

Шаг вперед.

— Бруль! Покажись! Ты же посланник, неужели ты боишься армектанской лучницы?!

Никто ей не ответил. Охотница двинулась вперед, время от времени продолжая звать. Она перепрыгнула через упавшую треснувшую колонну… но за ней не оказалось каменного пола. Девушка обо что-то ударилась, падая; крик застрял у нее в горле, потом последовал еще один удар, и она услышала звон своего меча, который выпал из ее руки и покатился по камням…

У нее была разбита голова и вывихнута нога. Она вся основательно расшиблась, и опухшая лодыжка причиняла боль при каждом шаге. Очнувшись, она довольно быстро пришла в себя, но могла лишь неуклюже ковылять, о беге и прыжках даже речи не было. Вот и конец жалкой авантюры, необдуманного поступка, на который она решилась, движимая жалостью, гневом и ощущением, что теряет своего мужчину…

Еще один шрам на голове.

Был уже день; хотя свет с трудом проникал в глубь руин, она отчетливо видела все вокруг. Ночное предчувствие ее не подвело — это были лишь развалины, и никто тут наверняка не жил.

Медленно и с трудом выбирая дорогу, избегая любых препятствий, она выбралась на двор, а потом за пределы стен. Опираясь на лук и сильно хромая, она шла вокруг гигантских руин. Наконец, устав, она присела на камень, тупо глядя на свой старый верный лук, который теперь заменял ей трость. Горько рассмеявшись, она вдруг почувствовала, как к глазам подступают слезы. Жалкое зрелище — в разорванной, помятой одежде, с разбитым носом и лбом… Какая из нее противница для посланника Шерни? Снятый с распухшей ноги сапог торчал из колчана; она пошевелила грязными пальцами. Там… где-то там спал после ночи любви мужчина, который ради своей женщины отправился в Дикий край. Он найдет ее, конечно найдет… Ее звали не Каренира. Она была не из тех, кто вынужден видеть над головой лишь громбелардское небо, бегая по величайшей груде скал на свете и чувствуя, как проходит молодость. И красота… Она поднесла руку к глазам, глядя на отвердевшие от тетивы пальцы, изуродованные ногти… На груди лежала коса, которую она не переплетала уже неделю, запыленная и грязная, даже смотреть жалко…

— Что ж, — с горечью и злостью сказала она, — тому, другому, ты тоже не была нужна, слишком легко он от тебя отказался, стоило лишь достославному коту сказать одно слово. Но чего же ты хочешь? Ты выглядишь не лучше его разбойников, а может быть, даже хуже. Ты умеешь только убивать стервятников. Мужчина? Мужчины у тебя никогда не будет.

Горечь и злость становились все сильнее.

— Впрочем, в этом нет ничего странного, — сказала она, вставая. — Кому нужна такая дура… И чего ты сюда прибежала? Честь потребовала, как же…

Поверившая, что старая крепость шергардов — вовсе не дом посланника, армектанка не сразу поняла, что перед ней. Ничего подобного она просто не ожидала. Неподвижное, покрытое пылью тело почти не отличалось цветом от столь же запыленной земли… Едва не наступив на лежащую, девушка, вскрикнув, отшатнулась; вывихнутая нога не выдержала, и лучница во второй раз за этот день расшиблась, упав на неровные камни, а потом бессильно сползла в канаву, которая когда-то была рвом. Ободранные ладони жгло; прикусив губу и борясь с желанием расплакаться, Каренира не чувствовала ничего, кроме растущей жалости, гнева и отчаяния. До нее вообще не дошло, что раз она нашла девушку, то могла бы найти и того, кто ее похитил… Карабкаясь по склону, она в конце концов добралась до подножия стены.

Вид тела мертвой женщины вновь потряс ее — она вдруг поняла, что, а вернее, кого видит. Она подползла к лежащей и с трудом перевернула ее на спину, внимательно разглядывая серые от пыли густые волосы, грязную рубашку, голые босые ноги… Она

начала осознавать, что означает смерть этой женщины.

— Так это ты… — хрипло прошептала она. — Значит, это… это была ты… Вот ты какая, Илара…

Ей вдруг показалось, будто она слышит тихий вздох или стон… Застыв неподвижно, она сглотнула слюну, потом осторожно и медленно протянула руку, собираясь коснуться губ лежащей… но тут же ее отдернула, испугавшись при одной мысли о том, что может почувствовать дыхание.

Илара снова вздохнула и слабо пошевелила головой. Лучница внезапно ощутила, будто ей самой не хватает воздуха.

— По… подожди, — проговорила она. — Я…

У нее потемнело в глазах. Схватив бесчувственную девушку под мышки, она попыталась ее тащить… но сил не хватало, вывихнутая нога напомнила о себе пронзительной болью. Охотница бессильно рванула лежащую за рубашку и, пошатнувшись, оперлась предплечьем на ее шею. Она попыталась убрать руку, но та словно окаменела.

— Подожди… — прохрипела она чужим, скрипучим голосом. — Я сейчас… сейчас… Тяжело дыша и дрожа всем телом, она не понимала, что с ней происходит. Она пыталась поднять руку, давившую на горло девушки, — но вместо этого наваливалась на нее всем своим весом. Она мысленно повторяла: «Сейчас… сейчас…» — и за каждым «сейчас» оказывалось следующее. Она все сильнее прижимала лежащую к земле.

«Сейчас… нет, сейчас…»

20

Байлей проснулся от какого-то странного предчувствия и сразу же сел. Мгновение он смотрел перед собой, пытаясь опомниться, потом огляделся по сторонам.

— Кара?

Тишина.

— Каренира?!

Ее не было. Над Дурным краем вставал туманный рассвет; если бы она находилась рядом, он бы ее обязательно увидел.

Внезапно он понял, что случилось нечто необычное… нечто страшное. Где она, куда пошла? Шернь… ведь это Дикий край!..

— Каренира! — крикнул он что было сил. — Каренира! Кара!

Он испугался — за нее, не за себя. Хотя и за себя тоже… Впервые он понял, сколь одинок и беззащитен человек в Дурном краю, когда рядом никого нет.

Только эта могила… Могила друга, смерти которого он почти не заметил.

Он вскочил и схватился за меч. Безымянный край — хотя и казавшийся тихим и спокойным — был насыщен холодом страха… того страха, который охотнее всего нападает на одиноких.

Знакомая форма рукояти вернула ему спокойствие. Он вытащил клинок из ножен и оперся на него, словно на трость. Гольд когда-то учил его, что так никогда нельзя делать. Меч, воткнутый в землю, был армектанским символом сдачи в плен; в Громбеларде считали, что без необходимости ранить горы — значит навлекать на себя несчастье…

Но здесь был не Армект и даже не Громбелард.

Байлей посмотрел на юго-восток, туда, где вечером они видели молнии и слышали грохот. Именно оттуда появился пылевой смерч, с небывалой скоростью прокатившись через равнину, — полмили ближе, и он бы унес их с собой. Именно в ту сторону, к холмам, отправился Дорлан. Опасность, которая забрала Карениру, пришла оттуда. Наверняка.

Забыв о мешке с провизией, забыв вообще обо всем, он бросился бежать. Когда из-за холмов появился край восходящего солнца, он побежал еще быстрее, словно увидев некий знак, заставлявший спешить.

Он бежал и бежал.

Оказавшись на вершине холмов, он увидел вдали черное пятно, похожее на скопление скал или, возможно, руины огромного сооружения. Дальше, позади этого пятна, простиралось море.

Он немного отдохнул, опираясь на меч, потом снова вытер пот со лба и побежал. Вскоре он увидел, что впереди действительно остатки какой-то могучей крепости. Когда-то могучей… Из всех башен, какими бы они ни были высокими много веков назад, осталась лишь одна — черная полуразрушенная культя, грозно торчавшая на фоне голубого неба.

Он снова остановился передохнуть. Однако ему тут же показалось, будто он слышит пронзительный женский крик, доносившийся со стороны руин. Нет, не показалось! Крепче схватив меч и отшвырнув ножны, он понесся быстрее ветра.

Кричала женщина, в том уже не оставалось сомнений. Пронзительный вопль раздался снова, но на этот раз его заглушили другие голоса, от зловещего звука которых дартанца бросило в дрожь — столь нечеловеческими они были.

— Ка-а-ра-а-а!!

Тяжело дыша и обливаясь потом, она со стоном бросила на каменную груду последний обломок стены и бессильно упала на нее. Ее тошнило от ужаса, отвращения к самой себе и усталости. Она чувствовала, как рот наполняет водянистая слюна с характерным вкусом. Она несколько раз закашлялась, но в желудке уже ничего не было.

Ее охватил ужас, смертельный ужас от того, что она совершила. Ей уже приходилось убивать людей. Но никогда… никогда…

Когда она наконец оторвалась от Илары, та была уже мертва. Задушенная женщина, полностью беззащитная… скорчившаяся на земле… Увидев, что она сделала, Охотница зажала рукой рот, чувствуя, как желудок подкатывает к горлу. Потом она хотела бежать, но ноги ей не повиновались; на коленях, опираясь на одну руку и продолжая другой зажимать рот, она отползла в сторону, и ее вырвало. Плача, она шептала какие-то бессмысленные слова, ибо ЭТО уже случилось, страшное и необратимое… и ничто не могло помочь, пути назад не было.

— Прости меня, Илара! — со слезами повторяла она. — Я не хотела… в самом деле не хотела… Не знаю, как так получилось…

Прошло немало времени, прежде чем она достаточно набралась сил, чтобы вернуться к мертвой девушке. Однако, увидев ее, она едва не лишилась чувств. Снова борясь с тошнотой, она оттащила хрупкое тело к стене и, чувствуя, как ком подкатывает к горлу, начала заваливать каменными обломками. Каждый камень, уложенный на чудовищную могилу, напоминал о страшной правде — она убийца. Она убила беззащитную, лежащую без сознания женщину…

Соперницу.

Она судорожно ловила ртом воздух.

Она задушила соперницу. Девушку, которую даже не знала. Теперь она лежала на ее могиле, постепенно приходя в себя.

Наконец она встала и, прикусив губу, с трудом оперлась на вывихнутую ногу. Наклонив голову, она неуклюже двинулась вперед — и замерла, чувствуя, как на нее накатывает новая волна страха. Перед ней стояли два огромных лохматых пса. Звенели оборванные цепи, а из глубины могучих глоток доносилось зловещее глухое рычание.

Он увидел их издалека — но ничего не мог поделать, кроме как кричать и бежать. В конце концов он добежал, едва не лишившись чувств от ужаса и усталости, и все оставшиеся силы вложил в два удара мечом; клинок обрубил могучую лапу, а потом лязгнул о позвоночник. Второй чудовищный зверь метнулся к нему, но он успел подставить острие, и пес напоролся на него… Меч пробил горло. Сражаясь с тварью, которая даже в агонии пыталась до него добраться, прижатый к земле тушей, превосходившей весом взрослого человека, он последним усилием отвоевал себе жизнь. Из пронзенной клыками руки текла

кровь, но он не чувствовал боли, отталкивая громадный труп в сторону. Байлей бросился к неглубокой пещере среди груды обломков, из которой торчала изгрызенная нога в разорванном в клочья кожаном сапоге. Он кричал как безумный, вытаскивая девушку из укрытия, которое, как он полагал, стало для нее последним. Он не знал, что делать с изуродованными ногами и руками, как остановить кровь, идущую из прокушенного бока, и лишь плакал от бессилия.

— Ради Шерни… Кара… Каринка…

Держа ее безвольную голову на коленях, он, словно слепой, коснулся пальцами разбитой макушки и исцарапанной щеки. Отрывистый, приглушенный стон и хрип стали для него самыми прекрасными звуками, которые он когда-либо слышал.

— Подожди! — крикнул он. — Ради Шерни, подожди… Подожди! Слышишь?! Я здесь… здесь… Подожди…

Не переставая упрашивать ее подождать, он дрожащими руками срывал доспехи, рвал на длинные неровные полосы рубашку, штаны… Он просил, умолял, успокаивал ее и перевязывал раны — так быстро, так аккуратно и, несмотря на дрожь в руках, так ловко, словно всю свою жизнь только этим и занимался. Наконец он закончил и попытался привести ее в чувство, но безуспешно.

Нужна была вода.

У него не было ни капли. Бурдюк, провизия — все осталось в Мертвом Пятне, вместе с остальными вещами.

Он нашел еще одну пещеру, подобную той, где искала спасения девушка, — на то, чтобы отыскать действительно безопасное укрытие, у него не было времени. Отнеся ее туда, он завалил вход большими камнями, поскольку не знал, нет ли поблизости других псов. Потом разорвал остатки одежды и побежал искать колодец. В цитадели должен был быть колодец. Если в этой крепости кто-то жил, пусть даже Бруль-посланник, он наверняка не обходился без воды.

Вскоре он вернулся бегом, с комком мокрых тряпок в руках, и выдавил немного грязной воды ей в рот, а потом влажной тканью начал смывать кровь с ее лица. Потом снова побежал к колодцу — и вернулся.

Потом снова побежал. И снова вернулся.

ЭПИЛОГ

Место, где она очнулась, напоминало спальню какого-то безумного старьевщика… Спальню, которую покидали в страшной спешке — из многочисленных сундуков забрали лишь некоторые вещи, остальные бросили. Морщась от боли, которую ощущала всем телом, она осторожно поворачивала голову, окидывая взглядом комнату.

Она лежала на довольно удобной и широкой постели, накрытая мягкой вышитой тканью, какую делали в Дартане. Повсюду виднелись сундуки… какие-то полки… У окна — стол и большое кресло.

Через полукруглое окно падал дневной свет. Слышались крики чаек — значит, рядом море…

Она находилась в крепости Бруля-посланника.

В одно мгновение вернулись воспоминания. Застонав, она закрыла глаза, схватившись за голову. К глазам подступили слезы. Услышав скрип двери, она в ужасе приподнялась…

— Что ты делаешь?! Не двигайся, лежи!

Ни голос, ни лицо, которое она увидела, не принадлежали зловещему мудрецу Шерни. Едва сдерживая рыдания, она протянула руки — но неожиданно отшатнулась и сжалась в комок.

— Нет, — глухо сказала она. — Не прикасайся ко мне… Не прикасайся…

— И тем не менее — прикоснусь, — решительно сказал он. — Прикоснусь точно так же, как прикасался пять долгих дней. Взамен же требую лишь одного: ты должна лежать и не

мучить себя. Раны очень глубокие и, хуже того, рваные. Они могут открыться. Ты же не хочешь, чтобы остались уродливые шрамы?

Она испуганно смотрела на него. Вид у нее был покорный и несчастный.

— Эти мази творят настоящие чудеса, — помолчав, добавил он с несколько двусмысленной улыбкой, показывая на небольшие глиняные сосуды. — Я не сразу решился ими воспользоваться… но, к счастью, воспользовался. Вскоре ты будешь здорова, Охотница.

Она сглотнула слюну и снова закрыла глаза. Он ни о чем не знал.

— Эти мази! — снова восхищенно повторил он. — Видишь? Он показал на предплечье. — После укусов не осталось ни следа! За пять дней!

— Где мы? — тихо спросила она. — Ты спас меня от… псов?

— Я успел. И что тебе только в голову пришло… Нет, ничего не говори, — с искренним раскаянием сказал он. — Потом у нас еще будет время. Отдыхай. Выздоравливай побыстрее, сейчас только это имеет значение.

Она почувствовала, как он взял ее руки в свои и, хотя она пыталась слабо сопротивляться, поднес к губам.

— Я очень тебя люблю, — серьезно и совершенно спокойно сказал он. — И у меня нет никого, кроме тебя.

У нее перехватило дыхание.

— Я тоже тебя… тоже тебя люблю, — со слезами на глазах ответила она; до сих пор она никому такого не говорила. — Но…

Она замолчала, не в силах признаться в том, что совершила. Но он… знал, наверняка знал. «У меня нет никого, кроме тебя…»

— Отдыхай, — сказал он. — Мы в старой крепости на берегу моря. Здесь когда-то был дом Бруля-посланника, мы находимся в его комнате, — задумчиво добавил он.

— Я его здесь не нашла.

— Знаю. Он был тут и говорил со мной.

Она не могла поверить.

— Ты говорил… с Брулем?

Внезапно у нее потемнело в глазах; для подобных волнений она была еще чересчур слаба.

— Илара умерла, — услышала она и замерла в болезненном ожидании. — Я знаю о том… от него.

Она услышала собственный голос:

— Ты ему веришь? Что он тебе сказал?..

— Не сегодня, Каренира. Отдыхай.

— Скажи. Что он тебе говорил?

Байлей глубоко вздохнул.

— Он пришел сюда совершенно открыто. Я готов был броситься на него с мечом, но он меня остановил… остановил одним лишь жестом. Я не мог сражаться, хотя и очень хотел. Он сказал… — Байлей снова вздохнул. — Сказал: «Я не позволю себя убить, господин, а ты тоже не ищи смерти, ибо вижу, что у тебя есть ради кого жить. Я виноват перед тобой в том, что забрал у тебя жену, но ее ждало великое предназначение. Теперь все это уже неважно». Так он сказал, а я спросил, что с ней стало. С Иларой.

— И тогда… — почти беззвучно шевельнула она губами.

— Сперва я ничего не узнал. Я боялся… — Байлей сглотнул, — что он с тобой что-нибудь сделает, а я не мог этому помешать, не мог вообще пошевелиться; он сначала долго тебя разглядывал, а потом осмотрел раны. Он нашел мази, вот эти, и велел мне их применять. Тогда я снова спросил про Илару. Он сказал… сказал, что ее убила собака, королевская сука из своры, ревновавшая ее к хозяину. Но, сказал он, поскольку это всего лишь собака, винить нужно человека, которому не хватило ума проследить за любившими его существами.

Лежавшая на постели женщина побледнела и поднесла руки ко лбу.

— Потом он забрал несколько своих книг и… ушел. Прошло четыре дня, но мне до сих

пор кажется, словно все это случилось только что. Я помню каждый его жест и каждое слово, — сказал он, нахмурившись и глядя в окно.

Снова повернувшись к девушке, он быстро встал.

— Как ты себя чувствуешь… О, Шернь! — испуганно проговорил он. — Зря я об этом…

— Нет, не зря, — прошептала она. — Бруль…

Она прикусила губу, а потом сказала:

— Нет, ничего.

Королева Громбеларда

1

Она возвращалась.

Перевал Стервятников! О, во имя всех дождей… «Покоритель», паршивый постоялый двор, с незапамятных времен стоящий на тракте, ведущем из Армекта и Дартана к сердцу Громбеларда, был бессмертен и вечен, как сами горы и, наверное, как сам Громбеларда.

Перевал Стервятников… Стервятника здесь не видели ни разу. Даже одного. Даже совсем маленького.

Но так или иначе, именно с этого места, с перевала Стервятников в Узких горах, начинался настоящий Громбеларда.

Она продолжала сидеть в седле, посреди просторного подворья, обнесенного частоколом, вдоль которого стояли купеческие повозки. Их было много. Большой караван. Может быть, даже два?

Она открыла было рот — и тут же его закрыла, внезапно отдав себе отчет в том, где находится. Громбеларда. Громбеларда, во имя всех туч на свете! Здесь не Дартан!

— Ждешь, что какой-нибудь слуга подбежит к твоей лошади? — громко и удивленно спросила она. — О, ваше благородие… — продолжала она, — так ты можешь ждать до вечера. Никто не придет.

Она соскочила с седла и повела лошадь в конюшню. Там она расседлала коня, положила сена в нечто, больше напоминавшее гроб, нежели ясли или корыто, потом еще немного постояла в раздумье.

Зачем ей лошадь? Может, лучше продать ее прямо здесь? Корчмарь возьмет. Наверняка за гроши, но возьмет. Правда, она хотела ехать в Громб, но теперь подумала, что дорога ей уже наскучила… Особенно такая дорога. Эта дорога. Может быть, сразу отправиться в горы? А с этой дартанской клячей… лучше уж верхом на собаке!

«Дартанская кляча» была чистокровным тонконогим жеребцом с Золотых Холмов. Стоил он втрое дороже обычного. Однако такой конь-магнат хорош был, может быть, для прогулок по улицам Роллайны. В горах она предпочла бы тягловую лошадь, коренастую, крепкую, сильную и неизбалованную.

— Нет, — снова вслух сказала она. — Ты собиралась ехать в Громб! В Громб и поедешь. А может быть, до самого Рахгара? Была когда-нибудь в Рахгаре? Не была. Ну так поедешь. Поглядишь на «убийц».

В Рахгаре был единственный во всей империи отряд гвардии, состоявший исключительно из котов. «Убийцы из Рахгара». Столь звучное имя они вполне заслужили.

Внезапно она осознала, что к ней вернулась привычка разговаривать сама с собой. Когда-то, в одиночку путешествуя по горам и порой целыми неделями не видя живой души, она разговаривала сама с собой постоянно. Но потом, в Дартане…

Она медленно сплюнула при одном лишь воспоминании. Балы и пиры, пиры и приемы, приемы и балы… Единственное, чего ей недоставало в Роллайне, — минуты покоя, одиночества. Уж всяко не разговоров.

Но теперь она была в Громбеларде…

Она забросила на плечо дорожный мешок, на другое — колчан. Старый добрый лук. Довольно большой — поставленный на землю, он доставал ей до подмышки. Она слышала что-то о том, что у гарранцев когда-то, еще до войны с империей, были луки в человеческий рост и даже больше. Интересно, тоже тисовые? Ясеневые, ореховые? Из вяза? Наверняка они обладали немалой силой. Но здесь, в горах, под нескончаемым дождем, от такой… катапульты мало было толку. Лазить с этим по скалам? А как его уберечь от влаги? У нее и со своим луком уже хватало хлопот, налуч был толстым и тяжелым как доска, из тройного слоя кожи, лишь бы только вода не попадала внутрь. И он закрывал всю тетиву, вместо того чтобы доставать до половины лука, как обычно.

«Покоритель» был особым постоялым двором — вероятно, единственным во всем Громбеларде сохранившимся за пределами городских стен. Когда-то были и другие, но их сожгли разбойники. «Покоритель» же стоял непоколебимо. Неподалеку был Рикс. Коменданты Громбелардского легиона в Риксе очень заботились об этом притоне у ворот провинции. Военный патруль почти каждый день гостил на перевале Стервятников. Да и корчмарь держал при себе пару ребят, знавших, что такое арбалет. Он мог себе это позволить; если полусгнившая халупа и выглядела так, как выглядела, то вовсе не оттого, что владелец ее страдал от недостатка гостей и был беден. О, во имя Шерни, пожалуй, не было путника, который не развлекся бы здесь, направляясь в Тяжелые горы или оттуда возвращаясь! А уж тем более — купцы со своими повозками. Последний постоялый двор по дороге в Рикс, Бадор, Громб и Рахгар. Порой они засиживались здесь и по три дня. Те же, кто ехал в Армект и Дартан, чинили здесь разбитые на горном тракте повозки, заново подковывали мулов и лошадей… У оборотистого корчмаря была и кузница, а как же… И лавочка со всем, что может понадобиться в путешествии. Обширный частокол защищал маленькое укрепление, насчитывавшее не так уж мало обитателей.

Интересно, была ли у них тут какая-нибудь местная шлюха? Дочка трактирщика, наверное…

В большом зале внизу не было стойки, как в дартанских трактирах и в некоторых армектанских. Была лишь дверь в соседнее помещение, завешенная какой-то облезлой, похоже, собачьей шкурой. К этой двери подходили и стучали кулаком в стену. Тогда голос из-за вонючей шкуры спрашивал: «Чего?» Ей хорошо было это известно.

В зале было необычно много народу. Четверо солдат (несколько бандитского вида), пара купцов, десятка полтора купеческих слуг, еще несколько путников… Она с трудом нашла свободное место — рядом со спавшим, уронив голову на руки, детиной, от которого несло как от свиньи. За этим же столом сидели и солдаты — мягко говоря, под хмельком. Подобное бывало редко. О легионерах много чего говорили, но в питье они обычно умели соблюдать меру. По очень простой причине: за пьянство на службе могла грозить даже виселица. В войско никого силой не тянули, желающих хватало. Но если уж кто-то пришел, то должен был запомнить, что имперскому солдату можно, а о чем он даже думать не вправе.

Она положила сумку на лавку, раздумывая, не оставить ли и лук (поскольку хотела позвать трактирщика, чтобы он принес чего-нибудь поесть). В конце концов она решила, что присутствие солдат, пусть даже и в подпитии, гарантирует неприкосновенность ее вещей.

Она двинулась через заполненный народом, шумный зал, но корчмарь уже появился сам, ловко неся четыре оловянные миски, полные мяса, а под мышкой — немалых размеров бутыль. Все это он поставил на один из столов, недалеко от нее. Она подошла к нему.

— Я сижу там, — показала она пальцем.

Он поднял голову и кивнул, видя новое лицо. Она вернулась на свое место. Еще подходя к столу, она с удивлением заметила, что один из солдат держит ее колчан, говоря что-то остальным.

Она молча села, выжидающе глядя на них.

— Лук? — спросил легионер.

Все четверо с любопытством смотрели на нее.

— Топорники? — в свою очередь спросила она, показывая на видневшиеся из-под зеленых мундиров железные нагрудники.

Громбелардский легион состоял из солдат двух подразделений: арбалетчиков и щитоносцев-топорников. Топорники — естественно, с одними лишь мечами, без щитов и топоров, — как правило, несли службу в городах. Горы и тракт обычно патрулировали арбалетчики.

Солдат неизвестно отчего загоготал. Явно развеселились и его спутники.

— Издалека, красавица? — снова спросил солдат.

Она посмотрела ему прямо в лицо. Ей хорошо было известно, сколь необычны ее глаза… Легионер, однако, был уже достаточно пьян для того, чтобы заметить нечто большее, нежели вызывающий взгляд.

— Что, не любишь имперских солдат, красавица?

— Солдаты меня не любят, — спокойно ответила она.

Самый высокий, но вместе с тем и самый худой из всей четверки подвинулся на лавке ближе к ней, подмигивая приятелям.

— Выпей с нами, красавица, — снова предложил самый разговорчивый.

Покачав головой, она отставила подвинутый ей стакан. Худой протянул руку и взял одну из ее кос, словно удивляясь ее толщине.

— Черненькая… — сказал он, слегка заикаясь. — Ну, не ломайся…

Вместо трактирщика появился мальчишка лет десяти.

— Чего? — с серьезным видом обратился он к ней. Копия папаши, ни больше ни меньше.

— Пива, — коротко сказала она, внезапно подумав, что поесть здесь, похоже, не удастся.

— Корм для коня задали?

— Задали.

— Ночлег нужен?

— Нет.

Солдаты снова загоготали. Худой все еще мял в руке ее косу, но затем отпустил, дотронувшись до груди, скрытой под курткой из лосиной кожи и рубашкой. Она никак не реагировала, безнаказанно позволяя ощупывать себя.

— Ма-а-ленькие, — жалостливо протянул худой, к потехе приятелей. Разговорчивый потянулся с другой стороны, через спящего на столе детину.

— Маленькие, — повторил он следом за заикой, вызвав новый взрыв смеха.

Сидевшие за другими столами посетители все чаще поглядывали туда, где явно что-то происходило. Она заметила удивленный взгляд купцов. Подобный патруль они, похоже, видели впервые.

Она тоже.

Теперь ее уже щупали за живот. Она подумала, успеет ли костистая лапа забраться ей под юбку, прежде чем мальчишка принесет пиво.

Пиво появилось раньше.

Она подняла глиняную, вмещавшую добрых пол кварты кружку и выпила одним духом. Ей и в самом деле хотелось пить.

Солдат откинул полы ее короткой юбки и полез под нее, коснувшись волос на лобке.

Она разбила кружку о его голову.

Тотчас же она схватила его разбитую башку и треснула ею о крышку стола, расквасив ему нос среди осколков кружки, в луже водки, разлившейся из опрокинутого стакана. Сидевшие напротив топорники вскочили, но тут же отлетели назад, придавленные столом, который она швырнула в них, словно он весил не больше табурета. Разговорчивый, сидевший на той же лавке, что и она, выхватил меч. Она не стала ждать. Схватив колчан, она перепрыгнула через стол и лежащих на полу солдат. Сумка осталась — ничего не поделаешь! Расталкивая людей, она бросилась к двери; мгновение спустя она была уже во

дворе.

Солдаты в зале пришли в себя довольно быстро — кроме худого, который ревел от боли, размазывая по лицу кровь. Хмель, похоже, выветрился у них из головы, и с мечами в руках они кинулись следом за черноволосой. Как только они выбежали из зала, посетители столпились у маленьких окон и в открытых дверях; те, что посмелее, даже вышли наружу.

Женщина в лосиной куртке стояла у самой ограды, возле купеческой повозки, недалеко от конюшни. Легко было догадаться, что ей не хватило времени, чтобы оседлать коня. В левой руке она держала лук, придерживая пальцами наложенную на тетиву стрелу. Правой рукой она втыкала стрелы в землю перед собой.

— Эй! — рявкнул один из солдат, бросаясь вперед.

Остальные двинулись за ним. Женщина подняла лук, натянула тетиву и словно нехотя отпустила. Раздался отчетливый удар… солдат отшатнулся, но тут же загоготал, показывая стрелу, которая, правда, пробила мундир, но соскользнула по нагруднику. Теперь он держал ее под мышкой.

— Кираса! — со злостью воскликнула лучница. Голос ее звучал чуть хрипло, но в нем не чувствовалось ни тени страха.

Солдаты, выставив мечи, двинулись вперед, обходя ее спереди и с боков. Они успели сделать не больше трех шагов.

— Что ж, болтунишка, — сказала она, — кончился твой патруль.

Стрела пробила шею насквозь. Следующая столь же метко свалила второго легионера. Черноволосая насмешливо фыркнула, видя, как ретируется последний противник. Она снова натянула тетиву.

Она была в Громбеларде.

Она вернулась.

Любопытствовавшие путники искали убежища в помещении. Легионер хотел сбежать вместе с другими, но в дверях возник затор. В дверном косяке, предупреждающе дрожа, застряла очередная стрела.

— Эй, вояка, прочь отсюда! За ограду, а то убью!

Легионер помчался к воротам. Она еще раз натянула тетиву и угостила «вояку» стрелой в зад, с чуть ли не лошадиным ржанием. Потом наклонилась, выдернула из земли последнюю стрелу, очистила наконечник и спрятала. Еще раз наклонив голову, она медленно сплюнула на землю, глядя исподлобья на опустевший двор и два свежих трупа.

— Неплохо, — похвалила она сама себя.

Она направилась обратно в корчму, по дороге наступив на трупы, чтобы выдернуть стрелы. Каждую из них она тщательно вытерла. Она знала, что за ней внимательно наблюдают, но ее это лишь забавляло.

Вскоре она уже стояла в дверях. Внутри царила тишина.

— Кто-нибудь когда-нибудь видел таких солдат? — спросила она. — Шернь, я не какая-нибудь убийца… Я спрашиваю: видел кто-нибудь или нет?

Путешествующие через перевал Стервятников люди редко принадлежат к тому типу, который можно было бы назвать приятным обществом, что бы это ни значило… Купец или подручный купца должен был уметь защитить свой товар. Она могла побиться об заклад, что во всем «Покорителе» не было человека, который не сумел бы воспользоваться арбалетом или стукнуть как следует дубиной.

— Не видел, — ответил толстый до неприличия мужчина, оглядываясь на остальных. — Пьяных не видел…

Его поддержал всеобщий ропот.

Все взгляды были теперь обращены к худому типу с окровавленным лицом. Едва сдерживая стоны, он пробирался в сторону двери.

Однако в дверях все еще стояла она.

— Поедем к твоему коменданту, — сообщила она ему. — Интересно, что он скажет.

Она поманила пальцем, предлагая ему подойти ближе.

— Кто ты? — спросил чей-то голос из глубины зала.

— Дартанская магнатка, — пожав плечами, ответила она. — Но родом я из Армекта… А. Б. Д. Каренира.

Все решили, что она шутит.

Была поздняя весна, то есть — естественно — тучи, ветер и непрестанный дождь… Хотя до сих пор день был просто прекрасный; лишь сейчас, под вечер, начало моросить. Каренира поправила плащ и надела капюшон, потом обернулась к пленнику. Ее рассмешила его выпяченная задница. Руки и ноги болтались по бокам лошади, связанные веревкой, протянутой под животом коня.

— Тебе удобно? — заботливо спросила она, придерживая лошадь.

— Шлю-у-ха, — заикаясь, простонал он.

— Вовсе нет! — торжествующе заявила она. — Будь я шлюхой, ты держал бы свою лапу там, где держал, а башка была бы целая!

Когда везущая беспомощную ношу лошадь проходила рядом, она вынула ногу из стремени и с превеликим удовольствием пнула выставленный зад.

Она чувствовала себя превосходно. Наверняка лучше всего за год с лишним!

Она поехала дальше, снова пропустив вперед вьючную лошадь и думая о том, не перейти ли на рысь. Рикс был недалеко, тем не менее в таком темпе она доберется до него лишь утром или еще позже.

Ее не беспокоило, откроют ли ей ворота. Откроют, даже посреди ночи! Не каждый же день кто-то привозит топорника легиона с торчащей к небу задницей.

Но чтобы перейти на рысь, нужно было переменить положение багажа. Иначе он наверняка сползет.

Она боролась с собственной ленью.

— А может, и пусть сползет? — сказала она сама себе, зевая.

Где-то позади, на тракте, послышался далекий топот копыт. Он приближался. Она нахмурила широкие черные брови, но — то был лишь один конь. Тем не менее она поправила на бедрах трофейный пояс с мечом, чуть отодвинув плащ, чтобы легче было дотянуться до оружия.

В вечерних дождливых сумерках фигуру всадника различить можно было с трудом. Лишь когда он остановил коня и откинул капюшон плаща, она узнала лицо, которое мельком видела в «Покорителе». У него были светлые волосы и удивительные разноцветные усы. Выглядел он вполне достойно, в том не было никаких сомнений.

Откинувшись в седле, она терпеливо ждала.

— Что за встреча! — сказал незнакомец.

Рот ее раскрылся сам собой.

— Случайная, — после мгновенного замешательства ответила она.

Незнакомец улыбнулся. У него были симпатичные морщинки возле глаз и очень ровные зубы.

— Ну… почти. На самом деле я направляюсь в Рикс. Сначала в Рикс. Я подумал, что, может быть, в компании…

До нее дошло, что кинен отдает в его устах чем-то знакомым. Она еще больше откинулась назад.

— Дартанец… — недоброжелательно сказала она.

— Дартанец, — охотно согласился тот. — Более того, житель Роллайны. Алебардник гвардии князя-представителя… Бывший алебардник.

Она продолжала смотреть на него.

Он кивнул.

— Конечно, ваше благородие. Мы виделись при дворе. Вернее — я вас видел. Кто же смотрит на почетный караул во дворце? Разве что начальник стражи — не слишком ли выпячен у кого живот!

Она молчала. Он посмотрел на связанного легионера, потом снова на нее.

— Но, должен признаться, в этой куртке и зеленой юбке я сразу не узнал… И косы… Там ваше благородие была в платье, которое стоит моего годового жалованья. И прическа до самого потолка. Только когда я услышал фамилию, известную, наверное, во всем Дартане…

— Я солгала, — прервала она его. — Я ее уже не ношу. Наверное, я просто хотела произвести впечатление… или даже нет. Просто по привычке. И отстань от меня, ваше благородие.

Он прикусил губу. Ее тон остудил его.

— Прости, госпожа…

Она повернула коня и двинулась дальше, в сторону Рикса. Пленник продолжал стонать, и это вдруг начало ее злить. Алебардник вскоре догнал ее. Она остановила коня.

— Дорога узкая, — сказала она, глядя прямо перед собой. — Зато длинная. Вперед. Или сзади. Но лучше вперед, и во весь опор.

— Прости, госпожа, — повторил он, — я не хотел…

По своему обычаю, она медленно сплюнула на дорогу, чуть наклонившись в седле.

Он сделал вид, что не видит.

— Ночью вдвоем безопаснее, — заметил он.

Она невольно вздохнула.

— Что мне сказать или сделать, чтобы ты оставил меня в покое? Я не затем сбежала из Дартана, чтобы тащить его за собой в Рикс.

— Но… ведь мы оба сбежали, ваше благородие, — беспомощно проговорил он.

Пленник снова застонал. Она освободила ногу и со знанием дела успокоила его.

Конь, послушный ее воле, снова двинулся вперед.

— Громбелард — не место для дартанца.

— А для дартанки, ваше благородие?

— Я не дартанка! — бросила она, снова натягивая поводья. — Отстань от меня, добром прошу! Чего ты от меня хочешь?!

— Я хочу только помочь…

— О-о-о!.. — простонала она.

— Ты говорила, госпожа, — поспешно продолжал он, — что это вовсе не солдаты… Ты говорила трактирщику, я слышал! И предупреждала купцов, что дальнейший путь может быть опасен. Не хочу хвастаться, но служба в Дартанской гвардии — это не только парады! Легион — дело другое, но нас, гвардейцев, учат как следует. Я знаю, как обращаться с мечом, уже там, в трактире, хотел помочь, но это не потребовалось…

— О-о-о!.. — снова застонала она, сжимаясь в седле.

— Ты, госпожа, не простая женщина, я вижу! Но я тоже не хочу быть дартанским потешным воякой, я приехал сюда, потому что хочу добраться до Дурного края. Если бы, однако, ваше благородие взяла меня к себе на службу…

Она дернулась, словно от удара копьем в спину. Он замолчал, поскольку в сгущающихся сумерках ему показалось, что она сейчас лишится чувств.

— Я тебе нравлюсь, господин? — спросила она своим чуть хриплым голосом, поспешно слезая с седла. — Хочешь это проделать с дартанской магнаткой? — продолжала она, сбрасывая плащ. — Ну так возьми меня. Прямо сейчас. Но потом уезжай, уезжай быстрее. Все, что угодно, только не дартанец, едущий в Дурной край!

Он остолбенело смотрел на нее, но она, посреди сумерек и дождя, на неровной громбелардской дороге, и в самом деле раздевалась. Когда на плащ упала куртка, сразу же за ней рубашка и он увидел маленькие обнаженные груди, он огляделся по сторонам, словно ища помощи.

— О… — тупо произнес он.

Его конь рысью сорвался с места. Запутавшись одной ногой в уже почти снятой юбке, она смотрела ему вслед. Вскоре его поглотили темнота и дождь.

— Уехал, в самом деле уехал, — недоверчиво и с облегчением сказала она. — Что ж,

ты нашла способ, как отпугивать чересчур настырных… Запомни его…

Поспешно одевшись, она посмотрела на пленника. Что уж там… Все равно было слишком темно, чтобы ехать рысью — по такой дороге.

— Однако, — сказала она, вскакивая в седло, — раз уж он так долго мучился, мог бы и еще немного… Собственно, он вполне ничего. Надо смотреть на алебардников.

Она сжала коленями бока коня.

— Дартанец. Дартанец в Дурном краю. Все-таки хорошо, что он так быстро уехал.

Она сердито и презрительно фыркнула.

2

Каренира немного поспала прямо в седле. Каким-то чудом пленник не сбежал. Может, так было бы и лучше. Пару раз он успел обмочиться… и, кажется, даже кое-что похуже, а ветер дул сзади, примерно с той же скоростью, с какой шли лошади. Она ехала, окруженная отвратительной вонью, злая, усталая и немного сонная. Дартан, несмотря ни на что, имел свои преимущества. Одна кровать, огромная, как сама империя, стоила многого.

— Надо было забрать ее с собой, — вполголоса заметила она.

Утром она стояла перед воротами Рикса. Рикс был помесью Армекта и Громбеларда. Армектанским было название. Все остальное было громбелардским.

В Громбеларде есть только пять городов: Громб, Рикс, Бадор и Рахгар в горах, и портовый Лонд, у ворот Срединных вод. Все эти города (за исключением Лонда) возникли одним и тем же образом: более могущественный и богатый, чем остальные, предводитель разбойников возводил в горах цитадель. В этой цитадели жили его люди и кони, там же держали женщин и многое другое. У стен крепости собирались горцы из пастушьих селений, платя дань в обмен на защиту от нападений других банд. Впрочем, у них не было выбора: сидевшие в замке убийцы не любили ждать. Цитадель, расположенная, как правило, довольно высоко в горах, не соседствовала с территориями, где можно было пасти овец. Так что горцы бросали пастушье ремесло, пополняя отряды хозяина крепости, или становились ремесленниками. И возникал город.

Такими городами в особенности были Громб, Бадор и Рахгар. Расположенный в Узких горах Рикс находился ближе к остальному миру. Это означало, что Броль — первый хозяин замка (город сначала носил его имя) грабил в основном дартанцев и армектанцев, но и торговал с ними; до них, правда, было сто миль, но они были богаты. Поэтому, возможно, в Риксе (Броле) меньше занимались ремеслами, а больше — торговлей. Продавать дартанцам ранее у них награбленное было не только забавно, но и выгодно.

Однако, если не считать этого, Рикс ничем не отличался от Громба или Бадора. Камень, камень и камень, коричневый, тяжелый, грязный и мрачный. Расположенная в неполных трехстах милях Роллайна — самый прекрасный город Шерера — казалась чудом из совершенно иного мира. Больше всего, однако, различия бросались в глаза в Акалии, городе на Тройном пограничье, где соприкасались Дартан, Армект и Громбелард. Город был столь же странным, как и его история: его начали возводить дартанцы: завоевали и превратили в крепость громбелардцы; населяли же главным образом армектанцы, с тех пор как возникла империя… Там стояли стройные белые дартанские строения с застекленными окнами, окруженные стеной из настоящих булыжников, чудовищно мрачной, как и все громбелардское, но и чудовищно неприступной — тоже по-громбелардски. Небольшие дворцы, белые дома в несколько этажей в окружении садов когда-то выглядели изысканно; однако позднее в каждом парке выросло некое восьмиугольное сооружение, порой окруженное отдельной стеной, поскольку громбелардский купец (купец, вовсе не разбойник!) только в таком доме чувствовал себя уютно и в безопасности.

Глядя на ворота Рикса, с зубчатой башней наверху, она в очередной раз отметила, что Громбелард и Дартан разделяет пропасть.

Что ж, именно поэтому она была в Громбеларде.

Солдаты, стоявшие на посту у ворот, смотрели на притороченного к седлу полуживого легионера с непередаваемым изумлением. Она заметила десятника, судя по всему, начальника поста.

— Дай мне одного человека, — сказала она. — Мне нужно видеть коменданта гарнизона.

— Это наш? — Он показал на пленника.

— Нет, что ты… Нет.

Десятник, хромой служака лет пятидесяти, из тех, кому немало пришлось в жизни повидать, быстро оправился от удивления и без лишних расспросов дал ей солдата. Она двинулась следом за проводником.

Собственно, казармы она легко нашла бы и сама. Особенно если учесть, что ей уже приходилось бывать в Риксе (правда, несколько лет назад). Но у нее не было никакого желания, чтобы к ней цеплялся каждый встречный патруль на улице. Следуя за человеком в мундире, она как бы говорила: спокойно, все в порядке; я везу странный багаж, но вам о том уже известно.

Они беспрепятственно добрались до расположения гарнизона.

Естественно, прочная стена. Крепость в крепости. Три четырехугольные башни. Жилое здание, конюшни, склады, амбар и разные хозяйственные постройки. Просторный двор, а в нем колодец с воротом, под треугольной крышей.

Перед воротами солдат остановился и обменялся несколькими словами с часовыми. Затем он обратился было к ней, но она жестом дала понять, что все знает, понимает и будет ждать.

Она сошла с коня.

Все было как всегда. Часовой шел к начальнику стражи, обычно подсотнику, иногда десятнику. Тот выходил из ворот и спрашивал. Иногда коротко, но обычно долго, очень долго и дотошно. Так, словно его комендант был, самое меньшее, представителем императора…

Другое дело, что именно после князя-представителя, не считая урядников Имперского трибунала, военные коменданты городских гарнизонов действительно были в провинциях самыми важными особами. А Рикс имел статус столицы военного округа. Обычных городских округов в Громбеларде не было.

В массивных воротах скрипнула небольшая дверь. Подсотник. Он принял короткий рапорт от ее проводника и отпустил его.

— По какому делу?

— К коменданту гарнизона.

Ей повезло, поскольку это был еще один старый солдат. Он посмотрел на куль, который она везла и который уже даже не стонал, потом снова на нее, окинул взглядом ее лицо, косы и меч на боку, а в особенности — колчан и лук у седла, после чего спросил, как будто мимоходом, а в действительности — вполне по-деловому:

— Мы знакомы?

Она вздохнула.

— Знакомы. Но только односторонне.

— Ты…

— Да. Это я.

— Проходи, госпожа.

Часовые открыли ворота. Подсотник помог ей вести лошадей. Естественно, он был заинтригован и по дороге задавал вопросы:

— Это наш человек?

— Сомневаюсь. Ты всех знаешь?

— Почти. Кроме новичков. Недавно появилось несколько.

Он посмотрел на покрытое запекшейся кровью и свежими струпьями лицо пленника.

— Трудно узнать… Но это, похоже, не наш.

Она кивнула.

— Давно о тебе не было слышно, госпожа… И странно, что ты осмеливаешься появляться в казармах Громбелардского легиона.

— Это мои проблемы.

Они остановились перед входом в здание. Подсотник что-то коротко сказал часовому, упомянув при этом ее прозвище.

— Коня я заберу, — снова обратился он к ней. — А этого?

— Тоже. Мне что, такую вонь к твоему коменданту тащить? Забирай и стереги как следует.

Он даже не пожал плечами.

Она взяла свой колчан и стала ждать, когда посланный к коменданту солдат вернется, чтобы ее впустить. Ждать пришлось недолго.

Ее принял не комендант, но его заместитель.

— Коменданта нет, — коротко объяснил он. — Слушаю.

Она рассказала обо всем. Потом подождала, пока офицер переварит услышанное, внимательно его разглядывая.

Офицер был молод. По обычаю высоких чинов, он не носил знаков различия. Однако она знала, как тяжело в мирное время продвинуться по службе, особенно в провинциях. Комендантами гарнизонов не носили знаков различия потому, что каждый второй из них был всего лишь сотником или, самое большее, надсотником. Занимающим высокий пост, но — надсотником… За всю жизнь она видела лишь троих или четверых в белых мундирах с добавлением цвета провинции — одним из них был недавно умерший тысячник Р. В. Амбеген, а вторым тысячник П. А. Арген, комендант гарнизона в Бадоре. Ее бывший командир.

Его тоже уже два года как не было в живых.

Этот же, мужчина ее возраста, то есть лет тридцати с небольшим, не слишком походил на прирожденного солдата. Но на дурака он тоже не был похож. Она перехватила его взгляд, испытующий, возможно, недоброжелательный, даже несколько враждебный, но не оскорбительный. Он знал, кто перед ним, и вел себя соответственно.

— Мне сказали, кто ты… — сказал он, потом, поколебавшись, добавил: — Госпожа… Неужели действительно? Уже давно мы не слышали об… этой женщине.

— Обо мне, — просто ответила она. — Я та, о ком ты говоришь, комендант. И о ком думаешь. А. И. Каренира, Охотница. Иногда меня называют госпожой и даже королевой гор. Мне нравится это прозвище, оно мне подходит.

Он молча смотрел на нее.

— Тебя, госпожа, разыскивает трибунал. А значит, и имперские легионы. Удивительно… — он покачал головой, — но солдаты согласны с чиновниками.

— Нет, господин, — возразила она. — Разыскивают? Меня когда-то обвиняли в гибели отряда солдат. Но никто никогда не смог доказать, что все было именно так. Они пошли со мной добровольно. Их убили стервятники, при попытке освободить нескольких захваченных ранее арбалетчиков. Лишь мне одной удалось спастись. Что в этом странного? Надеюсь, ты не считаешь, господин, что меня назвали Охотницей без особых на то причин?

Они смотрели друг другу в глаза. Он первый не выдержал и отвел взгляд.

— Оправдываться я больше не стану, — добавила она. — Не вижу в этом необходимости. Ты хочешь, господин, отдать меня в руки трибунала? Но я уже когда-то с ними разговаривала, и, хотя они нисколько мне не верят, у них нет против меня даже тени доказательств. Войско и трибунал могут не верить во что угодно. И могут меня не любить — что поделаешь. Но я армектанка чистой крови, и мне нужно представить доказательства.

Он поднялся со своего места и прошелся по комнате — холодной, каменной; йотом выглянул в узкое окно.

— Что ты этим хочешь сказать, госпожа?

— Ничего. Но я привезла тебе, комендант, разбойника, переодетого солдатом. Не знаю,

где он взял мундир, но боюсь, что какой-то из твоих патрулей не вернется… Четверо, выдававшие себя за твоих легионеров, расспрашивали в «Покорителе» о частоколе, числе подручных, осмотрели лавку трактирщика и его подвалы…

— Однако ты не слишком торопилась с этими известиями, госпожа.

— Сомневаюсь, что после того, что я там натворила, они сразу же решатся напасть.

— Говоришь, ты победила четверых? В доспехах и с мечами, с которыми, как ты утверждаешь, они умеют обращаться?

— Мечами они пользоваться умеют, зато разумом — нет. Топорники не носят мундиры поверх кирас; сперва я думала, что поменялся устав. Но все их снаряжение, кроме мундиров и шлемов, лишь похоже на военное. Кирасы тоже, потому они их и прикрыли. Но арбалетов у них, видимо, вообще не было или были не похожие на военные, потому они и притворялись топорниками.

— Умные или глупые… Однако ты победила четверых.

— Пустяки. Для меня это попросту пустяки. Я достаточно красива для того, чтобы понравиться, и достаточно сильна, чтобы перестать нравиться.

— Достаточно тщеславна, ты хотела сказать?

Она встала, вынимая меч. Он едва не потянулся к своему, но она лишь откинула плащ на спину, и он внезапно увидел вылезающие из-под закатанных рукавов мускулистые руки; она взяла меч за два конца и без труда сломала о колено.

— Достаточно сильна, — повторила она сквозь висящий в воздухе звон лопнувшего железа. Она бросила обломки клинка на пол и чуть ослабила завязки куртки, глядя исподлобья. Затем она снова села.

Он кивнул. Он тоже мог сломать меч… но он был мужчиной, а она женщиной.

Он снова посмотрел в окно.

— Что ты собираешься делать, госпожа?

— Собственно, ничего. Я еду в Тяжелые горы. По дороге я встретила разбойников. Не в первый и, думаю, не в последний раз. Одного я привезла сюда, поскольку мне было по пути. Теперь я пойду поесть и поспать, поскольку в «Покорителе» не ела и не спала. Я лишь выпила пива, но столь жадно и быстро, что до сих пор в животе отдается.

Она встала.

— Почему ты это сделала? Какое тебе, собственно, дело до этого постоялого двора? Я слышал, что ты в своей жизни видишь лишь одно — стервятников.

— Иногда я вижу и солдат. К сожалению, не всегда особенно сообразительных. «Покоритель» — единственный постоялый двор в этих краях, более того — единственный на всем тракте, не считая тех, что в городах. Я ночевала в нем пару раз, и, может быть, мне просто хочется, чтобы такая возможность была у меня и дальше?

— Хоть какая-то причина, — согласно кивнул комендант.

Они стояли, снова меряясь взглядами.

— И все же, госпожа, я с удовольствием приказал бы тебя задержать. Как случилось, что Громбелард так долго ничего о тебе не слышал?

— Я путешествовала.

В дверях она на мгновение остановилась и сказала через плечо:

— А что, если я вас просто люблю? Все имперское войско? Ты ведь наверняка слышал, что я сама в нем служила?

Она вышла. Комендант чуть приподнял брови.

— Знаешь, — сказал он, — а может, и хорошо, что ты вернулась? Громбелард без легенд… это одни лишь ветер и дождь.

Она нашла неплохую гостиницу возле рынка — довольно дорогую, но золота у нее было достаточно. Она во многом могла упрекнуть своего бывшего мужа, но уж никак не в скупости. Он дал ей тысячу слитков золота и жеребца. Если бы она потребовала, дал бы в десять раз больше. Золота он не жалел.

«Ты еще вернешься», — презрительно бросил он.

Она приняла золото и коня как должное.

«Это плата за услуги, которые я тебе оказывала, — сказала она. — Не слишком дорого».

Она хорошо помнила, как кровь ударила ему в лицо.

Каренира как следует поела. В зале снова сидели солдаты, но на этот раз настоящие, трезвые и вежливые. Хотя, конечно, они пытались расспрашивать ее, кто она, откуда и куда направляется. Так уж сложилось, что в Громбеларде солдаты были весьма дотошны. Особенно в отношении вооруженных одиноких путников. Вооруженная женщина не была во Второй провинции чем-то особенно необычным, но все же всегда вызывала определенное любопытство.

Она заплатила за самую дорогую и самую лучшую комнату. Уже стоя посреди нее, она насмешливо сказала сама себе:

— Что, привыкла все-таки к удобствам? Что ж, посмотрим, как будет в горах. Первые две ночи под открытым небом глаз не сомкнешь. Вот увидишь.

Она разделась догола и встала, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Потом наклонилась вперед, коснувшись лбом пола. Несколько мгновений она пребывала в этой крайне неудобной позе, затем приняла другую, еще более странную — встала на цыпочки, сильно согнув ноги в коленях и выпрямив туловище. Выглядело это так, словно она сидела в седле.

Стояла она так довольно долго.

Она вспомнила старика, который много лет был для нее отцом, вспомнила его советы и уроки, его голос:

«Ноги, Кара. Они важнее всего. Ты стоишь на них, ходишь и бегаешь. Они поддерживают все твое тело. Руки все же иногда отдыхают, ноги же — очень редко. Они сильные, в несколько раз сильнее, чем руки. Заботься о них. Только они могут противостоять чужим рукам, которые пожелают тебя убить. Только они, Кара. Только они».

Уже десять лет, почти ежедневно, она следовала советам своего опекуна. Даже в Дартане. Словно знала, что ее способности еще ей пригодятся…

Лодыжки и бедра начали слегка дрожать. На лбу выступил пот. Если бы ее сейчас увидели, многие мужчины бы постыдно бежали. Маленькие груди подрагивали, словно состояли из одних лишь мышц. Несмотря на стройную фигуру — узкая талия, округлые бедра, довольно длинные ноги, — в ней, похоже, не было ничего, кроме мускулов и жил. Плоский живот напоминал военную подстежку, которую носили под кольчугой; ровные ряды мышц играли под кожей. Плечи и спина выглядели просто убийственно. Десять лет бродяжничества по скалам, натягивания лука, бега наперегонки с горными козами, карабканья по отвесным стенам. Десять лет ежедневных добровольных пыток, подобных ежевечернему стоянию расставив ноги, иногда еще и с тяжелым камнем, который она держала обеими руками над головой или перед собой.

Пот начал капать на пол. Он тек по вискам, по бокам, между ягодицами и грудями. Капли пота стекали по ногам.

— Стареешь, — сказала она, принимая нормальную позу.

Она несколько раз подпрыгнула, чтобы расслабить мышцы. Потом бросилась на постель, накрывшись одеялом, быстро впитавшим пот. О том, чтобы помыться, она как-то не подумала. Мыться хорошо было в Дартане.

Проснувшись, она сказала то же самое, что и перед сном:

— Стареешь.

Было уже светло. Утро. Она проспала полдня и всю ночь.

Она выскочила из-под одеяла, потянулась, с удовольствием похлопала себя по округлому заду. Вскоре, уже одетая и с колчаном на плече, она пошла чего-нибудь поесть.

Она покинула гостиницу под струями дождя. Лило так, как и должно было лить в Громбеларде — особенно весной. По улицам текли потоки воды, мчась в сторону рва.

Отводившийся из него избыток дождевой воды давал начало приличных размеров речке, которая несла свои воды среди скал к ниже расположенным местам. Силы воды была достаточно для того, чтобы привести в действие мельницу — которая была также и постом Громбелардского легиона. Иначе ее быстро бы разрушили и сожгли.

Пробираясь верхом по топкой от грязи улице, она доехала до Больших ворот (в Риксе были еще Малые ворота, через которые она въезжала). Вскоре ворота, так же как и охранявшая подходы к ним сторожевая башня, скрылись в струях дождя за ее спиной.

Дождь лил все сильнее. Она ехала против ветра, и, несмотря на то что она наклонилась к самой шее коня, струи воды били ей в лицо.

— Вот видишь, а ты хотела переждать ливень в гостинице, — пробормотала она.

Она и в самом деле хотела так сделать, но ей пришло в голову, что если она будет бояться в Громбеларде *дождя* , то пора возвращаться в Дартан.

— Пошел, — сказала она коню, сжимая его круп коленями.

Она двинулась сквозь дождь быстрой рысью.

Собственно, она никуда не спешила. Время у нее было. Еще какие-нибудь лет сорок без малого; она намеревалась дотянуть до семидесяти. Однако она ощущала некое страстное желание ускорить ритм жизни. Медленный шаг коня казался особенно утомительным. Тащиться таким образом? По тракту? Как долго и зачем?

В Рахгар! Увидеть «убийц». Ей было интересно посмотреть на полсотни котов-гвардейцев. В легких кольчугах и зеленых мундирах и в плоских кошачьих шлемах с прорезями для ушей. Шлемах, увенчанных мощным железным острием, столь же смертоносным, как и наконечник копья.

Ей вспомнился кот Рбит, Басергор-Кобаль. Князь гор. Ее друг (до сих пор ли?..). И гигантского роста мужчина с коротко подстриженной светлой бородой. Басергор-Крагдоб, король громбелардских разбойников. Она вспомнила случай, произошедший два года назад, — и покраснела, словно четырнадцатилетняя девочка.

— Глупенькая же ты тогда была, — язвительно сказала она сама себе. — Проклятый Дартан, однако, научил тебя жизни… То, что ты знала раньше, — то был лишь мир. Без людей… Ну и без мужчин. О, я найду тебя, Рбит! Чтобы извиниться… а потом дать хорошего пинка под хвост. Может, было бы лучше, если бы Глорм тогда взял меня, а Бай узнал бы об этом!

Она ехала, продолжая улыбаться.

— А может быть, и нет, — добавила она, преодолев очередные полмили.

Первая ночь под открытым громбелардским небом оказалась именно такой, как она и предполагала. Она несколько раз просыпалась, промокшая и продрогшая. Дождь перестал только на рассвете. С нее было достаточно. Отжав волосы и бормоча слова, от которых кое-кто в Дартане мог бы упасть в обморок, она согрелась, бегая и прыгая до потери сил.

— И почему ты не вернулась в Армект? — укоризненно спросила она себя, тяжело дыша. — Под прекраснейшее небо Шерера? Весна… Знаешь, как там теперь выглядят равнины?

Равнины. Она их еще помнила…

Немного поев, она оседлала коня и вскоре уже ехала дальше.

Она проехала не больше мили, когда — сквозь шум снова идущего дождя — услышала за спиной частое чавканье лошадиных копыт в лужах и дорожной грязи. Встречи на этом тракте вовсе не были редкостью по той простой причине, что это был единственный тракт во всем Громбеларде. Однако редко кто несся по нему вот так, галопом, поскольку кони слишком часто ломали себе ноги на этой «проторенной дороге»… Не каждый столь мало зависел от коня, как она.

Она увидела солдата — похоже, хорошего наездника, на хорошем коне. Он вел за собой еще одну лошадь.

Окинув взглядом коня и солдата, она пришла к выводу, что запасная лошадь как раз

сейчас и понадобится. Конь, на котором сидел молодой воин, был загнан почти до смерти. Солдат сам был едва жив.

— Ты что, всю ночь мчался галопом? — удивленно спросила она, разглядывая парня с ног до головы. На нем не было доспехов, только мундир. Наверняка один из гонцов гарнизона, из тех, что постоянно носятся по этой дороге, действительно готовые сломать себе шею, днем и ночью. Их служба считалась довольно легкой, поскольку они никогда не принимали участия в обычном патрулировании и, собственно, все время торчали в гарнизоне, ничего не делая. Однако лишь до поры до времени… Мало кому было известно, сколь многие из этих гонцов ломают себе руки и ноги, вылетев из седла, когда конь споткнется в какой-нибудь дыре; мало кто слышал о том, сколь многие платят здоровьем за отчаянную гонку.

А сколько таких одиноких всадников просто прирезали по дороге? Ради коня, ради оружия, ради забавы…

Выше в горах, к северу от Бадора, курьерскую службу обычно несли коты. Потому что дорога была там дорогой лишь по названию. Между Бадором и Риксом еще как-то тащились, хотя и с трудом, повозки, полные товаров. Но из Бадора в Громб и Рахгар груз можно было доставить лишь одним способом: по частям, на спинах мулов. Но даже и эти животные, хотя и столь выносливые в горах, порой срывались с узкой, крутой тропы, которую — неизвестно почему — именовали трактом.

В Риксе, однако, коты встречались редко. А уж в легионе они вообще были исключением.

— Госпожа, — сказал по-громбелардски гонец, едва дыша. — Это ты — ее благородие… — Он изо всех сил пытался вспомнить имя, но от усталости оно вылетело у него из головы. — Ее благородие… Охотница, королева гор?

Она криво улыбнулась.

— Нет, пастушка, овец пасу, — язвительно заметила она, но парень настолько смутился, что она тут же о том пожалела. — В чем дело? Ты за мной гнался?

Он кивнул.

— У меня письмо, — сказал он. — Но… это действительно ты, госпожа?

На этот раз она удержалась от улыбки.

— Да. А. И. Каренира.

— Именно! — Он с облегчением вздохнул, услышав имя, которое забыл, и достал влажный свиток пергамента, скрепленный печатью Громбеларде кого легиона.

Она развернула его. Письмо было коротким:

> Госпожа!
>
> Разбойничье нападение на перевале. Постоялый двор частично сожжен. Мне нужна твоя помощь. Приказывать не могу, только прошу.
>
> ***Подпись: заместитель военного коменданта Рикса,***
> ***Н. В. Эгеден, сотник легиона***

— Вот тебе раз! — со злостью сказала она.

Не приказывает… Просит… И что ей делать с такой «просьбой»? Военные смотрели на нее косо, даже враждебно, после той истории в Черном лесу. Она, конечно, могла отказать в помощи. Отдать этому щенку письмо, чтобы он им подтерся, — и все. Но она знала, что вскоре об этом услышит весь Громбелард. И тогда она вообще больше не сможет рассчитывать на солдат — никогда и нигде.

«Ну разве что, — подумала она. — На что они мне? Вот только…» Вот именно.

С легионерами лучше было поддерживать хорошие отношения. Честно говоря, враждебность солдат несколько ее тяготила. Теперь ей представился случай исправить положение.

А впрочем — почему бы и не показать, на что она способна?

— Что ты знаешь? — спросила она гонца. — Кроме того, что должен был мне это

отдать?

Он снова смутился.

— Ничего, госпожа…

Она вздохнула.

— Я твоя пленница, — сообщила она. — Ты забираешь меня в Рикс. Так здесь написано. Можешь делать все, что угодно, даже избить меня и изнасиловать. Но обязательно довезти живой.

Он с неподдельным ужасом смотрел на нее.

Рассмеявшись, она бросила ему письмо.

— Читай! — велела она. — Ну читай же! Ведь это письмо для меня, я могу показать тебе его содержание.

— Я не умею, госпожа, — ответил он, красный как рак, возвращая письмо.

В сотый раз она подумала о том, что Громбелард — это не Армект. В ее стране читать учили каждого ребенка. Как иначе он мог бы потом понять традиции, заключенные в могуществе армектанского языка?

— Ну ладно. Твой комендант просит меня о помощи. Что-то случилось на перевале Стервятников.

Она жестом показала, чтобы он перенес седло на запасную лошадь.

— Первое задание? — спросила она, пока он тащил седло. — Или второе?

— Второе, госпожа, — неохотно признался солдат.

— Что ж, ты его выполнил образцово, — похвалила она. — Если так и дальше пойдет, то не успеешь оглянуться, как тебя сделают тройником. Потом десятником. А потом — учись читать. Подсотник Громбелардского легиона — это уже кое-что.

Она заметила, что он весьма горд похвалой. Солдат пружинисто вскочил в седло. Он и в самом деле отлично в нем сидел. Они двинулись дальше.

— В Армекте, когда… ну, в общем, совсем недавно, — она махнула рукой, — я начинала точно так же. Только потом меня перевели в лучницы — потому что я стреляла лучше всех во всем гарнизоне. Во всей Рине.

Она не добавила, что… только ночью.

— Удивительно, как вы тут ездите? В Армекте, — продолжала она, — дороги ровные, как стол. А в каждом втором селении — пост со сменными лошадьми.

Он бросил взгляд на ее сильно укороченные стремена. Она это заметила.

— У нас так ездят курьеры, — объяснила она. — Ты и в самом деле ничего не знаешь про перевал Стервятников?

— Туда поехал отряд, — неуверенно сказал он. — Вчера… нет, позавчера вечером. Потом с перевала прискакал… — Он назвал имя, которого она не расслышала. — Сразу после этого командир вызвал меня и дал это письмо. Он сказал, что ты, госпожа, поехала через Большие ворота. Значит — в сторону Бадора. Ну, я туда и помчался.

«Ну да, помчался, — мысленно усмехнулась она. — И чуть не разминулся со мной ночью…» Она задумалась.

Чего они могли от нее хотеть? Может быть, чтобы она гонялась за какой-нибудь бандой по горам? Или вела отряд? Тогда они ошиблись. Узкие горы она знала слабо. Стервятников искали в Тяжелых горах, возле Громба, иногда в окрестностях Бадора… Там ей был знаком каждый камень.

Парень ехал молча, старательно избегая взглядов, которые могли бы свидетельствовать о том, что легендарная Охотница ему нравится. Она искоса посмотрела на молодое, украшенное едва пробивавшимися усами лицо, которое сейчас было — а как же! — лицом старого вояки, который все в жизни повидал и убил не меньше ста разбойников.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

— Двадцать… — выдавил он, застигнутый врасплох.

— Гм… А на самом деле?

— Семнадцать, госпожа, — подавленно ответил он.

Она покачала головой. Но, собственно, когда она поступила в легион, ей было столько же. И она как-то не ощущала себя тогда слишком юной.

Юной она чувствовала себя лишь теперь. И чем дальше, тем больше.

Ей казалось, что время — самый худший из врагов, вполне заслуживающий стрелы.

— Побыстрее можно? — спросила она. Парень как раз открыл рот, но тут же поспешно его закрыл. — Что ты хотел сказать? Смелее!

— Это правда, что ты убила тысячу стервятников, госпожа? — быстро выпалил он.

— Тысячу? — изумленно переспросила она. — Что ж, пожалуй, я недостойна твоего восхищения… Тысячу стервятников? Столько просто не существует! Чтобы убить тысячу стервятников, мне самой пришлось бы родить еще сотни две! Разве я могу рожать стервятников? Может быть, еще и вместе с яйцами?

Она покачала головой.

— Может быть, сорок с небольшим, — помолчав, коротко добавила она, завысив цифру на добрую дюжину.

— Сорок? — разочарованно протянул солдат. — За столько лет?

— Хватит об этом, ладно? — резко сказала она. — Можешь гнать своих кляч побыстрее, горе-легионер? Так, как ты тащишься, — да мне жизни своей жаль!

Прежде чем они доехали до города, парень загнал одного из своих коней насмерть. И все равно за ней не угнался. В Рикс она приехала одна.

3

Его благородие Н. В. Эгеден, заместитель коменданта гарнизона в Риксе, вел себя с ней точно так же, как и при первой встрече. Она ощущала его враждебность и некоторую настороженность. Но вместе с тем понимала: этот человек знает, чего хочет. От себя и от нее.

— Ты мне нужна, госпожа, — сказал он.

— Это я знаю. Но у меня столько вопросов…

— Я на все отвечу, — заверил он ее. — В тот же день, когда ты была у меня, я послал патруль на перевал. Но все уже было кончено. Путников ограбили, конюшню сожгли, убили нескольких слуг.

— И это все? — Она несколько удивилась. — Я думала, что раз постоялый двор захватили, то там осталась лишь пара обгоревших балок.

— Они хотят получить дань, — объяснил Эгеден. — Это лучше, чем спалить там все раз и навсегда.

— Не сомневаюсь.

— Я мало что знаю. Но это не какая-то местная компания грабителей. Это банда из Тяжелых гор. Весьма многочисленная.

Она подняла брови.

— А что с тем пленником, которого я привезла? — спросила она. — Он ничего не знает?

— Он умер.

— От старости? Или от разбитого носа?

— От урядников трибунала.

— Вы отдали его этим мясникам?

Офицер встал и прошелся по каменной комнатке.

— Как будто я мог не отдать! — пробормотал он.

— Он что-нибудь сказал?

— Много чего. Аж потолок трясся. Только ничего не удалось понять. Что может сказать заика с разбитым носом, если он откусил себе от боли язык, еще до того как зубы вбили ему в глотку?

Она понимающе кивнула.

— В следующий раз, когда кто-нибудь такой сунет мне лапу между ног, я их еще и расставлю пошире, — пообещала она. — И уж точно не стану везти беднягу через пол-Громбеларда, чтобы отдать легионерам. Самое большее — сама у него отрежу что надо и суну ему в зубы. Если он не будет меня за это благодарить, значит, я мало что понимаю в жизни.

— Кажется, — сказал офицер, — мы знаем, что это за банда.

— Ну?

— С ними был какой-то кот-гадба. Его называли Кобаль.

Она вытаращила глаза.

— Ты думаешь, комендант, что это люди Басергора-Крагдоба? — удивленно спросила она. — Думаешь, этот кот — князь?

— Похоже на то.

— Это просто смешно! — заявила она.

— Неужели? — Он нахмурился. — Почему же?

— Потому что, во-первых, Крагдоб взимает дань с этого логова уже лет десять…

Офицер остолбенел.

— …как и с любого другого в Громбеларде, в том числе и здесь, в Риксе…

Он чуть не набросился на нее.

— Что за выдумки?! — прорычал он.

— Ну-ну, комендант, — успокоила она его. — Защита со стороны войска тоже, конечно, нужна… От воришек, пьяниц… но вам не защитить корчмаря от короля гор. И никого другого в этом городе. Ты думаешь, ваше благородие, что его зовут королем за то, что он командует парой вооруженных отрядов? Почему же тебя так не зовут?

Эгеден молчал.

— Каждый богатый купец в Громбе и Бадоре платит Крагдобу. Здесь, в Риксе, наверняка то же самое. Кто-кто, но военный комендант ведь должен об этом знать? Ты думаешь, господин, что это такой же разбойник, как и все прочие? Из тех, что порой воруют даже стадо овец у пастухов, чтобы продать за пару слитков серебра?

Она покачала головой.

— Но прежде всего, — сказала она, — ты никогда не видел его людей, комендант. Если бы они переоделись в мундиры, они больше были бы похожи на солдат, нежели твои подчиненные. Думаешь, Глорм окружает себя дураками?

— Глорм… — повторил офицер. — Похоже, ты его хорошо знаешь, госпожа?

— О… — Она кокетливо улыбнулась. — Ревнуешь?

Офицер чуть не заскрежетал зубами.

— Честно говоря, — уже более серьезно добавила она, — я его знаю не особенно хорошо. Мы виделись только один раз. Но кот — мой друг. Однако прежде всего я знаю горы, комендант. Я ночую в пастушьих селениях, иногда меня подвозят купцы, я встречаю солдат, разбойников и бродяг, бываю в городах… Я многое вижу и слышу. Говорю тебе, это не были люди Басергора-Крагдоба.

Он уже снова владел собой.

— Но в таком случае, — сказал он, садясь, — что же это за банда? Тридцать человек!

— Аж столько?

— Да.

— Есть несколько таких. В Тяжелых горах. Все это весьма интересно…

— Во имя Шерни, — покачал головой офицер, снова вставая, — я сижу здесь и разговариваю с молочной сестрой всех этих головорезов!

— Ну, ваше благородие, — пожала она плечами, — это не я посылала гонца за тобой. Я не разбойница и никогда ею не была. У меня в горах свои дела. Но чтобы ими заниматься, мне приходится жить в согласии с разбойниками, точно так же, как я хочу жить в согласии с солдатами.

— С этим невозможно примириться! — сердито заметил он.

— Я мирилась десять лет, — спокойно ответила Каренира. Она постучала по столу. — Время уходит. Скажи мне, господин, все, что я хотела бы знать, а потом я подумаю, хочу ли я и могу ли я тебе помочь. А может быть, я должна тебя попросить, чтобы ты вообще принял мою помощь?

— Может быть, и стоило бы, — неожиданно согласился офицер. — Я многим рискую, ведя переговоры с личностью, которая, даже если и не вне закона, то, во всяком случае, известна своей подозрительной репутацией.

Она встала.

— Я на тебя обижена, — сказала она с лучезарной улыбкой, но взгляд ее был столь чужим и холодным, каким он мог быть только у нее; на него смотрели темно-серые глаза, которые были старше остального лица на тридцать лет и которые не могли быть глазами женщины… Он знал историю этих глаз; в Громбеларде ее знал, наверное, каждый. Какие глаза были у нее раньше? Черные. Наверняка черные. И главное — женские…

— Подожди, госпожа… Я просто пошутил и был неправ, — признал он свою ошибку. — Предлагаю договор: добровольно, с твоего же согласия, ты поведешь моих людей за той бандой. Так далеко, как потребуется. Ты ведь знаешь горы, знаешь, где у таких отрядов есть или могут быть тайные убежища.

Она посмотрела на него так, словно он был стервятником, но без клюва и крыльев, зато с морковкой или петрушкой в когтях.

— Погоди, ваше благородие… Ты полагаешь, будто я вижу в жизни одних лишь крылатых с голыми шеями… а солдат вожу прямо в лапы смерти? А что, если твое войско я сброшу в пропасть? Или выпью их кровь?

— Пятьдесят человек? — с иронией спросил он. — Это, пожалуй, многовато, даже для Охотницы.

Она внимательно посмотрела на него. Неужели он все-таки дурак?

— Величайший мудрец Шерера, — сказала она, — много лет был моим опекуном и учителем. А историю империи он знал, как никто другой на свете. Он многое мне рассказал.

— И что же он рассказывал?

— Хотя бы то, что во время войны за Громбеларда целые сотни армектанской пехоты пропадали в горах из-за предательства проводников… Так что, — она приподнялась на цыпочки, покачиваясь, — могу засвидетельствовать, что это вполне возможно.

— Это были армектанцы. Люди, совершенно не знающие гор.

— Да. Но их вели какие-то проводники… Не я.

— Что ты мне хочешь доказать, Охотница? Хорошо: прежде всего, я не верю, что ты умышленно погубила тех солдат из Громба. Честно говоря, та история — единственное пятно на твоей легенде. Ты никогда не вставала ни у кого на пути — только истребляла стервятников. Это твое дело. И даже достойное похвалы.

Однако он все-таки был глуп. Может быть, не до конца, но… Она подумала о том, почему всегда получается так, что охотнее веришь в то, во что верить удобнее всего.

— Кто возглавит этот отряд? Ты, комендант?

— Это невозможно. Я здесь один, с тремя подсотниками. Почти всех офицеров вызвали в Громб… но это уже тебя не касается, госпожа. Еще раз буду с тобой откровенным: крайне неудачно, что «Покоритель» сожгли именно сейчас, когда я командую гарнизоном. Ясное дело, формально меня обвинить не в чем. Вот только через месяц-другой меня переведут на какую-нибудь мерзкую должность, «в целях ознакомления с различными условиями службы»… Мне нечего терять. Эту банду необходимо уничтожить. Впрочем, не только ради моей карьеры. Мне все равно, что ты по этому поводу думаешь, но к службе я отношусь серьезно. Я здесь для того, чтобы обеспечить порядок. А если это невозможно, то наказать тех, кто его нарушает. Если мне в этом поможет разбойник — он станет моим союзником. Если шлюха — тоже. А если ты — еще лучше, потому что я не считаю тебя ни тем ни другим.

— Очень мило, — весело сказала она. — Тем более жаль, что договор этот для меня

неприемлем.

— Ты даже не спрашиваешь, госпожа, что я могу тебе предложить?

— Спрошу. И что же?

— Если все пройдет удачно, я позабочусь о том, чтобы во всех гарнизонах услышали о твоих заслугах. Пожалуй, стоит того?

— Ну-у… не знаю. В глазах горцев я стану с той поры шпионом Громбелардского легиона… Я могу прикончить двух-трех разбойников на постоялом дворе. Их предводитель, если он не дурак (а он наверняка не дурак, поскольку дурак редко становится предводителем), еще и сам проклянет идиотов, которые напились, выполняя его задание, и встали на пути у королевы гор. Но другое дело — вести легионеров по следу банды. Это не мое дело. Каждый так скажет. И из охотницы я стану дичью. А что будет, если операция не удастся? Нас заманят в ловушку, перебьют половину или вообще всех… а Охотница снова выйдет сухой из воды? Тогда меня начнут преследовать все — и солдаты, и разбойники? Благодарю покорно, ваше благородие. Это большая честь для меня — но нет.

— Значит, ты мне не поможешь, — сухо подытожил офицер.

— О!.. — Она наморщила нос, показав зубы. — Этого я не говорила. Почему бы армии меня хотя бы немного не полюбить? Раз уж я так сильно люблю армию?

Фанфары, барабаны и знамя Громбелардского легиона действительно были ей ни к чему. Если каждый десятник начнет вдруг славить подвиги отряда, который разбил наголову группу разбойников, а помогла ему в этом Охотница… то лучше уж сразу возвращаться в Дартан. В объятия любящего супруга. К мягкому бархату, роскошным подушкам и мрамору.

Попросту говоря, ко всему этому дерьму.

«Здесь нельзя это вешать, Кара».

«Мой лук? Он что, не может висеть в *моей* спальне? Так что мне с ним делать, скажи? Где в этом доме держат оружие?»

«Не в этом доме. В нашем доме, Кара. В оружии здесь — наконец-то — нет никакой необходимости. Ты же знаешь, я тоже привык к мечу. Но ведь не в собственном же доме».

Она слегка похлопала по висевшему у седла колчану.

— Прости меня, — трогательно сказала она.

Не сходя с коня, она постучала кулаком в ворота. Скрипнуло маленькое окошко, открытое энергичным рывком. В нем появилось чье-то лицо, после чего ворота отворились.

Постоялый двор выглядел так, как и говорил Эгеден. Собственно, он даже не очень пострадал. Только конюшни не было.

Из дома вышел ей навстречу подсотник, в полном вооружении. Несмотря на шлем, она легко узнала старого солдата, который впустил ее на территорию гарнизона. Он по-военному приветствовал ее. Она с серьезным видом ответила ему тем же. Он слегка улыбнулся.

— Сразу же за мной, — сказала она, спрыгивая с коня, — едут сорок бравых легионеров. Скоро они будут здесь. Похоже, я говорю с командиром?

Он посмотрел на нее с едва скрываемой враждебностью.

— Как так получается, госпожа, что ты знаешь о том, что совершенно не должно тебя волновать?

Она кивнула.

— Я все объясню. Пусть кто-нибудь займется моим конем, хорошо? Есть здесь какое-нибудь место, где можно спокойно поговорить?

Вскоре она передала ему письмо от Эгедена. Он прочитал его и без особого энтузиазма, но во всех подробностях рассказал ей обо всем, о чем она хотела узнать.

4

На этот раз уже не слышалось размеренного чавканья копыт в грязи. Она мчалась по тракту, словно гонец легиона. Немного отдохнув в Бадоре, она поехала дальше, в Громб —

уже медленнее, попеременно рысью и шагом.

Бандитов на тракте она не встретила. Но могла. Маловероятно, чтобы разбойники продирались через горы от самого перевала Стервятников. Хотя — ведь она не знала их планов. То, что они были из Тяжелых гор, ничего не значило. Они могли идти куда угодно. Хоть на Тройное пограничье.

Ей было интересно, как армия возьмется за дело?

Громб она не любила, поскольку не находила там для себя ничего хорошего. Но тем не менее в этом городе она бывала чаще всего, поскольку обычно вела свою охоту в радиусе двадцати с небольшим миль от Громба.

Она знала одно имя… вернее, знавала когда-то, а сейчас почти забыла. Но человек, носивший это имя, в Громбе был хорошо известен. Он был оружейником и изготавливал клинки, которые пользовались большим успехом.

Ну да. Однако в Громбе она не показывалась уже давно. Да и раньше она никогда не искала встречи с этим человеком.

Может быть, что-то изменилось?

Она спросила о нем в трактире.

— Оружейник? — Трактирщик удивился, словно впервые слыша о такой профессии, и глубоко задумался. — Оружейник…

Она пододвинула к нему серебряную монету.

— Оружейник, — повторила она. — Тот, кто делает оружие. Совершенно неизвестная в Громбе профессия. На каждой улице живут, самое меньшее, двое. Не считая Железного переулка.

До трактирщика дошло, что женщина знает Громбелард и сам Громб не только по слухам.

— Я не понял, госпожа… — пробормотал он. — Я плохо понимаю кинен.

— Оружейник, — сказала она, на этот раз по-громбелардски; у нее был отчетливый армектанский акцент, но местным языком она, вне всякого сомнения, владела неплохо. — Мне нужен лучший оружейник в Громбе. Что? Теперь наверняка скажешь, что у меня плохое произношение?

Она бросила ему еще одну монету.

— Но у меня еще и хорошее настроение… пока. Итак?

— Здесь живет несколько известных…

— Самый лучший. Знаешь, что означают слова «самый лучший»? Скажи, корчмарь, ты или такой глупый, или такой жадный? Скажи прямо, и, может быть, мы наконец договоримся?

— А если жадный? — решительно спросил он.

— Мне это нравится! — обрадовалась она. — Это за откровенность…

Он вытаращил глаза при виде трех золотых монет.

— …а это за мое потерянное время, — закончила она, ударив по прыщавой роже с достойной уважения силой.

Гости (какие-то неприятного вида типы) за ближайшими столами, с интересом следившие за разговором, радостно завопили, когда корчмарь грохнулся затылком о стену, хватаясь за скулу.

— Эй, красотка! — с хохотом бросил один из посетителей. — Иди прямо на рынок! А там спрашивай первого встречного, из тех, что везде болтаются! Каждый тебе скажет! У твоего оружейника там, неподалеку, свой дом!

Она махнула рукой в знак благодарности. Когда она шла к двери, в зале все еще царило веселье. Кто-то по пути похлопал ее по плечу, кто-то по заду, но не с целью домогательства, а в знак уважения.

— Красотка! — крикнул кто-то еще. — Давай вечерком сюда! Золото у тебя есть, в кости сыграем!

Ведя коня под уздцы, она пошла в сторону рынка.

Между прилавками с воплями носилась чумазая детвора. Детей было полно везде, но на рынке, где много чего происходило, а порой удавалось кое-что стянуть, бегала целая орава. Она подставила подножку одному из сорванцов, а когда он грохнулся о землю, разбив себе нос, бросила ему медяк, задав тот же вопрос, что и трактирщику. Он показал пальцем нужное направление. С пальца слезал ноготь, раздавленный, видимо недавно, чем-то тяжелым.

— Веди! — приказала она.

Щенок протянул руку, собираясь повести ее за собой, но она отшатнулась, отпихнув его сапогом. В Дартане она избавилась от вшей, и у нее не было никакого желания обзавестись ими снова.

— Держись подальше, жабеныш, — предупредила она.

Дом стоял на узкой улочке, второй от рынка. Прогнав мальчишку, она внимательно осмотрела здание, стараясь его запомнить. Потом взяла колотушку.

Знаменитому оружейнику было лет пятьдесят пять — шестьдесят, он был коренастым, пышущим здоровьем, хотя и не слишком высоким человеком. Он принял ее вежливо, но сразу дал понять, что любой гость, не являющийся клиентом, пусть даже женщина, и притом чистой крови, отнимает у него время. Она вспомнила беседу с корчмарем и подумала, что на этот раз пустых разговоров не будет.

— Я вижу, мое армектанское имя не произвело на тебя впечатления, — прямо сказала она. — Здесь, в Громбеларде, меня называют Охотницей. Меня прислал к тебе, мастер, князь гор. Естественно, Л. С. И. Рбит.

Оружейник бросил на нее быстрый испытующий взгляд, но тут же снова обрел спокойный, почти безразличный вид.

— Басергор-Кобаль? — медленно проговорил он, наморщив лоб. — А ты, госпожа… Хм, я слышал эти имена, а как же… Но я не знаком с теми, кто их носит.

Она поняла, что он ее не знает. Он был осторожен. Что ж, она ведь сказала Эгедену правду: Басергор-Крагдоб не окружал себя дураками.

Не говоря ни слова, она показала на свои глаза, потом на колчан и лук, наконец без лишних церемоний приподняла куртку и рубашку, предъявив спину с многочисленными следами когтей.

— Что еще нужно для того, чтобы убедить тебя, мастер? Привезти убитого стервятника? Хорошо, но на это потребуется время.

Он кивнул, неожиданно улыбнувшись.

— Ну хорошо, госпожа… Его благородие Рбит говорил когда-то, что ты обо мне знаешь. Но прошли годы, а тебя все не было. Идем. У меня есть комнатка наверху… этакая келья… там и поговорим.

— У меня только два-три вопроса.

— Ничего. Идем. Здесь слуги, мастерская… подмастерья… — Он обвел рукой вокруг, — Лишняя осторожность никогда не помешает.

Она была с ним совершенно согласна.

На стенах небольшой комнаты, которую оружейник называл своей кельей, висело разнообразное оружие, по большей части мечи. Она легко узнала военные — короткие и довольно широкие. Среди них более легкие мечи конницы, мечи пехоты легиона, с простой крестовой рукоятью, и гвардейские — с рукояткой, несколько наклоненной вниз. Эти она любила больше всего, они были прекрасно сбалансированы. Но дальше висели мечи более длинные, которые обычно носили высокорожденные, наконец, полутораручные и двуручные мечи пехоты. Она слышала от Дорлана, что когда-то пользовались и такими.

— Уже много веков никто этим не сражается, — показала она на стену. — Последний раз, кажется, во времена королевства Трех портов, во время войн за объединение Армекта.

— А ты в этом разбираешься, госпожа, — заметил он, приятно удивленный. — Здесь бывали люди, которые спрашивали, где от них ножны и не мечи ли это гигантов.

Она рассмеялась.

— О! — пробормотала она. — Вот такой я видела… Наверняка знаешь у кого, мастер?

— Тарсан. — Он снял меч со стены. Лезвие было необычно длинным и узким, предназначенным, собственно, лишь для уколов. Его утолщенное основание, совершенно тупое, могло принимать на себя любые удары. — Я знаю, госпожа, у кого ты его видела. Подумай, может ли человек, который пользуется таким оружием, быть врагом оружейника? Я плачу ему дань, и притом охотно… Знаешь, какой дани он требует, госпожа? Одну серебряную монету в год! Он сказал, что я не могу быть исключением. Каждый платит дань королю… Странный это человек, госпожа.

— Я знаю.

Оружейник аккуратно вернул меч на место.

— О чем думает человек, который кует клинки, проливающие потом кровь во всех уголках Шерера? — спросила она. — Ведь они убивают…

— Ты когда-нибудь держала в руках мое оружие, госпожа?

Он показал выбитое на оружии клеймо.

— О, узнаю… Да, держала.

— А ведь это клеймо гарнизона Громба.

— Значит, я сражалась твоим оружием, мастер. Так о чем думает человек, изготавливающий смертоносное оружие? — повторила она.

— В самом ли деле смертоносное?

— О да, в самом деле.

— Значит, такой человек может своей работой гордиться.

— Гордиться?

— А что, следует стыдиться честной, хорошо исполненной работы? Мои мечи молчат, госпожа. Они не утверждают, что они есть добро, но и не говорят, что они есть зло. Это ведь не от них зависит.

Она кивнула.

— Ты умный человек, мастер. Мастер, я ищу своего друга. Кота Л. С. И. Рбита. В окрестностях Рикса есть постоялый двор, на который напала банда. На перевале Стервятников, в Узких горах, может быть, ты слышал… Среди разбойников был кот. Банда выдавала себя за отряд Басергора-Крагдоба. Я знаю, что это неправда. Идет какая-то игра. Я хочу, чтобы Рбит и Глорм об этом знали.

Он внимательно смотрел на нее.

— Ты хочешь, чтобы я тебе сказал, госпожа, где их искать?

— Хм… Честно говоря, мастер, я думаю, ты сам этого не знаешь. Самое большее — знаешь кого-то, кто передаст весть дальше. Или не так?

— Ну и проницательность. Именно столько я и могу сделать.

— Что, если я скажу, где меня искать?..

— В течение нескольких дней ты получишь ответ, госпожа.

— Прекрасный разговор, — сказала она. — Проводишь меня до дверей, мастер? Где здесь можно найти приличное место, чтобы переночевать и пожить пару дней? Приличное место, — подчеркнула она.

— Пройди через рынок, госпожа. Улица напротив. В конце ее есть гостиница.

— Помню. Я в ней когда-то останавливалась раз-другой… Что ж, именно там можно будет меня найти.

Сняв комнату, ужин она забрала туда с собой. Она не любила сидеть вместе со всеми в большом шумном зале. Тем более, что знаменитый оружейник, видимо, в этой гостинице давно не бывал. Когда-то здесь действительно было сносно, но, похоже, хозяин гостиницы серьезно заболел, и всеми делами заправляла его жена. В результате гостиница превратилась в самый омерзительный притон во всем Громбе, а у королевы гор не было никакого желания снова драться с какими-то типами, которые попытаются ее пощупать.

Она съела кусок жареного мяса, выпила две кружки крепкого пива и принесла себе

снизу третью. И еще бокал вина на утро, прополоскать рот, когда проснется.

Лежа на рваном матрасе, она потягивала пиво и размышляла о том, как надолго здесь застряла. Но что толку гадать? Ничего больше поделать она пока не могла. Не искать же Рбита где-то в горах! Так можно искать и до конца жизни!

Отставив кружку, она начала снимать куртку, однако ей было отчего-то тяжело… Она оставила одежду в покое и вернулась к пиву. Сегодня ей не хотелось делать никаких приседаний.

«Каренира, нельзя на глазах у слуг каждый вечер заниматься этими своими прыжками. Нет таких слуг, кто бы не общался с другими слугами, ожидая всю ночь у носилок, пока мы пируем у князя».

«Ну что опять? Я что-то снова не так делаю?»

«Пол-Роллайны уже знает, Кара, что ты каждый вечер посвящаешь каким-то подозрительным упражнениям. Не говоря уже о том, что, по общему мнению, ты сложена как бывалый воин».

«А что в этом плохого? Кого это волнует?»

«Кого… Пол-Роллайны, Каренира…»

«Пол-Роллайны! Погоди, а может быть, другая половина Роллайны уже знает, что ты трахаешь меня всегда сзади, как какую-то паршивую кобылу?! Что, смотреть на меня не можешь?! Наверное, у меня должны быть сиськи с кочан капусты?! Как у Лойяны или у той, в золотом платье. Оставь меня, ради всех сил, пока я тебя в окно не выкинула! Увидишь, на что способен бывалый воин!»

«Кара… Ты хотела, чтобы я забрал тебя из Тяжелых гор. Почему ты не сказала, чтобы мы поехали в Армект? Ведь я спрашивал. Ты сказала: куда угодно. Теперь ты хочешь перенести в Дартан и Армект, и Громбелард. Ты должна выбрать, жена моя. Ты выбрала. Я знаю, чего я хочу: иметь свой дом и тебя. А ты? Ты знаешь, чего хочешь?»

Откуда-то из глубины гостиницы донесся ураганный взрыв смеха, прервав ее воспоминания.

— Знаю, муж мой… бывший муж. Теперь уже хорошо знаю, — пробормотала она, поднимая кружку.

Она набрала пива в рот и выплюнула на стену. Бездумно рассмеявшись, она смотрела, как оно стекает, совершенно черное в свете свечи.

— Я хочу быть громбелардской дамой…

Она встала — в животе булькал избыток жидкости. Выйдя из комнаты, она приподняла юбку и помочилась там, где это обычно делали гости почти в каждой громбелардской гостинице: у стены темного, узкого коридорчика.

Пошатываясь, она присела, обмакнула палец в лужу и написала на полу: ДАРТН… Она ошиблась, но все равно ничего не было видно.

Потом навалила рядом кучу.

Вернувшись на свою койку, она расплела косы. Волосы были жесткими, кожа на голове зудела. Что ж, пора было и помыться.

— Завтра, ваше благородие, — пообещала она себе. — Завтра, завтра…

Она легла, накрывшись одеялом.

— Ну, Рбит, — зевнув, сказала она, — долго мне прикажешь здесь торчать? Хватит с меня этих дыр. Я хочу в горы.

Она выставила ногу и пнула шаткий стол. Свеча опрокинулась и погасла.

— В горы…

5

Примерно в то же самое время в Риксе Эгеден, временно командующий гарнизоном, встретился с Р. В. Соттеном, вторым наместником верховного судьи трибунала. Уже само начало разговора крайне взволновало сотника, однако его вопросы остались без ответа.

— Ты слишком многое хочешь понять, господин. — Его благородие Соттен пребывал в весьма дурном настроении и не пытался скрыть этого от офицера. — Понимать от тебя не требуется. От тебя, господин, требуется рубить мечом. А рубить ты будешь того, кого я тебе укажу.

Эгеден с трудом сдерживал гнев. Его собеседник, похоже, это заметил… однако, судя по всему, не особо опасался гнева сотника легиона. Заложив руки за спину, он молча смотрел на офицера.

— Твои действия, господин, едва не провалили весь план. Я мог бы закрыть глаза на то, что в руках у тебя была женщина, которую мы давно уже разыскиваем, — и ты ее отпустил. Но каких-либо уговоров с бандитами я не потерплю! — Соттен повысил голос. — Да еще за спиной наместника трибунала! Имперского трибунала, господин *почти* комендант!

Эгеден молчал.

— Если трибунал, — продолжал, уже тише, наместник судьи, — решает, что должен быть сожжен какой-то постоялый двор, — надо полагать, это соответствует интересам империи. Надеюсь, это ясно? И далее: если трибунал хочет, чтобы в легионах об этом не знали, — надо полагать, это тоже соответствует интересам империи. Понимаешь меня, господин?

— Нет, — ответил Эгеден.

Наместник изумленно уставился на него.

— Нет, — повторил офицер. — На моих глазах погиб человек, которого допрашивали в камере трибунала. Теперь же я слышу, что он действовал по указанию трибунала! Нет, господин, не понимаю.

— Плохо действовал, — ответил Соттен. — Значит, не понимаешь? Ну и ладно, — неожиданно заключил он. — Был ты, господин, заместителем коменданта гарнизона…

— Не был, а есть! — резко возразил Эгеден, делая шаг вперед. — И, во имя Шерни, может быть, завтра я им и не буду, но сегодня, ваше благородие, думай, что говоришь!

Соттен внимательно посмотрел на офицера.

— По собственному неведению, — сказал Эгеден, — я, возможно, и перечеркнул планы трибунала. Вывод я вижу лишь один: непонятно по какой причине держа меня в неведении, ты, господин, нанес ущерб интересам трибунала. А значит, и интересам империи. Может быть, прежде чем я расстанусь со своим постом, мне написать подробный рапорт? И послать его в Громб?

Соттен смерил его взглядом.

— А знаешь, господин, для военного ты не так уж и глуп! — наконец сказал он. — Сядем. И поговорим.

Эгеден нахмурился, однако кивнул.

— Трибунал забросил сеть, — начал Соттен. — Но как ты представляешь себе, господин, сети трибунала? Это очень тонкое хитросплетение; если многие начинают тянуть его в разные стороны — оно рвется.

— Ваше благородие, ты требуешь, чтобы легионы пребывали в полном бездействии, опасаясь порвать ваши сети?

— Должен признаться, может быть, в самом деле следовало бы сотрудничать более тесно… Однако это не от меня зависит, комендант. Мы оба находимся в одной и той же ситуации; я лишь временно управляю делами трибунала в Риксе, в отсутствие его благородия первого наместника. Так что мы должны понимать, в каком положении находится каждый из нас…

Эгеден чуть скривился, слушая эти внезапные призывы к солидарности.

— Нашим замыслам помешало мелкое обстоятельство, — продолжал наместник, — которого никто не мог предвидеть. Смотри: с большим трудом удалось найти два подходящих существа, человека и кота, готовых за золото выдать себя за величайших бандитов Громбеларда. Собрав собственный отряд, эти смельчаки совершили отчаянное нападение, громко крича, что они — властелины гор… Однако прежде здесь появляется та

женщина, везя с собой одного из их людей. Тот человек должен был погибнуть, держать его где-нибудь было рискованно — а если бы он сбежал? Или начал бы говорить, хотя бы с охранявшими его стражниками?

— Он не мог слишком много знать. Впрочем, даже если бы…

— По-настоящему мало знают лишь покойники. И лишь покойник наверняка не сбежит.

— Излишняя осторожность. Впрочем, должен он был умереть или не должен… Нужно было обо всем мне сообщить.

— Дело все в том, господин, что легионы должны были вести себя как обычно.

— Разве я и легионы — одно и то же? Легионы действовали бы как всегда, я же отказался бы от дополнительных мер.

Соттен развел руками.

— Что поделаешь… — с сожалением сказал он. — Если бы не то обстоятельство! Кто же мог знать, господин, что ты позовешь на помощь женщину, которую мы ищем?

— А за что, собственно? Ее вина так и не была доказана, имелись лишь разнообразные подозрения.

— Что ж, господин, это правда. Официально ее никто не разыскивает, и посылать за ней солдат нельзя. Но если она пришла сама? Сразу бы выяснились все эти «подозрения». Нашлись бы доказательства… ее собственные признания, комендант!

Эгеден нахмурился — камера пыток всегда внушала ему крайнее отвращение. Однако он промолчал, прекрасно понимая, что Соттен лишь сгущает краски. Армектанскую женщину чистой крови не мог пытать просто так, ни с того ни с сего, какой попало урядник трибунала в захудалой провинции.

— Теперь скажи, господин, — продолжал наместник, — что было бы, согласись она с твоим предложением? Ведь она опытная проводница, твои легионеры за несколько дней обнаружили бы мои сети и порвали их, тем более что сети эти вовсе незачем было скрывать. Единственное — никто не должен был видеть в них ловушки.

— Однако Охотница моих людей не ведет.

Соттен с облегчением вздохнул.

— За это я отпускаю ей все давние прегрешения…

(«…Тем более что тысячника П. А. Аргена трибунал не слишком любил за излишнюю самостоятельность», — с горькой иронией мысленно добавил Эгеден.)

— …она может оказаться нам даже полезной, — продолжал наместник, — если заманит своих приятелей прямо в нашу ловушку.

— Так в чем проблема?

— А в том, комендант, что, если бы я сразу знал про ваш договор, может быть, я сделал бы так, что с помощью этой женщины сеть, вместо того чтобы ждать, пока в нее попадется рыба, сама бы на нее кинулась!

Эгеден кивнул.

— Но, господин, — помолчав, сказал он, — не слишком ли ты доверяешь своим наемникам? Подумай, с кем им предстоит сражаться.

Сотник, как почти каждый солдат Второй провинции, с равным энтузиазмом преследовал знаменитую пару и восхищался ею. Наместник, однако, сделал вид, что этого не замечает.

Соттен не подавал виду, что, честно говоря, вовсе не уверен в успехе рискованного и весьма дорогостоящего плана. События, имевшие место на перевале Стервятников, давали немало поводов для размышлений. Прежде всего он прекрасно понимал, что группа, выдававшая себя за отряд властелинов гор, состоит (по крайней мере, в значительной степени) из идиотов, у которых на уме лишь золото и приключения. Он надеялся, что их предводители хоть немного умнее пьяных придурков, с которыми Охотница разделалась в «Покорителе». Однако он вовсе не был в этом уверен.

Поэтому сразу же после того, как он узнал о соглашении между сотником и

армектанкой, он послал в Бадор, Громб и Рахгар своих людей. Был хоть какой-то шанс, что они найдут где-нибудь лучницу и не потеряют ее из виду, пока она не приведет их к Басергору-Крагдобу. Если же было поздно, может быть, удалось бы эту женщину задержать и заставить говорить…

Соттен даже не подозревал, сколь необычными будут последствия предпринятых им действий и сколь далеко разнесется порожденное ими эхо.

6

Огромный как скала мужчина в развевающемся плаще, вынырнувший из сплошной пелены дождя, напоминал некий мрачный призрак. Его гнедой конь был столь же могуч, как и всадник, но не отличался чистотой крови и красотой. Особо выделялись коренастое телосложение и мощная грудная клетка животного. От легкого, горячих кровей коня и в самом деле в горах было немного пользы. Но типичный лондер — ибо гнедой принадлежал именно к этой породе — обычно был конем рабочим, слишком тяжелым для верховой езды. Другое дело, если кому-то важнее была сила животного, пусть даже ценой резвости и поворотливости.

Выбравший лондера всадник, вероятно, знал, что делает. Уже сам по себе он весил достаточно для того, чтобы у чистокровного дартанского жеребца подогнулись ноги, а к весу тела добавлялось еще и снаряжение. Прежде всего — огромное количество оружия. У бедра великана висел в кожаных ножнах длинный и узкий меч; на том же поясе висел с другой стороны большой тяжелый нож, которым обычно пользовались охотники для свежевания дичи. Под плащом, на спине, отчетливо вырисовывались очертания еще одного клинка — похоже, обычного военного меча. Кроме того, у седла висели: с одной стороны топор, с другой же — частично закрытый чехлом, солидных размеров арбалет вместе с запасом стрел. Вооружение дополняла кольчуга, видневшаяся из-под куртки, сшитой из медвежьей шкуры и совсем почерневшей от влаги.

Человек этот был очень похож на легендарного свирепого Басергора-Крагдоба, короля Тяжелых гор и громбелардских разбойников.

Собственно, это он и был.

Конь же его ничем не отличался от обычного лондера. И это тоже было правдой. Только лондер этот родился в Дурном краю, а имя его звучало, как требовала того традиция, — Гальватор. То есть — Бессмертный.

Большинство полагало (без каких-либо на то оснований), что бессмертные кони, рожденные в Дурном краю, — это какие-то огненные жеребцы небывалой красоты, и к тому же обязательно вороные. Трудно сказать, откуда взялось это ошибочное мнение. Бессмертным был любой конь, зачатый и рожденный в Дурном краю. Однако короля гор не слишком заботило развенчание предрассудков о вороных жеребцах… да и прочих сказок. «Бессмертного» коня можно было убить, однако даже самые тяжкие раны, нанесенные этому животному, если только не приводили к немедленной гибели, заживали легко и быстро, а кроме того, бессмертные кони могли обходиться без еды и даже без воздуха. Только и всего.

Здесь, на тракте между Рахгаром и Громбом, похоже, должна была состояться некая встреча гигантов. Рослый всадник остановил своего могучего коня, глядя на дорогу, на которой как раз появилась пружинистая, сливающаяся с дождем фигура кота-гадба, о котором каждый громбелардец сразу же сказал бы, что это самый крупный кот из всех, кого видели Тяжелые горы.

— Рбит, — спокойно сказал король гор, соскакивая с коня, — ты не мог послать Ранера?

Кот поднял лапу в ночном приветствии.

— Глорм, друг мой, — произнес он низким, мурлыкающим голосом, — если бы я мог, то послал бы. Ранер лежит избитый.

Разбойник нахмурился.

— Какие-то проблемы?

— Никаких. Играл в кости и выиграл.

— Дурак…

— Дурак. Я хотел, чтобы ты мне оставил Делена.

— Делен был мне нужен. Впрочем, он тоже нарвался бы на неприятности. Соблазнил бы всех женщин в Громбе.

— Но не дал бы себя побить.

— Это верно.

Вместе они двинулись дальше. Разбойник не беспокоился за оставленного коня, словно зная, что может ему доверять. И в самом деле, конь поднял горбоносую голову, посмотрел вслед удаляющейся паре, а потом пошел следом за ними.

— Я сто раз тебе говорил, — сказал Рбит, — что ты чересчур любишь покрасоваться. Хватит одного твоего роста. Вся эта оружейная лавка привлекает лишнее внимание, а уж этот твой вертел…

— Я сто раз тебе говорил, что это тарсан, — ответил разбойник, останавливаясь. — И нечего насмехаться над моим оружием. Хватит коня, над которым все смеются. Ни один легионер никогда не поверит, что так выглядит знаменитый Гальватор короля гор. На тракте я всегда обвешиваюсь оружием, и ты прекрасно знаешь почему. Кстати, сегодня утром я наткнулся на патруль.

— И что?

— Естественно, они обратили на меня внимание. Они спросили, кто я, — я ответил. Они рассмеялись и поехали дальше. Рбит, пойми наконец, что человек — это не кот. Легионер поверит во все, что угодно, только не в то, что Басергор-Крагдоб ездит по тракту с тарсаном на боку и называет свое прозвище каждому, кто о том спросит.

— Ладно. Но в Громбе ты это оружие спрячешь?

— Ясное дело.

Некоторое время они шли молча.

— А теперь, Рбит, — что слышно в столице?

— Много чего. Прежде всего, мы могли и не договариваться о встрече на тракте. Ты легко бы нас нашел.

— У Лошадника?

— Именно. Он выздоровел.

— Это хорошо.

— Ранер зализет раны через день-два, — продолжал Рбит. — Арма спит с двумя сотниками. Ты бы ее не узнал… Этой девушке нужно платье, Глорм. И драгоценности.

— Я что, запрещаю ей ходить по горам в платье? А драгоценностями я могу ее снабдить… если ей мало своих.

— Терпеть не могу, когда ты так говоришь об Арме, Глорм. Кто еще любил тебя так, как она?

— Меня любят многие женщины, Рбит. И ненавидит множество мужчин. Меня что, должно все это волновать? Опять старая тема. Я думал, она уже исчерпана…

Кот остановился и сел, положив хвост в лужу.

— Хорошо, — промурлыкал он. — Похоже, не трибунал и не старейшины цехов теперь важнее всего… Что случилось, Глорм? Мы обменялись лишь несколькими словами, и из них половина — твои сетования. Ты что, намерен постоянно мне выговаривать?

Разбойник покачал головой, потом присел и, сплетя пальцы, оперся локтями о бедра.

— Ты прав, ясное дело… Не обижайся, Рбит. Уже несколько дней что-то меня мучает… какое-то предчувствие. Одно из тех, что порой у нас бывает. Так было, когда Рабисал убил Аяну. И тогда, в Лонде, помнишь? Насколько я знаю, ты тоже что-то чувствовал, тогда, на перевале Туманов… Может быть, это из-за Пера?.. Мое не столь капризно, как твое, но… Что-то скверное творится.

— Потому и эти жалобы?

— Потому, Рбит. Должен признаться, я и в самом деле не в настроении. Извини, если обидел.

— Я уже привык, — сказал кот, с выражением, которое на человеческом лице выглядело бы кривой усмешкой. — Ладно, друг мой. Если мы хотим заночевать под крышей — нужно идти.

Лошадник пользовался в Громбе большим уважением. Он лечил лошадей. Некое тайное, неизвестно откуда происходящее знание позволяло ему распознавать лошадиные недомогания. У него было множество всевозможных мазей и микстур, он применял припарки и сотни разных удивительных процедур — чем более странными они были, тем большее уважение к нему внушали. По слухам, он вылечил немало коней. Глорм не сомневался, что так оно и было, однако к своему Гальватору скорее подпустил бы мясника, чем Лошадника.

Недавно Лошадник заболел. К счастью, он выздоровел, возможно, с помощью собственных же снадобий. Раз они могли поставить на ноги лошадь, то почему бы и не самого Лошадника?

Рбит, однако, был полностью согласен с Глормом в том, что, скорее всего, причиной болезни стали вонючие испарения этих самых снадобий.

Лошадник был небогатым, трудолюбивым человеком, у которого не имелось ничего, кроме небольшой хижины в предместье. Одевался он скромно, отчасти как мелкий торговец, отчасти как ремесленник. Мало кто знал, что двухэтажный дом, расположенный, правда, довольно далеко от рынка в Громбе, тоже принадлежит бедному Лошаднику. Бедный Лошадник, с помощью своей бедной матери, жившей в этом доме, брал неслыханную плату с тех, кто снимал там комнаты, — вполне, однако, разумную, чтобы наниматели не померли с голоду или же не пошли куда глаза глядят, лишь бы подальше от дома Лошадника.

На втором этаже этого дома никто не жил. Эти комнаты, к которым вела узкая лестница, всегда ждали особых гостей. Такова была дань, которую платил Лошадник королю Тяжелых гор.

Не считая пары десятков никчемных тройных золотых слитков в год…

Хозяин дома лично обслуживал своих гостей, подавая на стол все новые блюда и напитки. Никто не узнал бы в этом энергичном, хорошо одетом человеке лошадиного знахаря из предместья. Он иначе разговаривал, иначе двигался, и на нем не было шапочки, обычно скрывавшей удивительно густые, тронутые благородной сединой волосы.

Глорм ел и пил в меру своего роста; Рбит — в меру своего рассудка.

— Итак, — сказал король гор, расстегивая пояс и с некоторым сожалением глядя на остатки ужина, — повтори еще раз самое главное, Рбит. Я не слушал, поскольку был занят едой.

Кот, застольные манеры которого были достойны его фамилии, отодвинул миску, уже пустую, и, омочив усы в серебряной чарке с вином, посмотрел на хозяина. Тот тотчас же покинул комнату, явно считая это чем-то само собой разумеющимся.

— Спор перешел в войну, — сказал кот. — Впрочем, я сильно сомневаюсь, чтобы нам всерьез угрожали какие-то неприятности… а уж опасность? Командиры гарнизонов по-прежнему требуют ограничить влияние трибунала на армию. Урядники заявляют, что легионы без них словно слепые, могут патрулировать лишь улицы городов — и ничего больше…

Глорм утвердительно кивнул.

— Специальный посланник императора явно склоняется к доводам урядников и охотно расширил бы их влияние, вместо того чтобы его ограничивать. Напротив, князь-представитель утверждает, что у армии постоянно связаны руки и она, собственно, не в силах ничего предпринять, не считая рутинной патрульной службы… На самом деле, однако, представителя тяготят вездесущие шпионы трибунала, которые все время давят на военных. Всплыла и история с теми, которых легионеры повесили без лишних церемоний —

помнишь?..

— Да.

— Наместники трибунала утверждают, что информация, которую они получали благодаря тем людям, была просто бесценна. Солдаты же указывают на огромные злоупотребления, которые постоянно допускают всевозможные урядники, доносчики и шпионы, наделенные слишком широкими полномочиями… Война, Глорм. Но ничего не изменится, это точно. Они пробудут в ссоре еще неделю, потом разъедутся: коменданты в свои гарнизоны, наместники — в свои кабинеты.

— А что с облавой?

— Ее не будет.

— Ясное дело, — кивнул Глорм. — Но, похоже, в Рахгаре заместитель коменданта получил некие… гм… неофициальные указания.

— Возможно, — заметил Рбит. — Здесь, кажется, то же самое. Как армия, так и трибунал усилили свою активность. Каждый успех, Глорм, о котором те или другие сейчас доложат в Громбе, может оказаться серьезным аргументом в их споре.

Глорм встал и обошел вокруг стола.

— Где Арма?

— Скоро будет здесь. Может быть, что-то ее задержало. Нелегко быть любовницей двоих, да еще знакомых друг с другом мужчин одновременно.

— Не сомневаюсь.

Арма появилась тут же, словно услышав их мысли. Коту хватило одного взгляда, чтобы понять, что задержало ее не что иное, как желание предстать перед Глормом красавицей. На ней было розовое платье, на фоне которого ее золотистые волосы — несомненно, самые великолепные в Громбеларде — казались еще более солнечными, чем обычно. Если бы ее лицо могло сравняться по красоте с волосами, Арма была бы прекраснейшей девушкой из всех, когда-либо ступавших по земле Шерера, однако слишком большой рот и широко расставленные глаза этому не способствовали. Фигура у Армы была неплохая, может быть, чуть коренастая, но туфли на высоких каблуках (дартанское изобретение, в Громбеларде известное пока лишь в придворных кругах) добавляли ей росту и отчасти исправляли этот изъян. К достоинствам же ее в первую очередь принадлежало отзывчивое любящее сердце, и к своим товарищам с гор Арма относилась как к родным. Находясь среди друзей, она всегда излучала радушие, и лишь при виде Глорма на лицо ее падала легкая, почти незаметная тень.

Рбит мог сказать, что это за тень — то была грусть о несбыточной мечте.

Глорм пожал девушке руку и жестом предложил ей сесть.

— Мы как раз говорим о твоих легионерах, — без лишних слов начал он.

Она тряхнула волосами. Вскоре король гор уже знал то же, что и она.

— Я не знаю самого главного, — призналась она. — Легионеры действительно хотят себя показать. Похоже, они планируют в Громбе какую-то операцию — но не знаю когда.

— Ты вообще немного знаешь.

Девушка замолчала.

— Послушай, Глорм, — заговорила она, — я делаю, что могу… Но офицеры легиона вовсе не дураки. Из тех двоих… только один любит болтать. Может быть, мне… найти третьего? Может быть, урядника?

Если она надеялась, что разбойник возразит, то просчиталась.

— Найди, Арма.

Она отвела взгляд.

— Слишком рискованно, — заметил кот, демонстрируя достойную восхищения устойчивость к вину, которое, казалось, лакал без всякой меры. — Положение Армы весьма деликатное. Пойми, Глорм, я месяц прилагал все усилия, чтобы она оказалась там, где нужно. Но достаточно лишь тени подозрения, достаточно, чтобы кто-то начал выяснять, действительно ли она двоюродная сестра советника князя, и все рухнет… Тот человек берет кучу золота за то, что рассказывает байки о своем с ней родстве. Но он дурак. Золото не

заменит ему разума.

Глорм задумчиво расхаживал по комнате.

— Может быть, мне стоит самому этим заняться, — пробормотал он. — Князю-представителю наверняка не понравится, если его посетит в спальне мужчина. Особенно если этот мужчина начнет его душить.

— Нет, друг мой. Что было, того не вернешь. Ты мог держать за горло того старика, что правил Громбелардом год назад. Но теперь во дворце живет другой человек. Достаточно молодой, отважный, тщеславный и… умный.

Великан молчал.

— А может… пора? — наконец негромко сказал он. Арма и кот обменялись взглядами.

— Пора, — ответил сам себе Глорм. — Думаю, пора убираться отсюда… навсегда.

Наступила тишина.

— Ты это серьезно? — спросил Рбит, топорща усы.

— Во имя Шерни, я об этом говорю уже три года! — сердито ответил Глорм. — Думаешь, какая-нибудь шутка достойна того, чтобы повторять ее три года подряд? Очень приятно было услышать, что ты принял мои слова за пьяный бред или видения безумца!

— Ты и вправду считаешь, что дартанская Роллайна сделает тебя счастливым? — не мог поверить Рбит.

— Я и вправду считаю, что громбелардские горы меня им не сделают. Мне сорок лет. Я достаточно намахался мечами и промок от дождей насквозь. Сейчас я с удовольствием купил бы дом и нанял десять молодых девушек, чтобы они чесали мне спину.

— Ты отдаешь себе отчет в том, сколь наивно это звучит?

— Ясное дело. Наивно, что я не хочу сдохнуть в какой-нибудь горной пещере или в доме Лошадника, в шестьдесят или семьдесят лет. Время идет. Кости грубеют. Через двадцать лет легендарный разбойник Басергор-Крагдоб будет бездомным старикашкой с клюкой в руке. Буду сидеть и тешить взгляд накопленным в молодости золотом. Сладострастно пересыпать его из кучки в кучку. Так, что ли?

— Глорм, — тихо сказала молчавшая до сих пор Арма. — Я не поверю, что вся твоя жизнь служила лишь тому, чтобы накопить это золото.

— А твоя, Арма? Твоя, Рбит?

— Друг мой, самому высокорожденному коту империи незачем лазать по горам, чтобы добыть почести и состояние, — несколько высокомерно, но вместе с тем презрительно сказал Рбит. — Мой род получил свою фамилию из рук самого императора, ты об этом прекрасно знаешь. Идя в горы, я не искал богатства. Идя в горы, я от него отказался. Спрашиваешь меня о моем золоте? Возьми его себе! И отдай первому встречному пастуху.

— Возьми и мое, — коротко добавила Арма.

— Ради Шерни, — сказал Крагдоб, — уже три года я собираюсь покинуть Громбелард. Я никогда не делал из этого тайны от вас. Я знаю, что то же самое собирается сделать Делен. И Тева. Пришло время. Это моя последняя весна в Тяжелых горах.

— Но сначала нужно ее пережить, — помолчав, заметил Рбит. — Или, может быть, ты прямо сейчас хочешь седлать коня и ехать в Роллайну?

— Действительно, сначала нужно закончить все дела, — согласился Глорм, не обращая внимания на язвительный тон друга. — Я хочу знать все об этой «операции» в Громбе. Меня не волнует, Арма, найдешь ли ты себе третьего жеребца или еще троих. Пока что все вы меня подвели. И ты, и Ранер, и Рбит.

— Зато тебе, как всегда, все удается! — яростно крикнула девушка. — Ничего другого от тебя и услышать было нельзя! Да! Езжай в Роллайну! Самое время, чтобы ты оставил меня в покое!

Она вышла, громко хлопнув дверью.

На следующий вечер Лошадник принес известие, которое принял Рбит (Глорм уже спал в соседней комнате).

— Не верю! — довольно, хотя и несколько удивленно промурлыкал кот, выслушав хозяина дома. — Где она, говоришь?

— В гостинице, ваше благородие, в «Горном ветре». Мне проверить?..

— Нет, незачем.

— Значит — устроить встречу?

— Тоже нет. Я уже знаю все, что мне нужно знать. Остальное тебя не касается, господин коновал.

— Ваше благородие, моя профессия…

— Не утомляй меня, человек. Повторяю, я все уже знаю.

Лошадник извинился, поклонился, извинился еще раз, поблагодарил, извинился и вышел. Рбит побрел в другую комнату.

— Не верю! — проворчал он. Усы его слегка дрожали.

На столе валялись огарки нескольких свечей, кожаный сапог с высоким голенищем, а также миска с остатками каши и несколько пустых пивных кружек. Большая лужа заливала стол и часть пола. Посреди всего этого тлела убогая надтреснутая коптилка.

— Красиво, — проговорил разбойник, стоя в дверях комнаты.

Рбит сидел по центру помещения.

— Погляди сюда, — сказал он.

Королева гор лежала на койке, полуобнаженная; откинутая назад голова свешивалась вниз.

Глорм приподнял брови.

— Ну что ж… Сколько пива за один раз может выпить женщина?

— Но чтобы так упиться?

— Бывает, Рбит. Другое дело, что мне не совсем понятно, что теперь с ней делать?

— Похоже, кое-что…

Они переглянулись.

— Только попробуй сделать это самое «кое-что», о котором думает этот комок шерсти, и я тебе отрежу одно место, — хрипло произнесла женщина, не открывая глаз, зато показывая руку, в которой блестел солидных размеров нож. — Во имя Шерни, мне удалось обмануть кота… Мне просто нет равных!

Кот и разбойник смотрели то на нее, то друг на друга с нескрываемым изумлением.

— Но я полежу еще немножко, мне так хорошо… — снова заговорила она, все еще не открывая глаз. — Я люблю пиво, а в Дартане пить его считается неприличным… Вчера кто-то побывал у меня ночью, было темно, и он наделал шуму. Похоже, это его спугнуло, так что сегодня я оставила ему свет. Но пиво я и в самом деле пила — почему бы и нет?

Она открыла глаза, глядя на них почти с уровня пола. Голова кота находилась немногим выше. Ощетинившиеся усы и брови подрагивали от характерного кошачьего смеха.

— Женщина, — сказал он, — ты и вправду меня обманула.

Одним движением она села и положила руку на загривок кота.

Потом встала, протягивая руки Глорму.

— Но тебя я увидеть не ожидала…

Улыбнувшись, он сжал ее ладони.

— Ну, королева, что ты делаешь в этой норе?

— Нора, точно, — подтвердила она, потянувшись к опрокинутой кружке; в ней оставалось еще довольно много пива. Она сделала большой глоток и отдала кружку разбойнику. — Я вас жду. Это единственное, что удерживает меня в Громбе. Я хотела ехать в Рахгар.

Она села на койку, тряхнув распущенными, растрепанными волосами.

— Я только что оттуда, — сказал разбойник. — Оденься, армектанка. Ваши обычаи здесь, в горах, совершенно неуместны. Должен признаться, я не умею разговаривать с голыми женщинами. А особенно — с симпатичными.

— Что за город! — язвительно буркнула она. — Уже много лет я все время слышу здесь одно и то же!

— Видать, не без причин. Слишком уж вызывающе ты показываешь, откуда ты родом. И без армектанских обычаев все знают, что Шерером правит Армект. К чему столь вызывающее поведение?

Она неожиданно задумалась.

— Да… — проговорила она. — Да, похоже, действительно вызывающее…

— Оставим это, — как обычно, по-деловому вмешался кот. — Разве здесь подходящее место для разговоров? Так что собирай свои вещи, а я приведу трактирщицу. Пусть она нас выпустит так, чтобы никто не видел. Через черный ход, — пояснил он, — так же, как мы пришли. Глорм привлекает внимание… да и я не люблю, когда какой-нибудь пьяница дергает меня за хвост, видимо, полагая, что, лишившись глаз, он станет счастливым.

— Подожди, Рбит, — перебила Каренира, — значит, никто не знает, что вы здесь?

— Похоже, нет.

— Тогда убирайтесь тем же путем, что и пришли. Я хочу знать, кто вчера нанес мне визит. Может быть, придет сегодня… Где вас искать?

Рбит объяснил, как добраться до дома Лошадника.

— Но, может быть, мы лучше подождем? — спросил он.

Глорм покачал головой.

— Жди, если хочешь. Мне здесь все равно не спрятаться.

— Мне не нужна помощь, — заметила лучница.

— Я тебе верю, госпожа, — сказал разбойник, приложив руку к сердцу. — Так что ты ее от Рбита и не получишь… если она не потребуется. А теперь позволь твоему недостойному слуге уйти и заодно забрать твоего коня в какое-нибудь более пристойное место.

— Мой конь пегий, — сообщила она. — Чистокровный дартанец.

Он махнул рукой и вышел.

— Что, и ты не умеешь разговаривать с голыми женщинами? — насмешливо спросила армектанка, глядя на кота. — Однако мне кажется, что никто в здравом уме не спит в одежде? Если я хочу, чтобы ловушка сработала… В общем, спрячься.

— Можешь мне доверять, — убедительным тоном сказал кот. — Я услышу этого человека, даже если он пройдет по воздуху. Суставы скрипят, дыхание свистит, а одежда шелестит. Так уж заведено на этом свете.

Она тихо засмеялась, снова укладываясь на койку.

— Но ты и в самом деле, похоже, ко всему готова, — одобрительно заметил кот. — А ждать, может быть, придется долго. Еще вовсе не так поздно.

— Ты не поверишь, но я умею быть терпеливой — как кот.

— Поверю. Тот, кто убивает стервятников, должен также знать, что такое терпение.

Их тихая беседа продолжалась.

— Тяжелые горы скучали по тебе.

— Я слышала.

— Где ты была?

— Я стала женой Байлея, Рбит. Женой дартанца.

— Однако. И что дальше?

— Что дальше… Ничего. Я снова здесь.

— Надолго?

— Навсегда, друг мой.

Ей показалось, что она услышала нечто похожее на вздох. Она удивленно посмотрела на кота — прежде она никогда не замечала за Рбитом ничего подобного.

— Рбит?

— Ничего, Каренира.

Они помолчали.

— Я мог бы помочь тебе выслеживать стервятников, Кара?

От удивления она даже приподнялась на локте.

— Ты, Рбит? Помочь мне? Ради Шерни, что случилось?

Он устало опустил голову.

— Ничего, Каренира… — помолчав, сказал он. — Забудь. Я просто старею.

Она все еще смотрела на него, ничего не понимая. Потом снова легла.

— Почему ты не мужчина, Рбит? — спросила она. — Как бы ты выглядел, будь ты человеком?

— Не знаешь? — с серьезным видом сказал кот. — Ты знаешь человека, который мое второе «я» — хоть он и не кот…

— Правда, — прошептала она.

Они снова помолчали.

— И что? — спросил кот, но так, чтобы ее ничем не обидеть.

— И кажется, я его хочу, — смело ответила она, слегка улыбнувшись.

Долгожданный гость появился нескоро. Каренире, хвалившейся своим «кошачьим терпением», пришлось в ту ночь доказать его на деле, поскольку пришелец оказался необычайно осторожным. Спрятавшийся под койкой Рбит прекрасно слышал дыхание притаившегося возле неплотно при крытой двери человека. Он легко догадался, что тот хочет быть уверен в том, что женщина достаточно крепко спит. Однако Каренира отлично умела притворяться.

Дверь тихо скрипнула. В тусклом свете коптилки появился не слишком высокий, худой мужчина. Он на мгновение застыл, глядя на лучницу, потом ловко переместился к стене под окном, где были сложены ее вещи, и наклонился над сумкой.

Койка затрещала. Пришелец вздрогнул и быстро обернулся. Армектанка изучающе разглядывала его, преградив путь к двери.

— Из-за тебя, мой дорогой, я потеряла целую ночь, — угрюмо сказала она. — Но мой гнев не может сравниться с моим любопытством. Потому, прежде чем я разобью твою голову о стену, говори быстрее — что ты искал?

Тот молчал, настороженно глядя ей в глаза.

— Эй, — продолжала она, — что же ты молчишь, дружок? Что же так привлекло твое внимание в вещах бедной путешественницы?

— Позволь мне уйти, госпожа.

Спокойствие незнакомца удивило сидевшего под койкой кота. Обычный воришка, пойманный с поличным, вел бы себя совершенно иначе. Рбит подумал о том, не прервать ли нелепую беседу. Тем более что Карениру эта ситуация начала явно забавлять, хотя забавной она вовсе не была.

— Уйти? Нет, дорогой мой… Если потребуется, мы проведем вместе всю ночь, — язвительно заметила она, приближаясь к нему.

— С тобой, госпожа, я не провел бы добровольно даже одного мгновения, — сурово ответил незнакомец.

Лучница остолбенела.

— Ну-ка, объясни, падаль, — наконец потребовала она, теряя самообладание (Рбит под койкой поморщился). — Что же не нравится ночному вору в королеве гор? Что же такое ты услышал обо мне, вонючий грабитель?

— Не подходи, госпожа, — предостерег незнакомец.

— Нож?! — удивленно прошипела она. — Ах ты, скотина…

Рбит услышал пронзительный боевой вопль армектанки и выскочил на середину комнаты как раз в тот момент, когда пришелец кинулся к окну. Ставни хлопнули, потом

закрылись снова.

— Он меня укусил! — взвыла лучница, показывая пораненную ножом ладонь. — Я его убью, во имя Шерни!

Они оба подскочили к окну, но в то же мгновение дом содрогнулся от могучего удара. Они выглянули наружу. Незнакомец лежал неподвижно; его явно со всей силы швырнули о стену. Глорм жестом дал знак, чтобы они отошли, и с трудом протиснулся в окно.

— Вас долго не было, и я вернулся, — объяснил он. — Закрой дверь, ваше благородие, — сказал он женщине, — сейчас сюда сбежится толпа. Сматываемся.

Они выбрались через черный ход. Каренира взяла свои вещи, разбойник поднял бесчувственное тело. Он немного постоял, потом снова положил его на землю.

— Гм…

— Забирай его и пошли, — поторопил кот.

— Труп, — коротко пояснил разбойник. — Мне что, забирать труп?

— Великолепно, — сердито проворчал Рбит. — Пошли.

В гостинице уже зажглись многочисленные огни, когда они тайком пробирались к дому Лошадника.

8

Каренира задумчиво водила пальцем по столу. Она только что выпила вина, которое принес Лошадник.

— Не понимаю, — наконец сказала она. — Не понимаю. Вас не интересует, что кто-то, выдавая себя за вас… Ведь, в конце концов… «Покоритель» платил дань? Я думала, что каждый, кто ее платит, как бы находится под вашей опекой?

— Нет, Каренира.

Она посмотрела на Басергора-Крагдоба. Тот, продолжая молчать, что было для него довольно странно, показал жестом, что Рбит говорит от имени их обоих.

— Каждый, кто платит дань, может быть уверен, что мы оставим его в покое, — объяснил кот. — И только. Не более того. Мы что, должны защищать всех громбелардских купцов, корчмарей и ремесленников? Для этого есть легионы!

— Ну хорошо… но если вдруг окажется, что вы грабите тех, кто платит… Об этом быстро узнают все. Кто станет платить, если это ничем ему не поможет?

— Ты права. Бывало, что тот или иной мелкий воришка выдавал себя за посланца короля гор, рассчитывая произвести соответствующее впечатление. За такими мы охотились.

— Значит?

— Теперь, Каренира, это уже не имеет значения. Властелины гор покидают свои владения. Если кто-то сейчас действует от нашего имени — ну и хорошо. И даже — тем лучше. Если в горах и дальше будут разноситься вести о новых наших подвигах, нам проще будет найти себе новое место для жизни. Самый проницательный разум не свяжет рослого мужчину и огромного кота со знаменитой громбелардской парой, если с гор Громбеларда будут приходить новые о них известия. Понимаешь?

— Нет, не понимаю. Что значит — властелины гор покидают свои владения?

— Мы уезжаем, Каренира. Навсегда.

— Уезжаете? Куда, ради Шерни?

— В Дартан. Может быть, в Роллайну?

— Нет, — сказала она. — Глорм?

— Мы уезжаем, — хмуро повторил он.

— В Роллайну?

— Может быть.

— Но — горы? Громбелард?

— Без нас, — коротко ответил Рбит. — Скажи, Каренира, какое имеет значение, использует кто-то наши имена или нет? Какой-нибудь придурковатый бандюга попадет

наконец в руки солдат, поскулит немного в подземельях трибунала, Шерер об этом узнает, а для нас — тем безопаснее…

Басергор-Крагдоб ударил рукой по столу.

— Послушай меня, Рбит, — сказал он спокойно, даже с некоторым подобием улыбки. — Я принял к сведению, что ты против того, чтобы я ехал в Дартан. Но ведь ты можешь остаться в Громбеларде. Хотя должен признаться, что мне легче будет расстаться с горами, чем с тобой. Я думал, что мы не расстанемся.

Армектанка молча смотрела на них.

— Но, прошу тебя, — продолжал Глорм, — не пытайся играть на моем тщеславии. Ты прекрасно знаешь, что я не хочу, чтобы какие-то придурки, неважно, люди или коты, примазывались к нашей славе. Давай вместе подумаем, можно ли этому помешать. И стоит ли пытаться. Рано или поздно мы уйдем из Тяжелых гор. Неважно, в Дартан ли… или же туда, куда уходят все. Мы уйдем, оставив нашу легенду, и кто-то наверняка ее осквернит. Можно ли избежать этого, если сейчас мы расправимся с поддельными властелинами гор?

— Не знаю, друг мой. Но если уж суждено тому случиться, что первая попавшаяся падаль с хвостом безнаказанно возьмет себе мое имя, да еще сделает из него посмешище, то поверь мне — я бы предпочел, чтобы глаза мои были при этом закрыты, а уши ничего больше уже не слышали.

Он посмотрел на женщину, а потом снова на разбойника.

— Глорм, — сказал он. — Я знаю, похоже, впервые в жизни я сознательно нес один лишь вздор. Я не могу примириться с твоим решением. Но это и в самом деле не оправдывает низменных забав. Я готов это признать — при свидетелях.

Разбойник нахмурился. Рбит, вообще не умевший, как и любой кот, извиняться, признался в собственной ошибке. И притом, как он сам сказал, при свидетелях. Король гор понял, что его друг переживает из-за решения покинуть Громбеларда еще сильнее, чем казалось прежде.

— Я знаю, Рбит, что ты готов на все ради моего блага.

Протянув руку, он положил ее на крепкое плечо кота.

Каренира — как и каждая женщина, не разбиравшаяся во всех тонкостях мужской дружбы, — поняла лишь, что Рбит пытается любой ценой удержать Глорма в горах, тот же на него за это не в обиде. Она и так поняла значительно больше, чем можно было бы ожидать, но тот факт, что, сказав лишь несколько слов, они в очередной раз укрепили свою дружбу, от нее ускользнул. Немного подождав, она сказала:

— Раз уж вы все выяснили, может быть, начнем еще раз сначала? Я хочу знать, что мы собираемся делать. Что с той бандой на перевале Стервятников?

Рбит прижал уши.

— Одно мне все-таки непонятно, — добавила Каренира. — Как может такое быть, что какой-то кот, неважно, глупый или умный, присваивает себе твою фамилию? Я никогда в жизни не слышала ни о чем подобном!

— Каренира, — сказал Рбит, — подумай сама: если что-то является для данного племени, народа или вида — наивысшей ценностью, то разве из правила никогда не бывает исключений? Разве каждый армектанец чтит все традиции? Разве никогда не случалось, что они нарушались? Ваше почитание обычаев предков общеизвестно и чуть ли не вошло в пословицу. Ну и что с того? Я уверен, что для многих они превратились в пустой звук. Мифы приходится развенчивать, Каренира.

— Но я думала… что коты не умеют лгать.

— Вэрк. Однако они умеют молчать. Я тоже молчал, когда мои подчиненные хвастались победой на перевале Туманов. Победой, которую одержал кто-то другой.

Некоторое время никто ничего не говорил. — Еще раз расскажи обо всем, — потребовал Рбит. — Что ты, собственно, обещала тому легионеру? Что мы ему поможем?

— Ничего я ему не обещала, — возразила она. — Я просто сказала, что могу известить настоящего Басергора-Кобаля о том, что произошло. Я также сказала, что сообщу вам,

против кого отправилась карательная экспедиция из Рикса. Он спросил, могу ли я сделать так, чтобы его людям ничего не угрожало со стороны ваших групп. Я сказала, что это не от меня зависит.

— Вполне справедливо, — заметил Глорм.

— Каковы, по твоему мнению, шансы этих легионеров? — спросил Рбит.

Она пожала плечами.

— На то, что они перехватят ту группу? Такие же, как обычно… Один к десяти или к пятнадцати… Горы большие. Есть где спрятаться.

— Ну что, Глорм?

Басергор-Крагдоб поднял брови.

— Говоришь, те солдаты пошли в сторону Бадора, в Тяжелые горы? Можно сообщить Мавале, там ее сброд… Но Мавала и так выпускает кишки каждому чужому, которого поймает на своей территории. А наши отряды?

Рбит размышлял вслух:

— В Бадоре сидит Тева. Может быть, ей удастся поймать Кагу. Если Кага узнает, что кто-то выдает себя за князя гор… Но кто знает, что может прийти в голову Каге?

— Это та самая девушка, которая тогда…

— Да, Каренира, та самая. Но Кага… очень изменилась. Честно говоря, она уже года два нам, собственно, не подчиняется. Она как-то договорилась с Мавалой, по крайней мере друг другу они не мешают. Но до поры до времени… Через год или через два Кага будет достаточно сильна, чтобы не бояться в горах никого. Особенно если нас уже не будет. Собственно, Глорм, — неожиданно констатировал он, — может быть, у этого отъезда в Дартан есть и положительные стороны? Если бы мы решили остаться, то, честно говоря, еще в этом году пришлось бы перебить все группы, которые подчиняются Каге, а ее саму… Я любил и люблю эту воительницу. Шернь, в Громбеларде останутся одни женщины, — заметил он с легкой усмешкой. — С тех пор как легионеры схватили старого Хагена, кроме нас, собственно, в горах считаются только с Мавалой и Кагой.

— Я правильно поняла, что вы не собираетесь сами отправиться в горы? — спросила Каренира, возвращаясь к сути.

Глорм и Рбит обменялись взглядами.

— Нет, Каренира. Честно говоря, у нас хватает хлопот даже здесь, в самом Громбе. В другой раз мы наверняка бы пошли. Но сейчас — нет.

Разговор прервал донесшийся снизу, из глубины дома, энергичный стук в дверь. Глорм нахмурился.

— Кого там принесло?..

Стук повторился, потом еще раз. Наконец дверь открыли. Глорм и Рбит узнали голос Лошадника. Ему отвечал другой голос, чужой. Вскоре беседа перешла в скандал. Хозяин звал слуг.

Глорм еще больше нахмурился. Он вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся, застегивая пояс с мечом.

— Посмотрю, что там, — сказал кот, направляясь к двери.

Он сбежал по темной лестнице и заглянул в проходную комнату. Оттуда вела на первый этаж другая лестница. Когда-то она продолжалась до верхнего этажа, но по требованию (и за золото) Басергора-Крагдоба Лошадник дом перестроил.

Когда Рбит добрался до низа, из комнат на первом этаже как раз выбегали двое слуг Лошадника, каждый со здоровенной палкой в руке. Хозяин сражался в дверях с высоким, хорошо сложенным мужчиной. При виде слуг пришелец потянулся к мечу.

Коту не очень хотелось показываться на глаза, однако похоже было, что вскоре перед домом начнется настоящая драка. Какой-либо шум вокруг этого здания был крайне нежелателен.

Скрипнула лестница.

— Шернь, — сказала Каренира, — я знаю этого человека.

— Тогда пригласи его войти или прогони, только быстро.

Лошадник отступил, пропуская слуг. Однако непрошеный гость тут же этим воспользовался. Он ворвался в комнату и мгновенно закрыл за собой дверь, впрочем, сразу же получив падкой по руке.

— Ваше благородие! — закричал хозяин при виде лучницы. — Этот человек…

— Я его знаю, — прервала она его.

Пришелец с мечом отпихнул в сторону сбитых с толку слуг и подошел к ней, убрав оружие и потирая ушибленную руку.

— Ваше благородие, нам нужно поговорить, — сказал он, не обращая никакого внимания на хозяина дома. — Это очень срочно и важно, прошу тебя!

Она задумчиво смотрела на него.

— Без бороды ты выглядел симпатичнее, мой дартанский алебардник, — заметила она.

Со второго этажа начала спускаться по лестнице заинтригованная шумом парочка в ночных рубашках. Лошадник кивнул слугам, чтобы те прогнали любопытных.

— Ваше благородие, — повторил дартанец, — у меня важное дело. Я прошу о коротком разговоре, ни о чем больше.

— Где мы можем поговорить, хозяин? — обратилась она к Лошаднику, не желая вести чужака к Глорму и Рбиту.

Он показал дорогу.

— Да хотя бы в комнате слуг, ваше благородие.

Они пошли в указанном направлении. Каренира закрыла за собой дверь и хотела было задать вопрос, но алебардник опередил ее.

— Ваше благородие, — сказал он, — человек, которого твой друг убил на заднем дворе гостиницы, был шпионом трибунала. И он приходил не один. Второго я прирезал только что, перед этим домом, и отнес в темный переулок. Но если ты велишь мне поклясться, что их было не трое, — я клясться не стану.

Она онемела.

— О чем ты? — наконец выдавила она. — Собственно, кто ты такой? Почему ты ходишь за мной?

Он кивнул.

— Я предпочел бы не говорить. Но сделаю это, если потребуется. Сейчас, однако, важно другое. А именно — что тебя видели, есть свидетели того, как ты входила в этот дом в обществе мужчины и кота. Я не хочу знать, кто эти двое. Но если их разыскивает трибунал — значит, их как раз нашли. И значит, им, возможно, грозит опасность, и тебе вместе с ними.

Несколько придя в себя, она обнаружила, что все еще стоит со свечой в руке, и поставила ее на стол.

— Мой господин, — сказала она, — ты являешься посреди ночи неизвестно откуда и рассказываешь мне какие-то истории. Нет. Боюсь, тебе придется объяснить мне все.

Медленно, чтобы она не приняла это за нападение, он вытащил меч и положил на стол.

— Хорошо, госпожа, — ответил он. — Но сейчас нужно спешить, здесь вот-вот могут появиться солдаты. Возьми это оружие, если мне не доверяешь, свяжи мне руки и оставь под охраной этих двоих с палками. Потом иди к своим друзьям, если тебе важна их безопасность, и посоветуй им отсюда побыстрее убираться. Я пойду с вами. И все объясню.

Она взяла меч, взвесила в руках, прикусив губу.

— Собственно… почему бы и нет?

Не говоря ни слова, она повернулась и вышла.

— Следи за ним, — велела она Лошаднику.

Рбит ждал на лестнице.

— Я встретила этого человека на тракте пару недель назад, — объяснила она. — Это дартанец, он знает меня по Роллайне.

Она передала коту содержание разговора. Рбит долго не раздумывал.

— Я иду к Глорму, — сообщил он. — Скажи хозяину, чтобы убрал после нас в

комнатах. Как обычно. Мы уходим.

Он побежал наверх. Каренира оглянулась на Лошадника, но тот кивнул в знак того, что слышал слова кота. Тогда она тоже поднялась по лестнице.

Глорм уже был в кольчуге и надевал куртку. Он забрал свое оружие и показал лучнице на ее сумку, подавая ей колчан.

— Куда идем?

— В предместье, в хижину Лошадника.

— Ворота закрыты, — напомнила она.

— Ясное дело. Но, королева, если бы я знал из этой дыры один только выход, который закрыть и удержать могут пятеро ребят, то ноги бы моей здесь не было.

Вскоре они уже сбегали вниз.

Глорм обменялся несколькими словами с хозяином. Каренира позвала дартанца и отдала ему меч.

— Мешает, — сухо сказала она. — И без того у меня есть что тащить.

Не говоря ни слова, он взял ее сумку.

Рбит выглянул на улицу и пошел первым. Остальные двинулись за ним. Старательно избегая встречи с ночными патрулями, они шли по сонному городу. Рбит бежал впереди, бесшумно скользя вдоль стен, в нескольких десятках шагов перед остальной тройкой. Он внимательно вглядывался в темные поперечные улицы, прежде чем дать знак, что дорога свободна.

Они остановились в каком-то зачуханном переулке. Кот куда-то исчез. Каренира коснулась плеча разбойника, но тот успокаивающе похлопал ее по руке.

Они ждали довольно долго.

Вернулся Рбит, ведя с собой человека, силуэт которого неясно маячил во мраке.

— Я слышал, тебе не повезло, — сказал король гор. — Как это случилось?

Не ожидая ответа, он продолжал:

— Рбит уже наверняка тебе кое-что рассказал. Без паники. Но позаботься о том, чтобы твоя сестра нас не искала… Без имен, — предупредил он. — Мы не одни. Слышал? Она не должна нас искать. Пусть делает, что делала, но осторожнее. Двоих хватит. Повтори ей мои слова, она поймет.

— Хорошо, — ответил скрытый в темноте незнакомец. — А портные? Что с ними?

— Это сейчас не имеет значения. Хотя… почему, собственно? — передумал Глорм. — Ладно. Не хотят платить?

— Нет.

— У старейшины цеха есть дети?

— Четверо. Старший только что женился. У него тоже своя мастерская.

— То есть уже не мальчик… Ладно. Утопи его в колодце, неподалеку от дома отца. На колодце напиши его имя, а чуть дальше имена остальных троих. Старик должен понять. Все?

— Да.

— Ну, возвращайся под одеяло, к своей милой. Купи ей завтра от меня что-нибудь в подарок. При случае рассчитаемся.

Он хлопнул собеседника по плечу и толкнул его далеко в темноту.

— Вот видишь, господин, — сказал он стоявшему рядом дартанцу, беря его под руку, — теперь тебе придется доказать, что ты на самом деле друг Охотницы. Иначе окажется, что сегодня ты слишком много слышал.

Они направились к городской стене.

9

В доме целителя лошадей они оказались под утро. Коренастый подручный, помощник Лошадника, вечером явно напился в стельку, пользуясь отсутствием хозяина, поскольку, когда его вытащили из грязной берлоги, выглядел хуже свиньи. Глорм передал ему слова

знахаря, но точно так же мог бы вообще ничего не говорить, поскольку тот лишь хватался за голову и вонял какой-то отравой. Потеряв терпение, разбойник наконец дал ему пинка и оставил в покое.

Они нашли немного черствого хлеба и сыра, а также гигантскую, правда, надкушенную колбасу. Запивали они все это вином, недовольно морщась, поскольку оно было столь же благородным, как и подручный хозяина.

— Кажется, все мы, — заговорил наконец король гор, — слишком мало вчера спали. Так что жаль времени. Говори, господин, что хотел сказать.

Дартанец кивнул.

— Я А. Вилан, алебардник гвардии князя-представителя в Роллайне.

— Бывший алебардник, — злорадно вмешалась Каренира. — Который едет в Дурной край.

— Неправда, — возразил он.

Она показала жестом, что все знает.

— Тогда, на тракте, я просил тебя, госпожа, чтобы ты взяла меня к себе на службу. Это было не совсем честно… потому что я уже служу другому.

— Кому?

— Его благородию А. Б. Д. Байлею… твоему супругу, госпожа.

Рбит и Басергор-Крагдоб обменялись взглядами. Армектанка сидела неподвижно, приоткрыв рот. Внезапно она напряглась, и Глорм уже готов был ее схватить, прежде чем она кинется на дартанца. Женщина не двинулась с места.

— Это что, шутка? — спросила она.

— Нет, госпожа, — медленно ответил Вилан. — Пожалуйста, не сердись на меня. Я лишь орудие, наемник. Мне заплатили больше, чем я заработал до этого за всю свою жизнь, так что я честно делаю свою работу. Только и всего.

— Только… и всего? — с неподдельным изумлением спросила она. — Ты… платный шпион… и говоришь: «только и всего»?

— Я не шпион, — возразил дартанец. — В мои обязанности не входит сообщать его благородию Байлею о чем бы то ни было. Я должен тебя оберегать, госпожа. Настолько, насколько это в моих силах.

— Алебардник?.. Оберегать?.. Охотницу?! — отрывочно переспрашивала она, со все большим изумлением и гневом. — Нет, во имя Шерни… Это какое-то издевательство! И *он* тебя послал?

Она встала.

— Ваше благородие, — дартанец продолжал говорить спокойно, словно не зная, что спокойствие мужчины — это именно то, что больше всего раздражает разгневанную женщину, — я… вернее, я был…

Она прыгнула на него. Глорм, уже готовый к этому, ловко ее перехватил. За это он получил в скулу, а потом локтем в живот, однако с тем же успехом она могла бы стукнуть поочередно подкову и стальную кирасу топорника.

— Пусти меня, ради всех сил! — взвыла она. — Я убью его! О-о-о! Убью!

— Вот поэтому я тебя и держу! — рявкнул он на нее столь грозно, что она застыла неподвижно. — Дай же ему договорить до конца!

Он не отпускал ее. Она отдышалась и успокоилась.

— Я был, — снова начал Вилан, — агентом Имперского трибунала в Роллайне.

Это известие произвело на всех немалое впечатление.

— Алебардником тоже, — добавил он, обращаясь к Рбиту, словно опасаясь новой вспышки гнева армектанки. — Однако прежде всего тайным агентом трибунала. Может быть, это объяснит, почему я без особого труда распознал «опекунов» ее благородия. В «Горном ветре» вы были очень неосторожны. Поймав ночного вора, его, может быть, стоит не только убить… но еще и обыскать.

Глорм, уже скорее обнимавший, нежели державший Карениру, снова обменялся

взглядом с другом. Дартанец полез за пазуху.

— Это письма (естественно, поддельные), которые должны были быть подброшены ее благородию. Из них следует, что она якобы действовала во вред империи… Мнимый вор не только не собирался ничего красть, но еще и пытался кое-что оставить… Если бы ему это удалось, утром, а может быть, еще ночью пришли бы солдаты. Доказательства они нашли бы в сумке… Ее благородие передали бы в руки трибунала. Что от нее хотели услышать — не знаю. Но она наверняка рассказала бы все, что угодно. Согласие на допрос того, кто замешан в подобном заговоре, дал бы сам князь-представитель. Я следил за человеком, который шел за вами, — закончил Вилан. — Но в темноте я вовсе не был уверен, не следят ли за мной самим. Маловероятно, чтобы это действительно было так, но вполне возможно. Как так получилось, — спросил он, снова обращаясь к коту, — что ты, господин, не заметил, что за вами кто-то идет?

— Вот именно, — задумался Рбит. — Если бы не эта мелкая несообразность, я бы наверняка поверил в твою историю, господин…

— Ты всегда настолько чуток и непогрешим, ваше благородие?

Рбит прижал уши.

— Придется развенчать миф, — с грустной иронией сказал он лучнице. — Нет, не всегда. Впрочем, я бежал впереди, — добавил он, — высматривая скорее военные патрули, чем вечерних пьяниц или бродяг…

Дартанец приподнял брови и без слов развел руками. Несколько мгновений все молчали.

— Эти письма, которые я еще не читала, — сказала наконец Каренира, уже спокойно опираясь на обнимающие ее за талию руки великана, — не могут быть доказательством того, что ты говоришь правду. Кто может поручиться, откуда они у тебя на самом деле? И для чего они должны были служить?

Он достал перстень, висевший на цепочке на шее.

— Узнаешь, госпожа? Много ты таких видела?

Она закусила губу, узнав большой изумруд Байлея.

— Я что, украл его с пальца твоего мужа? А может быть, купил?

— Не разговаривай со мной таким тоном, дартанец! — снова вспылила она. — Так или иначе, для меня ты только *его* шпион! И перестанешь им быть, как только эта дубина меня отпустит! — Она снова пришла в ярость. — Во имя Шерни, в соответствии с законом я письменно отказалась от его фамилии и вернула ему свободу! А взяла… взяла взамен свою собственную! — Она аж задохнулась от негодования. — Взяла не для того, чтобы какой-то алебардник и шпион ее изгадил!

— Почему люди трибунала не стали ждать, пока Охотница приведет их к нам? — спросил Глорм, желая развеять последние сомнения, но прежде всего — отвлечь внимание армектанки.

— Ну? Почему? — воинственно спросила она.

— Ты, ваше благородие, довольно долго торчала в той гостинице, ничего не делая. Я сам подумал, оказавшись там, что единственная твоя цель — напиться пива… А те люди нашли тебя еще позже. Откуда они могли знать, что ты приехала в Громб, чтобы встретиться со своими друзьями?

Она внезапно помрачнела.

— Кажется, я знаю, откуда… Шернь, я поверила в договор с солдатом, я думала…

Она покачала головой.

— Ну, комендант, на этот раз у легиона и в самом деле появится достаточно причин для того, чтобы меня не любить…

— Мне нравится этот человек, — негромко сказал Глорм, когда дартанец и Каренира заснули. — Как ты думаешь? Он лжет?

— Вряд ли, — ответил кот.

— А может быть, мы только сейчас угодили в ловушку, Рбит? Может, это настоящий и

единственный шпион трибунала?

— Дартанец? И с этим перстнем?! Впрочем, на этот раз за нами наверняка никто не следил. Он что, должен был действовать в одиночку? Достаточно не спускать с него глаз, чтобы помешать любым его враждебным намерениям. Что он может сделать? Отравить нас? Задушить?

— И то правда.

— Спи, Глорм. Я посторожу. Потом тебя разбужу… на смену.

Глорм чуть усмехнулся и опустил голову на руки, лежащие на столе.

— Рбит? — тихо сказал он. — А помнишь, как мы первый раз стояли на страже в горах?

Он закрыл глаза.

— Ну и боялся же я тогда…

10

Была середина лета. День — пасмурный, как обычно в Громбеларде — близился к концу. Мелкий, надоедливый дождик шел начиная с полудня, не ослабевая и не усиливаясь. Он монотонно шелестел на ровном ветру, покрывая горный тракт влажной грязью.

Топот копыт с легкостью перекрывал шум ветра и шелест дождя. Он слышался все яснее и ближе, потом внезапно умолк. Раздалось конское ржание и снова топот копыт, но на этот раз на его фоне послышался еще не вполне отчетливый отзвук галопа множества коней.

Дорога проходила через небольшой перелесок — собственно, лишь несколько деревьев. Угрюмые горные ели не позволяли разглядеть всадника, пока он внезапно не появился из-за них. Конь заржал снова, болезненно и отрывисто… шаг его уже не был галопом, даже рысью. Животное споткнулось и остановилось. Всадник оглянулся, еще раз вонзил шпоры в окровавленные бока коня, затем спрыгнул на землю. В то же мгновение конь тяжело опустился на колени, зашатался и пал.

— Ах ты скотина! — воскликнул всадник, отскакивая в сторону и выхватывая меч.

Певучий язык солнечного Дартана казался здесь совершенно неуместным. Но, похоже, язык этот обладал магической силой, ибо из-за поворота дороги, извивавшейся серпантином к северу, вылетел с грохотом и топотом могучий отряд всадников. Одинокий человек с мечом еще не видел их и не слышал, поглощенный значительно более близким топотом копыт среди елей. Еще мгновение — и из-за них появилось несколько коней, на которых сидели люди в шлемах и серых плащах. Дартанец приготовился сражаться, но солдаты остановили коней, ошеломленно глядя куда-то за его спину. Хозяин загнанного коня обернулся и радостно вскрикнул, отскакивая к каменной стене на обочине дороги.

Насчитывавшая несколько десятков лошадей группа промчалась мимо него и налетела на легионеров, пытавшихся скрыться среди деревьев. Кто-то пронзительно завопил, несколько раз лязгнуло железо, потом еще один крик — и все смолкло. Всадники соскочили с коней. Все были отлично вооружены, в кольчугах и с мечами; у каждого седла висел и арбалет. Несколько человек, отбросив за спину серые и коричневые плащи, такие же, как у солдат, бросились к чудом уцелевшему путнику.

— И в самом деле, в последний момент! — сказал Вилан, убирая оружие в ножны и делая шаг им навстречу.

— В последний! — крикнула Каренира. — Ради всех сил, ты что-нибудь еще умеешь, кроме как доводить меня до бешенства?! Герой?!

— Не сердись на меня, ваше благородие…

— Я с ума сойду, — сказала армектанка. — Что бы он ни делал, все время я слышу одно и то же — «не сердись»!

— Мне что, тоже не сердиться? — сухо спросил Басергор-Крагдоб. — Ты безрассудный человек, Вилан. Ведь это не ты должен был ехать в Рикс.

— Ваше благородие, — сказал дартанец, — я понесу любое наказание, какое ты

сочтешь необходимым. Я нарушил приказ. Но какое-то время я еще остаюсь на службе у его благородия Байлея. И буду брать на себя любую опасность, которая может угрожать Охотнице.

— Ты безрассудный человек, Вилан, — повторил разбойник.

— Безрассудный? — продолжала злиться Каренира. — Да он сумасшедший!

— Может быть, — неожиданно согласился дартанец. — Хорошо, что вы пришли мне на помощь.

— Рбит остался под Бадором, — сказал Крагдоб, — а я взял несколько человек и помчался на тракт, как только стало ясно, что ты поехал на эту… разведку в одиночку. Значит, я все-таки был прав, говоря, что одинокий вооруженный человек спокойно по этой дороге не проедет… Делен, — сказал он молчавшему человеку, который стоял в двух шагах позади и с трудом сдерживал веселье, — пошли надежные патрули в сторону Рикса. Твой друг, возможно, привлечет сюда весь гарнизон. И не радуйся ты так.

Делен подмигнул Вилану и ушел.

— И что ты узнал? — спросила Каренира, уже скорее с любопытством, чем с гневом.

Дартанец пожал плечами.

— Весь город — одни лишь казармы. Мне раз десять пришлось объясняться с патрулями. Похоже, на каждого, кто носит при себе хотя бы нож, там теперь смотрят как на шпиона с гор. Ты кричишь на меня, госпожа, но ведь никто не хотел, чтобы ты ехала. Женщина с луком… или даже без, зато столь привлекающая внимание, как ты… Тебя сразу же доставили бы в здание трибунала. На всякий случай.

Она покачала головой.

— Что еще? — спросил Глорм, которого живо интересовал доклад разведчика.

Вилан набрал в грудь воздуха.

— То же самое, что и в Бадоре, — сказал он. — В гарнизоне, кажется, не слишком хорошо знают, что означает та война в горах. Так или иначе, немалые силы готовы к выходу из города. Трибунал только подливает масла в огонь. Боюсь, ваше благородие, что туда, куда мы направляемся, отправится и весь Громбелардский легион…

Глорм задумался. Каренира, искоса поглядывавшая на него, вовсе этому не удивлялась.

Странная война разразилась совершенно неожиданно, в течение нескольких дней. Недооцененная сперва история фальшивых властелинов гор с перевала Стервятников всплыла вскоре по завершении пресловутого совещания солдат и урядников в Громбе. Тевена, резидент короля гор в Бадоре, сообщала, что отряды Басергора-Крагдоба напали в окрестностях Пасти на группы Мавалы и Каги. Мавала тут же ответила, вырезав в одном из горных убежищ отряд Каги, номинально подчинявшейся Крагдобу; тогда она еще не знала, что и Кага подверглась нападению. Во все это ввязались легионеры, которых Эгеден послал по следу банды, спалившей «Покоритель». Кому-то они успели задать перцу, но потом изрядно потрепали их самих, и они послали гонцов в Бадор, прося подкрепления. Прежде чем все выяснилось, среди вершин и скал уже шла дикая, никем не контролируемая война, в которой все сражались со всеми.

Рбит встретился в Бадоре с Тевеной, потом вернулся в Громб. Положение было серьезным. Уже три дня спустя военные коменданты Бадора и Рикса получили письма, подписанные известным во всем Громбеларде военным прозвищем. «Ваше благородие, — писал Басергор-Крагдоб каждому из них, — прошу воздержаться от каких-либо действий в горах. То, что там происходит, никак не касается легиона. Я наведу порядок за две недели, но если военные отряды останутся в горах, они могут быть сметены вместе со всеми прочими. В наших общих интересах, чтобы до подобного конфликта дело не дошло…»

В Бадоре, однако, призыв короля гор остался без ответа. Комендант гарнизона, на которого давил трибунал, просто не мог сидеть без дела, даже если бы и хотел. Урядники доказывали, что распри между разбойниками крайне благоприятствуют действиям имперских легионов. На самом деле все было как раз наоборот: во-первых, войска Второй провинции вообще не были готовы к столь масштабной операции; во-вторых, их

вмешательство могло легко привести к прекращению всех споров между Крагдобом, Кагой и Мавалой — несмотря ни на что, имперские войска были главным и важнейшим врагом, к тому же таким, с которым их никогда не связывали (и не могли связывать) никакие интересы. Так что бадорцы готовились к маршу в горы с тяжелым сердцем, боясь даже гадать, что будет, если все банды из окрестностей Пасти вдруг договорятся и — поддерживаемые силами Басергора-Крагдоба — вцепятся им в глотки.

В Риксе действовали более осторожно и рассудительно (в конце концов, горная война шла возле Бадора, а не Рикса); однако и там, по словам Вилана, солдаты готовы были к выступлению.

С чисто военной точки зрения следовало предоставить перессорившихся горцев самим себе, позволяя им выпустить друг другу кровь, и, может быть, лишь потом перебить ослабевших победителей. Однако, судя по всему, наместники трибунала не умели заглядывать столь далеко вперед; может быть, потому, что простота солдатских рассуждений казалась им как минимум подозрительной… Они настаивали на немедленных действиях, рассчитывая сразу же получить результат.

Так или иначе — присутствие войск в горах означало проблемы для всех. Крагдоб мог собрать в районе Бадора практически любые силы, однако открытая война с Громбелардским легионом была последним, чего ему бы хотелось. Он со всей определенностью мог одержать победу, пусть даже дорогой ценой. Однако победа эта означала не более чем грандиозную облаву в будущем (а может быть, еще в этом) году.

Каренира прекрасно понимала все эти проблемы. И в самом деле, у короля гор были причины, чтобы впасть в глубокую задумчивость.

— Глорм, — сказала она, — может быть, стоит начать серьезные переговоры?

Он кивнул.

— Может, и стоит… Но, Каренира, коменданты легионов не вольны решать сами… Иначе хватило бы одних моих писем.

— Почему же тогда ты хочешь разговаривать с комендантами?

— А с кем? С трибуналом?

Он пристально посмотрел на нее.

— О чем ты думаешь?

— О разговоре с тем, кто может все. Кто не боится трибунала… и никого вообще.

— Странные у тебя порой бывают мысли.

Он снова задумался.

— Хотя его высочество Рамез — человек, похоже, неглупый… Только кто к нему пойдет? Я?

— Нет, Глорм. Я.

Он сделал неопределенный жест рукой.

— Ты хочешь вести переговоры от имени короля разбойников? Это тебя погубит, ваше благородие. Ведь ты собираешься остаться в Громбеларде? С той поры ты будешь для всех обычной разбойницей!

— «Вести переговоры»… «от имени»… — Она надула губы. — Я просто готова стать посредником. Я никогда ни от кого не скрывала, что мне удается договариваться с разбойниками. Как-нибудь справлюсь.

— Это может быть опасно, — вмешался Вилан. — А если…

— Не сердись на меня, ваше благородие, — прервала она его, подражая его манере говорить, — но если ты сейчас же не замолчишь, я попрошу заткнуть тебе рот.

Глорм повернулся и кивнул своим людям.

— Тебе незачем просить, — сказал он. — Его благородие Вилана настолько заботит твоя безопасность, что ему нельзя предоставлять хоть какую-то свободу. Он подождет, пока ты не вернешься. Связать его!

— А за меня ты не боишься? — язвительно спросила она.

— Иногда — да. И что с того?

11

Она снова была в Громбе.

Прежде всего она встретилась с Армой. Встречу им устроил Ранер — силач, дубина которого в свое время надолго оставила след на голове королевы гор. Ранер жил у своей любовницы, симпатичной горожанки; ее спальня, может быть, не слишком подходила для подобных встреч, но зато была местом вполне безопасным.

Каренира была с Армой знакома, но лишь мельком. Вряд ли можно было сказать, что они любили друг друга. Однако дела, которые необходимо было решить, не оставляли времени на взаимную неприязнь.

— Еще сегодня, — заговорила армектанка, — самое позднее завтра, я должна встретиться с князем-представителем.

Арма, несмотря на всю необычность подобного желания, ничем не показала своего удивления.

— Увидеться с князем… — повторила она. — Это будет непросто. Зачем это тебе?

Каренира изложила ситуацию.

— Хорошо, — кивнула блондинка. — Насколько я понимаю, речь идет о доверительной встрече? Впрочем, официальной аудиенции ждать можно неделями. Правда, тебя, Охотница, наверняка бы приняли… — Она задумалась.

— Нет. Я хочу увидеться с его высочеством с глазу на глаз.

— У меня есть кое-какие соображения… Но не хочешь ли сперва узнать, что за человек князь?

— Кое-что я слышала… Но расскажи мне все, что знаешь.

Арма чуть улыбнулась.

— Я недаром ем свой хлеб, ваше благородие… Я здесь для того, чтобы видеть и слышать все. Во всяком случае, как можно больше. Если я начну выкладывать тебе все, что знаю, хотя бы даже на одну лишь тему, наверняка и до утра не закончу. Что тебя конкретно интересует? Достоинства? Недостатки, слабости? Может быть, привычки?

— Да, это и еще кое-что, — согласилась лучница.

— Ну хорошо. Но сначала я должна еще предупредить, что не могу ручаться за все имеющиеся сведения. Князь-представитель никогда мне не доверялся. Половина моих знаний — это слухи и сплетни. Так что учти.

— Учту наверняка.

— Ну хорошо. Его высочество Н. Р. М. Рамез — естественно, армектанец. Он молод, ему тридцать шесть лет. Никогда еще Громбелардом не правил столь молодой человек. Он овдовел два года назад, но все говорит о том, что скоро он станет зятем императора — может быть, уже этой осенью. Он происходит из одного из самых знаменитых армектанских родов…

— …ведущего свое начало по прямой линии от княжеского рода Сар Соа. Ты разговариваешь с армектанкой, госпожа, — слегка язвительно напомнила Каренира. — Таких фамилий в Армекте всего несколько; армектанка чистой крови не может о них не знать. Рамез…

Она хотела что-то еще добавить, но передумала.

— Тем лучше, — подытожила Арма. — Значит, ты знаешь, а если не знаешь, то легко поймешь, что самому императору приходится считаться с человеком, род которого владеет состоянием почти столь же крупным, как имперские владения в Армекте. Говорят, что помолвки с дочерью императора почти силком добился отец нашего князя, желая, чтобы его фамилия блистала еще ярче, чем прежде. Никто не пророчит счастья этому союзу, поскольку, коротко говоря, Рамез пользуется репутацией тирана и деспота, который терпеть не может возражений и не слушает никого, кроме самого себя.

— Это правда?

Арма покачала головой — и да, и нет.

— Правда то, что предыдущий князь-представитель оставил здесь после себя целую армию придурков, готовых целую неделю совещаться ни о чем. Его высочество Рамез и так довольно долго терпел их брюзжание, лишь недавно прогнал всех на четыре стороны. Но похоже, выбрав себе новых советников и новых придворных, он все равно никого не слушает.

— Гм…

— О нелегком характере князя-представителя особенно много говорят сейчас… но я вижу некоторые к тому причины. Рамезу только что пришлось прогнуться перед самым могущественным институтом империи, а именно Имперским трибуналом. Его высочество ненавидит урядников, видя, похоже, в каждом из них шпиона своего будущего тестя; шпиона, который будет ни больше ни меньше, как вынюхивать что-то вокруг его супружеской спальни. Охотнее всего он вышвырнул бы их всех из Громбеларда.

— Вот видишь… — прошептала внимательно слушавшая армектанка.

— Однако, несмотря на деспотичный характер, — продолжала Арма, — это человек очень образованный и умный. Он превосходно владеет громбелардский и дартанским, кажется, понимает и по-гаррански. Он великолепный знаток военного дела — после того, как он реорганизовал гарнизон Громба, офицеры до сих пор качают головами, вспоминая его небывалое знакомство с деталями воинской службы. С тройниками и десятниками он разговаривал так, словно сам был одним из них. Он знал, почему солдатам жмут сапоги и что нужно поправить в подстежках, чтобы кольчуги хорошо сидели. Вместе с тем, однако, кажется, что он… как бы это сказать… больше любит армию, чем войну. Ему хотелось бы иметь прекрасных солдат, прекрасно вооруженных и обученных, но мысль о том, что войска могут понести в сражении непоправимый урон, приводит его в глубокое уныние. Что вовсе не значит, что сам он трус… Не знаю — я достаточно ясно выражаюсь?

— Вполне, — пробормотала захваченная ее рассказом Каренира. — Значит, Громбелардский легион — это игрушка? Блестящая игрушка?

— Именно так. А в особенности — гарнизон Громба.

— Во имя Шерни… С князем я договорюсь, это точно.

Громбелардка помрачнела.

— Не знаю. Если бы все было так просто, Рбит давно бы уже с князем договорился. Дело в том, госпожа, что в отношении этого человека ни на что нельзя рассчитывать. Представь ему во время официальной аудиенции предложение, просьбу или еще что-нибудь, а он его тут же раскритикует, назовет нелепым и отшвырнет прочь — порой лишь затем, чтобы весь двор мог восхищаться его непреклонностью и силой.

— Но с глазу на глаз?

— Что ж, попробуем именно с глазу на глаз. Хотя, честно говоря, это небезопасно.

— Что он любит? — спросила Каренира. — Какие удовольствия? Развлечения?

— Он обожает старые летописи, часто читает их до поздней ночи.

— И что еще?

— Еще… гм… еще когда женщины кричат.

— Не понимаю?..

— Понимаешь.

— О… — нахмурилась армектанка. — Ну, не знаю… что-то мой энтузиазм по поводу встречи с князем начинает таять.

— Правда? — насмешливо спросила Арма.

— Не верю… — помолчав, пробормотала Каренира, снова грызя ноготь. — Ты точно знаешь?

Арма возмутилась.

— Думаешь, он взял меня к себе в спальню? Это только сплетни, слухи.

Они помолчали.

— Кажется, у тебя есть какой-то план?

— Да, — подтвердила Арма.

— Ну и?.. — поторопила ее армектанка, поскольку молчание снова затянулось.

— Сначала… Послушай, скажи мне…

Лучница с удивлением увидела легкий румянец на щеках Армы.

— Каренира, — сказала блондинка, впервые обращаясь к ней по имени, — этот твой дартанец… Что с ним?

«Этот *ее* дартанец…» Армектанке захотелось смеяться. И правда — Вилан и Арма познакомились в Громбе. Блондинка явно приглянулась алебарднику, но кто мог бы предположить… что верно и обратное.

— Эй! — весело сказала она. — «Мой дартанец»? Один у меня уже был… Хватит.

Она кивнула.

— У него все хорошо, — коротко сказала она. — Он меня спрашивал о тебе.

— Спрашивал обо мне? — Арма пыталась сделать вид, что ей это безразлично.

— Спрашивал, — подтвердила Каренира, которую слегка развеселила неожиданная девичья стыдливость Армы. — Но я слышала, что ты закинула сеть на Глорма?

— Ты ему так сказала? — ужаснулась блондинка.

— Ну… почти. Я сказала, что ты подобна крепости.

— И он что?..

— Гм… думаю, он будет ее осаждать.

12

В Роллайне она успела привыкнуть к тому, что дворец князя — представителя императора огромен, как весь Громб. Тем труднее было ей ориентироваться в мрачной древней разбойничьей цитадели (правда, богато обставленной), где обитал громбелардский представитель. Ей все время казалось, что она находится скорее в комендатуре местного гарнизона, нежели в доме первого человека провинции.

Арма, которая все еще (и, по мнению Рбита, чересчур долго) считалась родственницей советника Рамеза, без каких-либо проблем устроила в замок новую служанку. Это должно было стать ее последним заданием, продолжать игру было слишком рискованно. В тот же день она уезжала (для всех) в Рахгар и дальше — в Лонд. Честно говоря, это никого не волновало, так же как и сама личность мало кому знакомой девицы, двоюродной сестры советника, которого князь-представитель не слушал и слушать не собирался.

Если оказаться в княжеской резиденции было совсем легко, то добраться до окрестностей апартаментов представителя — невероятно сложно. В Громбе, как и везде, высокопоставленную особу окружала толпа придворных. Мрачная цитадель, достаточно просторная для предводителя разбойников, оказалась чересчур тесной для почти королевского двора. Хотя ее несколько раз перестраивали, крепость не могла вместить всех, кто имел возможность или необходимость находиться при особе князя. Жилые помещения были оборудованы всюду, даже в бывших складах и амбарах; уже придворные среднего ранга считали себя счастливыми, если в их распоряжении имелась тесная комната в четырехугольной башне.

Толпа обитателей резиденции, урядников и просителей, солдат и слуг, позволяла спрятаться почти как в густом лесу. Так что вполне естественно, что немногочисленные, не для всех доступные помещения бдительно охранялись.

Арма легко подыскала возможность для встречи с Рамезом с глазу на глаз. Почти каждый вечер князь-представитель отправлялся в комнатку в мрачной башне, чтобы читать, порой до рассвета, какие-то забытые летописи, знакомясь с содержанием древних, пропахших плесенью хроник.

Нужно было, однако, до этой комнатки добраться. Мало того, что она была заперта — она еще и охранялась.

Арма показала своей черноволосой служанке, как дойти до уединенной кельи князя-

представителя, и объяснила, в чем состоит трудность. Армектанка приняла ее слова к сведению.

— Сегодня ты собиралась уезжать, — сказала она. — Так уезжай. Рбит прав: пора тебе отсюда исчезнуть. Получится у меня что-нибудь сегодня или не получится, его высочество может заинтересоваться тем, кто привел меня в замок.

— Справишься?

Каренира кивнула, слегка улыбнувшись.

Была ночь. Ветер, влетавший вместе с дождем в узенькое, пробитое в толстой стене окно, шевелил пламя факелов, воткнутых в держатели возле массивных, окованных медным листом дверей. Вжавшись в нишу возле окна, продрогшая до костей, она терпеливо ждала. Время от времени она чуть высовывала голову из тени, но солдат, торчавших возле дверей, не видела. Они сидели на скамье, и она могла заметить лишь лучины, мерцавшие над их головами.

Наверное, уже наступила полночь, когда внизу на крутой лестнице раздались шаги, а затем пламя нескольких факелов осветило стены. Вскоре мимо нее прошли двое солдат, за ними еще двое. Те были внимательнее. Два копья одновременно уставились ей в грудь, и тут же послышался крик:

— Ваше высочество!

Ее тотчас же осветили факелы.

Одетый в черное человек, средней упитанности и среднего роста, испытующе посмотрел на нее.

— Кто ты и что ты здесь делаешь? — негромко спросил он, но тоном, не допускавшим ни малейшего промедления с ответом.

— Удивительная женщина, ваше высочество, — лениво ответила она по-армектански, не поднимая взгляда. — Немного армектанка… немного громбелардка… — добавила она на местном языке, — а немного — дартанка, — закончила она по-дартански.

— Зато наверняка не служанка, — холодно заметил человек в черном. — Я задал два вопроса. Быстрее, у меня нет времени.

— Ваше высочество, — спросила она, — что ты со мной сделаешь? Прикажешь схватить и бросить в темницу?

— А ты смелая, — удивился он. Нахмурившись, он пристальнее взглянул на нее, сделав полшага вперед.

— Конечно, ваше высочество, ты меня уже видел, и притом вблизи… — Она подняла на него свои необычные глаза. — Мой господин и супруг сразу же следом за тобой вручал свадебные подарки одной молодой паре в Роллайне… Ты уже тогда знал, что застрянешь в Тяжелых горах?

Мужчина в черном сделал еще шаг вперед, раздвинул солдат и забрал у одного из них факел.

— Самые черные волосы в Дартане… — прошептал он. — Ее благородие…

— А. Б. Д. Каренира. Самая загадочная женщина Роллайны. Уже забыл, князь? Видимо, слишком редко ты гостил под моей крышей…

— Что ты делаешь на этой лестнице, ваше благородие? Что ты делаешь в Громбеларде?

— Мерзну, князь.

— Идем же!

Он повернулся к своей свите.

— Подогретого вина, меда, чашку горячего бульона. Плащ, подбитый мехом. Сейчас же.

Он снова посмотрел на женщину.

— Идем со мной, ваше благородие!

Холодная каменная комнатка напоминала келью летописца. В ней стоял стол, удобное кресло, узкая койка у стены, конторка для письма — и все. Кроме того — несколько книг, почерневшие от древности пергаменты, приборы для письма и множество чистых листов

бумаги.

Он показал на койку.

— Забудь, что я здесь, госпожа, — сказал он. — Эти шкуры теплые и мягкие. Закутайся в них, я не хочу видеть, как ты дрожишь.

Она не заставила повторять дважды. Сбросив туфли, она села на койке, подобрав под себя ноги, и плотно закуталась в меха.

— И говори, говори! — поторопил он. — Что ты тут делаешь? Откуда ты здесь? Ночью, на лестнице… В таком платье! Ничего удивительного, что я тебя не узнал! Что-нибудь случилось? Ради Шерни, почему ты не пришла днем, ваше благородие? При одном лишь звуке этого имени я вышвырнул бы всех за дверь и посвятил бы тебе столько времени, сколько бы ты пожелала!

Закутанная в шкуры, она беспомощно покачала головой, давая понять, что не сумеет ответить на все вопросы сразу.

— Ваше высочество, — сказала она, — я знаю, что встреча наша весьма необычна… но я просто не хотела, чтобы слишком многие видели нас вместе. И уж вовсе мне не хочется, чтобы выяснилось, что мы знакомы еще с Роллайны.

— Тебе что-то угрожает, госпожа? — беспокойно спросил он.

— Нет.

— Значит, все хорошо. Прости меня, ваше благородие, за мою настойчивость… но я и в самом деле готов был увидеть все что угодно, только не тебя, стоящую в этой холодной и темной нише.

Он сел в кресло, но тут же, оглядевшись по сторонам и видя, что горит только одна свеча, взял со стола два канделябра. Вскоре в комнате стало светло.

— Ее благородие А. Б. Д. Каренира, — недоверчиво повторил он. — Одна из первых дам Дартана!

— Ну-ну, ваше высочество! — засмеялась она. — Ни одна из первых, ни… Может быть, первый скандал Роллайны — с этим я соглашусь. Не говори мне, что не слышал, князь… «Громбелардская дикарка», которая «завладела его благородием Байлеем ради фамилии, положения, состояния…».

— Не хочу этого слышать! — решительно сказал он. — И ничего подобного я не слышал… и не слушал. Но… но твой супруг, госпожа? Он тоже развлекается в Громбе?

— Мой супруг, — повторила она. — Ты не поверишь, князь, какой он зануда! Фамилия А. Б. Д. и скандал — эти слова в Роллайне идут рука об руку. Сначала женитьба на армектанской девушке происхождением так себе, ее уход, его исчезновение, бегство и таинственная смерть его сестры, путешествие в край и второй брак — снова с армектанкой и снова вовсе не высокорожденной… Одни скандалы… а кроме того, он был и остался занудой. Я его бросила.

Она сказала это столь неожиданно, что ему потребовалось какое-то время, чтобы ее понять.

— Что ты сделала, госпожа?

— Я армектанка, — напомнила она. — Наверное, я имею право разорвать брачный контракт? В соответствии с законом. То, что в Дартане закон этот существует лишь на бумаге, поскольку никто не может себе представить даже возможность развода, — это уже проблемы Байлея. Я свободна.

— Быть не может! — продолжал он удивляться. — Но… госпожа? Ты разорвала контракт? А фамилия? Состояние? Ведь не могла же ты — в Дартане! — выиграть *такой* процесс?

— Я ничего не выигрывала, поскольку никакого процесса не было. Я все оставила ему.

— Оставила все? Но почему?!

— О князь, ты, похоже, задаешь нескромный вопрос. Ты спрашиваешь женщину, почему она оставила все, лишь бы освободиться от мужчины?

В дверь постучали. Представитель императора раздраженно обернулся.

— Войдите!

Гвардеец принес вино, бульон и плащ. Он отдал честь и вышел.

— Ваше высочество, — сказала Каренира, подходя и надевая плащ, — как видишь, я уже не одна из первых дам Дартана. Но вспомни, что говорили обо мне в Роллайне. Знаю, знаю, что ты не слушал… И все-таки вспомни. И свяжи это с громбелардскими рассказами об… одной женщине с гор.

Он нахмурился.

— Что еще за загадка?

Он помолчал, потом продолжил:

— Я правильно понимаю? Да, я всегда хотел знать, о ком и о чем говорят в моей провинции… Но это, наверное, легенды?

— Гм… нет.

— Значит, все эти местные истории… Королева гор — это ты?

— Ага.

— Охотница. Одинокая лучница, — вспомнил он очередные подробности. — Но ведь уже год с лишним…

Он что-то мысленно подсчитал.

— Да. Уже год о ней ничего не слышно.

— Что ж, я была в Дартане и, соответственно, не могла быть здесь.

Он заинтригованно посмотрел на нее.

— Невероятно. Быть того не может. Да не стой ты так, и еще босиком! — неодобрительно сказал он. — И скажи наконец, что тебя ко мне привело в столь… гм… странное время. Неважно, ее благородие А. Б. Д. Каренира или Охотница, — таким личностям в приеме не отказывают.

Она взглядом попросила меда. Князь наполнил серебряный кубок и подал ей. Она кивнула, бесцеремонно присев на стол.

— Не отказывают в приеме… Что ж, наверное, нет. Но, как я уже говорила, я не хочу, чтобы меня видели в твоей резиденции, князь. И уж тем более никто не должен знать, что мы знакомы, и притом хорошо… — Она прикусила губу, с трудом сдерживая улыбку: свадебные торжества князя-представителя в Роллайне продолжались без малого две недели… и за это время случилось многое.

— Ради Шерни, госпожа… — смущенно пробормотал князь.

Знаменитых гостей по очереди принимали в лучших домах столицы. Был прием и в доме Байлея, где вина оказались чересчур крепкими. Армектанские и дартанские обладатели выдающихся фамилий дружно блевали под столами, целовали и обнимали служанок. Каренира — совершенно пьяная — ездила верхом на своем муже, охотясь на волка. Роль волка весьма правдоподобно исполнял его благородие Рамез.

— Лучше, чтобы никто не знал о нашем знакомстве, — повторила она. — Даже мои друзья. Особенно мои друзья… Иначе я оказалась бы в весьма затруднительном положении, ваше высочество.

— Твои друзья?

Она кивнула.

— Да, князь. Именно их и касается дело, по которому я к тебе пришла. А точнее, касается тебя и их.

— Слушаю, ваше благородие. — Он отодвинул кресло от стола и сел поудобнее, вытянув ноги.

— Похоже, в провинции дело идет к войне… не так ли, князь?

Он выжидающе смотрел на нее.

Она взяла кубок и выпила меда.

— Громбелард, — сказала она. — Пять городов и несколько селений возле дартанской и армектанской границы, еще до Узких гор. Все остальное, собственно, — одни лишь горы. Я вовсе не хочу тебя принизить, князь, но ты управляешь, от имени императора, провинцией,

которая приносит неслыханно малые доходы, возможно, даже меньшие, чем требуется для покрытия средств на содержание громбелардской армии и флота и сидящих здесь урядников. Ну и представительского двора… Армект правит этими пятью городами, и не более того. Всю эту беготню легионеров по горам трудно назвать поддержанием порядка. В Тяжелых горах, как и встарь, король тот, кто крепче всех держит в руке меч и у кого достаточно ума и хитрости, чтобы подчинить своей воле людей такого же склада.

— И ты — кто-то в этом роде?

— Вовсе нет, — возразила она. — Я, князь, самая удивительная женщина Шерера, и только. Для меня Громбелард пуст. В нем никого нет. Мне ни от кого ничего не нужно, и мне никто не нужен… Я могу подойти к костру солдат точно так же, как к костру разбойников. И те и другие встретят меня без особого энтузиазма, но, как правило, с уважением. Знаешь, почему я королева гор? Потому что я стою в стороне от всех и над всем. Я делаю нечто такое, чего не делает никто другой, никто со мной не конкурирует, я никому не мешаю. Есть два Громбеларда, ваше высочество, и второй принадлежит мне, только и исключительно мне. Даже ты, даже сам император в худшем положении, чем я: у вас постоянно кто-то стоит на пути, желая того, чего желаете и вы, — власти, золота, таких, а не других порядков. Я — нет. Я — королева Громбеларда.

Князь неожиданно улыбнулся.

— Весьма самоуверенное заявление, — с легкой иронией сказал он. — И к чему все это вступление, ваше благородие?

Она сосредоточенно разглядывала свою босую ногу, покачивавшуюся над полом.

— Ты и в самом деле бьешь женщин, ваше высочество? — спросила она. — В своей спальне? Сегодня я услышала немало странных вещей…

Князь искренне изумился.

— Что я делаю?

— Гм… — сказала она. — Я так и думала, что нет, иначе бы не спрашивала… Ваше высочество, — переменила она тему, — гарнизоны в Бадоре и Риксе переведены в состояние повышенной готовности. Они отправляются в горы?

Он молчал.

— Ваше благородие, — наконец довольно холодно ответил он, — я очень ценю наше знакомство… но никак не могу понять, зачем тебе вмешиваться в эти дела? Мне кажется, то, чем занимаются имперские легионы, касается только меня, но никак не тебя.

— Ваше высочество, — ответила она тем же тоном, — я не без причины так долго говорила о королеве гор. Я знаю горы. Тебе ведь прекрасно известно, князь, что ни ты, ни кто-то другой не сможет навести в Громбеларде такого порядка, как в Дартане. Так зачем нужен конфликт с самыми могущественными разбойниками Шерера? Мы оба знаем, что их деятельность, по сути, весьма полезна. Они держат в повиновении каждый клочок земли в Громбеларде; у Басергора-Крагдоба очень твердая рука, и руки этой боятся все разбойники рангом пониже, не говоря уже о мелких бандитах. Крагдоб берет дань с каждого, у кого есть золото, — но, собственно, никто другой этого уже не делает, поскольку всех, у кого было такое желание, он сумел подчинить себе. Благодаря этому в городах Громбеларда живется довольно сносно, а купеческие караваны достаточно спокойно ездят по тракту в обе стороны. Ты хочешь, чтобы стало иначе? Если твои войска помешают властелину гор поддерживать порядок и разбойничья империя рухнет, что получится в результате? Торговцы, вместо того чтобы раз в год откупиться не такой уж и большой, в конце концов, суммой, будут постоянно подвергаться нападениям всяческой швали, чересчур глупой для того, чтобы соблюдать меру. Крагдоб знает, что нельзя выдаивать корову до смерти. Другие о том даже не подумают. Купцы, ремесленники и кто там еще — все поднимут вой и бросятся в Громб искать справедливости и защиты у князя-представителя. Что сделает князь-представитель? Устроит большую облаву в горах? Для этого необходимо увеличить численность и боеспособность войск, мало того — придется усилить влияние трибунала. А это немалые расходы! Откуда, ваше высочество, ты возьмешь необходимые средства? Мы уже говорили,

что налоги, собираемые в Громбеларде, едва покрывают потребности провинции и вовсе не пополняют имперскую казну. Хочешь их увеличить? Кто будет платить? Ремесленники и купцы, которых грабят всевозможные банды? Ты их разоришь, а если разоришь, то Вторая провинция перестанет обеспечивать даже свои собственные нужды… Круг замыкается. Похоже, что за твою войну с горцами придется платить Кирлану. Или армектанским и дартанским налогоплательщикам. Что скажешь, князь? Добавит ли это тебе популярности? Насколько я знаю, титул князя-представителя дается вовсе не пожизненно…

Князь сидел с непроницаемым выражением на лице.

Она налила себе еще меда.

— Я терпеливо тебя выслушал, — сказал князь. — Если бы ты попыталась подобным образом поучать меня на официальной аудиенции… или на собрании Совета… — Он не закончил.

— Я не настолько глупа.

Он встал и прошелся по комнате.

— В зале для аудиенций, — сказал он, как будто без какой-либо связи с предыдущим, — стоит кресло, в котором я сижу. Такое же стоит и в зале Совета. Те, кто туда приходит, обращаются к этому креслу, а не ко мне. Они говорили бы то же самое, кто бы там ни сидел, пусть даже мой шут, соответствующим образом одетый… а даже и голый. Для них в этом кресле сидит титул — и ничего больше.

Он остановился перед ней.

— Ты тоже сегодня обращалась к титулу, ваше благородие?

Она пожала плечами.

— Конечно, князь. Мечтаю сделать у тебя под боком карьеру. Или нет: разбойники меня подкупили. Ты должен знать, что я очень люблю золото. Я сбежала из Дартана, подумав, что здесь найду его больше…

Он неожиданно рассмеялся.

— Что за тон… Шернь, я сам не знаю, почему позволяю тебе, госпожа, так со мной разговаривать… Это единственный вопрос, о котором ты хотела со мной поговорить?

— Не знаю, князь.

— Как это?

— Потому что не знаю, как будет решен первый.

— А я не знаю, хорошо ли ты оценила запас моего терпения и снисходительности, ваше благородие? Скажи мне, как по-твоему, — он еще велик?

Несколько мгновений он ждал ответа.

— Так какие у тебя еще вопросы?

После короткого раздумья она рассказала о своем договоре с Эгеденом и о том, как злоупотребили ее доверием.

— Я хочу, чтобы этот человек ответил за предательство, — без лишних слов закончила она.

Князь поднял брови.

— Что за низменные помыслы… Обычная мелкая месть. Значит, ты все-таки настоящая женщина, ваше благородие, и вовсе не такая уж необычная!

— Ты уберешь его из легиона, князь, или мне придется убрать его из числа живущих на этом свете? — сухо спросила она.

— Ты такая грозная воительница, ваше благородие? — весело ответил он вопросом на вопрос.

— Да.

Наконец он понял, что женщина не шутит.

— И все-таки, госпожа, — уже серьезно сказал он, — ты весьма поверхностно судишь о том, что произошло… Я его уволю. Довольна?

— Спасибо, князь.

— Хорошо. А теперь я хочу тебе сказать, что этот офицер ни в чем не виноват. Его

обманули, может быть, еще больше, чем тебя. Тот отряд с перевала Стервятников — орудие трибунала, о чем в гарнизоне не знали. Это один из наместников Рикса послал за тобой своих людей, без ведома коменданта. Думаю, впрочем, что без ведома кого-либо вообще.

Она ошеломленно смотрела на него.

— Да, да, — продолжал князь. — Вся эта война в горах — дело рук трибунала. Возвращаясь к предыдущему вопросу: солдаты в горы не пойдут. Самое время доказать, что деятельность имперских урядников на самом деле доставляет больше хлопот, чем приносит пользы. Я охотно пошлю гонца с пространным докладом в Кирлан. И в соответствующем свете изложу суть дела.

Каренира кивнула, прикусив губу.

— Трибунал… — сказала она. — Но в таком случае… Эгеден сдержал слово.

— Конечно. Тем не менее я уволю его — по твоей просьбе. Я не буду менять свои решения каждую минуту.

— Ваше высочество…

— Он будет уволен. Я закончил.

Тон его не допускал ни малейших возражений. Она поняла, что он преподал ей урок. И если она попросит еще раз… то в следующее мгновение Эгеден будет осужден на пять лет каторжных работ.

— Спасибо за науку, ваше высочество, — прошептала она. — Я этого не забуду.

Он снова сел в свое кресло и откинулся назад, потирая лицо.

— Я устал, — сказал он, слегка дотрагиваясь до лежащего на столе тяжелого тома. — Я занятой человек. Я лишаю себя сна, чтобы хоть ненадолго отдаться собственным слабостям. Ты же лишила меня, ваше благородие, единственного, по сути, развлечения, которое у меня было. Правда, этой ночью мне не пришлось скучать! — тут же добавил он и неожиданно закончил: — Очень уж я люблю эти книги…

— Ваше высочество, — вдруг сказала Каренира, — я могу лично отвезти в Рикс приказ об увольнении того сотника?

— А это еще зачем? — недовольно спросил князь.

— Ваше высочество. — Она соскользнула со стола и встала перед ним. — Я знаю о ценностях, которые не должны пропасть… В окрестностях Бадора, — поспешно продолжала она, — жил один мудрец, посланник Шерни. Он был моим опекуном. Сейчас… его уже два года как нет в живых.

— Да? — без особого энтузиазма поторопил князь.

— В горах, — объяснила она, — спрятаны плоды труда всей его жизни. Сотни исписанных страниц… летописи, хроники, предания, легенды и сказания со всех концов Шерера… Описанные, снабженные комментариями.

— В горах? — Заинтригованный, он не скрывал удивления. — Но ведь все это может погибнуть! — искренне забеспокоился он.

— Не сразу, князь; книги и свитки надежно защищены. Но со временем… Позаботься об этой сокровищнице знаний, князь! Это наследство величайшего человека, ходившего по земле Шерера!

— Что же это за мудрец, о котором никто никогда не слышал? — с сомнением спросил он.

— Слышали, ваше высочество… О нем слышали всюду, а ты, раз читаешь исторические труды, наверняка должен его знать.

— И кто же это такой?

— Великий Дорлан-посланник.

13

Арма ждала у Ранера.

— Я за тебя волновалась, — сказала она.

Каренира внимательно посмотрела на блондинку. Платье и туфли на высоких каблуках исчезли, от золотых серег, перстней и ожерелья тоже не осталось и следа. Арма была одета в кожаный костюм для верховой езды, пышные волосы стянуты ремешками.

— Я тоже так хочу, — сказала армектанка, нетерпеливо избавляясь от платья.

Она бросила на стол несколько рулонов пергамента, разной величины. Ранер взял один из них и посмотрел на печать.

— Оставь, братец, — сказала Арма. — Эти письма явно не про твою честь. Твое дело — выбивать из купцов золото.

— Но малую печать князя-представителя я узнать могу, — проворчал Ранер, отдавая свиток сестре.

— Два одинакового содержания приказа для комендантов гарнизонов в Риксе и Бадоре, — говорила Каренира, натягивая рубашку, потом потянулась к куртке. — Их содержание сводится к трем словам: ничего не делать. Письмо без печати — для Глорма. А это, — она взяла один из свитков поменьше, — приказ об увольнении со службы некоего офицера. — Она разорвала свиток в клочки и бросила на пол.

— Что ты делаешь? — изумилась Арма.

— Тот, кто подписал этот приказ, прекрасно знает, что в Риксе его никогда не получат.

Она взяла самый маленький свиток, перевязанный красным шнурком.

— А это мое, — пробормотала она, убирая его в сумку.

Арма и Ранер переглянулись.

Каренира чуть улыбнулась. Заботливо спрятанный пергамент содержал всего несколько слов и подпись:

> Предъявительница сего имеет право видеться со мной всегда и всюду, в любое время дня и ночи.
>
> ***Н. Р. М. Рамез, представитель императора в Громбе***

ЭПИЛОГ

Хмурое утро не рассеяло ночную тьму, принеся с собой лишь новую волну дождя и еще более сильные порывы ветра. Из шкуры Рбита, наверное, можно было бы выжать целый ушат воды, тем не менее кот пребывал в отменном настроении.

— Как долго они там торчат, говоришь?

Женский голос из темноты коротко ответил:

— Три дня.

— Не пытались пробиться?

— Пытались.

Кот снова перевел взгляд к не видимому ни для кого другого черному провалу пещеры, зияющему в скальной стене.

— А ночью?

— Тоже пытались. Но ночью по этой стене никому не спуститься. А нижний вход мы завалили каменными обломками.

— Хорошо, Кага. Как всегда — хорошо. Неужели ты никогда не ошибаешься?

— Иногда ошибаюсь, — угрюмо ответила она. — Рбит, знаешь, сколько моих людей перебила Мавала? Вот, собственно, и ошибка: я должна была прикончить эту стерву еще год назад, тогда была такая хорошая возможность…

— Не будь ребенком, Кага. Горы большие. Но, однако, слишком маленькие для того, чтобы ты могла править ими вместе с Глормом. После смерти Хагена здесь остались только ты и Мавала. Тогда я всерьез думал, не расправиться ли с вами обеими… Я не сделал этого лишь потому, что никто из вас не был достаточно силен, чтобы полностью захватить власть в этих краях. Если бы год назад, как ты говоришь, ты прикончила бы Мавалу — я немедленно

прикончил бы тебя.

— Я догадывалась, — горько заметила Кага. — Властелины гор… А что теперь? — помолчав, продолжала она. — После резни, которую устроила моим людям Мавала, а потом те легионеры, я не могу даже мечтать о перемирии с ней. Только ваши отряды держат эту суку на поводке. Стоит им уйти, Мавала поймает меня в ближайшие две недели, и знаешь, что со мной сделает? Воткнет копье прямо в мою симпатичную тугую дырку. И дырка этого не выдержит…

— С Мавалой можно уже не считаться. Ты получишь столько людей, сколько потребуется, чтобы покончить с ней раз и навсегда.

Девушка удивленно посмотрела на кота.

— А что потом? Можешь не говорить, я уже знаю — «я буду достаточно сильна, чтобы полностью захватить власть в окрестностях Бадора». Сам перегрызешь мне горло? Или попросишь этого осла Ранера?

— Я не трону тебя, Кага. Ничего больше не спрашивай — Глорм все тебе расскажет. Уже скоро.

Темнота сменилась серыми рассветными сумерками. Рбит внимательно огляделся по сторонам. Всюду вокруг лежали люди, крепко спавшие, несмотря на холод и сырость. У каждого под рукой виднелся арбалет. Несколько человек бодрствовали, не спуская глаз с уже видимого отверстия пещеры.

Кот обернулся назад.

— Глорм должен скоро появиться. Я поднял их задолго до рассвета. Они ели, когда я побежал сюда.

— К чему вся эта спешка?

— Нам очень многое нужно сделать. В самом деле, Кага, для нас сейчас важен не только каждый день, но и каждое мгновение.

Он снова перевел взгляд на пещеру.

— Сколько их там?

— Около двадцати. Групп было две: одну возглавлял кот, а другую — тот человек. Первой группы уже нет.

— Знаю. Я слышал, кота вы тоже убили.

— Да. Тебя это удивляет?

— Немного.

— Он вел себя отважно, не бросил своих, хотя мог. Однако, Рбит, есть в этом какая-то тайна… Хотелось бы когда-нибудь ее узнать.

— Какая тайна?

— Этот кот определенно искал смерти. Он не сражался. Но самое главное — он был немым. Мы взяли в плен нескольких его человек, и все сказали одно и то же.

Рбит задумался.

Какое-то время спустя он снова посмотрел назад.

— Кажется, идут, — сказал он, прислушиваясь.

За Глормом шло почти сто пятьдесят человек.

— Твое войско, — пояснил кот, посмотрев на Кагу. — Мы оставим тебе их всех, еще сегодня. Можно было привести и больше, но я не видел в этом смысла.

Кага ошеломленно смотрела на вновь прибывших.

Подчиненные Каги, разбуженные появлением отряда, поднимались с земли. Некоторые приветствовали знакомых, иные даже заключали друг друга в объятия.

Глорм, в избранном обществе Карениры, Армы, Ранера, Вилана и Делена, подошел к Рбиту и Каге. Несколько мгновений он внимательно разглядывал стройную черноволосую девушку, потом кивнул и протянул руку. В ответ она подала ему обе руки.

— Где они? — без лишних слов спросил он.

Она показала на пещеру. Он чуть приподнял брови.

— Как ты их туда загнала? И почему они до сих пор там сидят?

— Потому что не могут выйти, — спокойно ответила Кага. — А я поклялась, что больше не пожертвую жизнью ни одного из моих людей. Уморю их голодом. Или перестреляю всех, если они высунут хоть кончик… — Она сказала, чего именно.

— Целясь в эти кончики, убить трудно, — с усмешкой заметил Глорм. — Я не стану столько ждать.

Он посмотрел в сторону пещеры. На фоне черного входа что-то мелькнуло — видимо, разговор привлек внимание осажденных.

— Нужно их вытащить из этой дыры, — сказал Глорм задумчиво.

Двести человек, прячась за скалами, ждали ответа из пещеры. Ранер посмотрел на Глорма, потом поднес руки ко рту и еще раз крикнул:

— Выходи! Басергор-Крагдоб хочет с тобой сразиться!

— А если я выиграю? — донесся наконец приглушенный расстоянием ответ.

— Уйдешь свободным!

После короткого молчания последовал ответ:

— Не верю!

— Тогда подыхай с голоду!

Ранер сел.

Глорм одобрительно кивнул.

— А мои люди? — послышалось из пещеры.

Ранер снова встал.

— Уйдут с тобой!

В черном отверстии появился силуэт рослого светловолосого мужчины.

— Пусть будет так!

Они молча смотрели, как он осторожно спускался по отвесной скале, выискивая опору для рук. Наконец он встал у ее подножия, немного отдохнул и, перебравшись через каменный завал, вышел на середину полукруга, состоявшего из притаившихся людей Крагдоба.

— Я жду, — сказал он, вызывающе положив руку на меч — очень длинный и узкий.

Глорм встал и протянул руку к лежащему рядом разбойнику, потом нетерпеливо посмотрел на него.

— Арбалет, придурок, — сказал он.

Тот поспешно подал оружие. Король гор легко поднялся; на лице стоявшего в пятидесяти шагах противника появилось неописуемое изумление и недоверие. Мгновение спустя болт ударил его в грудь, повалив на землю. Он дернулся, выгнулся дугой — и испустил дух.

В глухой тишине раздался отчетливый, спокойный голос Крагдоба:

— Я выиграл, но должен вам сказать: отчаянный он был рубака!

Еще мгновение стояла тишина…

Первой рассмеялась Кага. Она что-то крикнула Глорму, но настоящий ураган смеха заглушил ее слова. Разбойники выпускали из рук арбалеты, упирались лбом в камни или плечи товарищей и хохотали до слез. Кто-то кашлял, кто-то колотил кулаком о землю, кто-то хрипел, хватаясь за живот. Крагдоб стоял, выжидающе глядя в сторону пещеры, словно ему было любопытно, когда в его сторону полетят арбалетные болты. Никто не стрелял, хотя цель была не маленькая; наконец разбойнику это наскучило, он пожал плечами и сел.

Карениру переполняли смешанные чувства; в конце концов она прикусила губу, фыркнула и тоже захохотала.

— А что с теми? — спросила она, показывая на вход в пещеру, и снова засмеялась.

— Что с ними может быть? Двадцать голодных оборванцев, которые даже стрелять не в состоянии по причине внезапного упадка боевого духа… Пусть ими занимается Кага, а я возвращаюсь в Громб. Меня ждут дела. Кага, — обратился он к девушке, вытиравшей слезы со щек, — когда ты будешь в Бадоре? Как только туда доберешься, дай знать в столицу. Мне

очень многое тебе нужно сказать.

Она кивнула.

Смех постепенно утих. Время от времени то тут, то там еще раздавались смешки, вновь вызывая всеобщее веселье. Еще до полудня уже была готова песенка о сражении короля Тяжелых гор с узурпатором.

— Что было в том письме, о котором вы все время говорите? — спросила Кага, провожавшая Глорма и его маленький отряд.

Крагдоб молча подал ей свиток.

— Я не умею читать, — сладким голосом сказала она. — Забыл?

— Учись, — серьезно ответил он. — Очень полезное умение. Взять, к примеру, это письмо… Оно, собственно, для тебя, не для меня.

Он развернул пергамент, хотя знал его содержание.

— Князь-представитель написал всего три слова: *«ТОЛЬКО ОДИН РАЗ»* .

— И я думаю, Кага, — помолчав, добавил он, — этот человек сдержит свое слово. Так что владей горами целиком и без остатка, пусть никогда не повторится то, что случилось сейчас. Сердце гор должно биться для тебя одной. Впрочем, об этом мы еще поговорим, — он улыбнулся, — Басергор-Крегири…

— Идите, — махнул он рукой. — Каренира…

Они смотрели вслед удаляющимся фигурам.

— Похоже, Вилан от меня все-таки отстал, — сказала Каренира. — Кажется, теперь он охраняет кого-то другого. Что ты ему такое сказал, что он бросил службу у Байлея?

Великан пренебрежительно отмахнулся.

— Значит, не пойдешь с нами? — спросил он.

— В Громб? Нет. В окрестностях Пасти спрятано кое-что, что я кое-кому обещала. Хочу посмотреть, лежит ли оно там, где лежало. Недалеко отсюда. — Она показала подбородком.

Крагдоб явно ее не слушал.

— Твой бывший муж… в Роллайне. Что с этим делать? Я твердо решил ехать именно туда, — рассеянно бросил он.

— Байлей? Зануда, и больше ничего, — заявила Каренира. — Конечно, он тебя узнает, как только встретит. А встретит наверняка, ведь не будешь же ты жить в предместье? Но можешь быть уверен в том, что он будет молчать, так же как в том, что идет дождь. — Она поймала ладонью капли воды. — Ручаюсь, Глорм. У этого человека множество достоинств. И лишь один недостаток — он дартанец. Передай ему от меня привет.

— Ты любила его?

«Любила ли? Ради него я убивала», — подумала она.

— Да, Глорм.

— И?..

— И уже все прошло, — со смехом сказала она, обнимая его за поясницу.

Они целовались жадно, ненасытно, словно можно было вернуть потерянное время. Он обнял ее могучими руками столь осторожно и нежно, словно боялся, что она исчезнет подобно клубам тумана. Он целовал ее волосы, потом опять губы — и нежно, и крепко сразу.

— Ты согласна?.. Станешь моей… спутницей?.. — наконец спросил он, неловко и тихо. — Моей… женой?

— Ты поедешь в Дартан? — так же тихо спросила она.

Он поднял руки и тут же их опустил, отступив на полшага назад.

— Да, Кара.

— Значит — нет, Глорм.

Он стер капли дождя с лица, сжал ее ладони и пошел прочь. Постояв немного под дождем, наконец пошла в другую сторону и она.

— Каренира, — сказал кот, появившийся словно из-под земли, — ты терпелива, но

умеешь ли ты *ждать* ?

Она грустно улыбнулась.

Кот поднял лапу в ночном приветствии.

— Тогда жди… Мы еще вернемся.

КНИГА ВТОРАЯ
Ленты Алера

ПРОЛОГ
Корона шергардов

Приближались сумерки. Холодный дождь безжалостно хлестал по скалам, перекатываясь по склонам гор в то густеющем, то снова рассеивающемся тумане. Ветер терзал водяные струи, которые изливались из густых туч над серой землей Громбеларда.

Тяжелые горы стояли непоколебимо.

Затяжной дождь превратился в ливень. Яркая молния сверкнула на фоне угрюмого свода, который трудно было даже назвать небом. Раскат грома обрушился среди вершин вместе с настоящими каскадами воды. В одно мгновение среди каменных россыпей вспенились сотни разъяренных потоков; камни катились вниз по склонам, иногда создавая завалы, которые тут же разбивались вдребезги под ударами воды.

Большие валуны продолжали лежать неподвижно.

В сером вечернем свете, среди ливня, замаячили неясные силуэты двух человек. Пригнувшись к земле, навьюченные грузом и оружием, они с трудом пробирались вдоль крутой горной тропы, ставшей теперь руслом разгневанного потока.

Невдалеке тесной группой лежали большие камни, омываемые струями дождя.

Люди упорно карабкались по склону.

Удар грома сотряс дождевые потоки, а когда он прогремел, послышался таинственный голос, звучавший подобно странному, глухому смеху. Голос этот, среди ливня и ветра, мог показаться иллюзией… но не был ею, ибо лежавшие возле тропы камни ожили. Люди застыли неподвижно, после чего один из них предупредительно крикнул, схватив товарища за руку. Чудовищные существа разрывали завесу дождя, перемещаясь вниз по склону огромными прыжками, не обращая никакого внимания на удары ветра.

Мокрые коты — зрелище забавное и почти жалкое; лапы и хвосты, облепленные шерстью, казались страшно худыми, также как и головы, ставшие странно похожими на собачьи. Двадцать подобных созданий набросились на людей, окружив их подвижным кольцом. Мокрый гадб, кот-гигант, воистину выглядел карикатурно. Так что поваленные на землю ударами лап люди увидели уморительно веселую смерть…

Несущаяся вниз по склону вода внезапно покраснела.

1

— Снова ливень… И зачем я здесь?

Маленькая пещера, выдолбленная в каменной стене, хорошо защищала от дождя. Вход, высотой в три локтя, был заслонен серой дождевой завесой, но в глубине потолок уходил вверх, стены же — в стороны. Небольшое, вполне сухое и уютное помещение освещалось масляным светильником, казавшимся неуместным среди неровных камней; здесь подошла бы скорее лучина. Развешанная на каменных выступах, сушилась одежда. У самого входа висел пояс с коротким мечом. Полностью обнаженная женщина лежала на военном плаще, раздвинув ноги так, словно приглашала всех мужчин на свете. Под голову ее был подложен колчан, из которого виднелись оперения стрел, потесненных черной косой, которая по

каким-то причинам была засунута в колчан. Владелица косы оторвала зубами кусок холодного мяса, свисавший с большой бараньей лопатки, и медленно прожевала, не отводя взгляда от стены дождя перед пещерой.

— Ну? Зачем? — повторила она с набитым ртом; армектанские слова весьма странно звучали в сердце Громбеларда. — Скажи, зачем ты сидишь в этой норе, вместо того чтобы уехать куда-нибудь, чем дальше, тем лучше? Ведь тебе, похоже, холодно.

Действительно, холод был пронизывающим, хотя порывы ветра и не проникали в пещеру. Однако если женщина и ощущала холод, то ее тело, упругое и мускулистое, о том не знало — оно не дрожало и не покрывалось гусиной кожей. Лишь соски маленьких грудей торчали, твердые словно камешки. Видимо, в заботе о них она протянула руку назад и, нащупав толстое одеяло, подтянула его к себе и кое-как накрылась, не переставая жевать.

— Ох… — сказала она, покончив с лопаткой, — что ж это был за барашек… Наверняка ему было лет сто. Жаркое времен истории Шерера, воистину.

Дождь снаружи несколько утих, зато сумерки продолжали сгущаться. Вход в пещеру все слабее выделялся на фоне черных скал.

Женщина отбросила одеяло и встала.

В самом дальнем углу пещеры, среди каких-то тряпок и узлов, лежало неподвижное тело, прикрытое плащом. Черноволосая подошла к нему и, присев рядом, откинула ткань. В полумраке слабо маячили очертания осунувшегося, небритого лица. Грязная повязка на лбу пропиталась кровью.

Глаза лежащего медленно открылись. В них мерцал лихорадочный блеск.

— Ну вот, — сказала она. — Один взгляд за два дня… Неужели так теперь все время и будет?

— Умираю… Охотница… — тихо и хрипло проговорил мужчина.

Он был дартанцем. Сыном Золотой провинции, края, являвшегося полной противоположностью Громбеларду. Здесь, в Тяжелых горах, представителей этого народа считали изнеженными, избалованными богатством трусами.

Она наклонилась, ища что-то среди узлов.

— Есть две разновидности больных, — говорила она на родном языке раненого. — Те, что выздоровеют, и те, что умрут. И те и другие должны как можно быстрее сделать свое дело. Иначе они лишь мучают себя и других.

Она нашла кожаный мешок, в котором что-то булькало. Напившись, она приложила отверстие мешка к губам лежащего. Тот закашлялся, вино потекло по подбородку и щекам. Он несколько раз глубоко вздохнул.

— Я умру.

Женщина прикусила губу. Несмотря на с легкостью брошенные слова, ее взгляд был полон грусти.

— Думаю, да, — тихо сказала она.

Она протянула руку и коснулась шершавой щеки. Та была горячей. Однако раненый слабо улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он. — Наконец-то ты видишь во мне мужчину, который сумеет… принять любую правду. Я долго ждал… Охотница, я могу… довериться тебе?

Женщина нахмурила широкие брови; вопрос был неожиданным. Она пожала плечами.

— Ну… не знаю, в самом деле, — ответила она. — О чем речь, об эликсире молодости? В таком случае доверься мне обязательно. Я ни капли не потеряю, ибо проглочу его вместе с флаконом.

Послышался короткий, отрывистый слабый смех.

— Чувствуешь себя старой, Охотница?

— Как эти скалы.

Некоторое время оба молчали.

— Скажи… это ты навлекла смерть на тех солдат в Черном лесу? То, о чем говорили… это правда?

Она прикрыла глаза.

— Нет.

— Тогда послушай… и запомни, поскольку я сомневаюсь, что смогу повторить. Слушаешь?

— Слушаю. Ты в самом деле хочешь…

— В самом деле. Я могу и хочу тебе довериться.

Сперва она долго лежала, не в силах заснуть, и размышляла о странной тайне, в которую ее посвятили. Дартанец… Дартанец в Тяжелых горах. Неужели в самом деле человек, который еще несколько лет назад был алебардником в далекой Роллайне, мог совершить самое удивительное открытие в истории Громбеларда? Невероятно… Что за каприз Шерни…

Она погрузилась в короткий, беспокойный сон, полный видений. В них она кружила по каменному лабиринту, отчаянно пытаясь вырваться, найти выход… Тщетно.

Проснувшись вся в поту, несмотря на холод, она села, обхватив плечи руками.

— Каренира…

Он впервые назвал ее по имени.

Когда-то она не любила этого человека. Почти ненавидела. Тяжелые горы были неподходящим местом для дартанца. Он, однако, считал иначе. И доказал справедливость своих доводов, за нескольких лет став знаменитым проводником по самым опасным местам Тяжелых гор.

И тем не менее Громбеларда отвергал его…

Лишь благодаря случайности она нашла умирающего и притащила его в одно из своих убежищ. Он бредил. «Откуда я мог знать, что это *она* ? — без перерыва повторял он. — Откуда я мог?..»

Лишь теперь она узнала всю историю. И о том, кто такая «она».

— Каренира…

Прежде чем лечь спать, она задула пламя светильника. На ощупь, на четвереньках, она поползла к постели раненого.

— Я здесь.

— Ты все помнишь?

— Помню.

Некоторое время слышалось лишь его тяжелое дыхание.

— Помни, нужно идти под дождем… Помнишь? Под дождем, с утра… — поспешно говорил он. — От перевала Медевы… Она там будет. Не допусти, чтобы…

Она поняла, что он снова бредит, и на ощупь нашла разгоряченное лицо.

— Хорошо, я помню.

Он взял ее за руку и успокоился.

— Охотница…

— Я здесь.

— Поцелуй меня. Только раз. Я всегда считал, что ты… всегда хотел… чтобы так, как ты…

Она наклонилась, нашла его губы. Они были горячи, словно огонь.

— Охотница… — добавил он, — я был хорошим проводником…

Он слегка оттолкнул ее.

Она вернулась на свою постель. В эту ночь она больше не заснула.

Казалось, она слышала, когда он перестал дышать.

2

Вещи все еще были мокрыми. Однако высушить что-либо в извечной громбелардской влажности было попросту невозможно. Костер — да, конечно… Но в высокогорьях легче

было найти золотые монеты, чем топливо.

Она с трудом натянула короткую, с разрезами на бедрах юбку, потом рубашку и меховую куртку, сунула ноги в крепкие кожаные сапоги. Наконец, забрала из пещеры все, что стоило забрать: оружие, бурдюк с вином, немного еды, два военных плаща и одеяло. Кроме того, еще несколько мелочей. Навьюченная словно мул, она вышла наружу. Дождь уже не шел, утренний ливень миновал.

Здесь, в окрестностях Рахгара, она бывала редко. Пещера послужила ей всего два раза… и не послужит больше никогда. Она станет гробницей проводника по горам.

Таких ниш было в этих краях бесчисленное множество. Она знала, что до исхода дня найдет себе новую.

Вход она заваливать не стала. Стервятники не могли высмотреть труп в таком месте, а никого другого столь высоко в Тяжелых горах не было.

Вилан, дартанец, полюбивший громбелардские вершины, теперь всегда будет видеть дождь, закрывающий своей пеленой вход в пещеру.

Ей не везло… Уже полтора десятка лет она ходила по Тяжелым горам (правда, обычно в окрестностях Громба и Бадора), но до сих пор не была знакома с одной из самых любопытных легенд Громбеларда.

«Убийцы из Рахгара». Гадбы, громбелардские коты-гиганты. Естественно, гадбов она уже видела… В том числе и в легионах. Но в Рахгаре существовал единственный во всей империи отряд гвардии, состоявший исключительно из котов. Они были грозой горных разбойников и промышлявших на тракте грабителей. Несколько раз она уже собиралась в Рахгар лишь затем, чтобы взглянуть на отряд котов-воинов. И всегда что-нибудь ей мешало.

Теперь опять.

Нет, ей воистину не везло.

Хотя… По иронии судьбы она стала наследницей странной тайны. Могло оказаться, что необычные воины в кошачьих кольчугах и шлемах сами к ней придут. Громбелардский легион достаточно хорошо знал, что происходит в горах. То, что происходило сейчас, должно было казаться для войска весьма занимательным.

Был ли дартанец в здравом уме? Не бредил ли он в лихорадке, передавая ей свои знания? В Громбеларде, как говорится, возможно было все. Но… действительно ли все?

Громбелард. Вторая провинция. Край туч, край гор… Его называли сотней имен. Прежде всего, однако, он был краем, проклятым Шернью, краем вечной войны. Над Громбелардом Шернь вела много веков назад величайшие сражения с чуждой и враждебной силой — Алером. Говорили, что непрекращающийся дождь должен был смывать пятно, оставленное на этой земле ненавистной мрачной силой.

Но Громбелард был также и наиболее давно обитаемым краем Шерера. Среди вершин, перевалов и утесов можно было обнаружить следы его давних жителей: разрушенные крепости, мало отличавшиеся от груд каменных обломков, остатки дорог и даже фрагменты гигантских каменных мостов, переброшенных — вероятно, с помощью самой Шерни — над бездонными пропастями…

Умирающий проводник желал, чтобы посланная ему судьбой женщина встретилась лицом к лицу с наследием древних шергардов.

Она направилась на север.

Время у нее было. Много времени. Она прекрасно знала, что останется в Тяжелых горах навсегда. Однажды она пыталась бежать от них — но ей это не удалось. Теперь она могла ходить по ним в поисках чего угодно — пусть даже видений бредящего в лихорадке дартанца.

Тем более если они не были видениями…

И в конце концов — разве истребление стервятников, которому она посвятила жизнь, было нормальным занятием?

Она посмотрела на небо, прикидывая, скоро ли снова начнется дождь.

К северо-востоку от Рахгара высился горный массив Медевена, иногда также называвшийся Короной. Странное место, но в Тяжелых горах удивительные ландшафты не были редкостью. Медевен составляли семь гор, упиравшихся друг в друга, отгороженных глубоким ущельем от остальных Тяжелых гор и опоясанных ревущей Медевой. Могучие вершины, расположившиеся по кругу, действительно напоминали зубчатую корону. Между ними была котловина, в которой кружилось озеро. Именно — кружилось. Бушующая Медева пробила где-то подземный коридор, через который поток воды врывался в котловину. Вода озера текла по кругу, неторопливо и безостановочно. Говорили, что полный оборот занимал три дня. Впрочем, это не обязательно соответствовало действительности.

Каренира лишь однажды дошла до самого перевала Медевы. Она хотела обследовать Корону, но больше ее интересовали «убийцы», так что сперва она направилась в Рахгар. До города она, естественно, не добралась — и Короны тоже не увидела.

Но теперь все будет иначе.

Путь до массива занимал несколько дней. Сперва следовало обойти лежавшие невдалеке истоки Медевы — реки, которая вырывалась из земли с бешеной яростью, образуя величайший на свете водопад, после чего устремлялась вниз, неукротимая, гневная и смертоносная. До сих пор никто не сумел ее преодолеть. Каренира знала горы и осознавала, что не стоит бросать им ненужных вызовов. Хотя, с другой стороны, если найти переправу через Медеву, это могло оказаться весьма полезным. Безопасность одинокой женщины в горах порой зависела от знания дорог, не известных никому другому. Но сейчас ее слишком интересовало завещание Вилана, чтобы искать переправу через бушующую реку.

Она шла не спеша, но размеренно, и с той необычной уверенностью, которую может дать лишь превосходное знание местного бездорожья.

3

Вставал серый рассвет. Дождя не было. Сильный ветер гнал клубящиеся тучи, раздирая их об острия громбелардских вершин. Очередной порыв разорвал темный саван и отнес в сторону его клочья. Восходящее солнце осветило два зубца Короны. Потом погасло, снова затянутое тучами.

Вдоль каменного ущелья, по дну которого несла свои воды Медева, передвигалась небольшая группа — человек десять-двенадцать. Они шли, вытянувшись цепочкой, поскольку узкая тропинка не позволяла идти иначе. Все были одинаково одеты — в военные или похожие на военные плащи; все тащили большие, плотно набитые сумки из козьей шкуры. Привлекало внимание количество оружия — у каждого в отряде был меч, по громбелардскому обычаю висевший за спиной, а в руке — мощный арбалет.

Возглавляла отряд черноволосая зеленоглазая девушка лет двадцати с небольшим, неправдоподобной красоты — дикой, агрессивной и вызывающей. Взгляд и движения ее были воистину кошачьими. Она шла, как будто расслабившись, почти не обращая ни на что внимания, но под этой беззаботностью крылась готовность к молниеносному действию. Она наверняка могла бы убить, не заметив; ее тело отбило бы неожиданную атаку раньше, чем она успела бы это осознать.

Девушка была королевой гор и громбелардских разбойников. Звали ее Кага, что означало «кошка».

По сути дела, она была и человеком, и кошкой. Брошенная еще ребенком на бадорской улице, она выросла в стае котов-разбойников и в свои двадцать пять лет лучше понимала котов, чем людей.

Уже неделю с лишним она вела игру, не доступную ни для кого иного, — уходила от убийц из Рахгара. Игра обходилась дорого — она уже потеряла половину своих людей, однако была все еще жива и имела в своем распоряжении вооруженный отряд.

Семь гор — то была вся местность, доступная ей сейчас. Она была отрезана в массиве Медевена. Смертоносная петля реки окружала ее; единственный выход из петли стерегли

коты-гвардейцы. Второй отряд шел за ней следом. Нужно было пробиться. У нее еще достаточно оставалось сил, чтобы надеяться на удачу. Однако уход из Короны означал поражение; она не нашла того, за чем пришла.

Тропинки, пробитые в горах людьми, редко подходят для котов. Каменная стена, невысокая и потрескавшаяся, порой бывала для гвардейцев-гадбов непреодолимой преградой. Кага об этом хорошо знала. Но она знала также, что каменный уступ шириной в ладонь станет для кошачьего отряда удобной тропой, в то время как ее люди с риском для жизни будут цепляться за скалы. Она избегала таких мест и до сих пор мастерски вела свой отряд.

Но вот он остановился. Крутая тропинка пролегала вдоль пропасти, но каменные стены подходили уже к самому краю. Поле зрения стало крайне ограниченным, за каждым поворотом мог встретиться враг. Кага сомневалась, что коты находятся впереди нее, однако считала необходимым отправить вперед дозор. Уже дважды за минувшую неделю лишь благодаря передовой страже они избежали засады. Правда, каждый раз ценой оказывалась жизнь разведчиков…

Оглянувшись, она назвала имена двоих, и те тотчас же двинулись вперед. Авторитет, которым пользовалась молодая предводительница, был просто удивителен.

Уже три года не доходило никаких вестей о легендарном Басергоре-Крагдобе, величайшем разбойнике из всех, кого знал Шерер.

Он был ее учителем.

Басергор-Крагдоб означало — властелин Тяжелых гор. Военное прозвище Каги звучало короче, но более выразительно: Хель-Крегири — госпожа слез. Она была самым жестоким и беспощадным существом из всех, кто когда-либо ходил по земле Громбеларда. В сердце этой девушки кошачьи бездушие и неспособность сочувствовать сочетались с человеческими мстительностью и лживостью. Если бывшим королем разбойников имперские легионеры скорее восхищались, то Хель-Крегири ничего, кроме ненависти, вызвать не могла. Ее преследовали, словно дикого зверя. Гигантская империя Басергора-Крагдоба рассыпалась в прах. Когда-то ему позволяли существовать, ибо легендарный разбойник сделал то, чего никто до него сделать был не в состоянии: он навел в Громбеларде своеобразный порядок. Да, он брал дань с каждого, у кого было золото. Но он также утихомирил и подчинил себе всяческий сброд; грабители, воры и бандиты боялись его больше, чем купцы.

Теперь все стало иначе. Крагдоб был мужчиной; Хель-Крегири — лишь женщиной. У нее не имелось ни единой мысли о том, чего она хотела бы в жизни достичь. Крагдоб чего-то желал и к чему-то стремился, она же — нет. Она любила путь, ведущий в никуда. Путешествия по горам, сражения и победы… то есть средства, ведущие короля гор к цели, были для нее целью сами по себе. Она любила ступени, по которым взбирался ее предшественник, не в силах даже помыслить о том, найдет ли на их вершине дверь, ведущую в какую-либо комнату.

Отряд шел по краю обрыва. Дорога была незнакомой — она могла тянуться на целые мили или с тем же успехом неожиданно оборваться, преграженная завалом из камней. Но рисковать стоило — если бы удалось обойти гору, вместо того чтобы форсировать ее неприступные склоны, выигрыш во времени оказался бы просто гигантским. Кроме того, Кага решила, что пора попытаться обмануть преследователей. До сих пор она избегала подобных мест, как чересчур удобных для кошачьего войска. И теперь, как она надеялась, «убийцы» не смогут поверить, что она пошла этой тропой, и изберут другую.

Кага хотела еще раз проникнуть внутрь Короны. Сперва, однако, нужно было обмануть погоню. Она верила, что ей удастся это сделать, — и просчиталась.

Высоко, на каменном уступе, один из камней внезапно ожил… Заскрежетала крепкая кольчуга. Большой кот лениво встал и наклонил голову, прикрытую плоским, надежно застегнутым шлемом с вырезами для ушей.

Гвардеец прищурил желтые глаза, глядя вниз, на ряд маленьких фигурок.

4

Вершины, образующие Корону, наверняка носили какие-то названия, но Каренира знала только одно: Большая Медева. Самая крупная в Короне. Она ночевала у ее подножия. На следующий день она хотела преодолеть перевал, через который, похоже, вел кратчайший путь в котловину.

Она нашла нишу, хорошо защищенную от ветра, но от вездесущей влаги было никуда не скрыться: после нескольких дней пути единственной сухой вещью, остававшейся у Охотницы, был лук, заботливо укрытый в налуче, сшитом из нескольких слоев провощенной кожи. Налуч, тяжелый и толстый, словно доска, закрывал все оружие, а не только его часть, как это обычно бывало. Каренира не спала.

Она находилась почти у цели. Несколько дней путешествия ее утомили, но не потому, что горы трудно было преодолеть. Скорее виноваты были причины, по которым она отправилась в это путешествие. Первое воодушевление прошло, и Охотница теперь спрашивала сама себя, действительно ли у нее есть столько времени на поиски мифов. Слова раненого были бредом, сказкой, ничем больше. Каренира все больше укреплялась в убеждении, что в массиве Медевена ничего она не найдет кроме, возможно, лишних хлопот. Таинственная цитадель и убежище шергардов? Где есть все, чем они пользовались и в чем нуждались? Ничего подобного не могло быть на свете. Но существовала вера в подобное открытие. Дыра в голове Вилана не была выдумкой, кто-то ее сделал. Столь же легко этот некто мог сделать и другую — на этот раз в ее собственной голове. Охотница постоянно не упускала из виду, что в горном массиве она не одна.

Ночь была непроницаемо темной — типичная громбелардская ночь. У Карениры появилось предчувствие приближающейся опасности. Сосредоточенно вслушиваясь в шум дождя и свист ветра, она вынула лук и проверила пальцами тетиву.

Время тянулось еле-еле.

Дождь прекратился, несколько стих и ветер. Охотница не спала, хотя обнаружить ее убежище, казалось, было почти невозможно. Однако предчувствие никогда еще ее не подводило… Беспокойство росло — она поняла, что за ней наблюдают.

— Терпеливая, — прозвучал в темноте мурлыкающий, неразборчивый голос. — Терпеливая, словно кошка.

— И выносливая, — добавил второй, похожий голос. — Как из железа. Не знал, что человек может столько выдержать без движения.

— Чего ты здесь ищешь, легенда? — спросил третий голос.

Каренира встала. Ее окружало кольцо воинов, но она не видела ни одного. В черноте ночи слабо маячили очертания камней. Некоторые из этих камней разговаривали. Она не знала, какие именно.

— Чего ты ищешь в этих горах? — снова послышался вопрос. — Стервятников? Здесь ни разу не видели стервятника.

— Я знаю.

— Тогда чего? Возвращайся в окрестности Бадора, Охотница. И убивай этих крылатых. Крайне это одобряю.

Она кивнула, грустно улыбнувшись.

Стервятников никто не любил. Никто не в силах был понять их запутанную философию. Может быть, поэтому люди питали к ним явную неприязнь. Коты не питали неприязни — коты их ненавидели, а кошачья ненависть была, вероятно, самым могучим чувством Шерера. Впрочем, все, что чувствовал или делал кот, характеризовалось непреклонностью и постоянством. Эти живущие в человеческом мире и вместе с тем ходившие своими собственными путями существа все делали с замахом на вечность. Они никогда не отказывались от однажды возникшей дружбы. Никогда не забывали о ненависти. Никогда не нарушали слова.

— Никто не запрещает мне ходить по горам. Я что, мешаю?

— Немножко. Но я предупреждаю не потому, легенда. Идет охота, и дичь крайне опасна. Так что будь осторожна. А лучше всего — отправляйся искать стервятников.

— Кажется, я знаю, на кого вы охотитесь.

— Хочешь нам помочь?

— Нет. Не хочу, а впрочем, не могу, ты хорошо об этом знаешь, гвардеец. Это не мое дело. Я живу в горах, а горы — это в том числе и разбойники.

— Вэрк, понимаю.

Что-то дрогнуло в темноте, и черный силуэт, слегка звякнув кольчугой, приблизился к ней.

— Тебе незачем помогать имперским солдатам, Охотница, — сказал кот, садясь.

В его словах послышалась явная ирония. Она знала почему. Кот охотно становился солдатом, но имперским солдатом считал себя только тогда, когда ему это было удобно.

— Но нам придется помочь тебе, если возникнет такая необходимость, — продолжал гадб. — Возникнет?

— Не возникнет, — ответила она, присаживаясь на корточки и ощущая идущее от гвардейца тепло. — Ты застал меня врасплох, кот. Но никому другому это не удастся. Это я госпожа гор, не она… Если Хель-Крегири или кто-либо другой встанет на моем пути, то охота завершится без гвардейцев-гадбов.

Мурлыкающий, неприятный для человеческого уха смех прозвучал с нескольких сторон, но в нем не было ничего оскорбительного. Скорее уважение к отваге и острому языку этой женщины. Командир отряда тихо фыркнул.

— Что за слова… Но я верю тебе, легенда. Если бы было иначе, Тяжелые горы уже давно сожрали бы твои кости.

Она скорее почувствовала, нежели увидела, что кот поднял лапу в кошачьем ночном приветствии.

— И все-таки, будь осторожна.

5

«Убийцы» сменили тактику. На более грозную, намного более…

За минувшую неделю Кага лишилась восьми подчиненных. Теперь же, в течение одного дня — троих. Больше не было единого отряда, преследующего ее и крайне опасного — но только ночью, когда кошачья орда могла тяжело ранить застигнутых врасплох и сражающихся вслепую людей. Вместо этого по горам сновали небольшие группы, состоявшие из двух-трех солдат, совершенно невидимые, неуловимые, терзающие людей как ночью, так и днем. Она не знала, каким образом вырваться из подобных сетей.

На узкой тропинке, ведущей вдоль пропасти, той самой, с которой она связывала свои надежды, единственный гадб расправился с авангардом, после чего выхватил человека из основной группы. Все это на ее глазах, хуже того — на глазах подчиненных, сила духа которых начала испаряться подобно плевку в костер… Они ничего не могли сделать, ничего не могли предотвратить. Решение идти по столь головоломной тропе было ошибкой. Непростительной ошибкой…

Тропинка описывала дугу, следуя изгибам стены ущелья. Два человека шли по другой стороне, прекрасно видимые — они были близко, — но отгороженные пропастью от остальных своих товарищей, лишь вступавших на изгиб тропы. Кот появился внезапно, словно возникнув из-за завесы дождя. Он хорошо выбрал место для нападения, застигнутые врасплох на узеньком выступе люди среагировали чересчур резко. Шедший впереди потерял равновесие, пытаясь удержаться, инстинктивно схватился за товарища, который, со своей стороны, тоже хотел его поддержать… Кага выла от ярости; нападавший даже не дотронулся ни до кого из разведчиков!

Человеческий крик оборвался на дне ущелья. Огромный кот мчался по каменному карнизу с беззаботной, почти презрительной легкостью. Хель-Крегири ощутила, как к горлу

подступает комок от гнева и бессилия. С мечом в руке она двинулась навстречу врагу — медленно, шаг за шагом, прижимаясь спиной к шершавой скале. Однако кот исчез столь же внезапно, как и появился; она еще успела увидеть его спину в полной гравия щели, выдолбленной в стене стекающей водой. Шорох сыплющихся вниз камешков был единственным признаком того, что гвардеец карабкается все выше, уходя из поля ее зрения. Наконец струйка каменных обломков поредела и исчезла.

Хель-Крегири взяла себя в руки и восстановила порядок среди своих людей. Она не позволила рассуждать о том, сколь беззащитны были мгновение назад их товарищи, зато приказала приготовить арбалеты и с кривой усмешкой сама выступила вперед, спрашивая, кто вместе с ней пойдет в авангарде. Прежде чем она получила ответ, кот-воин снова нанес удар. Гравий и мелкие камешки посыпались прямо на головы и плечи стоящих на каменном карнизе людей. Цепляясь доспехами о скалу, крупный гадб скользил вниз. Даже кот не в состоянии был затормозить на почти отвесном склоне — но солдат этого вовсе и не хотел! Закованная в железную кольчугу бурая фигура отчасти прыгала, отчасти падала по склону. Кто-то успел послать в него арбалетный болт — но промахнулся. В следующее мгновение кот всем своим весом обрушился на спину одному из мужчин, который успел неожиданно ловко ткнуть мечом почти вслепую назад. Меч заскрежетал о кольчугу, после чего человек и кот рухнули в пропасть.

В тридцати, а может быть, сорока локтях ниже тропы, по которой Кага вела своих разбойников, тянулся очередной каменный карниз. Человек ударился о него всем своим весом и повис на краю, с раздробленными костями. Кот приземлился рядом. На мгновение он застыл неподвижно, растопырив лапы, потом начал трясти головой, то и дело фыркая. Кто-то выстрелил из арбалета; гадб понял, что это не шутки, вскочил, пошатнулся, а потом, спотыкаясь, побежал вперед, все быстрее, лишь бы подальше… Глядя на это, Кага впервые почувствовала, что гвардейцы-гадбы вовсе не сражаются с ее людьми. «Убийцы из Рахгара», да. То, что она видела, не было сражением. Это были три убийства.

Второе столкновение случилось вечером — но проклятая пропасть осталась позади, и все происходило иначе. Чей-то зоркий глаз вовремя заметил две приземистые фигуры, окутанные пеленой дождя. Заранее подготовленные арбалеты не подвели, и Хель-Крегири ощутила сладкий вкус мести. Один солдат погиб; второй, с пробитым плечом, потащился куда-то между скал. Она приказала догнать его, но кот исчез. Тут она поняла, что если рана не была смертельной, то гвардеец наверняка сумеет добраться до своих. Ей хорошо была знакома кошачья живучесть, выносливость и невосприимчивость к боли.

С потаенным ужасом и нескрываемой яростью Хель-Крегири ждала ночи. Место ее стоянки не было тайной. У кота-командира хватало времени, чтобы собрать значительную часть своих рассеянных сил и подготовиться к нападению. Она не могла даже расставить посты вокруг бивака. У нее осталось шесть человек, так что бодрствовать пришлось всем. Впервые она задала себе вопрос, не перегнула ли палку. Унесет ли она из Короны хотя бы голову на плечах — ибо о том, чтобы найти цитадель шергардов, она даже и думать перестала.

Никто из разбойников не сомкнул глаз в эту ночь. Ни одно острие не осталось в ножнах. Люди стояли, опираясь о скалы, каждый с мечом в правой и с ножом в левой руке. Никто не разговаривал. Все вслушивались в шум дождя.

Однако время шло, и ничего не происходило.

Кага начала верить, что раненый гвардеец издох где-то среди скал — и это, вероятно, спасло ее отряд. Она понимала лучше кого-либо из своих подчиненных, сколь мало смысла в том, чтобы вслушиваться и всматриваться в темноту. Конечно, даже кот мог выдать себя шумом, зацепившись доспехами или шлемом о скалу.

Но шанс того, что опытный гвардеец, входящий в состав самого элитарного отряда в Громбеларде, позволит себе допустить подобную ошибку, был воистину ничтожен.

Скрывшись в темноте от подчиненных, девушка кусала губы, едва сдерживая рыдания. Подступавшие слезы были, однако, слезами не гнева, но жалости. На свете жили несчастные

существа, родившиеся не теми, кем должны были быть. Женщины с сердцами мужчин. Мужчины с душой женщин. Хель-Крегири была самым несчастным созданием Шерера — кошкой, плененной в человеческом теле. Большой, неуклюжей и никому не нужной. Она отдала бы полжизни, чтобы ей позволили принять облик одного из этих прекрасных воинов, которые как раз собирались ее убить. Безжалостно и жестоко.

6

Спуск в котловину был не слишком труден — с вершины перевала вела довольно широкая и ровная тропа, даже, может быть, дорога. Каренира подумала о том, не были ли это остатки древнего тракта, построенного таинственными шергардами. Подобное она считала вполне возможным.

Обширное озеро на дне каменного котла производило весьма мрачное впечатление. Оно было мертвым. Черным, прозрачным, холодным, словно громбелардский дождь.

Каренира стояла на каменном выступе, нависавшем над водной гладью, и разглядывала дно, круто уходившее вниз. Она не могла оценить, какой глубины достигает ее взгляд, не знала, в каком месте тени подводных скал сменяются темными, глубокими провалами.

Прозрачность воды была воистину удивительной. Магия водной бездны долго приковывала внимание одинокой лучницы. Каренира пыталась представить себе, как она медленно погружается, опускаясь все глубже, все ниже в волшебный подводный мир, застывший навсегда, не обдуваемый ветром, не заливаемый дождем, мир, которого никогда не касалась и не коснется нога человека…

Подняв взгляд, она посмотрела на другой берег, туда, куда указывало острие выступа. Именно там должен был находиться вход в подземный лабиринт, построенный могущественными шергардами. Вход, хорошо скрытый от случайных взглядов.

Ей нужно было обойти озеро кругом.

Это было не так просто сделать. Местность тому не благоприятствовала — идти пришлось бы по склонам котловины, дно ее представляло сплошной завал каменных обломков, лишь в малой своей части покрытый водой. Какой же великан-безумец разбил горные вершины, сбросив обломки внутрь котла?

Охотница подумала о том, успеет ли она обойти озеро до наступления ночи. Зря она спускалась до самой водной глади. Однако таинственное озеро выглядело столь прекрасно и притягательно… Каренира решила отдохнуть на его берегу, подождать до ночи и на другую сторону отправиться только утром. Причин для спешки не было. Хель-Крегири могла раскрыть тайну или же нет — какое это имело значение? Каренира хорошо знала котов: казалось очевидным, что юная разбойница навсегда останется в массиве Медевена вместе со своими людьми.

Только — действительно ли?

Охотница нашла удобное место между скалами, освободилась от груза и присела с бурдюком в руках, опершись о шершавый камень. Она оглядывала окрестности, маленькими глотками потягивая скверное вино.

Да, она знала котов. Но она знала также и Кагу… Они встречались несколько раз, поскольку обе кружили обычно в окрестностях Бадора. Первые две встречи были не слишком дружественными. Следующие две, уже после ухода Крагдоба, — очень краткими, мимоходом. И столь же мало дружелюбными, как и первые.

Истребительница стервятников не любила Кагу — как и та ее. Каких-либо особых причин для этой неприязни не было, просто две женщины в одном месте не терпели друг друга. Карениру удивлял авторитет, которым пользовалась Кага у подчиненных; кроме того, она чувствовала себя уязвленной молодостью и красотой разбойницы. Та, в свою очередь, не могла простить путешественнице по горам окружавшей ее легенды; Охотница была воистину частью Громбеларда, словно водопады Медевы, Черный лес или перевал Туманов. Все то, что было бы поводом для взаимного уважения двух мужчин, неизбежно вызывало

вражду женщин. Обычная вещь на любой земле и под любым небом.

Охотница думала о том, сумеют ли солдаты-гадбы справиться со своей задачей. Сети для поимки Хель-Крегири забрасывали уже неоднократно. Правда, в облавах не участвовала кошачья полусотня из Рахгара…

Так или иначе — это было не ее дело. Она сказала правду командиру гвардейцев: ей нельзя вмешиваться в войны разбойников и солдат. Если бы весть об этом разошлась по горам, рано или поздно она достигла бы ушей тех или других. Уже тринадцать лет Каренира балансировала на хлипком мостике нейтралитета и не собиралась падать с него на этот раз.

Разве что если ее толкнут…

— Ладно, — сказала она сама себе. — Ты жесткая и злорадная, словно пояс верности. Все тебя боятся и стараются перехитрить, но это и все. Кага знает, и гвардейцы знают, что не стоит искать себе лишних врагов. А впрочем…

Она пожала плечами.

Ей и в самом деле не удалось добраться до цели еще днем. В темноте запросто можно было свернуть шею, а она боялась такого поворота судьбы, поэтому под струями проливного дождя, среди вечного тумана отыскала место, где удалось кое-как переночевать.

Она устала с прошлой ночи, почти бессонной. Поход по горам все же не был прогулкой.

Она поела и, вытянувшись в защищавшей от дождя щели, почти сразу же заснула.

Ее разбудили крики.

Дождь уже почти не шел. Каренира потянулась за луком, не вылезая при этом из своей норы, и прислушалась, хмуря брови.

Где-то шло сражение. Она легко могла определить направление, но расстояние — никак; Охотница знала, что оно может составлять как сто шагов, так и несколько миль. Голос на ветру, усиленный эхом, распространялся в горном воздухе на весьма значительное расстояние.

Идти туда, где кипела схватка, она не собиралась. Еще чего! Кошачьи глаза хорошо справлялись с темнотой, но в суматохе она столь же легко могла получить удар мечом, как и ощутить клыки гадба на горле.

— Нет… — пробормотала она. — Где-то дерутся, ну и ладно. Лежишь в дыре? Ну так лежи и не вылезай. Никто тебя здесь не найдет, разве что если наступит. Тогда как следует укусишь его за ногу.

Вскоре шум сражения утих.

7

Светало.

Хель-Крегири сидела под скалой на берегу озера, положив меч поперек колен. Розоватые струйки омывавшего клинок дождя сбегали на обнаженные бедра и подвернутую юбку разбойницы.

Вокруг лежали тела котов и людей. Клыки одного из косматых солдат вонзились в горло человека, меч которого, в свою очередь, пронзал грудь кота. Эти двое убили друг друга.

Кага оперлась затылком о скалу за спиной и внимательным взглядом окинула побоище.

Охотница оценила обстановку из своего укрытия, после чего появилась перед разбойницей. Та, чуть наклонив голову, молча смотрела на нее с совершеннейшим безразличием.

Охотница обвела взглядом поле боя. Жизнь уже не теплилась ни в ком. Она подошла к разбойнице.

— Ты ранена?

Хель-Крегири негромко рассмеялась и подняла руку, показав ссадину на запястье.

— Тебя найдут, — сказала Каренира.

Разбойница показала головой в сторону. Вдалеке, на каменной вершине, сидел кот. Сквозь завесу дождя его трудно было заметить… Однако он был там.

— Что ты здесь ищешь, Охотница?

Каренира присела на камень.

— Ты убила дартанца, — сказала она.

— Он сам себя убил…

Хель-Крегири не договорила и посмотрела на нее внимательнее.

— Ты нашла труп?

— Он был еще жив.

— Ну, тогда мне незачем тебе что-то говорить. Он должен был привести меня сюда, я не знаю этих мест. Когда он узнал, что я ищу, он хотел сбежать.

— Он не знал, что ты ведешь за собой целую группу.

— Какая разница? Работа есть работа. Он за нее взялся.

— Он полагал, что если ты найдешь то, чего ищешь, то убьешь его.

— И был прав.

Они пристально смотрели друг на друга.

— А ты знаешь, что я ищу? — спросила Кага.

— Знаю.

— Я не нашла. И сдохну в этих скалах. Ты пришла, чтобы отомстить за этого смельчака из Дартана? Незачем.

Каренира пожала плечами, после чего неожиданно нахмурилась и прикусила губу.

— О… — задумчиво проговорила она. — А знаешь, может быть, ты и права… В самом деле, похоже, именно за этим я и пришла…

О чем спрашивал Вилан?

«Это ты навлекла смерть на тех солдат в Черном лесу?»

Но ведь… он знал правду… Уже давно!

Карениру внезапно осенило. Она все поняла.

Черный лес, конечно же. Несколько лет назад она наткнулась там на большую стаю стервятников. Слишком большую, чтобы можно было думать о схватке в одиночку. Патрули легионеров искали тогда пропавших в горах солдат. Она солгала, будто знает, где их искать, и повела спасательный отряд к месту, называвшемуся Черным лесом, в самую середину гнездовий стервятников. Солдаты, оказавшись в безвыходном положении, помогли ей уничтожить стаю.

Но все они погибли.

Никто никогда не смог доказать ее вины. Но хватило одних слухов, чтобы солдаты начали поглядывать на нее косо, и следы подобной неприязни она ощущала до сих пор. Умирающий дартанец хотел услышать правду… Правду, которую знал, ибо наверняка был в Черном лесу, а кроме того, ему достаточно многое было известно о Тяжелых горах, стервятниках и Охотнице.

Она солгала ему. И стала жертвой интриги, которую сама когда-то задумала: ее послали на поиски мифов лишь затем, чтобы она стала на пути Хель-Крегири.

— Я ухожу, — с нескрываемым раздражением бросила она. — Забудь обо мне, красавица.

— Подожди, — лениво проговорила разбойница. — Значит, ты пришла лишь для того, чтобы увидеть, как гвардейцы раздирают меня в клочья? Ну так дождись конца представления, а потом отыщи коридоры шергардов… Легендарная Охотница добьется того, что не удалось Хель-Крегири.

— Коридоры! — Каренира встала, красная от злости. — Нет никаких коридоров, никакого лабиринта или крепости. Все это сказки! Кто тебе продал эту тайну и сколько за нее взял?

— Все равно, — подытожила Кага с язвительной усмешкой. — Есть коридоры или их

нет… Хорошо, что есть ты. Все-таки легенды порой очень нужны…

Она ловко поднялась, вытирая меч краем юбки.

Каренира отодвинулась и положила руку на рукоять своего оружия. Она знала, что ей нужно успокоиться, — но вместо этого злость ее лишь нарастала. Из нее сделали орудие! Слепое орудие, которое должно было совершить акт мести!

— Хель-Крегири, — убедительным тоном проговорила она. — Я бы тебя убила, просто из прихоти… Но сегодня у меня есть причина этого не делать. Оставь меня.

Разбойница прыгнула к ней, словно выстреливший из очага язык пламени. Каренира, готовая к такому повороту дела, скинула свой военный плащ и бросила его в сторону нападающей, одновременно отскакивая назад. Выхватив меч, она с силой оттолкнула в сторону вражеский клинок. Кага напала снова, лязг столкнувшихся лезвий завибрировал среди скал. Девушка рассмеялась, чувствуя, что перевес на ее стороне. Она была быстрее, намного ловчее и быстрее! Под разрезанной острием курткой Охотницы виднелась окровавленная грудь. Истребительница стервятников осторожно отступала.

Кага опустила меч, словно приглашая к нападению.

— И это все? — с искренним презрением спросила она. — Как можно быть такой посредственностью, Охотница? На твоих костях слишком много мяса, бой на мечах — это не работа в каменоломнях… И как ты вообще сумела выжить в этих краях?

Каренира, осторожно наблюдая за противницей, еще раз подумала о том, какую шутку с ней сыграли. Она знала, что смотрит в глаза смерти, но пути назад уже не было.

Хель-Крегири напала снова, быстрая как молния или, лучше сказать, как кошка. Снова лязгнули скрестившиеся клинки, тяжелое оружие взмыло в воздух и, описав пологую дугу, со звоном упало на камни.

8

Солдаты ждали на перевале.

Кага остановилась. Она сильно дернула, и ременная петля затянулась на шее Карениры, повалив ее на колени. Разбойница встала рядом и раздвинула острием меча волосы на затылке заложницы, молча глядя на отряд.

Большой черный гадб не спеша двинулся ей навстречу.

— Не станешь кидаться на меня, гвардеец? — спросила она.

Кот сел.

— Не бойся.

Кага убрала меч и протянула руку в ночном приветствии. Кошачий жест выглядел у нее столь же естественно, как и у существа, обладающего втяжными когтями.

— Лучшие воины гор, — сказала она. — Я теперь всегда буду обходить окрестности Рахгара стороной.

Гадб не обратил внимания на ее слова, хотя они явно звучали искренне. Помолчав, он проговорил:

— Вопрос в том, буду ли я обходить стороной окрестности Громба и Бадора?

Это отнюдь не было пустой угрозой.

Кот утратил всякий интерес к разбойнице и разглядывал теперь Карениру.

— Как до такого дошло, легенда? — спросил он.

Охотница подняла голову. Она выглядела словно семь несчастий: на лбу, куда угодила рукоять меча Каги, красовался большой синяк и шишка. Под разрезанной курткой краснело большое пятно на рубашке. Руки ее были связаны за спиной.

Кага потянула за ремень; Каренира закашлялась.

— Говори со мной, сотник, не с ней. Предлагаю сделку: дай мне слово, что в ближайшие сутки не станешь меня преследовать, и я оставлю вам эту… старуху. В противном случае она пойдет дальше со мной. И я прирежу ее сразу же, едва увижу среди скал кошачью спину или хвост.

Гвардеец обдумывал предложение.

— Скоро ночь, — заметил он. — Я выдеру тебе глаза, Хель-Крегири, прежде чем ты успеешь сообразить, что на тебя напали.

— Значит, сможешь проверить, успею ли я, несмотря на это, перерезать тебе горло. Может, да… а может, и нет?

Кот еще раз посмотрел на стоящую на коленях измученную женщину с ремнем на шее и мрачно оскалился, топорща усы.

— Развяжи ее и беги отсюда. Одни сутки — не так уж много времени.

Кага достала нож и перерезала путы на руках Карениры, оставив ремень на ее шее. Слегка улыбнувшись, она кивнула и направилась к вершине перевала.

— Слово кота, — сказала она, словно припечатала.

Гвардеец ударил хвостом по покрытому кольчугой боку.

Каренира сидела под скалой, разматывая повязку. Рана на груди была не слишком глубокой, однако причиняла сильную боль. О шишке на голове лучница успела уже забыть.

Она зашипела, ощупывая израненную грудь. При мысли об отвратительном шраме на всю жизнь у нее потемнело в глазах.

— Нет, этого я тебе не прощу… Я и так уже выгляжу, как…

Кошачий лагерь был совершенно не похож на лагерь двуногих солдат, не считая того, что кожаные наплечные сумки с припасами лежали все вместе. Прежде всего, не было заметно никакого движения. Человек не просидит долго на одном месте, а если даже и так, то будет постоянно менять позу, расправляя затекшие конечности. Воины-гадбы нашли себе подходящие щели и впадины, забрались в норы и тотчас же заснули. Лишь чутко настороженные уши поворачивались в разные стороны, ловя любые звуки, отличные от шума дождя. Каренира знала, что кот почти никогда не погружается в сон, подобный человеческому. Частично он всегда бодрствует. Постоянно спящий на посту кот мог привести в ярость не одного офицера-службиста, который не в силах был понять, что подобная дремота не имеет ничего общего с ненадлежащим несением службы.

Мысли Карениры вернулись к ее будущему страшному шраму.

— Не прощу, — мрачно повторила она.

В остатках дневного света замаячил силуэт черного командира отряда.

— Чего не простишь, Охотница?

— Сиськи порезанной, вот чего! — с неподдельной злостью ответила она. — Дальше докладывать?

Рана уже не кровоточила, но болела, и Каренира пришла к выводу, что лучше охлаждать ее дождем, чем тратить время на новые повязки.

Кот-офицер посвятил ране ровно столько внимания, сколько она заслуживала.

— Значит, ты старуха, легенда? — спросил он, укладываясь среди камней.

Она попыталась вспомнить, приходилось ли ей слышать о том, что котам свойственно злорадство.

— Будете здесь целые сутки ждать? — холодно спросила она.

— Может, да, а может, и нет… Я сказал ей, что мы не станем ее преследовать. И только, Охотница.

Она пожала плечами, осторожно надела куртку поверх рубашки и встала, чтобы застегнуть на бедрах пояс с мечом. Старательно заплетя косу, она перевязала ее ремешком и отбросила за спину. Потом подняла колчан.

— Я ничего не обещала.

Сверкнули желтые глаза кота.

— Слухи о Хель-Крегири, — сказал он, — вовсе не слухи. Она — кошка, Охотница. Знаешь, — неожиданно добавил кот, — если бы я знал об этом раньше, то, может быть…

Он не договорил.

— Ты обманула нас, легенда, — спокойно сказал он.

Она нахмурилась.

— Это правда, я не справилась сама, и гвардейцам пришлось мне помочь…

Она кивнула черному сотнику, уверенная, что он заметит ее жест, несмотря на темноту. Когда она отошла, кот закрыл глаза.

— Я не о том думал, — сказал он. — Ты опять лжешь.

Он коротко фыркнул и заснул.

9

По громбелардским меркам день выдался просто прекрасным. Дождя не было, а пелена туч прорывалась то тут, то там, позволяя выглянуть солнцу. Под его теплыми лучами от гор шел пар, блестели бесчисленные лужи, обычно серые и невидимые; мерцали ручейки.

Кага была свободна и ощущала эту свободу всей душой.

Она шла всю ночь и полдня, не щадя сил. Она выбралась из петли Медевы и теперь могла сойти с дороги и направиться куда угодно. Шансы, что гвардейцы найдут ее где-то в Громбеларде, она вообще не принимала во внимание. Действительно, сутки — это слишком мало времени, если нет возможности выбора пути. Но сейчас, оставив позади ловушку, она могла уже ни о чем не беспокоиться. Она испытывала дикую радость, ее опьяняла свобода.

Она даже позволила себе сделать короткий привал. Сумка с едой опустела, Хель-Крегири тщательно пережевывала последний кусок копченого мяса. Его должно было хватить надолго.

Она поднесла ко рту тощий бурдюк, в котором булькали остатки вина Охотницы. Военный трофей! Потягивая вино, Кага бездумно смотрела на отстоящую на сто шагов скалу, не в силах понять, что именно видит. Однако в то же мгновение длинная, легкая стрела пробила военный трофей навылет, сделав его бесполезным. Разбойница отшвырнула мешок, словно он обжег ей руки. Выплюнув вино, она схватила арбалет.

— Стой там!

Хель-Крегири застыла неподвижно.

Из-за расстояния она не могла отчетливо видеть лицо Карениры. Лучница кусала губы почти до крови. От напряжения мышц, когда она выпускала первую стрелу, не до конца зажившая рана открылась. Теперь рука, державшая тетиву, дрожала столь сильно, что стрела наверняка не могла попасть в цель.

— Иди сюда! — рявкнула Каренира. — Брось арбалет и иди!

Голос ее дрогнул.

Разбойница, видимая как на ладони, понимала, что придется подчиниться, по крайней мере пока. Она могла смеяться над мечом Охотницы, но о ее луке говорили все горы. И если только лишь половина из того, что говорили, была правдой, это означало, что лучница промахивается один раз из ста. Подходя, Кага поглядывала по сторонам в поисках места, где можно было бы спрятаться. Внезапно она остановилась, с недоверием глядя, как противница отбрасывает свое грозное оружие, спрыгивает со скалы и с мечом в руке движется ей навстречу.

Кага издала дикий крик и выхватила свой меч. Они встретились на середине пути.

Каренира, сосредоточенная, бдительная и осторожная, выглядела почти так же, как и накануне у озера, но под ее лосинной безрукавкой не было теперь рубашки, которая, видимо, пошла в течение минувших суток на бинты; Кага заметила тонкую струйку крови, сочившуюся из раны на груди. Лучница держала меч обеими руками. Хель-Крегири с невольным уважением посмотрела на твердые мышцы рук, вздувшиеся под кожаными ремешками, какими пользовались лучники.

— Чем ты хочешь меня напугать, Охотница? — язвительно спросила она, скаля зубы в грозной полуулыбке. — Во имя Шерни, мало тебе одного раза… Ты же держала свой лук, так и надо было стрелять!

— Если б могла, то стреляла бы, — последовал спокойный ответ. — Но когда ты

сидела, мне пришлось бы тебя убить, а потом я уже не в состоянии была попасть в ногу… Глупая ты, девочка.

Хель-Крегири чуть поостыла, удивленная самообладанием противницы. Она сделала легкое движение мечом.

— Ну давай, иди, — сказала она. — Я тебе воткну его туда, где давно уже ничто не гостило. Ты еще помнишь мужчин, старушка? О тебе-то они наверняка позабыли…

Каренира шагнула вперед, почти демонстративно поднимая меч над головой. Прищурив свои странные глаза, она махнула оружием, словно дубиной. Кага без особых усилий приняла удар на основание клинка… и с трудом удержала оружие в руке. Слабая контратака тотчас же встретила столь могучий ответ, что онемевшие руки девушки не успели за движением отбитого оружия.

Меч Карениры сломался.

Какое-то мгновение они стояли друг напротив друга, безоружные. Потом Кага отскочила назад, но Каренира оказалась не менее проворной. Удар кулаком в подбородок едва не оторвал разбойнице голову; она взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но после второго удара, столь же сильного, ноги отказались повиноваться. Хель-Крегири пошатнулась, споткнулась и упала в большую впадину, полную холодной дождевой воды. Каренира последовала за ней и ударила еще раз, от всего сердца. Ошеломленная разбойница, лежавшая навзничь, рисковала захлебнуться в луже. Лучница дернула ее за одежду, выволокла из воды и поставила на ноги, после чего искренне рассмеялась, глядя в пустые глаза. Она отпустила безвольное тело, и оно снова свалилось в лужу.

— Я подожду… — сказала она, чуть поморщившись, ибо боль, о которой она на мгновение забыла, вернулась с новой силой.

Кага стояла на четвереньках, свесив голову. Изо рта капала слюна, подкрашенная стекавшей с разбитых губ кровью.

— Как ты… это делаешь? — с трудом пробормотала она.

— У меня много мяса на костях, — ответила лучница, удовлетворенно демонстрируя собственные руки. — Бой на мечах очень напоминает работу в каменоломне…

Кага засмеялась было и закашлялась. Ясно было, что Лучница по каким-то причинам не собирается ее убивать.

— Не благодари, — сказала Каренира, будто угадывая ее мысли. — Я любила Вилана, но не настолько, чтобы он использовал меня для своих забав. Может быть, тебе это покажется смешным, но я вывела тебя из Короны назло мертвецу, — Гадбы, похоже, чувствуют, что их обманули. Я подумала, что и тебе следует это понимать, Хель-Крегири.

Разбойница, все еще стоя на четвереньках в воде, приходила в себя, сплевывая красную слюну. Верхняя губа, уже основательно распухшая, напоминала кусок сырого мяса.

— Не верю…

Каренира присела на краю лужи.

— Добавить? — спросила она.

Кага набрала воды в ладони и прополоскала рот.

— А если бы я тебя убила… там, у озера? Откуда ты могла знать…

— Я подсказала тебе идею и смотрела, поймешь ли ты, о чем речь. Через десять лет, когда ты станешь старухой, ты тоже легко поймешь, о чем думают детишки.

Кага застыла, поднеся руку к губам.

— А… коты?

Удивленная Каренира проследила за ее взглядом. «Убийцы» появлялись из-за скал и бежали легкой кошачьей трусцой, обходя их, словно пустое место, на расстоянии, самое большее, в несколько шагов. Привязанные к спинам небольшие кожаные сумки подпрыгивали в ритме их движений, тихо позвякивали кольчуги. В середине внешне казавшейся совершенно недисциплинированной стаи большой черный кот говорил своему пятнистому заместителю:

— …Но если мы когда-нибудь еще раз их встретим, неважно, кошку или

истребительницу крылатых… Имперских гвардейцев нельзя безнаказанно дергать за усы…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Повелительницы мира

1

Маленькое горное селение — несколько хижин — пряталось на дне мрачного ущелья. Высоко в небе ветер гнал грязные клубящиеся тучи, напоминавшие комья вязкой глины. Собирался дождь.

Горцы называли такие деревни «высокими селениями» — хотя они вовсе не обязательно располагались высоко в горах. Однако они всегда находились в отдалении от других человеческих поселений, в диких, труднодоступных местах. Ничего удивительного… Как правило, они служили убежищем разбойничьим бандам. Во время войны за Громбелард арментанцы предали огню множество подобных деревень, полагая, что этим наносят тяжкий удар по прячущимся в горах бандитам. Все оказалось иначе. Новые разбойничьи логова выросли как грибы после дождя — только теперь их приходилось искать заново. Пещер и ущелий в Тяжелых горах было бесчисленное множество, и ничто не мешало обосноваться в тех или других. Вскоре стало ясно, что лучше оставить эти орлиные гнезда в покое. Со временем возникло состояние некоего странного равновесия; высокие селения как бы приобрели статус нейтральной территории. Они служили и разбойникам, и солдатам. В краю, где постоянно шел дождь и дул пронизывающий холодный ветер, имело смысл знать места, где можно приготовить горячую пищу и обогреться перед тем, как идти дальше. Нечто похожее наблюдалось во время дартанской войны. Напротив друг друга стояли два вооруженных отряда воюющих сторон. Арментанцы укрепляли свои позиции, дартанцы ждали подкрепления, чтобы, разбив преграждающего им путь противника, двинуться на помощь осажденной Сенелетте. Между позициями тек ручей, который был для обеих сторон единственным источником воды. По неписаному уговору им пользовались и те и другие, хотя стрелки обоих войск легко могли осыпать берега речушки стрелами из луков и арбалетов.

Конечно, порой доходило до сражений, если вблизи высоких селений встречались два враждебных отряда. Но несмотря на это, никто не уничтожал этих деревень без необходимости. Они служили вооруженным группам и одиноким путникам, обитатели же их жили продажей того, что имело ценность в горах, — провианта и огня.

Селение было укреплено, словно крепость: у входа в ущелье стоял частокол, вдоль которого шел глубокий ров. Солидные ворота охранял детина с крепкой дубиной в руке. На шее детины болтался костяной свисток — такими громбелардские пастухи обычно подзывали своих собак.

Частокол являлся признаком того, что в окрестностях когда-то рос горный лесок. В этой части Громбеларда высокогорные деревья были настоящей редкостью; и здесь древесины хватило едва-едва на то, чтобы возвести частокол и несколько убогих домов; кроме них роль жилищ играли небольшие пещеры. Дерево для растопки местные жители доставляли аж из Бадора, ценой немалых денег и труда. Его расходовали тоже крайне экономно, тем более что здесь, в сердце гор, каждую его вязанку можно было продать путнику буквально на вес золота.

Селение имело несколько названий — с тем же успехом оно могло бы не иметь ни одного. Его обитатели «выходили из оврага» и «в овраг возвращались» — никаких других определений им не требовалось. Когда-то они пасли скот, потом случилась война с селениями, лежавшими ближе к высокогорным пастбищам. Лишившись своих стад, светловолосые горцы без сожаления сменили посохи на топоры — и нашли себе новое занятие.

Охранявший ворота человек не спеша прохаживался туда-сюда. Сперва он бездумно потирал дубинкой всклокоченную бороду, потом начал грызть суковатый комель палки, наконец стал постукивать ею себя по голове. Когда и это не помогло убить время, он взял оружие под мышку и сильно потер онемевшие от холода ладони.

Однако все эти занятия не ослабили его бдительности. Услышав отдаленный стук катящегося камня, детина воткнул дубину в щель между скальными обломками и схватил легкий, но вполне приличный арбалет, лежавший около валуна. Сунув ногу в стремя, он зацепил тетиву за прикрепленный к поясу крюк и взвел оружие, после чего сразу же вложил стрелу. Ловкость, с которой он все это проделал, была достойна арбалетчика Громбелардской гвардии.

Сунув в рот свисток, часовой ждал, присев у скальной стены и внимательно глядя в ту сторону, откуда мог появиться чужак.

Долго ждать ему не пришлось. Увидев несколько нечетких, размытых силуэтов (как раз начался дождь), он свистнул — два раза коротко и один раз протяжно. Незнакомцы на мгновение остановились, но тут же продолжили путь. Они приближались медленно, открыто, давая понять, что не питают враждебных намерений.

От хижин к частоколу бежали угрюмые мужики с арбалетами и копьями, быстро занимая удобные для обороны позиции.

Пришельцев было трое. Впереди шел мужчина среднего роста и упитанности, лет пятидесяти с небольшим. На нем был серый военный плащ, какие носили в Тяжелых горах почти все. Внимание привлекала странная застывшая гримаса на его лице.

Сзади шагали двое носильщиков, одновременно являвшиеся вооруженным эскортом — у обоих были кольчуги, арбалеты и гвардейские мечи.

Горец, охранявший селение, осторожно шагнул им навстречу.

— Кто такие? — коротко, неприязненно спросил он.

— Я Готах-посланник, — ответил незнакомец в сером плаще. — По прозвищу Глупый или Безумный.

В словах его прозвучал сарказм — ибо воистину нелегко придать словам иной тон, когда на половине лица застыла насмешливая гримаса.

— Эта деревня называется Овраг?

В большом, невероятно вонючем помещении полно было вооруженных людей. Дым очага с трудом находил дорогу к дыре в потолке; удивительно, каким образом живые существа могли выдержать в этой коптильне.

— Я жду, — произнес посланник.

Громбелардскому крестьянину больше, чем обитателю других краев Шерера, знакомо было могущество Шерни и людей, которых она избрала своими посланниками. О мудрецах, живших в Дурном краю, а в особенности на Черном побережье, говорили часто, но видели их крайне редко. Они познавали суть Полос и Пятен Шерни, и ничто их больше не интересовало — что уж говорить о путешествиях по горному бездорожью? Гостя разглядывали с недоверием. Все знали, что он придет, — но когда он и в самом деле пришел, как самый обыкновенный человек, всем вдруг показалось, что он должен был скорее прилететь по воздуху… Действительно ли он был мудрецом Шерни?

— Я жду, — повторил пришелец, явно теряя терпение. — Есть здесь кто-нибудь, у кого хватает мозгов, чтобы понять, что я говорю? И дать простейшие ответы?

После короткого замешательства из темного угла донеслись слова, удивившие посланника:

— Ответы — да, но весьма общие. Мне придется просить тебя набраться терпения, ваше благородие. Я не знаю, что произошло. Тот, кто может все объяснить, должен был появиться здесь еще вчера. Мы ждем его в любой момент. А пока что — доверься нам, господин. Люди, что нас окружают, не питают враждебных намерений. Они просто никогда прежде не видели посланника Шерни.

Горцы так не говорили. Громбелардский язык, крайне трудный, в устах простых людей звучал неуклюже — исковерканный, искаженный. Тот, кто надлежащим образом соблюдал ударения и паузы, уточняющие смысловые оттенки, был в Тяжелых горах редким гостем.

Готах взглянул туда, откуда доносился голос. На широкой скамье сидел — или, скорее, находился — худой мужчина без ног, от которых остались лишь культи, скрытые под грязной тряпкой.

— Кто ты?

— Нечто вроде коменданта этой заставы, — последовал уклончивый ответ. — Я живу здесь с некоторого времени… и здесь же наверняка умру. Я удовлетворил твое любопытство, мудрец?

Посланник нахмурился.

— Скорее лишь раздразнил… Но твои тайны — твоя собственность, господин, — обратился он к собеседнику, но так, чтобы лишь подчеркнуть разделявшую их дистанцию. — Однако я тем более желаю, чтобы мне наконец объяснили, зачем и для кого я здесь.

— Могу сказать лишь то, что тебя позвали сюда не ради шутки. Хотя, конечно, причины, приведенные в письме, не имеют ничего общего с действительностью. Эти письма должны были заинтриговать посланника, и не более того. Свою роль они надлежащим образом исполнили. Истинные же причины… если бы их тебе сообщили, ты наверняка счел бы их попросту невероятными. Вот и все, господин.

— Все? Да это меньше чем ничего! Послушай меня, господин комендант заставы: все свое время я должен целиком посвящать познанию сущности Полос и Пятен. Я уже достаточно его потерял, отправившись сюда, ты же пытаешься отобрать его у меня еще больше.

— Эти люди, — сказал калека, показывая на молчащих горцев, — ничего не знают. Я же, если бы даже и знал, ничего не скажу. Даже посланнику. Так что тебе придется подождать, ваше благородие.

Он раскрыл ладонь, на которой лежал жемчужный светящийся шар величиной с детский кулак. Дор-Орего, Светлый Брошенный Предмет.

— Шар Ферена, — последовало тихое (и ненужное) пояснение. — Что ты станешь делать, господин? Вырвешь его из моих пальцев силой, сперва свалив всех моих защитников? Думаю, тебе это удастся… но стоит ли? Может, все-таки лучше подождать?

Готах молчал, лихорадочно размышляя. Естественно, в присутствии Шара Ферена он не мог призвать на помощь Темные Полосы Шерни, а формулы, относившиеся к Светлым Полосам, были здесь бесполезны. Однако ему никогда не пришло бы в голову воспользоваться силами Шерни с какой бы то ни было, а тем более столь пустячной целью. Калека, судя по всему, рассуждал иначе. Посланника это отнюдь не удивляло. Широко было распространено мнение, будто мудрецы с Черного побережья ничем иным в жизни не занимаются, кроме как стреляют огнем из ладони, щелчком пальцев наполняют вином кубки, превращаются в выдр, чтобы переплыть реку, словом — используют силу Полос для чего угодно. Даже, может быть, для того, чтобы облегчиться после сытного обеда.

— Не стоит, — коротко согласился он. — Но кто сказал тебе, господин, что я намереваюсь получить нужные мне сведения силой? Может быть, я просто уйду, не дождавшись объяснений?

— Ваше благородие, — с серьезным видом ответил калека, — ты потратил немало времени и теперь можешь себе позволить подождать еще день или два. Да и наконец, посланнику не чуждо то же, что и любому другому, а именно — любопытство.

Неожиданно Готах улыбнулся.

— Ну хорошо, — согласился он. — Но раз уж мне не чуждо любопытство, то удовлетвори его хоть немного, господин… Скажи мне, кого мы ждем.

— Это я могу сказать. Хель-Крегири, господин.

Имя это означало «госпожа слез» и было военным прозвищем женщины, командовавшей многочисленными разбойничьими бандами в окрестностях Бадора и Громба.

Все считали ее жестокой и свирепой, влюбленной лишь в себя и собственное королевство. О ней ходили фантастические слухи. Рассказывали, например, что она тотчас же умерла бы, если бы, проснувшись утром, не увидела окутанных дождем, холодных и черных, уходящих в тучи вершин. Она не могла жить без гор.

2

Старый оружейник молча сидел за столом, подпирая голову руками. Наконец он негромко проговорил:

— Мне больно видеть твое горе. Почему ты ничего не говоришь? Смогу ли я когда-нибудь узнать, что, собственно, случилось? Как я могу помочь, если ничего не знаю?

Он поднял взгляд, грустно качая головой.

Стоявшая у двери преждевременно состарившаяся женщина, с яркой полосой седины в иссиня-черных волосах, молчала. Она приходила сюда уже несколько месяцев. Он почти не был с ней знаком, едва знал, кто она и как ее зовут. Несколько лет назад она появилась у него, расспрашивая о своих друзьях, бывавших в его доме. Потом пришла снова… Она явилась к незнакомому человеку, давая понять, что просит о помощи; только тогда он осознал, насколько она должна быть одинока. Если во всем Громбеларде у нее не было никого более близкого, чем он…

— Как я могу помочь? — повторил он.

Она не отвечала. Вполне возможно, она лишилась дара речи; вряд ли стоило предполагать, что она просто не хотела говорить. Хуже того, она явно лишилась и разума. Это повергало его в глубокую печаль, ибо эта женщина была громбелардской легендой, частичкой края, в котором он жил и в котором хотел умереть. И все же он продолжал спрашивать, что он может для нее сделать, зная уже, что ответа не будет, но тем не менее… спрашивал.

— Значит, ничего?

Она молчала, глядя себе под ноги.

Потом подняла голову и огляделась вокруг, ища что-то на стенах, увешанных разнообразным оружием. Небольшое помещение напоминало оружейную палату, но вместе с тем оно было и обителью человека, который ковал лучшие клинки в Громбе, а может быть, и во всем Громбеларде. Даже имперские легионы, требовавшие изделий наивысшего качества, присылали заказы знаменитому мастеру Хаагену.

Женщина не нашла того, что хотела найти. Он прочитал беспокойство в ее взгляде. Быстро встав, он поднял крышку большого ящика.

— Твои вещи? Теперь я держу их здесь… — успокаивающе пояснил он, показывая содержимое сундука. — Будь спокойна, я о них забочусь.

Она снова опустила взгляд к полу.

Он достал небольшой ящичек и, подойдя к женщине, вложил ей в руку немного серебра и горсть медяков.

— Я дал бы тебе даже тройных золотых, — сказал он. — Но золото слишком дразнит людские глаза. Кто-нибудь мог бы дурно с тобой поступить ради пары желтых кружочков. Пусть лучше будет серебро. Просто приходи чаще.

Она повернулась и вышла, не поднимая взгляда. Однако он заметил, что она плачет.

Наступил вечер, очень темный и холодный, хотя стояла середина лета. Однако в Громбе, столице Тяжелых гор, дождь и мрак были частыми гостями. Вознесшиеся над миром Полосы Шерни не желали видеть проклятый край, окутав его тучами, увлеченными с неба Дартана. Так и граничили между собой два края — один ненавидимый, другой любимый правящей Шерером могущественной силой. Первый холодный и дождливый, угрюмый и враждебный; другой — светлый и солнечный.

Но над Дартаном Шернь никогда не вела войн с чуждой, грозной мощью Алера —

такой же сверхъестественной силой, как и она сама. Она не терпела неудач, не теряла разорванных Полос. Зато Громбеларда видел все ее поражения, и, хотя узрел наконец дорогой ценой доставшуюся победу, Шернь предпочла окутать его саваном. Для нее он был полем после битвы.

Так он и остался на века краем забытым, враждебным, странным. Когда-то из горных вершин и целых цепей сражающиеся могущественные силы строили настоящие твердыни. Они разрушали горные массивы, рыли котловины, в которых позднее предстояло засверкать глади озер, направляли пенящиеся русла рек в бездонные рвы — именно таким рвом была знаменитая петля Медевы, охватывавшая семь гор, называвшихся Медевеном или Короной. То был крупнейший бастион сил Шерни… Так, по крайней мере, гласила легенда.

Трудно сказать, что склонило старого оружейника, шедшего по темной улице, к размышлениям о прошлом Громбеларда. Может быть, встреча с женщиной, которая сама была в чем-то подобна Громбеларду. Ибо некоторым казалось, что какие-то могучие силы опустошили ее разум, душу — после чего оставили за собой мертвое поле боя и ушли. Так, как Шернь и Алер ушли из Тяжелых гор.

Хотя… Полосы лишь внешне покинули Громбеларда. Шернь не была благосклонна к горному краю, но призывы, посылаемые местными обитателями, не оставались без ответа. Формулы, произносимые под небом края низких туч, призывали мощь Полос столь же уверенно, как и исходившие из Дартана, Армекта или с Островов-посреди-Просторов.

Мастер Хааген считал, что нечто подобное было и с несчастной женщиной. *Что-то* продолжало существовать в ней, *что-то* слушало и понимало. Старый оружейник желал найти соответствующую… формулу, да. Формулу, которая прояснит погруженный во мрак разум, пробьет окутывающие его тучи.

Он был стар, но считал, что в его жизни еще достаточно места для того, чтобы совершить добрый или хотя бы просто важный поступок.

Он направлялся прямо к комендатуре Громбелардского легиона.

Его приняли сразу же, с немалыми почестями. Командир стражи знал имя человека, клеймо которого было выбито на мече каждого солдата. Громбелардский легионер, несущий крайне тяжелую службу, умел ценить оружие и лучше любого другого понимал, что от качества железа, от того, насколько легко оно щербится и ломается, может зависеть исход вооруженного столкновения.

Оружейника провели прямо к коменданту.

— Ваше благородие, — сказал С. М. Норвин, комендант гарнизона, поспешно выходя навстречу, — что-нибудь случилось? Если так, не будем терять времени даже на приветствия, я немедленно отдам надлежащие распоряжения… Говори, прошу.

Оружейник улыбнулся, ибо в словах офицера звучала искренняя готовность оказать ему требуемую помощь, а кроме того — к нему обратились «ваше благородие»… Конечно, он знал себе цену, ибо знал цену изготовлявшегося в его мастерских оружия. Но ему за это платили — и платили немало. Так что на самом деле он считал, что армия не имеет по отношению к нему никаких иных обязательств, так же как и он сам в отношении армии. Он не ожидал, что вызовет своим появлением подобный ажиотаж. Ему стало несколько неловко.

— Ваше благородие, — смущенно начал он, — я не привык, и… честно говоря, мне ближе общество железа, чем высокопоставленных особ… Мне не причитаются никакие титулы, я всего лишь добросовестный ремесленник, ваше благородие, не более того.

Ему предложили сесть.

— Тот, кто создает прекрасное оружие, не может быть в моих глазах лишь ремесленником, господин, — серьезно сказал хозяин, угощая его вином.

Норвин был армектанцем, сыном древнейшего народа Шерера. Ремесло воина, противостоящего созданным Алером полузверям, было столь же старо, как и сам Армект. Оружие было окружено поклонением, почти как божество. Старый оружейник едва о том помнил; но сейчас он не мог — и не хотел — показывать имперскому офицеру, сколь мало его занимают армектанские традиции.

— Пусть будет так, господин, — ответил он. — Но я пришел по делу, не имеющему ничего общего с моей работой. Хотя, правда, если бы не она… — Он снова смущенно замолчал.

— …Тебя не пропустили бы ко мне столь быстро, ваше благородие, — закончил комендант с легкой улыбкой. — Ты это хотел сказать, господин?

Оружейник в легком замешательстве обвел взглядом каменные стены комнаты — очень неудобной. Приоткрытая дверь позволяла заглянуть в другое помещение, столь же тесное и холодное. Там стояла простая койка — и, пожалуй, больше почти ничего. Других помещений, похоже, не было. Старый мастер с трудом верил, что кто-то занимающий столь высокий пост, как комендант столичного гарнизона, вынужден жить в подобных условиях.

— В силу занимаемой должности, — сказал Норвин, — я живу и работаю именно здесь. Правда, трудно назвать эту обитель домом… А ведь я в лучшем положении, чем другие. Многие завидуют даже этому.

Для человека, ежедневно общающегося с самыми высокими чинами, привыкшего к интригам и придворным ссорам, лицо мастера-отшельника было подобно открытой книге. С. М. Норвин без труда читал мысли удивленного и сбитого с толку гостя.

— Императорский двор, а также представительские дворы в провинциях, — спокойно продолжал он, чувствуя, что знаменитый оружейник до сих пор не в силах преодолеть замешательство, — манят своим блеском всевозможных мотыльков… Так было всегда и везде, а в Громбеларде в особенности. Ты не поверишь, господин, сколько людей готовы использовать всю свою хитрость, знакомства и деньги, чтобы оказаться поближе к особе, облеченной властью. Княжеские чиновники рангом пониже вынуждены довольствоваться чем-то вроде каморки, выделенной в части бывших конюшен. Именно так обстоят дела при дворе, ваше благородие. Любой горожанин живет в Громбе лучше, чем комендант Громбелардского легиона. И тем не менее я очень доволен своим жилищем!

Он развел руками.

— Но — к делу, — сменил он тему. — Поверь, господин, что я крайне рад твоему визиту и наш разговор для меня — настоящий отдых. Но… — Он беспомощно показал на заваленный бумагами стол. — Мне стыдно признаться, но я почти не помню, когда последний раз держал в руке хороший клинок. Вот мое оружие… — Он с неподдельным отвращением поднял гусиное перо. — Чем и как я могу помочь, ваше благородие?

Оружейник видел, что комендант в самом деле не желает ему зла. Однако он действительно отвык от разговоров с людьми, занимающими высокие посты… и вообще с людьми. Подмастерья (с которыми он был намного более строг, чем сам считал) воспринимались им всего лишь как придатки к мехам и шлифовальным кругам в мастерских, а семьи у него не было. Когда он заговорил, слова его зазвучали более неуклюже и сухо, чем он сам того хотел.

— У меня есть дело, господин, — сказал он. — Не знаю, насколько хлопотное. Мне, ваше благородие, нужна протекция.

Комендант чуть нахмурился.

— О… — пробормотал он, словно с неприятным удивлением. — Хорошо, слушаю. Речь идет о… налогах?

Оружейник сперва не понял. Потом едва не задохнулся от гнева.

— Ваше благородие! Я не…

Комендант быстро прервал его.

— Ради Шерни, господин, я хотел только… Не в том ведь…

На несколько мгновений наступило неловкое молчание.

— Я хотел бы получить аудиенцию у князя — представителя императора, — наконец сухо проговорил Хааген. — Я не знаю, как это делается.

На лице коменданта появилось сначала удивление, а потом искреннее облегчение оттого, что человек, которого он уважает, не просит ни о чем низменном.

— Что может быть проще! Достаточно лишь…

Внезапно он замолчал и помрачнел.

— Хм, правда…

После долгой паузы оружейник прямо спросил:

— Это сложно?

— Нет, даже напротив, — задумчиво ответил комендант. — Получить ее может каждый. Сначала, однако, чиновники князя захотят выяснить, не достаточно ли будет разговора с членом Совета. Если нет, ты, ваше благородие, получишь аудиенцию, когда подойдет твоя очередь. Так что самое раннее, хм… через месяц? А может быть, два или три месяца, я на самом деле не могу сказать… Это столь важное дело, ваше благородие?

— Да и нет. Для меня лично — достаточно важное.

— Значит, личное. Ну что ж… Точно никто другой не подойдет? Может быть, я сам мог бы?..

— Это должен быть князь-представитель, — сказал оружейник, для которого положение просителя становилось все более неприятным. — Мало того, я хотел бы поговорить с князем наедине.

— Об этом и помыслить невозможно!

Хааген плотно сжал губы.

— Пойми меня, господин, — оправдывался офицер — есть границы, перейти которые просто нельзя. У тебя будет, ваше благородие, возможность донести свои слова до князя. То, что ты скажешь, определит дальнейший ход беседы… но сначала нужно, чтобы до нее вообще дошло дело.

Комендант снова замолчал. Он отправил бы сотню человек ни с чем, заявив, что ничего сделать не может. Но старый мастер был не из тех, кто шел бы ко двору представителя, желая добиться каких-либо выгод для себя лично и тем самым подвергая своего покровителя возможным неприятностям. Норвин чувствовал в глубине души, что скорее приобретет, чем потеряет, ввязавшись в эту таинственную историю.

— Ты готов, господин, — спросил он, — прибегнуть к небольшой лжи?

— Как это понимать?

— Завтра я увижусь с князем, сразу после заседания Совета. У меня там есть свое место, в силу занимаемой должности, но дела чисто военные обычно обсуждаются после заседаний, в узком кругу. Я вовсе не думаю о перевооружении легиона… но, может быть, уважаемый в Громбе оружейник мог бы подумать за меня?

Хааген нахмурился.

— Значит, я должен… — медленно начал он.

— Я пригласил бы тебя, господин, в качестве эксперта. Если существует какая-то причина, по которой мечи легионеров могли бы быть лучше, чем они есть…

— Не вижу такой причины, — сказал мастер.

— Ну так придумай ее, господин, и пусть она будет достаточно правдоподобной, ибо князь разбирается в оружии и военном деле воистину отменно. Вот и все.

Разговор был окончен.

3

Хель-Крегири прибыла с дружиной столь многочисленной, что деревенские дома никоим образом не могли вместить всех. Расположились под открытым небом, по-военному, причем дисциплина и порядок в отряде были воистину образцовыми. Тяжелые горы не раз и не два видели походы разбойничьих банд, своей дисциплинированностью напоминавших имперские легионы. Когда-то — тогда горами правил легендарный уже при жизни Басергор-Крагдоб — вооруженные люди, преодолевающие горные бездорожья, по-настоящему ощущали себя солдатами. Твердую руку короля разбойников ощущал каждый, однако Крагдоб вызывал не только страх, но прежде всего — огромное уважение и восхищение. Даже для командиров имперских войск офицер (а отнюдь не главарь банды!) Басергора-

Крагдоба не был первым попавшимся головорезом. Имея такого вождя, воины гор имели и собственное достоинство.

Со времени исчезновения Крагдоба многое изменилось. Сменившая его Хель-Крегири была женщиной и выглядела лишь тенью великого предшественника. Ее уважали, конечно, — но лишь потому, что она требовала к себе уважения. Она вызывала всеобщий страх — и это было хорошо, ибо солдат должен уважать командира. Однако командир должен быть суров, но отнюдь не жесток.

Настоящее ее имя было Кага. По-громбелардски оно означало «кошка». Говорили, будто она и на самом деле выросла среди котов, на бадорской улице. Поговаривали также, что она никогда по-настоящему не любила людей, и вообще… не считала себя человеком… Коты, второй из видов живых существ, наделенных Шернью разумом, были для нее воплощением совершенства. Если бы она могла, то отказалась бы от тела, в котором чувствовала себя словно в тюрьме, взяв себе взамен другое — ловкой гибкой кошки.

Готах-посланник, который кое-что слышал о госпоже слез, сразу же понял, что большинство этих рассказов не расходится с истиной. Скорее заинтригованный, нежели удивленный (ибо история Шерера знала подобные случаи), он наблюдал за невысокой, совершенной, как дождевая капля, девушкой, которая в большей степени была кошкой, нежели человеком. Черноволосая, зеленоглазая, с маленьким подбородком, она являла собой идеальное соединение красоты и гармонии — воистину как кошка… Все ее поведение также выражало знаменитую кошачью черту — целеустремленность. Она была практична, исключительно практична. Она не жестикулировала при разговоре, не делала несколько дел сразу. Казалось, она исследовала окружающее посредством слуха в степени намного большей, чем это обычно делали люди, причем собственный голос явно не мешал ей улавливать всяческие посторонние звуки. Наконец, способ восприятия мира у нее был явно кошачий, ее не интересовало ничего, кроме «здесь и сейчас». Если бы с ней начали говорить о причинах, но которым громбелардское небо покрыто тучами, она вообще не поняла бы, о чем речь. Тучи — ну да, они были и есть. Может быть, они должны исчезнуть? Нет? Так к чему о них говорить или думать? Какая от этого польза?

Ей не пришлась по вкусу темная и вонючая комната. Приветствовав гостя, она обменялась несколькими словами с таинственным безногим незнакомцем, после чего предложила посланнику прогуляться.

Снаружи бушевал ливень.

— Предпочитаю ощущать вокруг себя горы, а не прогнившие доски, — коротко пояснила она. — А ты, господин? Хорошо тебе в этом закопченном гробу?

В том, как она строила фразы, чувствовалась сообразительность и кое-какие манеры, но она произносила их небрежно, так что ему скорее мыслью, чем слухом приходилось догадываться об истинных значениях громбелардских слов.

— Не боишься, что, выйдя отсюда, я воспользуюсь формулой, которая лишит тебя разума и воли? А потом украду, убью или еще хуже? — спросил он с кривой усмешкой, виной которой была на сей раз не только искажавшая лицо гримаса.

— Посланники — не глупцы, но мудрецы, — сжато заметила она. — Глупцов Шернь своими посланниками не делает.

Он встал.

— Ну, тогда идем.

Оказавшись на улице, они промокли в мгновение ока, но она, казалось, не обратила на это ни малейшего внимания.

— Забудь, господин, о письмах, которые я тебе послала. Обычная уловка, — говорила она через плечо, идя впереди. — Если бы я могла отправиться в Дурной край, я бы выяснила все на месте. Но я не могла. По многим причинам — прежде всего это запрещал мне мой разум. В Дурном краю легко найти свою смерть, а моя жизнь сейчас бесценна. Возможно, сейчас это самое важное из всего, что есть в Громбеларде.

— О! — Он покачал головой. — Могу поспорить, что ты не шутишь!

— Это хорошо.

Они вышли за ворота. Она села прямо на землю, прислонившись спиной к массивным створкам. Часового не было, сейчас на посту стояли двое ее людей — и кот, один из нескольких, входивших в состав отряда. Она кивнула коту, и тот скрылся в темноте.

Девушка подставила лицо дождю. Широкая кожаная повязка на лбу была черной от влаги, так же как и грубая куртка, надетая поверх кольчуги.

— Послушай меня, мудрец, — сказала она, откидывая назад прилипшие ко лбу мокрые волосы, — и ни на мгновение не смей усомниться в моих словах, ибо то, что я знаю, я знаю наверняка. О том же, в чем я не уверена, я не скажу…

— О! — снова сказал он. — Должен заметить, госпожа, что твой тон не вполне подходит для разговора с кем-то вроде меня. Не вижу причин, позволяющих тебе мной командовать.

— Я вовсе не собираюсь этого делать, господин. Я не хочу тобой командовать, мы должны заключить союз, вот и все. Сейчас разница между нами состоит в том, что я знаю, почему этот союз необходим, ты же — нет. Дай мне наконец сказать, что я хочу, и я устраню эту разницу. Ты слушаешь?

Она неожиданно рассмеялась.

— Знаю… тебе неприятен мой тон. Я в самом деле с уважением отношусь к Готаху-посланнику, господин. Но я много лет открываю рот лишь затем, чтобы произнести приказ или приговор. Мне просто трудно найти подходящие слова.

Он принял ее объяснения. Если она вообще когда-либо извинялась (в чем он сомневался, ибо коты не извинялись никогда), то сейчас она пыталась сделать именно что-то в этом роде.

— Несколько месяцев назад, — сказала она, — произошло нечто, чего я не понимаю и сомневаюсь, что смогу понять. Даже с твоей помощью, господин. Я не люблю Шернь и ее силы и не хочу их любить. Я люблю меч. Думаю, он мне потребуется. Несколько месяцев назад, — продолжала она, — была предпринята попытка воскресить враждебную силу, которая когда-то сражалась с Шернью. И сделал это кто-то вроде тебя. Остатки разорванных Лент Алера (поправь меня, господин, если я в чем-то ошибаюсь) до сих пор лежат в горах. Я лишь повторяю чужие слова, не зная, что они, собственно, значат, — обезоруживающе призналась она. — И на самом деле меня это совершенно не волнует. Мне кажется, что понимать — твое дело. Я знаю, кто хочет повредить Тяжелым горам, буду с ним сражаться и одержу победу.

Готах молчал. Лицо его скривилось в гримасе, неизвестно что означавшей.

— Этого человека зовут Бруль-посланник, — продолжала девушка. — Тяжелым горам знакомо это имя. После смерти Великого Дорлана это самый могущественный из мудрецов Шерни. Однако он, похоже, не в своем уме. Мне говорили, что он должен был быть отвергнут Шернью, но этого не случилось, по причинам, которых никто не понимает. Бруль-посланник хочет иметь сына, чтобы передать ему свои ложные знания. Однако общение с Шернью приводит к тому, что дети посланников рождаются или мертвыми, или уродами. Полагаешь, ваше благородие, что я брежу? — неожиданно спросила она.

Он долго смотрел ей в глаза.

— Надеюсь, — наконец сказал он.

Коснувшись ладонью лба, он отошел на два шага, потом вернулся и слабо махнул рукой.

— Он хочет заставить Алер, чтобы тот с помощью избранной женщины дал ему здорового потомка? — взволнованно спросил посланник.

— В этом уверял меня человек, который знает, что говорит, — подтвердила девушка. — Остатки Лент Алера можно найти в окрестностях Громба, в Черном лесу и… ох, для меня все это лишь пустая болтовня! — внезапно в гневе бросила она. — Я ничего в этом не понимаю, но я видела, что стало с горами там, где хотели прикоснуться к этим Лентам! Видела! И знаю, что двое, вставшие на защиту гор, дорого за это заплатили. Они не были до

тех пор моими друзьями… однако я за них отомщу, клянусь.

Она взволнованно замолчала. Готах переваривал услышанное.

— Все это возможно, — наконец сказал он. — Да, все это может быть, увы. Но я хочу иметь доказательство, что все действительно так, как ты говоришь. Есть у тебя доказательства?

Он забыл, с кем разговаривает. Сперва он увидел ее крайнее изумление, затем внезапный приступ ярости. Ведь он требовал доказательств истины от той, чье слово было доказательством само по себе. Кот не лжет. Требовать доказательств в подтверждение его слов — оскорбление той же меры, что плевок в лицо. Она оскалилась, словно зверь, и несколько мгновений боролась с диким желанием выхватить меч.

— Попробую… забыть… — наконец выдавила она, не глядя на посланника. — Тебя зовут Глупым… И я это понимаю.

Он поднял руки.

— Я не обвиняю тебя во лжи, госпожа, — поспешно проговорил он. — Но может быть, ты *ошибаешься* ? Я верю, что все так, как ты говоришь, но сила посланника Шерни должна найти опору в знании! Вера — это слишком мало, вера — ничто, верить можно во что угодно! Я должен *знать* . Я должен быть *уверен* .

Она пыталась совладать с собственным гневом.

— И это — мудрец. Чего тебе нужно? Каких доказательств? — отрывисто, раздраженно спросила она.

— Каких угодно, — тяжело сказал он. — Значит, у тебя нет никаких, госпожа? Зачем же ты привела меня сюда? Если все, что у тебя есть, — одни слова, то с тем же успехом можно было привести их в письмах ко мне. Однако ты хотела личной встречи. Или… — Он посмотрел на нее и замолчал.

Да. Ведь она давала ему самые очевидные доказательства, какие только могли быть, — свое собственное свидетельство. Она так думала. Просто не умела и не могла думать иначе.

То был барьер, преодолевать который ему лишь предстояло научиться. Два разных существа — и два разных мира.

— Я видела, что сделалось с горами! — повторяла она со злостью и вместе с тем недоумевающе, не понимая, чего он, собственно, от нее хочет. — Все, что я знаю сверх того, я знаю от человека, который сразился с Брулем и победил — и заплатил за эту победу! Я проверила, что он говорил правду. Ты сам признаешь, что все это может быть… и не знаю, ну не знаю, чего ты еще хочешь? Мои горы ранены, понимаешь? — снова яростно проговорила она. — Уничтожены водопады Медевы! Самый большой водопад в мире — теперь лишь груда каменных обломков! Ты слышал?! Кто это сделал? Ты? А может, я?

Она схватила камень и швырнула его в створку ворот.

— Хель-Крегири, — начал Готах очень спокойно и тихо, так тихо, что ей пришлось успокоиться, чтобы услышать, что он говорит, — скажи: ты понимаешь меня? Понимаешь образ мыслей посланника?

Она смотрела на него долго, внимательно, наклонив голову.

— Я тебя тоже не понимаю, — сказал он. — Ты думаешь, на побережье мне часто приходится разговаривать? Да еще с кем-то таким, как ты? Мы не понимаем друг друга, и нам придется этому научиться. Так? Скажи?

Он сел так же, как она, прямо на землю, прислонившись спиной к воротам.

— Я знаю, что всюду свидетельство кота признается бесспорным доказательством. — Он обращался скорее к самому себе, нежели к ней, словно выискивая в памяти полезные, но давно забытые сведения. — Ведь оно является доказательством для судей Имперского трибунала… Говоришь, ты видела? И доверяешь человеку, который рассказал тебе о том, что я, так или иначе, счел возможным?

Он закрыл глаза и, потирая лоб ладонью, долго сидел молча, пытаясь все же поверить.

— Как вы это подтверждаете? Вы, это ваше… необычное племя? — тяжело спросил он. — Как это подтверждают, Хель-Крегири? Помоги мне, я не помню.

Она поняла.

— Слово… кота, — негромко произнесла она, словно чего-то опасаясь.

Он еще немного помолчал, несколько долгих мгновений.

— Слово кота, — повторил он, словно припечатал. И снискал благодарность кошки.

4

Комендант гарнизона вовсе не преувеличивал, описывая княжеский двор. Мастер Хааген был просто ошеломлен. Громб возник так же, как и все громбелардские города в горах: много веков назад могучий вождь рыцарей-разбойников возвел крепость, которая потом разрослась в город. Однако древняя, замкнутая в городских стенах сторожевая башня — крепость в крепости — наверняка достаточно большая для главаря разбойников, была крайне мала для воистину королевского двора. Хотя она несколько раз перестраивалась, крепость никоим образом не могла вместить всех тех, кто был вынужден, обязан или просто мог находиться при особе князя. В коридорах и залах, построенных с целью главным образом обороны, в том числе и после вторжения врага в пределы стен, царил неописуемый беспорядок. Лестницы, рассчитанные на то, чтобы с них легко было сбрасывать неприятеля, кишели бегущими вверх и вниз людьми; наивысшего восхищения достойна была решимость, с которой штурмовали крутые ступени дряхлые старики, занимавшие высокие посты, или дамы, с риском для жизни передвигавшиеся почти на цыпочках в обуви на высоких каблуках — изобретении дартанских кокеток (вот только в дартанских домах и дворцах лестницы походили скорее на террасы, нежели на оборонительные сооружения), наконец, урядники, безнадежно путавшиеся в полах длинных мантий… Толчея и давка! Домочадцы и просители, слуги и солдаты, женщины, мужчины, юноши, старики… Норвин и Хааген, в сопровождении четырех гвардейцев, в некоторых местах вынуждены были пробиваться с величайшим трудом — бывало, эскорт прокладывал путь чуть ли не силой. Старый мастер, которому наполненные грохотом молотов, стоном мехов и скрежетом шлифовальных кругов мастерские показались вдруг уютными и тихими, с нескрываемым облегчением воспринял конец этого адского путешествия. Но когда комендант оставил его в маленьком помещении, которому тщетно пытались придать черты дартанской приемной, он вдруг начал опасаться того, как пройдет встреча с первым человеком провинции. Дело, с которым он шел, неожиданно показалось пустяком в сравнении с этой спешкой, с этим лихорадочным водоворотом сотен людей, встреченных им по пути.

«Я так далеко зашел, — думал он, глядя на стоящих на страже у дверей солдат, — но с чем? Дело сумасшедшей женщины, на голову которой я, возможно, лишь навлеку новые несчастья. Кто может поручиться, что то, с чем я пришел к князю, вообще принадлежит ей? Но об этом думать надо было раньше…»

К счастью, долго ждать не пришлось. Хааген, который почему-то готов был совершенно к обратному, почти бездумно подошел к двери, которую открыл ему комендант.

— Прошу, господин, — кивнув, сказал Норвин. — Князь желает познакомиться с человеком, который снабжает оружием имперских солдат.

Сказав это, он подмигнул.

Комната с каменными стенами, суровость которых пытались смягчить с помощью огромного дартанского ковра и многочисленных гобеленов, казалась довольно просторной — может быть, потому, что в ней почти не было никакой обстановки. Посреди стоял громадный стол, окруженный стульями. Во главе его сидели несколько человек. Оружейник удивился, видя простые одежды скромных цветов, столь не походившие на богатые, ярко разукрашенные одеяния, преобладавшие в дворцовой толпе. Но провинциями правили армектанцы (представителей покоренных народов не слишком охотно допускали ко власти), косо смотревшие на слишком явную демонстрацию богатства и положения. Человек, занимавший высокий пост, должен был уметь четко выражать свои мысли, но одеваться — скорее скромно.

Хааген, услышав звенящую словно серебро речь за столом, неожиданно сообразил, что не владеет армектанским и, что еще хуже, очень слабо знает кинен, упрощенный вариант этого языка, данный Армектом всем народам империи… Богатейший язык покорителей Шерера, являвшийся ключом к пониманию и познанию их традиций, столь сильно отличался от громбелардского или даже дартанского, что армектанцы просто не в силах были этого вынести. Искренне убежденные, что говорящие «кое-как» народы несчастны уже лишь по одной этой причине, они даровали им общий язык, кинен. Это был лишь скелет их языка, составленный из самых распространенных оборотов и выражений… который все равно оказался чересчур сложным для жителей Громбеларда и Гарры. Только в Роллайне, Золотой столице Дартана, использование армектанского считалось — в определенных кругах — хорошим тоном.

Обо всем этом мастер Хааген не думал и даже не знал. Однако ему казалось, что такой человек, как князь — представитель императора, не захочет унизиться до того, чтобы беседовать с ремесленником на его собственном языке.

Место на возвышении занимал мужчина лет сорока, с выразительными чертами лица и спокойным, твердым взглядом. Он что-то сказал и махнул рукой. Комендант гарнизона ответил с улыбкой, занимая один из стульев. В следующее мгновение оружейник с немалым облегчением услышал четко произнесенные громбелардские слова:

— Прошу ближе, мастер. Рад видеть человека, который снабжает оружием Громбелардский легион. Но я слышал, что оружие это может быть и лучше? Сразу скажу — я в этом не сомневаюсь.

Оружейник спрятал замешательство за поклоном.

— Не сомневаюсь, ибо почти все можно сделать лучше, чем оно сделано, — с легкой улыбкой продолжал представитель. — Однако миром правит равновесие. «Лучше» обычно означает «дороже». Поговорим об этом равновесии… Прежде всего — объясни, мастер, будут ли вдвое более дорогие мечи тем самым вдвое лучше? Если так, я выслушаю тебя с величайшим вниманием.

Наступила тишина. Оружейник увидел прикованные к нему взгляды присутствующих и неожиданно сказал со спокойствием, удивившим его самого:

— Я превосходно разбираюсь в мечах, ваше высочество. Но лучше мечей легиона только гвардейские мечи, которые я тоже делаю. Естественно, они дороже. Ничего более смертоносного я создать не в силах. Для кого-нибудь, кто рожден для меча, — возможно, но не для обычного солдата. Я обманул его благородие коменданта гарнизона, чтобы увидеться с его высочеством Н. Р. М. Рамезом, князем — представителем императора в Громбе. — Он подчеркнул фамилию и титул.

На него смотрели с нескрываемым удивлением.

Норвин смущенно кашлянул.

— Ерунда, — помолчав, проговорил представитель. — Вы ведь все это вместе подстроили. Надеюсь, не без причины. Ну, я жду, — холодно поторопил он.

Оружейник шагнул вперед, достал из-за пазухи смятый свиток пергамента и протянул руку.

— Что это? — последовал суровый вопрос.

— Ваше высочество… Прошу, ваше высочество. Только два, а может быть, три человека… знают… — От спокойствия мастера Хаагена не осталось и следа.

Представитель раздраженно взял свиток, развернул и пробежал взглядом текст. Неожиданно он поднял голову и в глубокой задумчивости наморщил лоб. Размышлял он довольно долго.

— Интересно, — медленно произнес он, глядя мастеру прямо в глаза. Он свернул пергамент, но не выпускал его из руки. — Книги, вынесенные за пределы Дурного края? — Он с нажимом выговаривал каждое слово.

Оружейник остолбенел. Он уже открыл было рот, когда вдруг сообразил, что всемогущий в Громбеларде наместник императора просит его — о *соучастии во лжи* .

— Да, ваше высочество, — дрожащим голосом ответил он.

— К этому мы еще вернемся, мастер. Дело довольно интересное, но не слишком серьезное, — подытожил Рамез, поворачиваясь к своим советникам. Лицо его озарила легкая улыбка. — Жаль тратить на него наше время.

Те, с кем у князя были более близкие отношения, тоже позволили себе слегка улыбнуться. Слабость императорского зятя к старым книгам и летописям была известна достаточно широко.

Оружейнику велели подождать в соседней комнате. Он уже понимал, что случилось невероятное: ему предстояло беседовать с властителем провинции — с глазу на глаз…

5

Был лишь полдень, но на улицах Громба царил полумрак, и воздух был насыщен мелкими каплями дождя. Пришелец из другого края империи весьма бы удивился, попав в этот день на большой рынок, где, несмотря на пасмурную погоду и дождь, шла оживленная торговля. Но что такое дождь для громбелардца?.. Всюду полно было разнообразных лавочек, лотков, палаток. В толпе покупателей и продавцов то и дело вспыхивали перебранки, легко переходившие в ссоры и даже драки. Их успокаивали легионеры из патруля, вооруженные короткими копьями, острия которых редко шли в дело, зато древки — довольно часто…

Как раз только что началась драка — но особого рода, она была разрешена законом и даже одобрялась, ибо подобный способ решения споров позволял обладавшим горячим нравом горцам выпустить пар без пролития крови. По поручению командира патруля один из легионеров остался рядом с дерущимися, чтобы следить за правилами и принимать ставки. Окруженные зрителями противники разделись до пояса и начали осыпать друг друга кулачными ударами, особенно по физиономиям, но и вообще куда попало. Армект и Дартан не знали столь дикого способа доказательства своей правоты; да, борьбой там занимались — но кулачный бой, возведенный в ранг настоящих состязаний, вел свое происхождение из Громбеларда.

Правила были просты: они позволяли наносить противнику любые удары и толчки, но запрещали захваты. Упавшему надлежало позволить встать. Кто не мог подняться — тот проигрывал.

Двое крепких светловолосых мужчин были достойными соперниками. Один, более коренастый, уступал противнику в росте, ловкости и длине рук. Он уже получил не один удар в лицо и корпус, сам же нанес всего три, а может быть, четыре — однако весьма сильных и чувствительных для противника, в то время как град ударов высокого, сыпавшихся на силача, не производил на него никакого впечатления. У массивного горца был разбит нос, и он сплевывал кровью, но зрителям казалось, что, будь у него три носа, он был бы столь же равнодушен к текущей из них крови — хотя лилась она достаточно обильно.

И вот у высокого подвернулась нога; противник удачно выбрал момент и ударил его в подбородок с такой силой, что у того в одно мгновение глаза заволокло туманом. В отчаянии, вслепую, он попытался было отмахнуться, но тот добавил сбоку, потом еще раз в подбородок — и все закончилось.

В кругу вопивших во все горло зрителей стоял высокий старик с покрытой капюшоном головой. Он следил за ходом поединка, но если и испытывал какие-то эмоции, то тщательно их скрывал. Внимательный наблюдатель, может быть, заметил бы, что тайный интерес старика вызывает скорее женщина в сером плаще, стоявшая в толпе. Проницательный, слегка странный взгляд то и дело украдкой касался ее, а потом снова ускользал…

Уже собирались делить выигрыш, но тут побежденный горец встал на колени, потом с усилием поднялся — и поднял руки, готовый к продолжению борьбы. Силач нахмурился и пожал плечами, но в конце концов кивнул, немного с иронией, а немного с уважением.

Однако, возобновив борьбу, он скорее блокировал удары противника и отталкивал его, чем наносил удары сам. Может быть, он утратил присутствие духа, а может быть, чувствуя свое превосходство, просто не хотел калечить соперника? Никто не знал, в чем суть спора этих двоих, — порой даже хорошие друзья сходились в поединке, поссорившись из-за какой-то мелочи. Так могло быть и на этот раз.

Но нет — худощавый горец, снова воодушевившись, начал наступать вовсе не на шутку, с какой-то затаенной ненавистью и диким отчаянием. Силач наконец понял, что все всерьез, что нельзя щадить соперника, иначе он сам потерпит обидное поражение. Получив новую серию болезненных ударов, он сильнее прежнего оттолкнул наглеца, после чего перешел в контратаку. Тут же оказалось, что, по-настоящему разъярившись, он может бить не только сильно, но и быстро. Толпа взвыла от восхищения — ибо действительно было на что посмотреть. Худой шатался и покачивался под градом ударов — однако каким-то чудом все не падал… Энтузиазм зрителей ослаб: борьба превратилась в жалкое избиение. Наконец кто-то крикнул:

— Ну падай же, ну! Падай!

— Падай! — послышалось отовсюду. — Падай, ведь он тебя уже победил! Ну падай!

— Упади! Не вставай! Падай!

Молодой солдат, следивший за соблюдением правил, не сумел вовремя принять решение. Наконец он двинулся вперед, чтобы разнять дерущихся. Но именно в этот момент худой, ослепший, едва пришедший в себя, снова начал огрызаться, беспорядочно отбиваясь руками и ногами.

Кого могло волновать напряженное, сосредоточенное выражение на лице высокого старика, который повернулся и ушел, опустив голову? Сразу же после него ушла и женщина в сером плаще. Когда она поправляла капюшон, из-под него выскользнула прядь черных волос, тронутых полоской седины.

Однако кое-кто все же следил за этой парой; неподалеку, на крыше убогого лотка, лежал черный кот-гадб, один из тех чутких гигантов, которым купцы охотно платят за охрану товара. Желтые глаза не упускали из виду ни старика, ни идущую за ним женщину.

Разъяренный бессмысленной борьбой силач открытой ладонью остановил противника на расстоянии вытянутой руки, второй рукой примерился и замахнулся со всей силы…

Возбужденная и испуганная толпа взвыла.

Солдат не успел прервать драку.

Громадный кулак с силой пушечного ядра обрушился на голову высокого. Ноги еще пытались идти вперед, но подгибались в коленях под тяжестью летящего назад туловища. Горец упал в странной позе, с пятками под задом. Тело судорожно дернулось и тут же затихло — боец испустил дух.

Когда выяснился сей факт, началась суматоха. Легионер, явно растерянный, показал победителю, что тот свободен, — ибо бой прошел в соответствии с законом и всеми правилами. Впрочем, если бы он пожелал вынести иной приговор, на него бы набросилась разъяренная толпа. Силач, утерев кровь с разбитой физиономии, набросил на плечи куртку, которую до сих пор держал один из зрителей, окинул внимательным взглядом окружавшие его лица, после чего, явно обеспокоенный, перевел взгляд на крышу лавки.

Черного кота не было.

В глазах горца мелькнул неподдельный страх, граничивший с ужасом. Он поспешно смешался с толпой, оттолкнув пытавшихся остановить его людей. Сначала он бродил по рынку, наконец побежал к корчме, известной под названием «Горный ветер». Там его ждали несколько друзей.

Еще до наступления ночи четверо крепких мужчин из числа тех, с кем лучше не связываться, обежали все улицы и закоулки Громба, посетили каждое заведение, искали и расспрашивали… Все напрасно. Женщина, вверенная их опеке, исчезла. Легко было догадаться, что стало причиной этого исчезновения. Во имя Шерни, тогда, на рынке, была не обычная драка. Кто-то ее спровоцировал, а потом следил за тем, чтобы все происходило в

соответствии с его волей.

Кто-то… Ясно, что не кто иной, как человек, которого они ждали и который должен был угодить прямо в расставленную ловушку… Мудрец Шерни. Бруль-посланник.

Снова собравшись в «Горном ветре», четверо не скрывали своих опасений. Они не справились… и не следовало ожидать, что их предводительнице это понравится.

И все же была надежда, что еще не все потеряно. Их товарищ, Вемир, лучший разведчик Хель-Крегири, тоже исчез. Вемир был опытным шпионом, отменным знатоком горных селений и бездорожья. Но прежде всего — он был котом. Воином-гадбом.

Они рассчитывали, что он сумеет передать им весточку.

6

— Князь, — сказала Н. Р. М. Верена, — ты что, и в самом деле предпочитаешь спать с этими книгами, а не со мной?

Рамез вскочил, сбросив на пол пачки страниц.

— Я просто задремал. Правда…

Она сделала три шага, с любопытством разглядывая убранство холодной комнатки. Она была здесь раза два или три, но довольно давно. Кровать (скорее широкая койка с брошенными на нее шкурами), конторка, дубовый стол, простой стул… и книги. Сокровища ее мужа.

— Я с трудом это понимаю, — сказала она. — Манускрипты, хроники, летописи… Мальчишки играют в рыцарей. Рыцари играют в посланников. Хм, интересно, в кого играют посланники?

Она бросила на него короткий взгляд. Он открыл было рот, но она махнула рукой. Наброшенная на спину шкура степной пантеры чуть сдвинулась, обнажив плечо. Она была истинной дочерью Армекта, женщиной, рано ставшей красавицей и долго остававшейся молодой. В двадцать восемь лет у нее было тело юной девушки. Тем более что она не рожала.

— Ох, не говори уж ничего! — фыркнула она. — Знаю, знаю… Ты не хочешь меня здесь видеть, знаю, понимаю. Воистину, вы как дети, что прячут в разных тайниках свои сокровища. Я росла вместе с тремя братьями, похоже, ты порой об этом забываешь. В дворцовых садах у них были свои тайные укрытия, уже не помню, что в них лежало… Какой-то хлам. По большому секрету и за немалую плату, — продолжала она с легкой усмешкой, — я узнавала, что проеденная ржавчиной железяка — это меч Бесстрашного Демона или еще какой-нибудь легендарной личности. Мальчишки выросли, но ничего не изменилось. Я обнаруживала, что у них и теперь есть какие-то сокровища. Конь, которого держат где-то за городом… Охотничья хижина в глухой чаще, старше самого Армекта… Любовница… Пергаменты. — Она поскребла ногтем лежащий на столе свиток. — А знаешь, что и мой отец тоже… Властелин Вечной империи, самый могущественный человек на свете… о-о… — Она приложила палец к губам, сдерживая смех. — Даже тебе я не скажу, чему он предавался «в глубочайшей тайне».

Она присела на край стола, обнажив бедро.

— Для чего это все? — спросила она уже совершенно серьезно. — У тебя ведь есть летописцы, секретари… Тем временем ты забываешь о важных делах, забываешь обо мне…

— Я ведь просил, — негромко прервал он ее, — чтобы ты сюда не приходила. Это неподходящее место для женщины. Я ни о чем не забываю, в эту башню ухожу на одну ночь в неделю, а порой и реже. Сегодня же… ты не поверишь, сколь важным может быть то, что я пытаюсь выяснить.

— Ну да, уснув с головой в чернилах. — Она постучала себя по лбу, показывая на место, где гусиное перо оставило след на лице князя-представителя; жест, впрочем, выглядел весьма двусмысленно. — Какие же это важные исследования? В конце концов… А знаешь, что у меня есть?

Она распахнула шубу. К обнаженному животу она прижимала тонкую пачку исписанных страниц.

— Я купила это для тебя, — сообщила она. — Я не вполне представляю их ценность, поскольку ты не научил меня оценивать подобные вещи.

— Что это? — удивленно спросил он. — Ты купила это… для меня?

— Ну да.

Она протянула руку. Он схватил страницы и бросил взгляд на первую.

— Старые легенды моряков из Лонда, — взволнованно прошептал он. — Знаешь, что это?!

— Немного знаю… Читала.

— Ты это читала? — Он не мог поверить.

— Я хотела знать, что покупаю. Даже спрашивала мнение…

— Мнение? Но во всем Громбе я один имею о подобных вещах хоть какое-то понятие! — раздраженно воскликнул он.

— Ну ударь меня, рыцарь, — спокойно предложила она.

Рамез замолчал.

— Прости, — смущенно сказал он. — Это огромная неожиданность для меня, Верена. И огромное удовольствие.

Она кивнула.

— Здесь не место для женщины, — с едва заметной горечью сказала она, слезая со стола. — Больше не буду тебе мешать.

Он остановил ее.

— Верена… — поколебавшись, проговорил он, — тебе… интересно читать подобные вещи?

Она подняла брови.

— Честно говоря… ну что ж, это ведь не армектанские песни. Этот язык… Хеевеш рахгх'еено ал'коо, хасахак-гааре… — с усилием произнесла она. — Ох, мне и в самом деле никогда не одолеть громбелардского.

Рамез помрачнел.

— Но все-таки, — продолжила она, — я не знала, что это так интересно. Жаль. Ты столько лет держал меня вдали от своих книг.

Решившись, он взял небольшой свиток и подал ей.

— Прочитай.

Текст был на двух языках, по-армектански и по-громбелардски.

— «Предъявительница сего имеет право видеться со мной всегда и везде, в любое время дня и ночи. Н. Р. М. Рамез, представитель импе…» А это еще что? — изумленно спросила она. — Пропуск для любовницы?

— А знаешь, ваше высочество, — неожиданно весело сказал Рамез, — почти. Несколько лет назад она сидела на этом столе, так же как ты только что. И надеюсь, она не догадалась, сколь аппетитно для меня выглядела…

— И ты смеешь говорить мне подобное?

— Скажу и больше, если захочешь выслушать.

Она задумалась.

— Что, нечто такое, после чего я устрою тебе скандал? А впрочем… Может быть, и пусть. — Она пожала плечами.

— Успокойся, — сказал он, с трудом скрывая улыбку. Затем он посерьезнел.

— Вскоре после того, как я стал представителем в Громбе, в горах вспыхнула большая война… Нет, тебя здесь еще не было, — напомнил он. — Но ты наверняка об этом слышала. Разбойники резали друг друга, мне же обязательно хотелось, чтобы в дело вмешался легион. — Он покачал головой. — Признаюсь, тогда я еще не слишком знал местные взаимоотношения. Женщина, носившая одну из самых знаменитых фамилий в Дартане, помогла мне избежать ошибок. «Самая удивительная женщина Шерера…» — Он

задумался. — Так она о себе говорила… и воистину не без причины. Вся эта история — до сих пор тайна, — продолжал он. — Надо полагать, ты догадываешься, сколь несподручно мне было признаться, что я вел переговоры с главарем разбойников? Тем более что бывшая посредником в переговорах особа, тоже… хм… с не слишком чистой репутацией, оказала мне в конце личную услугу.

— Узнаю я наконец, кто эта удивительнейшая из женщин? Об услуге предпочитаю не спрашивать.

— Кто она… была. Громбелардская легенда, о которой ты наверняка слышала. Ее называли королевой или госпожой гор. У нее было прозвище Охотница.

— О? — удивилась Верена. — Да, я слышала.

— Я вручил ей это письмо. — Он показал на свиток пергамента. — И я знал, что делаю. Поверь: она ни разу не злоупотребила следовавшими из него привилегиями. А вчера… нет, позавчера… пришел ко мне человек, который утверждает, что является кем-то вроде опекуна этой женщины. Она лишилась разума. И речи.

Княгиня удивленно смотрела на него.

— Старик хранит ее вещи, — пояснил Рамез. — Он просматривал их в поисках чего-нибудь, что помогло бы ему найти причину ее безумия. Он нашел мое письмо и пришел ко мне, я же велел ему привести свою подопечную сюда. И, собственно, это и все, если бы… если бы не мои книги.

— Не понимаю.

— Я упоминал о личной услуге, которую она мне оказала. Ох, не будь же ребенком, княгиня… Так вот, Охотница была приемной дочерью Дорлана, величайшего мудреца Шерера. Зная, что я люблю историю, она передала мне оставшееся после него наследство. — Он обвел вокруг рукой. — И поверь, это бесценные вещи. Я делаю нечто, чем занимаются только посланники: изучаю истины, записанные в Книге всего, в которую каждый из мудрецов Шерни вносит очередные крупицы знаний. И, кажется, я понимаю некоторые из законов всего.

— Но… это же, наверное, так необычно? — искренне изумилась Верена. — Я думала… считала, что ты просто читаешь старые хроники. Все так думают…

— И ошибаются, — неохотно отрезал Рамез. — Поверь: ни я, ни твой отец не обладаем таким могуществом и такой властью, какие дает посланникам постижение Шерни. И все же… и все же они — бессильные властители. — Он на мгновение глубоко задумался. — Ибо именно то самое великое, неисчерпаемое знание велит им ничего, собственно, не делать… Ты знаешь, — неожиданно спросил он, — что еще не так давно я всерьез размышлял о том, чтобы стать одним из них?

Она не поверила.

— Но ведь… ты шутишь?

— Ни в коей мере.

— Шутишь…

— Говорю тебе — нет.

Она внезапно рассмеялась и развела руками.

— Извини, князь, — сладким голосом проговорила она, — но я не поверю.

Он покачал головой.

— Только ты меня удержала, — неожиданно заявил он. — Я очень тебя люблю, Верена. Я не смог бы с тобой расстаться.

Она удивленно смотрела на него — ибо Н. Р. М. Рамез, императорский представитель в Громбе, был не из тех людей, что ежедневно после ужина признаются в любви жене.

— Слушай дальше, — продолжал он. — Среди законов всего иногда можно найти особые законы, имеющие форму пророчеств. Я не хочу это объяснять, в двух словах все равно не удастся, пророчество всего не имеет ничего общего с болтовней предсказательниц, это вещь невероятно редкая, и ее можно прочитать лишь иногда. А именно тогда, когда происходящие в мире события подтвердят и начнут открывать его смысл. Он может

скрываться в любом замечании кого-то из мудрецов Шерни. Видишь ли, старогромбелардская письменность вообще не отображает ударений, из-за чего тексты, написанные на этом языке, страшно неоднозначны…

Он сделал паузу.

— Пророчество, о котором я говорю, содержится в словах Дорлана-посланника. Вклад Великого Дорлана за много лет можно найти во всех Книгах всего, какие есть в распоряжении мудрецов Шерни. Но этот труд неполон… У меня здесь есть записи, из которых однозначно следует, что они должны быть добавлены к предшествующим текстам. Я не могу, как мудрецы Шерни, сделать так, чтобы новая запись появилась сразу во всех Книгах, но я сделал все, что в моих силах, чтобы уберечь вклад Дорлана от забвения. Я сам пополнил его собственную Книгу недостающим фрагментом, после чего приказал все переписать, и сразу в нескольких экземплярах. Работа все еще идет… Книги всего — это самые обширные труды Шерера.

Она с трудом поспевала за ним.

— Пророчество… Законы всего. О нет, даже не стану притворяться, что хоть что-нибудь понимаю, — беспомощно призналась она. — О чем говорит это пророчество?

— О войне Шерни с Алером. — Он извлек на поверхность несколько исписанных страниц. — Дорлан пишет о древнем соперничестве двух сил, объясняя его сущность. Сегодня я вижу в этом пророчество. Неоднозначности, о которых я говорил.

— До сих пор не понимаю, — возразила она.

— Послушай. — Он наморщил лоб и стал читать, сразу переводя со старогромбелардского на армектанский. — «Госпожа мира…», то есть Шернь, — пояснил он, — «утратив равновесие своей сущности…» ммм… так: «Серебряные Ленты, пометив Темные Полосы…» — речь о Лентах Алера и Полосах Шерни, — снова пояснил он. — И дальше: «Когда Ленты…»

— Нет, — сказала она. — Помилуй, я же из всего этого и слова не понимаю! Для меня… для меня это совершенная бессмыслица. Полнейшая.

Он прикусил губу, размышляя, как объяснить очевидные вещи… Правда, не для нее.

— Старогромбелардский язык не различает — без специальных обозначений, которых Дорлан не использовал, — мира как целого и мира Тяжелых гор. Здесь, — он показал рукопись, — госпожа мира (то есть Шернь) точно так же может быть госпожой гор… Этот текст я могу прочитать (но лишь сегодня, зная о некоторых событиях) совершенно иначе, чем предполагал Дорлан. «Утрата равновесия» и «безумие» обозначаются одним и тем же словом, это лишь вопрос ударения… Дай это кому-нибудь, кто знает старогромбелардский, и опусти вступление, из которого однозначно следует, о чем идет речь… Расскажи ему историю Охотницы и попроси перевести полтора десятка последующих предложений. Он переведет их без каких-либо сомнений и малейших колебаний.

— И что из них будет следовать?

— Что госпожа гор, утратив разум в борьбе с враждебной силой, может сдвинуть с места Ленты Алера в Тяжелых горах. — Он говорил быстро, не глядя в рукопись. — Что из-за этой враждебной силы она забеременеет, а ее ребенок станет, — он заглянул в текст, — «носителем сущности Алера», то есть с тем же успехом «носителем темного знания» (ибо «алер» означает то же, что и «тьма» или «зло»). Наконец, «в середине мира» точно так же может быть «посреди Тяжелых гор»… а посреди Тяжелых гор находится Громб. «Громбелард» ведь означает «средний край», а «громб» означает «середина», Верена.

— Это… невероятно. Это безумие, — запротестовала она.

— А я тебе говорю, что именно так проявляются пророчества. Ты мыслишь по-армектански, где каждое слово обычно имеет одно, четко определенное значение. Громбелардский же, заметь (а уж тем более старогромбелардский!), руководствуется совершенно иными законами. Невероятная бедность звуков — и неизмеримое богатство ударений, попросту головоломных. В этом фрагменте нет ни одного слова — слышишь, ни одного слова! — которое не позволяло бы именно так понять общий смысл. Не думаешь же

ты, что величайший мудрец Шерера вписал в важнейшую книгу мира, которую углублял всю свою жизнь, какие-то каламбуры? Я говорю и знаю, что говорю: это пророчество! Никому не ведомо, какие последствия может повлечь за собой прикосновение к лентам Алера. Но точно известно, что сделали Шернь и Алер, сражаясь над горами. А именно — разрушили до основания весь Громбелард.

Он снова посмотрел на исписанную страницу.

— Что еще для меня неясно, так это смысл слов: «отмеченная Лентой». Серебряные Ленты Алера вплелись в Темные Полосы Шерни, выводя ее сущность из равновесия… — Он нахмурился и потер ладонью подбородок.

Усталая и сбитая с толку, Верена поглядывала то на мужа, то на странные записки.

— «Отмеченные Лентой»… ведь речь идет о Серебряных Лентах? — задумчиво говорил Рамез. — Как это еще можно истолковать?

— Не знаю, — вздохнула она. — В самом деле…

Утомленным жестом она откинула назад густые черные волосы, в которые вплеталась необычная для женщины в ее возрасте одинокая прядка седины.

Верена не скрывала эту прядку — она придавала ей своеобразное очарование…

7

Хель-Крегири была отнюдь не из болтливых, тем не менее считала, что кое-что обсудить все-таки следует. Однако Готах, с тех пор как они покинули Овраг, не произнес ни слова. Она понимала, что ему есть о чем подумать, но все же, когда они расположились на ночлег в окрестностях Громба, попыталась было завязать разговор — тщетно. Посланник лишь что-то буркнул, погруженный в свои размышления. Она начала всерьез задумываться о том, большая ли будет польза от такого союзника. О своих сомнениях она поведала вслух, добавив при этом:

— Завтра, видимо, я получу донесения от моих разведчиков в Громбе. Бруль искал Охотницу, и если он ее нашел, это означает, что он угодил в мои сети. Но дошло ли до тебя, господин, что я, собственно, не знаю, чего ждать? Что-то мне подсказывает, что слишком долго я носилась по горам, желая разыскать тебя.

Готах молчал. Она немного подождала, потом легла на спину, подложив руки под голову.

Бивак расположился у ручья, во всем остальном это место было ничем не хуже и не лучше других. Костров не разводили, поскольку не было топлива. Люди сидели небольшими группами, негромко разговаривая друг с другом. Лагерь охраняли две линии постов.

— Ваше благородие, — сказала она, — тебе удалось привести меня в ярость. Не знаю, что лишило тебя дара речи. Но если он сейчас же к тебе не вернется, то я отрежу тебе голову, руки и все прочие члены… причем порядок, пожалуй, будет скорее обратным. И тогда я уж точно услышу твой голос, и звучать он будет весьма громко. Я сказала.

— Я ценю твой юмор, Хель-Крегири, — безразличным тоном ответил Готах, — но миром правит Шернь, я же в некотором роде — ее часть.

— Миром правит меч, — решительно заявила девушка, снова садясь. — У тебя же есть лишь твоя мудрость. Ты хорошо знаешь, сколь легко подводит это оружие. Действенное против толпы и издалека, оно часто ничего не стоит в непосредственном столкновении. Все знания и сила вытекут из твоей головы сразу же после того, как лучший из моих солдат проделает в ней дыру арбалетным болтом. Лучше поговорим, прежде чем я устрою тебе допрос.

Лицо его исказилось в жуткой гримасе… но это была лишь улыбка.

— А знаешь, Хель-Крегири, я считал тебя глупее. Я не вполне разделяю то доверие, которое ты питаешь к оружию, — продолжал он, прежде чем она успела ответить, — но в том, что ты сказала, немалая доля истины. Не могу представить, чтобы Бруль все еще пребывал рядом с Шернью, — заявил он, меняя тему. — То, что произошло у истока

Медевы, наверняка не является делом Алера. Тот, кто сдвинул с места Ленты, должен быть отвергнут Шернью, любая иная возможность попросту вошла бы в противоречие с принципами, на которые опирается мир. Шернь и Алер — то же по отношению друг к другу, что и тепло и холод или свет и тьма. Они никоим образом не могут сосуществовать, ибо противоречат друг другу.

— Подобные сведения меня утомляют, ваше благородие, — заявила девушка. — Скажи лучше что-нибудь, от чего может быть толк.

— Я как раз и пытаюсь. Отвергнутый Шернью Бруль перестал быть ее частью. Только и всего. Всего лишь… Но и ты не являешься частью Шерни, тем не менее можешь черпать ее силу, используя Брошенные Предметы, символизирующие разные Полосы. Бруль не лишился ни своих знаний, ни памяти. Он знает формулы, о которых нигде, кроме побережья, даже не слышали, и обладает Предметами, которые счел полезными. Мудрец Шерни терпеть не может использовать их для всяких ярмарочных фокусов, ибо не для того они предназначены. Но мудрец Шерни не станет трогать и Ленты Алера…

— Бруль уже не мудрец Шерни, — подытожила она. — Что, теперь он мудрец Алера?

— Да что ты! Ни одно из существ, рожденных под небом Шерни, не может стать посланником Алера. Все, чем сумеет удивить тебя Бруль, будет иметь своим источником силу Брошенных Предметов.

— И что из этого следует?

Он задумался.

— Только то, что у Бруля есть какие-то Предметы. Однако, пожалуй, не Шар Ферена, поскольку у него его, кажется, похитили. Сомневаюсь, чтобы у него было два.

Она с уважением посмотрела на него.

— Ну, мудрец…

— Ты все время повторяешь «мудрец», но думаешь «глупец», — упрекнул он ее. — Твой приятель-калека — ученик и приемный сын Бруля, который вместе с Охотницей разрушил планы своего учителя. Так? — снова спросил он.

Ему удалось удивить разбойницу.

— Откуда ты об этом знаешь, ваше благородие? Он не хотел выдавать себя перед тобой. Я дала ему слово, что только когда мои аргументы окажутся бессильны…

— Он догадывался, какова будет моя реакция. Измена остается изменой. Человек, которого ведут к Шерни, должен смотреть на все глазами своего проводника. Когда он научится видеть вещи, которые видеть необходимо, тогда он выберет свой собственный путь, и никто не станет возражать. Этот невзрачный человечек бросил своего учителя на отвесной каменной стене, перерезав веревку, которая их связывала. Он решил, что этот путь неверен. Но разве кто-то приказывал ему на него вступать? Он сделал это, а потом злоупотребил доверием, которое ему оказали, и стал причиной падения человека, который хотел отдать ему все, что имел. Он достоин лишь презрения.

— Значит, ты так это видишь… — Она задумалась.

— Именно так, — подтвердил он. — Скажу больше: когда-то я разговаривал с Брулем. Путь, которым он следовал, каким-то образом нравился Шерни. Так что ему незачем было его бросать. Думаю, что сдвиг Лент Алера не был причиной измены. Даже напротив. Он был ее следствием, госпожа. Бруль сдвинул Ленты после того, как его предал его ученик, на которого он возлагал свои последние надежды. Так я считаю.

Уже наступила ночь, но мудрец-посланник и предводительница разбойников (воистину, странная пара) продолжали свою беседу, словно желая выговориться за все дни молчания.

— Бруль вообразил, — говорил Готах, — что единственным достойным наследником его знаний будет сын. Я знаю, он пытался… Но Шернь ревниво относится к тем, с кем общается. Странные дела творились в последнее время в Дурном крае. Дошло до неслыханного катаклизма, и, похоже, причиной его стал гнев Бруля. Вскоре после этого Бруль взял себе ученика, чего никогда прежде не делал. А теперь сопоставь то и другое, ваше

благородие.

Он дал ей немного времени на размышления.

— Я уже говорил, что никто, рожденный под небом Шерни, не может черпать силы Алера. Это правда, но, может быть, не вся… В Книге всего есть упоминания о повелительницах мира — басе-крегири'д. Древние мудрецы Шерни, ведущие свой род еще от старинного племени Шергардов, называли так армектанок — дочерей древнейшего народа Шерера. Впрочем, их до сих пор так называют, ибо Книга всего по сей день пишется на старогромбелардском языке. Никто никогда не отваживался сделать перевод, ибо это уничтожило бы скрытые в законах всего смыслы, а из этих смыслов иногда рождаются пророчества. Смотри, госпожа: к примеру, именно «басе-крегири» может также означать «повелительница (королева) Тяжелых гор». Истинный смысл понятен лишь тому, кто умеет мыслить по-старогромбелардски. А таких немного. Знаешь, госпожа, каков должен быть первый шаг каждого, кто хочет стать посланником Шерни? Изучение в совершенстве языков, всех языков Шерера.

— Да? — безразлично буркнула девушка.

— Твое отвращение к любым знаниям просто поражает, госпожа, — раздраженно заметил Готах. — Ради Шерни, что за ирония судьбы: живой кот, засунутый в человечью шкуру!

Вместо того чтобы взорваться гневом, она неожиданно отвела взгляд.

— Не надо об этом, — негромко попросила она. — Разве я издеваюсь над твоим лицом, ваше благородие? Относись с уважением и к моему уродству.

Он опомнился и ощутил глубокий стыд.

— Побежденный Шернью Алер был вытеснен на край света, — коротко сказал он, — на Северную границу; там Алер соседствует с Краем-за-Горами, там Шернь соприкасается с Алером. Граница неустойчива и подвижна, на пограничье действуют законы Шерни или Алера, а чаще всего — никакие. У армектанцев, которые были на севере, иногда рождаются дочери — басе-крегири'д, повелительницы мира, у армектанок — отмеченные знаком Алера. Обычно считается, что из этого ничего не следует. Я знаю, что Бруль считал иначе.

Девушка задумалась.

— Он ищет армектанку, отмеченную знаком Алера, чтобы она дала ему сына, при участии остатков сил Алера в Тяжелых горах? — медленно спросила она.

— Видимо, так.

— И что такое этот знак Алера?

— Символ Серебряной, а иногда Золотой Ленты. Обычная прядь седины. У чистокровных черноволосых басе-крегири'д…

Она прикрыла глаза.

— Ты шутишь надо мной, ваше благородие? — спокойно проговорила она.

— Ты услышала, что хотела услышать, госпожа, — слегка раздраженно ответил он. — Теперь требуешь объяснений? И сколь обширными они должны быть?

— Охотница — армектанка. И у нее седая прядь в волосах. Ничего удивительного после того, что ей пришлось пережить.

— Это лишь подтверждает то, что я сказал, — подытожил Готах.

Хель-Крегири сияла со лба широкую кожаную повязку, открыв прядку золотистых волос.

— У меня это недавно, мудрец. И я не знаю своих родителей… Возможно, они были армектанцами.

Готах молча смотрел на нее.

8

Начальнику стражи

Предъявителя сего немедленно пропустить ко мне. Дело чрезвычайной важности.

Н. Р. М. Рамез, представитель императора в Громбе
(печать)

Гвардейцам, несшим службу во дворце, содержание письма могло показаться необычным — но это не имело никакого значения. Эти люди были обучены исполнять приказы и ничему не удивляться. Солдат тотчас же оставил прибывших на попечение товарища и побежал к начальнику стражи. Вскоре он вернулся в сопровождении подсотника. Офицер бросил взгляд на письмо, изучил подпись и печать, после чего, не говоря ни слова, показал дорогу.

Был поздний вечер (собственно, уже ночь), и от лихорадочной суматохи, царившей во дворце днем, не осталось и следа. Коридоры и комнаты были пусты, иногда лишь спешил куда-то слуга.

Этот вечер князь-представитель посвящал игре в карты с придворными — развлечению, которое было для него скорее обременительной обязанностью. Начальник стражи, который в силу исполняемой службы имел доступ к князю в любое время дня и ночи, был доволен, что ему не придется будить его высочество. Кроме того, ни для кого не было тайной, что лишь по настоянию княгини представитель участвует в каких-либо иных развлечениях, нежели те, которые выбрал себе сам. Рамез позволил оторвать себя от игры с неподдельным (хотя и скрываемым) облегчением. Подсотник был искренне рад, что ему дали возможность улучшить князю настроение.

Пожилой мужчина, по виду ничем не примечательный, и неряшливо одетая женщина, все время смотревшая вниз, старались идти с ним в ногу. Он искоса взглянул на них раз-другой — но, в конце концов, его совершенно не касалось, кого князь принимает и почему. Придя на место, он позвал дремавшего у дверей слугу и отдал короткий приказ. Слуга тотчас же скрылся за дверью. Вскоре он вернулся, пропустив вперед князя-представителя. Офицер с почтением отдал ему письмо, но, прежде чем успел произнести хоть слово, Рамез бросил взгляд на посетителей и махнул рукой.

— Я все знаю.

После чего обратился к оружейнику:

— Воистину, странное время ты выбрал, мастер… Нет, не извиняйся. Приходится отказываться от некоторых удовольствий, вот и все.

Он перевел взгляд на женщину.

— Приветствую, госпожа, — с искренней заботой проговорил он. — Во имя Шерни, хотел бы я узнать, чем могу помочь?

Она ничем не показала, что знает, перед кем стоит. Рамез с грустью смотрел на исхудавшее лицо, когда-то полное жизни и красоты. Он с трудом верил, что перед ним одна из первых дам Дартана, а после — легендарная госпожа Тяжелых гор… Как она отличалась от той женщины, что когда-то в этой же каменной комнатке, полной книг и пергаментов, дерзко — да, дерзко! — указывала ему на незнание законов, правящих Туманным краем, смеялась над «дартанской ошибкой», каковой был ее неудачный брак с баснословно богатым, но слишком слабым для нее мужчиной. Тогда она называла себя «королевой Громбеларда». Теперь же на этом лице остались лишь необычные глаза, но необычные не в том смысле, как когда-то…

Отсутствующие и грустные.

— Нет, ради Шерни, — растерянно повторял он. — Что случилось, что произошло? Не могу в это поверить, ваше благородие.

Он отпустил офицера и дал знак оружейнику. Потом пошел впереди, показывая дорогу в свои личные покои.

Там было холодно — как и везде в этой мрачной громбелардской цитадели, изысканно именуемой дворцом. Зять императора, правивший от его имени Второй провинцией, порой мерз, как все обычные люди.

Комната была обставлена с армектанской простотой — но отнюдь не бедно. Идущий от стен холод поглощали пушистые шкуры зверей, убитых еще в Армекте собственноручно его высочеством Рамезом. Среди них преобладали пятнистые шкуры пантер, самых опасных хищников, рыскавших по Великим равнинам. Среди охотничьих трофеев располагалось оружие, применявшееся в разных краях Шерера и стоившее целого состояния, но для армектанца являвшееся прежде всего символом военных традиций его страны. Почетное место занимал лук. Он висел отдельно, маленький и неприметный, очень простой и носивший следы многолетнего использования — оружие, окруженное в Армекте почти культом, символ всадника равнин.

— Садись, госпожа, — сказал Рамез, а когда она никак не прореагировала, подвел ее к просторному креслу, обтянутому волчьей шкурой, и сам посадил. Прикусив губу, он посмотрел на оружейника.

— Поговорим, мастер.

— Да, поговорим, князь, — пробормотал тот, уставившись на висевшую на стене булаву. — Прости, ваше высочество, но я — творец оружия… Можно?

— Конечно, — последовал ответ. — Это из Дартана…

Мастер взял оружие и задумчиво взвесил в руках.

— Мне потребуется твоя помощь, князь. Сейчас… а еще больше, полагаю, через несколько лет. Ты уже однажды спас бесценную сокровищницу знаний, доказав, что тебе не чуждо понимание великих дел. Я уверен, что, как опекун самого необычного человека в истории Шерера, ты также поймешь и исполнишь свою миссию.

Рамез нахмурился, удивляясь все больше и больше.

— Что за странный разговор, уважаемый мастер? — холодно спросил он. — Я оказал…

— Нужно, князь, — прервал его оружейник, — чтобы ты взял под свою опеку, на какое-то время, дитя, в котором соединятся невообразимо могущественные силы. Как Шернь, так и Алер имеют двойственную природу — но сами они являются частями еще большего целого. Возможно объединение Шерни и Алера, слияние их в одно целое — *Идеал*…

Он поднял взгляд, и Рамез на мгновение увидел совершенно другое, суровое и грозное лицо, проступившее сквозь черты мастера Хаагена. В следующую секунду булава ударила его в висок. Рамез застонал, тотчас же получил еще один удар — но прежде чем он упал, напавший схватил его и поволок в угол комнаты.

Женщина медленно встала, наблюдая за разыгрывавшейся сценой. Несколько мгновений на ее лице играли какие-то неопределенные чувства… но затем она села снова.

Внешнее сходство с оружейником Хаагеном уже не требовалось. Высокий старик сосредоточенно смотрел на лежащего без сознания князя — так же как тогда, наблюдая за дракой на рынке. Он произнес короткую формулу — и, приняв новый облик, накрыл лежащего сорванной со стены шкурой. Потом быстро покинул комнату.

Безумная госпожа гор сидела неподвижно, опустив голову.

— Ваше высочество? — Княгиня не скрывала удивления. Она кивнула слуге, чтобы тот закрыл двери, за которыми шла игра, после чего отослала его. Когда слуга ушел, она снова обратилась к мужу:

— Ты что, с ума сошел? Сначала сам убегаешь куда-то сломя голову, даже не пытаясь скрыть радости, честное слово. Теперь ты опять вынуждаешь меня…

— Значит, это правда, — прервал он ее, не сводя взгляда с ее волос, потом поднял руку, словно желая коснуться серебристой прядки на виске.

Она инстинктивно отшатнулась.

— Что ты делаешь?

— Да, это правда… — повторил он, опуская руку. — Идем со мной, княгиня. И ни о чем не спрашивай.

Удивленная, она сделала три шага в указанном направлении. Потом, поколебавшись,

остановилась.

— Но… куда мы идем? Ну нет, я готова предположить, что вино подали чересчур крепкое…

— Ты можешь поверить мне, княгиня? И просто пойти со мной? Или же мы оба настолько прониклись жизнью при дворе, что будем вручать друг другу петиции через секретарей?

— Петиции через… прониклись жизнью при дворе? — еще больше изумилась она. — Что это значит? Нет, я тебя просто не узнаю! Что случилось?

Ошеломленная, она позволила взять себя под руку. Какое-то время они шли по совершенно пустому коридору. Однако, когда они оказались на лестнице, ведущей прямо к выходу, она снова остановилась и высвободила руку.

— Хватит, — резко бросила она. — Я ни шагу дальше не сделаю, пока ты мне не объяснишь, куда и зачем мы идем! Я начинаю… начинаю просто бояться!

— Меня вызвали не без причины, — сказал он, оглядевшись по сторонам. — У ворот ждет человек, который принес известие для меня. Я хочу, чтобы ты его увидела.

— Какое известие? Почему он ждет у ворот? — со все возрастающим беспокойством расспрашивала она. — В чем, собственно, дело, во имя…

Он показал на выход. Она еще чуть поколебалась… но в конце концов любопытство пересилило.

В темном сводчатом туннеле ворот, украшенном наверху зубчатой решеткой, не использовавшейся много лет, он снова взял ее под руку и что-то негромко сказал. Она первая прошла мимо стоявших на страже гвардейцев и остановилась.

— Ну и где этот посланец?

Ответа не последовало. Она обернулась и… увидела чужого человека.

— Басе-крегири, повелительница мира, — медленно произнес он. — Армектанка и дочь императора. Настоящая властительница мира, воистину.

Она в ужасе отступила.

— Где?.. Кто ты?.. — выдавила она. — Что происходит? Гвардия!

Солдаты с любопытством поглядывали на них — но уличные ссоры никак их не касались. Им положено было стоять на страже у входа во дворец-крепость.

— Посмотри на себя, — спокойно посоветовал старик. — И иди за мной, ибо время уходит.

Она опустила взгляд… и в ужасе схватилась за полы грязного серого плаща.

— Старый оружейник и безумная женщина. Вот кто мы такие. А теперь, — сказал он, показывая кинжал, — иди за мной, госпожа, иначе я убью тебя на глазах тех солдат у ворот, они же и пальцем не пошевелят. Ты прекрасно знаешь, что им ни под каким предлогом не разрешается покидать свой пост.

Сказав это, он подхватил ее под руку и потащил в глубь темной улицы. Сначала она шла совершенно безвольно, потом начала кричать и вырываться. Он держал ее крепко, но она была молодой и сильной, а производимый ею шум мог доставить немало хлопот. Схватив ее за голову, он прижал к ее лицу горсть извлеченных из-за пазухи влажных листьев. Она судорожно попыталась вздохнуть, от резкого запаха закружилась голова, потемнело в глазах. Старик, затаив дыхание, поскольку его голова находилась возле лица пленницы, еще немного подержал листья, потом с отвращением отшвырнул их. Обняв едва держащуюся на ногах женщину, он повел ее дальше, так быстро, как только было возможно.

Невдалеке стояла запряженная мулами повозка. Уложив на нее женщину, Бруль достал из-под плаща небольшой мешочек, извлек из него остатки листьев, рассыпал их возле головы лежащей и уселся на козлы. Внезапно ему стало плохо. Он тяжело дышал, скорчившись и схватившись за сердце. Некоторое время спустя он с трудом распрямил спину и, все еще тяжело и неровно дыша, беспокойно оглянулся и прикрикнул на мулов. Повозка тронулась с места.

Когда в темноте замаячили факелы у городских ворот, мулами правил уже молодой подсотник Громбелардской гвардии.

— По приказу князя, — сказал он, показывая печать и подпись на частично развернутом документе. — Открывайте!

Командир поста, старый десятник, протянул руку за письмом. Ночные выезды из города не были чем-то необычным, однако странным было то, что офицер княжеской дворцовой стражи едет в одиночку. И куда? Из Громба в Бадор, а тем более в Рахгар, повозка бы не проехала. Подсотник мог, правда, ехать в предместье — но почему ночью?

Получив письмо, десятник подошел к факелу. Не будучи знатоком грамоты, он с трудом складывал буквы в слова, шевеля губами. Сидевший на повозке офицер не сводил глаз с документа, на его лице рисовалось ощутимое усилие… Командир поста не мог знать, что ему достаточно лишь, слегка повернувшись, заслонить пергамент своим телом — и созданная посланником иллюзия развеется в мгновение ока.

Пропуск не вызывал подозрений, десятник избавился от сомнений и дал знак, чтобы открыли ворота.

На повозке лежали какие-то свертки, накрытые пледом. На них никто не обратил внимания. Тем более никто не заметил, что вровень с повозкой движется какая-то тень, растворенная во мраке.

В полумиле за городом дорога годилась уже только для езды верхом. Тракт, соединявший Громб с Бадором и Риксом, был таковым лишь по названию. Старик распряг мулов и принес седла с повозки. Он снова немного отдохнул, затем, явно борясь с болью, снова полез под плащ, достал какой-то небольшой предмет и со злостью отшвырнул его прочь.

Вскоре на тракте осталась лишь брошенная повозка.

Когда топот копыт затих в отдалении, на дороге сверкнули два круглых глаза. Огромный кот, черный, как ночь вокруг, стоял над выгоревшей дотла, треснувшей раковиной с дырой посередине.

Брошенный Предмет, называвшийся Кольцом иллюзий…

Никто, вероятно, не знал формул, которые заставили бы этот Предмет изменить облик человека. Кольцо вызывало лишь призраки неживых вещей.

Вемир, черный разведчик Хель-Крегири, уже знал, что это неправда. Был некто, знавший соответствующие формулы…

Неподалеку дорога разветвлялась: главный тракт уходил вниз, к Бадору, боковая же ветка вела в глубь Тяжелых гор. Удостоверившись в том, какой путь избрал посланник, Вемир вернулся в предместье. Там остался человек, которому он должен был передать известие.

9

Начинался угрюмый и холодный, как обычно в Тяжелых горах, рассвет. Непрекращающийся моросящий дождь превратился в ливень, хлеставший под порывами ветра. Проснулись несколько солдат Хель-Крегири. Втиснувшись в щели между скалами, окостеневшие и продрогшие, они первым делом потянулись к водке — спутнице любого путешественника по горам. Завтракали кое-как и чем придется — снабжение отряда продовольствием на громбелардском бездорожье было делом нелегким. Каждый нес на спине собственный провиант, пополнявшийся время от времени во встречных селениях, если таковые попадались на пути.

Холод и влага — союзники искушенного воина, ибо помогают прогнать сон. Однако малоопытный часовой охотно ищет частичку тепла в какой-нибудь каменной нише, плотно закутавшись в плащ из козьей шкуры и радуясь, что вода стекает по шерсти. Такой человек порой засыпает.

Хель-Крегири собрала весьма многочисленную дружину, но, само собой, состоявшую

не из одних лишь надежных людей. Трудно сказать, заснул ли в эту ночь один часовой или, может быть, несколько, уверенных в силе отряда, с которым не посмел бы связаться даже самый сильный патруль легиона…

Нападение произошло на переломе ночи и дня, уже удавалось различить силуэты людей и очертания скал. Полсотни солдат ударили быстро, бесшумно и со знанием дела. Разбойников, в основном застигнутых врасплох во сне, совершенно не готовых к подобному, попросту перерезали — и сразу же за этим последовало настоящее сражение. Группа человек в двадцать, расположившаяся несколько в стороне, была принята нападавшими за все имевшиеся в наличии силы противника. Разбойничьи банды насчитывали обычно от полутора десятков до двадцати с небольшим человек — и императорским легионерам даже в голову не могло прийти, что под самыми стенами Громба расположилась армия почти в четверть тысячи — все, что смогла собрать Хель-Крегири из окрестностей Бадора и Рикса.

Солдатам показалось, будто горы внезапно ожили.

Местность была недружелюбной, скальный склон, хотя в этом месте и довольно пологий, не позволял развернуть лагерь в истинном значении этого слова. Неожиданно весь этот склон зашевелился от неясных под дождем и в полумраке теней, выскакивавших из-за скал, карабкавшихся из расселин и щелей, мчавшихся зигзагами вниз. Без приказа, яростно, беспощадно, громбелардские горцы обрушились на легионеров словно лавина. Те оказывали отчаянное, но ожесточенное и умелое сопротивление.

Вырванный из сна Готах наблюдал за невероятной картиной боя. Ему немало пришлось в жизни повидать, в том числе и внезапную смерть. Однако стычка троих человек с четырьмя не имела ничего общего с тем, что теперь клубилось, металось и ревело в полумраке в двухстах шагах ниже. За спиной посланника раздался торжествующий смех, переходящий в безумный, почти нечеловеческий вопль. Хель-Крегири сломя голову бросилась вниз по склону; Готаху показалось, что девушка вот-вот споткнется и свернет себе шею в какой-нибудь дыре. У нее не было меча, не взяла она и никакого другого оружия. Он еще раз услышал ее пронзительный вой, оборвавшийся где-то на самой высокой ноте, когда она ворвалась в группу сражающихся. Она явно налетела на кого-то, с разгону сбив его с ног своим весом, ибо, несмотря на расстояние, видно было внезапное замешательство в этой группе — сцепившиеся друг с другом люди падали, увлекая за собой других.

Готах подозвал своих вооруженных носильщиков. Ему показалось, что среди всех этих разъяренных, перегрызающих друг другу глотки зверей нет никого, кто смог бы отличить врага от своего. Мудрец Шерни не намеревался пасть жертвой какой-нибудь ошибки.

В сражение включились последние, опоздавшие солдаты Хель-Крегири. Шум нарастал — возможно, прорвали оборонительный строй легионеров, ибо в реве множества глоток звучало торжество. Готах привстал, желая лучше разглядеть ход боя, но там была лишь неясная, дергающаяся толпа, наводившая на мысль о стаде орущих безумцев. Честно говоря, посланник совершенно иначе представлял себе сражение. Судя по историческим хроникам, это должно было быть нечто неизмеримо живописное, грозное… Сейчас же он, собственно, не знал, что именно ощущает. Он понимал, что там гибнут люди, но образ этой множественной смерти был воистину гротескным. Переместившись на двести шагов ближе, Готах наверняка мог бы вообразить, что смотрит на огромную толпу поющих и танцующих пьяниц — ибо даже лязг оружия звучал скорее как звон ударяющихся друг о друга оловянных кружек под аккомпанемент многочисленных тостов.

Снова сев, посланник стал ждать, пока наконец начнет что-то происходить. Поймав себя на этой мысли, он покачал головой…

Битва продолжалась. Увы, ничего не происходило.

Дождь усилился, превратившись в настоящий ливень. Казалось, его шум поглощает и растворяет доносившиеся снизу звуки. Но нет. Пирушка угасала — многие пьяницы явно заснули, поскольку лежали на земле. Другие танцевали с все меньшим энтузиазмом. Однако песня, которую они теперь пели, начинала звучать все более жутко. В ней уже мало было воинственных криков — их сменили вопли, на фоне которых нарастала все более могучая

волна стонов.

Посланник снова встал.

Среди потоков дождя, раздираемых ветром, на склоне начали появляться все более многочисленные силуэты возвращающихся воинов. Они перетряхивали свое имущество, искали водку и тряпки. Готах заметил человека, которого часто видел в обществе Хель-Крегири, тот был кем-то вроде офицера. Он позвал его.

— Бойня, господин! — проговорил тяжело дышавший разбойник с видимым наслаждением. — Настоящая бойня! — повторил он.

Он явно ждал восхищенных и уважительных возгласов. Из раны на лбу текла кровь, смешиваясь с дождем.

— Господин… Ваше благородие пойдет посмотреть? Там раненых много. Я слышал, будто посланники… будто…

— Хорошо, иди. Сейчас приду…

Разбойник поспешил назад на поле боя, сжимая под мышкой бурдюк. Посланник некоторое время смотрел ему вслед, потом приказал своим людям оставаться возле вещей, взял небольшую сумку и осторожно двинулся вниз по склону.

Пьяницы не спали… и Готах слегка побледнел.

Домом посланника было Черное побережье в Безымянном краю, где Полосы Шерни спускались к земле. Сокровищница Брошенных Предметов. Время шло в краю иначе, чем за его пределами, — медленнее… Двухсотлетние, по меркам Шерера, старцы склонялись там над великими книгами, углубляя законы всего, пытаясь познать сущность равновесия, в котором пребывали Полосы. И вдруг Безумный Готах, много лет именно этим и занимавшийся, задал себе вопрос: а должно ли так быть? Он знал историю Шерера, записанную в Книгах всего и множестве иных документов. Но что он видел? Ничего. Войны, заключенные в строчках старогромбелардских букв.

Теперь он увидел воочию то, о чем читал.

И тотчас же убедился, что все это было ложью. Ибо в книгах описывались битвы, а не побоища. То, что было самым главным, в книгах считалось совершенно несущественным. Важно было количество погибших — но отнюдь не то, как они выглядели. Среди множества отрывочных, незавершенных мыслей у посланника мелькнула одна — о математике… Каким-то удивительным образом объективная истина математики оставалась прекрасной и в записи. Неужели лишь прекрасное могло быть истинным?

Все это не имело смысла. И тем не менее это поле боя, вызывавшее невероятное отвращение, было вместе с тем и неизмеримо фальшивым. Все, что говорилось о битвах, краеугольных камнях истории, — было фальшью. Теперь мудрецу-историку до самого конца жизни предстояло отождествлять битвы со смрадом. Вероятно, тем большим, чем более крупные и судьбоносные для мира сражения имели место. Эта вонь была единственным, чего посланник не ожидал… и, может быть, именно поэтому она была столь выразительной.

Воняло кровью, мочой и экскрементами, а также выпущенным содержимым кишок. Кисловатый запах, словно от рвоты. Во всем этом копались люди. Трупы переворачивали, словно мешки, чтобы извлечь раненых и разные полезные вещи. Эти вонючие кольчуги и сапоги должны были послужить живым. Полумертвый солдат разглядывал вывалившиеся из его собственного живота кишки — похоже, даже не понимая, на что смотрит. Видимо, он не чувствовал боли; он поворачивал в ладонях скользкие, горячие внутренности, позволяя струям дождя обмывать их. Заметив лежащий рядом шлем, он потянулся к нему и надел на голову. Мимо прошли двое, несшие раненого. Стонущий раненый судорожно сжимал в руке ступню — отрубленную. Он не в силах был с ней расстаться. Готах шагнул назад, сходя с дороги. Он наступил на лицо убитого — и хрустнули вдавленные в размозженную челюсть зубы.

Смрад, похоже, усиливался. Посланник почувствовал в горле нечто вроде куска протухшего, кишащего червями мяса. Картина поля боя имела второстепенное значение. Даже если бы оно напоминало цветущий луг, при такой вони он был бы столь же

отвратителен.

— Эй, мудрец!

Невдалеке стояла усталая, обрадованная победой Хель-Крегири. Готах закрыл глаза, но было уже поздно — эта необычайно красивая девушка теперь навсегда ассоциировалась с невыносимой вонью. Он увидел муху, ползущую по лицу убитого.

Его тут же вырвало.

Разбойница со смехом подошла к нему. В обеих руках она держала древко копья, для лучшего захвата обмотанное какой-то тряпкой. Гладко разрезанная юбка открывала длинную рану на бедре. Смешанная с дождем кровь обильно стекала вниз, все более розовея.

Готах утер рот.

— Этого я не… Не этого я ожидал… — с усилием проговорил он, стыдясь собственной слабости.

Она его не слушала.

— Ау-у-у! — хрипло произнесла она. — Бойня…

Посланник встретился с ее затуманенным взглядом. Девушка была одурманена сражением и картиной побоища. Она подняла свое копье и коснулась острия щекой. На лице осталась отчетливая красная полоска. Она поглаживала древко рукой, глядя по сторонам. Потом провела языком по губам.

— Ау…

Готах подумал, что эта женщина, возможно, в следующее мгновение испытает на его глазах истинное чувственное наслаждение, какого не даст ей ни один мужчина. Она присела и, прикрыв глаза, дотронулась до трупа, не стыдясь того, что чувствует.

— Нет… — тихо сказала она. — Уже нет.

Она ерошила пальцами мокрые волосы убитого. Готах хотел уйти.

— Останься, — сказала она уже нормальным голосом. — Нужно…

— Прикажи собрать тяжелораненых в одном месте, Хель-Крегири, — прервал он ее. — Имперских тоже, — подчеркнул он.

Сидя на корточках, она слегка раскачивалась вперед и назад.

— Тяжелораненые останутся здесь, — заявила она. — Закон гор, ваше благородие… Каждый, кто приходит сюда, хорошо знает, что ему придется уйти так же, как пришел, без чьей-либо помощи. Или, может быть, ты сделаешь так, чтобы они начали ходить?

— Я уменьшу их страдания, Хель-Крегири.

— О, для этого не нужно быть мудрецом-посланником, — заметила она.

Девушка встала, забрав свое копье.

— Для этого вовсе не нужно быть посланником… — повторила она с мрачным весельем.

Он молчал.

— Ты не изменишь гор, ваше благородие, — продолжала она уже без улыбки. — Помоги моим раненым. Если тебе хватит сил, помоги и имперским. Они прекрасно сражались. Облегчи страдания тем, кому сможешь, но помни: если бы даже для многих была надежда, никто их не понесет. Впрочем… куда, скажи? В Громб, на виселицу? Нет? Так, может быть, на горные заставы, туда? — Она показала на иззубренные вершины и утесы.

— Прикажи развести костер, — сказал Готах.

Он повернулся и пошел туда, куда сносили раненых.

Да, он не в силах был изменить горы и их законы. Впрочем, такие законы эти люди приняли сами; то были законы Шерни. Законы всего.

Ведь… он с легкостью мог спасти умирающих и облегчить всем страдания! Несколько слов, один жест… Каждый из посланников рано или поздно оказывался перед подобным искушением. Но Шернь была Шернью, а мир — миром. Если бы Полосы пожелали вмешаться в дела мира, они сделали бы это без его желания, помощи и воли.

Люди должны были умирать. Это не было делом ни Шерни, ни ее посланников.

Закон всего. Чтобы могло существовать все — каждый из составлявших его элементов

должен был занимать свое место.

Собрали сломанные древки копий, немного арбалетных стрел, полили все это водкой — и с немалым трудом разожгли огонь. Посланник приказал отварить какие-то зелья. Напоенные коричневым отваром люди перестали стонать — потом одни начали улыбаться, другие напевать… Третьи разговаривали с кем-то, кого рядом не было.

Отваром других зелий промыли раны.

Хель-Крегири пришла под конец, когда он перевязал уже всех. Она показала ногу, обмотанную тряпками.

— Ерунда, — отмахнулась она. — Водкой выжгла. Но завтра мне тяжело будет бегать. Можешь чем-нибудь помочь?

Повязка пропиталась кровью. Она еще не присохла к ране, и он без труда ее размотал. Острие меча гладко разрезало кожу и не слишком глубоко — мышцы.

— Хорошие клинки у солдат, — оценил Готах. — Рана чистая и должна легко зажить. Время от времени промывай ее водой. Могу дать тебе завтра снадобья для питья, можно их и жевать. Они смягчат боль, но слегка одурманят тебя, Хель-Крегири.

— Нет уж. Предпочитаю быть хромой, но не глупой.

— Боль тоже мешает мыслить, — заметил он.

Он смочил тряпки в своем отваре. Девушка подтянула выше разодранную юбку, открыв темные волосы внизу живота… и посланник остолбенел. Он долго разглядывал розово-красные закоулки женского тела, ибо уже забыл, что женщины там — такие…

— Эй, мудрец! — нетерпеливо сказала она. — Перевяжешь мне ногу или как?

Внезапно смутившись, она прикрыла срам ладонью, хотя обычно о подобных мелочах вообще не вспоминала — в горах для этого не было места. Готах нахмурился, удивленно прислушиваясь к начавшему сильнее биться сердцу. Он промыл рану и перевязал ее.

— Хель-Крегири, — неожиданно сказал он, поскольку сказать было необходимо, — я калека. Понимаешь? Я живу своими воображаемыми представлениями о людях и мире. Но, кажется, я уже не знаю… забыл…

Он замолчал.

— Ты была права, говоря о законах гор, — наконец закончил он. — Я знаю только законы всего.

Она не ответила.

10

Во вьюках были плащи, одеяла и все необходимое для путешествия. Вполне хватало и запасов провизии. Остановившись на первый короткий привал, Бруль прежде всего занялся мулами. Черный лес был недалеко, но перспектива пешего перехода с непокорной пленницей выглядела весьма мрачно. Значительную часть пути удалось преодолеть верхом, и старик хотел этой возможностью воспользоваться. Он с большим трудом держался в седле, но, так или иначе, это казалось пустяком по сравнению с трудностями пешего пути.

Приготовив простой ужин, Бруль заметил, что возмущение похищенной прошло. Он очень опасался предстоящего разговора, который, однако, был неизбежен.

— Ваше высочество, — сказал он, — меня зовут Бруль, и когда-то я… был мудрецом Шерни.

— Ты разбойник, старик, — ответила она тихим, но уверенным голосом. — Забери свою еду, я не собираюсь брать ее из твоих рук.

— Ваше высочество…

— Я еще не закончила.

Закутавшись в простой плащ, из-под которого выглядывало помятое платье, с неуклюже связанными (Бруль не умел связывать пленников) руками, она сидела перед ним со спокойствием и достоинством женщины, которую ничто было не в состоянии лишить величия и уверенности.

— Мы с тобой разговариваем в первый и в последний раз, так что запомни то, что я скажу. Солдаты князя-представителя, моего мужа, скоро нас найдут. Ты будешь схвачен, но не понесешь никакого наказания, независимо от того, что со мной сделаешь. Князь со мной согласится. Наклонись.

Удивленный, он повиновался, а она дунула ему в лицо.

— Это все, что у меня есть для тебя. Ты — пыль, старик, — с холодной жалостью проговорила она. — Можно ли осудить пыль? А теперь уходи, не желаю тебя слушать.

Он выпрямился и отошел на полшага.

— Ваше высочество, — сдавленно начал он, — я ни от кого не приму подобных слов. Вижу, что ты не расслышала, так что повторю: ты разговариваешь с тем, кто, как мудрец Шерни, со дня смерти Великого Дорлана был первым человеком в этом мире.

Он замолчал. Она не слушала его… просто не слушала, задумчиво глядя куда-то в сторону и, может быть, размышляя над красотой мелодии армектанской «Песни равнин Ри Силор»… Он перестал для нее существовать, воистину — словно пыль.

— Ваше высочество… — сказал Бруль.

Он ощутил все возрастающий, неподдельный гнев. Он не привык, чтобы к нему подобным образом относились. Она могла быть дочерью императора и женой властителя провинции — что не отменяло того факта, что по отношению к силам Шерни она была лишь песчинкой. Отвергнутый Полосами, он все еще знал о них больше, чем кто-либо иной на свете. Он знал даже чересчур много… и потому оказался Шерни не нужен. Он во всей полноте познал двойственную природу сил, простирающихся над миром, и понял, что сами эти силы — лишь часть чего-то, распавшегося в неописуемо далеком прошлом. Он мог снова связать эти силы в единое целое — монолитное, совершенное… Должно было возникнуть *идеальное единство* .

— Ты даже не понимаешь, госпожа, сколь важную роль тебе предстоит сыграть, — возвышенным тоном произнес он. — Не понимаешь и не сумеешь понять. Ты — творение Алера и тем самым можешь привести к слиянию его сущности с сущностями Шерни. Когда-то я желал иметь наследника, чтобы передать ему свои знания. Я искал способа этого добиться, но когда наконец нашел, оказалось, что я нашел кое-что еще. Мне уже не нужен наследник, ибо все, что стоило бы свершить в этом мире, я свершу сам. С твоей помощью я дам жизнь существу, которое соединит в себе силу Полос Шерни с мощью Лент Алера, открывая новую эру, эру идеального единства и гармонии… — Он снова замолчал.

Глаза княгини, затуманенные и по-настоящему задумчивые, не изменили своего выражения. Женщина, занимающая подобное положение, должна была уметь владеть собой — и Бруль, собственно говоря, об этом знал. Он был уверен, что его слышат и *слушают* . Однако, не привыкший к общению с такими женщинами, как ее высочество Верена, он впадал во все большее раздражение. Он выглядел смешно, разговаривая с кем-то, кто притворялся, будто его не слышит, и прекрасно отдавал себе в этом отчет — но все же инстинктивно искал ее взгляда.

Княгиня и на самом деле слушала с величайшим вниманием — но ее постепенно охватывал все больший страх. Она уже понимала, что ее похитили не ради выкупа… Она находилась в руках безумца, явно намеревавшегося спасти мир.

11

Допрашиваемый солдат судорожно хватал ртом воздух. Лицо его было белым как мел.

— Похитили… похи… тили…

— Ну, ну? — мягко поторопила его Хель-Крегири.

— Ее высо… ее высочество княгиню… Верену…

Хель-Крегири искренне изумилась.

— Нет, — усмехнулась она. — Ведь это невозможно!

Она наклонила голову.

— Еще раз: почему Громб посылает в горы столь сильные отряды? Это не был обычный патруль. Карательная экспедиция? Почему?

— Клянусь! — крикнул пленник. — Да… клянусь!

Она оглянулась на слабеющий костер посланника и взяла в руку топор.

— Клянусь! — взвыл смертельно испуганный солдат.

— Ну ладно, ладно! — рявкнула она в ответ. — Что, топор подогреть нельзя?!

— Можно… — выдавил пленник.

Она покачала головой.

— И как тут верить такому идиоту? Ладно. И что там насчет этого похищения?

Легионер начал говорить так быстро, как только мог. Она внимательно слушала.

— Значит, старого оружейника нашли в его доме… Говоришь, он сошел с ума? — задумчиво повторяла она. — Ну вот, у тебя появилась компания, Охотница… Брошенная повозка на тракте? Дальше, дальше.

Солдат продолжал.

— Ну хорошо, — сказала она, когда он закончил. — Хорошо.

Она задумалась.

— Где топор?

— Я все сказал… клянусь! — крикнул легионер.

— Ну и хорошо, — вздохнула она и встала, потирая раненую ногу. — Но я ведь тебя не отпущу.

Она снова осторожно присела, чуть кривясь от боли.

— Развязать его, — велела она.

Приказ был исполнен в мгновение ока. Солдат попытался сесть, но тотчас же множество рук схватили его за руки и за ноги. Его раздели ниже пояса — и он увидел улыбающееся лицо девушки.

— Скажи… — прошептала она, — скажи: хорошо быть мужчиной?..

В отчаянии он неожиданно плюнул ей в лицо. Она только того и ждала — заслонилась рукой, и, прежде чем он понял, что произошло, собственная слюна оказалась втерта в его глаза и усы. Она рассмеялась, довольная своей шуткой.

— Ммррр… — лениво замурлыкала она.

Ему приподняли голову, чтобы он мог все видеть.

Разбойница опустилась на землю, между разведенными ногами пленника, которые крепко удерживали ее подчиненные. Он увидел нож и внезапно напрягся, потом застонал сквозь зубы, наконец пронзительно крикнул:

— Нет!.. Прошу тебя, нет!..

— Да заткнись ты, придурок! — весело одернула она его. Охваченный ужасом и болью, он видел движения ножа и ее пальцев. Они были покрыты кровью.

Она резко дернула. Крик легионера перешел в вой.

— Ничего, заживет… — пробормотала она, после чего показала ему окровавленный овальный кусочек мяса. — Я пошутила, взяла себе только одно. — Протянув руку, она слегка взлохматила ему волосы. — Выше голову, не все еще потеряно.

Она положила яичко на ладонь и стала с любопытством его разглядывать.

— Все? — спросил кто-то.

Она обернулась.

— О, мудрец Шерни, — почти враждебно проговорила она, откладывая в сторону то, что было у нее в руке. — Я сделала что-то не так, как надо?

Принесли топор. Она взяла его и раскаленным железом тщательно прижгла рану, а вместе с ней, для забавы, — член и бедра. Мясо шипело, издавая тошнотворный запах. Солдат потерял сознание.

— Выживет? Как думаешь, мудрец? — Она нахмурилась. — Хотелось бы. Перевяжешь его? У него еще рана на спине, он может умереть.

Девушка поднялась. Посланник посмотрел ей в глаза.

— Не бойся меня, Хель-Крегири, — спокойно сказал он, хотя и чуть приглушенным голосом. — Почему ты считаешь, что я пришел, чтобы тебя осудить? Ты что, полагаешь, я буду бегать по горам и оценивать, сколько добра или зла приносит один червяк другому? А может, я должен лупить силой Полос по голове каждого, чье поведение мне не нравится?

Она пристально смотрела на него. Он пожал плечами.

— Я перевязал раненых и помог им, поскольку раненым следует помогать. Ты пытаешь пленника, поскольку пленников следует пытать… Я не намерен вмешиваться в эти дела.

— О! — язвительно бросила она.

— Сегодня я в горах, завтра меня не будет, — продолжал он, обращаясь скорее к себе самому, чем к ней. — За эти несколько дней я все равно ничего не изменю. Впрочем, зачем? Такой мир нравится Шерни, раз она позволяет ему существовать. Я пришел спросить — пленники говорят? Если нет, то… могу их допросить.

— Воспользуешься силой Полос? — с сарказмом спросила она.

— Полос? Нет. Я еще никогда и ни для чего не использовал сил Шерни, хотя тебе это может показаться странным. Я использую собственный разум и знания, Хель-Крегири.

Она молча смотрела на него.

— Слишком много ты сегодня говоришь, ваше благородие, — наконец заметила она. — Зачем, собственно, ты идешь вместе со мной против Бруля? Если тебя не интересуют ни горы, ни то, что в них происходит?

Он поднял брови.

— Разве я так говорил? Я не собираюсь исправлять мир, ибо все в нем идет так, как нужно. Но меня очень интересует, что происходит. Я хочу это увидеть, Хель-Крегири.

Однако она думала уже о чем-то другом.

— Нужно двигаться, — пробормотала она, глядя куда-то в сторону, — Ваше благородие, у меня есть для тебя задание…

Она оборвала фразу на полуслове.

— У меня есть для тебя… просьба, — чуть принужденно поправилась она. — Нужно, чтобы кто-то пошел в Громб.

Она коротко изложила то, что рассказал пленник.

— Что скажешь, мудрец? — спросила она, закончив. — Возможно, чтобы ее высочество была одной из твоих… «повелительниц мира»?

— Как раз этого нам проверить не удастся, по крайней мере пока, — ответил Готах. — Есть у тебя в отряде кто-нибудь, кто видел ее высочество? Хотя прядь седых волос вовсе не обязана служить доказательством, — предупредил он.

Она отдала несколько распоряжений — и вскоре они получили подтверждение: у княгини на виске была маленькая серебристая прядка…

— Все-таки странно, — заметила Хель-Крегири. — Княгиня не может зачем-либо понадобиться Брулю.

Готах испытующе посмотрел на нее.

— А почему?

— Ее высочество не может иметь детей, хотя очень этого хочет, — сообщила девушка. — Князь-представитель очень по этому поводу страдает. Все это знают.

Посланник снова задумался.

— Пойду в Громб, — заявил он.

12

Князь Рамез прекрасно знал, как в глазах побежденных множится число победителей. Однако это вовсе не означало, что он отнесся к случившемуся без должного внимания. Лично допросив уцелевших после разгрома солдат, он сделал соответствующие выводы: недалеко от Громба орудовала некая исключительно сильная банда разбойников (отнюдь, конечно, не пятисоттысячная армия, как ему докладывали). Воистину, в свете похищения

княгини, присутствие подобного отряда давало пищу для размышлений. Однако времени на размышления у Рамеза не было, ибо едва он отпустил допрошенных солдат, как ему тут же доложили, что собрался Совет и его просят вести заседание. Представитель пришел в ярость; он догадывался, о чем и как долго эти дурни намерены совещаться. Он вызвал С. М. Норвина, коменданта гарнизона.

— Иди туда, — сказал он, одновременно подписывая полномочия для отправлявшихся в горы офицеров, — и разгони их всех. — Он поднял взгляд, пододвигая документы секретарю. — Легион может все, без каких-либо консультаций с трибуналом, — бросил он, обращаясь к последнему. — Реквизиции, суды, приговоры. От подсотника и выше. Под мою ответственность.

Он снова посмотрел на Норвина.

— Слышал? В Зал Совета. Ты должен их *разогнать* , именно так и в точности так. От моего имени и по моему приказу. Лучше всего возьми солдат, переверни стол и разбросай стулья.

Представитель известен был своим дурным характером. Вполголоса поговаривали, что призвать его к порядку могла лишь княгиня Верена — и никто другой. Однако с того мгновения, как стало ясно, что именно случилось прошлой ночью, громбелардский двор по-настоящему затосковал по повседневному образу жизни своего властителя. Рамез не безумствовал, отнюдь… Он впал в некую особую, потаенную, ожесточенную и злобную ярость. Любая мелочь вызывала вспышку (но не взрыв) холодного гнева. Норвин, которого княгиня забрала с собой из Кирлана, где тот командовал дворцовой гвардией, больше других был потрясен известием о ее похищении; тем не менее с виселичным юмором пытался представить себе, как напоминает Рамезу о вечерней игре в карты…

— Чего ждешь? Хочешь письменного приказа?

Комендант глубоко вздохнул. Был один вопрос, который необходимо было затронуть.

— Ваше высочество, — начал он.

Представитель поднял взгляд. Норвин замолчал, хотя не прозвучало ни единого слова.

— Я все сказал, — после короткой паузы произнес Рамез.

— Ваше высочество, — в отчаянии сказал комендант, невольно отступая на шаг, — я не о том… Собственно… схватили человека, который требовал допроса. Он утверждает, что он мудрец-посланник. Он знает, кто похитил…

Рамез ударил ладонью о стол и поморщился, схватившись за повязку на голове.

— Чего ждешь? Веди его сюда, немедленно! Шернь, что за…

— Ваше…

— Кем бы он ни был, давай его сюда.

— Человек, который похитил ее высочество, мог скрываться под фальшивой…

— Ради всех сил, тащи его ко мне! — прорычал Рамез. — Пусть превращается во что угодно, на то у меня и солдаты, чтобы следить! Немедленно доставь его сюда, комендант!

Норвин выбежал за дверь.

Некоторое время спустя все недоверчиво передавали друг другу слух, что князь-представитель бросил все и вместе с каким-то человеком с кривой гримасой на лице заперся в своей комнате, полной книг. Их якобы сопровождала безумная женщина, которую ночью обнаружили рядом с князем.

Келью Рамеза лично охранял комендант столичного гарнизона, опираясь на копье, отобранное у какого-то гвардейца.

— Поверь, князь, я никогда еще не бегал по горам столь быстро, как сегодня, — сказал Готах, просмотрев записи Дорлана. — Но оно того стоило.

Представитель смотрел на перепуганную женщину, неподвижно сидевшую среди шкур, покрывавших постель. В глазах ее застыл ужас. Однако князь не в силах был оторвать от нее взгляда.

Он видел лишь одно — прядь седых волос…

— «Отмеченная Лентой»…

— Да, князь.

Двое мужчин молча смотрели на когда-то столь необычную и гордую женщину. Рамез почувствовал, как холод сковывает его сердце. Во имя всех Полос — то же могло случиться и с его женой… Может быть, уже случилось.

Неожиданно, впервые с того мгновения, как пришел в себя, представитель позволил овладеть собой страху, ощущению беспомощности и сомнению. До этого был один лишь гнев. Теперь же ему велено было думать и понимать.

— Я вынужден и хочу довериться тебе, мудрец, — тихо проговорил он. — Вижу, я слишком высокого мнения был о своих познаниях. Законы всего — твое дело. Я лишь играл в мудреца Шерни… Ну да, играл, правду говорила Верена.

Он потер лицо ладонью.

— Смирение…

— Смирение, — эхом повторил Готах. — Я, князь, сегодня получил урок настоящего смирения.

Он медленно приблизился к сидящей.

— Однако не будем терять времени.

Она отшатнулась, когда он протянул руку.

— Охотница, уже в самом деле поздно?

Она опустила взгляд.

— Если бы было поздно, я не пришел бы за другой, — продолжал тихим голосом Готах.

Она никак не реагировала. Он еще раз протянул руку. На этот раз она позволила до себя дотронуться.

— Твои глаза… — негромко говорил он, скорее обращаясь к самому себе, нежели к ней. — Я знаю, ты лишилась их много лет назад, а Великий Дорлан дал тебе другие. Дар того, кто тебя полюбил… Но тот человек не был армектанцем.

Рамез молча смотрел, как посланник осторожно ощупывает голову женщины, берет ее обеими руками и наклоняет к себе, словно исследуя взглядом и на ощупь форму черепа, наклон лба, высоту скул, профиль носа…

— Но ты не чистокровная армектанка, Охотница, — прошептал он. — Похоже, у тебя есть небольшая добавка дартанской крови… О, наверняка… Значит, права была Хель-Крегири. Твоя седина вполне натуральная. Никакой ценности для Бруля ты не представляешь…

Он положил ладонь ей на голову.

— Не было ли такого, что тебе приказали забыть о слишком многом? О том, что ты делала и кто ты такая. Может быть, тебе запретили и говорить?

Он взял ее за подбородок.

— Ваше высочество, — сказал Готах, не отводя взгляда от исхудавшего лица, — дай, пожалуйста, медальон, который ты носишь на шее.

Рамез повиновался, ни о чем не спрашивая. Посланник взялся за конец цепочки и раскачал кулон из чистого золота.

— Смотри сюда. Понимаешь, что я говорю? Смотри сюда…

Он перешел на армектанский. Негромко и размеренно он говорил о Великих равнинах… о приближающихся сумерках… о ночи… о сне… Потом фразы начали утрачивать смысл, слова потеряли всякое значение, лишь рифмуясь в унисон с танцем медальона.

Пронзительный, звериный вопль заставил стоявшего на страже Норвина бросить копье и ворваться в комнату Рамеза. Он на мгновение застыл, остолбенев, потом бросился на помощь. Женщина выла, пытаясь высвободиться из держащих ее рук. Ноги ее были свободны, и сильный пинок остановил коменданта на полпути. Она билась как безумная, изогнувшись дугой, прижимаемая тяжестью двух мужчин. Уже не выла, лишь хрипло

стонала. На лице ее отчетливо рисовались злоба, страх и множество иных, не поддающихся описанию чувств. Освободив на мгновение руку, она ударила посланника в шею. Тот отпустил ее, и тогда Рамез вдруг вспомнил ее имя.

— Каренира, перестань! *Каренира!*

Женщина судорожно ловила ртом воздух.

— Каренира… — повторил он в третий раз. — Кара… все хорошо… Все хорошо, слышишь? Все… хорошо.

Она больше не сопротивлялась.

Норвин, все еще согнувшись пополам, смотрел, как громбелардский властитель, присев на холодный пол, осторожно, но крепко прижимает к себе женщину в грязных лохмотьях. Выражение лица князя было взволнованным, почти растроганным. Рамез ощущал странное тепло, струящееся по горлу к груди, — на мгновение ему показалось, будто он держит в объятиях свою Верену… Вернувшуюся.

— Все хорошо… — успокаивающе повторял он. — Все хорошо, маленькая моя… Все хорошо.

Она с плачем обнимала его за шею.

Прошло немало времени, прежде чем она пришла в себя.

Потом она пыталась заговорить, но быстро стало ясно, что после долгих месяцев молчания это требует от нее чересчур больших усилий. Она мучилась, пытаясь выложить все, что столь долго пребывало в плену беспамятства и тишины. Язык отказывался слушаться, и обоим лишь добавилось новых, немалых хлопот. Когда, утомленная и измученная, она погрузилась в тяжелый сон — они с облегчением вздохнули.

— Не будем терять времени, ваше высочество, — сказал посланник. — Даже и лучше, что она заснула. Мне следовало этого ожидать… Да, это моя вина. Думаю, завтра или послезавтра мы от нее кое-что услышим. Но сегодня… время не ждет.

Рамез кивнул.

— Действительно, — подтвердил он, не отводя взгляда от спящей. — Значит, целью Бруля может быть Черный лес.

— Наверняка, князь. Хель-Крегири…

— Хель-Крегири, — прервал его Рамез, — через посредничество мудреца Шерни предлагает странный договор. Ваше благородие, повтори еще раз, в чем суть ее предложения.

Готах помолчал.

— Нужно отвести солдат, князь, — наконец сказал он. — Трагические ошибки могут повториться. Хель-Крегири заверяет, что Бруль не ускользнет из ловушки, что же касается ее высочества…

Рамез позвал коменданта легиона и отдал несколько распоряжений. Готах изумился, услышав, чего именно они касались.

— Ваше высочество, я считаю…

— Ваше благородие, я терпеливо слушал, когда ты излагал мне истинный смысл пророчества. Теперь ты послушай меня. Так вот, всем, чем в Громбеларде не правит Шернь, правлю я. А больше всего — войском и своей собственной жизнью, хотя многие считают, что это невозможно. Если я захочу водить легионы по горам, я буду делать это каждый день. До тех пор, пока император не снимет меня с поста.

Посланник молчал.

— Позволь мне также сказать, ваше благородие, — добавил представитель, — что мысль о том, будто я стану тут торчать, ожидая, что сделает какая-то там Хель-Крегири, весьма, скажем так… необычна.

— Ее высочество княгиня… — начал Готах.

Его снова перебили.

— Это моя жена, — холодно, почти враждебно проговорил Рамез. И негромко добавил: — Она для меня — ни ее высочество, ни дочь императора. Это *моя женщина* , я — ее

мужчина. Ты знаешь что-нибудь об этом, старик?

Посланник понял. В течение одного дня двое столь разных людей объясняли ему одно и то же: что, постоянно глядя в сторону Шерни, он потерял из виду мир.

— Нет, князь. Я в самом деле ничего об этом не знаю.

После чего удивился сам себе:

— Прошу смирения…

13

Хель-Крегири, отправив Готаха в Громб, вскоре и сама двинулась за ним следом. Она не видела причин, по которым посланник (или кто-либо иной) должен был бы знать больше, чем следует. В предместье громбелардской столицы жил человек, которого, вместе с властью над горами, она получила как бы «в наследство» от своего предшественника Крагдоба. Он лечил лошадей — и потому его прозвали Лошадником. Именно в его доме Хель-Крегири должна была встретиться со своим разведчиком.

Внушавший уважение детина, не так давно победивший в кулачном бою на рынке, тоже когда-то был человеком короля гор. Он состоял при легендарном властелине Громбеларда в качестве личного гвардейца, но был также и его другом. Кага по малодушию сделала его своим слугой. Ранер — так звали силача — искренне желал бросить унылую службу, но не мог, поскольку Громбеларда был всей его жизнью, Тяжелые горы же — домом. В доме этом правила Хель-Крегири. Однажды отказавшись повиноваться, он вынужден был бы уйти из Облачного края — или отдать суровой госпоже собственную голову.

Хель-Крегири, коротко переговорив с Лошадником, отослала его, после чего вошла в маленькую грязную комнатку, где кроме многочисленного хозяйского хлама стояли опрокинутые табуреты и стол. Увидев Ранера, разбойница чуть нахмурилась, ибо рассчитывала на встречу с Вемиром. Воспитанный Крагдобом детина, несмотря на свою преданность, вызывал у нее откровенную неприязнь, поскольку она понимала, что этот человек постоянно сравнивает ее с предшественником. Она считала, что превосходит Крагдоба, — и доказывала это Ранеру с помощью силы.

— Ну что? — спросила она, не тратя времени на приветствия. — Быстро, у меня нет времени. Где Вемир?

Ранер молчал.

— Я спрашиваю! — поторопила она.

— Почему ты мне не сказала? Я не знал, что должен следить за Охотницей. Ты говорила мне про сумасшедшую женщину, но когда мне показали ее здесь…

— Я даже не знала, что ты с ней знаком. И правда… когда-то, много лет назад… И что с того?

— Сумасшедшая она или нет, но меня она, во всяком случае, узнала, — последовал неприязненный ответ. — В результате и меня, в свою очередь, опознали как ее «опекуна». С помощью Бруля.

Хель-Крегири выругалась.

— Вемир исправил то, что ты испортила, — продолжал Ранер, — но в течение двух дней он мог рассчитывать лишь на свои силы, не имея возможности спустить с Бруля глаз. Ты знаешь, что княгиня Верена…

— Знаю, — со злостью прервала его Хель-Крегири.

— Вемир пошел за ними. Когда они вышли из города, он удостоверился, что они и в самом деле идут в лес, и вернулся сюда, к Лошаднику. Оставил известие и снова побежал. Ты разговаривала с Лошадником?

— Не об этом.

— Бруль никогда не спит. Возможно, он в этом не нуждается. Но Вемир — да. По твоей глупости этот кот…

— Думай, что говоришь! — Она была вне себя от ярости.

— …может погибнуть, — невозмутимо продолжал Ранер. — Лошадник говорит, что он едва держался на ногах, когда прибежал сюда. Теперь он идет следом за Брулем, и я не верю, что у него хватает сил, чтобы соблюдать надлежащую осторожность.

Наступила тишина.

— Я хочу знать обо всем, что произошло. В точности, — подчеркнула Хель-Крегири.

Она выслушала его отчет.

— Хорошо, — наконец сказала она, — теперь слушай: я иду в Черный лес, немедленно. Я послала кое-кого к представителю. — Она коротко объяснила ситуацию.

Силач внимательно слушал.

— Понятия не имею, что придумает Рамез, — призналась она. — Может быть, послушает и отзовет войска, а может быть, как раз наоборот. Ты должен ждать посланника у ворот Громба. Сообщишь ему, что я ушла, и выяснишь, как обстоят дела. Потом отправишь за мной гонца. Я пришлю тебе кота. Похоже, только на них еще можно положиться, — презрительно и со злостью добавила она.

Ранер не ответил.

Черный лес находился в неполных двух днях пути от Громба. Много было во Второй провинции странных мест, но это средоточие каменных карликовых дубов относилось к самым странным из них. Путаница черных стволов и ветвей покрывала довольно крутой склон на огромном пространстве. Среди непрекращающегося дождя ветер с мрачным воем продирался сквозь мертвые дебри, заводя песню, которой никогда не слышали в других частях гор.

Хель-Крегири знакомы были эти места. Она знала, что найти кого-либо в лабиринте окаменевших деревьев, полном разнообразных укрытий, — дело нелегкое. Ей требовалась целая армия, чтобы захлопнуть большую ловушку, слабой цепи патрулей она не доверяла. Оставалось только одно — забраться в лес и… охотиться.

Однако она продолжала ждать Вемира.

Она ждала — ибо если он следил за Брулем до самого конца, то мог привести ее прямо к нему. Но прежде всего ей хотелось, чтобы он вообще пришел. Чтобы этот придурок Ранер и в самом деле не накаркал.

Вемир был ее другом.

До места она добралась вечером. Так или иначе, ночные поиски не могли дать результата. Она любила ночь. Если бы она только знала, где Бруль, она немедленно отправилась бы туда. При встрече с кем бы то ни было ночь была на ее стороне. Однако одно дело встреча — и совсем другое поиски наугад.

Спала она мало. Ее будили каждый шорох, каждое движение дремавших рядом воинов. Однако она прекрасно знала, что как раз Вемир прошел бы совершенно бесшумно.

Когда он наконец и в самом деле пришел — она этого не заметила.

— Ждешь, сестра? — спросил кот.

Она долго смотрела в желтые глаза.

— Жду, Вемир, — негромко ответила она. — Хорошо… хорошо, что ты вернулся.

На короткий миг в ночном воздухе между ними промелькнуло то, что никогда и ни при каких обстоятельствах не могло осуществиться.

Он поднял лапу в кошачьем ночном приветствии.

— Я отведу тебя к нему, Кага. Нужно спешить. Ты знаешь про княгиню?

Она кивнула.

— Но дело даже не в этом, — пояснил он своим низким, хриплым голосом, напоминавшим скорее мурлыканье. — Нельзя медлить, иначе я не доберусь. Я страшно устал, Кага.

— Знаю, — сказала она, вставая.

Она отдала несколько распоряжений.

— Если появятся солдаты, — сказала она в конце, — пропустить их! Мне не нужно

никакой суматохи, а уж сражения тем более! Вы должны следить, чтобы дичь не ускользнула, не более того. Передай дальше то, что я сказала.

Офицер кивнул.

— Впрочем, скоро из Громба должно прийти известие, — добавила она. — Станет ясно, выйдет ли войско.

— Пойдешь одна? — спросил кот.

— Да. А что?

— Ну, идем.

Она взяла оружие и двинулась следом за своим проводником. Отдалившись от места ночлега, они разговаривали совершенно иначе — так, словно позади осталось нечто стесняющее и неудобное. Тихая кошачья беседа, почти непонятная для человека.

— Что? — повторила она свой вопрос.

— Это слабый, больной старик. Хватит одной. Ибо зачем? Еще я.

— Посланник.

— Вэрк, Кага. Слышала о Кольце иллюзий?

— Вэрк, — подтвердила она.

— Все. Он спрятался в кругу Колец. Исчез. Там только деревья, как везде.

— И поэтому?

— Вэрк, мне пришлось хорошо запомнить. Место и дорогу. Я уходил, возвращался. Много раз.

— Кольца.

— И ничего больше, — пояснил кот. — Он умрет.

— Не поняла?

Он объяснил подробнее:

— Он, похоже, должен был умереть вчера. Что-то удерживает его при жизни. Какой-то Предмет? Но его время уже закончилось. Он умирает.

Несмотря на ночь и дождь, они довольно быстро преодолели склон и вскоре добрались до края леса. С тех пор они не разговаривали.

Темнота, царившая на открытом склоне, была ничем по сравнению с густым, холодным мраком, заполнявшим пространство между деревьями. Хель-Крегири осознала, что если бы она отправилась сразу, не дожидаясь кота, ей просто пришлось бы вернуться. Без помощи Вемира она бы не справилась. Низко нависшие ветви заставляли ее идти пригнувшись, но, кроме того, ей постоянно приходилось опираться рукой о могучую шею кота. Он вел ее уверенно, но не спеша. Им уже случалось совершать подобные путешествия, хотя никогда — в столь мрачных местах, как этот угрюмый лес смерти. Она воспринимала условные знаки, которые подавал ей спутник: когда он изгибал шею, она понимала, что следует нагнуться, — и делала это не раздумывая, доверяя его глазам. Он был котом…

В своем собственном теле.

Когда они добрались до цели, уже светало.

— Теперь возвращайся. Если придет посланник, приведи его сюда, — сказала она.

Кот без возражений поднял лапу в кошачьем приветствии.

— Убей его, сестра, прежде чем он умрет. Он из тех, что мнят себя спасителями мира, — и не должен уйти безнаказанным.

Кот исчез, но она еще услышала:

— Верена — такая же, как мы.

Она направилась к месту, которое он ей показал. Наклонив голову, она пробралась под толстой веткой каменного дуба — и, пробив Призрачный Круг, увидела горящий костер.

14

Войско подошло перед полуднем.

Следуя благоразумным указаниям Хель-Крегири, дозорные разбойничьего отряда

показались легионерам на глаза — и дело закончилось перемирием. Готах, зная властительницу гор, мог заверить представителя, что перемирие это нарушено не будет. Рамез, впрочем, не унизился до каких-либо переговоров, лишь принял к сведению, что ему не придется шагать по трупам, — и намеревался двинуться дальше. Неожиданным препятствием оказалось упрямство Норвина. Тысячник не доверял Хель-Крегири, а тем более ее воинам. Под его началом было неполных две сотни человек, половину которых составляли дворцовые алебардники, гонцы, конюхи и повара, ибо отборных солдат он послал в горы уже раньше. Не хватало арбалетчиков, без которых на столь сложной местности трудно было рассчитывать на победу в сражении с более сильным противником. Комендант предчувствовал ловушку. Мысль, что два самых важных лица провинции могут очутиться в каком-то чудовищном месте, окруженные несколькими сотнями хладнокровных убийц, имея в качестве охраны конюхов и гонцов, вызывала у него неподдельный ужас. Комендант стоял на своем как никогда; он готов был выдержать гнев князя, лишиться поста, даже головы — лишь бы не допустить претворения в жизнь безумных планов. Он понимал, что творится в душе громбелардского властителя, но понимал также и свои обязанности. Норвин хотел немедленно отправиться в проклятый лес на поиски княгини, но не собирался пускать туда представителя. При всем при том он осознавал, что время идет и дорога каждая минута; мысль об этом приводила его почти в отчаяние.

— Ваше высочество! — объяснял, просил и чуть ли не угрожал комендант. — Это безумие, это… Умоляю, ваше высочество! Мы теряем время! Ваше высочество, я командую этими солдатами, и ты не сможешь мне запретить это, здесь и сейчас! Ваше высочество, даже если мне придется прибегнуть к силе, ты не пойдешь туда! Прошу!

После первой вспышки гнева Рамез неожиданно успокоился, словно чувствуя, что тысячник и в самом деле может в отчаянии попытаться претворить свою угрозу в жизнь. Сумятица среди солдат из-за противоречащих друг другу приказов ни к чему хорошему привести не могла.

Кот-проводник ждал. Неподалеку стояли головорезы Хель-Крегири, с явным любопытством наблюдая за происходящим. Положение становилось попросту абсурдным.

— Комендант, — спокойно сказал Рамез, — если это ловушка, мы сдадимся. Полагаешь, они нас убьют?

Тысячник посмотрел на него и прикусил губу.

— Значит, возьмут нас в плен, — подытожил Рамез. — Потребуют выкупа. Ну так заплачу я им этот выкуп. Что ты мне хочешь запретить? Воспользоваться собственным кошельком? Только подумай…

Князь приблизился к офицеру и придержал его, когда тот инстинктивно попытался уважительно отступить на шаг назад.

— Норвин, — проговорил он так тихо, что никто посторонний не мог его услышать, — отпусти меня в этот лес. Прошу тебя.

Комендант схватился за голову.

— Ради всего, ваше высочество… — беспомощно сказал он. — Ваше высочество…

Он повернулся и побежал отобрать самых лучших солдат. Черный кот молча ждал.

— Они нас догонят, — сухо сказал представитель. — Идем, мудрец.

Готах кивнул.

Не дожидаясь Норвина и его легионеров, они двинулись вниз по склону. Его высочество Рамез, в обычной кольчуге, с луком и мечом, выглядел словно простой армектанский солдат. Так же он себя и вел — как будто одним движением руки отбросил все свои звания и титулы, забыл о том, кто он такой, и думал лишь о цели, к которой стремился. Посланник молча шагал рядом. Ему давно уже было несколько не по себе. Вместе с отчаянной разбойницей он отправился навстречу тайнам мира… Могущественный безумный мудрец пытался воскресить враждебные, побежденные много веков назад силы; в любой момент могло случиться что угодно. Прочитав записки Дорлана, Готах полагал, что намерения Бруля ни к чему не приведут. Но ведь он мог и ошибаться. Однако среди тех, кто

шел сразиться с невообразимыми силами, никто об этом не думал. Значение имели лишь мелкие, повседневные чувства: жажда мести Хель-Крегири, оскорбленное достоинство властителя Громбеларда и его собственная любовь. Готах с неподдельным удивлением обнаружил, что ощущает глубокую жалость к несчастному, опутанному безумными видениями старику, падшему мудрецу, которому предстояло стать жертвой диких, объятых жаждой убийства волков. Зверей, понимающих лишь то, что касалось их в данный момент. Боль и наслаждение, ненависть и любовь. Фальшивые, ибо лишь условные, зло и добро. Каждого интересовало лишь его собственное, и никто не думал о том, чем является его добро — или зло — для других.

Так он видел мир под небом Шерни; законы Полос не имели к нему никакого отношения. Шернь приняла его и без остатка сделала своей частью — он знал, как должно быть, но давно забыл, чему должно служить это знание.

Хель-Крегири блуждала среди деревьев, бездумно оглядываясь по сторонам. Готах остановился, ибо в первое мгновение был уверен, что ее постигла судьба Охотницы. Но нет. Увидев приближающихся людей, девушка прикрыла глаза и показала дорогу.

Посланник стоял, глядя, как Рамез и его солдаты, ведомые черным котом, скрываются за Призрачными стенами, среди которых укрылся Бруль. Сосуществование каких-либо сил Алера и Шерни было невозможно; посланник знал, что ему уже незачем спешить. Мертвые Ленты не удалось воскресить.

Он смотрел на девушку.

Что бы ни случилось, оно было необратимо… Хель-Крегири кружила между стволами черных деревьев, иногда касалась их ладонями, собирая стекающие капли громбелардского дождя, иногда, прикусив губу, оглядывалась вокруг, словно что-то искала. Подобное тупое бездействие той, что до сих пор не знала, что это такое, потрясало до глубины души.

Она села, опершись спиной и головой о каменный ствол.

— Я нарушила слово, — сказала она.

Готах не понял.

— Что ты сделала? — переспросил он.

Она медленно покачивала головой. По щекам стекли две слезинки.

— Я нарушила слово, — сказала она. — Я дала ему жизнь… и время… — Она замолчала, не в силах говорить дальше.

Изнутри Призрачного Круга не доносилось ни звука — так, как будто вошедшие туда и на самом деле исчезли навсегда.

— Он купил меня, — плача, сказала девушка. — За то одно… единственное… за которое мог… Не понимаешь?

Слезы текли по ее лицу. Кусая губы, она вытянула руки и стала их разглядывать, словно не веря, что они все еще существуют… еще есть.

— Он обещал… что снимет это… с меня…

Она громко всхлипнула.

— Ради Полос Шерни, девочка… — охваченный жалостью, проговорил Готах. — Ведь это невозможно.

Она опустила руки и беспомощно покачала головой.

— Я знаю.

Он наконец повернулся и, сгорбившись, пошел к последнему убежищу Великого Бруля-посланника.

Лес был таким же, что и везде. Между мертвыми дубами мерцало пламя, висевшее низко над землей, рассыпаясь мелкими красными искорками.

Стоявшие рядом солдаты молчали, не смея даже шептать. Под одним из деревьев чуть дальше Норвин накрывал пелериной плечи княгини Верены. Бледная, с кругами под глазами и мокрыми волосами, свернутыми в простой узел, она что-то тихо говорила стоявшему рядом на коленях мужу. Рамез хмуро кивал. Подняв взгляд, он заметил приближающегося

посланника и жестом поторопил его. Он уже не был воином армектанских равнин. Перед Готахом снова был громбелардский наместник императора.

Между большим камнем и толстым черным стволом лежал на тонком плаще человек, проживший значительную и заметную жизнь, а теперь умиравший незаметной и никого не интересующей смертью. Услышав хриплое, тяжелое дыхание, Готах склонился над ним. Один из величайших мудрецов мира подыхал на земле, словно пес.

Тот увидел Готаха — но, похоже, не узнал. Он пошевелил синими губами, потом закрыл глаза.

К Готаху подошел Норвин.

— Князь просит, чтобы ты прочитал это, господин, — сказал он, протягивая исписанный листок. — Ее высочество чувствует себя хорошо, — добавил он, хотя посланник ни о чем не спрашивал.

Готах невольно ответил ему презрительным взглядом, которого этот человек вовсе не заслуживал. Все еще слыша хриплое дыхание умирающего, он взял письмо и, закрываясь от дождя, стал читать неразборчиво написанные слова. Подняв взгляд, он увидел, что кроме Норвина к нему подошли Рамез и княгиня Верена. Несмотря на усталость и пережитые невзгоды, женщина держалась прямо.

— Я уже знаю, кто ты, ваше благородие, — спокойно сказала она. — Объясни нам, пожалуйста, что означает это письмо.

Готах медленно свернул лист, глядя на лицо лежащего.

— Все это неправда, — тихо сказал он. Ее щеки чуть покраснели.

— Что ты хочешь этим сказать, господин? Этот человек изложил мне свои намерения. Всю прошлую ночь я была без сознания и не знаю, что могло случиться…

— Ничего не случилось, — тяжело проговорил Готах. — Это письмо продиктовано безумием. Если и в самом деле ваше высочество беременна, то не от Бруля.

Норвин незаметно отошел в сторону.

— Бруль мог при поддержке Лент Алера сделать так, чтобы ваше высочество забеременела, — с усилием объяснял посланник. — Здесь написано, что он этого не сделал, ибо ты, госпожа, уже неделю как беременна. Таким образом, ваше высочество никогда бы не узнала, кто на самом деле отец, а желание иметь ребенка заставило бы вас признать его законным. Но все это выдумки. Великий Бруль заключил сам себя в двойной круг иллюзий. — Готах обвел вокруг рукой, после чего показал на письмо, искривив в гримасе изуродованное лицо. — И это тоже лишь его иллюзии.

— Значит, это неправда?..

— Еще раз повторяю: если даже ты и в самом деле носишь ребенка, его отцом не может быть Бруль. Несмотря на то что ему дали время, в котором он так нуждался.

— Откуда такая уверенность, мудрец?

— Оттуда, ваше высочество, что Ленты, знак которых ты носишь, не воскресли… ибо их здесь нет. Бруль ошибся, госпожа.

— Это неправда, — неожиданно сказал представитель. — О том, что они лежат именно здесь, упоминается в Книге всего. Это доказано.

Посланник покачал головой.

— Обвиняешь меня во лжи, князь? Однако я наверняка знаю, что Бруль ошибся. Настолько, что даже не воспользовался шансом, данным ему в последние мгновения жизни. Он подло обманул единственную, кто мог бы, как мне кажется, воплотить в жизнь его планы. В Черном лесу лежит Золотая Лента, не Серебряная. Великий Дорлан, похоже, об этом знал…

— Ты в состоянии это доказать?

— Все еще существует Призрачный Круг…

Он еще раз посмотрел на умирающего и сказал, отчасти про себя, отчасти обращаясь к князю:

— Прошу снисхождения…

После чего показал на сидящих вне Круга молодую женщину и кота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Ветер и дождь

15

Ночь была холодной и дождливой. Черные тучи клубились вокруг угрюмых вершин, опускались к перевалам. Каменный громбелардский город спал. Одиночные тусклые огоньки, мерцавшие тут и там, напоминали скорее призрачные огни, встречавшиеся порой на дартанских болотах. В этих огнях мало было тепла. Проклятый Шернью край давал своим обитателям лишь холод, ветер и дождь. Казалось невозможным, чтобы хоть кто-то мог его полюбить.

Однако его любили многие.

Мрачная громбелардская цитадель, в которой обитал князь-представитель императора, была столь же мрачной и холодной, как и все прочее во Второй провинции, хотя прилагались немалые усилия для того, чтобы превратить это древнее разбойничье укрепление в изысканную резиденцию. Тщетно. Ткани и меха, покрывавшие стены, быстро пропитывались влагой, плесневели, воняли тухлятиной. Ковры гнили. О всяческих документах и книгах приходилось заботиться специально — в помещениях, где они хранились, днем и ночью поддерживался огонь. На это уходили немалые средства, учитывая, что дрова для отопления доставлялись в Громб издалека. Тяжелые горы не изобиловали лесами. Лишь кое-где росли карликовые ели.

Ее высочество Верена, супруга Н. Р. М. Рамеза, императорского наместника в Громбеларде, каждое утро надевала влажное платье.

Дочь императора, первая дама Громбеларда и одна из первых дам Шерера, бывало, порой попросту мерзла.

Сейчас, посреди ночи, она стояла возле узкого окна, опираясь рукой о стену, а лбом о руку. Она смотрела во тьму, позволяя влажному ветру обдувать ее лицо.

— Иногда я просто вне себя от отчаяния, — сказала она.

В комнате мерцала лишь одна свеча. Лицо женщины, к которой были обращены слова княгини, скрывалось во мраке. Пламя свечи освещало сзади ее волосы, создавая вокруг головы оранжевый ореол.

— Здесь ничего нет. Совершенно ничего, — тихо, поспешно заговорила Верена. — Понимаешь? Ничего. Только эти стены, вечные и вечно влажные. У меня нет сада, в который я могла бы выйти. Даже звезд, которые я могла бы считать. Я… Ведь я уже много лет, слышишь, — много лет не видела настоящего дерева… Или травы. Не ездила верхом. Я уже забыла, как удлиняется и укорачивается тень на солнце. Здесь никогда нет солнца. По собственной воле я вышла замуж за человека, которого мой отец сделал королем этой провинции, и не жалею об этом. Но я умираю в этой тройной тюрьме, в этих стенах, в этом городе и вообще в этом краю. Умираю, понимаешь? Нет, не понимаешь… Ведь ты любишь эту проклятую каменоломню, которая каким-то чудом еще не растаяла под дождем. Любишь, скажи?

— Но я люблю и то, о чем ваше высочество так тоскует, — последовал ответ; у говорившей был низкий, чуть хрипловатый голос. — Полагаешь, госпожа, я больше не хочу увидеть высокое небо над Армектом?

— Так что же тебя здесь держит?

Ответа долго не было.

— Ничего. Лишь то, что я — часть этих гор. Я принадлежу им так же, как ты принадлежишь князю Рамезу, ваше высочество. Это и хорошо, и плохо.

Наступила тишина.

— Возвращаешься в горы?

— Да, госпожа.

— Неужели это так необходимо? — Княгиня повернулась спиной к окну и посмотрела на окутанное тенью лицо собеседницы. — Каренира, чего недостает тебе у меня? За три месяца я сделала тебя намного значительнее, чем… Я подарила тебе свою дружбу, настоящую дружбу. Взамен мне не нужно ничего, кроме твоего общества. Останься со мной. Прошу.

Ответа не было.

— Почему ты уходишь? Чего ты ищешь на этих бездорожьях? — настаивала княгиня. — Ветер и дождь, дождь и ветер… Ты стала королевой пустошей, о тебе рассказывают легенды, солдаты тобой восхищаются, разбойники обходят стороной, коты уважают, стервятники ненавидят… Чего тебе еще надо? Что еще тебя ждет?

— Ветер и дождь, дождь и ветер, — повторила та с легкой усмешкой. — Да, я легенда. Самая прекрасная легенда Громбеларда о мести, долгой как жизнь. Здесь любят такие легенды.

— Это низко…

— Это величественно, ибо оно — мое.

Княгиня не уступала.

— Но… что случилось на этот раз? Снова стервятники? Из-за того, что много лет назад они причинили тебе вред, ты будешь охотиться на них до конца своих дней? Так ты потеряешь больше, чем они пытались у тебя отобрать. Ты впустую потратишь жизнь, Охотница. — Она замолчала, увидев, несмотря на мрак, язвительную усмешку на лице собеседницы.

— Прошу прощения, ваше высочество. Это не стервятники. Стервятников нет и никогда для меня не было. Может быть, когда-то… в самом начале. Но потом… теперь… одни только ветер и дождь.

— И значит?..

— Значит — ветер и дождь. Стервятников я наверняка оставлю в покое. Или не оставлю? Откуда я знаю? Так или иначе, я хочу ходить по горам.

Молчание.

— Не понимаю. Но — ладно. Ты говорила, что ищешь одного человека?

— Ну да. Ведь нужно же мне заниматься чем-то еще, кроме как мокнуть под ветром и дождем.

— Значит, для тебя найти его не так важно?

— Важно, не важно…

Княгиня пожала плечами и подошла к столу. Кроме подсвечника там стояло большое блюдо с фруктами и наполненные вином бокалы. Она взяла один и выпила.

Каренира встала рядом с ней. Мерцающий язычок пламени выхватил из темноты лицо тридцатипятилетней женщины с правильными чертами, к которому странным образом не подходили серые, мужские глаза. Но они были частью легенды… Легенды о юной девушке, ослепленной стервятниками.

— Ваше высочество, — сказала Каренира, беря свой бокал, — я рассказала тебе про всю свою жизнь. Ты ведь знаешь, что однажды я уже сбежала из гор. Я вышла замуж за прекрасного мужчину, дартанского воина, который дал мне золото и выдающуюся фамилию. Оказалось, что я больше люблю горы, чем его. Польза от того приключения хотя бы в том, что ты вообще желаешь со мной разговаривать.

— Неправда, — перебила ее Верена.

— Правда, ваше высочество, — весело возразила Каренира. — В Армекте мы не столь впечатлительны по отношению к титулам и рангам, как в Дартане, однако пропасть между дочерью императора и небогатой женщиной чистой крови, дочерью простого солдата, преодолеть невозможно. Ее уравнивает лишь моя дартанская фамилия… и золото, которого бывший супруг предоставит мне столько, сколько я пожелаю. Благодаря такой

независимости мое присутствие рядом с тобой воспринимается как нечто вполне нормальное. Грязная, полудикая лучница с гор, может быть, и вызывала бы у тебя любопытство, но примерно такое, какое вызывает редкий экземпляр хищного зверя… Э, я вовсе не о том хотела сказать! — буркнула она.

Она отвернулась и оперлась бедром о стол.

Характерная черта делала двух женщин необычно похожими — у каждой из них была на правом виске небольшая седая прядь. Сходство на этом не заканчивалось. Обе были родом из Армекта, с чуть смуглой кожей, прямыми длинными черными волосами и примерно одного роста. Охотница была на несколько лет старше, но разница в возрасте не бросалась в глаза, если не считать седины на висках.

Княгиня была красивее, ее собеседница — чуть крепче, но также и более гармонично сложена. Каренира отпила глоток вина.

— Я уже один раз сбежала из Громбеларда, — повторила она. — Никто мне не скажет, что я не пыталась. Я вернулась и больше бежать никуда не собираюсь. Здесь мое место. Я хочу в горы. Они мои. Год назад их ранил человек, который лишил меня разума, а тебя унизил и похитил. Ты простила его, ибо он был безумен. Я его тоже прощаю… тем более что он умер… Но это не все. Ходят истории о каких-то моих поступках, о которых я ничего не помню. В горах сидит калека, который якобы был моим союзником в борьбе с Брулем-посланником. Может, и был. Но если не был, а так только рассказывают, то мое достоинство… Я хочу проверить истинность этих рассказов.

— Твое достоинство… У женщин нет достоинства, — задумчиво сказала княгиня, тонкой струйкой выливая вино из бокала в блюдо с фруктами. — Не такое, о каком ты думаешь. У женщин есть честь. Достоинство, то самое достоинство, — дело мужчин. Только мужчин, к счастью. Ну и кажется, еще котов, как я слышала.

— Хм… — пробормотала Каренира. Она допила вино и поставила бокал.

— Да, я солгала, — помолчав, с улыбкой сказала она. — Видишь? Я все еще работаю на собственную легенду. И правда, какое там достоинство. Меня злит, что кто-то размахивает моей фамилией, а я даже не помню… не знаю, кто это. Я хочу увидеть этого человека.

Верена кивнула.

— Это совсем другое дело. Это я понимаю.

Она рассеянно взглянула на пустой бокал, потом взяла большое яблоко и бездумно начала запихивать его внутрь. Уже на первый взгляд видно было, что оно туда не войдет… И тем не менее! Края бокала прорезали тонкую кожуру, и искалеченный фрукт оказался засунут в бокал. Верена облизала мокрые от сока пальцы и торжествующе показала дело своих рук Каренире.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила она, беря второй бокал и грушу. — Людей, оружие, деньги? Может, коня?

— У меня все есть, ваше высочество. Конь мне ни к чему. Хотя, хм… может быть, жеребца?..

Княгиня прикусила губу. Шутка явно не пришлась ей по вкусу.

— Когда отправляешься? — холодно спросила она.

— Утром. Рано утром.

Громбелардские горы давали очень многое. Но и отбирали немало. Глядя на огромное зеркало, Каренира отдавала себе отчет в том, что хочет быть желанной, что она обожает словесные, и не только, игры, которые так часто заводили с ней и здесь, и раньше — в Дартане. Она нравилась мужчинам почти всегда. Почти везде. Но в горах она была лишь самкой… Здесь, рядом с княгиней — женщиной-драгоценностью. Ибо, как подобает драгоценности, она обладала надлежащей оправой.

Зелено-белое платье стоило целое состояние, но достойно было своей цены. Его скроил и сшил настоящий мастер. Трудноописуемым способом были соединены крайности —

богатство со скромностью и простотой, серьезность с фривольностью… Воистину чародейская мантия, подчеркивающая все достоинства и затушевывающая все недостатки тела. Мечта каждой женщины.

Она вовсе не хотела уходить. То, что она говорила княгине, было правдой лишь отчасти.

Она разделась донага и снова посмотрела в зеркало. Не слишком высокая, с довольно длинными ногами, округлыми бедрами и очень узкой талией. Необычно густые, черные волосы уходили на внешние части бедер, достигая узкой полоской до самого пупка, но у стройных черноволосых дочерей Армекта подобное не считалось недостатком. Даже черные волоски на женских предплечьях и ногах или легкий пушок на верхней губе воспринимались в Армекте как нечто вполне обычное. К изъянам скорее можно было отнести широко расставленные маленькие груди с торчащими в стороны и вверх сосками. И еще проклятые шрамы… Отчетливо видимая отметина уродовала правую грудь, а на предплечьях и на боку, несмотря на чудодейственные снадобья Бруля, остались светлые следы. Так же выглядели и лодыжки, на спину же она предпочитала не смотреть. Однако, если учесть, сколько времени она провела в Тяжелых горах, могло быть хуже. Намного хуже. Она вообще могла остаться без носа или ушей. Она невесело рассмеялась.

Чуть расставив ноги, она сплела руки на затылке. Расслабленные до сих пор мышцы напряглись, в мгновение ока изменив фигуру. Она медленно распрямляла руки, разглядывая раздвоенную волну брюшных мышц, внезапно потолстевшую, массивную шею, широкие плечи, сплетения мускулов на руках и бедрах. Она опустила руки, потом заложила их за спину. Маленькие груди дрогнули, отчетливо приподнимаясь. Иронически прикусив губу, она оценила все вместе.

— Неплохо, — подытожила она. — Боевая версия госпожи Карениры. Могло быть хуже, намного хуже. Но, надеюсь, ты не позволишь себя убить кому попало. Похоже на то, что нет.

Она подумала о старике, который был ее опекуном. Великий Дорлан-посланник приложил немало усилий, чтобы научить ее искусству выживать в Тяжелых горах.

Язвительная гримаса постепенно превращалась в нечто иное. Посторонний наблюдатель мог бы не на шутку забеспокоиться, видя происходящие на лице женщины изменения. Вид собственной силы явно одурманивал ее и опьянял; в широко раскрытых глазах таилось нечто грозное и странно отталкивающее.

Все было ложью. Как тело, так и лицо или взгляд ничего не значили. Она думала о том, что можно менять и формировать их как угодно. Нагой человек — никто. О нем ничего невозможно сказать, он может быть нищим или королем. Ведь боевая машина в зеркале была одной из первых дам Дартана, здесь же — личной подругой княгини Громбеларда.

Но все же — правду ли говорила одежда?

— Э, все — ложь! — фыркнула она.

Раскрытая левая ладонь оказалась на уровне лица, словно заслоняя его от удара, туловище совершило молниеносный полуоборот, правый локоть описал очень короткую пологую дугу, на мгновение соприкоснувшись с поверхностью зеркала…

Стекло разбилось с треском, смешавшимся со вскриком женщины.

Она еще мгновение стояла неподвижно. Дикая гримаса на лице сменилась удивлением, а потом некоторым замешательством.

— О? — язвительно проговорила она, удивленно разглядывая раненый локоть. — Ну, не знаю… Эти месяцы бездействия все-таки сделали свое дело. Пока… хм, пока что не слишком рисуйся. Только сделаешь себе хуже и выставишь себя на посмешище.

Покачав головой, она разорвала прекрасное платье и перевязала кровоточащую руку. Потом начала заплетать волосы в косу.

16

Неподалеку от рынка в Громбе когда-то жил человек, который единственный протянул ей руку, когда она — беспомощная, немая и полубезумная — больше всего в этом нуждалась. Он был оружейником, выдающимся оружейником. С неподдельной болью она подумала о том, что никогда уже не сумеет вернуть ему свой долг. Ввязавшись в войну с Брулем, старый мастер заплатил жизнью за желание помочь женщине, которую почти не знал. Разум его пострадал, так же как когда-то ее собственный. Из-за преклонного возраста заклятие Бруля снять не удалось. Мастер Хааген, человек с золотыми руками и большим сердцем, угас, прежде чем она успела хоть как-то выразить ему свою благодарность.

Боль утраты не проходила. К тому же ей было ясно, что в последние дни жизни старика в его разбитой голове мерцал крохотный огонек — и это была мысль о ней. Он умер, не зная, что судьба его подопечной переменилась к лучшему; он наверняка верил, что это когда-нибудь произойдет, ибо в сундуке, где он хранил ее вещи, она нашла засунутый в дорожную сумку отличный гвардейский меч — оружие, которым она охотно пользовалась. Старик об этом знал… Увидев его последний подарок, она расплакалась. Сейчас, вспоминая своего благодетеля, она с грустью коснулась рукояти висевшего на поясе оружия.

Насыщенный дождем ветер, явно повинуясь движению ее руки, ворвался под коричневую накидку, приоткрыв небрежно зашнурованную куртку из лосиной кожи и короткую юбку, едва прикрывавшую голенища крепких, доходивших до середины бедер кожаных сапог. Она раздраженно дернула полы плаща. Налуч, скрывавший в себе не слишком большой лук, чуть сдвинулся; она поправила широкий ремень на плече и двинулась дальше.

Пора была еще ранняя, народу на улицах ей встретилось немного. Сгорбившись под напором ветра, люди безразлично проходили мимо. Она удивленно остановилась, когда дорогу ей преградил высокий массивный мужчина. Подняв взгляд, она долго смотрела прямо ему в лицо, скрытое в тени обширного капюшона.

— Нет, — наконец сказала она, — я, кажется, сплю… Ранер? Ведь не сошла же я с ума? Ну нет, не в этот раз.

— Именно что сошла, Охотница, — ответил он, оглядываясь по сторонам. — Я уже три дня караулю тут словно пес. Дай это. — Он протянул руку.

— Мой лук? — изумилась она.

— Как раз лук больше всего привлекает внимание, — нетерпеливо бросил он. — Женщина без лука — ничего необычного. Ну давай же, наконец! Быстрее, Охотница, нет времени.

Он с трудом запихнул лук под плащ.

— Идем, госпожа. Расскажу все по дороге.

Они пошли дальше. Она выжидающе молчала, но, несмотря на данное обещание, Ранер за первые несколько десятков шагов не произнес ни слова.

Кроме него, в Громбе не осталось никого, кто знал бы Басергора-Крагдоба. Когда король гор покинул Громбелард, грозный силач не сумел найти себе места. Он хотел и умел быть лишь орудием; он желал служить, приносить кому-то пользу, но служить было некому. Хель-Крегири, наследница Крагдоба, сделала его своим рабом; она не любила его и не ценила, о дружбе не было даже речи. Ранер, говоривший когда-то: «Скажи, что сделать, и я сделаю», мучился, служа тому, кто не умел и даже не хотел воспользоваться его возможностями. Однако Тяжелые горы были только одни, и в них правила именно Хель-Крегири. Правление это выглядело не лучшим образом, но было достаточно жестким, ибо отдельный человек не в силах был из-под него вырваться. Отказавшись повиноваться, Ранер вынужден был бы бежать из Громбеларда. Этого он, однако, делать не хотел. Просто не мог.

Молчание затягивалось. Каренира потеряла терпение.

— Ну? — раздраженно буркнула она.

— Хель-Крегири хочет тебя заполучить, — объяснил он… по крайней мере, считал, что объясняет.

После чего он снова замолчал.

— Нет, ради всех… — После долгого тщетного ожидания разозленная лучница остановилась. — И это все? Ничего больше не скажешь?

— Идем, госпожа. Она назначила награду за твою голову. Высокую награду.

Армектанка изумилась не на шутку.

— Ранер, да ты бредишь!

— Несколько дней назад я услышал об этом в корчме. Слышишь, госпожа? В корчме. Раз о таких вещах болтают за пивом, значит, об этом знает весь Громбелард. Ты не знала? — Его слова прозвучали скорее как утверждение, а не вопрос. — Любой бандит на тракте готов ткнуть тебя ножом, Охотница. Твой лук прямо-таки кричит о том, кто ты такая. Никто здесь не носит подобного оружия. Идем же, наконец!

— Нет, этого не может быть, — возразила она. — Еще что-нибудь знаешь?

— Нет, — отрезал Ранер. — Не люблю знать больше, чем следует, — совершенно искренне добавил он.

— Но ведь ты — из воинов Хель-Крегири? — заметила она, помолчав.

— Воин, который о таком деле, как награда за голову Охотницы, узнает в трактире, — язвительно бросил он. — Я ей больше не принадлежу. Нашел себе командиршу получше.

— И кого же?

— Арму, — с улыбкой ответил он.

Арма была сестрой Ранера. Она ушла из Громбеларда вместе с Басергором-Крагдобом.

— Арма вернулась? — Каренира снова остановилась.

— Идем, госпожа. Это тебя беспокоит или радует?

Если это было иронией, то вполне уместной. Трудно сказать, любили ли они с Армой друг друга. Хотя… Отношения, сперва попросту невыносимые, вместо того чтобы ухудшаться дальше, какое-то время спустя несколько улучшились.

— С Хель-Крегири можно больше не считаться, — заявил Ранер, не скрывая удовлетворения.

Каренира покачала головой. Она знала Хель-Крегири… Но Арма и в самом деле была крепким орешком. Для любого. Хитрая интриганка, она была лучшей шпионкой Крагдоба. Она редко уходила в горы. Ранера знали все люди короля гор — об Арме знали немногие. Мало кто вообще слышал, что у силача есть сестра.

— Куда мы идем?

— Здесь живет один купец, который много путешествует. Как и положено купцу. Я забочусь о его доме.

— Ага.

Разбойник сторожил дом купца.

Арма изменилась не слишком сильно; чуть иначе укладывала необычно пышные, солнечно-желтые волосы, стала больше заботиться о себе. Каренира с удивлением обнаружила, что вид этой женщины, которую она когда-то недолюбливала, теперь доставляет ей истинное удовольствие. Может быть, потому, что Арма, как и ее брат, были частью старых добрых времен? Охотница внезапно затосковала по огромному, всегда спокойному мужчине, который вместе со своим другом-котом столь легко и уверенно заправлял в Тяжелых горах. Прежде чем она успела спросить, Арма сказала сама:

— У них все прекрасно… Они передают тебе привет.

Армектанка кивнула.

— Рбит велел тебе сказать, — добавила блондинка, — что… вы обе должны ждать. Он сказал, что ты поймешь.

Каренира улыбнулась.

— Понимаю.

Внезапно она помрачнела.

— Что случилось? — спросила Арма. — Не думай ничего дурного, — быстро сказала она. — Я только хочу… хотела…

— Нет, ничего… Последнее, что я слышала от Рбита, было именно «жди», —

вздохнула лучница. — Он сказал, что они еще вернутся. Вот я и… жду.

Блондинка прикусила губу.

— Я ушла вместе с ними, потому что думала, что мне удастся уговорить Глорма вернуться. Но от этой мысли я уже отказалась. Басергор-Крагдоб счастлив в Роллайне, — сказала она с легкой иронией, но вместе с тем с сожалением и горечью. — Рбит — совсем другое дело. Ведь это кот. Ему везде хорошо, но все-таки лучше всего он чувствовал себя здесь. Решение Глорма провести остаток жизни в Роллайне — непробиваемая стена, но если только в этой стене образуется хоть малейшая щель, Рбит тотчас же в нее пролезет. Он умеет быть терпеливым… и ждать… — Она медленно кивнула. — Я уже поняла, что он хотел тебе сказать. Я не знала, что ты настолько… — Она не договорила.

Армектанка молчала.

— Да, настолько, — наконец сказала она. — Я тоже не знала. Узнала лишь тогда, когда он уже ушел…

Она шмыгнула носом и, подняв голову, огляделась по сторонам — но Ранер, к счастью, вышел из комнаты какое-то время назад, оставив женщин одних. Она пожала плечами, явно стесняясь проявления собственной слабости.

— Извини.

— Не извиняйся. До Дартана с некоторых пор доходят… хм… странные известия. — Арма сменила тему. — Для того, кто не знает Громбеларда, это просто очередные байки с края света. Но я здесь родилась. Я разговаривала с Рбитом, и он со мной согласился. Я здесь на разведке. — Она развела руками. — Уже четыре недели.

— Так долго?

— Ровно четыре недели, — повторила Арма. — И уже две недели, — помолчав, добавила она, — я пытаюсь вытащить из дворца представителя некую армектанскую воительницу. Не помню уже, когда мне выпадала столь безнадежная задача, — подытожила она.

Каренира чуть нахмурилась.

— Не понимаю?

— Думаешь, ваше благородие, — спросила Арма, пожимая плечами, — в личные покои княгини можно войти просто так? Это не столь легко. Я передала письмо для тебя, естественно, подписанное другим именем, но ты, скорее всего, догадалась бы. Через неделю в канцелярии князя меня ждал ответ… — После коротких поисков она нашла письмо. — Читай. Тебя нет ни во дворце, ни вообще где-либо в Громбеларде. Ты уехала в Армект. Достаточно спросить первого попавшегося придворного, чтобы услышать, что это неправда. Вывод? Та, кому адресовано письмо, не желает никого видеть и потому попросила дать такой ответ.

— Малая печать, — проговорила лучница, поднимая удивленный взгляд. — Письма подобного содержания князь-представитель диктует секретарям. Или даже не диктует, лишь излагает их содержание. Они скрепляются канцелярской печатью, а не малой печатью князя.

— Я знаю.

Каренира отдала документ.

— Это почерк Верены. Я ни о чем не имела понятия. Ответ написала ее высочество Верена.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Может быть, больше, чем тебе кажется…

— Объяснишь?

Армектанка задумалась.

— Нет… Пока не хочу, — помолчав, ответила она.

Арма кивнула, пытаясь скрыть, сколь неприятен ей этот разговор.

— Хорошо, — подытожила она. — Меня, собственно, не волнует, какие интриги сейчас плетутся при дворе, — позволила она себе маленькую колкость. — Ладно, слушай, я примерно знаю, что в последнее время происходило в горах. — Она начала расхаживать по

комнате. — Поправь меня, если ошибаюсь. Бруль-посланник вообразил, будто он может воскресить остатки Лент Алера, разорванных Шернью во время древней войны двух сил. Он хотел соединить силы Шерни с силами Алера, чтобы получить новую, совершенную сверхъестественную мощь, которая дала бы ему власть над миром. Не помню в точности, впрочем, весь этот бред не имеет ни малейшего значения. Ему нужна была женщина, с рождения отмеченная символом Серебряной Ленты. — Она многозначительно посмотрела на висок собеседницы.

— Ты мало что знаешь…

— О, знаю. Я знаю, что эта прядка у тебя недавно, а точнее, с того времени, когда Бруль лишил тебя памяти. К счастью, тобой занялся другой мудрец Шерни и ты снова стала сама собой. Много их у тебя было? — прикидываясь наивной, спросила она.

— Кого?

— Мудрецов Шерни. Дорлан, Бруль, теперь этот… Они к тебе как будто липнут, тебе не кажется?

— Успокойся, — поморщилась Каренира. — Я все еще многого не помню.

— Но с твоей головой уже все в порядке. Подожди, я закончу. У ее высочества Верены седина была всегда. Бруль похитил ее, но погиб, прежде чем успел осуществить свои замыслы.

— Он умер. Бруль умер, — поправила армектанка. — Он был стар, никто его не любил, у него было слабое сердце…

— Я об этом не знала, — удивилась Арма. — Ну ладно, это, впрочем, неважно. Достаточно того, что еще до похищения княгини он имел удовольствие встретить на своем пути тебя.

— Он уничтожил водопады Медевы, — мрачно сообщила Каренира. — Величайший водопад мира — теперь всего лишь груда камней. Бруль пытался воскресить Ленту, лежащую у истоков Медевы.

— Кто-то тебе помогал в борьбе с Брулем.

Лучница покачала головой.

— В том-то и дело, Арма, — задумчиво проговорила она, — именно об этом я знаю совсем немного. Возможно, даже меньше, чем ты. Бруль пытался использовать Ленту, лежащую у истоков Медевы. Каким-то образом я ему помешала. Не знаю, как именно. Не знаю, кто мне помог. Якобы ученик Бруля. Бруль потерял свою Ленту, я же потеряла речь и у меня съехала крыша, — она покрутила пальцами у висков; к ней явно возвращалось прежнее воодушевление, — а мой союзник якобы стал калекой, лишившись ног. Якобы, якобы, якобы… Меня все это немного злит, так что я решила выяснить, что и как.

— Пару дней назад, — осторожно сказала Арма, — до меня дошли слухи, что ты намерена отблагодарить князя за гостеприимство. Слухи, — повторила она, видя вопросительный взгляд собеседницы. — Я все еще умею собирать нужные мне сведения. Умею также не говорить, откуда они у меня. Я послала Ранера на тот случай, если эти слухи окажутся правдой. Он ждал тебя и дождался.

— Ты и в самом деле не нашла возможности как-то до меня добраться?

Арма подняла брови.

— После того как получила письмо, что тебя нет в Громбеларде? Что я должна была сделать? Сказать представителю, что это вранье? А тайное проникновение во дворец в расчет не входило. Слишком мало у меня здесь людей, а среди них нет никого, кому я могла бы доверить подобную миссию. Что мне, самой было идти? Там все еще сидят те, кто когда-то меня знал. Что я сказала бы, представ перед князем? «Привет, ваше благородие, ты ведь меня помнишь. Это я пару лет назад изображала двоюродную сестру одного из твоих советников, который дал себя подкупить за тысячу золотых»?

Каренира махнула рукой.

— Ладно, чего ты хочешь от меня? Я все еще так и не знаю, зачем я тебе понадобилась.

Блондинка покачала головой и развела руками.

— Собственно, я тоже не знаю, — призналась она. — Погоди… То есть знаю, но… Странные дела творятся в горах. И не только в горах. Ты ничего не слышала?

— Какие-то заварушки. Разные банды сводят счеты… Кое-что слыхала.

— Счеты… — пробормотала Арма. — Счеты. Хель-Крегири режет всех и всюду. Странно, что столь громкая история до тебя не дошла. Кто-то очень старался держать тебя от всего этого подальше. Хель-Крегири пытается сделать то, чего не сумели даже имперские легионы во время войны за Громбелард. Она истребляет в горах все живое. Предает огню селение за селением. Набрасывается словно бешеная на купеческие караваны, независимо от того, что они везут, причем уничтожает больше, чем забирает. Похоже, она хочет лишь одного — чтобы разоренные купцы перестали платить ей дань. В городах все чаще гибнут люди, кто-то убивает их где и как попало. Нападают на всех без разбора — на взрослых мужчин, детей, женщин, богатых и бедных, честных и нечестных. А три дня назад пошли слухи о награде за голову Охотницы. Еще мало? Ну так теперь слушай внимательно: где-то в горах пропал целый отряд имперцев. Карательная экспедиция, почти пятьдесят солдат.

— В этом как раз нет ничего необычного.

— Неужели? Может, спросишь, что это за отряд? Так я отвечу: гвардейцы. А знаешь, откуда? Из Рахгара. Да, именно этих гвардейцев я и имела в виду, и никаких других.

Каренира молчала.

Гвардейцы из Рахгара… Ночные воины, имевшие в горах собственные и только для них годившиеся тропы, были истинным кошмаром для разбойничьих банд. Они появлялись словно по волшебству среди потоков дождя, могли перехитрить лучших разведчиков, обмануть самых бдительных часовых… Неуловимые, действовавшие по-звериному молниеносно и беспощадно, они заработали себе прозвище «убийц». Каренира хорошо знала котов. Захватить врасплох и перебить пятьдесят гадбов было попросту невозможно.

— Ушли? Бросили службу? — удивилась она. — Не может быть! Ведь их связывает слово.

Пятьдесят гвардейцев-гадбов, одновременно совершающих измену или дезертирство? Подобное вообще не имело смысла.

— Или их всех перебили? — подсказала Арма.

— Шутишь?

— Ну так что с ними случилось? Можешь мне сказать?

Каренира покачала головой.

— Не знаю, никогда в жизни… Но это действительно верные сведения?

Арма возмутилась. Лучница подняла руки.

— Ну ладно, ладно, я просто спросила. Я ничего не знаю, ничего не приходит в голову.

— Ну так вот, именно так выглядит то «сведение счетов» в горах. Знаешь, что сейчас делает Хель-Крегири?

— Откуда мне знать?

— Именно. Никто не знает. Уже давно никто ее не видел. Зато постоянно приходят известия о новых ее деяниях, все более громких… и все более бессмысленных.

— К чему ты клонишь?

— Есть одна деревня, называется Овраг. Там видели калеку, который якобы помогал тебе в борьбе с Брулем.

— Это правда. Именно в эту деревню я и собираюсь.

— Превосходно. Чудесно. То есть тебе знакомо это место?

— В окрестностях Бадора и Громба нет мест, которые мне незнакомы. Я хожу по этим горам уже полтора десятка лет. Я не ночевала в той деревне, если об этом речь, но я точно знаю, где она находится и как туда добраться.

— В Овраге последний раз видели Хель-Крегири, — сообщила Арма. — Похоже, что эта деревня по каким-то причинам имеет неслыханно важное значение. Хотя бы потому, что она до сих пор существует. Насколько мне известно, все другие селения в тех окрестностях сожгли. Три или четыре… Да, — кивнула она, видя вопросительный взгляд Карениры. —

Там нет пастушьих селений. Похоже, что Крегири сожгла собственные заставы.

Каренира задумалась.

— Не скажу, что у меня есть очень уж большое желание встречаться с Кагой, — наконец сказала она. — Но эта награда за мою несчастную голову… Просто верить не хочется. Крегири — штучка, конечно, та еще, — она подняла взгляд и пристально посмотрела на Арму, — но насылать убийц? На любого, но не на меня. Если бы она и в самом деле нашла какой-то повод желать моей смерти, то явилась бы сама и с огромной радостью пристрелила бы меня из арбалета. По крайней мере, попыталась бы. Что-то тут дурно пахнет… Лучше пойду и просто спрошу ее, в чем дело. А чего ты от меня ожидаешь?

— Я думала, ты расскажешь что-нибудь о том, что происходит при дворе князя-представителя. — Арма пожала плечами. — Ведь что-то же там происходит? Или нет? Но раз это тайна… Ничего я не ожидаю. Известий. Я хочу знать, что происходит в горах и почему. Я дам тебе несколько человек в помощь и в качестве гонцов. Я хочу знать, кто или *что* сидит в этой деревне и каковы его намерения. Думаю, Хель-Крегири — лишь прикрытие для каких-то странных дел. И только это беспокоит меня по-настоящему, — призналась она. — Ты знаешь Кагу. Признаться, я понятия не имею, как можно ею управлять. У Глорма с этим хватало хлопот, она подчинялась ему лишь номинально, а на самом деле всегда делала что хотела. Даже Рбит, которого она уважала как никого другого на свете, не смог взять над ней верх. Однако теперь, похоже, кто-то превратил ее в бездумное орудие. Я не знаю, кто это, но уже его боюсь.

— Я пойду туда. Твои люди мне не понадобятся. Я никогда не командовала войском.

— А Ранер?

Каренира наклонила голову.

— Ранер? Хм… Не обижайся, Арма, но — пожалуй, нет. Твой брат…

— Он вовсе не глуп, не дай себя обмануть. Многие горько жалели, что поддались первому впечатлению. Он ленив, мысли его утомляют, иногда трудно с ним договориться… Но когда нет другого выхода, он неплохо соображает. Он отважен и положит голову за тебя, если возникнет такая необходимость.

— Одни достоинства… Ну хорошо.

Она тряхнула волосами.

— Теперь слушай. При дворе не происходит ничего.

— Отлично, — подытожила Арма. — Я уже говорила, если это тайна…

— Перестань. Ты меня слушаешь? При дворе не происходит ничего, — повторила она. — Совсем ничего.

Блондинка нахмурилась.

— Что ты хочешь сказать? Что значит — ничего?

— Именно это и значит. Ты рассказала мне сегодня много интересного. Я при дворе… просто развлекалась и больше ничего. Однако, хотя я и старалась изо всех сил ни о чем не знать, что-то все-таки извне просочилось. Достаточно, чтобы я поняла, что еще немного, и Громбелард рассыплется в прах. А при дворе не происходит ничего… Так что я распрощалась с их высочеством.

Арма молчала, глубоко задумавшись.

— Честно говоря, так это выглядело. Я сама не верила… Говоришь, вся эта буря никого во дворце не взволновала?

— Никого, никого… Ты что, не знаешь двора? Все это не волнует князя, и этого достаточно. Если завтра на горы падет огонь с неба, а князь поглядит в окно и изволит улыбнуться, то все во дворце тут же покатятся со смеху. Ну как, ваше благородие? Да или нет?

— Но — князь Рамез? — недоверчиво переспросила Арма. — Ведь этот человек — настоящий демон, безраздельный властелин, какого не было в Громбеларде уже сто лет! Что все это значит?

— Не знаю и сомневаюсь, чтобы кто-то знал. Но есть кое-что… — Она на мгновение

задумалась. — Тот посланник, который вернул мне речь и разум. После смерти Бруля, по возвращении из Черного леса, они очень долго разговаривали о чем-то важном. Рамез прекрасно разбирается во всем, что связано с Шернью, он почти, один из посланников. Он изучает хроники, летописи… ну, ты ведь знаешь. Кроме того, он получил от меня все книги и записи Дорлана — ты помнишь. Возможно, это его странное безразличие — результат той беседы с посланником. Может быть, они что-то обнаружили… нет, не знаю. — Она махнула рукой. — Предположение не хуже любого другого. Не принимай все это чересчур всерьез.

Арма кивнула.

— Значит, поэтому ты и сбежала из дворца.

— Не поэтому. — Она замолчала. — Да, поэтому. Прежде всего поэтому, хотя и не только.

— Ага, значит, все-таки есть маленькая тайна?

— Тайна, сразу тайна! — разозлилась армектанка; у нее неожиданно покраснело лицо и даже шея. — Тебе не скажу! Скорее уж я сказала бы Ранеру. А тебе не скажу… потому что мне стыдно.

Блондинка открыла рот.

— Ладно, — сказала она. — Теперь ты уйдешь, а я останусь здесь. И попросту сдохну от любопытства.

17

Крутая, исхлестанная дождями дорога, соединявшая горные города, несмотря на громкое название (ибо ее именовали трактом), на самом деле была всего лишь тропинкой. В крайнем случае ее можно было преодолеть верхом, но путь от этого становился не намного короче, зато намного более рискованным. Каренира и Ранер пошли пешком. Так или иначе, им пришлось бы оставить лошадей в Бадоре.

Охотница поздоровалась с горами. Трудно было сказать, что они ответили на ее приветствие. Холодный ветер, дувший с вершин, с легкостью пронизывал до костей, промокшие плащ и куртка не представляли для него никакого препятствия. Вернулись старые боли в костях. Каренира прекрасно знала, что это означает. Через несколько лет руки ее будут выглядеть так же, как и руки многих других жителей Второй провинции. Проклятый край дождей в награду за упорное желание жить здесь насылал хвори на исковерканные, негнущиеся пальцы, деформировал суставы ног и рук, ветром и влагой подпитывая нескончаемую тупую боль во всем теле. Воистину стоило любить Громбелард. Уже сейчас случались дни, когда для того, чтобы натянуть тетиву лука, Охотнице требовалось приложить немало усилий.

Она боялась старости, не думала о ней. А та была недалеко. Здесь, в Тяжелых горах, она приходила на десять-пятнадцать лет раньше, чем в Дартане или Армекте. Каренира надеялась, что, прежде чем наступит старость, какой-нибудь меткий громбелардский арбалетчик сжалится и поможет ей решить эту проблему…

Пока же она шла в Бадор и чувствовала себя совсем неплохо. Необходимые в пути припасы тащил Ранер. Приятно было смотреть на размазанные в струях дождя горы, неся на спине лишь собственное оружие.

На ночлег они остановились так, как обычно делали это все знакомые с громбелардским трактом путники: достаточно близко от дороги, чтобы видеть, кто по ней идет, и вместе с тем достаточно далеко, чтобы самому остаться незамеченным.

Сумки из пропитанной жиром козьей кожи были сделаны так, чтобы, развязав два ремня, можно было их расстелить на сухих одеялах (сухих — ибо все, с чего не капала вода, считалось в Громбеларде сухим). В свою очередь, под эти одеяла нужно было забраться. Существовало несколько способов согреться перед сном. Первый и самый лучший обеспечивала водка. Второй способ не всегда годился; сейчас, однако, они могли им воспользоваться, поскольку не питали друг к другу неприязни и их было двое — мужчина и

женщина. Как следует согревшись, они заснули рядом друг с другом, чтобы не терять с таким трудом добытое тепло.

Ранним утром они двинулись в дальнейший путь.

Тяжелые горы не похожи ни на какие другие горы на свете. Образ иззубренных, сверкающих от снежных шапок вершин не имеет ничего общего с туманными, нереальными, странно неопределенными очертаниями, которые можно наблюдать в Громбеларде. Из-за непрестанных потоков дождя картина постоянно преображается и изменяется; трудно не поддаться впечатлению, что каменные массивы все время дрожат, перемещаются… О вошедшей в поговорку прозрачности горного воздуха можно лишь мечтать. Даже если не идет дождь (что бывает иногда зимой или летом, но почти никогда осенью), всюду клубятся облака и тучи — перемешанные, просачивающиеся друг в друга, скользящие над головой, стекающие с горных склонов, собравшиеся в долине или плывущие у ног, вдоль отвесной стены пропасти… Время от времени откуда-то налетает сильный ледяной порыв ветра и уносит все — тучи, облака и паутину дождя. Тогда видимость ненадолго улучшается и можно разглядеть словно внутренность огромной пещеры, длиной и шириной в милю или пару миль, — ибо где-то там, далеко, все так же остаются тучи, источающие дождь.

Ранер и Каренира разговаривали мало. Лишь увидев в котловине у своих ног, среди клубящегося тумана, фрагменты черных угрюмых стен Бадора, они обменялись несколькими малозначащими словами. Пора было сделать привал и поесть.

Они уселись на краю пропасти, вдоль которой извивалась дорога. Каренира набила рот сыром. Она ела с наслаждением, даже немного жадно, запивая то водой, то водкой. Ранер не проявлял особого аппетита, медленно жуя кусок хлеба.

— Такой крупный мужчина, — сказала она, — должен много есть. Что дает тебе силы?

Тот не воспринял ее шутки, задумчиво глядя на угловатые очертания старой бадорской крепости, торчавшей посреди города. Могучие башни словно дрейфовали в море тумана.

— Не знаю, я никогда чересчур много не ел, — коротко ответил он. — Охотница, что ты знаешь о Хель-Крегири? — спросил он, меняя тему.

Она проглотила очередной кусок сыра и запила водой.

— А что я должна знать? — спросила она.

— Ты хорошо с ней знакома?

— Собственно, нет. Мы познакомились очень давно, но она никогда мне не доверяла своих тайн. Когда-то мы немного помогли друг другу. В другой раз я основательно ее поколотила… Перед этим, правда, вытащила из ловушки, расставленной котами-гвардейцами. А что тебя интересует?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Странно, что ты так мало знаешь о той, что хочет заплатить за твою голову.

— Почему странно?

— Не знаю. Странно.

На этот раз она пожала плечами.

— Ладно, странно. Ну и?..

Он пожал плечами. Она пожала плечами. Он посмотрел на нее… и пожал плечами. Оба улыбнулись.

— До вечера мы будем в Бадоре, — сказал Ранер. — Это как будто ее столица… Хель-Крегири, — пояснил он. — Там полно ее людей. Не знаю, сумею ли я защитить кого-то, кто вовсе не хочет, чтобы его защищали.

— Мне не требуется… — начала было она, но тут до нее дошел смысл его слов. — Именно. Я не хочу, чтобы меня защищали.

— Это нехорошо. Плохо.

— А почему это? Я сама могу справиться.

— Нет.

— Нет? — удивилась она. — Не смогу?

— Нет. Никто не сможет справиться сам. Не тогда, когда на него охотятся. Много лет я

защищал того, с кем ты воистину не можешь сравниться, Охотница. Правда? Глорм…

— Глорм задушил бы меня одной рукой, — согласилась она. — Думаю, и тебя тоже. Но…

— В моем случае ему пришлось бы воспользоваться двумя руками, — без улыбки проговорил Ранер. — Послушай, Охотница, я мало что умею делать по-настоящему хорошо. Но я умею защищать своих друзей. Позволь мне защищать тебя.

— О, значит, я принадлежу к кругу твоих друзей? Даже так? Это что, после прошлой ночи? — язвительно спросила она.

— Нет, ночь здесь ни при чем. Не смейся надо мной, Охотница. — Он решительно не понимал шуток. — На свете есть несколько человек, заслуживающих того, чтобы их защищали. Ты одна из них, ваше благородие. — Он редко обращался к ней подобным образом. — Если я погибну, защищая тебя, весь Громбелард скажет: он погиб, защищая Охотницу. Впрочем, если я погибну, мне все равно, что они скажут. Но если погибнешь ты, а я уцелею, все скажут: он допустил, что Охотницу убили. Может, кто-нибудь скажет: он струсил. Я не хочу услышать чего-то подобного.

Она нахмурилась.

— Ранер, я не собираюсь погибать! Посмотри на меня: я симпатичная и дружелюбная, но на самом деле перед тобой сидит страшно грозная воительница! Ты этого не знаешь? Я ведь тебе уже говорила, что…

— Я тебе тоже говорил, но ты не поняла. За твою голову объявлена награда. В такой ситуации никто на свете сам себя не защитит. Верно? Глорм это понимал. У него было много врагов.

Он потянулся за луком и колчаном и подал их ей.

— Умеешь из этого стрелять? — спросил он.

Вопрос был довольно глупым, так что она не ответила. Он взял бурдюк с водкой и отошел на десять шагов в сторону.

— Попадешь мне в голову, Охотница?

— Если бы захотела… то даже в глаз.

— А теперь? — Он вытянул перед собой руки, подняв бурдюк на уровень лица.

— Могу попасть в бурдюк, — сказала она, уже поняв, к чему клонит силач.

— Именно, — ответил он, опуская руки. — Можешь, самое большее, продырявить бурдюк. Но зачем? Тебе незачем портить бурдюк.

— Он мне мешает. Этого достаточно. Потом я попаду в тебя.

— Не успеешь. За испорченный бурдюк ты награды не получишь. А тот, кто его держит, может оторвать тебе голову, прежде чем ты пошлешь вторую стрелу. Охотница, ведь я тоже умею о себе позаботиться. Так зачем же я воспользовался бурдюком? Этот бурдюк, — продолжал он, подходя и присаживаясь перед ней на корточки, — вовсе не лучше и не сильнее меня. Но он мне нужен, а у меня хватает мозгов, чтобы им воспользоваться. Иногда достаточно показать, что имеешь какое-то прикрытие, чтобы нападение вообще потеряло всякий смысл.

— А если оно все же произойдет?

— Тогда мы его отобьем. Позволь мне защищать тебя, Охотница.

Каренира задумчиво прикусила губу. После долгой паузы она взялась за распахнутые полы плаща Ранера, чуть притянула его к себе и боднула головой в лоб.

— Ну ладно, — буркнула она. — Пусть будет так… бурдюк.

Все громбелардские города были похожи друг на друга — а больше всего бросавшейся в глаза общей чертой был их неописуемо уродливый вид. Черный камень и коричневый кирпич служили как для строительства башен и стен, так и укрытых в их кольце домов. Почти все строения имели узкие небольшие окна, через которые можно было выпустить стрелу из арбалета — но, по сути, ничего больше. Все лестницы были крутыми, все помещения — мрачными, тесными, запущенными и холодными; улицы узкие, крыши

черные… Каждый, кто впервые побывал в Громбе, Бадоре, Рахгаре или Риксе, чувствовал себя так, словно его заперли в угрюмом, темном и сыром лабиринте. Одно-, двух-, а иногда трехэтажные дома отличались друг от друга исключительно высотой. Запущенные, перерезанные сточными канавами улицы были удивительно похожи, почти неотличимы.

Однако Ранер и Каренира чувствовали себя в городе совершенно свободно. Армектанка по совету своего спутника спрятала колчан под плащом и надвинула капюшон на лоб, чтобы скрыть черные волосы, бывшие в Громбеларде редкостью. Ее злили подобные средства предосторожности, но у нее хватало ума принять во внимание добрые советы.

Ранер шел впереди. На одной из улиц побольше жил знакомый купец. Для разбойника Ранер имел весьма своеобразных друзей — впрочем, обе профессии не так уж сильно и отличались…

Дом, где размещался большой купеческий склад, не выделялся ничем особенным. Когда-то он был снабжен специальной табличкой. В Громбеларде, в отличие от Армекта, грамотой владели немногие — так что на вывеске, скорее всего, были нарисованы соответствующие картинки. Скорее всего — ибо трудно сказать, что там, собственно, было. Вывеска явно представляла собой первое и одновременно последнее творение неизвестного художника; человек этот, выполнив работу, то ли умер сразу же после этого, то ли уехал куда-то далеко — поскольку творения своего никогда больше не подправил. Не сделал этого и никто другой. Жаль. Все смыл дождь. Разноцветные бледные пятна мало что говорили.

Однако Ранер каким-то образом узнал дом и вывеску, что было тем более необычно, что подобных домов и вывесок было в Бадоре не меньше сотни.

— Здесь мы купим все, что нам нужно, — с довольным видом сказал он. — Получим и ночлег. Даром, тепло, безопасно.

Армектанка кивнула.

Большая комната на первом этаже была заполнена всяческим добром. Вдоль стен лежали седла; четверть помещения занимали мешки и сундуки с провизией, видны были крупы и фасоль, а дальше — неисчерпаемые запасы сухих колбас. Для всевозможного оружия были предназначены специальные козлы и стойки. Дальше находились попоны, пледы, сумки и мешки; еще дальше — разнообразная одежда. Кроме того, на многочисленных полках и полочках можно было найти какие угодно мелочи: домашнюю утварь, посуду, да что там — даже приборы для письма (но ничего — для рисования вывесок); словом, все, что могло пригодиться… и даже то, что пригодиться не могло абсолютно никогда, нигде и никому. Впрочем, именно это было самым дорогим.

Прилично одетый и знающий свое дело слуга быстро понял по акценту, что гостья — армектанка, и тотчас же похвалил красоты ее края, в котором, по его словам, он часто бывал. В результате он заработал несколько благосклонных взглядов. Каренира, прекрасно зная, что купеческий люд с готовностью похвалит даже навозную кучу, если покупатель испытывает слабость к навозным кучам, все же не в силах была возразить человеку, который в сырой бадорской норе восхищенно расхваливал равнины. Оказалось, однако, что он поступал так скорее по привычке, чем рассчитывая на существенную выгоду — поскольку, оценив одежду, решил, что гости не принадлежат к особо богатым, и не побежал за хозяином. Лишь кошелек, который достала женщина, дал ему понять, что дело действительно серьезное. Окинув взглядом мешочек, содержимого которого наверняка хватило бы, чтобы купить все содержимое склада, он поспешно выскочил за дверь и устремился искать своего господина.

Ранер, обычно невозмутимый, чуть не взорвался от ярости.

— Во имя Шерни, госпожа! — бросил он. — Еще до утра весь город будет знать об этом золоте! Что ты хочешь доказать и кому? Купеческой прислуге?

— А что я такого сделала? — удивленно спросила она. — Ранер, не слишком ли много ты себе позволяешь?

Тот развел руками.

— На тебя охотятся. Все! А ты только что крикнула: «Я здесь!» Когда-то ты могла так делать, но сейчас? Сейчас на тебя идет охота, понимаешь?

— Ранер, с меня хватит! — предупреждающе бросила она. — Мне казалось, ты знаешь этого купца.

— Купца — да, но не подручного… Тихо!.. — прошипел он, ибо слуга как раз вернулся, пропустив хозяина вперед.

Увидев клиентов, купец тотчас же отослал помощника, после чего подошел к Ранеру и обменялся с ним несколькими тихими словами. Обиженная Каренира отошла в сторону и начала копаться в груде какого-то хлама.

— Мы переночуем здесь, госпожа, — сказал, подходя, Ранер. — Нужно купить что-нибудь специально для тебя?

— Пурпурное платье, — ответила она. — Ну и вот это. — Она показала на сундук с колбасами.

Ранер извлек откуда-то немного серебра и дал купцу.

— Два приличных плаща, тридцать локтей веревки, еды на неделю для двоих, — сказал он. — Ага, еще хороший кремень. Хватит?

— Даже слишком, — последовал ответ, — Я подготовлю все к утру. Да, ваше благородие?

— Да.

Вскоре они оказались в большой комнате, обставленной довольно скромно, ибо, кроме стола, скамьи и трех кроватей, в ней ничего не было. Хозяин принес свечу и зажег от нее несколько других. Потом гости остались одни.

— Когда-то, — хвастливо проговорил Ранер, бесцеремонно укладываясь на одну из кроватей, — я оказал этому человеку немалую услугу. Я спас его жизнь, ну… во всяком случае, имущество, что для купца означает то же самое. Хель-Крегири не знает, что у меня есть личная квартира в Бадоре. Впрочем, кроме Армы, никто об этом не знает. Думаю, мы здесь в безопасности.

— Послушай, Ранер, — помолчав, сказала Каренира. — Не нравится мне все это. Признаюсь, я не привыкла к обществу. Чьему бы то ни было. Не хочу быть несправедливой, но мне почему-то кажется, что ты постоянно пытаешься навязывать мне свою волю. Я уже устала слушать о том, как все на меня охотятся, что мне угрожает, где я в безопасности, а где нет. С этого момента, прежде чем ты примешь какое-то решение, а тем более воплотишь его на практике, поговори сначала со мной. Возможно, мне потребуется защита. И возможно, ты и в самом деле защитишь меня лучше, чем кто-либо другой. Но на этом — все. Думать за обоих буду я. Я уже выбиралась из таких переплетов, какие тебе и не снились.

Ранер ничего не ответил. Помолчав, он встал с кровати и начал расхаживать по комнате.

— Ты была когда-нибудь на моем месте? Ты знаешь, как себя вести? — наконец спросил он.

Каренира присела на край стола.

— Все когда-то бывает в первый раз, — заметила она. — Ранер… да ты просто забыл, кто я…

Он посмотрел под ноги.

— Возможно, — неожиданно согласился он. — Но не так давно, — продолжил он после короткой паузы, — Хель-Крегири поручила мне следить за одной сумасшедшей женщиной в лохмотьях. Правда? Я ходил за тобой по Громбу и насмотрелся достаточно, чтобы сказка о непобедимой Охотнице вылетела у меня из головы раз и навсегда. Тебя это не удивляет? Скажи.

На этот раз она отвела взгляд.

— Однако я кое-как все же справилась. Похоже, я больше не хожу в лохмотьях и даже говорить умею — ты не заметил?

— Заметил. Да, ты справилась, но вовсе не сама. Не морочь мне голову, Охотница.

— Ранер, — спокойно сказала она, но под этим спокойствием чувствовалась злость, — я в самом деле сыта по горло. Мне очень хочется тебя ударить. Но мне пришла в голову идея

получше, а именно: завтра ты возвращаешься в Громб. Меня утомил вид твоей рожи, тем более что выражение ее редко бывает умным. Я пойду в Овраг одна.

— Послушай, Охот…

— Одна, или не пойду вообще. Заткнись.

Она подняла палец.

— Ну а теперь оставляю тебя в этой норе.

— Куда ты идешь? — рассерженно спросил он.

— Ну, Ранер… Куда хочу, туда и иду.

С этими словами она взяла свои вещи, набросила плащ и вышла.

Каренира сказала Ранеру искреннюю правду — действительно, чье бы то ни было общество рано или поздно начинало ее тяготить. Она любила себя и хотела быть предоставленной только самой себе. В том, что говорил Ранер, было немало истины. Но она не в силах была просто так взять и отбросить старые привычки. Кроме того, ей казалось, что она и Ранер попросту друг другу не подходят. Она явно видела, что этот человек всегда подумывает о бегстве, когда она почитает за лучшее спрятаться; спрячется, когда она предпочтет сражаться; будет драться, когда она выберет бегство… Они отличались и характерами, и привычками. Басергор-Крагдоб воспитал гвардейца на свой манер. Она не сомневалась в том, что Ранер был для нее прекрасным товарищем и отличным помощником. Но то, что было хорошо для Глорма, ей не подходило.

Чуть поостынув, она хотела было вернуться и все объяснить, зная, что возмущалась совершенно зря. Однако не вернулась.

— Глупости, — сказала она сама себе, как это часто бывало. — Естественно, ты не вернешься. Стыдно ведь.

Было уже совсем темно. Она огляделась вокруг, но тусклый свет, падавший из окон домов, скорее обманывал взгляд, чем действительно позволял что-либо рассмотреть. После наступления сумерек мало у кого возникало желание гулять по городским улицам. Однако ей показалось, будто кто-то идет за ней следом. Наверняка Ранер. Честно говоря, она этого ожидала.

Прошло немало времени с тех пор, как она последний раз была в Бадоре. С некоторым трудом она отыскала в темноте улицу, ведущую к рынку. Обычно она останавливалась в гостинице, находившейся рядом с городскими воротами, однако сейчас до рынка было ближе. Там тоже был постоялый двор. Даже два.

Она остановилась у стены дома. Лук и колчан со стрелами привлекали внимание — в данном случае ее «опекун» был совершенно прав. Каренира поморщилась, поскольку дождь шел довольно сильный, но — хочешь, не хочешь — сняла плащ и завернула в него лук и колчан.

Положение преследуемой дичи, по сути, было для нее внове. Она привыкла к опасностям иного рода. В горах врагом мог оказаться любой, но там она была в состоянии о себе позаботиться. Но в городах? Да, иногда кто-то искал повода прицепиться. Но никогда не было так, чтобы каждый встречный мог иметь повод наброситься на нее.

Задумавшись, она оперлась спиной о мокрую холодную стену. Постояв так, она еще раз огляделась по сторонам, отстегнула пояс с мечом и тоже завернула в плащ. Достав из сумки острый охотничий нож, она сунула его за голенище сапога, после чего начала расплетать косу. Лук… меч… косы… Что еще выдавало в ней Охотницу? Впрочем, ничего больше сделать она не могла. Путешествующая в одиночестве женщина так или иначе привлекала в Громбеларде внимание. По улицам можно было ходить в плаще и прятать лицо под капюшоном. Сидя так в корчме, она вызвала бы только излишнее любопытство.

Она обвязала лоб ремешком, чтобы хоть немного укротить распущенные, тяжелые от дождя волосы, неприятно облепившие шею. Косы были все-таки удобнее.

— Ну ладно, ты совсем уж несчастная, — буркнула она. — Подогретого пива всяко заслужила. С кореньями, мм…

Она снова огляделась, помахала рукой тени, которой почти наверняка был Ранер, и двинулась в сторону рынка.

Было еще не слишком поздно. Вечерами в городских корчмах собиралось довольно многочисленное общество. Она не удивилась, когда из открытых дверей донеслись шум разговоров и заставившая поморщиться смесь разнообразных запахов; все-таки она уже немного подзабыла, как пахнут второразрядные заведения, где сидели почти одни мужчины.

Никто не обратил на нее внимания. Посетители шумели за столами; на самом большом, занимавшем всю середину зала, танцевала девушка. Горбатый старик, подбадриваемый криками, все громче играл на странном инструменте. Каренира чуть нахмурилась, глядя на музыканта. Она уже где-то видела этого человека или, скорее, видела этот инструмент, поскольку лицо старика ничего ей не говорило. Хотя… Но нет. На мгновение ее глаза встретились с глазами горбуна; пустой, безразличный взгляд этого человека, казалось, говорил, что ему все равно, какие играть мелодии и чему его игра служит.

Повернувшись в другую сторону, Каренира увидела, что армектанские порядки добрались и до Бадора: трактирщик носился туда-сюда за стойкой, хотя и довольно убогой. Шероховатая, кое-как оструганная доска, опиравшаяся на толстые брусья, мало имела общего с тем, что Каренире доводилось видеть в ее краю. Что ж, так или иначе, Громбелард решительно опережал в этом отношении Дартан.

Держа свой длинный неудобный сверток вдоль ноги, чтобы не привлекать ничьего внимания, она протолкалась к стойке и, найдя немного места, оперлась руками о доску.

— Комнату, — потребовала она, когда трактирщик оказался в пределах досягаемости ее голоса.

— Первая свободна, как обычно, поторопись, — бросил тот, однако тут же посмотрел внимательнее и заметил свою ошибку. — А, нет, нету. Может быть, есть место в общей, на соломе.

— Первая свободна.

— Но не для тебя, госпожа. — (Ну вот, называется, не привлекла ничьего внимания…) — Там только кровать. Для них. — Он показал за ее спину.

Она оглянулась и задумчиво посмотрела на основательно помятых шлюх.

Трактирщик обслужил какого-то пьяницу, сперва подав ему кружку пива и почти сразу же — миску. Пьяница выпил пиво и тут же проблевался — к сожалению, не в миску, хотя и держал ее изо всех сил.

— Возьму, — сказала Каренира. — Давай ту комнату.

— Твое дело, госпожа! — ответил трактирщик через плечо, стараясь перекричать громкую застольную песню. Дав пьяному в морду, он отобрал у него миску. — Твое дело, госпожа, — повторил он, показывая ей, неизвестно зачем, пустое дно посудины. — Если мне это выгодно — то почему нет? Но я на этой комнате немало зарабатываю.

— Верю.

Легким движением она подала ему золотую монету.

— Хватит?

— Ну что ты, — ответил он. — Столько не надо. Комната твоя, госпожа. Что-нибудь еще?

— Пришли мне подогретого пива, побольше. И лучшее, что у тебя есть из еды.

Попав в комнату, она с глубоким сожалением обнаружила, что хозяин говорил чистую правду — кроме кровати, она не нашла там ничего. Из матраса кто-то украл сено, а с пола половицу. Из свечи был, как назло, вытащен фитиль. Поскольку без фитиля в ней все равно не было никакого смысла, свечу прилепили к потолку. Рядом висел кусок дерьма.

— Ну что ж… — пробормотала Каренира.

Она спрятала оружие под кроватью и стала ждать, сидя в полосе серого света, падавшего через открытую дверь. Вскоре слуга принес свечу, вышел и сразу же вернулся, таща блюдо и две больших кружки. Поставив все на пол, он забрал дерьмо с потолка и выбежал из комнаты. Она закрыла за ним дверь. Щеколда выглядела вполне прилично.

Пиво было теплым и очень, очень крепким. В него долили водки, добавив, чтобы было незаметно, больше меда и кореньев, чем нужно.

— Ранер, — грустно проговорила она, — я уже по тебе скучаю. Обещай, что дашь мне обычного подогретого пива, а я вернусь и до утра буду голой для тебя танцевать.

Ее уже не в первый раз пытались опоить, чтобы потом обокрасть, когда она заснет. Обычно в таких случаях она шла к трактирщику, обливала его дрянью, которую он прислал, и прямо говорила все, что о нем думает. Ее громбелардское прозвище обычно решало дело.

— Знаю, — сказала она, откусывая кусок неплохого жаркого, — что золото показывать нельзя. Но что мне делать? Я всегда плачу золотом, поскольку медяков с собой не ношу.

Она закончила есть и отставила блюдо.

— И что теперь? А пиво? Ох, хватит с меня, — с неожиданной грустью решила она. — Я просто не выдержу, не смогу. Ведь это страшно глупо — притворяться, будто ты не Охотница. Никто такого не выдержит.

Она подошла к окну и толкнула ставни. Они раскрылись, впуская ветер и дождь.

— Ранер! — негромко позвала она. — Ты здесь, скажи?

Нет. Его здесь не было.

В дверь заколотили.

— Чего?! — рявкнула она.

— Открывай, ну! — потребовали в ответ.

Она открыла дверь. Высокая, не слишком грязная, даже вполне симпатичная девушка держала под мышкой в стельку пьяного мужика.

— Ну и дела! Ты одна? — спросила девица, вваливаясь в комнату.

Каренира не уступила.

— Ночую я здесь, — сказала она, преграждая той путь. — Вон, прислони его к стенке, да и все. Зачем тебе кровать?

— Тебя что, Квас ночевать пустил? — удивилась девушка, внимательнее приглядываясь к Каренире. — Ты чего, новенькая?

— Новенькая, вали отсюда.

— Чего — вали? — рассердилась шлюха. — Это ты мне? Это я — вали?

Она выронила мужика на пол, сжимая кулаки. Каренира со вздохом стукнула ее коленом в орудие труда и с размаху захлопнула дверь, ударив ею по искаженному лицу «коллеги». Грохот и визг раздались одновременно.

Каренира задвинула щеколду и отступила на середину комнаты.

— Нет, — сказала она, — это уже конец всему. Как раз столько, сколько ты могла выдержать, в самый раз, ваше благородие. Теперь, если еще что-нибудь случится, пойдешь выпить пива. Вот так, просто.

Она села на кровать и — на всякий случай — заплела волосы в косу. Едва она успела закончить, как кто-то начал ломиться в дверь.

— Хозяин, — пробормотала она, — и как я смогу заснуть после этого пива с водкой, когда тут такое движение? Плохо ты следишь за порядком…

Застегнув на бедрах пояс с мечом, она подошла к двери и, выбрав подходящий момент, открыла. Высокую шлюху она вышвырнула в окно, рыжую пинком вышибла за дверь, а старую избила до потери сознания. Взяв кружку (ибо одна уцелела), она отправилась в зал, миновав по пути остолбеневшего слугу, которого, видимо, послали проверить источник шума.

— Хозяин! Пива!

Кружка с грохотом разлетелась вдребезги над головой трактирщика. Золотистая жидкость хлынула на пол, пенясь, потекла по стене.

В зале наступила тишина. Все взгляды устремились в сторону стойки. Мокрый трактирщик медленно выпрямлялся. К плечу его прилип осколок кружки.

— Я заплатила за пиво. Пришли мне еще две кружки, и на этот раз не доливай водки, — убедительно проговорила она, — Слышишь, тварь? И шлюх своих держи от меня

подальше. Не пользуюсь.

Кто-то засмеялся, его смех подхватили другие. Хозяин пришел в себя.

— Эй, эй! — в гневе заорал он.

— Хозяин! — предостерегла Каренира.

— Эта баба слишком много выпила! — крикнул трактирщик, обращаясь к посетителям.

— Как раз слишком мало, — ответила она ко всеобщему веселью. Она чувствовала себя превосходно. Быть собой — какое все-таки наслаждение! Она достала меч и подала его стоявшему рядом мужчине, после чего повернулась к его спутнику, высокому и мускулистому.

— Ты как, сильный? Перенеси меня на ту сторону, и увидишь кое-что интересное. — Она показала на место за стойкой, рядом с трактирщиком.

Тот радостно потер руки, без труда поднял ее и помог перелезть через стойку, несмотря на протесты трактирщика. Собравшиеся в зале начали вставать и проталкиваться туда, где события развивались все быстрее.

— Эта баба… — Трактирщик задохнулся от ярости и начал было звать слуг.

— Эта баба, — сказала она, протягивая руку за своим мечом, — армектанка чистой крови, и к ней следует обращаться должным образом.

Сказав это, она начала крушить корчму. Она порубила мечом большую бочку с пивом и перебила множество кружек, разбила несколько бутылей и превратила в фарш висевшую на колышке колбасу. Зрители выли от счастья. Квас, пытаясь спасти свое имущество, с ревом набросился на вооруженного демона в женском обличье, но получил в рожу рукояткой. Потом она начала бить плашмя. Несчастный упал. Растоптав лежащего и сорвав потрепанную занавеску из соломы, она ворвалась в заднюю комнату. Оттуда донесся ее радостный возглас, и почти сразу же под громкие крики собравшихся о стойку ударилась большая корзина с яйцами.

— За патрулем побежали, за патрулем! — крикнул кто-то от дверей. — Сейчас патруль придет!

Действительно, какой-то мальчишка, возможно сын трактирщика, выскочил наружу и помчался по улице, призывая солдат из патруля. Квас кое-как поднялся, высмаркивая кровь из носа, а увидев пробиравшегося сквозь толпу слугу, рявкнул на него и бросился к двери собственной кладовой. Внутри все еще бушевали разрушительные силы.

Слуга догнал своего хозяина неожиданно быстро — размахивая руками, он пролетел по воздуху, описал плавную дугу и грохнулся о стену, после чего осел к ногам своего работодателя.

Плечистый массивный мужчина пробивал себе дорогу к стойке, таща за воротник второго слугу. Подняв, словно крысу, он уложил его на армектанское новшество.

— Ранер, ну наконец-то, — сказала Каренира, появляясь с большим окороком в руке. — Я тут с хозяином поссорилась.

Трактирщик смерил взглядом фигуру новоприбывшего, а затем посмотрел на доску в своей руке, которой желал дать гордое имя оружия. Усомнившись в своей счастливой звезде, он выронил деревяшку на пол.

Из большой бочки вытекало пиво. Каренира убрала меч, взяла окорок под мышку и подставила под пенящуюся струю одну из уцелевших кружек.

— Тоже хочешь?

Ранер помог ей выбраться из-за стойки.

— Сейчас здесь будет патруль, — сказал он.

Присутствующие молча следили за интересной беседой.

— Ну и хорошо, — ответила она. — Идем, я сняла тут комнату… Ага, заплати за окорок.

Ранер выложил три медяка. Трактирщик расплакался.

Пока они пробирались сквозь толпу, их хлопали по плечам и спинам. Среди веселого шума то один, то другой угощал пивом, третьи звали к столу, но они отказывались.

Убрав из комнаты шлюху, Ранер задвинул щеколду.

— Ну и как? — спросила она.

Он пожал плечами и сел на кровать, опустив ноги в лужу пролитого пива.

— В Громб я не вернусь, — сказал он, словно именно об этом они разговаривали.

— Ясное дело, что нет, — согласилась она.

Они съели окорок и выпили пиво.

Солдаты появились вскоре после этого. Она достала из сумки маленький свиток пергамента и бросила десятнику. Солдат увидел печать представителя, подпись княгини Верены, если даже умел читать — то не стал… Может быть, заметил два или три слова. Он лишь сказал «ваше благородие» и исчез.

— Что это? — спросил Ранер.

— Ничего. В самом деле ничего, — буркнула она, пожав плечами. — Этому хватило одной печати.

Она легла, заложив руки за голову.

— Верена сунула мне это чуть ли не силой. Там она называет меня своей подругой и просит, чтобы у меня не было никаких затруднений в пути.

— Ее высочество… — начал Ранер.

— Ее высочество, — перебила она, — испытывала ко мне чересчур сильные чувства.

Ранер не понял. На щеках Карениры проступил румянец. Разозлившись, она пояснила:

— Ее высочество видела во мне то, что должны видеть только мужчины, хотя сама она еще не отдавала себе в этом отчета… Понимаешь? Я сбежала, Ранер, потому что самое большее через неделю мне пришлось бы прямо ей сказать, что я не нуждаюсь в любовнице, пусть она даже дочь императора. Вот так. Только никому не говори. Даже Арме… Я хотела хоть кому-то об этом сказать. Как-то так, знаешь…

Она протянула руку и коснулась его щеки.

— Извини за все сегодняшнее. И предупреждаю: не командуй мной больше, ибо я и в самом деле не знаю, что с тобой сделаю.

Она сняла куртку.

— Хочешь?

Он хотел.

Она дала.

18

Узкое и крутое ущелье словно возникло вследствие какой-то ошибки — высокие скалистые стены явно должны были сомкнуться, но что-то их удержало. Теперь они нависали, наклонившись друг к другу, и трудно было избежать впечатления, что пропасть между ними может в любой момент исчезнуть: достаточно, чтобы скалы возобновили свое, прервавшееся по неизвестным причинам, движение.

И все же жили на свете люди, которым это странное место казалось вполне безопасным. Вход в ущелье охранял мощный, хотя и не отличавшийся особой красотой частокол, из-за которого виднелись крыши нескольких заброшенного вида домов. Внизу тек ручей, во время сильных дождей, несомненно, превращавшийся в реку. Местные жители делали все, что было в их силах, чтобы уберечь свои хижины от затопления — в каменном дне был выкопан (или скорее выдолблен) глубокий ров, шедший посреди селения. Было, однако, сомнительно, что этого средства защиты всегда оказывалось достаточно.

Селение называлось Безвозврат или Овраг.

Человек, не знавший Тяжелых гор, мог бы задать себе вопрос — чем, собственно, жили обитатели Безвозврата? Пастушеством они не занимались, ибо их овцам пришлось бы питаться скалами. Что же являлось источником существования этих людей? Какое ремесло?

Ответ напрашивался сам собой — у ворот в частоколе стоял часовой, и, даже если бы его внешность и оружие не говорили сами за себя, хватило бы вида невероятно зверской,

чисто разбойничьей физиономии одетого в шкуры детины, который как раз выбрался из дома в самом конце селения. Человек этот (то, что это человек, можно было понять по тому, что он передвигался на двух ногах) прорычал нечто совершенно нечленораздельное, поскреб космы на голове, потянулся и издал ряд громких звуков, тоже мало похожих на человеческую речь. Ставя ноги носками внутрь, так что они едва не цеплялись друг о друга, он потащился к одной из черных дыр, зиявших в скальной стене. Постояв там немного, он вернулся, вошел в хижину, затем появился снова, неся наполненную чем-то миску. Сделав несколько шагов, он остановился, задумался (ибо лоб его собрался в морщины) и вернулся снова. Оказалось, что кроме миски требовалось еще и копье. Держа в руках то и другое, разбойник без дальнейших препятствий добрался до пещеры и исчез внутри нее.

Пещера была небольшая. В двух шагах от входа, укрывшись от ветра и дождя, дремал вооруженный арбалетом часовой, как две капли воды похожий на своего товарища, несшего корм. Ибо содержимое миски действительно было кормом, а не едой. Мерцающий свет лучины безжалостно демонстрировал обглоданные кости, плававшие в какой-то отвратительной жиже. Вошедший миновал часового и остановился перед прочной решеткой, разделявшей пещеру на две части. Он поставил миску на землю и с помощью копья протолкнул ее за решетку.

— Жри.

Чья-то оборванная фигура выглянула из темного закоулка. Коптящая лучина давала достаточно света, чтобы показать лицо молодой, исхудавшей и грязной, но, несомненно, когда-то очень красивой женщины. Взяв миску, пленница отступила на несколько шагов, села на землю и начала хлебать принесенные помои. Потом обглодала остатки мяса, разгрызла кости зубами и высосала мозг.

Разбойник смотрел на нее, опершись на свое оружие.

Женщина съела все, поставила миску возле решетки и отошла. Детина даже и не думал о том, чтобы протянуть к посудине руку, явно было видно, что пространство за решеткой кажется ему логовом опасного дикого зверя. Просунув между прутьями древко копья, он пододвинул миску к себе, после чего взял ее и ушел, бормоча что-то под нос.

Из-за решетки за ним следила пара блестящих глаз.

Часовой все еще дремал у входа. Какое-то время спустя его сменил другой. Сначала он возился с арбалетом, потом, походив туда-сюда, взял лучину и попытался разглядеть скорчившуюся в углу фигуру пленницы. Потом с помощью стрелы принялся рисовать на стене пещеры разные знаки — явно не буквы. Когда наконечник отвалился от древка, обескураженный художник уселся на место своего предшественника. Перед пещерой ничего не происходило, а если даже и так, то все равно ничего не было видно. Темная громбелардская ночь давно уже сгустилась в ущелье. Какое-то время спустя часовой задремал.

В пещере царила тишина, подчеркиваемая доносившимся снаружи тихим шумом дождя.

Женщина поднялась со своего места, помочилась в углу пещеры и застыла, улегшись возле решетки. Красный свет факела приковывал ее бдительный взгляд. Она наблюдала за часовым. Ничто, однако, не указывало на то, что движение за решеткой было им замечено. Он спал. Придя к такому выводу, женщина почти беззвучно прошептала, повернувшись к выходу:

— Вемир!

Несколько мгновений ничего не происходило. Затем вдоль неровной стены мелькнула какая-то тень. И больше ничего… может быть, лишь темнота возле головы лежащей женщины незначительно сгустилась… На мгновение в темноте сверкнули два желтых глаза, которые тотчас же погасли. Черный кот-гадб коснулся носом щеки пленницы.

— Я привел их.

— Вэрк, хорошо. Наконец-то. Я больше тут не выдержу.

Они разговаривали на грани слышимости, однако, несмотря на это, в голосе женщины

явно чувствовалось облегчение, огромное облегчение.

— Когда? — спросила она.

— Уже сегодня. Они ждут сигнала.

Закрыв глаза, она прижала кулак к губам, словно боясь, что из ее груди вырвется дикий крик радости.

— Но сначала мне нужно отсюда выбраться, — после долгой паузы прошептала она. — Тот, что там сидит, выстрелит в меня, как только здесь начнет что-то происходить.

— Я принес нож.

Она протянула руку. Кот был опоясан крепким ремнем. На груди, между лапами, она нащупала кожаный мешочек, в котором был спрятан небольшой, но острый нож.

— Спрячься. И попробуй мне помочь.

— Вэрк, Кага.

Темное пятно рядом с женщиной исчезло, бесшумно растворившись во мраке.

Хель-Крегири положила нож возле одного из прутьев, после чего тихо застонала.

Часовой не пошевелился.

Женщина застонала еще раз. На этот раз разбойник поднял голову, встал и взял лучину. Та угасала, давая больше дыма, чем света. Он зажег от нее новую, после чего поднял ее и, держась на безопасном расстоянии от решетки, попытался разглядеть, что происходит по другую ее сторону.

— Дай мне поесть, — хрипло проговорила женщина. — Я больше не могу… От того, что вы мне даете, блевать охота… Дай мне чего-нибудь, слышишь?

Часовой переступил с ноги на ногу, оглянулся, взял прислоненную к стене палку и переложил ее из левой руки в правую, взяв в левую факел.

— Дай мне поесть! — простонала женщина. — Я убью тебя, если ты не дашь мне еды! Слышишь? Принеси мне чего-нибудь. Что хочешь взамен? — Она вскочила и ухватилась за решетку. — У меня ничего нет! Ничего…

Державший факел детина снова переступил с ноги на ногу.

— Не положено, — сказал он. — Ты ведь уже пожрала.

Она отпустила решетку и, сев на землю, медленно начала стягивать с себя остатки лохмотьев.

— Смотри… — проговорила она приглушенным голосом. — Хочешь? Я… все тебе покажу, все, что у меня есть. Видел когда-нибудь такую? Смотри, ну, смелее. Только дай мне еды. Слышишь? Дай мне еды…

Она опустилась на спину, раздвинув бедра, взлохматила ладонями черные, жесткие волосы. Она была грязна до ужаса, а воняло от нее так, что нормальный мужчина тотчас же бросился бы в паническое бегство, — все же бывают в жизни минуты, когда лучше не доверять даже решетке. Но от стражника воняло еще хуже, а в сравнении со всеми женщинами, которых он за свою жизнь познал, Хель-Крегири казалась ему чудесной русалкой. Вытянув шею и все выше поднимая факел, он жадно поглощал взглядом лакомый кусочек. Она перевернулась на живот и присела, показав ему ягодицы, потом встала, повернулась в сторону решетки и прижалась к ней задом, упираясь руками в землю.

— Дай мне поесть! — простонала она. — Если дашь поесть, я все, что угодно, сделаю… Хочешь?

Искушение пересилило. Стражник подошел, облизываясь и почесывая причинное место. Не зная, что делать с факелом, он воткнул его в щель, зиявшую в каменной стене. Палку при этом он предусмотрительно не стал класть на землю. Повернувшаяся к нему спиной, упиравшаяся руками в землю женщина не могла представлять никакой опасности, но, если бы она захотела сделать какое-нибудь враждебное движение, палка могла пригодиться.

Так он, по крайней мере, считал.

— Поесть ты мне так и не дал, — сказала она. — Я же говорила, что убью. Слово кота.

С невероятной легкостью она опустила голову между собственных колен, и, прежде

чем он понял, что происходит, нож вонзился ему в живот, прямо над мужским достоинством. Она выдернула оружие из раны, вскочила и — все еще стоя к нему спиной — протянула руку назад, схватив его за горло. С пронзительным ревом он оттолкнулся от решетки, однако она держала достаточно крепко, и, кроме того, что-то тяжелое неожиданно обрушилось ему на спину, толкая в сторону решетки. У нее было достаточно времени, чтобы ударить ножом назад. Удар пришелся в шею. Вемир снова прыгнул на стражника. Повернувшись, она несколько раз вонзила короткое лезвие в живот, грудь, куда попало. Он начал оседать на землю на подгибающихся ногах. Она не дала ему упасть слишком быстро, успев ткнуть ножом еще несколько раз. Выпустив окровавленное тело, она начала резать веревки, которыми были связаны жерди. Вскоре прутья решетки можно было разогнуть. До крови обдирая кожу на груди, животе и спине, она выбралась наружу. Стражник пытался ползти, захлебываясь кровью, хлеставшей из раны на шее. Она бросилась на него, перевернула на спину и, усевшись верхом, еще раз вонзила нож между ребер, после чего, полубезумная от ненависти, брызгая слюной и хрипя так, словно это ей перерезали горло, схватила лохматую башку и начала колотить ею о каменный пол, пока нос и губы не превратились в кровавую кашу. Взметнув руки к потолку пещеры, закрыв глаза и стиснув кулаки, она издала полный наслаждения стон. Волосы на ее лбу слиплись от крови. Вскочив, она пнула убитого ногой и бросилась к выходу из пещеры.

— Давай, Вемир… *начинай!*

Черный кот молнией метнулся в темноту. В следующее мгновение окрестности огласил боевой рык воина-гадба.

Его подхватили пятьдесят с небольшим глоток.

Ночь была темной, хоть глаза выколи. В нескольких домах и пещерах мерцали тусклые огоньки, но они никоим образом не могли рассеять мрак, царивший на дне ущелья. Прозвучал боевой рык… и наступила тишина. Не было слышно топота ног бегущих воинов, не лязгало оружие.

Изнутри одной из хижин донесся пронзительный вопль. Вопль повторился, и свет в доме погас.

Но вот из остальных домов и жилых пещер начали выбегать вооруженные люди, некоторые с факелами — но пламя, притягивая взгляд, скорее ослепляло, чем позволяло хоть что-то увидеть. Однако невдалеке от частокола лежала большая груда дров, приготовленная как раз на случай какой-нибудь опасности. Она была покрыта шкурами, для защиты от дождя. Разбойник с факелом в руке подбежал к ней и поджег. Дерево занялось сперва неохотно, затем начало разгораться.

Всюду мелькали быстрые тени, собираясь небольшими стаями и исчезая внутри домов и пещер, откуда тотчас же доносились вопли, стоны и проклятия. Время от времени им вторило глухое, грозное рычание, издаваемое отнюдь не человеческим горлом…

Костер вспыхнул ярким пламенем.

Нападавших было пятьдесят — но из-за их невероятной подвижности могло показаться, что их втрое больше. Грозные силуэты больших котов-гадбов появлялись повсюду, собираясь в группы и тотчас же разбегаясь. Дома и пещеры одни за другим оказывались в их власти. Люди, в одиночку метавшиеся по каменной площадке с оружием в руках, падали жертвой молниеносно возникавших хищных отрядов. Кто-то пытался преследовать одинокого кота-воина — безуспешно! Никто из гадбов даже не думал о том, чтобы вступать с кем-то в поединок, казавшаяся внешне беспорядочной беготня имела своей целью рассеять внимание и силы противника. То и дело там, где это было необходимо, возникал новый отряд из нескольких котов и окружал одинокого разбойника, чтобы, расправившись с ним, тотчас же снова броситься врассыпную. Все это вызывало мысль о какой-то жуткой охотничьей забаве. Не было никакой яростной, ожесточенной битвы, как это обычно бывает, когда люди сражаются с людьми. Вместо этого шла обычная охота…

Однако пылающий костер все сильнее стал манить к себе всех тех, кто еще хотел и мог думать об обороне. Широкий круг света лишал кошачьи глаза преимущества; но прежде

всего костер был местом, привлекавшим внимание. Там появилось сначала четверо, потом еще несколько разбойников — и вскоре все сражение сосредоточилось в одном месте. Более того, оно утратило прежний беспорядочный характер. Сомкнутый круг из полутора десятков вооруженных людей нелегко было разорвать. Попытка совершить подобное тотчас же закончилась серьезными потерями в рядах нападавших. Захваченный врасплох, беспомощно мечущийся в темноте человек был для котов-воинов легкой добычей. Однако сплоченный отряд, готовый сражаться при полном свете, мог доставить немало хлопот.

Стая собралась на границе света и тьмы, время от времени устраивая дикую беготню, которая могла бы спровоцировать людей на атаку. Однако окруженные разбойники были не настолько наивны. Они уже не раз заглядывали смерти в лицо и умели убивать; однако они также знали, как не дать убить себя.

В захваченном селении наступила тишина. Окруженная со всех сторон группа разбойников чем-то напоминала медведя, вокруг которого собрались выбившиеся из сил, покалеченные псы, не решающиеся нападать — но тем более не намеревающиеся отступать.

В темноте раздался низкий, неразборчивый кошачий голос, звучавший как нечто среднее между ворчанием и горловым шепотом:

— До утра огонь погаснет…

Это начало доходить и до оборонявшихся. Небольшого запаса мокрой древесины возле частокола могло не хватить…

Коты усаживались на землю. Теперь, когда они сидели смирно, ясно было видно, что это не какая-то собранная на скорую руку стая. Большинство воинов были в кольчугах, и почти все — в характерных кошачьих шлемах. Больше всего бросались в глаза зеленые мундиры… Их носили лишь несколько воинов, хотя, в соответствии с уставом, должны были носить все. Но солдатам, входившим в состав элитных подразделений, порой дозволялись значительные отступления от правил. Впрочем, «убийцы из Рахгара» не собирались спрашивать ничьего мнения. Они поступали так, как считали нужным и удобным.

Селение было захвачено регулярной полусотней Громбелардской гвардии.

Окруженные разбойники сбились еще теснее, готовые отразить атаку, и обменивались короткими репликами. Ясно было, что, если дров не хватит, придется пробиваться сквозь кольцо нападавших. Однако попытка вырваться из ловушки означала, что придется сражаться в темноте — то есть именно то, чего окруженные так боялись. Единственным выходом было экономить дрова и пытаться дотянуть до утра.

Прятавшаяся во мраке женщина, присев на корточки, с интересом смотрела на тех, кто еще столь недавно были стражами ее тюрьмы. Вскоре появился Вемир, ведя с собой двух других котов. На первом из них, таком же черном, как и разведчик Хель-Крегири, поверх кольчуги был надет мундир с нашивками сотника гвардии. Это означало — ни больше ни меньше, — что он один из самых старших по званию во всей Второй провинции. Тот факт, что он командовал столь небольшим отрядом, был не только весьма удивителен, но и противоречил уставу.

Что ж… в отношении котов воинские уставы могли толковаться весьма растяжимо.

Сотник наклонил голову, украшенную чуть гротескно выглядевшим плоским шлемом. Морда его была перемазана кровью — что явно свидетельствовало о том, что кот-командир во время сражения не ограничивался одной лишь отдачей приказов… В полушаге за ним следовал рыжий кот, весьма крупный даже среди своих побратимов-гадбов.

— Странное перемирие, Хель-Крегири, — промурлыкал сотник, поднимая лапу в кошачьем ночном приветствии.

Она ответила тем же жестом.

— Мы уже во второй раз встречаемся, — сказала она. — Тогда вы перебили мне весь отряд. Сегодня же я прошу о помощи.

— Ты ее уже получила, хотя я до сих пор не знаю, во имя чего. Я поверил тебе на слово. Слово кота, — подчеркнул он, облизывая усы. — Я совершил ошибку?

— Недавно… я нарушила слово, — мрачно проговорила она. — И ты все-таки решил

мне поверить?

— Я кое-что об этом слышал… и, кажется, понимаю, что тобой руководило, Хель-Крегири. Не будем об этом. В селении нет калеки, о котором говорил мне Вемир, — сообщил он, меняя тему.

С губ женщины сорвалось ругательство, которое невозможно было повторить, настолько изощренно оно звучало.

— Плохо…

Кот прижал уши.

— У нас еще будет время поговорить. Пока что у нас проблемы. Если огонь продержится до утра, то эти полтора десятка человек без труда сбегут. В темноте мы их рассеем и прикончим по одному. Днем же об этом не может быть и речи, самое большее, что мы можем, — не попадаться им на глаза.

Он посмотрел в сторону вооруженной группы.

— Есть в Армекте прекрасная, умная игра, — сказал кот. — Иногда в ней возникает такая ситуация, когда ни один из игроков не может сделать хода. Это называется «пат». Если они сейчас нападут — мы с ними разделаемся. Но сомневаюсь, что они настолько глупы. А я тоже не собираюсь атаковать, это работа для тяжеловооруженных. При свете нас перебьют как котят, — коротко и содержательно закончил он.

— Знаю, — мрачно ответила Хель-Крегири. — Сейчас я заставлю их сдвинуться с места. Только найдите мне арбалет и пару стрел к нему.

Кот пошевелил усами.

— Вэрк, — промурлыкал он. — Неплохая мысль.

Он отдал своему рыжему заместителю несколько коротких распоряжений. Время шло.

Окруженные звериной гвардией разбойники не знали армектанской игры, о которой говорил сотник, так что они не имели понятия о том, что означает слово «пат». Тем не менее, когда из темноты, из-за круга света вылетела первая стрела, свалив плечистого детину с мечом и дубиной, они без труда поняли, к чему идет дело, и начали собираться с силами для отчаянной, безнадежной атаки. Какой-то кот громко произнес: «Шах!» Следом раздался другой голос — женский.

— Эй, не советую… В самом деле не советую. Лучше дайте себя перестрелять, я вас всех поубиваю, только и всего. Если нападете — в мои руки и их лапы попадет много раненых. Много раненых… — с наслаждением повторила она и натянула тетиву.

Из темноты вылетела вторая стрела.

Разбойники, выхватив из огня горящие поленья, бросились в атаку.

Удар пришелся в пустоту. Гвардейцев не было.

Хель-Крегири выскочила из темноты и молниеносно оказалась у пылающего костра, держа в руках тяжелую алебарду. Размахнувшись, она разбросала лезвием все еще пылающий вовсю костер. Горящие головешки полетели во тьму. Следующими ударами она окончательно раскидала костер и снова исчезла в темноте — жуткий растрепанный голый призрак.

Кошачий танец начался снова. Факелы были оружием обоюдоострым — в мерцающем свете возникали многочисленные, падавшие со всех сторон тени. Некоторые из них тенями вовсе не были. Люди начали метаться, беспомощно размахивая факелами и оружием. Суматоха продолжалась довольно долго — без особых последствий. Кто-то взревел от боли. Другой звал на помощь. В воздухе почувствовался запах паленой шерсти…

Никто не погиб.

Потом все закончилось. Коты отступили.

И ясно было, почему: импровизированные факелы догорали очень быстро, угасая один за другим.

Вскоре под пасмурным громбелардским небом, на дне мрачного ущелья, среди холодной ночной темноты, мерцали лишь разбросанные, словно звезды на небе, маленькие красные угольки.

И тогда со всех сторон послышались мурлыкающие, неразборчивые, издевательские и вместе с тем добродушные голоса:

— Мы вас видим… Прекрасно видим. Ну и что теперь?..

Какой-то гвардеец подошел почти вплотную к одному из обитателей селения и обследовал древко длинного копья в его руках, почти касаясь его носом. Потом поднял голову и с любопытством уставился в искаженное от ужаса лицо слепого, словно крот, человека. Кот, прищурившись, покачивал головой в шлеме…

— Вэрк. Кончаем, — раздался решительный приказ.

С разбойниками разделались быстро и без шума. Нескольких раненых оставили на какое-то время в живых — чуть поразвлечься.

Обыскав внутренность одной из хижин, Хель-Крегири набросилась на обнаруженную еду, едва не подавившись копченым мясом.

Сотник устроился на широкой скамье рядом со столом, на котором стояла коптящая масляная плошка. Улегшись на бок, кот внимательно наблюдал за самоубийственными попытками женщины. Она запихивала в рот столько, сколько могло поместиться, после чего глотала, почти не жуя. Глаза ее вылезали из орбит.

— Меня там кормили… помоями… — пояснила она, откусывая очередной кусок.

Она запила съеденное чем-то, что в Овраге считалось вином.

— Я рад, что тебе нравится, Хель-Крегири. Ценю также твою заботу о собственной фигуре, — сказал гвардеец. — Тем не менее я хотел бы наконец знать, ради чего я пришел тебе на помощь. Мне ведь пришлось преодолеть пол-Громбеларда.

— Что тебе сказал Вемир?

— Только то, что ты не отвечаешь ни за что из того, что происходит в горах. Что ты в плену у некоего человека, живущего в этом селении. Якобы это как-то связано с недавним похищением ее высочества Верены. Если я правильно понял, вся эта странная забава с Лентами Алера только начинается. Я не люблю Шернь, и уж, во всяком случае, меня меньше всего интересует ее война с другими силами, — с отвращением заявил кот. — Для меня над миром может висеть что угодно. Но горы — совсем другое дело. Здесь происходит нечто опасное, я это вижу и без тебя. Поэтому все, что было передано мне от твоего имени, не лишено для меня смысла. — Он не стал добавлять, что если бы услышал подобные откровения, не подкрепленные никакими доказательствами, от обычного человека, то даже не стал бы слушать его до конца.

Но Кага не была человеком.

— Хель-Крегири?.. — поторопил ее гвардеец, когда молчание слишком затянулось.

— Не знаю, что сказать, — беспомощно призналась она. — Я думала, что мы убьем его сегодня. Если бы я знала, что его нет в селении, мне не потребовалась бы ваша помощь, чтобы бежать. Этот человек — некто вроде мудреца Шерни, — пояснила она. — Я думала, что вы его сегодня убьете.

— Вемир показал мне нужный дом. Туда мы и нанесли первый удар, — подтвердил сотник. — Повторяю: в селении нет безногого человека. Пленники это подтверждают.

Внезапно она пришла в ярость, чисто кошачью, появлявшуюся внезапно, без каких-либо предшествующих признаков злости или гнева.

— Сын шлюхи и шакала! — завизжала она, хватая лежавший рядом арбалет; грохнув оружием о стену, она колотила по ней до тех пор, пока не привела арбалет в полную негодность. — Вонючий кусок дерьма! Он меня обманул! Падаль! — прохрипела она. — Я выслеживала Бруля, как глупая сука! А он — просто орудие, всего лишь орудие, понимаешь?! Бруль! Великий, могучий Бруль, ха-ха! Издевательство сплошное! А-а-а! — взвыла она, сокрушая все, что попадалось под руку.

Гвардеец ждал, пока ее гнев пройдет.

Упав на скамью, она несколько раз ударилась затылком о стену. Ярость прошла столь же внезапно, как и появилась.

— Я все еще голодна, — сказала она.

— Что, собственно, происходит в горах?

Некоторое время она собиралась с мыслями.

— А я откуда знаю? — наконец с наивным видом спросила она. — Я два месяца просидела в клетке. Несколько раз ко мне пробирался Вемир. Мы зря не болтали, нужно было обсудить дела поважнее.

— Хель-Крегири, — устало промурлыкал сотник, — можно услышать от тебя хоть слово, достойное внимания? Я жду объяснений. Я поверил тебе, и если окажется, что ты сделала из меня дурака, то последствий этой глупости ты не переживешь.

Она покачала головой.

— Вэрк. Не угрожай мне, я все скажу. Я давно ни с кем не разговаривала.

В ее устах это прозвучало как извинение.

— После смерти Бруля, — сказала она, — я вернулась сюда, в Овраг. Узнав о нескольких странных вещах, я потребовала объяснений от человека, который только что от нас сбежал. Я считала его своим союзником, он был когда-то учеником Бруля. Он представил доказательства, которые я сочла убедительными, а я не особо легковерна. С помощью Охотницы этот человек сорвал первую попытку сдвинуть с места Ленты Алера.

— Хель-Крегири, меня не волнует история Шерера. Ты отвлекаешься, — недовольно проговорил кот. — Этот человек — враг. Почему?

— Враг, но не знаю, человек ли… — поправила она. — Это… очень странное существо.

— Почему враг? Что он собирается делать? — продолжал допрашивать сотник.

Упомянутая ею «странность» явно его не интересовала. Впрочем, Хель-Крегири тоже не собиралась особо распространяться на эту тему.

— Бруль был его орудием, но одновременно и целью его атаки, — сказала она. — Послушай, я тоже ненавижу пустую болтовню, думаю, ты можешь мне поверить! — снова в гневе бросила она. — Но как я могу коротко и ясно рассказать о чем-то, что сама едва понимаю?!

Она фыркнула.

— Речь не идет о каких-то Полосах Шерни или Лентах Алера, — сказала она, опять спокойно. — О чем — не знаю. О том, чтобы уничтожить все, что только можно? Это существо… эта сила… это *нечто* пытается развязать некую войну, где все начинают сражаться со всеми. Охотница и я. — Она развела руками. — Понимаешь? Две величайшие воительницы гор ввязываются в войну с самым могущественным из посланников. Этот посланник похищает жену князя-представителя… Понимаешь? Ведь трудно себе представить хоть какую-нибудь причину, по которой императорский представитель стал бы сражаться с посланником, а тот, в свою очередь, — с Охотницей и со мной! Какое мне дело до посланников? Я двадцать с лишним лет на свете прожила, прежде чем увидела одного такого своими глазами! Какое посланнику дело до меня? Однако начинается война, и все несут потери, все проигрывают, никто не выигрывает. Никто! Охотница лишается рассудка, посланник умирает, Верена унижена, я… я нарушаю данную клятву и оказываюсь в клетке. — Она отвела взгляд. — А Ленты по-прежнему лежат в горах, и снова кому-то хочется в них покопаться. Снова будет большая битва всех со всеми, а под конец, может быть, снова окажется, что велась она неизвестно ради чего… ведь той Ленты в Черном лесу вообще не было! Хаос! Кто-то… *что-то* желает хаоса, сумятицы, все большей и большей. Ведь, думаю, дело вовсе не в Лентах. Им, думаю, совершенно безразлично, насколько они могущественны, и они ни для чего больше не служат, кроме как для развязывания глупых войн. Именно эти войны и есть чья-то цель, а не какое-то там обращение себе на пользу всяких нездешних сил. У меня в последние месяцы хватало свободного времени. — Она холодно улыбнулась. — Я вернулась сюда и оказалась в плену. Слышишь? Все, кем я командовала, отказались мне подчиняться. И кто? Свора псов, мочившихся со страху от одного моего вида, — недоверчиво проговорила она, вытянув руку, словно желая показать на

трупы, лежащие где-то за стеной дома. — Такого не бывает, ибо псы неспособны бунтовать. И тем не менее — взбунтовались, все! Вемир едва сумел уйти живым, я сидела в вонючей пещере и жрала помои! — К ней снова вернулась ярость. — А знаешь, почему, ради чего? Я — не знаю! Никто со мной вообще не разговаривал, я даже не догадываюсь, для чего хотели меня использовать, ведь я им нужна была живая. Каждый день они могли нашпиговать меня столькими стрелами из арбалета, что я валялась бы за решеткой и выглядела словно еж. Но этого они не сделали, просто продержали меня два месяца. Я знаю, что кто-то разбил все мои отряды во всем Громбеларде. Каким образом, кто?! В горах снова идет бессмысленная война. Об этом ты, наверное, знаешь больше меня. Что, собственно, происходит в горах? Я осталась тут одна! Своих солдат у меня уже нет, так что я послала за имперскими, и вы здесь, да или нет?! Скажи, — снова тихо спросила она, утомленная самой длинной речью, какую только произносила за всю свою жизнь, — скажи, гвардеец, что происходит в горах? Что-то плохое? В самом деле?

Кот посмотрел на ее взволнованное, потемневшее лицо.

— Да, — коротко ответил он. — Если бы ничего не происходило, то я бы не вмешивался в разбойничьи свары, — со всей откровенностью добавил он.

Она ждала.

— Что-то началось, — сообщил кот. — В городах это еще не особо заметно. Похищают и убивают людей. Разных людей, неизвестно, кто их убивает и почему. Настоящая волна бессмысленных убийств. После захода солнца одинокого человека на улице не встретишь. Но в городах — это пока все. Зато в горах — именно так, как ты сказала. Хаос. И сумятица. Все дерутся со всеми, а причины столь надуманны, что, по сути, никаких причин вовсе нет. Может быть, не стоило бы говорить такое разбойнице, — он сверкнул зелеными глазами, — но Громбелардский легион уже вообще не в силах что-либо сделать. Последние два месяца принесли такие потери, что войско не способно больше ни на что, кроме как патрулировать улицы городов. Ширится дезертирство, даже в гвардии, о каком-либо боевом духе нет и речи. Я командую последним полноценным отрядом во всем Громбеларде. А знаешь, из-за чего это все? Из-за того, что князь — представитель императора явно хочет, чтобы именно так и было. Ты знаешь его высочество Н. Р. М. Рамеза? — спросил он.

— Я знаю, что это за человек — если о том речь.

— Он делает все, чтобы никто ни о чем не беспокоился. Он готов давать за это награды — просто небывалые. В Громбе занимаются всякими глупостями, как будто ничего не происходит. Якобы сам император в ужасе от докладов, которые шлют в Кирлан урядники Имперского трибунала. Впервые в жизни я искренне на их стороне, — признался кот. — Я охотно бы им помог. Один трибунал еще хоть что-то делает.

Она прикусила губу. Высокопоставленный военный — и к тому же кот, — положительно высказывавшийся об армии имперских шпионов, доносчиков и палачей, был для нее чем-то совершенно новым. Имперские легионы, подчинявшиеся представителям, постоянно пытались сделать себя зависимыми от трибунала, управлявшегося непосредственно Кирланом. Самостоятельность командиров основательно от этого страдала.

Какое-то время они молчали.

Кот, самой природе которого было противно строить далеко идущие планы и догадки, все же постоянно пребывал среди людей и научился тому, что порой все же стоит совершить нечто вопреки самому себе. Вот и теперь он сделал над собой усилие.

— Хель-Крегири, — сказал он, — помоги мне подумать. То, что ты сказала, привлекло мое внимание. Ты сказала, что в эту войну втянуты все великие. Самый могущественный из посланников, лучшие воительницы гор…

— И что с того?

— Может быть… не знаю, — сказал он, недовольный и почти разгневанный тем, что ему пришлось строить догадки. — Может быть, тебя держали в плену затем, чтобы кто-то сюда пришел? Несколько странно, что, зная о бегстве Вемира, ему позволили тебя посещать. И притом довольно часто?

— Несколько раз. Они снова замолчали.

— Ну да, — неохотно согласилась она после долгого раздумья. — Но… что они хотели… кого я должна была сюда заманить? Представителя? — Она фыркнула. — А может быть, Охотницу? — Она задумалась. — Честно говоря… я о ней даже не думала.

Усилия, с которыми эти двое предавались столь любимому людьми занятию, со стороны казались почти забавными.

— Не знаю, кого! — со злостью проворчал сотник. — Я знаю, кто пришел: я! И привел сюда единственный громбелардский отряд, который еще в состоянии выйти в горы. Если кто-то или что-то нас прикончит, это будет означать, что войска в Громбеларде больше нет. Все остальное — это просто городская стража.

Он поднялся и спрыгнул со скамьи.

— Хватит! — сказал он. — Ты утверждаешь, что причиной всему — человек, который посадил тебя в клетку?

— Я в этом уверена.

— И не ошибаешься?

— Нет. Я уверена, я же ясно сказала.

Больше его ничего не интересовало.

— Тогда нужно найти его и убить.

— Вэрк. Я допрошу пленников.

19

Сидя спиной к скале, Каренира лениво наблюдала за удивительно светлыми облаками, плывшими с запада на восток. Ветер сменил направление. Это означало, что погода существенно улучшится. Можно было ожидать легкого дождичка вместо непрестанного ливня. Около полудня дождь мог вообще перестать.

— Ну-ну… — довольно пробормотала она.

Увидев Ранера, шагавшего посреди дороги, между крутыми склонами холмов, она встала и махнула рукой. Он направился прямо к ней, сел рядом и потянулся к бурдюку.

— Они все время идут за нами. Из виду они нас потеряли, но, похоже, неплохо знают окрестности и им известно, что эта дорога — единственная. Так или иначе, они нас догонят.

— Сколько? — коротко спросила она.

— Пятеро.

Она вздохнула.

— Так что? Подождем их здесь?

Он явно не расслышал вопроса.

— Странное дело, — задумчиво проговорил он. — Кажется, я знаю одного из них.

Она подождала, но продолжения не последовало.

— Ну и?.. — поторопила она.

— Что? А… Ну и ничего. Не знаю, откуда.

Она пожала плечами.

— Подождем их здесь? — снова спросила она.

— Наверное, да.

— Тогда отойдем немного в сторону. — Она показала на груду каменных обломков у подножия правого склона.

— Свет, — пояснила она, видя его вопросительный взгляд. — Сегодня удивительно светло, мне что, стрелять против света? Ну, ты что? — Она искренне удивилась. — Никогда не стрелял? Даже из арбалета?

— Не люблю арбалет, — буркнул он. — Ни разу не попадал в цель.

— О… — вздохнула она с преувеличенным беспокойством.

Ей хотелось еще немного над ним поизмываться, но она вовремя вспомнила, что этот человек вообще не обладает чувством юмора — шуток не понимает, дружескую же

насмешку готов принять близко к сердцу. Так что она лишь покачала головой.

— Идем к тем скалам, Ранер.

Они пошли.

Много веков назад в Громбеларде жило могущественное племя шергардов. Воистину велик был гений вышедших из этого народа строителей, ибо древние сооружения и дороги стояли наперекор течению времени. Не использовавшиеся в течение сотен лет, никогда не ремонтировавшиеся, они превратились в руины, но все же не позволили горам поглотить их без следа. Ветер и вода, убийственные для коричневого кирпича, использовавшегося в Громбе или Бадоре, убийственные даже для самих Тяжелых гор, оказались бессильны против прекрасно обработанных каменных плит и блоков, служивших шергардам в качестве строительного материала. Дорогу, выложенную именно из таких четырехугольных каменных плит, видели сейчас перед собой Каренира и Ранер. Ее не сумели размыть дожди, и, хотя теперь потрескавшиеся плиты лишь кое-где виднелись из-под нанесенных водой мелких каменных обломков, провалившаяся в некоторых местах дорога все еще была лучшей во всем Громбеларде.

Однако дорога эта вела в никуда. Пересеченная многочисленными пропастями — ибо каменные мосты шергардов давно перестали существовать, — она неожиданно обрывалась в самом сердце гор, в полутора десятках миль от Бадора. Существовал ли когда-то город, в который вела дорога? Скорее всего, нет — иначе остались бы руины… Похоже было на то, что строители неожиданно забросили свою работу. Что могло быть тому причиной? Ответа никто не знал. Так же как никто не знал, куда ушел этот могущественный народ, самый могущественный из всех, кто когда-либо жил под небом Шерни. Каренира, устроившись среди скал, задумчиво молчала. Она просматривала стрелы, вынимая из колчана те, которые по каким-то причинам сочла лучше других. Видно было, однако, что мысли ее сейчас где-то совсем в другом месте.

— Хотелось бы мне знать, какие они были на самом деле, — сказала она. — Я хотела бы с ними познакомиться…

— С кем? — Ранер наблюдал за дорогой.

— С шергардами.

— А… Ну да, — пробормотал он.

Она чуть улыбнулась и отложила колчан. Он посмотрел на нее через плечо.

— Эти стрелы лучше?

— Лучше, что не значит, что они хорошие… В Громбеларде нет хороших стрел. Влажность, — пояснила она.

Она вынула лук из чехла.

— Я даже не удивляюсь, — пробормотала она, — что ты не можешь никуда попасть. А я? Хочешь услышать, насколько легенда соответствует правде? — язвительно спросила она.

Она положила лук поперек колен.

— В Армекте за такую стрельбу меня бы выгнали из легиона. С пятидесяти шагов я могу попасть в человека, но в какое место — это уже чистая случайность. Тетива иногда мокрая, а иногда сухая, стрелы иногда легкие, а иногда тяжелые, ибо из любой можно воду выжать. Впрочем, все равно — сухие, мокрые… Главное, что они всегда плохо сбалансированы и летят куда им захочется, поскольку оперение годится лишь на забавы с девочками, и больше ни на что. — Она взяла стрелу и пощекотала себе шею. — Но попробуй достань в Громбеларде хорошие стрелы для лука! А если достанешь, то потом полгода мочи их под дождем, бейся колчаном о скалы, размахивай им, топчи его, садись на него, а под конец стреляй, — с небывалой горечью закончила она. — Все без толку, — сказала она. — Да еще этот ветер.

Он смерил взглядом расстояние, отделявшее их от дороги.

— Пятьдесят шагов… Здесь, пожалуй, больше, — слегка обеспокоенно сказал он. — А если не попадешь? Пятеро — это многовато…

В первое мгновение она не поняла, о чем речь, все еще занятая собственными мыслями.

— Что — «пятьдесят шагов»? — переспросила она. — И что значит «если не попадешь»? Э, я говорила о бегущем человеке… и ночью, — объяснила она.

Он некоторое время молча смотрел на нее, потом вернулся взглядом к дороге.

— Знаешь, Охотница, — сказал он, — иногда я не понимаю, когда ты надо мной шутишь.

Она прикусила губу, но тут же фыркнула через нос:

— Эх, Ранер… Хорошо, что ты симпатичный… Иначе…

— Идут, — перебил он ее.

Она сразу же посмотрела на дорогу.

— Держи. — Она подала ему несколько стрел. — Куда?! — со злостью прошипела она. — Так держи! — Она показала как. — Мне что, их с земли подбирать или воткнуть перед собой в скалы?

Она подняла лук, смерила взглядом расстояние и вложила стрелу. Опустившись на одно колено, она медленно натягивала тетиву. Он смотрел то на нее, то на приближавшихся людей. Нападения те не ожидали…

Мышцы ее рук, стянутые кожаными ремешками, напряглись и потолстели. Она натянула тетиву до уха и отпустила мягко, чуть ли не между делом. Она вырвала из его руки вторую стрелу и, прежде чем он понял, что, собственно, произошло, уже тянулась к третьей.

Шедшему впереди стрела вонзилась в живот. Он вскрикнул и схватился руками за древко. Вторая стрела попала ему в бедро. Он пошатнулся и упал. Мгновение спустя очередная стрела пробила шею его товарища.

Остальные разбегались, ища убежища. Раненный в шею выл, извиваясь в конвульсиях, потом изогнулся дугой и застыл, странно напрягшись. Второй неуклюже полз на боку, громко зовя на помощь. Охотница спокойно натянула тетиву в четвертый раз. Еще одна стрела попала в раненого. Обезумевший от ужаса и боли, он вскочил, получил очередную стрелу в шею и последнюю — в самую середину спины.

— Ну вот, от арбалетчиков мы избавились, — пробормотала она.

— Ты очень ловко убиваешь, — заметил Ранер.

Она не знала, что это — восхищение, уважение или, может быть, порицание. Не насмешка же? Ранер не умел насмехаться…

— Одной стрелы редко хватает, — сказала она на всякий случай, кладя лук и берясь за меч. — Это не арбалет…

И все-таки он насмехался!

— Бабское оружие, — с сожалением сказал он, карабкаясь через скалы с мечом в левой и дубиной в правой руке.

Она хотела треснуть его плашмя по заду, но он был уже вне пределов досягаемости.

— Я тебе дам «бабское»! — завопила она. — Глупый жеребец! Да я…

Она все еще шумела, перебираясь через каменный завал, когда он длинными прыжками помчался в сторону укрытия ближайшего врага. Тот выглянул из-за скалы и понял, что стрельба уже закончилась, а теперь приближается новая, непосредственная опасность. Сомнительно, что он понял что-либо еще. Окованная железом дубина раздробила ему челюсть; удар был столь силен, что он отлетел назад, грохнулся головой и спиной о землю. Его товарищи с мечами в руках бросились на атакующего детину. Лязгнуло железо. Ранер оттолкнул мечом оружие противника и снова ударил дубиной, переломив выставленную в оборонительном жесте руку. Он воткнул меч в живот врага и так его и оставил. Вырвав из руки умирающего его собственное оружие, он отшвырнул его прочь — и снова вступил в борьбу, еще до того, как согнувшийся пополам противник осел на землю.

Последний из пятерки, с самого начала не слишком рвавшийся в бой, пустился в бегство — и наткнулся на Охотницу. Женщина показалась ему более сговорчивым, нежели Ранер, противником, и он двинулся к ней. Она держала меч обеими руками. Он увидел обнаженные руки, мышцы которых, казалось, готовы были разорвать широкие кожаные ремешки. Увидев приближающегося Ранера, он взял меч за лезвие и поднял вверх. Это не

спасло его от основательной трепки. От женщины он получил пинка, от мужчины удар кулаком — и то и другое в зубы. Они передали его друг другу еще несколько раз. Наконец он упал.

— Ну вот, у нас есть один живой.

— Да, — пробормотала она. — Вопрос только в том, будет от этого хоть какая-то польза или одни лишь хлопоты?

Похоже, ничего, кроме хлопот, ждать не приходилось…

Идиот ничего не знал. Шепелявя сквозь выбитые зубы, он нес какую-то чушь. Он ни о чем не слышал, ни у кого не служил. Он присоединился к людям, хотевшим устроить охоту на Охотницу, и отправился вместе с ними, рассчитывая на награду. В Бадоре о ней слышали все.

— Ну и дурак! — устало сказала Каренира. — И что с ним делать?

Ранер сидел, прислонившись к скале, и внимательно разглядывал пленника.

— Знаю что, — ответил он, протягивая руку. — Охотница, дай мне одну из этих своих палочек. Ну, стрелу. Только самую плохую из всех.

— Зачем тебе? — удивленно спросила она.

— Воткну ему в задницу, — сказал Ранер, поднимаясь.

— С ума сошел?

— Нет, просто иначе мы ничего из него не вытянем. Я бы прижег ему пятки, но с костром — лишние хлопоты. А вот стрела… — объяснял он, переворачивая связанного пленника на живот; похоже, он действительно говорил всерьез.

— А что еще ты хочешь из него вытянуть? — прервала его она.

— Правду. Впрочем, что угодно. Ничего достойного внимания он не сказал.

— Потому что он ничего и…

— Потому что он шпион трибунала, — на этот раз прервал он ее. — Помнишь? Мне показалось, будто я узнал одного из этих молодцов. Ну так это именно он.

— Ты уверен? — помолчав, спросила она.

Он кивнул.

— Уверен.

Без дальнейших вопросов она вручила ему стрелу.

Пленник слышал разговор, но не произнес ни слова. Лишь когда Ранер уселся ему на спину и разорвал штаны на заду, тот начал протестовать, просить, возражать, снова просить, объясняться, лгать и просить опять. Но Ранер его не слушал.

— Ну? — грозно спросил он.

Видимо, он не особо рассчитывал на ответ, поскольку тотчас же размахнулся и воткнул стрелу в открытую, беззащитную ягодицу, и притом с такой силой, что явно послышалось, как наконечник заскрежетал о кость. Пленник взревел и, несмотря на путы, начал биться столь яростно, что стрела сломалась у Ранера в руке. Он беспомощно показал обломок владелице. Поморщившись, та лишь махнула рукой.

Пленник скулил, испытывая немалые мучения. Ранер сосредоточенно ковырялся наконечником в кровоточащей глубокой ране, безуспешно пытаясь повредить кость. Наконец он прекратил свое занятие.

— Ну?

Пленник со стоном пытался перевести дух.

— Я… я шпи… онил… — отрывисто прошепелявил он.

— Шпионил, — подытожил Ранер, торжествующе поглядывая на Охотницу.

Она подняла брови и присела рядом с головой пытаемого.

— А для кого? — с любопытством спросила она.

— Для трибунала, — признался пленник.

— Ты все расскажешь? — уточнила она.

— Да, госпожа.

— Давай. — Она забрала у Ранера окровавленный обломок стрелы. — В любой момент я могу отдать ему это обратно, — снова повернулась она к лежащему. — Так что говори. С самого начала. Если я чего-то не пойму, то спрошу или попрошу объяснить подробнее.

Она уселась на землю, ибо на корточках она демонстрировала шпиону картины, которых он вовсе не заслуживал.

— В горах… — простонал он, — и в городах… творятся странные вещи…

Они слушали внимательно, то и дело переглядываясь. Оставив пленника, они отошли в сторону.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросила она.

— Ну… из этого следует, что убить тебя хотели, собственно, заодно, раз уж по дороге. Впрочем, этот тип наверняка не принял бы в том участия, хотя, с другой стороны, трибунал тебя не любит, Охотница. Но те шли в Овраг, к Хель-Крегири. Если бы они принесли ей твою голову, получили бы награду. Ты шла как раз в ту самую сторону…

— Погоди. Ведь это не были люди Каги, — решительно возразила она. — Кага никогда не могла сравниться с Глормом, ибо она для этого слишком глупа. Но своих воинов она держит в руках, пожалуй, даже крепче, чем Глорм. Ты что, неужели забыл? Ну да, конечно, — язвительно заметила она, после чего показала на трупы на дороге. — А эти чудаки? Не может быть, чтобы солдаты Хель-Крегири столь опустились.

Он покачал головой — и да, и нет.

— Видишь ли, отборные отряды Крегири… впрочем, и Глорма когда-то тоже… это одно. А чудаки, как ты говоришь, — это все остальные. Сброд. Бандиты, признающие власть того, кто правит в горах, но, собственно… — Он задумался, не зная, как объяснить. — Собственно, никто ими не правит. Иногда посланники Крагдоба или Каги, скажем, вроде меня, созывали всю эту толпу на какое-нибудь крупное дело, когда действительно требовалась большая армия. Например, чтобы окружить Бруля в Черном лесу, помнишь?

Она кивнула.

— Но обычно, — продолжил он, — обычно таким запрещают чем-либо заниматься, пока они не получат соответствующего приказа. Запрет они соблюдают — ибо что им еще остается делать? В этом смысле они — люди Хель-Крегири. Они знают, что им нельзя брать ни с кого дань, нельзя нападать на купеческие караваны и так далее, ибо это дело тех, кто лучше и сильнее их. Не послушаются? Ну, тогда Ранер, — он постучал пальцем по груди, — или кто-нибудь вроде него посворачивает им головы.

— Верно, верно, — чуть раздраженно ответила она. — Я знаю горы, Ранер, и знаю, что в них происходит, — безжалостно передразнила она его. — Но меня интересует другое. Скажи, нормально ли это, когда любой мелкий бандит знает, где искать Хель-Крегири? Даже Ранер, — она насмешливо постучала его по груди, — не знает, где, собственно, сейчас его начальница. Может быть, в Овраге, а может быть, где-то еще. Что-то всех тянет в это селение. — Она задумалась. — Я покинула двор и собиралась как раз в Овраг. По дороге встречаю их благородий Арму и Ранера. «Отлично, — говорят они, — мы как раз хотели послать кого-то в Овраг». Какой-то сброд хочет видеть Хель-Крегири. Куда они идут? В Овраг. Жалкий шпион, последний из шпионов трибунала, отправляется с ними, ибо куда ему нужно? В Овраг. Якобы пропал отряд рахгарских гвардейцев… Наверняка они сидят в Овраге, — язвительно сказала она. — Говорю тебе, скоро там окажутся все. Может быть, кроме Хель-Крегири. Овраг, новая столица Громбеларда.

— Нет, это слишком маленькое селение, столицу там не сделать, — сказал Ранер со свойственной ему способностью понимать шутки. — Но что-то в этом есть… В том, что ты говоришь. Лучше всего…

— Хм?

— Лучше всего проверить. Идем в этот Овраг.

Они вернулись за своим имуществом.

— А с этим придурком что делать? — спросила она, глядя на пленника. — Я не могу хладнокровно убивать людей, впрочем, этого-то за что? Но что — с собой его тащить?

Отпустить? Сама не знаю.

Ранер пожал плечами и без лишних церемоний пришиб шпиона дубиной.

— Не смей, перестань! — завопила она, но было уже поздно. Рука у Ранера была в самом деле тяжелая. Она с отвращением отвела взгляд.

— И как ты только выжила в этих горах, сам не знаю, — сказал он, стирая с оружия кровь и прилипшие волосы и вытирая руку о куртку убитого.

— Значит, как-то это все же возможно. — Она медленно собрала свои вещи и пошла.

— Эй, Охотница! — крикнул Ранер.

Она обернулась, направив на него палец.

— Держись от меня подальше, — предупредила она. — Ты забил его как собаку. Ты ничем не лучше его.

Ранер не на шутку рассердился.

— А кто сказал, что я должен быть лучше?! Нет, погоди, я хочу услышать! — резко бросил он. — Что ты о себе думаешь, ваше благородие? Стрелять из лука, трусливо и из укрытия, — это хорошо, это более благородно? Был человек — и нет человека! Так же как и тот. Он шел и разговаривал, а потом вдруг сдох, и даже не знал, кто его убивает. Стрела за стрелой! Но дубиной? Дубиной почему-то нехорошо!

— Ты закончил?

— Не закончил! Я убил его, потому что в горах убивают, но я хотя бы смог посмотреть ему в глаза! А ты?!

— Ты закончил? — повторила она.

Он подошел ближе.

— Охотница, ты — громбелардская ошибка, — сказал он, уже спокойно. — Такая… такая девица без добродетели. Ты действительно на своем месте в горах, в самом деле. Здесь все, вместо того чтобы делать то, что нужно, вдруг начали заниматься чем-то странным и ни в какие ворота не лезущим. Как женщины. А ты — женщина. — Это прозвучало как оскорбление. — Ты непоследовательна. — Он тщательно выговорил, наверное, самое трудное из всех известных ему слов.

Она ударила его по лицу. Потом немного постояла, словно ожидая, не скажет ли он что-нибудь еще. Наконец она отвернулась.

— Идем, Ранер. Ну? Идем или нет?

Немалое время спустя, после того как они уже прошли около мили, она снова заговорила:

— Хоть ты и получил по морде, но, боюсь, ты прав…

20

У входа в расщелину, не далее чем в двух полетах стрелы из лука, находился частокол. Они осторожно отошли назад, укрывшись за бесформенной скальной пирамидой.

— Знаешь это место? — спросил Ранер.

Каренира покачала головой.

— Я никогда здесь не была. Об этом селении мне давно известно, поскольку я знаю, наверное, обо всех, что существуют в Тяжелых горах, по крайней мере в этих окрестностях. Но я никогда не пользовалась гостеприимством местных жителей, ведь это же разбойничье логово — и всегда было таковым.

— Похоже, тут никого нет, — сказал Ранер. — Частокол цел, дома, кажется, тоже. Но часового не видать. Я был здесь пару раз, кто-то всегда сторожит ворота. Впрочем, погляди — они случайно не приоткрыты?

— Можно ли как-нибудь незаметно перебраться через частокол? Например, ночью? — спросила она, но тут же пожала плечами. — Глупости… Ясно, что нельзя.

— Ночью частокол охраняют два-три человека.

— Вот именно. А сверху? Можно спуститься с вершины холма по веревке?

Ранер покачал головой.

— Это самоубийство. Скалы здесь выветрившиеся, сбросишь вниз пару обломков и наделаешь шума. Не говоря уже о том, что это совершенно сумасбродная идея, даже если бы внизу никого не было… — Он нахмурился. — Послушай, а зачем, собственно, нам туда пробираться? Это селение Хель-Крегири… Верно? Неважно, там ли она сама или нет… — Он неожиданно замолчал и задумался. — Впрочем, там на самом деле, похоже, никого нет, — сказал он.

— Тебе не кажется, что это несколько подозрительно?

— Ну да. Но что? Сидят по домам и пещерам? Как долго? Это ловушка или что?

И в самом деле, это не имело смысла.

— Не стоит все-таки просто так туда идти. Если там кто-то все же сидит… Не Кага ли случайно назначила за меня награду? — кисло спросила Каренира.

Ее спутник несколько смешался.

— Ну да. Я… не думал, что мы окажемся здесь вместе. Хель-Крегири не знает, что я бросил службу у нее.

— Что ты ей изменил, — сладким голосом проговорила она. — То, что ты сделал, — попросту измена. Ты предатель, милый, а как только ты туда пойдешь, станешь и предателем, и шпионом сразу.

Она была вне себя от радости, наблюдая, как кроваво-красный румянец заливает его щеки и лоб. Он сглотнул слюну.

— Да, — сказал он. — Похоже на то.

Он не произнес ни одного слова в свое оправдание, хотя и мог. Это ей понравилось.

— Ну-ну, — сказала она. — Извини, Ранер. Думаю, то, что ты делаешь, вполне справедливо. Я зря тебя обидела.

Они снова вернулись к тому месту, откуда лучше были видны ворота в частоколе. Действительно, похоже было, что они слегка приоткрыты. Они долго наблюдали за частоколом и воротами, но не заметили ничего, достойного внимания.

— Может быть, сверху? С обрыва?

— Прежде чем мы туда заберемся, наступит ночь.

— Ну хорошо, тогда просто идем туда. В это селение, — предложила она. — Оба. Мы ничего не узнаем, если и дальше будем здесь торчать.

На этот раз сомнения начали возникать у Ранера.

— Мы лезем прямо волку в пасть. А если…

— Ничего не поделаешь, как-нибудь справимся. Ранер, что с нами? Еще немного, и мы ударимся в бегство.

— Не знаю. В самом деле не знаю. У меня… дурное предчувствие.

— У тебя бывают предчувствия, Ранер?

— Бывают, Каренира. — Он редко обращался к ней по имени. — Лучше, если я пойду туда один. В случае чего придешь мне на помощь.

— Кому приду на помощь? Убитому? Нет, — отрезала она. — Вместе нам справиться будет легче… впрочем, там ведь никого нет. Ранер, ведь я еще совсем недавно просто собиралась идти сюда одна. Я планировала это еще в Громбе.

— Тогда ты еще не знала, что за твою голову назначена награда, — заметил он. — Если…

— Идем, Ранер. — Внезапно в ее голосе появилась усталость. — Если, если… У меня тоже дурное предчувствие, — призналась она. — Но может быть, я просто слишком уж долго бегаю по этим горам? Сама не знаю. Я старею, Ранер… — тихо добавила она.

Он хотел что-то сказать, но она показала ему руку, согнув и медленно распрямив пальцы. На лице ее появилась неясная гримаса.

— Видишь? Больно… — негромко сказала она. — Я никогда еще не стреляла так плохо, как там… на дороге шергардов. Пять стрел, Ранер. Сегодня или завтра… Какая разница?

Он покачал головой.

— Перестань, это глупо. Раз надо идти, то идем.

Она кивнула, потом даже чуть улыбнулась.

— Действительно глупо. Вот именно. Лучше пойдем, Ранер.

Ворота и в самом деле были приоткрыты. Ранер и Каренира переглянулись. Охотница уже заранее достала лук и несколько стрел. Она несла оружие в левой руке, что казалось вполне естественным. В краях, где с оружием ходил каждый, открытое его ношение не могло вызвать никаких подозрений — тем более что в Громбеларде, по сути, мало кто знал, что такое колчан и чехол для лука. Столь же невинно выглядел и Ранер. Свою дубину он нес на плече, повесив на ней дорожные сумки, из-за чего грозное оружие чуть менее бросалось в глаза.

Остановившись перед воротами, Ранер сильно толкнул ногой приоткрытую створку. Ворота со скрипом раскрылись шире.

Ветер, довольно сильный и порывистый, дул им прямо в спину, и лишь этим объяснялось, что они до сих пор не почувствовали смрада гниющих трупов, которые, судя по виду, лежали здесь уже несколько дней. Убитых людей было около двадцати; тела лежали в разных местах селения. Мертвые руки некоторых все еще сжимали оружие. Пройдя через ворота, Каренира приблизилась к канаве, отводившей излишки воды. Теперь в ней не было необходимости… Увидев, что в ней, женщина отшатнулась и побледнела.

— Нет, — проговорила она чуть более хрипло, чем обычно. — Туда я не пойду.

Впервые Ранер видел Охотницу по-настоящему испуганной.

— Нет, Ранер. Не пойду, — повторила она, хотя он не возражал. — Я… я тогда думала, что это шутка. Я шутила, Ранер…

Он кивнул и с каменным лицом медленно двинулся вдоль канавы.

Канава превратилась в братскую могилу котов-гвардейцев. Трупов было много, очень много… но сколько в точности, сказать было невозможно. Убитых порубили на куски. Ранер чувствовал себя немногим лучше, чем его спутница. Ему приходилось видеть не одно побоище. Но сейчас он стоял над открытой могилой тех, кого привык считать почти что неуязвимыми. Невидимых, неуловимых рахгарских гвардейцев не без повода называли убийцами. В Тяжелых горах не существовало ничего, что могло бы угрожать этому отряду полной гибелью. И тем не менее Ранер видел собственными глазами то, что осталось от величайшей военной легенды всех времен. Он видел перебитых, изрубленных и брошенных в яму гвардейцев-гадбов. «Убийц из Рахгара».

Он оглянулся. Взгляд его встретился со взглядом Карениры.

Несмотря на то что она только что говорила, она двинулась следом за ним. Выпрямившись, она смотрела прямо перед собой, стараясь не заглядывать в канаву. Она подошла ближе, и Ранер увидел слезы в ее глазах.

— Ранер, кто это сделал? Кто мог… кто в состоянии сделать такое?.. Ранер?

Прикусив губу, она еще раз заглянула в кошачью могилу.

— Ранер… я когда-то этот край просто… полюбила, — сказала она, не скрывая стекшей по щеке слезы. — Здесь ничего нет, совсем ничего… Кроме легенд. Прекраснейших легенд на свете. Этот край состоит из легенд, а они… они были одной из величайших. Величайших и прекраснейших. Ранер, кто-то убивает громбелардские легенды. Громбелард без легенд… это только ветер и дождь.

Она пошла дальше.

— Я убью его. Слышишь, Ранер? Убью без тени жалости. Найду и убью, — повторяла она сдавленным голосом. — Так же как это… нечто… убило лучших на свете солдат. Я убью его, Ранер, клянусь. Я заключу союз с любым, кто мне поможет. Если ко мне придут стервятники… то я, Ранер, заключу союз со стервятниками.

Она повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Клянусь тебе, Ранер. Всем, что для меня свято. Армектанскими равнинами… И моей

любовью к человеку, который мне предпочел Дартан. Клянусь, Ранер, я убью эту тварь.

Прислонившись к стене одного из домов, вдали от чудовищного рва, Каренира смотрела по сторонам. Самые разные мысли посещали ее голову.

Ранер ходил по деревне, заглядывая в дома и пещеры, и пытался понять, что же, собственно, произошло в Овраге.

Громбелардское селение… Высокое селение. Так называли подобные деревни.

От трупного запаха тошнило. Несмотря на вызванные разложением перемены, Каренира легко поняла, что убило людей. Кошачьи когти и клыки оставляли достаточно характерные раны.

Но отчего погибли гвардейцы, она не знала. Разглядывать истерзанные кошачьи трупы было выше ее сил, это пришлось сделать Ранеру. Он не сумел получить ответа. Он искал стрелы, но не нашел. Двое людей были убиты из арбалета, что означало — котам помогал некий двуногий воин. Но среди котов ни один не погиб от арбалетной стрелы.

Ранер скрылся в очередной пещере и вскоре вышел.

— Каренира…

Пещера была разделена решеткой из крепко связанных деревянных жердей. Дневной свет, падавший через вход, не справлялся с заполнявшим углы мраком. Охотница напрягла взгляд, подошла к самой решетке. В глубине, на земле, лежал какой-то бесформенный куль, нашпигованный стрелами из тяжелого, взводившегося лебедкой арбалета… Прошло несколько мгновений, прежде чем Каренира поняла, что видит перед собой обнаженное обезглавленное тело Хель-Крегири. Сделав два неверных шага назад, она споткнулась и наверняка бы упала, если бы ее не поддержал Ранер.

— Это не все, — сказал он. — Смотри…

В трещины в стене пещеры были вбиты деревянные колышки. К одному из них была привязана за волосы голова госпожи слез. Рядом висела голова черного кота с оскаленными зубами.

Ранер вывел шатающуюся женщину из пещеры. Ее бледное лицо казалось постаревшим на десять лет. Несокрушимая воительница, в течение многих лет в одиночку путешествовавшая по горным дорогам, на этот раз встретилась с чем-то, что превосходило ее силы. Она не в состоянии была примириться с тем, что только что увидела.

— Нет… — слабо проговорила она. — Почему?

Они сели у стены ущелья.

— Убиты… Ранер, почему? Почему именно так, скажи? Разве это смерть для такой, как она? Ее застрелили за той решеткой и продолжали стрелять, когда она была уже мертва… Сколько раз, Ранер? Тридцать? Кто это сделал, скажи? А потом… потом отрезали ей голову…

Она глубоко вздохнула.

— Идем отсюда… Я не останусь больше здесь ни на мгновение.

Он сунул ей в руку лук и стрелы. Она даже не знала, когда он забрал у нее оружие. А может, она его выронила?

Она сжала ладонь на луке, до боли в костяшках пальцев, медленно приходя в себя.

— Идем отсюда.

Он без слов взял свои и ее вещи, забросил сумки на плечо и двинулся к воротам, вдоль рва.

Ранер умер так, как умирать вовсе не собирался. Совершенно неожиданно всплыли из глубин памяти и зазвучали в ее ушах слова, которые он произнес столь недавно, — и она поняла, как много было в них страха. Он сказал: «Убить трусливо, из укрытия…» И то, что он имел смелость взглянуть противнику в глаза… Он боялся смерти, которую пошлет ему издали невидимый убийца, находящийся вне пределов досягаемости его могучих мускулов. Больше всего на свете он боялся беспомощности.

Убийца не посмотрел ему в глаза.

Плохая, с кое-как сделанным оперением, выпущенная из слабого лука стрела попала ему в живот. Каренира вскрикнула и бросилась на землю. Перекатившись на спину, она основанием стрелы коснулась тетивы. С готовым к выстрелу оружием лучница искала цель. Но никого не видела.

— Ранер, нет! — крикнула она. — Оставь!

Силач пытался вырвать из раны стрелу, когда другая угодила ему в бедро. Он тяжело осел на землю рядом с выроненными сумками.

— Ранер! — снова крикнула она в отчаянии и ужасе; стрелять все еще было не в кого.

— Беги, — сказал он. — Каренира, беги отсюда. Быстрее!

Откуда-то прилетела третья стрела… и Охотница уже знала, куда она попадет. Ледяной обруч стиснул ей горло.

— Нет, — сказала она. — Нет, пожалуйста…

Лучник устроил себе жуткую забаву. Он видел… должен был видеть, как она стреляла в человека на тракте. Он был там и все видел. Мастерски владея луком, укрывшись в горном селении, он издевался над ней, по очереди повторяя позорные промахи. У него было для Ранера пять стрел, именно столько. Это она уже знала.

— Беги, — снова сказал он, спокойно и убедительно. — Ну, давай. Я сказал — беги.

Она отгадала его намерения.

— Не спиной! — отчаянно крикнула она. — Не оборачивайся… Ранер!!!

Выронив лук, она бросилась к нему, пытаясь помешать тому, что должно было произойти. Но не успела.

Стоя на коленях, Ранер потянулся назад, извернувшись всем телом. Он поднял с земли свою дубину и получил стрелу в шею.

— Нет! — взвыла она. — Нет, умоляю, не его!

Она схватила раненого товарища за руку, но он все еще был сильнее ее. Она хотела оттащить его куда-нибудь в сторону, хотя это не имело никакого смысла. Он ей не позволил. Выплюнув изо рта красную струйку слюны, он еще раз приподнялся, опрокинул ее на землю и прикрыл широкими плечами — ибо не знал того, что знала она, и боялся, что следующая стрела будет предназначена ей.

— Беги, глупая…

Он вздрогнул от последнего удара. Еще какое-то мгновение он стоял на коленях, а затем упал лицом вниз, прежде чем она успела его поддержать.

Воя как волчица, она схватила хрупкую палочку, торчавшую из спины убитого, словно хотела таким образом отвратить то, что уже случилось. Но возврата не было. Ранер погиб именно таким образом, который она, даже того не зная, сама для него выбрала.

С комком в горле она медленно поднялась, высматривая убийцу. Мысли бежали быстро и уверенно. Она уже не ощущала страха, лишь ненависть и ярость, что с ней обошлись подобным образом.

Но она была лучницей — и рядом с яростью таились недоверие и обычный страх перед неизвестностью. Тот, кто смог послать в Ранера пять таких стрел, был лучшим лучником в мире. И такой человек сидел в громбелардском селении… Теперь она могла стоять или лежать, ползти, бежать прямо или как угодно. У нее не было ни малейшего шанса.

— Ну давай! — вполголоса сказала она. — Ну стреляй же наконец, человек… если ты вообще человек.

Каренира медленно сделала два шага вперед.

— Покажись, — прошептала она. — Ну, покажись же! — завопила она изо всех сил. — Где ты?! У меня в руках больше нет лука, можешь выйти! Можешь выйти и посмотреть мне в глаза, ибо ему ты не посмотрел, крыса!

— Охотница, ты слишком громко кричишь, — послышался чей-то голос. — Иди сюда.

Она резко обернулась. На пороге одной из хижин сидел… а вернее, полулежал какой-то человек без обеих ног. Короткие культи были прикрыты грязной тряпкой.

— Так ты меня не помнишь… — заметил он. — Ну вот, не помнишь того, кого сделала

калекой… Стоило бы тебя за это пожалеть, но я сам тому виной. Трудно гневаться на дело собственных рук.

— Кто стрелял? — спросила она.

— Это что, для тебя важнее всего? Ну хорошо. Я.

Сказав это, он поднял руку. В руке появилась стрела. Он небрежно швырнул ее в воздух, наблюдая, как она взлетела вверх, развернулась и, описывая широкую спираль, вонзилась в стену дома в локте от порога.

— Кто ты? — сдавленным голосом спросила Каренира.

— Я тот, кому твой меч отсек ноги. Но ты ведь не помнишь? Жаль. Ты заключила союз с Брулем против меня. Правда, все считают, что дело было как раз наоборот. Что твоим врагом был Бруль, а не я.

Он отрицательно покачал головой.

— Бруль-посланник хорошо понимал Шернь. Но, собственно, он был лишь мудрецом Шерни и нуждался в мече. А также в том, кто им владеет. Он пришел к Охотнице и попросил помощи, а доблестная и благородная Охотница с радостью ему эту помощь оказала. Возможно, она была перед ним в некоем долгу. Как обычно, по глупости и неразумению… Бруль был необычайно опасным противником, — в голосе калеки зазвучало искреннее уважение, — и если бы твой меч был соразмерен его разуму… Но он таковым не был. Я наслал на Бруля безумие, а он охотно поделился им с тобой. То, что ты мало о чем помнишь, — уже исключительно моя заслуга.

Она молчала, неподвижно уставившись на скрытое в тени лицо калеки.

— Я сижу тут и жду, — с неожиданным гневом проговорил он. — Целыми месяцами кормлю какую-то кошку в человечьей шкуре, и ради чего? Чтобы вместо тебя она заманила сюда какую-то стаю! Сюда сползается все живое!

Он неожиданно снова переменил тон.

— В этом ущелье лежит Лента Алера, — сказал он тихо и мягко. — Целая Лента, не какие-то обрывки. Достаточно ее пробудить и поднять. И это время придет. Уже скоро. А пока у меня в руках ты, Охотница. Ах, Охотница! — громко рассмеялся он. — Однако, и забавляло же меня это прозвище! Всегда забавляло, в самом деле. Ты хотела, чтобы я посмотрел тебе в глаза, — резко бросил он. — Ну что ж… как пожелаешь.

Он наклонился, и она увидела его зрачки. И тут же поняла, что не может убежать от собственной судьбы. Она много раз видела такие глаза, научилась противостоять их силе. Но сейчас она была беззащитна — ибо не была к подобному готова.

Глубоко, до самого дна ее разума и души, проник взгляд, который не был взглядом человека. На нее смотрели глаза смертельного врага…

Глаза стервятника.

— На колени, — велел он.

Он с любопытством разглядывал ее, потом на мгновение задумался.

— Ну, Охотница, ты уже знаешь, какой смерти ты наверняка бы не хотела?

Он замолчал, явно ожидая ответа. Стоя на коленях, она беззвучно пошевелила губами. Перед ней внезапно возникла вся ее неудавшаяся жизнь — с того момента, когда она оказалась в Громбеларде. Ее первая проигранная схватка с силой глаз стервятника. Потом — человек, которого она так любила и который понимал то, чего не поняла она: что они не могут быть счастливы в Громбеларде. Мысленно она начала просить у него помощи. Он был властелином Тяжелых гор, здесь ничто не могло ему противостоять…

— Быстрее, Охотница, — поторопил стервятник. — Крагдоб рано или поздно вернется в горы, но это мало что даст. А для тебя вообще ничего. Не думай сейчас о нем, только о тех, кого ты преследовала. Подумай о том, за что и почему. Люди тоже причиняли тебе вред. Но ты же не убивала из-за этого их всех без разбора? Думай, думай!

Он покачал головой.

— Но это, похоже, ни к чему. Смотри: снова кто-то должен думать за тебя. Насколько мне известно, ты получила в дар меч? Да, именно этот. Воткни его себе в живот. Медленно и

очень глубоко… Медленно, я сказал. Стой, подожди! Повернись ко мне боком, я хочу лучше видеть, как он входит. Вот так, теперь вонзай… Еще глубже. Когда-то кто-то отдал тебе свои глаза. Потом умер. Пора вернуть долг.

Он с интересом смотрел, как женщина с налитым кровью лицом и вытаращенными глазами насаживает сама себя на меч, который держала обеими руками, издавая протяжный стон. Клинок медленно погружался в тело, кровь стекала по лезвию до самой рукоятки, все обильнее капая на землю.

— Хватит, достаточно. Теперь иди.

Она поднялась и встала, полусогнувшись, на дрожащих, слабых ногах. Изо рта потекла струйка крови. Вскоре другая появилась из-под юбки и начала течь вниз, по бедру.

— Иди со мной, — приказал он.

Опираясь на ладони, он неуклюже пополз на обрубках ног. Она сделала неуверенный, короткий шаг, потом другой… Хрипло дыша сквозь кровь, опираясь руками на торчащий в животе меч, она переставляла ноги, направляясь к пещере, где висели головы. Когда силы оставили ее, она упала на колени и поползла дальше на четвереньках.

— Не спеши, у нас много времени, — укоризненно сказал он. В его голосе слышалось понимание и терпение.

— Ложись, — велел он, когда она добралась до того места, где ждал он.

Она, скорчившись, легла на бок. Она умирала, ощущая это каждой частичкой измученного тела. Он посмотрел на нее и поднял плоский, острый каменный обломок.

Из серых глаз, которые она когда-то получила в дар, текли огромные слезы.

Он вонзил обломок камня в одну из глазниц. Женщина хрипела, стиснув зубы. Кровь густой струей хлынула с ее судорожно сжатых губ.

— Смотри сюда, — приказал он, показывая вырванный глаз. — Последнее, что ты видишь… Что? — спросил он, вонзая окровавленный камень во вторую глазницу. — Ты — одно лишь зло! Зло и добро, все так же добро и все так же зло… Откуда это бесценное знание? Ничему ты не научилась.

Он тщательно раздавил вырванные глаза.

— Путь к одному лишь добру или злу — не есть цель мира, — пояснил он. — Знаешь, в чем эта цель? Ну конечно, не знаешь. А вот я — *знаю* .

Он выдернул меч из ее живота. Она дернулась, напряглась и замерла, прижав руки к ране. Неловкими движениями он перерезал шею. Пришлось приложить некоторые усилия, чтобы перерубить позвоночник.

— Так что не пытайся быть умнее меня. Знание. Чтобы оценить чьи-то поступки, необходимо знание. Мой род добывал его в течение многих веков. И сейчас я делаю лишь то, что необходимо сделать, так что не имеет никакого значения, хорошо это или плохо.

Он поднял голову за волосы и привязал к колышку рядом с головой Хель-Крегири. С шеи и из полуоткрытых губ упали последние, запоздалые капли крови, две красные струйки стекли на щеки из мертвых глазниц.

— Не имеет значения, хорошо это или плохо, — удовлетворенно повторил он. — А то, что я тебя не люблю, — это дело другое.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Законы всего

21

Сильный ветер принес с собой ливень. Ветер и дождь постоянно гостили в Громбеларде — но такого ветра и такого дождя Тяжелые горы не видели уже много лет. Улицы Громба превратились в настоящие реки. Несмотря на водостоки, сила несущейся воды была такова, что с наступлением ночи не удалось закрыть городские ворота, ибо они

неизбежно оказались бы выломаны. Опустили лишь решетку. Громбелардская столица тонула. Проемы под стенами, через которые обычно уходил избыток дождевой воды, оказались чересчур узкими, впрочем, вскоре они были забиты всем тем, что потоки воды сумели собрать с улиц. Никто в Громбе не спал в ту ночь. С возрастающей тревогой жители ожидали конца катаклизма.

Вой ветра и шум обрушивавшихся с неба водопадов не позволили заснуть и ее высочеству Верене, супруге Н. Р. М. Рамеза, князя-представителя императора. Старая цитадель, бывшая когда-то обиталищем разбойников, а позднее превращенная в княжескую резиденцию, казалось, дрожала до самого фундамента. Верена лежала в большой кровати, сжавшись в комок и борясь с желанием спрятать голову под подушкой. Тяжелые горы, Громб, наконец, сама цитадель всегда казались ей несокрушимыми. Угрюмые, холодные, они тем не менее давали ощущение безопасности, производили впечатление непоколебимых и непобедимых. Теперь же Верена увидела, что прочные громбелардские строения могут стать всего лишь игрушкой для стихии. В эту ночь княгиня могла бы поверить, что Полосы Шерни пробудили к жизни некоего демона ветра и дождя, предназначением которого было стереть с лица земли все Тяжелые горы.

Вой и шум снаружи усилились — ливень нарастал! Верена вскочила и встала на холодный пол, ощущая, как ее охватывает неподдельный ужас. Она сделала два шага к окну, но отступила, содрогнувшись от холода. Она потянулась к шубе, но, прежде чем успела прикрыть обнаженную спину, бесценные дартанские стекла, вставленные в посеребренные рамы, разлетелись вдребезги под могучим ударом ветра. Мокрый ледяной порыв швырнул в женщину осколки, вырвал из ее рук шубу и растрепал волосы. Она вскрикнула, инстинктивно прикрывая лицо рукой. Раненная осколком стекла, она двинулась к двери под безжалостными ударами гулявшего в комнате ветра. В темноте она споткнулась о стоявшую у кровати подножку и потеряла равновесие. На четвереньках она подползла к двери и попыталась ее открыть. Неожиданно дверь распахнулась сама. Облизывавший стены спальни язык ветра тотчас же потянулся дальше, сорвал пламя с висевших на стенах свеч и погасил их своей влагой. Но не все… В слабом мерцании оставшихся Верена увидела дворцовых гвардейцев, привлеченных шумом в ее спальне. Тяжело дыша, с широко раскрытыми глазами, она протянула руки…

— Ваше высочество!

Солдат бросил факел и, не колеблясь, присел возле перепуганной женщины. Увидев кровь на щеке, он что-то крикнул своему товарищу, который с оружием наперевес тотчас же вбежал в спальню, чтобы проверить, не проник ли туда кто-либо посторонний. Тем временем первый гвардеец, ни о чем не спрашивая, подхватил княгиню на руки и поднял. Вид простого солдата, держащего на руках обнаженную, обнимающую его за шею дочь императора, мог привести в изумление кого угодно. Однако оба были армектанцами; готовые соблюдать формальности и этикет, они отбрасывали их прочь, едва лишь те становились излишним и вредным грузом.

Добравшись до одной из дневных комнат княгини, гвардеец посадил приходящую в себя женщину в обширное кресло и осмотрел рану на щеке. Убедившись, что ничего опасного нет, он прикрыл ее высочество собственным плащом, после чего тотчас же отступил на надлежащее расстояние и стал ждать распоряжений. Тем временем вернулся его товарищ. Княгиня поблагодарила их жестом, и они немедленно покинули ее. Вскоре принесли больше света, в комнате появились слуги. Рану обработали, ее высочество закутали в меха и подали горячее вино. Лихорадочная беготня позволила на время забыть о стихиях, бушевавших за стенами дворца.

Но среди многочисленных людей, окружавших княгиню, недоставало самого главного: не появился ее супруг… В последние несколько месяцев князя Рамеза занимали более серьезные дела, чем здоровье и самочувствие жены. А за последние несколько дней два важных дела поглотили его без остатка.

Окруженная заботливыми (или хорошо притворяющимися заботливыми) людьми,

княгиня быстро пришла в себя. Все опасения и страхи остались в пустой спальне, вой ветра теперь уже не был единственным достигавшим ее ушей звуком. Оказалось, что мир все еще существует и, собственно, не слишком изменился. Может быть, несколько необычным в столь позднюю пору был тот факт, что почти никто не выглядел внезапно разбуженным, — но, кроме этого, все во дворце казалось вполне обычным. Неистовствовавший за окном ливень воспринимался лишь новым фоном для обычных, хорошо известных вещей.

Отослав большинство собравшихся, княгиня осталась в обществе двух служанок. Обе они обладали особыми полномочиями. В Дартане служанок такого ранга именовали Жемчужинами Дома — и воистину не без причин. Их ценность в золоте достигала попросту абсурдных сумм, но именно поэтому дом, не имеющий Жемчужины, никто не воспринимал всерьез. Армект, перенявший многочисленные обычаи и этикет Золотого Дартана, перенял также и институт Жемчужин Дома. С единственной разницей: в Дартане Жемчужинами были обычно армектанки, в Армекте же — в точности наоборот.

— Ленея, — подала голос княгиня, — его высочество Рамез, мой муж… Где он?

Огненно-рыжая тридцатилетняя женщина подошла к ней и задумчиво начала поправлять прическу своей госпожи. На ней было украшенное драгоценными камнями и вышитое золотом платье, ценность которого противоречила всякому здравому смыслу — если бы не тот факт, что Жемчужина была драгоценностью, требовавшей надлежащей оправы. Армектанцы, обычно не склонные к демонстрации собственного богатства, в отношении Жемчужин делали исключение.

— Я спрашиваю, — поторопила княгиня. — Где его высочество?

— Как будто ты не знаешь, — неохотно ответила та.

— Со своими книгами? — допытывалась княгиня.

Рыжеволосая пожала плечами.

— Уже неделю. В последнее время никто его не видит, он вообще оттуда не выходит. Говорят, будто…

— Что говорят? — не выдержала Верена, когда молчание затянулось.

— Говорят, — сказала вторая служанка, значительно моложе первой, зеленоглазая блондинка, — что он там ест, спит и ходит на горшок.

Верена прикрыла глаза.

— Почему ты это ему позволяешь? — спросила младшая из Жемчужин. — Уже несколько месяцев твой муж воспринимает тебя как пустое место. Ты этого не заслужила. Я советовала…

— Глупости ты советовала, — оборвала ее княгиня. — Ленея, принеси мне какую-нибудь одежду. Но никаких платьев, я не собираюсь одеваться всю ночь. Сандалии, рубашку и юбку.

— Где я тебе все это возьму? — изумилась Жемчужина.

— У прачек. Убирайся и принеси, что я просила! — рявкнула Верена. — Иначе прикажу вырвать твой наглый рыжий хвост!

Служанки переглянулись. Блондинка негромко фыркнула. Ленея подошла к двери, еще раз обернулась и вышла.

Княгиня, мрачная как громбелардская туча, сидела молча, бездумно поглаживая пальцем сохнущую ранку на щеке.

— Оставь, — мягко сказала блондинка. — Расцарапаешь.

Лучше бы она этого не говорила.

Княгиня — в отличие от князя-представителя — вовсе не была капризной натурой. Обычно веселую, а иногда даже шаловливую, ее искренне любили слуги и большинство придворных, среди солдат же ее попросту обожали — она неплохо стреляла из лука, а поскольку в Громбеларде подобная стрельба являлась, собственно, единственным ее развлечением, она часто состязалась с лучниками легиона. Служанка в ранге Жемчужины Дома, имея такую госпожу, как правило, без труда понимала ее настроение, с легкостью оценивала, хочет ли княгиня в данный момент считать ее своей подругой или же обычной

прислугой. На этот раз предчувствие подвело… Блондинка, безнадежно и бессмысленно, прицепилась к ране на ее щеке.

— Верена, слышишь? — повторила она. — Оставь это в покое, расцарапаешь.

Княгиня медленно подняла взгляд. Неожиданно она сжала губы и намеренно рванула ногтем. Красная струйка стекла по щеке.

— Уйди! — прошипела она сквозь зубы. — Уйди, немедленно! Иначе плохо тебе будет… убирайся!

Девушка отшатнулась, перепуганная не на шутку.

— Ваше высочество, — прошептала она, — я… прошу прощения. Уже иду, ваше высочество… Прошу прощения.

Верена показала на дверь. Дартанка попятилась, низко поклонилась и бесшумно исчезла. Княгиня прикусила губу и опустила руку. Нахмурившись, она размазала кровь по щеке, о чем-то размышляя. Мысли были недобрыми… Губы ее несколько раз изогнулись в гримасе мрачного презрения, боли и гнева, затем пошевелились, словно подбирая слова, которые она намеревалась вскоре произнести.

Какое-то время спустя вернулась Ленея. Вероятно, она услышала кое-что от вышвырнутой за дверь подруги, поскольку вела себя весьма сдержанно. Наклонив голову, она ждала на некотором удалении, держа вещи, за которыми ее послали. Верена отбросила свои меха и кивнула в знак того, что хочет, чтобы ее одели. Жемчужина тотчас же подошла к ней.

— Я иду поговорить с князем, — заявила без каких-либо предисловий княгиня. — Возможно, на это потребуется время, а может быть, все закончится парой слов… Неважно. — Она подняла руки, позволяя Жемчужине надеть на нее рубашку. — Среди моих писем, ты знаешь где, есть одно запечатанное. Принеси мне его, сейчас же… Что это?

Последние слова относились к обуви, которую служанка хотела надеть на босые ноги своей госпожи. Дартанская новинка уже какое-то время гостила во всех краях империи: женскую обувь снабжали подошвами, низкими спереди и очень высокими сзади, что подчеркивало стройность ног и фигуры.

— Ваше высочество? Я… не понимаю?

Изумление служанки было совершенно искренним; княгиня уже давно не носила на ногах ничего другого, справедливо оценив все достоинства нового изобретения.

— Забери это! — со злостью бросила Верена. — Я не собираюсь никому нравиться! Кого ты хочешь из меня сделать? Шлюху?!

Она с яростью швырнула обувь в угол.

— Я… принесу другие, — покорно сказала Ленея.

Верена криво усмехнулась.

— Пойду босиком, — презрительно сказала она.

Жемчужина не посмела возразить.

22

Мрачная каменная цитадель, возведенная много веков назад громбелардским разбойником-рыцарем, совершенно не годилась на роль резиденции императорского представителя. В Кирлане императорский дворец, являвшийся городом в городе, отдавал единственной дочери императора около двадцати комнат. В Громбе Верена была вынуждена довольствоваться тремя небольшими помещениями и «спальней» — холодной мрачной пещерой, где под висевшими на стенах парчовыми занавесями собирались капли воды. Одновременно это была и спальня князя Рамеза. Супружеская пара властителей Громбеларда вынуждена была спать вместе — хотели они этого или нет… Однако среди всех, живших во дворце, ее высочество имела в распоряжении самые лучшие апартаменты. Князь Рамез довольствовался лишь двумя небольшими комнатами… И своей «кельей».

Любовь императорского зятя к старым летописям и хроникам была общеизвестна.

Приняв в Громбе пост представителя, Рамез вынужден был отказаться от большинства своих привычек и интересов. Себе он оставил лишь одно. Иногда раз в месяц — а иногда, когда это было возможно, даже несколько раз в неделю, он скрывался в своей башне, чтобы углубиться в тайны истории Шерера.

Нередко он делал это ценой отдыха и сна. Двор быстро привык к подобному чудачеству — тем более что князь не забывал о делах провинции, напротив, был самым решительным властителем из всех, кто когда-либо правил Громбелардом. Однако лишь до того дня, когда похитили княгиню Верену. С тех пор князь Рамез стал другим человеком, рассеянным, невнимательным, вечно задумчивым… Он погрузился в свои книги, видимо, желая понять величайшие тайны мира, которые Полосы Шерни, скрытые за небесным куполом, открывали лишь избранным, своим посланникам.

Но изменился не только князь-представитель. Изменилось все; можно было бы предположить, что похищение Верены и попытка пошевелить мертвые Ленты Алера положили начало непостижимому процессу распада Громбеларда. Многие тогда считали, что властитель провинции вынужден будет вернуться к своему нормальному образу жизни. Этот человек любил и умел действовать! Однако случилось иначе: его высочество сделал все возможное, чтобы хаос в стране нарастал, вместо того чтобы уменьшаться. Он запретил усиливать отправлявшиеся в горы патрули. Не позволил выделять солдат для сопровождения купеческих караванов, игнорировал доклады Имперского трибунала, имевшего в своем распоряжении целую армию шпионов и доносчиков. Мало того, он снял со своих постов или сурово наказал несколько человек, которые на собственный страх и риск пытались что-то предпринять. Словом, могло показаться, что упадок Второй провинции — именно то, что князю-представителю больше всего нужно.

Он своего добился. Дезорганизация прокралась первым делом в ряды Громбелардского легиона. Солдаты готовы были охранять порядок, сражаться и даже умирать — в войско брали исключительно добровольцев, каждый из которых знал, что ему придется делать. Но вдруг оказалось, что их посылают не столько в бой, сколько на бойню; патрули из нескольких человек хороши были в горах тогда, когда там не происходило ничего особенного. Среди ожесточенной войны всех со всеми слабые плохо вооруженные отряды пропадали один за другим. Боевой дух упал, а потом — вещь в имперских легионах просто неслыханная — начало шириться дезертирство. Прошло совсем немного времени, и войско полностью исчезло из Тяжелых гор. Никто не охранял даже тракт, соединявший громбелардские города. Военный патруль можно было встретить в лучшем случае на улицах Громба, Бадора или Рикса, однако деморализованные солдаты скорее сами провоцировали беспорядки, чем им препятствовали.

Дорога, по которой невозможно было безопасно проехать, и улицы, на которых среди бела дня можно было пасть жертвой ограбления, избиения, а то и убийства, не были подходящим местом для купцов. В громбелардских городах воцарилась дороговизна. Призрак надвигающегося голода стал новым поводом к совершению преступлений; тот, кто не мог купить хлеба, — крал… Вскоре Громбелард начали покидать более состоятельные, не уверенные в своей судьбе жители. Пару раз начинались беспорядки, хотя и незначительные, но едва подавленные тем, что еще осталось от Громбелардского легиона. Трибунал бил тревогу, предвидя в недалеком будущем настоящий бунт.

Довершив начатое, князь Рамез удалился в свою келью — и попросту поселился там. Он принимал лишь нескольких доверенных слуг, не виделся ни с кем, его не интересовало совершенно ничего.

Кроме одного: он штудировал свои книги.

На крутой лестнице сидели двое солдат. Увидев идущую в их сторону женщину, они обменялись удивленными взглядами и поднялись.

— Стоять, — приказал один из стражников… и тут же перепугался, узнав княгиню Верену.

— Ваше… высочество, — сказал он, выпрямляясь и опираясь на копье.

Он пытался подавить изумление, — но вид растрепанных волос, простой юбки и рубашки и, наконец, босых ног императорской дочери привели его в полнейший ступор. В добавление ко всему, он увидел в мерцающем свете горящего на стене факела небольшой кровавый след на ее щеке.

— Ваше высочество, — повторил он, — я не узнал ваше…

— Князь там? — сухо спросила она.

— Да, ваше высочество.

— Хорошо… Спуститесь ниже, я хочу поговорить с князем, — сказала она. — Вы не должны ничего слышать. Пусть никто нам не мешает.

Солдат получил приказ никого к князю не впускать, кроме двоих слуг. Но сейчас он не знал, мог ли этот приказ распространяться также и на ее высочество. Так или иначе, он не в силах был запретить княгине войти.

— Слушаюсь, ваше высочество.

Миновав стражников, она преодолела еще полтора десятка ступеней и остановилась перед солидной, окованной железом дверью. Сильно толкнув ее, она перешагнула порог маленькой, тесной комнаты. Сразу же закрыв дверь за собой, она какое-то время возилась с большим засовом, пока наконец железо не поддалось со скрежетом и грохотом. Она повернулась и лишь теперь посмотрела на мужа.

В каменном помещении, кроме стола и стула, находились одни лишь полки. На них лежали книги, стопки чистых и исписанных страниц, письменные приборы, пергаментные свитки… В углу располагалась постель, заваленная многочисленными шкурами, в другом углу громоздилась груда больших камней. Их приносили сюда горячими, прямо из огня, чтобы просушить и обогреть помещение.

Они молча смотрели друг на друга — оба удивленные и даже испуганные тем, что предстало их глазам. Рамез никогда до сих пор не видел жену в подобном наряде; так, только несколько раз, во время забав с луком… Но ведь и тогда волосы ее были надлежащим образом уложены, у нее не было крови на лице, она не бегала босиком… В конце концов, ни юбка, ни рубашка не были в глазах армектанца чем-то достойным порицания. Сыновья и дочери равнин весьма ценили простоту во всем. Однако не меньше они ценили и хороший вкус. Помятая, наспех застегнутая рубашка не имела с этим ничего общего.

Со своей стороны, Верена видела усталого, преждевременно постаревшего, безвольного человека с покрасневшими от бессонницы глазами, одетого в помятую и даже слегка грязную мантию. Когда он протер лицо ладонями, она заметила неухоженные ногти.

Она пришла сюда полная злости, готовая обрушить на мужа немало гневных слов. Увидев же его, она попросту испугалась.

— Ради Шерни, что с тобой? Что случилось? — в замешательстве спросила она; в голосе ее чувствовалась неподдельная боль.

Но в это самое мгновение заговорил и он, и два голоса слились в неразборчивую мешанину слов. Оба замолчали. Потом снова одновременно открыли рот… Он откинулся на спинку стула и жестом показал — говори.

Снаружи башни бушевали ветер и дождь. Среди тяжкого молчания отчетливо слышался странный скрежет и скрип, доносившийся откуда-то изнутри здания. Верене показалось, что башня дрожит и покачивается под напором ветра.

Она медленно сделала два шага вперед и отвела взгляд.

— Как ты выглядишь… — прошептала она. — Зачем ты тут сидишь, скажи?

— А где мне сидеть? — после долгой паузы ответил он, и она услышала в его голосе неподдельное, хотя и приглушенное усталостью удивление.

— Как это где? Ну, наверное… в нашей спальне? — беспомощно проговорила она. — Сейчас ночь, скоро рассвет. Неужели ты об этом не знаешь?

Похоже, он и в самом деле не знал. В комнатке не было окон. Представитель потерял счет времени.

Она посмотрела ему в глаза — и снова ужаснулась тому, что в них было. Покорность. Усталость. Жалость, грусть, немного стыда… Невыразимая горечь. И какое-то странное, тупое упрямство.

— В спальне? — Он вздохнул и глубоко задумался. — В спальне… — повторил он. — Ну да.

После чего снова замолчал.

Она подошла к постели, села среди шкур, подогнув ноги, и начала нервно теребить край юбки.

— Послушай, я сыта этим по горло, — тихо проговорила она, — Я старалась помочь, поскольку ты об этом просил. Я ничего не понимала и до сих пор мало что понимаю, однако я тебе помогала, поверив, что так нужно. Теперь мне кажется, что я ошибалась.

Рамез молчал.

— Через полгода, — после короткой паузы продолжила она, — здесь будут одни развалины. Я не люблю этот край, ты это хорошо знаешь. Но мой отец поручил тебе заботиться о нем. Ты же прекрасно отдаешь себе отчет в том, что в Кирлане обо всем знают? Трибунал шлет доклад за докладом, один тревожнее другого. Через месяц или два отец лишит тебя должности. А может быть… может быть, даже раньше, чем через месяц. Я показывала тебе письма, которые он прислал. Я солгала, ответив, что ничего дурного здесь не происходит, солгала ради тебя. Теперь я об этом жалею. Впрочем, отец — умный человек, ты это не хуже меня знаешь. И гордый. Он не потерпит наглости даже — а может быть, в особенности — от собственной дочери, что уж говорить о зяте. Послушай, я думаю, что должна написать ему всю правду. Я думаю… думаю, что ты должен покинуть Громбелард.

Рамез покачал головой.

— Тем не менее я не уйду, — спокойно ответил он. — Не уйду, Верена, даже если меня попытаются убрать отсюда силой. У меня здесь своя миссия, и если ты не понимаешь ее значения, тем хуже для тебя. Это означает, что я остался один. Я надеялся, что ты будешь поддерживать меня до конца. Мне это очень нужно, Верена.

Она молча покачала головой в ответ.

— Пусть будет так… — с грустью проговорил князь. — Честно говоря, я с самого начала должен был учитывать такую возможность.

Верена прикусила губу.

— Это не имеет смысла… — прошептала она.

Рамез неожиданно оживился.

— Не имеет смысла? Что не имеет смысла? — резко спросил он. — Поймешь ты, в конце концов, что то, что сейчас творится в Громбеларде, не имеет никакого значения? Люди гибнут? Ну и прекрасно. Голодают, бегут отсюда? Еще лучше. Ты права, конечно, ты права! Через год, а может быть, уже через полгода от всего этого края не останется даже камня на камне. Дошло до тебя, что если бы я только мог, то выгнал бы отсюда всех? Вскоре все эти горы разлетятся, словно куча перьев от пинка… о, слышишь? — Он протянул руку, словно желая показать то, что клубилось, выло и гудело за стеной. — Это лишь обычная буря, может быть, чуть сильнее обычного. Ты можешь представить себе ураган в сто раз сильнее?

Он неожиданно вскочил, снял с полки огромную книгу и, с грохотом положив ее на стол, оперся руками о кожаный переплет.

— А может, все-таки пожелаешь превозмочь собственную лень и послушать? Я охотно переведу для тебя рассуждения Великого Дорлана и многих, многих других мудрецов Шерни. Ты узнаешь, как выглядели битвы великих сил, битвы Алера с Шернью. Ты узнаешь, что произойдет, когда будут воскрешены Серебряные и Золотые Ленты.

— Но ведь ты этого страстно желаешь?

— Да! — воскликнул он. — Конечно желаю! Скажи, почему ты никогда не слушаешь меня внимательно? Ведь я все это тебе объяснял! Я желаю воскрешения Лент, ибо знаю, почему эта война необходима! Люди, коты и стервятники, все разумные существа возникли не просто так! Мы — стражи созданного мира и стражи самой Шерни! Пойми это наконец!

— Не кричи, прошу тебя, — сказала Верена. — Я это ненавижу.

Он пропустил ее слова мимо ушей.

— Шернь создала законы всего, но теперь сама подчиняется этим законам, — сказал он. — Я ведь объяснял. Полосы Шерни не могут объявить войну Лентам Алера. Но должны. Прошли тысячелетия с того момента, когда Алер проиграл первую войну с Шернью. Вскоре он будет могущественным, наверняка даже более могущественным, чем когда-то. Подозревают, — он положил руку на Книгу всего, — что Алер явился сюда из другого мира, может быть, своего собственного, который отобрала у него какая-то другая сила. Миров, таких как Шерер, наверняка на Просторах десятки, а может быть, даже сотни. Побежденные силы Алера преодолели неизмеримые пространства, постепенно слабея. Они не были грозным противником для Шерни. Но теперь Алер явится не с другого конца Просторов. Его Ленты, отвергнутые Шернью, распростерлись здесь, рядом, над отобранным у Шерни северным краем нашего континента. Прошло достаточно времени, чтобы сущность Алера окрепла, набралась новых сил. Дело дойдет до новой войны, и на этот раз Шернь может оказаться побежденной. И даже если такого не произойдет, война будет долгой, сражения — жестокими. Кто знает, какой край будет обращен в прах? Может быть, Армект? Ты об этом подумала? Что это может быть наш Армект? Великие равнины… только подумай! Ведь именно там проходит граница между Алером и Шернью.

Он замолчал, словно ожидая ответа.

— Война неизбежна, — повторил он еще раз, некоторое время спустя. — До нее дойдет дело, рано или поздно. Но чем раньше, тем лучше, поэтому нужно спровоцировать ее уже сейчас. И сделать так, чтобы она разыгралась здесь, над громбелардскими горами. Нужно, чтобы Ленты Алера нанесли удар по Полосам Шерни. Сегодня еще не поздно. Если война начнется здесь, то силы Алера пройдут над Срединными Водами, миновав Армект, и поддержат сражающиеся над Тяжелыми горами одинокие Ленты. Поэтому нужно их воскресить. Сегодня Алер слабее Шерни, так что он будет побежден быстро и небольшой ценой, ибо битвы над этой каменной пустыней принесут миру меньше страданий, чем многолетняя война над Армектом или Дартаном. Через сто или триста лет Алер станет могущественным, очень могущественным. Его силы быстро растут. Ведь я тебе все это объяснял. Почему ты не хочешь понять?

— Потому что не хочу.

— Почему? — настаивал он.

— Потому что не хочу, и все.

Верена встала.

— Я делала то, о чем ты меня просил. Я лгала, делала вид, что ничего не происходит. Но только ради тебя. Не ради какой-то войны, которая, может быть, случится через сто или пятьсот лет. Меня это совершенно не интересует. Я не думала, что это будет так выглядеть…

— Что будет так выглядеть?

— Ну… это. Что Громбелард начнет рассыпаться в прах. Что мне будет стыдно посмотреть людям в глаза. Все смотрят на меня и думают, что мой муж сумасшедший… или даже преступник, кто знает. Может быть, неудачник. Я могу пожертвовать многим, но не пожертвую тобой и собой из-за каких-то сражений, которые произойдут через несколько веков. Кто знает, что будет через эти несколько веков? Кого это волнует?! — раздраженно воскликнула она. — У меня только одна жизнь, и я хотела прожить ее с тобой. Ведь мы не можем иметь детей. — Она подняла взгляд и чуть прикусила губу. — И даже… если когда-нибудь они у нас будут, то и они до этой войны не доживут. Но пока их нет, мы не можем… Еще одно проклятие… У меня есть только ты, только ты, слышишь? — очень серьезно произнесла она. — Я люблю тебя. И теряю. Ты добьешься того, что хотел, а потом до конца жизни будешь смотреть на меня так, как сегодня, когда я сюда вошла. Со стыдом, болью и каким-то… каким-то затаенным гневом на судьбу, которая так распорядилась твоей жизнью. Я не позволю. Будь готов к тому, что я буду бороться за тебя. За нас.

Он молча смотрел на нее.

— Я сделаю все, что в моих силах, — продолжала она, — чтобы эти Ленты не были воскрешены. Может быть, еще не поздно. У меня есть друзья, которые многое могут. Правда, об Охотнице ни слуху ни духу, и… я очень за нее боюсь. Но я дочь императора. И знаешь, что я сделаю прежде всего? Пошлю гонца к моему отцу. Император узнает обо всем, вернее, получит подтверждение того, о чем уже знает, ибо урядники трибунала — единственные, кто все еще делает свое дело. Впрочем, ты еще не знаешь, что последние два месяца я была не вполне лояльна по отношению к тебе… Ты этого заслужил. — Она обвиняющим жестом направила на него палец. — Заслужил! Я послала письмо в Кирлан, в котором, правда, ничего не объясняю, но намекаю между строк на некоторое решение проблемы. И меня правильно поняли. В ответ пришли два письма, содержания которых ты не знаешь. Одно от отца, а другое от матери.

— Что было в этих письмах? — сдавленным голосом спросил Рамез.

— От матери я получила добрые советы. А отец понял мои намеки…

— Что было в этих письмах? — нетерпеливо прервал он ее.

— Отец спрашивает, не хотела бы я временно вступить в должность наместника трибунала в Громбе, с особыми, исключительными полномочиями. Достаточно, чтобы я сказала «да». А добрые советы матери сводятся к тому, чтобы я серьезно обдумала предложение отца. И… кое-что еще…

Она отвела взгляд.

— Мать советует, — тихо сказала она, — чтобы я подала на развод. Она считает, что я должна расторгнуть брак на год или хотя бы на полгода… До тех пор, пока не будет установлена твоя вменяемость или отсутствие таковой… Все.

Представитель медленно выпрямился, ощупью нашел за спиной стул и сел.

— Что ты собираешься делать? — с неестественным спокойствием спросил он.

Она с грустью посмотрела ему в глаза.

— Еще сегодня я пошлю в Кирлан два ответа «да». Разве что… — Она с усилием сглотнула слюну. — Разве что… — повторила она еще раз, даже не пытаясь скрыть просьбу.

Она ждала, но Рамез молчал.

— Значит, решено?.. — наконец спросила она неуверенным, сдавленным голосом.

Она достала из-за пазухи небольшой свиток пергамента, скрепленный ее личной печатью.

— Я писала это при свидетелях. — Голос ее сорвался. — И я должна… должна точно так же вручить тебе… тогда оно вступит в силу. Все формальности мы выполним еще сегодня. Я больше не твоя жена и не буду ею… ближайшие полгода.

Она положила документ на стол и расплакалась.

23

На дне мрачной тесной расщелины лежало селение, называвшееся Безвозвратом, а чаще всего попросту Оврагом. Странное место, бывшее еще не столь давно чем-то вроде столицы Хель-Крегири, знаменитой королевы горных разбойников. Сейчас селение выглядело покинутым: ворота в частоколе стояли открытые настежь, нигде не было заметно часового… В глубине расщелины, за частоколом, тоже не было видно никакого движения, никаких признаков жизни.

Старый, сгорбленный человек, с висевшей через плечо большой походной сумкой и странным струнным инструментом за спиной, не был похож на того, кто в состоянии преодолеть Тяжелые горы. Однако, судя по всему, дело обстояло именно так, ведь этот путник не появился ниоткуда. Медленно, но не колеблясь, он направлялся к открытым воротам. Похоже было, что тишина и отсутствие какого-либо движения в селении не удивляют его и не беспокоят. Он не остановился, не огляделся по сторонам; он просто продолжал размеренно и спокойно шагать вперед.

Пройдя через ворота, старик на мгновение остановился и поднял голову. Сквозь пелену

мелкого дождя можно было заметить выглядывавшее из-под капюшона седобородое лицо. Чуть отсутствующий взгляд глубоко посаженных глаз направлен был в ту сторону, где на мокрой земле виднелся округлый черный след, словно от пожарища. Подойдя ближе, путник разгреб ногой смешанную с мокрой сажей и пеплом грязь, открыв… похоже, остатки не сгоревших до конца костей. Он снова поднял голову и огляделся вокруг. Потом завел руку за спину и поправил свой инструмент. На левой лопатке явно проступили очертания горба, прикрытого до этого ношей. Путник был калекой.

Окинув взглядом дома, а также отверстия зиявших в каменной стене пещер, старик двинулся дальше. Могло показаться, что он обнаружил нечто необычное, ибо в его движениях почувствовалось некоторое оживление. Он направлялся прямо к одной из пещер. Войдя в ее мрачную пасть, он немного постоял неподвижно, давая глазам привыкнуть к темноте. Потом шаг за шагом начал продвигаться вглубь.

В пещере воняло гнилью. Крепкая решетка, сделанная из связанных деревянных палок (они походили на древки копий со снятыми наконечниками), перегораживала низкую пещеру пополам. В глубине, по другую сторону решетки, на каменном полу лежала какая-то бесформенная груда. Приглядевшись внимательнее, горбун понял, что это обезглавленное человеческое тело, уже почти разложившееся. Сразу же после этого он наступил на что-то ногой — и обнаружил второй труп, в таком же состоянии.

На одной из стен пещеры висели черепа, покрытые остатками сгнившего мяса. Судя по длинным волосам, две головы принадлежали женщинам. Третья была головой кота-воина, покрытая уже несколько заржавевшим стальным кошачьим шлемом с вырезами для ушей.

Горбун покачал головой и повернулся к выходу. В проникавшем в пещеру сером свете можно было разглядеть его крепко сжатые губы.

Снова оказавшись снаружи, старик не стал искать убежища ни в одном из домов. Отойдя на некоторое расстояние от отвратительного, вонявшего смертью грота, он присел на большой обломок скалы и, казалось, чего-то ждал. Некоторое время спустя он снял со спины мокрый инструмент, полез в сумку и достал небольшой бурдюк. Открыв его, он сделал большой глоток и чуть вздрогнул; судя по всему, в бурдюке была водка.

Потом снова сидел и ждал.

Дождь прекратился. Горбун снова поднял голову, посмотрел в небо, наконец сдвинул назад капюшон плаща и проговорил чуть дрожащим, однако достаточно убедительным голосом:

— Я не слишком терпелив. Не настолько.

Потом добавил:

— Долголетие здесь совершенно ни при чем. Можно быть даже бессмертным, но терпения все равно не хватит. Я уже достаточно долго жду.

Прошло несколько мгновений, и оказалось, что старый путник отнюдь не был из тех, у кого от дождя поехала крыша; он разговаривал вовсе не сам с собой…

На пороге одной из хижин появилась странная фигура и направилась в сторону сидевшего на камне. Он передвигался на руках и культях ног. По сравнению с ним горб старика производил впечатление лишь небольшого физического недостатка; так или иначе, эта встреча двух калек, в самом сердце громбелардских гор, выглядела довольно гротескно.

— Это селение принадлежит мне, — заявил безногий. — Я никого сюда не приглашал. Кто ты, старик, и что тебя сюда привело?

Горбун плотно сжал губы, так же как и до этого в пещере.

— Один-единственный раз я надеялся, что меня не станут спрашивать, кто я. Не знаешь? — горько и слегка раздраженно спросил он. — И ты меня спрашиваешь, кто я? Да что я тут, собственно, делаю?

Он встал со своего камня, охваченный неподдельным гневом, и потянулся к инструменту, словно и в самом деле собираясь уйти. Безногий молчал, хмуря темные брови.

— Ах! — неожиданно воскликнул старик с преувеличенным восхищением. — Великолепно! В самом деле великолепно!

Он положил инструмент и снова сел, наклонившись, словно прислушиваясь.

— Конечно! — сказал он, выпрямляясь и поднимая руку. — Однако я предпочел бы услышать твой голос, приятель. Мне уже давно наскучило сражаться с хаосом чьих-то мыслей. Впрочем, это никогда меня особо не увлекало.

— Прости, господин, — покорно проговорил безногий житель селения. Потом добавил: — Я так давно жду здесь тебя, что уже почти усомнился, что ты придешь.

Горбун кивнул.

— Многие сомневаются в том, что я вообще существую, — подтвердил он. — Ну ладно.

Некоторое время оба молчали. Наконец старик огляделся вокруг.

— Ты здесь один? — спросил он.

Калека кивнул, после чего неожиданно горько улыбнулся.

— Здесь, господин? Вообще. Я один и останусь один, до самого конца. Приняв человеческий облик, я взял себе и имя, но сам для себя использую другое. Я назвал себя Хенегель Гет.

— Последний и единственный? — удивился горбун. — Почему?

— Неужели ты и в самом деле не знал, господин? Как такое может быть? — В голосе калеки вновь прозвучало недоверие.

Старик помолчал, казалось, снова к чему-то прислушиваясь.

— Значит, такова была цена… — наконец прошептал он, помрачнев. — Я не знал, — с грустью добавил он. — Естественно, я не всеведущ, — пояснил он и сразу же спросил то же, что и его собеседник мгновение назад: — Ты не знал? Как такое может быть? Я, сын мой, лишь страж законов всего. Живой человек, и к тому же калека. Что с того, что я бессмертен? Это не дает знания всего на свете.

Он покачал головой.

— Как, сын мой? Знание всего на свете недоступно даже Полосам Шерни. Каким образом я мог бы знать все? Скажи.

Безногий отвел взгляд.

— Оставим это, — сказал горбун. — Я хотел бы знать, что здесь произошло. Эти кости… — Он показал на черный круг на земле. — Эти трупы и головы в пещере… Что все это значит?

— Я стерегу Серебряные Ленты Алера, лежащие в этом ущелье, — ответил со всей серьезностью безногий. — Еще не время, чтобы их воскресить. У меня больше времени, чем я предполагал вначале. Не желая пребывать в бездействии, я приложил усилия, чтобы устранить как можно больше тех, кто хотел бы, или даже только мог, помешать моей миссии.

— Это действительно необходимо?

— Полагаю, да. Мы живем в весьма необычные времена, господин…

— Воистину. Но что ты, собственно, имеешь в виду?

— Людей, — последовал краткий ответ. — В особенности людей… хотя и не только.

Старик, чуть наклонившись, терпеливо ждал продолжения.

— Еще котов, — добавил Хенегель, не скрывая неприязни. — Нет ничего такого, что я мог бы ценить в этом гнусном и бездумном племени, — признался он. — Тем не менее, господин, новейшая история Шерера полна великих имен. Необычно? — то ли вопросительно, то ли утвердительно заметил он. — Когда-то, во времена великих завоеваний, великих сражений… Имена победителей и властелинов очень легко находят свое место в истории, это понятно. Но сейчас у нас Вечная империя… и вечный мир.

Горбун кивнул.

— Великий Дорлан-посланник и его ученик, Черный Бруль, — продолжал калека. — Два величайших мудреца, каких когда-либо Шернь выбрала среди людей. Легендарные уже при жизни. Однако речь не только о мудрецах. Есть еще… вернее, были… великие воины. Люди и коты. Рыцари, каких Шерер никогда прежде не видел и, возможно, никогда уже не увидит. Ты прекрасно знаешь, господин, что нельзя с пренебрежением относиться к мечу.

Существа, стихия и предназначение которых — война, могут сделать много хорошего, но также и много плохого.

— Значит, ты боишься?..

— Мы должны исполнить свою миссию, — сухо сказал Хенегель. — Мы оба, господин. Мы стоим на страже законов всего, но каждый по-своему. Ты, господин, всегда там, где исполняются их приговоры. Отвергнутый Шернью, ты до самого конца будешь пребывать под ее небом, глядя на сменяющиеся века и тысячелетия. Я — только искра, от которой должен вспыхнуть порох. Когда он взорвется и уничтожит то, что должен уничтожить, моя миссия будет выполнена. Потребовались мудрость и знания всего моего народа, собираемые в течение сотен лет, чтобы сделать меня этой искрой. Потребовалась смерть всех моих собратьев, которые всю жизнь, какая им еще оставалась, отдали мне, чтобы дать мне необходимые силы. Последний и единственный, я — весь мой народ, его жизнь, мудрость, прошлое и отсутствие будущего… Ты, господин, спрашиваешь, боюсь ли я? Не существует столь мелкого зернышка, которое я не был бы готов убрать со своего пути, если это хотя бы на волос приблизит меня к успешному завершению моей миссии. Тем временем по этим горам бегают существа, готовые рубить мечами каждого, чье поведение покажется им хотя бы непонятным, не говоря уже — враждебным! Ты спрашиваешь, господин, боюсь ли я? Когда на меня возложена такая ответственность? Если бы это было в моих силах, я бы выжег весь этот край огнем дотла, а потом отгородил от остального Шерера бездонной пропастью, лишь бы только никто не помешал мне, когда я буду беззащитен против любого, даже самого незначительного нападения! Я ношу в себе сущность величайшей из всех Полос Шерни, я ее символ и в некотором смысле — сама Шернь. Но сражаться я буду с воскрешенной Лентой Алера, которая не является символом таковой, но чистой мощью и сущностью! Так что же? Я должен противостоять этой силе достаточно долго, чтобы Полосы ощутили необходимость защищать свою сущность, и одновременно размахивать мечом, отражая, возможно, нападение сумасшедшей, ничего не понимающей женщины, которая за всю свою жизнь научилась только двум вещам — ненавидеть и убивать? Но… я уже с ней когда-то сражался! Посмотри!

В глазах взволнованного калеки внезапно появилась боль. Схватившись за край прикрывавшей культи ткани, он открыл обрубки ног, обмотанные толстыми тряпками.

— Ею руководил Бруль, — помолчав, тихо сказал он. — Бруль заблуждался… Я хотел сохранить его великий разум и неизмеримые знания, хотел приобрести союзника. Именно для этого я принял этот облик. Я верил, что, будучи учеником Бруля, сумею направить его мысли в нужную сторону. Но дело дошло до войны. Брулю требовался меч и рука, которая бы этот меч держала. Он позвал на помощь именно ее. Я победил, но какой ценой! Так что не удивляйся, господин, что, имея достаточно времени, я сделал все, что в моих силах, чтобы заманить ее сюда и убить, прежде чем она найдет нового союзника и ей придет в голову мысль помешать мне во второй раз.

— Ты говоришь об Охотнице? — прервал его старик.

Хенегель нахмурился.

— Я хотел ее смерти, это правда, — откровенно признался он. — Ничто и никогда не было для моего народа большим злом, чем ее присутствие в горах. Но если ты думаешь, господин, что мною руководило лишь желание отомстить… Это неправда. Я счел ее смерть необходимой, и лишь благодаря случаю устранение этой твари, в конечном счете лишь одной из многих, оказалось как полезным, так и приятным делом. Да, приятным. Я уничтожил в последнее время немало живых существ, и делал это с удовольствием, ибо постепенное устранение громоздящихся на пути к цели препятствий может и даже должно доставлять радость. Но смерть этой женщины доставила мне живое, искреннее удовольствие. Да, это правда, — еще раз повторил он. — Моя жизнь подходит к концу, господин, сущность Полосы, которую я в себе ношу, быстро сжигает мои силы, так что я ценю любые нечаянные радости. И меня даже не волнует, насколько благородны подобные развлечения. Ты станешь осуждать меня, господин?

Старик покачал головой.

— Мы оба знаем, сын мой, что все, что ты сделал, а также то, что ты еще совершишь, не имеет ни малейшего значения, если это не препятствует твоей миссии. Чувства же, которые ты испытываешь, важны менее всего. Я спрашивал, говоришь ли ты об Охотнице, поскольку то, что лежит в пещере, на самом деле трудно узнать… Ты счел эту смерть необходимой, и этого достаточно. Это не меняет того факта, что ты пытаешься спасти миллионы. А то, что ты при этом чувствуешь, отчаяние или радость, мне совершенно безразлично. Впрочем, и тебе, по сути, тоже. — Он поднял взгляд и улыбнулся. — Кто еще погиб в этом селении?

— Хель-Крегири… и отряд имперских гвардейцев. Кроме них, ничего существенного, какие-то путники. И шпионы трибунала.

— Как я понимаю, они погибли по той же самой причине, что и Охотница?

— Отчасти. Солдат я сюда специально не заманивал. Но раз уж они пришли, я решил… Это был отряд котов-гвардейцев, самые грозные солдаты, каких когда-либо имел в своем составе Громбелардский легион. Я их боялся. Я не понимаю котов и то, что ими руководит. Думаю, это никому не нужное племя.

— Достаточно, — остановил его старик.

Он снова улыбнулся.

— Твои знания о мире, сын мой, весьма поверхностны…

Хенегель склонил голову.

— Да, это правда… Все, что я знаю, касается только сил Шерни. Где мне брать иные знания, господин? Но я думаю, что это неведение достойно похвалы. Для всего моего племени. Ибо оно определяет величину жертвы. Мы отказались от всего, страж.

Горбун молча кивнул.

— Я тоже не терял времени зря, — помолчав, сказал он. — Тебе удалось сделать так, что в Громбеларде воцарился хаос, я же позаботился, чтобы не восстановился порядок. Надо полагать, ты догадываешься, что странное поведение князя-представителя…

— Не взялось ниоткуда, естественно, — закончил Хенегель. — Да, господин, я прекрасно это понимаю. Меня беспокоит другое. Княгиня?..

— Она здорова, хотя начинает доставлять некоторые хлопоты. Как-нибудь справимся, — заверил его Отверженный. — Когда придет время, я пойду за ней. Пусть это тебя не волнует.

— Я боюсь, господин, — откровенно сказал Хенегель. — Эта женщина крайне нам необходима. Я боюсь, — повторил он. — Слишком многое зависит от жизни и здоровья одной, ни о чем не подозревающей личности.

24

Мало кто представлял себе истинное значение и силу Имперского трибунала. Естественно, все знали, что эта организация обладает неограниченными возможностями и широким влиянием, но лишь немногие располагали сведениями о фактических пределах власти серых урядников. Особенно в чрезвычайных ситуациях.

Верховные судьи трибунала никогда не имели собственных резиденций в столицах провинций. Наиболее распространенной функцией трибунала было преследование и предание суду разного рода преступников, но намного важнее были иные, не столь заметные задачи: контроль над завоеванными территориями, осуществлявшийся при участии войска, и, наконец (а вернее, прежде всего), надзор за любыми действиями императорских представителей. Естественно, чтобы надзор этот имел хоть какой-то смысл, высокопоставленные урядники трибунала не могли быть зависимы от властителей провинций; да, они подчинялись их распоряжениям в отношении преследования обычных преступников — и все. Поэтому в Кирлане сочли разумным, чтобы резиденции верховных судей в провинциях не располагались в тамошних столицах. Это ограничивало количество

неизбежных конфликтов и позволяло некоторым образом «замаскировать» непосредственные контакты судей с имперскими властями в Кирлане.

В Громбеларде столицей трибунала был Бадор; в остальных городах — в том числе и в Громбе — верховный судья трибунала назначал своих наместников. По очевидным причинам наместник в Громбе (то есть под боком у представителя) обладал особыми обязанностями, но также и полномочиями. Некоторые из них были тайными… но и положение наместника судьи в Громбе было весьма деликатным. Уже несколько лет, а точнее, с момента, когда императорским представителем в Громбеларде стал Н. Р. М. Рамез, место первого наместника в столице оставалось свободным.

Весть о необычном назначении ее высочества Верены совпала со слухами, затем подтвержденными известием, о временном расторжении ее брака. Армектанцы, очень ценившие личную свободу, считали разводы, как временные, так и окончательные, делом понятным и нормальным. Тем не менее этот развод — *такой* развод, совершенный *таким* способом и в *такой* момент, просто должен был стать сенсацией и скандалом. Практически в одно мгновение его высочество князь Рамез, носитель именитой фамилии и один из самых могущественных людей в империи, зять императора, превратился во всеми презираемого и никому не нужного мелкого чиновника. Все от него отворачивались, кто демонстративно, кто с ужасом. Сразу же всем и всюду стало ясно (хотя прямо об этом и не говорилось), по чьей вине в провинции сложилась столь тяжелая ситуация и кого император привлечет к ответственности. Единственная дочь властителя империи расторгла свой брак, одновременно согласившись с назначением на не занятый уже много лет, особый пост, который неожиданно оказался необходимым! Император хотел иметь в Громбе кого-то, кому он мог бы доверять, — ибо человек, которому он доверял до сих пор, его подвел. Даже если бы все это было разглашено с помощью герольдов, оно не могло бы стать более очевидным.

Таким образом, князь-представитель императора, не лишенный официально ни власти, ни привилегий, оказался, по сути, как без того, так и без другого. Явное пренебрежение или хотя бы небрежное исполнение его распоряжений стало чуть ли не обязательным с точки зрения Громбеларда, Вечной империи и самого императора. Тем внезапнее и быстрее возросло значение княгини — мало того, что дочери властителя, но к тому же еще и особы, пользующейся доверием Кирлана. Каждый, кто хоть немного ориентировался в политических делах империи, прекрасно знал, что император не из тех, кто склонен делить должности среди ближайших родственников. При назначении на самые высокие посты император прежде всего принимал во внимание способности и лишь затем фамилии. Из трех сыновей властителя ни один до сих пор не стал представителем ни в одной провинции империи! Впрочем, ни для кого не было тайной, что эту политику поддерживает (а может быть, диктует) императрица — связи которой с трибуналом были столь же очевидны, сколь и неофициальны. Казалось, что первая дама империи, небывалая энергия которой была прекрасным дополнением к неординарному уму мужа, столь же любит своих сыновей, сколь и не доверяет их способностям… а может быть, и лояльности. Ей хорошо были известны их амбиции, чрезмерные, скажем так…

Верене же она доверяла.

И все же они были друг на друга совершенно не похожи. Вернее, похожи чертами лица, но характерами они различались полностью. Но о членах императорской семьи рассказывали столько разных историй, что невозможно было понять, какие из них истинны, а какие выдуманы от начала до конца.

— Ваше высочество…

Женщина, сидевшая за тяжелым столом, опираясь локтями на его крышку и опустив голову на руки, даже не шевельнулась. Стол был завален множеством всевозможных документов. Кроме него и нескольких стульев, в комнате — впрочем, весьма небольшой — не было почти ничего. На одной из стен виднелся большой герб империи — серебряная четырехконечная звезда в окружении трех поменьше. На другой стене висело (а как же

иначе?) несколько образцов оружия из различных краев Шерера; без оружия в поле зрения армектанцу было несколько не по себе…

С. М. Норвин, военный комендант гарнизона в Громбе, сделал два небольших шага вперед и откашлялся.

— Ваше высочество, — повторил он.

Княгиня подняла голову. Норвин почти испугался, увидев бледное лицо и покрасневшие глаза с темными кругами под ними.

— А, приветствую… комендант, — устало проговорила она, даже не пытаясь скрыть, что его вид ее не радует, не беспокоит, ибо вообще не волнует. Сон ей был нужен как воздух. Иначе было недолго и умереть.

— Ну, что там? — спросила она, словно присутствие высокого военного чина в здании трибунала была чем-то совершенно нормальным и не стоившим особого интереса.

— Ваше высочество, я подал рапорт об отставке. Князь… его высочество его принял. Я попросил отпуска и получил его.

Верена несколько оживилась.

— Ага… — задумчиво проговорила она, — из этого следует, что я могу попросить тебя о кое-какой небольшой услуге? Естественно, приватно, — подчеркнула она. — У тебя ведь есть время и желание?

— Ваше высочество, — поспешно сказал Норвин, — я в вашем распоряжении! Ведь я… именно потому… — искренне признался он. — Оставаясь на службе, я не мог ничем помочь вашему высочеству. Теперь могу.

Норвин когда-то командовал имперской дворцовой гвардией в Кирлане. Княгиня забрала его с собой в Громб, хотя пост коменданта гарнизона громбелардской столицы он не мог рассматривать как повышение. Имперская дворцовая гвардия насчитывала больше людей, чем весь Громбелардский легион, не говоря уже о том, что служба в столице под боком у императора давала такие перспективы, о которых в Громбеларде можно было, самое большее, мечтать. Однако Норвин сам просил, чтобы его забрали с собой, — и княгиня удовлетворила его просьбу, зная, что этот человек ей безгранично предан.

— Князь… — горько проговорила она, снова опираясь локтями о стол. — Ты его бросил. Все его бросили, даже ты и я…

Она дотронулась пальцами до висков.

— Голова просто раскалывается, — прошептала она. — Я… не знала. Столько всего нужно помнить и понимать. Одному человеку невозможно справиться.

Она взяла исписанную страницу и тупо уставилась на нее, прикусив губу.

— Невозможно, — повторила она.

Норвин стоял и молчал. Верена отложила лист, задев при этом довольно большую плоскую коробочку с украшенной богатой резьбой крышкой. Какое-то время она смотрела на нее, потом, открыв, извлекла горсточку золотистых шариков. Она высыпала их в рот и раскусила, прикрыв глаза. Норвин узнал дартанские изюминки. Залитые быстро застывающей массой со вкусом ванили, они считались большим лакомством. И притом достаточно дорогим… Легионера странным образом тронула детская слабость княгини к сластям. Она отличалась ею всегда, еще в Кирлане.

— Сядь, — сказала она. — Здесь, рядом со мной, я хочу, чтобы ты читал вместе со мной. Смотри.

Она не дала ему времени на размышления — удобно ли будет ему сидеть рядом с ней. Разбросав рукой лежащие на столе документы, она протянула зажатый в другой руке лист в сторону пустого стула; желая ознакомиться с содержанием, он просто вынужден был сесть там, где она показывала.

— Нам нужно поговорить, — пояснила она как бы мимоходом, не отрывая взгляда от переворачиваемых страниц и свитков. — С делами трибунала мне одной не справиться. Второй наместник — глупец, изъясняющийся каким-то странным языком, как раз таким, каким все это написано. Живой документ, представляешь? Я хочу поговорить с кем-то

нормальным. Сижу в этом здании уже месяц и пока никого такого здесь не встретила.

Он занял указанное место и бездумно пробежал взглядом содержание письма, которое она ему дала.

— Ваше высочество, я тоже имею о делах трибунала весьма небольшое…

— Знаю, — отрезала она. — Тем не менее, как комендант гарнизона, ты много лет копался в чем-то таком, и всяческие документы не являются для тебя новостью. А во-вторых, я хочу проверить, действительно ли все так, как я говорю, или же я попросту слишком глупа, чтобы понять, в чем дело. Читай.

Он сосредоточился и углубился в чтение письма.

— Все? — некоторое время спустя спросила она. — Ну, давай теперь дальше, держи.

Она подала ему другой документ. Ознакомившись с ним, он чуть поморщился. Она смотрела на него с язвительной и чуть грустной усмешкой.

— Итак, я обладаю особыми полномочиями. Полномочиями верховного судьи… полномочиями из Кирлана… — перечисляла она, отложив в сторону очередные документы. — И все это едва лишь дает мне право принимать решения. Едва лишь. Исполнение этих решений, например, лежит в ведении армии. А командует ею мой… князь-представитель императора. Если он проигнорирует мои рекомендации, дело попадет к верховному судье в Бадоре. Тому самому, который дал мне все полномочия, впрочем, крайне неохотно и по прямому требованию моего отца. Таким образом, он незамедлительно направит ко мне мою собственную жалобу, ибо дело будет касаться наместничества в Громбе, и Громб может, даже должен, ее рассмотреть. Ведь у меня все полномочия. Так что верховный судья будет лишь руки потирать от радости. Что дальше? Получив жалобу от судьи, я отправлю ее в Кирлан, ибо что еще остается? А тогда из Кирлана… я получу соответствующие полномочия! — Она неожиданно ударила рукой по столу. — Да они у меня уже есть!

Некоторое время оба молчали.

— Я потребовала в свое распоряжение войско, — наконец коротко бросила она.

— Это незаконно, — машинально возразил Норвин. — Трибунал…

И замолчал.

Конфликт между командованием легиона и трибуналом существовал всегда. Первые могли все — но были глухи и слепы, ибо трибунал предоставлял им только те сведения, которые желал предоставить, ревниво оберегая другие — например, те, благодаря которым армия могла бы похвастаться каким-нибудь громким успехом. Подобный успех означал бы направление на нужды армии больших сумм, в знак признания эффективности ее действий, — ценой расходов на иные учреждения, в том числе и трибунал. Урядники, напротив, знали все, будучи, однако, не в силах ничего сделать без помощи легиона, ибо трибунал не имел собственных вооруженных отрядов, даже сил поддержания порядка. А армия вовсе не спешила что-либо делать для урядников. Каждая из организаций заботилась о том, чтобы сохранить как можно большее влияние. Норвин на мгновение забыл, где находится и с кем разговаривает, забыл и о том, что он уже больше не комендант гарнизона.

— О, можешь не беспокоиться, — язвительно, хотя и не со злорадством, сказала Верена. — Трибунал — это я. Я уже привыкла. Привыкай и ты.

Она выглядела значительно лучше, чем тогда, когда он появился перед ней. Разговор, похоже, становился более оживленным.

— Как ваше высочество хочет это сделать? — помолчав, спросил он. — Даже император не может вывести воинские части из-под власти своего представителя в той или иной провинции. Он может прислать свои указания или снять представителя с поста, но армию у него отобрать не может.

— А он ее вовсе и не станет отбирать, даже наоборот, — сказала она. — Я сижу в этом здании уже почти пять недель, — она постучала костяшками пальцев о стол, — а гонцы загоняют лошадей на курьерском тракте в Кирлан… Я попросила императора, чтобы он прислал сюда четыре полусотни лучников из Рапы, с особой миссией… «Дело

государственной важности». — Она показала другое письмо. — Князя-представителя просят лишь предоставить командиру этих людей всевозможную помощь.

— Если эта миссия касается Громбеларда, она должна быть выполнена силами провинции.

— Должна, ну и что? А? Что с того? Если император счел, что Громбелардский легион не справится с задачей или по каким-то причинам не должен принимать в ней участия…

— Князь станет возражать. Он потребует уважения своих…

— Пусть возражает. Пусть требует. Пусть шлет жалобу в Кирлан. Он может чувствовать себя обиженным и может даже не выполнить императорского распоряжения об оказании помощи присланному отряду. Но он не может отменить приказы, полученные командиром этих людей непосредственно от императора. Это не солдаты князя, и они ему не подчиняются.

— Они не получат жилья, не получат всего необходимого…

— Зато получат достаточно денег из казны трибунала. Наймут жилье, купят все, что нужно.

— И все-таки, чужие войска…

— Как это — чужие? — прервала она его. — Как это — чужие? Империя одна, и правит ею император, и никто иной. Все, похоже, об этом забывают, — ехидно заметила она, — как князья провинций, так и урядники трибунала, и под конец — командующие легионов. Князья-представители — именно лишь императорские представители, не какие-то удельные властители. Империя одна, — повторила она, — и император может посылать своих солдат, имперских солдат, — подчеркнула она, — куда захочет. По крайней мере, тех солдат, которые подчиняются непосредственно ему, ибо он не установил над ними никакой другой власти. Армектанских…

Норвин прикусил губу.

— Если бы я до сих пор находился на своем посту…

— Ты был бы в ярости.

— Да, ваше высочество.

— Это лишь подтверждает то, что я говорила, — подытожила она. — Определенная независимость провинциальных князей и войск должна служить империи, а не наоборот. Империя не является стражем суверенитета разных краев Шерера. Если император решит, что в интересах империи будет предать весь Громбелард огню, то его представитель в Громбе должен проявить неподдельный энтузиазм, ибо он представляет здесь интересы Кирлана, не более того. И он должен думать лишь об интересах Кирлана, ни о чем другом.

Она неожиданно улыбнулась; настроение ее явно улучшалось.

— Норвин, — она назвала его по имени, — ведь ты же должен понимать, что Громбелардский легион на самом деле не способен предпринять какие-либо действия. После того как пропал в горах тот кошачий отряд из Рахгара, во всем Громбеларде, может быть, не считая Лонда, где находится морская стража, не найдется и пяти солдат, на которых можно было бы положиться. Мой… — Она снова запнулась. — Его высочество князь-представитель позаботился о том, чтобы войска провинции превратились в банды отбросов общества.

Повернувшись к нему, она оперлась локтем о стол, а подбородком о ладонь.

Он поднял взгляд, ощущая ее мягкое, пахнущее ванилью дыхание.

— Это правда, — с неохотой признался он.

— Скажи, ты поможешь мне?

— Каким образом, ваше высочество? Да, помогу, — тут же заверил он ее. — Но у меня больше нет… с сегодняшнего дня нет никакой власти. Может быть, я зря подал в отставку? — Он задумался.

— Как раз наоборот… Моей власти хватит на нас двоих. Я даже хотела бы, чтобы ты вообще оставил службу.

— Как же так, ваше высочество? Князь не согласится на сокращение моего контракта,

это было бы…

— Я организую тебе судебный процесс, — сказала она.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Рядовой проступок… — подсказала она, чуть ближе наклоняясь к нему; кроме ванильного дыхания он ощутил также запах ее волос. — Напейся и устрой драку… скажем, где-нибудь в корчме… Разнеси ее! Я осужу тебя и вынесу приговор, неважно какой. Человек, осужденный за рядовой проступок, не может служить в имперских войсках, в законе об этом ясно говорится. Ты будешь уволен из легиона, а я найду тебе другую должность. С голоду не умрешь, за это можешь быть спокоен. Я умею заботиться о своих людях. Ты мне нужен.

Он размышлял, наморщив лоб и даже не особо скрывая свое отношение к только что предложенному. Она выжидающе молчала, чуть искоса глядя на него. Наклонив голову, она чуть приоткрыла рот и коснулась языком верхних зубов.

— Ну?

Он заметил, что ее сонливость исчезла без следа. Она уже не была бледна, напротив — на ее щеках проступил отчетливый, даже слегка неестественный румянец.

— Если даже и так, то дело сперва попадет к князю, — сказал он.

— Рядовой проступок, — напомнила она. — Это не нарушение дисциплины и не одно из тех дел, что армия решает самостоятельно, внутренним образом. Рядовой проступок солдата в отпуске должен быть направлен на рассмотрение трибунала. Старый способ, к которому прибегают урядники, чтобы избавиться от неудобных военных, — язвительно сообщила она. — Я познакомилась с ним, копаясь во всем этом. — Она показала на груду документов.

Она коснулась лба тыльной стороной ладони.

— Жарко здесь…

Задумчиво, недовольно и мрачно он остановил взгляд на коробочке со сластями. Кроме золотистых шариков в ней находилось также несколько коричневых таблеток, существенно больших размеров.

— Да, ваше высочество, — тупо ответил он. — Но…

Она чуть отодвинулась, прикусила ноготь, а потом сунула мизинец в рот и начала сосать. Глаза ее ярко блестели.

— Но? — промурлыкала она.

— Князь будет тянуть время. Ведь он прекрасно знает, что пьянство и драки — это на меня не похоже. Он поймет игру вашего высочества, догадается, кому я нужен, и пройдут месяцы, прежде чем дело попадет в трибунал… Старый способ не отдать в руки урядников неудобных для них военных… — рассеянно говорил он, даже не замечая, что позволил себе язвительно высказаться в отношении наместницы судьи.

Он не отводил взгляда от коробочки, чувствуя себе несколько растерянным, удивленным и… да, попросту возмущенным. Шехарея. Коричневые таблетки в коробочке были приготовлены из определенного вида семян, которые, залитые соком разнообразных листьев, действовали возбуждающе, поднимали настроение — но также, при долгом употреблении, были обыкновенной отравой. Солдаты в особенности избегали ее как огня: после шехареи кровь не хотела сворачиваться, а раны не заживали. Норвин понимал, почему княгиня прибегла к помощи этой дряни, и тем не менее… Ее внезапное оживление, а также явно провоцирующее, даже чуть неприличное поведение нашли свое объяснение. Однако Норвин чувствовал, что его чего-то лишили. Ее высочество Верена была для него всегда из тех, кого никак не касаются слабости обычных людей.

Она проследила за его взглядом, сжав губы, захлопнула крышку коробочки и резко отодвинулась, покраснев еще больше.

— Дело попадет не к князю, но к его секретарям, — сухо проговорила она. — Один из них воспользуется своими полномочиями в полном объеме и незамедлительно направит дело на рассмотрение трибунала, хотя обычно о таких делах сперва извещают князя. Обычно, но необязательно. Князь, когда узнает, придет в ярость, но будет уже поздно, тем более что

секретарь не сделает ничего такого, чего не имел бы права сделать.

Она избегала его взгляда.

— Хорошо, ваше высочество, — сказал он, утомленный разговором и все еще сбитый с толку неожиданным открытием. Он согласился бы на все, лишь бы она позволила ему уйти.

Долгое время царило неловкое молчание.

— Я принимаю это, потому что не могу иначе, — неожиданно смело произнесла она. — Перестану, как только…

Она неожиданно рассмеялась.

— Перестану, — заверила она, снова касаясь рукой лба и щек. — Ну и душно же тут…

Это была неправда.

— Ваше высочество… вам незачем объясняться передо мной.

Она искоса посмотрела на него, с легкой иронией и любопытством.

— Умник…

Она снова улыбнулась.

— Ты не спрашиваешь, какую должность я намерена тебе поручить? — наконец спросила она.

— Какую, ваше высочество? — с усилием проговорил он.

— Я хочу, чтобы ты организовал мне личное войско. Личную гвардию. Деньги ты получишь, как раз с этим у меня нет проблем… пока. Мне все равно, где ты возьмешь солдат и каких. Они должны быть знающими свое дело и преданными.

— Хорошо, ваше высочество.

— Я дам тебе такие полномочия, какие только потребуются… — Качая головой, она массировала себе шею. — Ха, — вдруг сказала она, — я ведь свободна. Плохо, однако, я пользуюсь этой свободой…

Что-то ее развеселило, поскольку она, прикусив губу, пыталась сдержать смех.

— Лучше иди, солдат… Ну, беги.

Она отрывисто рассмеялась. Он встал со стула.

— Ваше высочество…

— Беги, беги… Мне нужно поработать. — Она снова издала короткий сдавленный смешок, откинулась на спинку стула и беззаботно потянулась.

— Иди, Норвин, прошу тебя. Подумай об этой гвардии для меня. И приходи завтра. Утром.

Она послала ему воздушный поцелуй и подняла руку, слегка перебирая пальцами в шутливом жесте прощания.

Он вышел так быстро, как только мог. Закрывая дверь, он еще увидел, как, склонившись над документами, она улыбается сама себе.

25

За несколько прошедших недель князь Рамез постарел на полтора десятка лет. Его видели столь редко, что пару раз уже начинали ходить слухи о том, что его вообще нет во дворце. Потом стали поговаривать, будто он сошел с ума. Он почти никогда не выходил из своей комнатки, а если и выходил, то пробирался вдоль стен словно крыса, явно избегая встречи с кем бы то ни было. Все строили догадки, когда его по приказу императора отзовут из Громбеларда, удивляясь тому, что этого до сих пор не случилось. Однако те, кто лучше ориентировался в ситуации, знали, что все совсем не так просто. С положением семейства Н. Р. М., по прямой линии происходившего от княжеского рода Сар Соа, вынужден был считаться даже император. Отец и дядя князя обладали в Армекте состоянием, уступавшим лишь императорскому. Развод — в армектанском понимании — был исключительно делом Верены, ее отец мог от этого отмежеваться. Однако лишение Рамеза должности зависело только от него. Тут ситуация выглядела совершенно иначе. В Кирлане прекрасно это понимали и — ждали результатов действий Верены. Существовала обоснованная надежда,

что новая наместница судьи, пользуясь чрезвычайными полномочиями, сумеет навести в Громбеларде порядок. Еще больше рассчитывали на то, что подобные радикальные решения — развод и назначение Верены на новую должность — подействуют на князя отрезвляюще. Оставалось, правда, под вопросом, можно ли вообще восстановить авторитет имперского представителя в Громбе, не сменив человека, занимающего этот пост. Это уже был настоящий вызов для Рамеза. Если бы он только пожелал его принять!

Но он явно этого не желал.

Старый горбун, требующий доложить о себе князю, еще полгода назад вызвал бы немалую сенсацию. Сейчас же скрепленное княжеской печатью письмо, которое он предъявил стражнику, не произвело особого впечатления. Дворцовая гвардия, правда, была не столь дезорганизована, как остальные громбелардские войска, тем не менее последствия всеобщего развала коснулись и этого подразделения. Дежурный офицер взял документ и, не особо спеша, отнес представителю.

Вскоре он вернулся — но выглядел при этом совершенно иначе. Извинившись перед старым калекой, он начал оказывать ему особые почести. Он вел его к князю быстро и без задержек, даже открывал перед странным гостем двери и всегда пропускал его вперед, под конец же не велел ему ждать перед «кельей» его высочества, но впустил сразу же, без доклада. Потом исчез — с воскресшей каким-то чудом воистину военной четкостью и проворством вышколенного придворного.

Его высочество Рамез встал, приветствуя гостя. Подойдя к двери, он запер ее на засов, после чего указал горбуну на свое собственное кресло. Тот без особых церемоний сел.

Весь вид хозяина комнаты демонстрировал немалое оживление и необычайную энергию! Его высочество в одно мгновение вновь обрел прежнюю бодрость, явно забыв о том, что только что он был крайне утомлен, подавлен, апатичен и чувствовал себя почти таким же старым, как и горбатый музыкант. Внезапность подобной перемены, похоже, доказывала, что надежды Кирлана на воскрешение прежнего Рамеза были вполне обоснованны. Человек этот, если бы только у него появилось такое желание, наверняка мог восстановить порядок во дворце за два дня, мир и спокойствие же во всем Громбеларде — может быть, в течение месяца. Но — что с того? Может быть, и мог, но не хотел.

— Ваше благородие, — обратился он к горбатому старику, — прошу не подвергать мое терпение столь тяжким испытаниям. Слишком много времени прошло с нашей последней встречи.

Горбун чуть улыбнулся.

— Невозможно, князь, ускорить ход событий. Это не от меня зависит.

Рамез кивнул. Старик внимательно наблюдал за ним.

Последние несколько месяцев князь — представитель императора провел словно в полусне. Правящие миром силы стали частью его повседневной жизни, и, хотя он понимал их природу, его постоянно изумляло странное сосуществование необъятной вечности — и повседневности. Глядя на своего гостя, он знал, с кем, а может быть, с чем довелось ему общаться, — и почти не верил, хотя знал… Сейчас он собственными глазами видел *причину* , по которой Шернь создала в мире жизнь. Бессмертный горбатый музыкант был *причиной* , воплощенной навечно в этом облике. Шернь была лишь слепой, хотя и невероятно могущественной силой — однако в силе этой таилась некая склонность к издевательской насмешке. На извечный вопрос каждого разумного существа о причине, по которой возникла жизнь, Полосы давали вполне исчерпывающий ответ: вот она, причина… Все поводы, по которым островок жизни возник среди бездны небытия, можно было свести к фигуре старика-калеки, играющего фальшивые мелодии на расстроенном инструменте. Разве подобное не было издевательством? Тем более что этой причине было суждено существовать на протяжении тысячелетий. То, что дало жизни начало, должно было стоять на страже ее сосуществования с Шернью, обеспечивая исполнение законов всего. Законов убогих, часто противоречащих друг другу. Воистину соответствующих тому, к чему они относились. И

Рамез боялся поверить. Ибо чего стоило все то, что возникло по такой вот причине?

— Проснись, князь, — мягко проговорил старик. — Я понимаю твои чувства и сам их разделяю. Моя человечность простирается глубже, чем мне самому бы хотелось. И вместе с тем — она чересчур мелка, ибо я тот и исключительно тот, кто я есть, и не могу быть никем и ничем больше. Единственной частью шерерской сущности, раз и навсегда отвергнутой Шернью, стражем законов всего. Никем и ничем больше, понимаешь, князь? Я не обладаю тем, что обычно называют правом выбора, свободой… Я лишь могу и должен стоять на страже сущности, возникшей благодаря мне.

— Прости, господин, — тихо сказал Рамез.

— Это ты меня прости, сын мой, — серьезно ответил тот. — Ты не просил никого о своем существовании и ни за что не отвечаешь. Неважно, сколько добра и зла в мире, неважно, сколько ты сам сотворишь того и другого — всему причиной я… Что с того, что причина эта бессознательна и безвольна? Причина — и все. Сделать так, чтобы что-то возникло, а потом пытаться это что-то оценить, на самом деле было бы верхом наглости.

Странная беседа в тесной комнатке старой башни продолжалась всю ночь. Если бы кто-то посторонний мог ее слышать — наверняка бы ничего не понял. Как князь, так и горбатый музыкант чаще всего пользовались старогромбелардским — языком почти забытым, мертвым уже много веков, вернее, жившим лишь в сфере, связанной с Шернью, природой ее Полос и, наконец, законами всего. Невозможно было свободно разговаривать на этом языке на любую тему, связанную с повседневной жизнью, слишком много необходимых для этого слов давно уже были забыты. Однако Книга всего, касавшаяся связей мира с правящей им силой, все еще писалась посланниками по-старогромбелардски. Никто никогда не отважился выполнить перевод, ибо это уничтожило бы многозначности, скрытые в отдельных фразах, многозначности, проявлявшиеся норой в виде новых законов или даже пророчеств.

Иногда, однако, — а именно тогда, когда затрагивались более обыденные вопросы, — собеседники переходили на армектанский, являвшийся самым развитым, самым совершенным языком Шерера. Но и в этом случае обмен репликами касался вещей совершенно непонятных для кого-либо, кто не знал о древней войне сил, о лежащих в Тяжелых горах остатках Лент Алера и желающем их воскрешения народе, который всю свою историю и накопленные знания воплотил в образе безногого человека, именовавшего себя Последним и Единственным.

— Чего ты хочешь, князь? — нетерпеливо, даже чуть сердито спрашивал старик. — Ты хотел бы, чтобы великие дела вершились гладко и без жертв? Тебе жаль края, которым ты правил? Но мы ведь об этом уже говорили! Ведь мы ведем войну, сражение! Ты хотел бы победы без жертв? Даже самый глупый командир прекрасно понимает, что порой необходимо пожертвовать сотней или двумя солдат, ибо иначе может погибнуть вся многотысячная армия. Среди трех рас, призванных стать на страже законов всего, лишь одна поняла свою миссию и без колебаний пожертвовала собственным существованием, когда это стало необходимо. Маленькое, отвергнутое собратьями по разуму, всеми презираемое и ненавидимое за свою непохожесть на других племя совершило акт самоуничтожения во имя дальнейшего существования Армекта и Дартана. Ни один стервятник никогда не видел ни одного из этих краев! Уже завтра в мире будут существовать лишь два разумных народа. Кто сменит тех, кто только что пожертвовал собственным будущим? Ведь коты отвернулись от Шерни, и не похоже, что они когда-либо намереваются хотя бы взглянуть в ее сторону. Люди? Вот он, человек! Да, ты, князь! Даже ты, понимая, какова ставка в этой борьбе, даже ты лихорадочно ищешь способ и волка накормить, и овец спасти. При такой готовности нести жертвы…

Старик взволнованно замолчал.

— Неужели я и в самом деле столь немногим пожертвовал? — негромко спросил Рамез.

— Личным счастьем, в основном, — безжалостно ответил старик. — Может быть, еще тщеславием… Что ты хочешь купить за этот медяк? Счастье одного, а пусть даже и его

жизнь ничего не значат, ваше высочество! Может быть, есть на Просторах такие странные миры, в которых один человек (наверняка какой-то необычный полубог) спасает целые народы, но я, князь, в подобные сказки не верю. Мы живем в настоящем мире, где ради спасения тысяч должны погибнуть сотни, для спасения же миллионов — тысячи. Удобнее всего было бы стоять в стороне и ждать, пока придет один, зато всемогущий спаситель. Лучше всего — виновник всего этого балагана. Посмотри же на меня, князь! Это именно я… Я калека, страдаю уже много тысяч лет, и чего я достиг? Ничего! Я даже умирал пару раз. — Страж законов, охваченный болью, начал издеваться над собственным бессилием. — Меня убивали то тут, то там… Даже в кабацкой драке. Но я не могу отдать собственную жизнь, князь, не могу даже задаром, что уж говорить — за какое-то правое дело! Я могу ее, самое большее, одолжить. Умирать легко и даже забавно, мой князь, когда ты уверен, что на следующий день воскреснешь… Я бессмертен, увы.

Отверженный рассмеялся, хотя, возможно, ему хотелось плакать.

— Единственное, что есть у меня для мира, это слова… — наконец сказал он. — У меня нет никакой силы, кроме силы слов. Я единственный под небом Шерни, кто не может ссылаться на нее, ибо я — не ее творение. Я был и являюсь *причиной* . Независимой от Полос. Я обладаю даром понимания всего, даже невысказанных мыслей… и могу лишь говорить.

Наступила долгая тишина.

— Дальше, князь, — сказал старик. — Сомнения и неуверенность… Опасения… — читал он в мыслях собеседника. — Я не проникну в твои мысли, если ты будешь сопротивляться. О чем ты хочешь спросить?

— О моей жене, господин.

Отверженный поднял брови.

— Слушаю.

— Она… тоже нужна? Должна участвовать… в этом?.. — Он не договорил.

— С чего ты взял? — удивился старик.

— Она носит знак Ленты Алера. Прядь серебристых волос, она была у нее всегда. Это знак басе-крегири, армектанки, принадлежащей как Шерни, так и Алеру. Бруль-посланник когда-то похитил ее, желая с ее помощью воскресить Серебряную Ленту.

— И воскресил? — В голосе Отверженного звучала явная ирония.

— Бруль ошибся. Там, куда он забрал Верену, лежала Золотая Лента, не Серебряная.

— Все это ерунда, ваше высочество, — уже серьезнее сказал горбун. — Княгиня Верена, похоже, против твоей роли в борьбе за сохранение законов всего?

— Именно.

— Мое присутствие при воскрешении Ленты не требуется, и даже, гм… нежелательно. Когда ты отправишься в горы, я готов встретиться с ее высочеством и объяснить ей все, чего ты сам объяснить не мог или не умел.

— Я буду весьма благодарен вашему благородию.

— Тем не менее твоя супруга, князь, не должна и даже не может никоим образом повлиять на воскрешение Ленты Алера, — заявил Отверженный с еще более серьезным видом. — Заверяю тебя в этом и ручаюсь.

— Ты наверняка не ошибаешься, господин?

— Ваше высочество, — спокойно сказал старик, но в голосе его прозвучало нечто вроде мягкого сожаления. — Ваше высочество, — повторил он.

Рамез наклонил голову.

— Я всего лишь человек, господин, — сказал он. — Я соглашусь на все и принесу любую жертву. Но я не хочу, чтобы что-то дурное случилось с Вереной. Это единственное, чего нельзя от меня требовать.

— Ничего такого не случится, князь, — еще раз заверил его старик. — Поверь мне.

— Верю, господин.

Старик лгал с неподдельной болью, ибо уважал душу, сердце и разум своего

собеседника. Он совершал подлость в отношении человека, вовсе того не заслуживавшего. Да, действительно — страж законов мог открыто насмехаться над сказками о спасении миров ценой собственной смерти, ибо сам платил не смертью, а жизнью… Жизнью, полной лжи и подлости. Но на этом основывалась вся его борьба. Отверженный знал, за что сражается, и нес неизбежные жертвы. Так, как он и сказал, единственным его оружием были слова.

Ложь состояла из слов.

26

Выразительная и непокорная армектанская красота первой наместницы судьи не столько, может быть, угасла, сколько изменила свой характер. Стало больше серьезности… Верена сбросила простого покроя, но богато, хотя и в меру, украшенное платье; вместо него она теперь носила бархат приглушенных цветов, среди которых преобладали серый и черный, вышитый серебряными нитями. Волосы она завязывала в узел, что, впрочем, еще больше подчеркивало прекрасные очертания ее головы и шеи. В ушах она обычно носила серебряные серьги, покачивавшиеся над самыми ключицами, на запястьях — серебряные, великолепной работы браслеты, на пальцах же — несколько небольших колец. Армектанцы не любили золота, видя в нем украшение для глупцов, не могущих поразить мир ничем, кроме как видом богатства; впрочем, так же они относились и к пышным одеяниям. Если человек не мог продемонстрировать собственную важность и значение иначе, как внешним видом, трудно было всерьез к нему относиться. Но Верена вела себя скромно даже в армектанском понимании. Если что-то и выделяло ее среди прочих высокопоставленных урядников трибунала, то, пожалуй, именно это неуловимое «нечто», что могла иметь в себе лишь дочь властителя Шерера. Тем большим был ее авторитет. Она не пользовалась бы таким уважением, если бы не могла показать, что больше всего заслуживает внимания в личности первой наместницы именно сама эта личность.

Золотоволосая, достаточно красивая, чуть коренастая женщина, которую провели в комнату Верены, оценила все это с первого взгляда. Она была громбелардкой, что без труда можно было понять, — тем не менее в ее одежде отразились армектанские сдержанность и умеренность. Розово-синее платье демонстрировало скорее хороший вкус, нежели богатство, вплетенные же в него цепочки, хоть и золотые, скорее использовались ради соответствия цвету волос. Мягкие и тонкие, словно паутина, их ни в коей мере нельзя было счесть вызывающими.

Обе женщины некоторое время изучающе разглядывали друг друга. Верена чуть нахмурилась.

— Ваше высокоблагородие прекрасно меня знает, — сказала гостья на превосходном армектанском, без малейшего акцента. — Когда-то я изображала кузину одного из советников его высочества князя-представителя. Я постоянно находилась при дворе, хотя, правда, никогда не оказывалась достаточно близко. Настоящее мое имя — Арма. Никаких родовых инициалов у меня нет.

Верена подняла руку.

— Я помню… — поколебавшись, сказала она. — Но… значит, это неправда?

Блондинка поняла ее вопрос.

— Ваше благородие. — Она снова воспользовалась титулом, полагавшимся не дочери императора, а высокопоставленному чиновнику империи, это было вполне допустимо. — Ваше благородие, я находилась при представительском дворе не из-за каких-то родственных связей. Эти связи были результатом солидной суммы золотом. Вы, ваше благородие, рядом с князем Рамезом правили Громбелардом явно, я же — скрытно, рядом с другим властелином. Я шпионила для Басергора-Крагдоба, короля Тяжелых гор, — прямо сказала она. — Мне также подчинялись все другие его разведчики, во всем Громбеларде.

Наместница судьи не в силах была скрыть своего удивления.

— Нет, — сказала она, вставая и выходя из-за стола. — Боюсь, я не понимаю, что ты говоришь. Ваше благородие, ты утверждаешь, что ты… — Она сознательно воспользовалась титулом, хотя громбелардка ясно подчеркнула, что она не женщина чистой крови.

— Кем я была… Разбойницей, госпожа. Не из тех, что с топором бегают по горам… хотя и это иногда тоже. Когда-то я покинула Громбелард, так же как и мои друзья. Я вернулась некоторое время назад, ибо здесь творится нечто дурное. Возможно, я вернулась по тем же самым причинам, по которым ваше благородие заняли этот пост.

Верена медленно приближалась к ней. В конце концов она остановилась в двух шагах от посетительницы, молча глядя на нее.

— Ты просила тебя принять, ваше благородие, — наконец сказала она, даже не пытаясь отказаться от обращения по титулу. — Почему? Причины, которые ты привела… — Она замолчала.

— Были достаточны, чтобы получить аудиенцию. Столь же хороши, сколь и не соответствовали действительности.

— Ты солгала, — неожиданно весело подытожила Верена.

— Как раз это я умею лучше всего, — серьезно согласилась блондинка. — Поэтому я столь неловко и тяжело чувствую себя сегодня. Я не хочу сегодня лгать и не буду. Если бы когда-то кто-то мне сказал, что я приду к наместнице судьи трибунала добровольно, намереваясь говорить одну лишь правду, я бы его высмеяла. Или убила.

Верена отвернулась и неторопливо подошла к окну.

— Ну хорошо, — сказала она, выглядывая наружу, — все это очень интересно. Даже весьма необычно. Но ведь ты понимаешь, ваше благородие, что нельзя по какому попало поводу вламываться в здание трибунала? Так что сообщи мне настоящие причины, по которым я трачу на тебя время. Мне хотелось бы, чтобы они оказались достаточно существенными. Мне очень не хочется наказывать тебя за твою смелость. Ведь того, что ты до сих пор сказала, вполне хватит, чтобы навсегда упрятать тебя в темницу.

— Почему здесь нет стражи? — спросила Арма. — Почему ваше высокоблагородие не заботится о собственной безопасности? Почему нет стражника в этой комнате?

Верена повернулась и посмотрела ей в лицо.

— Сейчас будет, — сухо сказала она. — Правда, очень недолго. Он заберет тебя и уйдет, ваше благородие.

— Ваше высокоблагородие, я знаю, что говорю, прошу мне поверить…

— Я не верю, — отрезала Верена. — Хватит. Поспеши, госпожа, ибо ты и в самом деле начинаешь меня утомлять.

Блондинка поняла, что перегнула палку.

— Некоторое время назад, — сказала она, — в горах пропали без вести двое. Один из них — мой брат. Вторая… Охотница. Несколько месяцев она была рядом с тобой, госпожа. Вы дружили. Так, ваше высокоблагородие?

Верена прикрыла глаза. Ненадолго, но для Армы это был явный знак, что можно и нужно говорить дальше.

— Мой брат когда-то состоял в личной гвардии Басергора-Крагдоба, а говорю я это затем, чтобы ваше высокоблагородие поняли, что Охотница отправилась в горы в обществе отнюдь не мальчика. И вот — двое таких воинов пропали без вести. Я не уверена, но чувствую, что моего брата нет в живых. Думаю, оба погибли.

Верена снова прикрыла глаза, после чего медленно подошла к своему креслу и села.

— Продолжай, госпожа.

Неожиданно для Армы вся ее уверенность в себе куда-то пропала.

— Собственно… это почти все… — тихо проговорила она. — Я знаю, ваше высокоблагородие, почему ты заняла этот пост и какие получила полномочия. У тебя почти неограниченная власть. Я два месяца наблюдала, как ты этой властью пользуешься, прежде чем решила прийти. Я хочу помочь. То, что делает князь-представитель… или, вернее, то, чего он не делает…

— Не тебе оценивать действия императорского представителя, госпожа, — холодно прервала ее Верена.

— Я не хочу ничего оценивать, — возразила громбелардка. — Я хочу сказать, что действия его высочества — всего лишь следствие того, что происходит в Громбеларде. Одно из следствий… Причины где-то совсем в другом месте, в горах. Думаю, что в селении, именуемом Безвозвратом или Оврагом.

Верена выжидающе молчала.

— Охотница, взяв в помощь моего брата, — продолжала Арма, — пошла именно туда, в Овраг. Я убеждена, что их нет в живых, иначе я уже давно получила бы какое-нибудь известие. Ваше высокоблагородие, в этом селении… там что-то есть. Думаю, это не человек. Это… *нечто.* Думаю, оно убило не только Охотницу и Ранера. Не стало в горах Хель-Крегири, наследницы Басергора-Крагдоба. Она была не менее искусным воином, чем Охотница. Пропал без вести также отряд Громбелардской гвардии, я имею в виду «убийц из Рахгара». Это были лучшие солдаты, каких когда-либо знали Тяжелые горы. И ведь никто не знает, что с ними случилось? — не столько спросила, сколько констатировала она. — Якобы кто-то их видел здесь, в этой части гор. Это не их территория. Они пошли в Овраг, госпожа. То, что стережет это селение, могущественнее кого бы то ни было в Громбеларде! Охотница, Хель-Крегири и рахгарские коты… Что-то сожрало и поглотило без следа самые грозные создания, когда-либо существовавшие под небом этого края. Оглянись вокруг, госпожа, и увидишь, что стало с Громбелардом. Впрочем, ты это видишь лучше меня. Я хочу помочь. Я пришла, ваше высокоблагородие, чтобы отдать тебе все свои знания и умения. Я все еще на многое способна. У меня есть несколько преданных людей, и притом таких, каких у вашего высокоблагородия быть не может. У меня, кроме того, много денег.

— Деньги и у меня есть…

— Неправда, они постепенно кончаются, — последовал спокойный ответ. — Так что я готова помочь своими. А когда я говорю о деньгах, ваше высокоблагородие, я имею в виду отнюдь не тощий кошелек. Я велела продать лес, несколько селений и два своих дома в Дартане. Дартанские дома, — подчеркнула она, давая понять, что речь идет не о каких попало зданиях. — Золото вскоре поступит. Если не хватит, я продам еще столько же… или вдвое больше. Воспользуйся моим предложением, ваше высокоблагородие. Неужели тебе не нужны союзники?

— Возможно.

Наместница закрыла лицо руками, потирая пальцами глаза. Когда она снова подняла взгляд, она выглядела крайне усталой.

— Возможно, — повторила она. — Но в чем ты, собственно, хочешь мне помочь, ваше благородие? Скажу лишь, что Громбелард меня не слишком волнует.

— Однако ваше высокоблагородие делает все, чтобы его спасти. Не будем говорить о причинах… впрочем, они вовсе не столь глубоко спрятаны.

— Однако ты слишком многое себе позволяешь, — заявила Верена; усталость в ее голосе была столь велика, что Арма посмотрела на нее внимательнее. Могло показаться, что наместница вот-вот заснет или лишится чувств. — Слишком многое, слишком многое… — повторяла она, явно думая о чем-то другом.

Она забавлялась крышкой плоской коробочки, лежавшей на столе.

— Хорошо, ваше благородие, прекрасно… — наконец рассеянно проговорила она. — Я подумаю. Тебя зовут Арма, я правильно запомнила? Оставь, пожалуйста, сведения, где можно тебя найти… Моим секретарям… Ну, иди же! — неожиданно раздраженно крикнула она, захлопывая свою коробочку. — Я тебя вызову, если сочту нужным! А теперь иди!

Арма молча поклонилась и вышла.

К странной, чуть таинственной женщине, которая в течение неполной недели вкралась в доверие к наместнице судьи, сразу же стали относиться несколько подозрительно. Однако быстро стало ясно, что Верена крайне ценит ее услуги, так что от выражения недовольства

все старательно воздерживались. Тем более что характер наместницы в последнее время основательно испортился; настроение ее легко менялось, она то впадала в раздражение, то вновь излучала ничем не обоснованную радость и энергию. Подобное относилось на счет переутомления от работы, хотя порой ходили и иные слухи и сплетни. Несколько странными были чересчур доверительные отношения ее высокоблагородия и С. М. Норвина, недавнего коменданта гарнизона в Громбе, а ныне начальника ее личной стражи. Появление Армы на какое-то время отодвинуло этот вопрос в тень. Золотоволосая подруга Верены вовсе не стремилась к известности. Однако в здании трибунала работали люди, от которых требовалась как раз незаурядная проницательность. Кто-то обнаружил, что блондинка в свое время пребывала при представительском дворе. Докапываться стали в основном лишь потому, что именно за соединение мелких фактов в единое целое урядникам платили. Однако, независимо от всего, с Армой все больше считались.

Верена необычно высоко оценила ее помощь — и вместе с тем усилила бдительность. Громбелардка ориентировалась как в делах трибунала, так и представительского двора, причем знания ее о делах провинции простирались столь глубоко, что наместница судьи испытывала все большее беспокойство, попросту граничившее со страхом. Она прекрасно отдавала себе отчет о пределах власти тех, кого столь беззаботно именовали в Громбеларде «разбойниками»… Разбойники! То и дело после очередных слов блондинки Верена узнавала о наличии все новых ее связей с двором, войском и, наконец, с самим трибуналом. Перед глазами императорской дочери постепенно открывалась другая, скрытая в тени беззакония, империя. Данные Армы о Громбелардском легионе были полнее и достовернее, чем те, которые мог предоставить Норвин. Коменданты других городских гарнизонов отнюдь не спешили извещать Громб об истинном, плачевном состоянии своих подразделений. Возможно, Арма была единственным в провинции человеком, сумевшим собрать точные данные в этой области!

Одним из первых ее действий было негласное знакомство с личной гвардией, которую организовал Норвин по требованию Верены. Не раздумывая, она указала на нескольких человек, на которых можно было положиться, — но и на нескольких других, готовых забыть о своих обязанностях при первом же случае.

— Это наемники Крагдоба, а позже Крегири, — сказала она о первых. — Их мечи — это их жизнь, и они готовы служить любому. Если им хорошо платят (а ведь это так?), я могу за них ручаться. Соответствующая репутация — для них то же, что для других рекомендательное письмо. Но вот тех…

— Уволить?

— Как это — уволить? — холодно спросила блондинка. — В темницу или повесить.

— Ваше благородие, ты, наверное, шутишь? — возразил изумленный Норвин. — В темницу? А по какой причине?

— Без причины. Их нельзя здесь держать, ибо они готовы предать. Их нельзя уволить, ибо они отомстят, перейдя на сторону врага.

— То есть кого?

— Ну, тех, от кого твоя гвардия защищает первую наместницу судьи. Или будет защищать. Неужели тебе не жаль своих солдат, господин?

Спор накалялся. Оба устремили взгляды к сидящей за столом Верене.

— Ваше высокоблагородие, прошу меня поддержать! — гневно потребовала громбелардка.

— Ваше высочество! — Для Норвина дочь императора была в первую очередь княгиней Вечной империи, и лишь потом урядницей трибунала.

Оба замолчали, не отводя выжидательного взгляда от погруженной в мысли Верены. Наместница подняла голову… и снова ее опустила, подпирая лоб рукой. Постоянно устилавшие стол документы сдвинулись под давлением локтя.

— Я больше не могу, — негромко проговорила она.

Норвин и Арма переглянулись.

— От меня требуют, — тихо говорила Верена, — немедленного решения вопроса о финансовых махинациях, совершаемых, возможно, с ведома интенданта его высочества князя-представителя… Поступило обвинение против квартирмейстера гарнизона, вероятнее всего, разбазаривается имущество Громбелардского легиона. Лежит дело о злоупотреблениях сборщиков налогов… Спекуляция зерном, дотируемым Кирланом… В любой момент может вспыхнуть уже не бунт, а настоящее восстание в Громбе… Процветает торговля высокими постами и должностями… Я что-нибудь пропустила?

Она на мгновение замолчала.

— Я больше не могу, — повторила Верена. — Прошло два месяца… Я ничего не сделала. Совершенно ничего. Я уйду в отставку.

— Ваше высокоблагородие… высочество… — одновременно сказали оба.

Она не слушала.

— А завтра, — сказала она, — возможно, над этими проклятыми горами разыграется война могущественных сил, начатая какими-нибудь безумцами… Да, безумцами. Это, похоже, какой-то сон? Махинации, взяточничество… Шернь и Алер. Вот, тут лежат донесения от разведчиков с гор. Из них ничего не следует, кроме того, что я, собственно… ничего не сделала.

— Ваше…

— Хватит. Разбирайтесь без меня. Сейчас, о чем там шла речь? А, знаю! Да, разбирайтесь без меня. С этим… и с другим.

Она жестом велела им покинуть комнату. Норвин хотел что-то сказать, но Арма слегка потянула его за руку, покачав головой. Верена осталась одна.

За прошедшие два месяца она видела Рамеза всего три раза. Она не посещала дворец, а он тем более не рвался в здание трибунала. Все годы, прожитые ими вместе, перестали что-либо значить. Она была ему безразлична — в этом она начинала убеждаться. Она сомневалась, посвятил ли он, погруженный в свои книги, за все эти дни ей хотя бы малую долю своих мыслей. Если даже и так, то он думал о ней как о предательнице. Она была в этом уверена. Она наивно полагала, что Рамез станет глубоко переживать ее решение расторгнуть брак. Самое трудное решение в ее жизни. Она плакала, принимая его, плакала, говоря о нем, плакала потом, при свидетелях, вручая князю письмо о разводе. Она плакала и теперь, вспоминая тот плач. Она любила этого человека, как никого другого на свете, восхищалась им, уважала и любила, ибо он был ее настоящим, искренним другом. Она делила с ним общую, несбыточную мечту о детях. Еще не так давно он готов был бросить все дела и, ни минуты не колеблясь, в простой кольчуге легионера, с луком, бежать ей на помощь, когда она оказалась в руках безумца. Теперь же он сам был таким безумцем. Желавшим в точности того же, чего желал Бруль. А тогда… Ей всегда казалось, что, любя кого-то и не переставая любить, ничего больше почувствовать невозможно. Неправда. Тогда, когда он пришел за ней с мечом в руке, как простой солдат… попросту как мужчина за своей женщиной… она в одно мгновение полюбила его вдвойне. Как сильно тогда она ощущала, что у нее есть *свой мужчина!* Кто-то, кто, не колеблясь, подожжет весь мир, если такова будет цена за один волос с ее головы! Она готова была умереть, здесь и сейчас, лишь бы только еще раз почувствовать то, что чувствовала тогда.

Но нет. Он уже не хотел. Просто ему казалось более ценным быть героем в собственных глазах — чем в глазах своей женщины. Он решил принести себя в жертву миру.

Миру… А что такое мир?

Она хотела прожить с этим человеком жизнь. Ничего больше… Прожить жизнь. Собственную жизнь, первую, последнюю и единственную, какая была ей дана. Она пыталась бороться — и боролась. После двух месяцев этой борьбы оказалось, что она не сделала ничего. Не воскресила в Рамезе человека, который ее любил и которого она любила. Могла ли она сделать что-то еще? Помешать его планам… Дурным планам, безумным, никому не нужным. Глупо. Может быть, если бы удалось перечеркнуть его шансы на спасение мира…

Она беззвучно смеялась и плакала.

Она боролась за человека, который решил спасти мир! Нет, пути назад не было… Она никогда уже не сумеет увидеть в этом страшном и вместе с тем смешном маньяке того армектанского воина, который пришел за ней с мечом в руке. Никогда. Так что можно было отказаться.

Сегодня, завтра, а может быть, через неделю — где-то среди обдуваемых ветрами и омываемых дождем вершин оживет враждебная сила. Тяжелые горы во второй раз за свою историю потрескаются от ударов, будут рассыпаться, гореть… Даже если бы она хотела, как она могла бы этому помешать? Она взялась за непосильную задачу. Как она месяц назад сказала Норвину, вся ее власть сводится к отдаче распоряжений. Распоряжений, которые некому было исполнять. Люди трибунала могли предоставить множество необходимых сведений, могли судить и приговаривать — но не могли отправиться в горы против этого *чего-то* , чего боялась Арма. Золотоволосая громбелардка была вовсе не первой, кто сообщал о странном селении под названием Овраг. Трибунал знал уже давно, что такое место существует и что там происходит нечто непонятное. Но что с того? Пусть даже этот злой дух Громбеларда, о котором говорила Арма и о существовании которого она сама знала, сидел прямо на площади посреди этого селения — некому было к нему идти. Шпионы, посланные на разведку, пропадали в Овраге без следа. Это была борьба с тенями. Нужен был неустрашимый воин, который пойдет туда с одной только мыслью — убить это нечто или погибнуть самому. Кем-то таким мог быть ее муж, ведущий за собой громбелардских солдат.

— Нет, — тихо сказала она. — Я не откажусь.

Протянутая рука коснулась коробочки. Первая наместница судьи трибунала откинулась на спинку кресла и, прикрыв глаза, раскусила три горькие, обжигающие язык и горло таблетки.

Вечером того же дня подошли две первые полусотни лучников Армектанского легиона.

27

Прибытие войска вызвало немалую сенсацию. В Громбе давно уже забыли, как выглядят дисциплинированные тройки во главе с десятниками. Войско прошло по улицам, словно на параде; вьючных мулов оставили под стражей в предместье, чтобы жители громбелардской столицы могли полюбоваться на сомкнутые, нагруженные лишь оружием, словно идущие в бой шеренги. Ярко-синие мундиры вызывали всеобщее любопытство и — в отличие от темно-зеленых громбелардских — казались скорее придающими бодрости, нежели опасными. Еще более необычными были луки. Во Второй провинции это оружие использовалось нечасто; в Громбелардском легионе отряды арбалетчиков значительно превышали по численности лучников. Весть о прибытии войска, к тому же столь необычного, опередила марширующий отряд. Люди толпой высыпали на улицы. Легионеров приветствовали, да что там — им устроили настоящую овацию. Впрочем, ничего удивительного: улицы громбелардских городов с некоторого времени были местом воистину недружелюбным, ночью же — попросту опасным. Рядовой горожанин мало что знал о делах провинции — но имел глаза и видел, что жизнь становится все дороже, патрулей на улицах нет, зато бандитов хоть отбавляй. К тому же — какие-то странные, мрачные вести с гор…

Но вот — прибыло войско! Сотня армектанских лучников тотчас же разрослась до целой тысячи, даже нескольких тысяч — ибо эти солдаты были явственным знаком того, что Вечная империя все еще существует, у императора есть дисциплинированные и послушные солдаты, которые придут навести порядок, если возникнет такая необходимость. В Громбеларде не слишком любили армектанцев, их образ жизни, язык и странные обычаи, — но сама империя, в сознании обычного жителя Громба, существовала всегда, и всегда Громбелард был одной из ее частей. И, как сказала Норвину Верена, армектанское войско было (о, ирония судьбы!) войском «чужим» лишь для первого армектанца в Громбеларде. Для князя-представителя.

Арме, всю жизнь любившей легионеров не в большей степени, чем урядников трибунала, хотелось смеяться из-за собственного энтузиазма — ибо она испытывала энтузиазм, ни больше ни меньше! Как представительский двор, так и трибунал были извещены о приближении обещанных императором лучников, однако ждали их только через день-два. Тем временем две первые полусотни преодолели форсированным маршем расстояние между Бадором и Тромбом, появившись совершенно неожиданно, застав всех врасплох. Арма, возбужденная словно последняя из горожанок, ворвалась в комнату Верены.

— Ваше высочество! — крикнула она с порога и замолчала. Наместница сидела в кресле, откинув голову назад. Над ней склонилась Ленея — Жемчужина Дома, которую Верена забрала с собой, покидая дворец. Светло-серое платье наместницы было забрызгано кровью, так же как и лежащие на столе бумаги. Служанка пыталась остановить кровотечение, прижав платок к носу своей госпожи. Арма бегом бросилась к креслу и остановилась как вкопанная, услышав смех Верены. Наместница судьи была в прекрасном настроении.

— Много шума… из ничего… — проговорила она чуть хрипло, из-за крови в горле. — Ох, оставь же меня наконец! — раздраженно прикрикнула она на Ленею. — Или нет, не оставляй… Говорю тебе, Арма, что это за… — она снова рассмеялась, — что за странная идея — спать только с мужчинами… Посмотри на нее, ммм…

Это был какой-то бред.

Рыжеволосая дартанка беспомощно посмотрела на Арму и кивком показала на стоящую на столе коробочку. В глазах ее блестели слезы. Арма приоткрыла крышку и сжала губы.

— Похоже, я была слепа… — сказала она с внезапной, бессильной яростью. — Эта ее смена настроений… О, ради всех… Холодные компрессы! Кровь пусть течет, пусть она ее не глотает! — бросила она, поспешно направляясь к двери.

— Да, госпожа… — сказала служанка. Голос ее сорвался.

— Могу проглотить тебя, — весело заявила наместница. — Хочешь?

Арма вышла.

Комнату Верены охранял один из гвардейцев Норвина.

— Никого сюда не впускай, понял? Только я и твой начальник.

— Так точно, госпожа.

— Никого другого! Даже самого императора, никого!

— Так точно, госпожа, — повторил гвардеец.

Арма сбежала по лестнице и вскоре была уже на улице. Весть о том, что императорская дочь, занимающая один из важнейших постов в провинции, травит себя худшей дрянью Шерера, не должна была выйти наружу. Арма кое-что слышала о шехарее. Кровотечение появлялось лишь тогда, когда одной дозы уже не хватало. Мужчины переносили это лучше. Женщины, у которых в силу естественных причин бывало кровотечение каждый месяц, раньше или позже истекали кровью насмерть. Сначала довольно легко было делать перерывы на несколько дней, когда возникала такая необходимость. Потом… потом уже нет. Если у Верены пошла кровь из носа, это означало, что ближайшее естественное кровотечение может оказаться для нее последним. Арма прекрасно осознавала, что при столь больших дозах наместницу только силой удастся удержать от приема очередной коричневой таблетки. Впрочем, об этом можно было побеспокоиться и позже. Верена могла истечь кровью уже сейчас, кровотечение из-за шехареи не прекращалось само по себе.

В предместье Громба жил единственный человек, который мог чем-то помочь. Его прозвали Лошадником — поскольку он лечил лошадей. Арма знала, как это выглядело на самом деле. Лошадник научился определять, сумеет ли животное само выздороветь или сдохнет — и в том было все его искусство. Но у него имелись всякие вонючие микстуры, для виду. Все — кроме одной, которая и в самом деле действовала. Обнаружив ее свойства случайно, он использовал ее необычайно экономно, поскольку сам не имел ни малейшего понятия, из каких, собственно, отбросов ее приготовил. Лошадник имел привычку пробовать

свои жуткие зелья, ибо не хотел случайно отравить какую-нибудь из пользуемых им лошадей (из-за чего как-то раз едва не отравился сам). Лошадиный знахарь страдал неприятным недугом; бывало, порой он не мог сесть, и, что еще хуже, у него бывали кровотечения — с обратной, так сказать, стороны. Попробовав новую микстуру как раз в такой момент, он обнаружил, что она не только не смертельна, но еще и помогает от этого самого кровотечения. Последующие попытки подтвердили ценное наблюдение. Лошадник обладал настоящим сокровищем.

Именно это сокровище хотела Арма от него получить.

Городские ворота были недалеко, но кратчайший путь к ним вел через Малый Рынок, где остановились армектанские полусотни, окруженные радостными толпами. Давно уже на улицах Громба не было столько людей, куда-то спешащих, довольных, возбужденных. Все хотели увидеть лучников. Арма охотно посмотрела бы тоже, но любая задержка могла обернуться трагическими последствиями — и собравшиеся толпы начали ее раздражать. Рынок следовало обойти стороной. Она почти бежала, понятия не имея, как давно началось кровотечение. Любое мгновение было крайне дорого.

Недалеко от городских ворот ее остановили трое детин — явно из тех, у кого не было особых причин радоваться прибытию войска. Ее платье, хотя уже слегка помятое, запачканное и влажное от дождя, привлекало внимание; если бы не большая спешка, Арме даже в голову бы не пришло бегать в чем-то подобном по улицам Громба. И драгоценности! Все на виду, поскольку она не взяла даже плаща…

Ее схватили за пояс и прижали к стене.

— Ах, как я устала! — защебетал детина, увенчанный яйцеобразной глыбой, которую трудно было даже назвать головой. — Ах, как быстро я бегу! Ах, ах!

Ее схватили за руки и под невероятно веселые, с их точки зрения, шуточки затащили в ближайший переулок. В этой части города было уже довольно пусто; те, кто шел посмотреть на солдат, давно добрались до места. Ей удалось заметить одинокого мужчину, быстро оглядывавшегося по сторонам.

В переулке ее снова толкнули к стене.

— Ах, ах! — воскликнул еще раз детина. — Ах, как нам будет хорошо…

Резко дернув, он оторвал от платья тонкой работы брошку с рубином.

— Ах, ах, — со злостью проговорила она, увидев над его плечом приближающуюся помощь.

Она ударила детину коленом в пах, да с такой силой, что тот снова сказал «ах» и выронил брошку. Он оседал на подкашивающихся ногах, когда его товарищи услышали звук шагов. Они обернулись, выпустив руки женщины. Подбегающий был уже рядом, в правой руке он держал короткий меч, а в левой стилет. Один из бандитов выругался, отскакивая в сторону, второй сунул руку под плащ и вытащил нож. Незнакомец с мечом со всей силы замахнулся — и кулак бандита, все еще сжимающий рукоять ножа, повис на тонкой полоске кожи. Прежде чем смолк пронзительный вопль, защитник Армы пнул ногой в голову пытающегося встать шутника. Третий негодяй бежал прочь что было сил. Среди несмолкающего воя извивающегося у стены детины с отрезанной рукой Арма без тени жалости пинала того, кто пытался отобрать у нее брошку. Когда он перестал шевелиться, она нашла щель между руками, которыми он прикрывал голову, и дала еще два ожесточенных пинка, размозжив ухо.

Незнакомец спрятал меч и стилет под плащ и отошел на шаг назад. Арма перешагнула через лежащего без сознания, наклонилась и подняла свою брошку.

— Последний раз я жду так долго, — гневно бросила она, спеша к выходу из переулка. — Я тебе плачу, и ты должен быть на месте, как только мне это потребуется! Мне блевать охота, когда я смотрю на этот город…

Мужчина коротко поклонился, подождал, пока «подопечная» несколько удалится, после чего двинулся за ней следом, как и прежде.

Раненый все еще скулил в переулке.

Оказавшись у городских ворот, Арма позвала одного из солдат. Был уже вечер, и ей нужно было обеспечить себе возможность возвращения в город; с наступлением ночи ворота запирались. Солдат показал ей начальника поста. Арма обменялась с ним несколькими негромкими словами; десятник рассмеялся, хлопнул ее по заду и протянул руку. Брошка с рубином пришлась ему весьма по вкусу. Он махнул рукой. Блондинка отыскала взглядом своего спутника и кивнула ему. Он приблизился к ней, и она тихо проговорила:

— Обними меня… Я сейчас изображаю самую дорогую шлюху в городе.

Они прошли через ворота.

— Я вернусь одна, — сказала она. — Ну ладно. Дашь мне свой стилет. Проберись в город так быстро, как только можешь. И жди перед трибуналом, как обычно. Кто знает, не придется ли мне совершить в эту ночь еще пару прогулок…

Вскоре они оказались перед домом Лошадника. Хозяин был немного пьян, но тотчас же протрезвел, услышав, зачем пришла Арма. Он кричал и плакал до тех пор, пока она не назвала сумму.

Весть о тяжелой болезни первой наместницы судьи разошлась повсюду. Вновь начали строиться предположения и сплетни; никто не знал, чем, собственно, больна дочь императора. Доступ к ней имели немногие. Кроме Норвина и Армы, она видела лишь свою доверенную служанку, дартанскую Жемчужину. Первый день прошел спокойно, но уже на второй день из личных покоев наместницы стали доноситься крики и шум самых обычных скандалов. Вскоре они смолкли. Арма вообще оттуда не выходила. Норвин днем и ночью стоял на страже у входа в покои, вместе с несколькими своими солдатами. Ситуация перестала быть необычной, начиная становиться опасной. Посланника от князя Рамеза отправили восвояси. Прибыл второй — того просто прогнали, ибо он оказался чересчур настойчив. Приходивших по разным делам урядников тоже отсылали прочь. Наконец пришел второй наместник судьи и прямо потребовал свидания с ее высокоблагородием. Норвин объяснял, оправдывался и лгал. В конце концов он просто преградил путь к дверям, опершись о них.

— Ну проходи, ваше высокоблагородие, — сказал он, когда наместник начал повторять свои требования.

Урядник принял его слова за чистую монету и начал возиться с дверями. Норвин не отходил. Он вовсе не был гигантом, тем не менее роста был солидного — и потребовалось бы четверо таких старичков, как второй наместник судьи, чтобы открыть двери, у которых он стоял, скрестив руки на груди.

— Да отойди же, господин! — со злостью воскликнул урядник. — Я не могу войти, пока ты тут стоишь!

— Я как раз и пытаюсь это тебе объяснить, — сказал Норвин. — Пока я здесь стою, ты никуда не войдешь.

На этом разговор закончился.

Что не значило, что проблема решилась.

Попытки проникнуть к Верене становились все более настойчивыми. Урядников или просителей можно было прогнать, слуг отослать, любопытных не пускать. Но в любой момент мог прибыть третий посланник от князя-представителя, в обществе солдат дворцовой гвардии. Мог, что более вероятно, появиться лично сам князь… Никто уже, похоже, не верил в таинственную «болезнь» — и действительно, если бы вход к ее высокоблагородию охранял не Норвин, а кто-либо другой, его давно уже убрали бы силой. Однако привязанность бывшего коменданта легиона к императорской дочери была общеизвестна, и потому все еще пытались верить, что не случилось какого-либо покушения. Однако Верена вскоре должна была появиться. Дочь императора и — с некоторого времени — фактически самая важная особа в Громбеларде не могла в одно мгновение просто так исчезнуть. Независимо от причин.

Норвин послал еще за двумя солдатами. Включая его самого, в передней Верены с этих

пор находились семь вооруженных людей.

Охраняемые двери чуть приоткрылись.

— Ваше благородие… — сказала Арма.

Норвин молча пошел за ней. Они миновали канцелярию и оказались в дневной комнате Верены. Дальше уже была только ее спальня.

Громбелардка остановилась. Она была невысокого роста, и ей пришлось задрать голову, чтобы взглянуть Норвину в лицо. Он увидел, что женщина крайне устала и взволнована.

— Что с ее высочеством? — спросил он.

— Можешь увидеться с ней, господин, — устало сказала Арма, — хотя, думаю, ты предпочел бы подобного зрелища избежать. Она связана, и во рту у нее кляп.

Норвин стиснул зубы, потом открыл рот, желая что-то сказать, но передумал.

— Я знаю, о чем ты думаешь, ваше благородие, — сказала Арма. — Но другого выхода нет. Это продлится несколько дней. Припадки тем сильнее, чем больше этой дряни она принимала, но, вообще говоря, это не должно долго продолжаться. Похоже, она глотала это всего два месяца. Это не страшно.

Норвин молчал.

— Завтра она должна почувствовать себя лучше, — сказала Арма. — Ненадолго… Но, может быть, успеет появиться на людях и отдать пару распоряжений.

— Не знаю, есть ли у нас время до утра, — заметил Норвин. Он коротко рассказал о втором посланнике Рамеза (о первом Арма знала) и настойчивости второго наместника.

— Ну так утешься тем, ваше благородие, — подытожила громбелардка, — что если кто-то войдет туда сейчас, то нам конец. Как только из ее рта вынут кляп, ее высокоблагородие первым делом прикажет изрубить нас в куски. Если хочешь увидеть глаза того, кто тебя по-настоящему ненавидит, можешь войти. Прошу.

— Нет.

— Значит, тебе и дальше придется всех задерживать.

Норвин кивнул.

— Однако, госпожа, как только…

— Даже посреди ночи, — обещала Арма. — Даже если придется разбудить всех, мы приведем их к ней. Чем быстрее ее увидят, тем лучше.

Норвин вернулся на свой пост.

Арма некоторое время размышляла, после чего вошла в спальню. Привязанная к кровати, с кляпом во рту, Верена изгибалась дугой. С протяжным стоном она вытаращила глаза при виде Жемчужины Дома, которая хотела вытереть ей пот со лба, и глухо завыла, увидев громбелардку.

— Я больше не могу на это смотреть, — сказала Арма, обращаясь к дартанке. — Говоришь, завтра наверняка будет лучше?

— Должно быть лучше, — ответила Ленея. — Я послала за каким-нибудь снотворным. Нужно переждать, это единственный выход. Может, пять, может, шесть, может, семь дней… Потом уже с этим можно будет справиться.

— Если она захочет справиться.

— Конечно, — согласилась дартанка.

Верена снова напряглась, после чего начала дико подскакивать на кровати, словно вытащенная из воды рыба. Глаза ее налились кровью.

— Я тебе верю, Ленея, — сказала Арма, отводя взгляд от наместницы. — Я мало что знаю об этой гадости. Слышала столько же, сколько и все. Или немногим больше.

— Иногда и мне так хотелось, — с легкой улыбкой сказала Ленея. — Я мало о чем узнала случайно. Почти всему меня научили. Языкам, пению и математике… Я должна знать обо всем понемногу. Это входит в цену. — Она снова улыбнулась.

— Тебе от этого плохо, Ленея? — спросила Арма. — Я как-то никогда об этом не думала… Каково это — быть Жемчужиной Дома?

Дартанка пожала плечами.

— Глупый вопрос, ваше благородие? — спросила она с явной иронией.

— Наверное, да, — согласилась блондинка.

Она протянула руку и неожиданно заботливо дотронулась до мокрого лба наместницы, но тотчас же отдернула руку, словно стыдясь проявленной слабости.

— Мне кажется… — начала Ленея.

Арма предупреждающе подняла руку. Обе застыли неподвижно, прислушиваясь к неожиданному шуму, доносившемуся со стороны передней.

— Рамез! — чуть побледнев, сказала Арма.

— Князь, — подтвердила дартанка. — Нет, госпожа, — возразила она, видя, что громбелардка направляется к выходу из комнаты. — Разговаривать буду я. Ты не должна попадаться князю на глаза. Сядь где-нибудь в стороне, так, как будто тебя вообще нет.

Сказав это, она поспешно вышла из спальни и тотчас же наткнулась на Норвина и Рамеза.

— Ваше высочество, остановитесь! — решительно потребовала она. — Сперва…

Она закрыла дверь, ведущую в спальню, и об остальных словах Арме пришлось лишь догадываться. Потом до нее стали доноситься обрывки разговора, более или менее искаженные. Как Ленея, так и Норвин или, наконец, сам князь явно ходили по комнате, поэтому она иногда не слышала почти ничего, иногда же — больше и достаточно четко. В какой-то момент все трое начали говорить одновременно, все больше возбуждаясь, пока не послышался гневный возглас дартанки:

— Говорю тебе, что нет!

После чего раздалось нечто вроде удивленного возгласа.

— Ты позволила себе… — Это был голос Рамеза.

— Позволила! Норвин, выйди отсюда! Выйди!!! А ты куда, господин?!

Арма вытаращила глаза и прикрыла рот рукой. Жемчужина Дома явно кричала на князя Рамеза!

Хлопнула дверь. Князь и служанка остались наедине.

Разговор стал тише, и Арма снова не могла разобрать отдельных слов, узнавая лишь голоса. В соседней комнате явно произошла некая странная смена ролей: женщина говорила быстро, решительным, если не вообще приказным тоном. Мужчина отзывался реже, похоже, что-то объясняя и предлагая. В какой-то момент он, видимо, потерял терпение и крикнул:

— Хватит! В самом деле, хватит! Ты не смеешь так со мной говорить…

— Смею! — рявкнула дартанка. — Я говорю от имени своей госпожи, и ты ничего не можешь сделать, князь! Я вещь, которая не тебе принадлежит!

В этих двух фразах содержалось все — и Арма вдруг поняла, сколь глупым, по существу, был ее вопрос: «Каково это — быть Жемчужиной?» Именно так.

— Именно так… — прошептала она.

Арма вспомнила вдруг о связанной, с кляпом во рту Верене и быстро посмотрела на нее. Наместница лежала спокойно. Она тяжело дышала, и видно было, что она все еще страдает. Но — она тоже слушала.

— Ваше высокоблагородие… прошу прощения… — сказала громбелардка.

Она сама не до конца понимала, за что, собственно, просит прощения. Пожалуй, за то, что вынуждена была как-то укрыться. Все было так, как сказала Ленея: князь Рамез не имел над ней никакой власти, ибо она была *только* Жемчужиной Дома. Драгоценностью. Вещью, принадлежащей кому-то другому. Но Арма не была Жемчужиной. Его высочество не должен был узнать, что она слышала сквозь дверь *такой* разговор.

В справедливости подобного решения ее убедил легкий стук в дверь: два… и один… два… и один… Опершись о косяк, служанка словно мимоходом барабанила по двери пальцами, но Арма уже знала эту женщину достаточно хорошо, чтобы понять. «Уходи!» — стучала ей Жемчужина.

Дверь открывалась внутрь. Арма встала так, чтобы дверь заслонила ее от взгляда

входящего. Разговор в комнате рядом подходил к концу. Никто уже не кричал.

Дверь открылась, и первой вошла дартанка, встав так, чтобы дополнительно заслонить Арму. Она догадывалась, где та сейчас! Представитель направился прямо к кровати, а Ленея чуть отодвинулась, пропустив громбелардку, и тотчас же закрыла дверь, даже не взглянув на Арму.

Опершись о стену, Арма облегченно вздохнула.

«Нет, ради Шерни…» — подумала она.

Она направилась к выходу.

«Нет, ради Шерни… И я ее еще спрашивала, хорошо ли быть Жемчужиной Дома…»

Норвин, сидевший в передней на скамеечке стражника, тотчас же вскочил.

— И?.. — спросил он.

Она скривила губы и чуть пожала плечами.

— Если и у императора такая же, это означает, что империей правят служанки, — сказала она.

Он поднял брови, но мгновение спустя понял.

Князь оставался рядом с первой наместницей до момента, когда наступило предсказанное Ленеей кратковременное улучшение. Присутствие Рамеза явно принесло больной облегчение, однако нормальный разговор еще был не вполне возможен. Верена не в силах была сосредоточиться на чем-либо, что не было маленьким, круглым и не имело горько-обжигающего вкуса шехареи. Освобожденная от пут и кляпа, она видела и слышала Рамеза, хотела с ним говорить — но попросту не могла. В какой-то момент она вскочила и попыталась бежать. Князь не ожидал чего-то подобного, но Жемчужина Дома — вполне… Перехватив наместницу у двери, она оказалась исцарапана и искусана до крови, прежде чем князь Рамез преодолел шок от увиденного. Общими усилиями они затащили Верену обратно на кровать. Та выла от отчаяния и ярости. С ужасом и болью князь вынужден был признать правоту Жемчужины Дома: если весь Громбелард, а затем и вся империя не должны были узнать, что сделала с собой дочь императора, — без веревки и кляпа было не обойтись.

Настоящее облегчение пришло ближе к утру. Верена вполне владела собой, и они с Рамезом смогли наконец поговорить.

Жемчужина ждала в комнате рядом. Вскоре ее послали за печатями и письменным прибором. Она писала под диктовку — одни документы на армектанском, другие по-громбелардски, некоторые — на обоих языках.

Потом вызвали Норвина — он должен был немедленно привести его высокоблагородие второго наместника судьи и командира прибывших из Армекта лучников. Зная, сколь мало у него времени, верный офицер бегом помчался исполнять приказ — толкнул несколько человек, кого-то даже сбил с ног, а на лестнице перепрыгивал через три ступеньки; лишь в приемной наместника он замедлил шаг и успокоил дыхание, чтобы войти как ни в чем не бывало.

Вскоре привели еще надсотника Армектанского легиона.

Верена с трудом дотянула до конца разговора — впрочем, она владела собой столь хорошо, что даже Рамез и Ленея не заметили, что происходит. Однако, едва закрылась дверь за уходящими, наместница побледнела так, что, казалось, сейчас лишится чувств. Покрывшись холодным потом, стиснув зубы, она упала на кровать, сунув Рамезу в руки свой кляп.

— Сделай… это… — выдавила она.

У князя дрожали руки, когда он выполнял ее просьбу. Дартанка заметила, что, затыкая рот Верене, он заплакал.

28

Представитель, раз выбрав себе цель, привык непреклонно к ней стремиться. Многое

изменилось — но не это… Рамез не отходил от Верены, но от мысли о воскрешении лежащих в горах Лент ни в коей мере не отказался. Каждый, кто хотел бы обвинить этого человека в мелочности, заблуждался. Наместница судьи трибунала была его противником в борьбе, которую он вел. Однако он не унизился до того, чтобы воспользоваться ее недугом и связанной с этим временной недееспособностью. Даже напротив. Норвин ошибался, считая, что приведенные сюда полсотни лучников встретят какие-либо трудности с размещением, питанием и прочими подобными делами. Распоряжения, которые Жемчужина Дома записывала под диктовку, решали эти вопросы. Представителю даже на мгновение не пришла в голову мысль, что армектанским солдатам пришлось бы ютиться по каким-нибудь частным квартирам и покупать еду на рынке. Он разместил их в казармах гарнизона и приказал выдать соответствующие суммы из своей личной казны. Он также сразу решил несколько других более или менее важных вопросов, с которыми Верена мучилась уже давно, ибо даже не пыталась идти с ними к представителю. Ведь она была искренне убеждена, что встретит отказ. Тем временем Рамез, неуклонно стремясь к своей цели, попросту не мог без всякого смысла затруднять ей жизнь. Нечто подобное было ниже его достоинства. Естественно, он не собирался собственными руками рушить свои же планы — но весть о том, что наместница за собственные деньги организовала себе личную охрану, как будто не могла потребовать лучших солдат из его дворцовой гвардии, показалась ему воистину поразительной. Трюк, на который пошли они с Норвином, чтобы добиться его увольнения из войска, представитель счел попросту отвратительным. Настолько, что, хотя это и не было самым важным делом, он немедленно потребовал нового суда и — после снятия с коменданта обвинений — возвращения его на службу. Процедура требовала времени; тем не менее Рамез заранее продиктовал письмо, положительно решающее дело о сокращении контракта Норвина и увольнении его из войска, с правом на пожизненную пенсию и сохранением звания. Кроме того, он официально подтвердил своим авторитетом известие о неопасной, но требующей изоляции болезни наместницы и потребовал, чтобы ей обеспечили необходимый покой. Сделав все это, он не отходил от Верены до того момента, когда ее недомогание начало проходить. Тогда… он вернулся к своим книгам.

Два дня спустя в здание трибунала пришла весть об отсутствии князя в Громбе. И на этот раз это были не слухи.

29

Внешне первая наместница судьи вернулась к своим прежним занятиям. Внешне — ибо апатичное перекладывание документов с одного конца стола на другой не имело вовсе никакого смысла. Она все еще боялась оставаться одна, и Ленея постоянно ее сопровождала. Неизвестно, собственно, зачем, поскольку Верена не испытывала особого желания с кем-либо разговаривать; более того, порой она впадала в глубокую задумчивость и вообще не слышала, что ей говорили.

Именно такое состояние безнадежно глубокой задумчивости было нарушено внезапным появлением Армы.

Громбелардка, когда-то уверенная в себе, решительная и не слишком обращавшая внимание на разницу между ее положением и положением императорской дочери, с некоторого времени странно притихла, словно чувствуя, что *сейчас* ее поведение должно измениться. Она могла надменно вести себя с энергичной, держащейся с высоко поднятой головой наместницей, но не со все еще больной, многим ей обязанной женщиной. Тем более странным было ее поведение, когда, распахнув дверь, она быстро прошла несколько шагов и сказала:

— Он сбежал! Князь Рамез сбежал, его нет в Громбе. Ну?!

В этом коротком возгласе слышался некий необоснованный упрек, злость и требование объясниться. Наместница подняла голову и долго смотрела Арме прямо в глаза.

— Что значит — «ну»? — спросила она.

— Ты об этом знала, ваше высокоблагородие! Что он собирается покинуть Громб! — Блондинка не собиралась отступать.

— Если еще раз, — негромко проговорила наместница, — ты отзовешься о его высочестве в столь неуважительном тоне, я прикажу тебя высечь. Поняла?

Наступило короткое молчание.

— Поняла? — повторила Верена.

— Поняла… ваше высокоблагородие.

Наместница кивнула.

— Теперь говори.

— Сегодня утром, — начала Арма, с усилием проглотив выговор, — его высочество князь-представитель в очередной раз принял у себя горбатого старика, на которого ваше высокоблагородие велели обращать особое внимание. Они о чем-то разговаривали, не слишком долго. Горбун вскоре ушел. За ним продолжают следить, и мы будем знать, что он станет делать, так как ваше высокоблагородие того желали. Но сразу же после его ухода князь Рамез отправился в комендатуру гарнизона. Ему привели навьюченного коня, он взял проводника и уехал, не сказав куда. Я знаю, что он уже покинул город. Ваше высокоблагородие… — Громбелардка с трудом пыталась сдержать возвращающийся гнев. — Ваше высокоблагородие… ты знала, что князь намеревается… Да? Именно поэтому ты приказала стеречь городские ворота?

Верена спокойно выдержала ее взгляд.

— Это правда. Да, я знала.

— Тогда… почему?..

— Потому. — Спокойствие наместницы было воистину каменным. — Я не стану перед тобой отчитываться. И ни перед кем другим.

Арма сделала полшага вперед, потом снова отступила, словно выбирая удобную позицию для нападения.

— Ваше высокоблагородие, — зловеще прошептала она, — мы заключили договор.

— Какой договор?

— Я помогаю вашему высокоблагородию небескорыстно. Я сказала, что мне все равно, чем ты руководствуешься, госпожа, если это способствует наведению порядка в этом крае. Похоже…

— Откуда ты знаешь, что отъезд князя тому не способствует?

— Ваше высокоблагородие!

Верена пожала плечами.

— Ну хорошо, я нарушила договор. И что теперь?

— Теперь… — сказала громбелардка. — Теперь…

Она снова отступила на шаг и посмотрела на молчащую Жемчужину Дома.

— Теперь… — проговорила она в третий раз, — прикажи меня схватить, ваше высокоблагородие. Незамедлительно. Сделай это, ваше высокоблагородие, иначе в противном случае я покажу тебе, на что я действительно способна.

— Э, ни на что ты не способна, — пренебрежительно заявила наместница, апатия которой исчезла куда-то без следа. — Ни на что ты не способна, — повторила она. — Твои наемные убийцы надели намордники на предводителей бунта, который вот-вот должен был вспыхнуть. Да, я знаю парочку твоих секретов. Удивлена? Но, ваше благородие, играя со змеей, полезно надеть рукавицы! — язвительно заметила она. — Хочешь мне угрожать беспорядками? Что за глупость… Война на улицах Громба? Да пожалуйста!

Арма молчала.

— Посмотрим, — наконец прошептала она.

— Никаких беспорядков не будет. С тех пор как Армектанский легион патрулирует улицы, а продовольствие дотируется из моей личной казны, общий настрой значительно улучшился, — коротко сказала Верена. — Но… если бы он вдруг стал хуже? Если бы

прекратились дотации и если бы, например, лучники ушли из города? И если бы распространились слухи, что они ушли насовсем? Что? Как ты думаешь?

Арма не сумела совладать с собственным лицом.

— Я… не понимаю. К чему ты клонишь, госпожа? Что ты мне хочешь сказать?

Наместница прикусила губу.

— Извини, — неожиданно сказала она. — Извини за начало этого разговора. Я преднамеренно спровоцировала тебя на угрозы, поскольку не была уверена, действительно ли ты держишь в своих руках подстрекателей бунта. Но ведь держишь? Говори смело, я и так уже знаю…

Громбелардка неуверенно кивнула.

— Ну так теперь я хочу услышать: если бы Армектанский легион покинул Громб, могли бы начаться беспорядки? Отвечай.

Арма поколебалась.

— Да…

Наместница покачала головой.

— И возможно, я тебя об этом попрошу. Нет, ни о чем не спрашивай! — Она подняла руку. — Не сейчас. Я жду одного визита. Думаю, сегодня, самое позднее — завтра. Можешь подождать?

Арма испытующе смотрела на нее.

— Иными словами… ты спрашиваешь, ваше высокоблагородие, готова ли я тебе слепо довериться?

Верена поморщилась.

— Что за наглость, — пробормотала она. — Нет, не спрашиваю. Из вежливости я придала своему распоряжению именно такую, а не другую форму. Но я не спрашиваю, ибо во всем Шерере есть, может быть, пять или шесть человек, которые могут согласиться или не согласиться с тем, что я решу. Так что я ни о чем не спрашиваю. Я приказываю и требую.

Блондинка долго молчала.

— Хорошо, ваше высокоблагородие.

Верена кивнула.

— Ну и прекрасно. Теперь вооружись терпением. Я пытаюсь быть терпеливой уже несколько дней. Попробуй и ты… Ага! Если тот горбун, за которым ты следишь, попытается покинуть город, не дай ему этого сделать.

— Да, госпожа.

Арма вышла, ничего не понимая.

Старый музыкант пришел лишь на следующий день вечером. Верена вызвала Арму и Норвина, провела с ними короткую беседу, после чего отослала обоих и распорядилась впустить гостя. Она еще раз поспешно окинула комнату взглядом, словно проверяя, все ли сделано так, как нужно.

— Ленея, выйди, — сказала она, показывая, однако, не на дверь в переднюю, а на ту, за которой были ее личные комнаты. — Ты знаешь, как себя вести. Я хочу, чтобы ты слышала каждое слово. Я не доверяю этому человеку, и если… — Она не договорила.

— Да, госпожа, — спокойно ответила дартанка, показывая снятое со стены легкое копье; мало кто знал, сколь опасно может быть в руках женщины подобное оружие.

— Хорошо. Иди.

Вскоре привратник ввел требовавшего аудиенции старика и, поклонившись, вышел.

Наместница молча разглядывала скромную коричневую мантию, покрывавшую тело калеки. Одежда, хотя и бедная, была чистой, а лицо и руки музыканта явно не были лицом и руками нищего. Гость, зная правила хорошего тона, стоял молча, ожидая, пока принимающая его особа позволит ему говорить.

— Я ждала тебя, господин, — сказала она.

Отверженный слегка удивился.

— Приветствую, ваше высочество, — сказал он. — Значит, меня ждали?

Попытка получить ответ, не пользуясь словами, натолкнулась на решительное сопротивление — и страж законов тотчас же понял, что наместница знает о его способности проникать в чужие мысли. Более того, она знала, что эта способность ничем ему сейчас не поможет.

— Его высочество князь-представитель предупредил меня, господин, о твоем приходе, — сказала она. — Теперь объясни подробно, кто ты.

Чувства не удалось защитить так, как мысли. Лицо женщины, спокойное и почти неподвижное, было загадкой — но, несмотря на это, горбун без труда видел недоверие и враждебность, граничившие почти с ненавистью. Впрочем, он ожидал таких или подобных чувств, и намного больше обеспокоило его отчетливо излучаемое женщиной удовлетворение.

— Мы одни, ваше высочество?

— Рядом моя служанка. Вскоре здесь будут солдаты. Может быть, они уже ждут за дверью.

— Вижу, ваше высочество, что ты не питаешь ко мне дружеских чувств, — мрачно заметил старик. — Воистину, очень жаль. Князь Рамез, госпожа, участвует в великом деле, хотя, правда, несколько иначе, чем сам себе это представляет. Напрасно ваше высочество пытается помешать неизбежному.

— Ты пришел, господин, чтобы попытаться меня убедить?

— И да, и нет… Честно говоря, я не верю, что это возможно.

— И правильно делаешь. Я не отступлю, господин.

Ее решительность и уверенность в себе были таковы, что страж законов совершенно машинально вновь попытался исследовать источник этих чувств и снова встретил осознанное сопротивление. Она постоянно помнила о том, чтобы не допускать никого к собственным мыслям. Подобное требовало немалого умения… даже удивительно, сколь легко ей это удавалось.

— Ваше высочество, — сказал он, — то, отступишь ты или нет, в данный момент совершенно безразлично. Ты абсолютно необходима для успеха великого дела, которое вершилось до сих пор без твоего участия. Можешь участвовать в нем добровольно или же нет.

— Это угроза?

Старик нахмурился.

— Угроза? Нет, госпожа, — обеспокоенно сказал он. — Как я понимаю, князь Рамез рассказал тебе обо мне. Может, это и хорошо. Я желаю оправдаться перед тобой, госпожа. Независимо от того, что ты думаешь, я не есть воплощение ни зла, ни добра, а мои поступки тоже не являются ни добрыми, ни дурными. Я делаю лишь то, что должен делать. Мне не дано никакого выбора, вернее, дан такой, что выбирать я могу среди многих ведущих к цели путей. Однако же, если из этих путей останется мне лишь один, я должен на него вступить, и не в моих силах тому помешать. Моя свободная воля так далеко не простирается. Так что попробуй поставить себя на мое место, госпожа. Мое существование подобно дыханию. Я с радостью дышал бы всегда свежим горным воздухом и, пока могу выбирать, выбираю именно такой. Но если горного воздуха меня лишат, а его заменит другой, спертый и вонючий, перестану ли я дышать? Можешь ли ты не дышать, госпожа? Пойми же, прошу тебя, из чего следуют мои поступки, независимо от того, сочтешь ли ты их достойными или никчемными. Я должен стремиться к цели, каковой является защита законов всего, и я с радостью достиг бы этой цели благородными средствами. Но если это невозможно?

Верена слушала его внимательно, что отнюдь не означало — с пониманием.

— Может быть, я говорю слишком запутанно, ваше благородие? — спросил старик. — Скажи, прошу тебя. Не знаю, сколь многое сказал тебе князь Рамез. Я объясню все, о чем ты захочешь спросить. Я посвящу тебе столько времени, сколько потребуется. Я сделаю то, что должен сделать, но все еще есть шанс, что мне не придется вступить на последний,

наихудший из возможных путей. Это, ваше высочество, зависит только от тебя.

— Каким образом?

— Поддержи меня, госпожа. Твоя помощь будет просто неоценима. Я солгал твоему мужу, заявив, что это не так. Но только чистокровная армектанка, басе-крегири, отмеченная символом Серебряной Ленты, принадлежащая к двум мирам, может воскресить силы Алера. Сделай это добровольно, ваше высочество. Пожалуйста.

Спокойствие и уверенность в себе наместницы начали уступать место сомнениям, наконец — обычному страху. Она не ожидала того, что сказал старик.

— Рамез… — начала она. — Он… не говорил мне об этом!

— Потому что не знал. Я солгал князю, — повторил Отверженный. — Он требовал заверений в том, что твое участие, госпожа, совершенно не нужно. Таким образом, он, по сути, направил меня на путь, который я вовсе не хотел выбирать. Имея возможность лишь лгать — я лгал.

— Почему именно я? — спросила она, вставая и выходя из-за стола. — Почему?

— Иногда судьбы мира зависят от мелочей… Что я могу сказать, госпожа? Во всем Громбеларде ты единственная армектанка, не подчиняющаяся силе Лент, ибо ты зачата там, где граничат Шернь и Алер. Пространство никому не принадлежащего неба, простирающееся между двумя силами, иногда насыщено мощью Полос, а иногда — мощью Лент. Знак, который ты носишь на виске, указывает на то, что…

— Я знаю, — прервала она его. — Однажды я уже оказалась во власти безумца, который желал того же, что и ты. Я не спрашиваю, чего именно символ я ношу, поскольку знаю. Я спрашиваю, не носит ли его кто-то еще.

— Носит, наверняка, — ответил старик. — Но, ваше высочество, мир велик, а страж законов — только один… Законы исполнялись на Просторах, и я должен был при этом присутствовать. Необходимость воскрешения Серебряной Ленты возникла лишь недавно. К сожалению, я не всеведущ, и, более того, я не в силах подготовиться ко всем возможным событиям. Женщин, носящих знак Серебряной Ленты, во всем Армекте, возможно, всего полтора десятка. Может быть, всего несколько? Это должна быть армектанка, в достаточной степени молодая и сильная, чтобы выдержать путешествие в Тяжелые горы, к тому же — достаточно разумная! Необходимо, чтобы носительница символа Серебряной Ленты могла осознать то, что от нее требуется. Скажи, госпожа, как найти другую женщину, обладающую этими качествами, и я тотчас же оставлю тебя в покое. Хотя бы ради разума, сердца и заслуг твоего мужа. Я крайне уважаю князя, и мне очень неприятно причинять тебе хоть какой-то вред.

Она снова была спокойна. Первый страх прошел.

— Думаю, господин, ты лжешь, — сказала она. — Сомневаюсь, что ты страдаешь из-за чего бы то ни было. Чтобы ощутить боль, о которой ты говоришь, нужно иметь хоть какую-то совесть, то есть то, что совершенно не нужно рабу, стоящему на страже дурацких правил… Впрочем, это неважно. Не знаю, на чем ты основываешь свои надежды, но они призрачны. Я ничем не могу помочь тебе, господин. Даже напротив — я тебе помешаю.

Старик прикрыл глаза.

— Жаль, — прошептал он. — Но… в самом ли деле?..

— В самом деле, — отрезала она.

— Жаль, — повторил страж законов. — Ваше высочество, ты любишь князя. Да, я наверняка это знаю. В таком случае, ваше высочество, тебе следует знать, что князь Рамез отправился в горы, хотя его присутствие там совершенно излишне. Он не сыграет и не может сыграть никакой роли, хотя сам считает иначе. Правда такова, госпожа, что князь Рамез умрет, если ты не сделаешь того, чего я от тебя требую. Вот на чем я основываю свои надежды, собственно, уверенность в том, что я получу твою помощь.

Верена побледнела.

— Теперь понимаю, — прошептала она.

Она повернулась и медленно подошла к окну.

Отверженный не в силах был радоваться полученной такой ценой победе. Жертва, которую нес Хенегель Гет, жертва целого народа, последним и единственным представителем которого он являлся, была чем-то великим и возвышенным — и потому пребывающий на своем посту в горном селении безногий герой мог испытывать гордость, устраняя громоздящиеся на его пути препятствия. Но Отверженный делал лишь то, что вынужден был делать, — и никакое добровольное мученичество того не оправдывало. Как он и сказал сломленной шантажом женщине, среди ведущих к цели путей он охотнее всего выбирал те, которые не были дорогами чужих страданий. У него была совесть, хотя она в это не верила. Но сейчас у него не оставалось выбора. И он сделал то, что должен был сделать. Без всякой радости.

Задумавшись, он не сразу понял, что отчаяние, боль и страх наместницы превращаются в нечто иное. Когда он заметил перемену, Верена снова полна была решимости, спокойствия и глубокой веры в собственные силы.

— И все-таки ты просчитался, господин, — заявила она, все еще стоя у окна. — Это все, что ты хотел мне сказать?

Какое-то время она, казалось, ждала ответа.

— Ну ладно. Теперь выслушай меня внимательно, — обратилась она к нему.

Однако еще несколько мгновений она молчала. Подойдя к столу, она задумчиво скребла пальцами угол какого-то документа.

— Князь Рамез — всего лишь мужчина, — наконец сказала она. — Что означает, что он бывает самоуверен, легковерен и наивен. Несчастная, слабая и страдающая, я добилась всего того, чего не могла добиться с помощью решительности и силы. Я добыла необходимые мне сведения, а насколько они обширны, в этом ты сейчас убедишься. Я добыла их, прося у мужа прощения, клянясь любовью, верностью и поддержкой любых его планов. Я обещала, что никогда больше его не покину. Я призналась в собственной слабости и в том, что без него не справлюсь. Он не говорил тебе, господин, обо всем этом?

— Я считал, что это неправда, — ответил старик. — Я был убежден и до сих пор считаю, что ты вела свою игру, ваше высочество. Впрочем, я считал, что ради своей любви к князю ты и так сделаешь то, чего я потребую. Я лишь опасался, что ты попытаешься помешать князю покинуть Громб, и потому попросил, чтобы он сделал это раньше, чем намеревался вначале. Я также настаивал на том, чтобы он не прощался с тобой.

— Ну и хитер же ты, господин! — язвительно заметила Верена. — Даже слов не нахожу… В самом деле!

Она покачала головой.

— Позволь мне сказать, госпожа, — слегка сердито сказал он, — что то, как ты поступила со своим супругом, — попросту низко и подло. Да, подло. Этот человек любит тебя, госпожа, и пытаться воспользоваться его слабостью…

— Но ведь я тоже его люблю! — перебила она. — Ну да, я солгала, — почти спокойно согласилась она, разрывая документ, который держала в руках. — Но я лгала и обманывала только потому, что люблю его.

Половинки разорванной страницы упали на дартанский ковер. Старик смотрел на нее, пытаясь понять запутанную логику столь странной «любви».

— Я все знаю, — сказала Верена. — Я узнала, кто, а вернее, что сидит в Овраге и какими возможностями обладает. Ничего необычного. Или, может быть, вернее, ничего особо опасного. Все стервятники мира, собранные в одном теле. Сто армектанских лучников, прекрасно знающих, чего ожидать, — ровно столько, сколько потребуется. Не так ли, господин?

Неожиданно он почувствовал, что она позволила ему увидеть свои мысли. Она не лгала.

— Ваше высочество, ты хочешь туда послать…

— Уже послала. Ведь ты умеешь читать мысли, господин? Так сделай это, разрешаю. Похоже, без разрешения это невозможно? Лучников я уже послала, — повторила она. — Все

ожидают, что следом за первым арметанским отрядом со дня на день в Громб прибудет следующий. Не прибудет. Эти люди вышли из Бадора, но лишь затем, чтобы тотчас же свернуть с тракта. Сейчас они на пути в Овраг. Им приданы хорошие проводники. А князь Рамез никогда туда не доберется, и тем самым этот сидящий в Овраге самый большой в мире стервятник не сможет ему ничем угрожать. Если даже мои посланники не сумеют догнать Рамеза, то его задержат лучники в Овраге. Они будут там намного раньше.

— Присутствия князя в Овраге вовсе не требуется. Я могу сделать так, чтобы его жизни уже сейчас угрожала…

— Э, господин, ты лжешь часто, да довольно скверно! — прервала она его. — Каким чудом за столько веков ты не научился прилично врать? Я не знала, что ты придешь меня шантажировать, кладя на весы жизнь князя. Но я знала, что ты придешь, поскольку он сам сказал мне об этом. Впрочем, если бы ты до завтрашнего дня не пришел, то тебя бы приволокли… Я знала также, что князь отправится в горы, и не слишком полагалась на срок, который он мне назвал. По многим причинам, но прежде всего руководствуясь обычной заботой о его безопасности во время путешествия по горам в одиночку, я велела оставить в предместье нескольких вооруженных людей, которые сейчас тайно идут за ним следом. Это отборные воины… — Она чуть надула губы. — Когда-то у меня была идея создать для себя маленький отряд личной стражи. Благодаря добрым советам в нем остались лишь исключительно преданные солдаты, притом знающие горы так, что лучше просто невозможно. Когда-то они служили у самых известных громбелардских разбойников. Забавно? Скажи, старик?

Она с явным удовольствием начала сбрасывать со стола на пол разные листки и свитки. Опрокинулась бутылка с чернилами. Темная жидкость забрызгала страницы.

— Насколько же все это несущественно, — почти ласково проговорила наместница. — Вся эта чушь трибунала. Нужно будет поджечь архивы… — Она ненадолго задумалась, нахмурив брови. — Видишь ли, господин, — продолжила она, — это здание будет захвачено, здесь начнется настоящая резня… Раз ты пришел ко мне, а Рамез отправился посмотреть на воскрешение Ленты, это означает, что нужно послать следом за ним те две полусотни лучников, которые есть у меня под рукой. Опять-таки заботясь о его безопасности, ясное дело, но на этот раз уже открыто. А знаешь, господин, что будет, когда эти люди покинут город? Не знаешь, так я тебе скажу: начнутся беспорядки. А знаешь, почему? Потому что мой муж разгневается на меня, если я силой верну его в Громб. И так же как и ты, он станет упрекать меня в том, что я воспользовалась его слабостью, оболгала его и нарушила десяток обещаний сразу. Ну скажи, господин? Ведь он придет в ярость, когда узнает, что все то, что он мне доверил, оказалось обращено против него. Я окажусь в непростой ситуации… разве что, покинутая, несчастная и дрожащая за собственную жизнь, пошлю следом за ним гонцов с известием о начавшихся беспорядках, что позволит ему вернуться в Громб во главе встреченных в горах лучников. Ведь он бросит все, чтобы поспешить мне на помощь. Он вернется и, защитив жену, заодно спасет собственную репутацию, авторитет и пост. Ах да, самое главное: зачинщиком беспорядков и демоном, покушающимся на мою жизнь, обязательно должен быть некий горбатый музыкант. — Она подняла взгляд от забрызганного чернилами стола, и, несмотря на безмятежный тон, которым были произнесены эти слова, Отверженный отчетливо увидел (уже не только почувствовал), что эта женщина ненавидит его всеми силами души, — Ты понял меня, пропахший ложью старикашка? Рамез стерпит мое клятвопреступление… а если я буду выглядеть достаточно несчастной, еще и извинится передо мной и возьмет вину на себя. О, наверняка все будет именно так! Но ни в коем случае он не простит клятвопреступления тому, кто покусится на его собственность. То есть на меня. — Кончиками пальцев она сбросила со стола опрокинутую бутылку. — Ты торжественно заверил его, что у меня даже волос с головы не упадет, а между тем, когда он вернется, я буду запуганной, беззащитной, беспомощной и униженной. Кем? Ну конечно же, горбуном с седой бородой, которого все увидят во главе бунтовщиков. Горб и бороду ведь нетрудно сделать? — риторически

спросила она. — А настоящий горбатый старик… исчезнет. Потом исчезнет и тот.

— Ваше высочество, ты бредишь, — тихо проговорил Отверженный. — Я восхищаюсь твоим изощренным планом, но ты ничего и никого таким образом не спасешь. Если князь когда-нибудь узнает правду…

— План достаточно примитивный, а вовсе не изощренный, — с искренним сожалением сказала Верена. — Хотя на фоне двух интриг, мой господин… Ваше благородие, ты никогда не жил при дворе. Иначе ты узнал бы, что такое изощренные планы. А так… ты, старик, для меня вовсе не противник. Ты мог быть им тогда, когда я блуждала вслепую, не зная, с кем и с чем, собственно, сражаюсь. Ты поймал князя в свои сети, поскольку вопросы, связанные с Шернью, всегда вызывали у него огромный интерес, и ослепил, представив ему картину сражающихся друг с другом сил. Но я не слепа. Возможно, ты знаешь все о Шерни, но воистину очень мало — о мире. Я уже как-то видела одного такого… Ну что ж, господин. Твоя миссия только что завершилась.

— Ты ничего не спасешь, госпожа, — повторил старик. — А когда князь узнает правду…

— Рано или поздно наверняка узнает, — спокойно согласилась она, пытаясь стереть с запястья чернильное пятнышко. — Я скажу, что ни о чем не знала. Что я стала безвольным орудием, что меня опутали интригами. Может быть, даже найду виноватых.

— Князь не поверит.

— О, так ты знаешь князя лучше меня? Кому не поверит? Женщине, которую любит? И когда уже исчезнут причины, из-за которых возник спор между нами? — Она коротко рассмеялась. — Поверит, ведь я дам ему честное слово. Сто первое… а может быть, сто одиннадцатое. Все, хватит.

Она хлопнула в ладоши. В комнате тотчас же появилась Ленея.

— Позови Норвина.

Горбун огляделся по сторонам, словно ища пути к бегству. Но он был лишь калекой, единственным оружием которого были его знания и слова. Норвин и четверо наемников Верены ворвались в комнату и схватили его за руки. Наместница смотрела, не скрывая удовлетворения. Подойдя ближе, она прошептала ему на ухо:

— Я знаю, о чем ты думаешь… Но здание трибунала будет захвачено, разрушено и сожжено, а я прослежу, чтобы его никогда больше не отстроили. А знаешь, где будешь ты, господин? Под развалинами, лучшим образом замурованный в одной из подвальных стен. Здесь есть превосходные подземелья, в которых держат таких, как ты. Ниша и цепи уже ждут… Я приготовила для тебя нечто по-настоящему особенное… достойное бессмертия.

Она шептала совершенно беззвучно, едва шевеля губами. Но он видел ее мысли… и видел бесконечность, которую она ему обещала.

ЭПИЛОГ

Наступила ночь. Последняя, приход которой дано было ему увидеть.

На дне угрюмой черной расселины под бесконечный вой ветра умирал беспомощный калека, называвший себя Последним и Единственным. В одном теле, в одном разуме и душе когда-то были сосредоточены все сущности, символизировавшие величайшую Полосу Шерни. Познание этих сущностей давало огромную силу — но под конец сила эта превратилась в чистую насмешку. Хенегель Гет мог совершить лишь то, на что способна была Полоса, которую он воплощал и символизировал. Так что он мог — иногда — видеть то, что происходило многими милями дальше. Он мог ранить, а иногда убивать одним прикосновением — или исцелять одним взглядом. Произнеся несколько простых слов, он мог лишить кого-нибудь памяти.

Но он не мог ходить. Тело, в котором заключалось столь великое могущество, было искалечено. Он не мог обрести власти над собственными ногами — которые отсутствовали.

Последний и единственный из живущих на свете стервятников, носитель сущности Шерни, облеченный в человеческое тело, мог, защищая Ленты Алера, разбить в прах целые армии, если бы таковые появились в Овраге. Но армии не появились, он же не мог ни заставить их появиться, ни отправиться им навстречу.

Ибо он был лишь калекой. Безногим человеком, плененным среди горных вершин и утесов. Он мог ползать на руках и обрубках ног, но был совершенно не в состоянии преодолеть малейшую впадину или стену.

Горное селение, намеренно расположенное в диком, недоступном месте, называлось Оврагом, но иногда также Безвозвратом…

Хенегель Гет уже знал, сколько фальши и насмешки кроется в этом названии.

С ним случилось то же, что и с горбатым стражем законов всего: его замуровали живьем. Иначе, и вместе с тем — точно так же. Отряды армектанских лучников пришли вовсе не затем, чтобы с ним сражаться. Солдаты заняли все, даже самые головоломные, ведущие в Овраг дороги и терпеливо ждали. Ничего больше. Они даже не знали, что именно стерегут. Они лишь следили, чтобы никто не мог проникнуть в селение. Ни один человек, ни один отряд. Никто.

Прошло три месяца. Странное создание, рожденное и существовавшее лишь затем, чтобы отдать жизнь во имя будущего мира, подыхало с голоду, словно пес.

Сущности Шерни были бессмертны. В отличие от тела, в котором они были заперты.

Хенегель Гет понимал многое, и с каждым уходящим днем все больше. Заключенная в нем сила Полосы позволяла иногда услышать мысли и разговоры солдат, далеко отсюда стерегущих горные тропы и перевалы. Иногда он видел мир их глазами. Иногда слышал то, что слышали они. Сложенная из маленьких кусочков картина была уже почти полной. Хенегель понял, что Отверженный не придет. Он понял также, что князь-представитель императора не отзовет лучников в Громб, вместо этого они получили подкрепление. Под конец несчастному калеке начало казаться, что он понимает, почему случилось все то, что случилось.

Исчерпав запасы еды, он голодал. Когда-то он сумел навязать свою волю предводителям многих разбойничьих отрядов. Иногда они приходили в селение и приносили провиант. Но война с многочисленным армектанским войском, патрулировавшим окрестности Оврага, была не по силам горным бандитам.

От истощения и голода у него начались бредовые видения. Калека боролся с потерей сил и разума. Он пытался продержаться любой ценой, питаясь отвратительными остатками вонючего трупа, который лежал в пещере. Но человеческое тело, в котором он был заключен, отвергло пищу, которая спасла бы стервятника. Последняя безмерная насмешка.

Иногда он плакал, тоскуя по полету.

Когда-то он летал…

В последние минуты жизни Хенегель Гет понял, что такое слабость. Он уже знал, что не исполнит своей миссии. Он понимал, что умирает. И из мученика-героя он снова стал обычным, с обычными горестями и радостями, существом. Последним его величайшим желанием было лишь на мгновение, на одно краткое мгновение… взмыть в затянутое тучами громбелардское небо. Хенегель знал то, о чем давно забыли живущие здесь, внизу: он знал, что над тучами — солнце… И он так хотел увидеть его еще раз.

Наступила ночь. Последняя ночь умирающего спасителя мира.

Уходя, Хенегель Гет понял, что не совершил в жизни ничего. Ничего такого, за что стоило бы умирать. Независимо от того, во что он верил и к чему стремился, — он не совершил в своей жизни ничего хорошего или хотя бы просто разумного. Великие цели оправдывают средства, но лишь тогда, когда эти цели достигнуты. Всю свою жизнь Хенегель Гет творил зло — правда, во имя добра… но добра, которого не достиг.

Умирая, он горячо желал совершить что-то хорошее. Найти какую-то цель, пусть даже малую и несущественную, но такую, какой он мог бы достичь… Перед его мысленным взором возникла та, кого он ненавидел. Та, кого он убил не только по необходимости, но и

ради удовольствия. И в последнее мгновение своей жизни он вдруг пожелал понять ее и простить.

Простить.

Он подумал, что, если достигнет хотя бы только этого, он сможет уйти с уверенностью, что совершил в жизни… нечто. Он вызвал в памяти лицо Охотницы — и хотел, в самом деле хотел простить. Простить ту, чей меч отнял у него ноги; ту, которая всю свою жизнь убивала его братьев, даже не пытаясь понять, за что, собственно, убивает… и кого. Он лихорадочно искал для нее прощения…

Но не нашел. И ушел с пустыми руками.

Ее королевскому высочеству Н. Р. М. Верене, княгине-представительнице императора в Громбе

Ваше высочество!

Прежде всего хотел бы сказать о том, сколь великую радость доставило мне твое письмо, госпожа, ибо из него я узнал, что ты не можешь пожаловаться на свое здоровье, что во время разгорающейся второй дартанской войны, когда все хотят воевать со всеми, необычайно важно. Тем более я сожалею о том, что, видимо, не сумею исполнить твою просьбу, хотя постараюсь приложить к этому все усилия. Ваше высочество, хотя самолюбию старика льстит оказанное тобой доверие, я вынужден сказать, что от меня слишком многого ожидают. Ибо чего же требует от исследователя законов всего ее высочество Н. Р. М. Верена? Просто невозможного, а именно: исследователь этот должен заняться сущностью басен и легенд, записанных кем-то, кто, в свою очередь, черпал знания неизвестно из каких источников и неизвестно от каких свидетелей… Каким же образом мне выразить свое мнение? События, участником которых был я сам, я знаю хорошо, но относительно других, госпожа, ты, в свою очередь, можешь составить свое суждение, и никто не сделает этого лучше. Однако в присланных мне томах (монументальный труд, я не скрываю своего восхищения!) таких событий описано немного. Придется нам, ваше высочество, признаться себе в том, что как и ты сама, дочь императора и его представительница во Второй провинции, так и я, один из многих посланников Шерни, являемся лишь маленькими фрагментами величайшей громбелардской легенды, память о которой сохранится еще долго после того, как никого из нас уже не будет на свете.

История наверняка запомнит твое имя, госпожа, в Книге же всего останется мое — но об одинокой армектанской лучнице, которую Тяжелые горы признали своей частью, память останется на века. Слова о ней поколения жителей гор будут передавать из уст в уста, каждый же, кто отправится в массив Медевен, увидит Лучницу, самую прекрасную и самую необычную из всех вершин Шерера. Я был там, ваше высочество, и могу лишь сказать, что из всех непостижимых вещей, что я видел за свою долгую жизнь, эта, видимо, самая необычная. Ибо никоим образом невозможно объяснить, вследствие чего от одной из семи вершин Короны так долго отваливались в разных местах каменные глыбы и сходили лавины, так долго возникали трещины, что в конце концов возникла каменная фигура сидящей женщины с луком на коленях.

А теперь, ваше высочество, я готов представить собственное мнение, хотя еще раз скажу, что не следует безоговорочно верить моим суждениям, ибо на слишком хрупких предположениях они основаны.

Ваше высочество, я никоим образом не в состоянии изложить здесь законы, правящие Шернью и Шерером; впрочем, это попросту невозможно — ибо, даже если бы я исписал тысячу страниц, я не смогу передать того, что чувствую и что никогда не удастся облечь в слова. Ведълах'агар — что дословно означает «найденная часть» — это именно посланник, принятый Полосами, госпожа, составляющий их часть — символически, но в некотором смысле также и буквально. Чтобы рассказать тебе, что я такое, я должен был бы описать саму

Шернь или хотя бы только ее часть, а сделать это можно лишь на одном языке — языке математики. Точно так же происходит, когда нужно описать законы, правящие Шернью, или многочисленные из этих законов исключения. Постараюсь сказать как можно более доступно: собственно, неизвестно, что в точности произошло, когда Полосы нарушили равновесие мира, чтобы передать юной арместанке глаза старого солдата, хотя существует общая формула, описывающая подобные феномены (флуктуации Полос). Событие это, вне всякого сомнения, имело место в действительности, но даже если бы я получил все необходимые исходные данные, преобразовал их с помощью математиков Шерни и подставил в соответствующую формулу, то вывод имел бы ценность математического доказательства, то есть был бы ценен для исследователя Полос — и, увы, ни для чего другого. Боюсь, что подобными рассуждениями я утомлю ваше высочество, так что прошу простить мне все дальнейшие обобщения.

Наибольшие сомнения, госпожа, вызывает у меня история, которую твой летописец снабдил заголовком «Черные мечи». Сопоставим прежде всего факты. Итак, Охотница, или, скорее, ее благородие А. И. Каренира, позднее же А. Б. Д. Каренира, ибо она взяла инициалы рода мужа, стала женой человека из рыцарского Дома, об этом нам точно известно. Встретила она его в Тяжелых горах, где этот необычный и, видимо, искренне любивший ее мужчина (совсем еще ныне не старый и, насколько мне известно, вполне здоровый) по каким-то причинам оказался. Вот, собственно, и все, госпожа, что нам точно известно, и я скажу даже больше: вся остальная часть этой истории в моих глазах — громбелардско-дартанская легенда, полная вымысла и недоговорок. Прежде всего должен отметить — ваше высочество знает об этом, впрочем, лучше меня, — что история похищения прекрасной сестры Байлея, ее благородия А. Б. Д. Лейны, высосана из пальца. Совершенно невозможно, чтобы женщина из такого рода вдруг просто так исчезла, увезенная кем-то куда-то. Это один из самых известных Домов Роллайны… и, прошу простить, но я снова ловлю себя на мысли, что ты, княгиня, знаешь об этом в сто раз лучше меня. Когда-то это была очень громкая история в Роллайне, настолько громкая, что о ней услышал даже зарывшийся в свои книги лох'агар, покинувший ненадолго свою келью… Тогда рассказывали самые разные вещи, и из всех слухов больше всего похожим на правду — ибо я немного знаю Дартан — кажется мне то, что ее благородие Лейна сплела некую интригу вместе со своим любовником, как я слышал, и в самом деле высокопоставленным офицером гвардии, и, видимо, на самом деле куда-то с ним сбежала… Прости меня, ваше высочество, но рассуждения подобного рода никогда меня особо не увлекали, так что ничего не могу больше сказать, поскольку ничего больше не помню. Но мне еще кажется (клясться не стану), что исчезновение Лейны не получило объяснения и по сегодняшний день. Далее: в свете того, что я уже сказал, поведение имперских гвардейцев меня не удивляет — ни к чему укоризненно качать головой, ибо это была, похоже, какая-то разбойничья банда. Тебе, госпожа, не меньше меня известно, что за десятую часть подобных поступков все эти солдаты были бы изгнаны из легиона, а некоторые угодили бы прямо на виселицу. Теперь, может быть, пора наконец сказать о том, чего ты, княгиня, можешь не знать, а именно, о Дорлане-посланнике и его разговоре с Брулем. Оба мудреца Шерни, несомненно, вели определенный спор между собой, но как их встречу, так и саму суть спора твой летописец описал искренне и приложив все усилия… хотя я понять не могу, на чем он, собственно, основывался. Обоих великих посланников нет в живых, свидетелем же их последнего разговора был, в лучшем случае, старый замок шергардов, что действительно может соответствовать истине — из письма вашего высочества я понял, что летописец добрался до его благородия Байлея. Тому же, даже если он о многом умолчал, а может быть, даже по каким-то причинам лгал, вовсе незачем было выдумывать о руинах шергардов (достаточно многочисленных в Ромого-Коор). Однако меня несколько удивляет, что Бруль уже тогда думал о слиянии Лент Алера с Полосами Шерни, — не кажется ли тебе, ваше высочество, что летописец мысленно воссоздал эту историю, опираясь на более поздние события? А знал он о них из самого достоверного из всех возможных

источников — от главной героини этих событий, ее высочества Верены… Впрочем, должен признать, что все мотивы Бруля, представленные так, как представил их твой летописец (а я включаю сюда и свои собственные, слишком поспешные суждения), кажутся мне сегодня несколько надуманными, несомненное же безумие великого посланника ничего тут не объясняет.

В завершение, ваше высочество, скажу еще о других историях, записанных в этих двух больших томах. Вне всякого сомнения, там немало событий, которые происходили главным образом в воображении твоего летописца, — и все же я готов встать на его защиту. Ибо мне кажется, что, если не считать истории, описанной под заглавием «Черные мечи», и если учесть то, что я говорил о мотивах Бруля, все остальное вполне могло иметь место. В целях изложения (ты ведь требовала, чтобы история жизни Охотницы была изложена по образцу древней армектанской саги) трудолюбивый и знающий свое дело летописец должен был представить себе многие события, но они кажутся достаточно правдоподобными. Так что не стоит спорить из-за слов, которые твоя знаменитая уже при жизни подруга высказала кому-то с глазу на глаз. Не стоит также гадать, удалось ли по страшным находкам в селении Овраг узнать всю правду или же лишь нечто на нее похожее. Независимо от любых сомнений, княгиня, — в том числе самых существенных, которые я вашему высочеству представил, — мы имеем дело с бессмертной громбелардской легендой, величайшей из всех, о которых слышали Тяжелые горы. Легендой, которая теперь, благодаря твоим стараниям, живет не только в устных преданиях, но и увековечена в этих двух книгах.

Будь здорова, повелительница мира, и не забывай о старике с кривым лицом, который всегда тебе благодарен и в меру своих сил поспешит на твой зов, когда в нем возникнет нужда.

Готах-лах'агар (посланник)